



№

1848

8-9.

ПАШТЕОНЪ

издаваемый

С. К О Ж И.

=

Санктпетербургъ.

II-9.
12-109.

О П

ПАНТЕОНЪ

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

ФЕДОРОМЪ КОНИ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

1881. 7031

Комитета Ученостию и книгоизданию, 31-го
августа 1881 года.

Издатель В. Ананьев.

ТОМЪ V и VI.

АВГУСТЪ И СЕНТЯБРЬ — КНИЖКА ОСЬМАЯ И ДЕВЯТАЯ

№

1848.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинград. им. Театральная
Б. МОТЕНА
ДУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

ПАТЕНТЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 31-го Декабря, 1848 года.

Ценсоръ *В. Лангеръ.*

Въ типографіи И. Фишона.

Пантеон и репертуар русской сцены / изд. Ф. Кони. – 1848. – Т. 5 и 6; кн. 8 и 9, авг. и сент.

Содержание восьмой и девятой книжек.

I. Драматическая литература.

Прихоть кокетки: комедия в 4-х действиях Д. Бркеннера.

II. Изящная словесность.

Колдовской лев. Забавные похождения очень не забавного героя: рассказ А. Климовича.

III. Галерея русских писателей.

Николай Иванович Хмельницкий.

IV. История искусства.

Художественные изучения.
Рубенс: статья Арсения Гусе.

V. Воспоминания актрисы

Луизы Фюзи.

VI. Стихотворения.

Посвящено Н. Я. К...ой. Н. Беклемишев.
Закат ли пурпуром горит передо мной... Н. Греков.
Шутки: Песнь русской Миньоны. Аполлон Взьерошин.
Утешение. А. Пономарев.

VII. Критика.

Фон Визин: сочинение кн. Петра Вяземского. Статья вторая.

VIII. Юмористика.

Петербургский Ванька: физиологический очерк.

IX. Театральная летопись.

Московские театры.

«Материнское благословение» с г-жой Касицкой.
«Крестная маменька» с воспитанницей Медведевой.
«Натуральная школа» с г. Колосовым.
«Новая шалость, или Театральное сражение» с г-хами Сабуровой 1-й, Берколец и др.
«Жена и карты» с воспитанницей Бороздиной 2-й.
«Булочная, или Петербургский немец» с г. Дмитриевским.
«Гаврило Михайлович Бударажин» с гг. Щепкиным и Садовским 1-м и др.
«Ревизор» с гг. Щепкиным и Садовским 1-м и др.
«Букеты, или Петербургское цветобесие» с г. Садовским.
«Мнимый невидимка» с г. Никифоровым, г-жой Берколец и др.
«Гусарская стоянка» с г-жами Лавровой и Алинской.
Новички в любви» с г-жами Соболевой и Мальшевой и др.
«Барская спесь и анютины глазки» с гг. Садовским, Сабуровым и г-жой Бороздиной 1-й.
«Что имеем – не храним, потерявши – плачем» с гг. Садовским, Башкировым, г-жой Сабуровой 1-й и др. – А. Андреев.

X. Обзорные иностранных театров.

Франция. Париж: комедия Альфреда-де-Мюссе «Подсвечник»; комедия Огюста Вагри «Трагальдабас»; комедия Мери «Испанский клуб женщин».

Балет «Низида, или Азорские амазонки» Мабилля и Делиньи.

Опера «Синьор Паскарелло», муз Потье.

Драма «Графиня Сеннеси» Баяра и Деннери. Драма «Женевские вольнодумцы» Марка

Фурнье. Драма «Чертова корчма» Альбуаза и Бернара Лопеса. Драма «Чертова гора»

Эжена Сю. Драма «Наполеон и Жозефина, или Развод» Дальера. Комедия-водевиль

«Жанна Матье, или бескорыстная любовь» Фурнье. Комедия-водевиль «Первая

прореха» Анисе-Буржуа и Бризбара. Комедия «Ван-Дейк в Лондоне. Водевиль

«Мальчик подвижной гвардии» Кардые и Клервиля. Водевиль «Два ангела хранителя»

Деланда. Шутка-водевиль «Хозяйство Розины! Брунсвика, Левена и Сиродена. О

драматической актрисе Жорж. О певцах Антьом и Бос.

Англия. Лондон. П. Виардо-Гарсиа в партии Валентины в опере «Гугеноты». Опера

«Вильгельм Телль» Россини. Опера «Пуритане» Беллини. Трагедия «Сицилийская

вечерня» Делавина.

XI. Петербургский телеграф.

Итальянская опера и ее состав. – Настоящая Фани Эльслер. – Мнимая Фани Эльслер. –

Семь чудес древнего света и восьмое – нового. – Новости литературные. – От

редакции – очень нужное.

XII. Смесь.

Обед в Бастилии. – Гофман. – Музыка в Китае, в Сенегалии и центральной Африке.

Шатобриан.

XIII. Калейдоскоп.

XIV. Балагур.

Четыре анекдота из жизни Вольтера. – Буффо по неволи.

XV. Репертуар русской сцены. № 8.

Однофамильцы: комедия в 3-х действиях В. Р. Зотова.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ПРИХОТЬ КОКЕТКИ.

КОМЕДИЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. Д. Бруннера.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Графиня Марья Павловна Можайская.

Княгиня Вѣра Александровна Томилова, молодая вдова.

Надежда Николаевна, институтскія подружки княгини Вѣры и племянницы генеральши Сухановой.

Графъ Павелъ Ѳеодоровичъ Кудринъ.

Владиміръ Петровичъ Янохтовъ.

Андрей, слуга въ домъ Сухановыхъ.

Дѣйствіе происходитъ въ подмосковной деревнѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Заговоръ и жребій.

Зала въ домѣ Сухановыхъ.—Въ глубинѣ большія двери настежь, ведущія черезъ небольшую террасу въ садъ; — по обѣимъ сторонамъ окна. Справа и слѣва двери, ведущія во внутреннія покои дома. На первомъ планѣ, слѣва—трюмо, справа—столъ и на немъ все нужное для письма.

I.

ЯНОХТОВЪ, (*прислонясь къ отворенной двери, смотритъ задумчиво въ садъ*). ГРАФИНЯ (*выходитъ изъ дверей справа*).

ГРАФИНЯ, (*увидя Янохтова—всторону*). А, вотъ онъ. (*къ нему*). Какъ! И опять одни, Мг. Янохтовъ?

ЯНОХТОВЪ, (*отходя отъ двери—холодно*). Какъ видите, графиня.

ГРАФИНЯ. Признаюсь, Владиміръ Петровичъ, ваша страсть къ такому настойчивому уединенію для меня непонятна.

ЯНОХТОВЪ. Не мудрено, графиня; я не принадлежу къ разряду моднаго поколѣнія, а потому, если поведеніе мое и кажется вамъ непонятнымъ, то въ этомъ право не моя вина. Я вовсе не имѣю желанія казаться оригиналомъ и разочарованнымъ—увѣрю васъ.

ГРАФИНЯ. Такъ следовательно есть другая, болѣе уважительная причина?

ЯНОХТОВЪ. Быть можетъ.

ГРАФИНЯ (*всторону*). Какой упрямецъ! (*къ нему*). Вы видѣли сегодня генеральшу?

ЯНОХТОВЪ. Я встрѣтился съ ея превосходительствомъ въ саду.

ГРАФИНЯ. И она говорила вамъ о нашей рыбной ловлѣ?

ЯНОХТОВЪ. Да; она пригласила меня быть участникомъ въ этой забавѣ, но.... я отказался.

ГРАФИНЯ (*всторону*). Опять! (*къ нему*). Не новая ли корреспонденція съ Петербургомъ? Право, вы заставите меня наконецъ повѣрить, что уединеніе и недоверчивость—дѣти общей матери. Берегитесь, Владиміръ Петровичъ, отъ одного къ другой — только шагъ; а я знаю, что недоверчивость одна изъ самыхъ страшныхъ болѣзней...

ЯНОХТОВЪ. Вы не ошиблись въ словъ, графиня. Но вы забыли прибавить, что источникъ этой болѣзни—опытность.... Следовательно, одно другаго стоитъ.

ГРАФИНЯ. Ха, ха, ха, ха!... Извините меня, Владиміръ Петровичъ! Опытность.... недоверчивость!... Ха, ха, ха, ха!... (*продолжаетъ смѣяться*). Советую вамъ завести объ этомъ предметъ разговоръ съ баронессою Видзевой, если только бываете у нея въ домъ. Въ гостиной старухи, вы найдете цѣлый легионъ послѣдователей!

ЯНОХТОВЪ (*всторону*). Такъ и хочется высказать ей горькую правду! Но къ чему поведетъ все это — удержусь!... (*къ ней*) Я боюсь наскучить вамъ, графиня... (*кланяется и хочетъ идти*).

ГРАФИНЯ. Какъ! Вы уже идете?

ЯНОХТОВЪ (*насмѣливо*). Бѣгу отъ счастья, которое по видимому по пятамъ преслѣдуетъ меня.

ГРАФИНЯ. О, не беспокойтесь... Я никакъ не хочу мшнать вамъ сочинять элегіи... До свиданія. Меня ждутъ въ гостиной...

ЯНОХТОВЪ (*раскланиваясь*). Графиня.

ГРАФИНЯ (*идетъ на льво*) (*въ сторону*). Насмѣшка! О, если бы мнѣ удалось отплатить ему за это равнодушіе... (*уходитъ въ дверь слева*).

II.

ЯНОХТОВЪ (*одишъ. Смотря всльдъ графини*). Кокетка! (*подходитъ къ азансценъ*). Песносный Кудринъ!... По его милости, я играю самую жалкую роль въ этомъ обществѣ! Онъ убедилъ меня принять приглашеніе Сухановыхъ и провести нѣсколько дней въ ихъ подмосковной. Я согласился, думая отдохнуть, подышать свѣжимъ воздухомъ, побродить на свободѣ по полямъ... Я былъ такъ увѣренъ, что въ деревнѣ нѣтъ скучныхъ условій большого свѣта, нѣтъ сплетней, интригъ... Какъ жестоко я ошибся! Прѣхавъ сюда изъ Москвы, я, по пословицѣ — попалъ изъ огня въ полья! Закружилась голова, заболѣли уши, отнялись ноги!.. И справа и слева все лица да лица, все голоса да голоса.. Графиня Можайская, кажется, занимаетъ здѣсь одну изъ главныхъ ролей... Она такъ неутомимо меня преслѣдуетъ. О, я вижу, сорокалѣтняя красавица вовсе не воображаетъ, что мнѣ такъ хорошо извѣстны пути, которые ведутъ къ ея предположеннымъ цѣлямъ?... Кокетка! Когда на другой день по прѣздѣ моемъ къ Сухановымъ, я встрѣтилъ ее здѣсь — я оставился, какъ вкопанный... я былъ смѣшонъ и жалокъ въ эту минуту. Въ умѣ моемъ оживились самыя тяжкія воспоминанія... Бѣдный Горскій!... (*садится — послѣ минутнаго молчанія*). Да; общество въ которомъ нахожусь я теперь, ведетъ слишкомъ большую игру: я не хочу и не могу въ ней участвовать... Къ тому же, я и не привыкъ къ этой безпрестанной перестрѣлкѣ словъ и взглядовъ, я новичекъ въ этомъ родѣ жизни и не умѣю постигать тайнаго смысла нарядъ большого свѣта... О, какъ досажаю я на самаго себя, что далъ слово генеральшѣ провести здѣсь цѣлую недѣлю... А графъ Кудринъ?... Счастливый характеръ! Онъ успѣваетъ быть здѣсь и тамъ, отвѣчать той и другой, говорить остроты и каламбуры... и всегда доволенъ и веселъ, какъ дитя!... (*минута молчанія*) О! увѣряю васъ графиня Марія, всѣ ваши попытки останутся бесполезны... (*За сценой слышенъ выстрѣлъ. Янохтоевъ быстро встаетъ*). Это что такое?... Ружейный выстрѣлъ! (*постыжно подходитъ къ сред. двери. — За сценой слышенъ ходъ графа Кудрина*). Голосъ Кудрина?... (*Засматриваетъ въ*

садъ). Ба! и толстякъ Сухановъ съ нимъ вмѣстѣ... Оба хохочуть, какъ сумасшедшіе... Что это еще?... цѣлый легионъ дамъ... Однѣ окружаютъ генерала, другія Кудрина... Ну, бысь объ закладъ — это новая проказа моего Поля!... Кажется онъ идетъ сюда. Да, я не ошибся!

III

ЯНОХТОВЪ И ГРАФЪ КУДРИНЪ.

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*входитъ изъ среднихъ дверей и хохочетъ*). Преуморительная сцена! Держу пари на ящикъ шампанскаго, если она не произведетъ фуроръ въ какой нибудь пьесѣ на сценѣ... Ха, ха, ха, ха!... (*бросается въ кресла*).

ЯНОХТОВЪ (*подходя къ нему*). Скажи, ради Бога, что съ тобой?... Что случилось?...

ГРАФЪ КУДРИНЪ, (*увидѣвъ Янохтова*). Ба, ба!... Это ты, mon chér?... Что со мной, спрашиваеишь ты!... Что случилось?... Ничего, ровно ничего! Ха, ха, ха, ха!...

ЯНОХТОВЪ. Но скажи, пожалуйста, что все это значить?...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Что все это значить? Ничего, ровно ничего!... Ха, ха, ха, ха!...

ЯНОХТОВЪ. Право ты рѣшился взбѣсить меня, Поль!

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Ничуть; но я никакъ не могу удержаться отъ смѣха, и придти въ себя. Представь себѣ, mon chér! Ха, ха, ха, ха!... Сцена преуморительная, до *non plus ultra* уморительная — ну просто водевиль!... Впрочемъ — слушай! Полчаса тому назадъ, я и Сухановъ гуляли въ паркѣ. Зашла рѣчь объ охотѣ. Онъ началъ хвастать своимъ искусствомъ стрѣлять дупелей и бекасовъ, — я тоже съ своей стороны не ходилъ за словомъ въ карманъ, а въ заключеніе прибавилъ, что на разстояніе ста шаговъ попаду на лету въ воробья. Его превосходительство сталъ спорить. Слово за слово, и я рѣшился показать ему на опытъ мое искусство. Принесли ружье, я зарядилъ его, далъ знакъ Суханову, онъ вспугнулъ воробья, сидѣвшаго на одномъ изъ деревьевъ, я — прицѣлился, и когда онъ отлетѣлъ на определенное разстояніе, я спустилъ курокъ — пафъ! и бѣдняжка упалъ къ ногамъ моего антагониста. Ты видишь, mon chér, что до сихъ поръ все шло обыкновеннымъ порядкомъ; но отсюда начало водевиля... Только что раздался выстрѣлъ, нѣ-

сколько оконекъ съ шумомъ отворились, показались испуганныя лица, и вслѣдъ за тѣмъ весь паркъ застрѣлъ платьями нашихъ повелительницъ... Мы въ садъ — онъ за нами... «Дуэль!» кричали однѣ, бросаясь къ намъ на встрѣчу. «Кто раненъ?» повторили другія... «Гдѣ генераль, гдѣ онъ?» «Ради Бога, доктора, поскорѣе доктора!» — И все это бѣгало, бросалось изъ стороны въ сторону — «Съ кѣмъ была дуэль?... кто секунданты?... Ахъ Боже мой, да вы едва стоите на ногахъ, графъ; не ранены ли вы?» — И въ самомъ дѣлѣ, я едва стоялъ на ногахъ — смотря на эту кутерьму, я и Сухановъ, хохотали до упаду. Въ ту же самую минуту, въ одной изъ аллей сада, показалась генеральша, блѣдная, испуганная, она по видимому хотѣла узнать причину общей суматохи и обратилась ко мнѣ съ умоляющимъ взоромъ...

ЛЮХТОВЪ, (улыбаясь). О! вѣроятно она имѣла причину страшиться этаго выстрѣла...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. А! Такъ и ты замѣтилъ?... Гмъ! ты не ошибся, mon chér! Надобно тебѣ сказать мимоходомъ, что я изъ приличія или, лучше сказать, изъ учтивости къ нашей милой хозяйкѣ, началъ приволакиваться за нею, и тому не мудрено, что услышавъ выстрѣлъ, она думала, что между мною и мужемъ произошло что нибудь серьезное... Бѣдная женщина конечно не знаетъ, что графъ Кудринъ на своемъ вѣку успѣлъ провести съ пол-дюжины мужей и подаловиднѣе толстяка Суханова. Но какъ бы то ни было, при видѣ мужа, хохотавшаго отъ души, и меня, виновника всей кутерьмы, съ убитымъ воробьемъ въ рукахъ, котораго я, какъ трофей, издали показывалъ генеральшѣ, — все успокоилось и разошлось... Сухановъ остался въ саду, и я бросился сюда, чтобы отдохнуть и поохотатъ на свободѣ. Пафъ! пафъ!... (*женскимъ голосомъ*). «Дуэль! дуэль!.. Кто убить? Ахъ Боже мой, доктора, поскорѣе доктора!» (*своимъ голосомъ*). Шумъ, гамъ, крикъ, бѣготня!... Ха, ха, ха, ха!...

ЛЮХТОВЪ, (улыбаясь). Чуть-чуть не новья сплетни... не доставало только случая пустить ихъ въ ходъ.

ГРАФЪ КУДРИНЪ, (переставъ смѣяться). А?... Что ты тамъ ворчишь себѣ подъ носъ. Мнѣ кажется, ты готовъ изъ водевиля сострять историческую драму. Ты сегодня что-то въ дурномъ расположеніи духа, mon chér!

ЛЮХТОВЪ. По обыкновенію, любезный графъ. Твой рассказъ новое доказательство, что сплетни, интриги и кокетство необходимы для нашего общества, какъ воздухъ и вода.

ГРАФЪ КУДРИНЪ, (*передразнивая Янохтова*). Кокетство... сплетни, интриги!... (*встаетъ и подходитъ къ нему*). Я вижу, ты рѣшительно не понимаешь настоящаго значенія этихъ словъ... Что такое женщина безъ кокетства? — Это тѣло безъ души. Назначеніе женщины въ нашемъ свѣтѣ — нравиться мужчинамъ, а кокетство въ женщинѣ есть ничто иное, какъ желаніе нравиться. Дѣвическая скромность, глаза опускаемые въ землю, румянецъ во всю щеку при каждомъ неосторожномъ словѣ, и односложные: да и нѣтъ — въ нынѣшнемъ вѣкѣ, давно уже исключены изъ списка живыхъ... Сплетни!... Ба!... Вольно-же тебѣ давать подобное названіе желанію пошмѣяться, позабавиться на чужой счетъ, и то, что называешь ты сплетничать, есть ни больше, ни меньше, какъ признакъ веселаго характера. А интриги?... Вычеркни это завѣтное слово изъ программы нашей столичной жизни, и я продамъ ее за стаканъ добраго лафита, послѣ утомительной прогулки!... Къ чему тогда намъ эта монотонная жизнь?... По моему, гдѣ нѣтъ безпрерывной дѣятельности, тамъ нѣтъ и жизни... Не все же такія буки, какъ ты, *mon chér!* Ты улыбаешься?... Но скажи, пожалуйста, за что ты смотришь на свѣтъ нашъ, и въ особенности на женщинъ, съ одной только черной стороны? Это ни на что не похоже!

ЯНОХОВЪ. Потому... потому что... я имѣю на то свои причины.

ГРАФЪ КУДРИНЪ. И рѣшительно безъ основанія!... Неужели общество, которое ты нашелъ здѣсь, назовешь обществомъ дурнаго тона?... Возьми, на-примѣръ, нашу графиню, очаровательную вдовушку княгиню Вѣру; двухъ чертовски-хорошенькихъ племянницъ генеральши, наконецъ...

ЯНОХОВЪ, (*улыбаясь*). Саму хозяйку дома... и т. д. О! я согласенъ съ тобою, каждый изъ вашихъ львовъ назвалъ бы подмосковную Сухановыхъ эдемомъ, населеннымъ восхитительными феями; — но я не таковъ, мой милый графъ! Я никогда не любилъ этотъ родъ жизни, я теперь его ненавижу... И повторяю тебѣ — имѣю на то побудительныя причины.

ГРАФЪ КУДРИНЪ. И, чортъ возьми — да это изъ рукъ вопъ! Экую дичь напоролъ! Послушай, *mon chér*, ты право приводишь меня въ отчаяніе: — отъ подобныхъ мыслей до дома сумасшедшихъ одинъ только шагъ. Ты презираешь суетныя удовольствія свѣта, какъ ты ихъ величаешь, избѣгаешь дамскаго общества и живешь въ заперти, какъ отшельникъ въ кельѣ или алхимикъ въ своей лабораторіи... И даже здѣсь, гдѣ по недостатку мужчинъ, ты долженъ бы былъ

образумиться, ты вечно оставляешь меня одного, а самый целый день бродишь съ ружьемъ въ рукахъ по болотамъ или верхомъ обозрѣваешь окрестности—и всегда одинъ. По чести, я долженъ позаботиться объ твоёмъ преобразованіи, иначе—ты человекъ погибшій!... Вотъ что значить прожить два года въ Тамбовѣ!

яноховъ. Напрасный трудъ! Я не ребенокъ, котораго надобно еще водить на помочахъ, и не такъ безхарактеренъ, чтобы примѣняться къ чужимъ мнѣніямъ... Все дѣло въ томъ, что я смотрю на общество наше съ другой точки, чѣмъ ты. Ты идешь направо, я налево, что же мудренаго, если мы никогда не сходимся. И потому, прошу тебя, Польша, оставь свое намѣреніе преобразовать меня—оно будетъ бесполезно.

графъ кудринъ, *(всплывъ)*. Но ты губишь себя, несчастный, губишь во мнѣніи общества, и притомъ съ самой жалкой, съ самой смѣшной стороны...

яноховъ. Положимъ такъ.

графъ кудринъ. Упрямецъ!.. *(отворачивается, и въ сильномъ волненіи ходитъ по комнатѣ)*.

яноховъ, *(хладнокровно)*. Быть можетъ...

графъ кудринъ, *(вдругъ остановясь)*. Безбородый философъ! *(продолжаетъ ходить по сценѣ)*.

яноховъ. И съ этимъ согласенъ.

графъ кудринъ. Тамбовская добродѣтель!...

яноховъ, *(хладнокровно)*. Ты знаешь, меня трудно разсердить, Кудринъ.

графъ кудринъ. Яноховъ! Владиміръ!... Нѣтъ, это изъ рукъ вонъ!... Да ты, кажется, хочешь, чтобы въ Москвѣ на тебя показывали пальцами... Вспомни свои родственныя связи: вѣдь ты долженъ жить въ свѣтъ... И здѣсь, здѣсь, гдѣ все общается столько неисчерпаемыхъ развлеченій—ты рѣшился...

яноховъ, *(взявъ его за руку)*. Одно слово, Кудринъ! Каждый ничтъ развлеченія и удовольствія тамъ, гдѣ предполагаетъ найти ихъ. Ты ступай къ дамамъ, предупреждай ихъ мальшнія желанія, смѣйся, хохочи, порхай мотылькомъ вмѣстѣ съ ними, если тебя это забавляетъ; но меня... прошу, оставь въ покоѣ; и если кто нибудь полюбопытствуетъ узнать, что я дѣлаю—скажи, что... что я пишу оригинальную комедію, и какъ наблюдатель занятъ изученіемъ нравовъ... До свиданія! *(идетъ направо)*.

графъ кудринъ. Владиміръ!

ГОЛОСЪ ГРАФИНИ МАРИИ. Графъ!
 ЯНОХТОВЪ. Графиня Марія?... Скорѣе ретираду!... (*идетъ поспѣшно къ средней двери*).

ГОЛОСЪ КНЯГИНИ ВЪРЫ, (*изъ сада*). Графъ ЯНОХТОВЪ, (*останавливаясь*) И здѣсь!.. Ну рѣшительно попался подь перекрестный огонь!... Одно спасеніе нальво. (*бѣжитъ къ дверямъ слѣва*).

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Владиміръ! Янохтовъ! (*Янохтовъ уходитъ на льво*). Ушелъ!...

НѢСКОЛЬКО ЖЕНСКИХЪ ГОЛОСОВЪ, (*за сценой*). Графъ! графъ!

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Бѣгу, mesdames, бѣгу! (*хочетъ идти*.—*Входятъ, графиня Марія и Надинька (справа), княгиня Вѣра и Саша (изъ сада)*).

IV.

ГРАФЪ КУДРИНЪ, ГРАФИНЯ МАРИА, КНЯГИНЯ ВѢРА, НАДИНЬКА И САША.

ГРАФИНЯ. Ну что же наше катанье на лодкахъ, графъ?...

КНЯГИНЯ, (*къ нему же*). Что же наша рыбная ловля?...

ГРАФЪ КУДРИНЪ, (*ударивъ рукой по лбу*). Ахъ, Боже мой! Едва не забылъ, что вы поручили мнѣ извѣстить васъ, когда все будетъ готово.

ГРАФ. МАРИА. И вы даже не извиняетесь?... Куда какъ хорошо, графъ!...

ГРАФЪ КУДРИНЪ, (*къ ней*). Но графиня я...

КНЯГИНЯ ВѢРА. Пустыя отговорки... Вамъ просто наскучило угождать намъ. Вы берете примѣръ съ вашего друга...

ГРАФЪ КУДРИНЪ, (*обращаясь къ княгинѣ*). Ахъ княгиня, поверьте...

ГРАФИНЯ. Ну, такъ идите же, идите; еще время не ушло.

ГРАФЪ КУДРИНЪ, Бѣгу!.. (*хочетъ идти*).

НАДИНЬКА, (*графу Кудрину*). Только, ради Бога, не берите съ собою ружья... Вашъ выстрѣлъ перепугалъ насъ всѣхъ сегодня.

ГРАФИНЯ, (*значительно*). И въ особенности нашу милую хозяйку. (*улыбается, смотря на графа Кудрина*).

КНЯГИНЯ ВѢРА. О! Надинька такая трусиха!

ГРАФИНЯ. Но, mesdames, этотъ выстрѣлъ—пустая тревога. Онъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій. Шалость — и ничего больше...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*графинь, улыбаясь*). А вы желали бы, чтобы онъ имѣлъ какую-нибудь тайную цель, графиня?.. (*въ полголоса*). Вы хотели бы, чтобы — (*тономъ графини*) нашъ милый хозяинъ...

ГРАФИНЯ (*грозитъ пальцемъ, показывая видъ, что сердита*). Графъ!

ГРАФЪ КУДРИНЪ, (*отступая назадъ и наклоя голову*). Молчу, графиня, молчу!

КНЯГИНЯ ВЪРА (*съ нетерпѣиємъ*). Ну, что-же, графъ!.. Кажется, мы никогда не дождемся вашихъ лодокъ?..

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Ахъ, извините... бѣгу, бѣгу!.. До свиданія, mesdames! Черезъ полчаса, я явлюсь сюда за вами и за новыми приказаніями...

(*Убѣгаетъ въ садъ*).

V.

ТЪ ЖЕ, БЕЗЪ ГРАФА КУДРИНА.

ГРАФИНЯ, (*обращаясь къ княгинѣ*). Согласитесь княгиня, что въ графъ Кудринъ мы нашли здѣсь самаго услужливаго кавалера, самаго ревностнаго нашего поклонника?..

КНЯГИНЯ. Ваиа правда.

ГРАФИНЯ. Онъ угождаетъ намъ рѣшительно всеѣмъ безъ исключенія...

НАДИНЬКА И САША. О да, да.

КНЯГИНЯ (*съ достоинствомъ*). Но во всякомъ случаѣ, я нахожу, что насъ, какъ дамъ, должно глубоко оскорблять равнодушіе этого молодаго чловѣка, друга графа Кудрина...

ГРАФИНЯ. Янохтова?.. (*насмѣшливо*). И, Боже мой!.. Да вѣдь это сочинитель, княгиня! Развѣ вы не знаете, что онъ пишетъ стихи?..

КНЯГИНЯ, (*кокетливо, поправляя локоны*). Что же такое?.. Никто и не запрещаетъ ему восхищаться сельскимъ воздухомъ, луной и дубравой; не только не въ дамскомъ обществѣ — онъ здѣсь не одинъ! Здѣсь, въ деревнѣ, этотъ г. Янохтовъ принадлежитъ намъ по праву; онъ наша собственность! Возмите на-примѣръ графа Кудрина — какая разница! Ужъ что хотите, mesdames, а волею или неволею, мы должны преодолѣть упрямство его друга.

ГРАФИНЯ. Признаюсь, княгиня, у васъ всегда такія оригинальныя,

такія странныя идеи... Отчего неоставить въ покоѣ этого молодого человека... Пусть себѣ созерцаетъ природу и пишетъ свои элегіи — какое намъ до него дѣло?... (*въ сторону*). Я вижу, эта женщина рѣшилась во всемъ мѣнять мнѣ...

княгиня. Помилуйте, графиня; да это просто покража, которой мы подвергаемся отъ одной нашей безопасности... Развѣ услуги лишняго кавалера могутъ быть намъ въ тягость? Напротивъ, здѣсь, въ деревнѣ, — онъ намъ болѣе, нежели необходимы. Къ тому же по всему видно, что онъ рѣшился вести съ нами войну, (*съ достоинствомъ*) а намъ ли — женщинамъ, дозволить эту дерзость мужчинъ?!...

надинька. О! княгиня права... какъ будетъ весело видѣть этого тамбовскаго недотрогу у ногъ нашихъ!...

княгиня. (*смѣется*). Ха, ха, ха ха!... Рѣшительно надо вскружить ему голову! Не такъ ли?...

надинька. О! мысль чудесная!

саша. Просто прелесть!

княгиня. И къ тому же, наша атака доставитъ намъ новое развлечение въ деревнѣ. Безпрестанныя прогулки, пынкомъ и въ кавалькадахъ, начинаютъ уже наскучать намъ, между тѣмъ, какъ это предпріятіе поведетъ за собою столько разнообразныхъ, столько забавныхъ послѣдствій!... Согласитесь, что заговоръ нашъ весьма извинителенъ: — не умирать же намъ со скуки?!... Вы улыбаетесь, графиня?...

графиня (*въ сторону*). Ужъ не думаетъ ли она со мной соперничать?... (*къ ней*). Мнѣ кажется, что давъ слово генеральшѣ Сухановой провести нѣсколько дней въ ея подмосковной, — княгиня не хочетъ оставаться въ бездѣйствіи, изъ опасенія разучиться наукъ побеждать сердца. (*Насмѣшливо*). Вы, какъ опытный докторъ, не упускаете изъ виду ни одной практики!

княгиня (*въ сторону*). А! все по прежнему... Она во всемъ мнѣ завидуетъ!... (*къ ней*). Мнѣ тоже кажется, графиня, что причина вашего несогласія съ моимъ мнѣніемъ происходитъ единственно оттого, что эта мысль родилась въ моей, а не въ вашей головѣ... О! вы, какъ отчаянный боецъ, графиня, не уступаете ни на шагъ своему противнику!

графиня. Признаюсь, я не совсѣмъ хорошо поняла васъ, княгиня!
княгиня. Я избавлю васъ отъ скуки слушать повтореніе одного и того же... Но во всякомъ случаѣ, принадлежать къ нашей партіи

или нѣтъ, зависить рѣшительно отъ вашей воли, графиня, и если вамъ не угодно...

ГРАФИНЯ (*насмѣшливо*). Принять роль въ комедіи, вами импровизированной, княгиня? Напротивъ, я совершенно согласна, и тѣмъ хочу доказать, что вы напрасно думали пайти во мнѣ непріятеля... (*съ стороу*). О! она никогда не догадается о моихъ планахъ... а тамъ — увидимъ!... (*къ ней — улыбалсь*). И такъ, теперь все дѣло въ томъ, какъ бы опутать сътими бѣднаго Владимира Петровича, не такъ ли?... Ха, ха, ха, ха!... Да, это право замысловато!... Не могу понять, отчего съ перваго взгляда эта мысль показалась мнѣ немного странною... (*колко*). Признаюсь, княгиня, пальма первенства всегда принадлежитъ вамъ... У васъ столько воображенія! Безъ васъ, мы просто умерли бы здѣсь со скуки!... Ну, что же, mesdames, что же, княгиня?... Начнемъ переговоры, какъ повесть атаку? Кого избрать въ представительницы нашего оскорбленнаго самолюбія?... Какъ начать?... Что же? Я жду вашего рѣшенія, mesdames!... (*съ стороу*). О, хорошо; я буду участвовать въ вашемъ заговорѣ, — но увидимъ, кто останется побѣдителемъ!

КНЯГИНЯ. Какъ, графиня!... Вы соглашаетесь принять участіе въ нашей забавѣ... отъ нечего дѣлать? Право, я не думала...

ГРАФИНЯ (*быстро*). А отъ чего бы это, княгиня?

КНЯГИНЯ. Потому... потому что... вы такъ упорно защищали нашего непріятеля.

ГРАФИНЯ. И, Боже мой! но я заключила слинкомъ необдуманно! Ну, mesdames, теперь, когда все наконецъ объяснилось, — начнемъ переговоры...

НАДИНЬКА. Пусть княгиня первая выскажетъ свое мнѣніе.

КНЯГИНЯ (*посматривая искоса на графиню*). Съ условіемъ, чтобы всѣ дѣйствовали единодушно!

всѣ. О! непременно, непременно!

КНЯГИНЯ (*громко*). Во-первыхъ...

НАДИНЬКА. Надо пригласить его сегодня на рыбную ловлю, онъ не посмѣетъ отказать цѣлому обществу дамъ...

ГРАФИНЯ. Но онъ уже отказалъ генеральнѣ.

КНЯГИНЯ. И, что за мысль!... Если онъ сколько нибудь дальновиденъ, то тотчасъ догадается о нашемъ заговорѣ.

САША. Я думаю, лучше сдѣлать это порученіе графу Кудрину.

ГРАФИНЯ. О! мужчинъ нельзя ни въ чемъ довериться... графъ намъ измѣнитъ!

НАДИНЬКА (*улыбается*). Ну, так примемся, mesdames, за стихи и начнем сочинять вмѣстѣ съ нимъ пастушескія идилліи...

ГРАФИНЯ. Или по крайней мѣрѣ прикинемся страдалицами — это нравится поэтамъ.

КНЯГИНЯ. Шутки въ сторону, mesdames... Мое мнѣніе — вести правильную атаку и дѣйствовать рѣшительно.

всѣ. Но какимъ образомъ?

ГРАФИНЯ. И я право не понимаю, что мы сдѣлаемъ цѣлой толпой? Мы только будемъ мѣшать другъ другу... (*улыбалась, обращается къ княгинѣ*). Вы уже знаете изъ исторіи, что республиканское правленіе никогда и нигдѣ не имѣло прочнаго основанія... и потому, мое мнѣніе... т. е. мнѣ кажется, что лучше бы было избрать изъ среды насъ — одну, которой и предоставить исключительно верховную власть — побѣдить непокорнаго. Что вы на это скажете, княгиня?

КНЯГИНЯ (*въ сторону*). А! вы не выдержали, графиня!... (*громко*). Прекрасная выдумка! Но какъ привести ее въ исполненіе... Кто захочетъ взять на себя эту трудную обязанность?... (*улыбалась*). Вы также знаете изъ исторіи, графиня, какъ трудно повелевать, когда мы сами не умѣемъ еще повиноваться.. Съ одной стороны — наши подданные; съ другой — наши мысли... Видите ли, что ваше предположеніе не такъ удобно-исполнимо, какъ оно показалось вамъ съ перваго взгляда... По крайней мѣрѣ, что касается до меня — я рѣшительно отказываюсь отъ чести быть главой заговора и исполнительницей нашей таинственной миссіи...

НАДИНЬКА. И я!

САША. И я!

ГРАФИНЯ. Но, mesdames... кто же изъ насъ?...

КНЯГИНЯ. Вы не подали еще вашего голоса, графиня. (*обращаясь къ Надинькѣ и сестрѣ ея, торжественно*). Я избираю — графиню Марію!

ГРАФИНЯ (*съ непритворнымъ смущеніемъ*). Но, княгиня...

САША. Я присоединяю мой голосъ къ голосу Вѣры.

НАДИНЬКА. И я! Но вы видите, что графиня Марія не нравится намъ избраніе... Не лучше ли кинуть жребій?...

КНЯГИНЯ и САША (*вмѣстѣ*). Жребій!...

ГРАФИНЯ, (*въ сторону*). Жребій?...

КНЯГИНЯ. Въ самомъ дѣлѣ! Это рѣшить наконецъ намъ недоумѣніе... не правда ли, графиня? (*въ сторону*). Мнѣ кажется, она хочетъ съѣсть глазами бѣдную Надиньку!

ГРАФИНЯ, (стараясь скрыть свое неудовольствие). Конечно... теперь... это единственное средство... Я тоже никак не рѣшилась бы добровольно принять на себя эту роль.

КНЯГИНЯ. (въ сторону). Оно и видно! (вслухъ). Не станемъ же терять дорогаго времени. Напишемъ наши имена и разыграемъ лотерею... (Надинькѣ). Милая Надина, не хочешь ли взять на себя обязанность секретаря?... Вотъ бумага и перья — садись и пиши.

НАДИНЬКА. Съ удовольствіемъ! Черезъ минуту все будетъ готово. (садится къ столу).

КНЯГИНЯ. А между тѣмъ, я предложу вамъ, mesdames, необходимыя условія... Во-первыхъ, та изъ насъ, на которую падетъ жребій, должна непременно отдавать отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ, которыя будутъ въ точности разсмотрены и оцѣнены въ нашемъ общемъ собраніи... Во вторыхъ, если по истеченіи трехъ дней, планъ ея атаки будетъ опровергнутъ или открытъ неприятелемъ и она не достигнетъ цѣли — вскружить ему голову — въ такомъ случаѣ, означенная особа признается комитетомъ побѣжденной, торжественно исключается изъ списка претендентовъ; а на ея мѣсто поступаетъ другая, также по жребію. (Смѣется). Ха, ха, ха, ха! Право, я никакъ не предполагала что во мнѣ скрывается талантъ выражаться судейскою формою...

ГРАФИНЯ (колко). О! да вы прехитрый судья, княгиня!

КНЯГИНЯ. Ваша правда графиня! (значительно). Ни въ Москвѣ, ни въ деревнѣ я никому не предписываю законовъ и не беру на себя права судить другихъ... Но отвѣчайте, mesdames, согласны ли вы принять мои условія?...

всѣ. Согласны, согласны!...

КНЯГИНЯ. Надѣюсь, графиня, вы удостоите насъ чести быть президентомъ нашего комитета.

ГРАФИНЯ. Все, что вамъ угодно... (въ сторону). Напрасно, княгиня — я можетъ быть буду слишкомъ строга...

НАДИНЬКА (за столомъ). А я буду секретаремъ...

САША. А я...

КНЯГИНЯ (быстро). Ссѣ!.. Я слышу голосъ графа Кудрина... Смотрите же, mesdames, крѣпко хранимъ тайну... иначе...

всѣ. О! да, да!... Никому ни слова, иначе...

КНЯГИНЯ (торжественно). Кто нарушитъ клятву, та будетъ признана изменницей отечеству... (поднимаетъ вверхъ руку).

всѣ. *(повторяя слова княгини и подымая руки)*. «Измѣнницей отечеству!»

НАДИНЬКА. О! ужь я-то не измѣню!

КНЯГИНЯ. Ссѣ... Графъ!

VI.

ТЪ ЖЕ, и ГРАФЪ КУДРИНЪ.

ГРАФЪ КУДРИНЪ *(съ низкими поклонами)*. Mesdames! Лодки причалили и рыбы съ нетерпѣніемъ ожидаютъ минуты упасть къ ногамъ вашимъ!

ГРАФИНЯ *(улыбаясь)*. О! да какъ они любезны!.. Рыбы берутъ съ васъ примѣръ, графъ... Поблагодарите ихъ за насъ...

НАДИНЬКА *(встаетъ изъ за стола, гдѣ до сихъ поръ она писала и подходитъ къ княгинѣ — въ полголоса)*. Все готово.

КНЯГИНЯ, *(Надинькѣ — тихо)*. Прекрасно *(беретъ изъ ея рукъ свернутые билеты и обращается къ графу Кудрину, — вслух)*. Вы очень кстати явились, графъ. Мы находились въ большомъ затрудненіи до вашего прихода и готовы были спорить до слезъ... *(значительно смотритъ на графиню Марію)*. Помогите намъ.

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Позвольте узнать, что случилось?

КНЯГИНЯ. Ничего особеннаго. Все дѣло въ томъ, чтобы рѣшить... чтобы рѣшить, кому изъ насъ первой бросить силокъ, — этимъ милымъ и учтивымъ рыбкамъ...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. А! Въ самомъ дѣлѣ — вопросъ чрезвычайно важный! Чѣмъ же вы рѣшили наконецъ, mesdames?

ГРАФИНЯ. Мы рѣшились... бросить жребій.

КНЯГИНЯ *(графу Кудрину)*. Дайте мнѣ вашу шляпу. *(беретъ шляпу графа Кудрина и кладетъ въ нее свернутые билеты)*. Въ этихъ билетахъ наши имена, по числу претендентовъ. Васъ, графъ, мы выбираемъ посредникомъ *(подаетъ ему шляпу)*.

ГРАФЪ КУДРИНЪ. *(беретъ шляпу изъ рукъ княгини)*. О! счастье!... Думалъ ли я, что буду разыгрывать сегодня роль Париса.

НАДИНЬКА *(съ нетерпѣніемъ)*. Ну, что же вы медлите, графъ? Вынимайте!

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Сію минуту... Надюсь, mesdames, что билетъ, вынутый мною, не будетъ яблокомъ раздора?

КНЯГИНЯ (*значительно, смотря искоса на графиню*). Кто знаетъ, графъ?...

ГРАФИНЯ (*колко*). Да, кто знаетъ?...

САША. Да не мучьте же насъ, графъ!

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*съ комическою важностію отворачиваетъ голову въ сторону и опускаетъ руку въ шляпу*). Свершилось! (*вынимаетъ одинъ изъ билетовъ*).

ГРАФИНЯ и КНЯГИНЯ. Читайте, читайте!...

НАДИНЬКА и САША. Ну кто же, кто?... (*Всѣ окружаютъ графа и заглядываютъ въ билетъ*).

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*медленно развертываетъ билетъ и читаетъ*).

«Княгиня Вѣра.»

ГРАФИНЯ, (*съ судорожнымъ движеніемъ*). А!...

ГРАФЪ КУДРИНЪ, НАДИНЬКА и САША, (*вмѣстѣ*). Bravo, bravo!...

НАДИНЬКА. Жребій палъ на княгиню... Смотри-же, Вѣра, ты непременно должна... поймать рыбку. (*Смѣется*).

КНЯГИНЯ (*присѣдаетъ, поглядывая насмѣшливо на графиню*). Надѣюсь оправдать вашу довѣренность, mesdames!

ГРАФИНЯ (*колко*). О, берегитесь, княгиня, чтобы рыбка не сорвалась съ удочки!... Вы слишкомъ самонадеянны... Впрочемъ... (*улыбается*).

«Conduit ta barque avec prudence,»

(*таинственно*).

Pêcheur, parle bas!»

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*въ сторону*). Подумаешь, право, что дѣло идетъ по крайней мѣрѣ о совѣщаніи накапунъ битвы. (*вслухъ, обращаясь къ княгини и раскланиваясь*). О! на этотъ разъ, я желалъ бы превратиться въ бѣдную рыбку, чтобы имѣть счастье быть вашимъ пленникомъ!

«Le roi des mers ne t'échappera pas.»

НАДИНЬКА, САША, (*поглядывая искоса на княгиню. Въ полголоса*).

«Pêcheur parle bas!»

ГРАФИНЯ (*въ сторону — значительно*).

«Pêcheur parle bas!»

КНЯГИНЯ (*графу Кудрину*). Признаюсь, я почти увѣрена въ побѣдѣ — хотя и въ первый разъ принимаюсь за подобную роль.

ГРАФИНЯ (вз сторону). О, невинность!...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Тѣмъ лучше... Вы знаете, княгиня, что бываютъ случаи, гдѣ неопытность — вѣрное ручательство успѣха... Но... mesdames, все готово — поѣдемте...

КНЯГИНЯ. А Владиміръ Петровичъ—вашъ другъ поѣдетъ съ нами?

ГРАФЪ КУДРИНЪ (вз замѣшательствъ). Право... не думаю, княгиня. Я встрѣтилъ его въ паркѣ съ книгою въ рукахъ...

КНЯГИНЯ, (вз сторону). Я останусь здѣсь — не поѣду. (вслухъ — графу). Онъ можетъ быть боится воды?...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Или васъ, mesdames—это всего вѣроятнѣе... (значительно смотритъ на графиню).

ГРАФИНЯ (самодовольно улыбаясь). Да неужели мы такъ страшны?...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (сладенькимъ голосомъ). Не страшны... а опасны, графиня. Храбрѣйшій изъ насъ можетъ невольно струсить.

ГРАФИНЯ. Полпоте, графъ—вы намъ льстите... Впрочемъ, комплименты въ сторону—поѣдемте. Остановка не за нами....

НАДИНЬКА И САША. Мы готовы!

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Но княгиня....

КНЯГИНЯ (всторону). Пора... пора!.. Не нахожу другаго средства... (схватывается вдругъ за голову). — Ахъ, Боже мой!.. какой ужасный ударъ въ голову!... Я едва стою на ногахъ!... (шатается, придерживаясь одной рукою за кресла).

НАДИНЬКА (подбѣгая къ ней). Что съ тобою, Вѣра?

КНЯГИНЯ (болѣзненнымъ голосомъ). Ахъ, милая Надинька... страшная мигрень... головокруженіе!...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (вз безпокойствъ). Мигрень? (шаритъ по карманамъ). Гдѣ мой спиртъ? Гдѣ о-де-колонъ?..

ГРАФИНЯ, (подходя къ княгини, вз полголоса). Мигрень?! Ха, ха, ха, ха!... О! я рѣшительно не вѣрю болѣе этимъ причудамъ.

КНЯГИНЯ (ей-тихо). Я тоже... но это необходимо.

ГРАФИНЯ (самодовольно-тихо). Какъ, княгиня! вы отступаете при первой опасности?...

КНЯГИНЯ, (быстро приподнявъ голову и смѣло смотря ей въ глаза, вз полголоса). Напротивъ... я иду къ ней на встрѣчу!..

ГРАФЪ КУДРИНЪ. А! нашель!... (подбѣгаетъ къ княгини). Все къ вашимъ услугамъ... Вотъ спиртъ.. вотъ духи!... Ради Бога, княгиня, успокойтесь! Чистый воздухъ разсѣетъ вашу головную боль.. О! какая досада! Какъ некстати эта мигрень!...

КНЯГИНЯ (медленно опускаясь въ кресло — болѣзненнымъ голосомъ). Благодарю васъ, графъ... спиртъ мнѣ не поможетъ... но я такъ страдаю... головная боль моя продолжается иногда по цѣлымъ днямъ... я это знаю... (старался приподняться). Все, что необходимо мнѣ теперь — это покой и чистый воздухъ... Но прогулка по водѣ еще болѣе повредитъ мнѣ... Прошу васъ, mesdames, поѣзжайте безъ меня... я не хочу быть помѣхой удовольствію, которое васъ ожидаетъ и передаю мое право въ рыбной ловлѣ — графинѣ Маріи (къ ней-тихо). На водѣ, а не на сушѣ, графиня!... (вслухъ,—значительно смотря на графиню). Увѣрю васъ, я не буду раскаяваться, что остаюсь здѣсь...

САША (Княгиня). Какъ, Вѣра, ты не поѣдешь съ нами?

КНЯГИНЯ (ей тихо). Глупенькая! Но развѣ ты не видишь, что головная боль моя—притворство?... Я не хочу только упустить удобнаго случая начать теперь же нашу атаку... (графиня и Надинька, которыя въ эту минуту окружили ее, улыбаясь). Сегодня въ 10 часовъ вечера, — первое собраніе тайнаго комитета!...

ГРАФИНЯ (княгиня-тихо). Желаю вамъ успѣха княгиня! (всторону). Я тоже не останусь въ бездѣйствіи. Увидимъ, что вы скажете намъ, княгиня, по истеченіи трехъ дней—увѣрю васъ, тайныя интриги опаснѣе явныхъ!... (вслухъ—обращался къ Графу Кудрину). Ну, графъ, поѣдьте... мы здѣсь совершенно лишніе... и заставимъ только дожидаться генеральшу... (всторону). Какая мысль!... (задумывается).

НАДИНЬКА и САША (дѣлая таинственный знакъ рукою — княгиня). Прощай, Вѣра!...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (всторону). Жаль, очень жаль... Одною меньше! (предлагаетъ руку графинѣ) Madame!...

(Графиня подаетъ ему руку. — Всѣ, кромѣ княгини, уходятъ въ садъ черезъ среднія двери).

VII.

КНЯГИНЯ ВѢРА, (оставшись одна, быстро встаетъ).

О! теперь я опять здорова!... А! Владиміръ Петровичъ, вамъ угодно избѣгать дамскаго общества, вести съ нами войну?... Хорошо! Увидимъ, кто останется побѣдителемъ! (послѣ минутнаго молчанія). Какое-то тайное предчувствіе говоритъ мнѣ, что планъ

нашъ удастся, какъ нельзя лучше... непріятель не избѣгнетъ разставленныхъ сѣтей; онъ будетъ моимъ плѣнникомъ — въ этомъ я совершенно увѣрена!... Но куда поведетъ эта шалость? Какія будутъ послѣдствія?... И, Боже мой, да думала ли я когда-нибудь о послѣдствіяхъ?!.. И чего ожидать важнаго отъ нашей выдумки?... Надобно же какъ-нибудь разнообразить деревенское времяпрепровожденіе... иначе пришлось бы умереть со скуки... А, признаюсь, это средство преоригинальное, по-крайней-мѣрѣ, оно много общаетъ и такъ льститъ женскому самолюбію... (*съ серьезною миною*), прибавьте—оскорбленному самолюбію! (*минута молчанія*). Но пора приступить къ дѣлу—надобно хорошенько обдумать планъ атаки. Въ этомъ случаѣ графиня Марія, какъ опытная кокетка, могла бы быть моею наставницей... Но я что-то плохо вѣрю ея искренности. Она властолюбива и горда, какъ мужчина, и забывая свои лѣта, вѣчно хочетъ правиться... Ха, ха!.. Я смѣюсь надъ ея происками... *Au plus fin la partie, madame la comtesse!*... (*бросая бѣглый взглядъ въ садъ*). Ба! что это такое?... Янохтовъ! Онъ идетъ сюда?... Скорѣе за роль! Не знаю, посчастливится ли графинѣ въ рыбной ловлѣ, но я увѣрена, что мои сѣти будутъ надежны... Рыбка сама идетъ на удочку! Чу! я слышу шаги... (*убѣгаетъ на льво*).

VIII.

ЯНОХТОВЪ (*входитъ съ книгою въ рукахъ. — Одинъ*).

Уфъ! Какъ я усталъ! Сегодня я проходилъ болѣе обыкновеннаго. Я могу отдохнуть здѣсь на свободѣ. Стану продолжать начатую статью... (*открываетъ книгу, читаетъ вслухъ*). «Топографическое размноженіе жителей этой губерніи сохраняетъ донинѣ характеръ первобытныхъ раселеній рода человеческого. Усадьбы гнѣздятся по берегамъ рѣкъ, которыя...» (*опускаетъ книгу*). Какъ жеманилась графиня Можайская, садясь въ лодку!... Бѣдный Кудринъ такъ вертѣлся предъ ней. Мнѣ право жаль графа! Впрочемъ, кто же виноватъ? онъ упрямъ, упрямъ какъ... (*снова принимается читать*). «Которыя и до-сихъ-поръ еще служатъ единственными путями сообщенія... Главная полоса населенности идетъ во всю губернію по теченію Сухоны и Вычегды...» (*читаетъ про себя*).

IX.

ЯНОХТОВЪ (сидитъ и читаетъ), КНЯГИНЯ ВЪРА (выходитъ изъ сада въ соломенной шляпкѣ).

КНЯГИНЯ (смотря на Янохтова, который не замѣчаетъ ее, всторону). Занавѣсъ поднимается! (снимаетъ шляпку и подходитъ къ трюмо.—Вслухъ). Я очень довольна, что не поѣхала съ ними. Меня совершенно измучила бы мигрень (поправляетъ прическу предъ зеркаломъ, показывая видъ, что не замѣчаетъ Янохтова).

ЯНОХТОВЪ (услышавъ голосъ княгини, быстро опускаетъ книгу. Съ удивленіемъ, въ полголоса). Княгиня!... Она не поѣхала!... (встаетъ).

КНЯГИНЯ (отходитъ отъ зеркала, оборачивается назадъ и встрѣчается съ Янохтовымъ. Съ притворнымъ удивленіемъ). Ахъ!... Извините меня, Мг. Янохтовъ. Я не думала найти васъ здѣсь... и, быть можетъ, помѣшала вамъ...

ЯНОХТОВЪ (въ замѣшательствѣ). Но, княгиня... позвольте мнѣ, въ свою очередь, просить у васъ извиненія въ моей неучтивости... Вы вошли такъ неожиданно, такъ незамѣтно... Я право думалъ, что я здѣсь одинъ...

КНЯГИНЯ. Увѣряю васъ, Владиміръ Петровичъ, мнѣ очень досадно, что неожиданный приходъ мой помѣшалъ вамъ... мечтать! (насмѣшливо). Вы, кажется, сочиняли?...

ЯНОХТОВЪ (холодно). Напротивъ, читалъ препрозаическую книгу.

КНЯГИНЯ (всторону). Не знаю, какъ начать?... (Янохтову). Но скажите, пожалуйста, отчего вы здѣсь, а не съ дамами на рыбной ловлѣ, которая, по видимому, будетъ такъ удачна сегодня?

ЯНОХТОВЪ. Признаюсь вамъ, княгиня, я... я не люблю этой забавы.

КНЯГИНЯ (насмѣшливо). Ахъ! да, я и забыла, что Владиміръ Петровичъ пренебрегаетъ всеми суетными удовольствіями нашего міра, считая ихъ недостойными своего высокаго вниманія! (всторону). Мнѣ кажется, я попала на настоящую дорогу.

ЯНОХТОВЪ (спокойно). Вы ошибаетесь, княгиня! Я вовсе не считаю недостойными себя удовольствія, о которыхъ вы говорите, и, увѣряю васъ, далеко не похожу на силуэтъ, вами нарисованный... Напротивъ, быть можетъ, я самъ не стою ихъ!

княгиня. Ужъ это слишкомъ отзывается скромностію...

яноховъ. Или боязнь, княгиня. Одно изъ двухъ... То, что вы называете равнодушіемъ, презрѣніемъ — быть можетъ — одна только недовѣрчивость.

княгиня. Берегитесь, Мг. Яноховъ!.. Вы знаете, что часто въ немногихъ словахъ можно сказать очень много.

яноховъ (*холодно*). Но менѣе, нежели вы думаете, княгиня.

княгиня (*показывая видъ, что сердится*). Какъ!.. опять недовѣрчивость?.. Право, я начинаю вѣрить вамъ, и думаю, что этимъ достоинствомъ — или если хотите — недостаткомъ, вы обладаете въ совершенствѣ!

яноховъ. Быть можетъ, что это и достоинство — я не такъ самолюбивъ, чтобы предполагать въ себѣ что нибудь подобное — но, во всякомъ случаѣ, я не назову это качество и недостаткомъ. И согласитесь сами, княгиня, — недовѣрчивость не избавитъ меня отъ опасности, которая можетъ угрожать, мнѣ какъ и всякому другому, но она не допуститъ, чтобы я подвергнулся ей невзначай.. Недовѣрчивость не избавитъ меня отъ страданій, если, мнѣ суждено испытать горе; но она не допуститъ, чтобы я изнемогъ подъ его гнетомъ, чтобы это горе умертвило меня!... Видите ли, княгиня, что я поступаю не безсознательно и что мое мнѣніе имѣетъ основаніе...

княгиня (*всторону*). Какой характеръ! Но я его тотчасъ озадачу! Ваше мнѣніе?!.. Ха, ха, ха, ха!... (*Яноховъ смотритъ на нее съ изумленіемъ. Княгиня продолжаетъ смѣяться*). Вотъ они — молодые люди новой школы!... Сами того не замѣчая, они дѣлаютъ изъ своей частной жизни — образецъ романтической галиматии, образецъ повѣйшей литературы! Они не могутъ жить, какъ живутъ другіе люди... (*насмѣшливо*). О! это было бы слишкомъ обыкновенно, подобаго существованія недостаточно для ихъ огненныхъ душъ... Горечь опыта, скорбь души, грусть разочарованія — неизбѣжные атрибуты юнаго поколѣнія... Они вездѣ видятъ сѣти, разставленныя ихъ неопытности, въ каждомъ словѣ — ложь, въ каждой улыбкѣ — предательство, въ самыхъ невинныхъ удовольствіяхъ — самыя гибельныя послѣдствія, и, потому-то, питая ко всему недовѣрчивость, они ничемъ въ мірѣ не наслаждаются: для нихъ нѣтъ ничего новаго, ничего отраднаго!... По ихъ мнѣнію, все бытіе наше сосредоточено въ безпредѣльной борьбѣ съ несчастіями... (*невольно увлекаясь, съ жаромъ*) Но скажите, ради Бога, на чемъ все это основано?... Не на томъ ли, что люди, или пожалуй — хороній тонъ общества, допу-

скаютъ эти отборныя выраженія скептицизма, грустный, мечтательный видъ и претензію на разочарованіе (*насмѣшливо*). О! да какъ это оригинально, какъ достойно подражанія! .. (*опомнившись—спокойно*). Вотъ, что я думаю ов ашемъ мнѣніи, Владиміръ Петровичъ!... (*всторону*). Я невольно увлекаясь, забываю мою роль... Надобно поправить ошибку (*повертывая въ рукахъ шляпку*). Согласитесь, что мое вступленіе недурно, — хотя признаюсь, я вовсе не хотѣла начинать разговора о разочарованіи.

янохтовъ (*всторону*). Она приводитъ меня въ недоумѣніе!... (*къ ней, послѣ минутнаго молчанія*). Картина, которую вы развернули предъ моими глазами, поразительна своею вѣрностію, но вмѣстѣ съ тѣмъ трудно согласиться, чтобы нашелся человекъ, который смотрѣлъ бы на свѣтъ съ такой ложной и черной стороны... Я раздѣляю ваше мнѣніе: въ жизни нашей есть злоупотребленіе горя, точно также, какъ есть и злоупотребленіе счастья. Что же касается до меня — вижу, что я долженъ защищаться отъ нападенія, если не хочу упасть во мнѣніи нашихъ прекрасныхъ дамъ. Судя по словамъ вашимъ, я принадлежу къ числу молодыхъ людей XIX вѣка, горько разочарованныхъ, которые ищутъ уединенія, чтобы имѣть возможность помечтать на свободу?... Не такъ ли? Вотъ и теперь, вы неожиданно застали меня здѣсь, одного, съ книгою въ рукахъ... Но увѣрю васъ, въ эту минуту я рѣшительно не мечталъ, я просто читалъ книгу, которая не имѣетъ никакого отношенія къ чувствамъ разочарованнаго скептика... (*подавал ей книгу*). Посмотрите... вотъ она!

княгиня (*беретъ книгу и смотритъ заглавіе*). Какъ!?!.. Что я вижу?... «Статистика Россіи!..» (*насмѣшливо*). И вѣроятно Тамбова въ особенности?... Ха, ха, ха, ха!... Ну, Владиміръ Петровичъ, — половина вины съ васъ слагается. Я готова была спорить до слезъ, что это — Байропъ, или по-крайней-мѣрѣ философія Гегеля!..

янохтовъ (*улыбался*). Видите ли, княгиня, что если я и кажусь мизантропомъ, то, право, не отъ желанія корчить разочарованнаго... (*принималъ серьезный видъ*). Наружность обманчива... Кто можетъ проникнуть чужую тайну, какъ знать причину, которая заставляетъ насъ поступать такъ, а не иначе? (*значительно*) Можетъ быть, я, болѣе всякаго другаго, имѣю право взять это слово моимъ девизомъ... И, увѣрю васъ, излишняя доверчивость, не принося никакой пользы, только вредитъ намъ.

княгиня (*нахмурясь*). Опять!..

янохтовъ. Молчу, княгиня... (*улыбался и старался казаться*

любезнымъ). Но въ эту минуту, я право думаю не объ этомъ. Не знаю, много ли принесетъ удовольствія нашимъ дамамъ и кавалерамъ рыбная ловля, что же касается до меня, я далеко предпочитаю ей пѣскольکو минутъ разговора съ вами, княгиня.

княгиня (*съ насмѣшливою улыбкою*). Ого! Владиміръ Петровичъ, да это похоже на комплименты?... Берегитесь, я въ свою очередь тоже стану платить вамъ недоувѣрчивостію!

яноховъ. Какъ! Вы все еще сердитесь на меня за это роковое слово?

княгиня (*всторону*). Разговоръ нашъ незаметно впалъ въ сентиментальность, — до времени, надобно избѣгать этой пошлой колени... (*вслухъ*). Я думаю, наши рыболовы должны скоро воротиться... (*заглядываетъ въ садъ*). Но постойте — мнѣ кажется, уже идутъ сюда... (*подходитъ къ среднимъ дверямъ и смотритъ въ садъ*). Въ самомъ дѣлѣ... Графъ Кудринъ, Суханова... Графиня... Надинька... Они выходятъ изъ парка!... (*отходитъ отъ среднихъ дверей*). Что-то они поразкажутъ намъ о своихъ подвигахъ?... А ргорос, Мг. Яноховъ, надѣюсь, вы не откажетесь участвовать завтра въ нашемъ домашнемъ концертѣ. Сегодня ждутъ сюда Баптышева... Я буду сънимъ пѣть дуэтъ изъ Анны Болейнъ... Смотрите, Владиміръ Петровичъ, вы должны непременно акомпанировать намъ... Общаете?...

яноховъ. Я плохой музыкантъ, княгиня, но чтобы вамъ сдѣлать угодное...

княгиня. Вы согласитесь?... прекрасно!... (*всторону*). Да онъ очень миль! (*къ нему*). И такъ, до свиданья, Мг. Яноховъ!. Бѣгу на встрѣчу нашихъ дамъ... (*идетъ къ дверямъ*).

яноховъ (*всторону*). Эта женщина для меня загадка!...

княгиня (*вдругъ останавливается и оборачивается къ Янохову, улыбалась*). Можно ли надѣяться, что Владиміръ Петровичъ перестанетъ чуждаться дамскаго общества?... Мы, кажется, разстаемся друзьями... н.. (*бросаетъ на него насмѣшливый взглядъ*).

яноховъ (*въ замѣшательствѣ кланяется*). Княгиня!..

княгиня. То-то же! (*всторону*). Приступъ сдѣланъ!.. Это самое важное... (*идетъ къ сред. дверямъ и встрѣчается съ графомъ Кудринымъ, который въ эту минуту входитъ въ комнату*). Ну что ваше морское путешествіе, Графъ?

графъ Кудринъ (*расширивался*). Оно было бы восхитительно,

если бы княгиня угодно было разделить съ нами это удовольствіе...
Графиня Марія поймала огромнаго карася...

княгиня. А я... Ха, ха, ха, ха!... совершенно излечилась отъ головной боли... (*ублгаетъ въ садъ*).

X.

ЯНОХОВЪ, ГРАФЪ КУДРИНЪ.

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*смотря вслѣдъ княгини*). А я... я... (*идетъ скорыми шагами къ авансценъ и схватываетъ Янохова за руку*. — *Съ комическою важностію*). Mon chér!...

ЯНОХОВЪ. Ну что такое?... ты какъ будто встревоженъ?...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*тѣмъ же тономъ*). Совершилось! (*опускаетъ его руку*).

ЯНОХОВЪ. Но я, право, не понимаю.

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*таинственно*). Все кончено!..

ЯНОХОВЪ. Тьфу, ты пропасть! Да будешь ли ты говорить яснѣе?..

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Терпѣніе, mon chér, и ты все узнаешь... Еще сегодня я ухаживалъ за генеральшей; но эта рыбная ловля рѣшила все...

ЯНОХОВЪ. И наша хозяйка?...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Получила чистую отставку... Я влюбился въ другую...

ЯНОХОВЪ (*смѣясь*). Только-то... Старая новость!... Я знаю твою натуру!

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Да, mon chér; я влюбленъ по уши въ графиню Марію...

ЯНОХОВЪ (*вздригнувъ — въ полголоса*). Марія!... (*перемѣняя тонъ*). Пустое! вздоръ!... графъ Кудринъ не Горскій!...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Ну, опять заворчалъ подъ носъ!..

ЯНОХОВЪ. Я говорю — на ловца звѣрь бѣжитъ, любезный графъ! (*всторону*). Нашла коса на камень!

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Но чортъ возьми!.. Ты не знаешь графини, не знаешь сколько предстоитъ мнѣ трудностей, прежде нежели... Я, какъ опытный морякъ, не боюсь бунтующаго океана, но страхъ не люблю отмелей. Попадись на нихъ корабль — сколько неимовѣр-

ныхъ усилий, чтобы снова выдти въ открытое море!... А графиня Марія, въ этомъ отношеніи, одна изъ отemelей. Она долго будетъ править мною, какъ пышкой, прежде нежели...

ЯНОХТОВЪ (*до-сихъ-поръ слушавшій въ волненіи Графа Кудрина, вдругъ обращается къ нему съ негодованіемъ*). Кокетка! (*забывался*). О! страшись, бойся ея, другъ мой!... Неужели ты хочешь искать въ ней чувства?... она—размалеванная кукла; женщина, у которой, по страшному капризу природы, вмѣсто сердца—камень, вмѣсто души... (*опомнившись*). Ха, ха, ха, ха!... Какъ я странный!... Я вообразилъ, что слова мои служатъ къ убѣжденію молодого студента, который въ первый еще разъ въ жизни влюбляется въ женщину... между тѣмъ, какъ предо мной левъ Москвы бѣлокаменной, и какой еще левъ!... Извини меня, любезный графъ, я ошибался; забылъ даже, что наши понятія о любви никогда не сходились вмѣстѣ.

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Та, та, та, та!... Экъ расходился!... Я ужъ думалъ сначала, что ты въ припадкѣ горячки... Но, слушай далѣе, мой свѣг...

ЯНОХТОВЪ (*манициально*). Говори... продолжай!.. (*мало-по-малу задумывается*).

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Я сдѣлался такимъ трусомъ, что право не узнаю себя... Когда я предложилъ ей руку, чтобы вывести на берегъ, она такъ посмотрѣла на меня, такъ... что... Брррр!..

ГОЛОСЪ ГРАФИНИ МАРИИ, за сценой. Графъ!

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Она!... Жребій брошенъ! Иду... (*къ Янохтову съ комическою важностію*). Благослови меня, почтенный анахоретъ! (*наклоняетъ голову*).

ЯНОХТОВЪ. Вѣчныя шутки, Поль!...

ГОЛОСЪ ГРАФИНИ. Графъ!..

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*поднявъ голову*). Кончено!... Левъ выступаетъ на смертный бой съ тигрицею! (*носпшно идетъ къ дверямъ слева и поетъ въ полголоса*).

«Прости меня, прости, прелестное созданье,
Упрекомъ я тебя, быть можетъ, оскорбилъ».

ЯНОХТОВЪ (*въ полголоса*). Чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь... Нѣтъ! нѣтъ; княгиня рѣшительно не похожа на кокетку Можайскую.

XI.

ЯНОХТОВЪ, НАДИНЬКА, САША (въбѣгаетъ въ комнату изъ сада).

САША, (не замѣчая Янохтова). Ну что же, Вѣра, что...

НАДИНЬКА, (увидѣвъ Янохтова, дергаетъ ее за платье). Ссъ!.. неприятель!...

САША. Ахъ, извините, Владиміръ Петровичъ... я думала найти здѣсь княгиню Вѣру...

НАДИНЬКА. Мы хотѣли пересказать ей о нашемъ рѣчномъ путешествіи... (улыбаясь). Вѣдь она бѣдненькая скучала здѣсь одна!..

ЯНОХТОВЪ. Я боюсь быть лишнимъ въ этой бесѣдѣ, mesdames...

САША. Помилуйте, Владиміръ Петровичъ, вы право не такъ насъ поняли...

ЯНОХТОВЪ. О! чужія тайны для меня священны... Позвольте мнѣ удалиться...

НАДИНЬКА (сухо). Какъ хотите!... Мы васъ не держимъ на привязи... (Янохтовъ улыбается, кланяется и уходитъ).

XII.

НАДИНЬКА, САША, ПОТОМЪ ГРАФИНЯ МОЖАЙСКАЯ.

НАДИНЬКА, (дѣлая гримасу вслѣдъ Янохтову). У!.. Нелюдимъ!.. Тамбовскій медвѣдь!...

САША. погоди, мы скоро сдѣлаемъ его ручнымъ...

НАДИНЬКА. Но право это несносно!... И поговорить-то ему въ тягость!... Какъ будто у него и языка нѣтъ... Злой!...

САША. Увидимъ, какъ Вѣра возьметъ его въ руки!.. Вотъ ужъ тогда-то мы нахохочемся до сыта!...

НАДИНЬКА. А я упрошу ее, чтобы она была съ нимъ, какъ можно строже... такъ, чтобы... чтобы онъ заплакалъ!.. Но скажите, пожалуйста, куда она дѣвалась?... Графъ Кудринъ сказалъ, что видѣлъ ее здѣсь!...

САША. Я знаю, она нарочно медлитъ, чтобы помучить насъ!

НАДИНЬКА, (увидѣвъ графиню, которая въ эту минуту входитъ изъ дверей слева). Да вотъ графиня... Она намъ скажетъ! (идетъ къ ней на встрѣчу). Не встрѣчали ли вы Вѣры, графиня?..

ГРАФИНЯ. Она, вѣроятно, ищетъ насъ въ саду или въ паркѣ.

НАДИНЬКА и САША. Въ саду? (*подбѣгаютъ къ среднимъ дверямъ и заглядываютъ въ садъ*).

ГРАФИНЯ (*всторону*). Кажется, въ эту минуту мое таинственное посланіе дошло уже по адресу. Но это еще не последнее!.. Какъ-то справится теперь княгиня съ своимъ неприятелемъ!

НАДИНЬКА, (*смотря въ садъ, съ радостными движеніями*). А! вотъ она! (*кричитъ въ садъ*). Княгиня! Княгиня!... (*съ неудовольствіемъ*). Скажите, пожалуйста? идти себѣ, какъ ни въ чемъ не бывала!.. (*кричитъ въ садъ*). Вѣра!...

ГРАФИНЯ, (*всторону*). А между тѣмъ графъ Кудринъ, самъ того не предполагая, будетъ невольно способствовать моимъ намѣреніямъ... Этотъ втреникъ попался въ мои сѣти... Ха, ха, ха, ха!... О! я предвижу ваше паденіе, княгиня!

САША (*у среднихъ дверей, кричитъ въ садъ*). Вѣра!...

НАДИНЬКА. Наконецъ-то!.. (*входитъ княгиня, Надинька и Саша обступаютъ ее съ обѣихъ сторонъ*).

XIII.

ТѢ ЖЕ, КНЯГИНЯ ВѢРА.

НАДИНЬКА. Ну что же, Вѣра, что?...

САША. Ты видѣла его, говорила съ нимъ?

ГРАФИНЯ, (*насмѣливо*). И надѣюсь, напріятель уже въ плъну!

НАДИНЬКА. Гдѣ ты его встрѣтила?

САША. Объ чемъ вы говорили?...

КНЯГИНЯ. Ай, ай, ай!.. Ради Бога, mesdames; каждая по одиночкѣ!.. Право не знаю, кому и что отвѣчать!

ГРАФИНЯ. А все оттого, что мы такъ рады вашему успѣху, княгиня!

КНЯГИНЯ (*съ недоверчивостію*). Успѣху?... Немного рано, графиня!

НАДИНЬКА. Ну полно, полно!.. Скажи намъ лучше, что нашъ неприятель, нашъ анахоретъ?...

КНЯГИНЯ (*весело*). О! покаместъ все идетъ, какъ нельзя лучше!.. Общаю вамъ представить его, связаннаго по рукамъ и по ногамъ.

НАДИНЬКА. По дѣламъ вору и мука! Я буду очень рада похихотать надъ нимъ и отмстить за его неразговорчивость!..

ГРАФИНЯ. Но княгиня, я думаю, вы намъ скажете о результатъ вашей первой атаки?...

САША Да, да; ты должна все рассказать намъ!

КНЯГИНЯ. А развѣ вы забыли наши условія, mesdames?... Вы имѣете право требовать у меня отчета только вечеромъ; но отнюдь не раньше. Въ 10-ть часовъ вечера, вы все узнаете, а до-тѣхъ-поръ имѣйте терпѣніе. Впрочемъ, мнѣ и рассказывать-то нечего.

НАДИНЬКА. Шутка — ждать до вечера! Душечка Вѣра, расскажи, жалуйста.

САША. Не мучь насъ, Вѣра.

КНЯГИНЯ (съ комическою важностію). Вы забываете субординацію, mesdames! Помните, что у насъ теперь военное время... (улыбалась и указывал взоромъ на графиню). Смотрите, наша президентша престрогая. Разъ, два, три, и—подъ военный судъ!...

НАДИНЬКА (съ важнымъ видомъ). Ого!... Я не боюсь твоихъ угрозъ... Я сама секретарь!

ГРАФИНЯ (улыбалась, съ ироніею). Что же дѣлать, надобно по-виноваться, mesdames!... (къ княгинѣ). И такъ, княгиня, вечеромъ...

КНЯГИНЯ. Да, сегодня въ 10-ть часовъ вечера, въ вашей комнатѣ — первое засѣданіе тайнаго комитета. Вы нашъ президентъ, графиня, и потому, въ случаѣ какой-нибудь экстренной надобности, на васъ лежитъ обязанность извѣщать о томъ членовъ собранія... (обращается къ Надинькѣ—смѣясь). Надинька... г-нъ секретарь! Слышите?...

НАДИНЬКА (приспѣдаетъ—съ комическою важностію). Я не забуду моей обязанности, княгиня. (Всплеснувъ руками, прыгаетъ по комнатѣ). О! да это превесело!...

ГРАФИНЯ (къ княгинѣ — насмѣшливо). Я приготовлю вамъ свѣжій... лавровый вѣнокъ, княгиня.

КНЯГИНЯ. Терновый... хотѣли сказать вы, графиня. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли заранѣе ручаться за успѣхъ.

ГРАФИНЯ (значительно). Ваша правда. Кто знаетъ, что можетъ случиться?...

КНЯГИНЯ (вдругъ). Ахъ! Бже мой... я такъ была закидана вашими вопросами, что забыла сообщить вамъ новость... Генеральша зоветъ насъ на свою половину. Знаете ли, кто пріѣхалъ?... Бантышевъ!

НАДИНЬКА. И ты до-сихъ-поръ молчала?... Слышишь, Саша... пріѣхалъ соловей нашъ Бантышевъ!... (поетъ). «Ужъ какъ вѣсть ве-

терокъ. Тра ла-ла-ла-ла, ла-ла-ла-ла-ла!»

саша. Пріѣхалъ?! Я непременно заставлю его сѣсть что-нибудь до обѣда.

княгиня. Пойдемте-же — они насъ ожидаютъ...

надинька. (схвативъ за руку сестру). Пойдемъ, Саша! (бѣжитъ на льво и поетъ).

«По кусточкамъ онъ шумитъ

«По листочкамъ шелеститъ!»

(убѣгаетъ; голосъ исчезаетъ въ отдаленіи).

(За ними слыдуютъ: графиня Марія и княгиня Вѣра. — Двери справа открылись—показался Яноховъ. И та и другая за- мѣтили его появленіе).

ГРАФИНЯ (всторону). Яноховъ! Какой озабоченный видъ... Въ рукахъ бумага... Видно мое посланіе на него подѣйствовало!...

княгиня (всторону). Онъ! О, я скоро ворочусь!

(Уходятъ на льво).

XIV.

яноховъ, андрей, потомъ княгиня.

яноховъ (съ письмомъ въ рукахъ, обращается къ Андрею). Такъ это письмо получено изъ Москвы, говоришь ты?...

андрей. Точно такъ, сударь?

яноховъ. Но кто тебѣ отдалъ его?

андрей. Горничная барыни... Она говорила, что это письмо вмѣстѣ съ другими привезъ изъ города управитель.

яноховъ (въ полголоса). Странно!... (вынимаетъ письмо изъ конверта и читаетъ). «Берегись!» И ни слова больше — подписи нѣтъ! Чтобы это значило?... Кто такой этотъ тайный благодѣтель!... (оборачиваетъ конвертъ и читаетъ адресъ). Владиміру Петровичу Янохову. Да, ко мнѣ!... Просто, умъ за разумъ заходитъ — не знаю, что и подумать! (Андрею). Хорошо, ступай! (Андрей уходитъ. — Яноховъ ходитъ большими шагами по комнатѣ, вдругъ останавливается). «Берегись!...» Ха, ха, ха, ха!... Кудринъ сказалъ правду — я уже слишкомъ недověрчивъ и подозрительнъ!... Кудринъ?... Ба! ба!... Какая мысль!... Нѣтъ сомнѣнія...

Это его выдумка!... Эй! любезный Павелъ Федоровичъ, да вы рѣшились мстить мнѣ за мою настойчивость не следовать вашему при- мѣру; вы не могли позабыть разговора, который я имѣлъ съ вами часа два назадъ... Каковъ проказникъ!... Онъ хочетъ измучить меня нелпыми подозрѣніями, чтобы потомъ сложить всю вину на мой характеръ!... Ай, да графъ Кудринъ!... Вижу, это его проказы! (*разсматривал конвертъ*). Ба! ба!... Какъ я этого не замѣтилъ прежде?... На конвертъ нѣтъ почтоваго штемпеля... По всему видно, что оно вышло въ свѣтъ не дальше, какъ изъ этого дома... Прекрасно!... Я не скажу ему ни слова, не покажу даже вида, что догадался объ его хитрости... Увидимъ, чѣмъ все это кончится, а судя по началу, будетъ и продолженіе и пожалуй еще съ прибавленіемъ... Чу! его голосъ?...

голосъ княгини (*за сценой въ саду*). Владиміръ Петровичъ!... янохтовъ (*вздвинувъ*). Княгиня!... Ея голосъ приводитъ меня въ какое-то непонятное волненіе... Я робью... И, Боже мой; право я становлюсь смѣшонъ!...

княгиня. А вы и забыли о нашемъ концертѣ, Владиміръ Петро- вичъ?... Я ведъ искала васъ... Бантышевъ въ залъ; скоро начнется репетиція пѣнія. Пойдемте.

янохтовъ (*подходитъ*). Извините, если я заставилъ ждать себя... (*всторону-задумчиво*). «Берегись» (*быстро подходитъ къ кня- гинѣ и беретъ ея руку; оба уходятъ на лѣво*).

графъ кудринъ (*выходитъ изъ дверей справа—хочетъ*) Ха, ха, ха!... Всё кончено! Крѣпость сдалась на капитуляцію. Нача- ла я прикинулся задумчивымъ, скучнымъ; а когда она спросила меня о причинѣ внезапной переменѣ—туть-то я разсыпался мелкимъ бѣсомъ... (*сладенькимъ голосомъ*). «Ахъ, графиня! сказалъ я ей, и вы меня спрашиваете?... Но развѣ вы не могли замѣтить истинныхъ чувствъ моихъ, когда каждое слово, каждое движеніе невольно измѣ- няли мнѣ?... О!» — туть я вздохнулъ и закатилъ глаза подъ лобъ —О! въ эту минуту, когда я подалъ вамъ руку, чтобы вывести на берегъ, а вы, опираясь на мое плечо, подняли вашу ножку... когда послѣ этого, вы бросили на меня очаровательный взглядъ свой, — я совершенно растерялся и»...—Ужъ не помню, право, что говорилъ я еще; но она посмотрѣла на меня съ такимъ демонски-умильнымъ выраженіемъ, что я бросился къ ней, какъ помышанный и началъ осыпать поцѣлуями ея руку — между нами будь сказано — довольно полновѣсную .. (*голосомъ графини*). «Что это значитъ, графъ?!..»

(*своимъ голосомъ*). Ахъ, графиня; любовь моя, безпредельная, какъ океанъ, нѣжная, какъ звуки арфы... и проч. и проч. и проч... (*голосомъ графини*) «Вы дерзки, графъ...» (*своимъ голосомъ*) «О! клянусь вамъ...» Ну, короче, дѣло пошло на лады и въ заключеніе нашей кукольной комедіи, я уже надвѣлся, что... Какъ вдругъ откуда ни возьмись Сухановъ... Я просто не зналъ, что дѣлать, такъ поразилъ меня неожиданный приходъ его!.. но она, — она, рывительно не смѣшалась. «Любезный, графъ, сказала она мнѣ громко, я что-то озябла — принесите мнѣ шаль, которую я оставила въ саду и дожидаетесь меня тамъ» — прибавила она тихо. О! женщины, неотъемлемыя женщины!... Теперь я вижу, что графиня Марія рывительно не изъ числа женщинъ — отелей! (*за сценой слышна музыка*). Чу? музыка... Поетъ Бантышевъ!... Пора, пора къ дамамъ!... Можетъ быть въ эту минуту графиня... О! Лечу, лечу!... (*бѣжитъ на льво и поетъ*).

«Я выслушалъ твое съ восторгомъ оправданье!

«Я ввѣрился тебѣ и снова полюбилъ!»

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

шахъ и мать.

Паркъ въ подмосковной Сухановыхъ. Въ глубинѣ сцены чугунная рѣшетка съ отворенными воротами; за нею видны садъ, разбитый въ англійскомъ вкусѣ. Слѣва у авансены — бесѣдка, обращенная входомъ къ зрителю. Справа — садовая скамейка.

I.

— КНЯГИНЯ ВѢРА (*въ паркѣ*), АНДРЕЙ (*за рѣшеткой въ саду*).

КНЯГИНЯ (*увидѣвъ Андрея*). Андрей!..

АНДРЕЙ (*подходитъ къ рѣшеткѣ*). Что прикажете, ваше сіятельство?

КНЯГИНЯ. Генеральна не возвратилась?

АНДРЕЙ. Никакъ-нѣтъ-съ.

КНЯГИНЯ. И наши дамы тоже?...

АНДРЕЙ. Кромѣ васъ, никого нѣтъ дома, ваше сіятельство!

КНЯГИНЯ. Хорошо! *(Андрей уходитъ. Княгиня съ видимымъ неудовольствіемъ ходитъ по сценѣ. Она сердится, открываетъ и снова закрываетъ книгу, которую держитъ въ рукахъ)*. Онъ похваля съ ними! Вижу, это низкіе происки графини!... О! напрасно стараетесь вы казаться равнодушною, графиня Марія—я давно разгадала васъ! Знаю, вы не можете хладнокровно перенести мысли, что я успѣла въ моемъ намѣреніи.. Но вы забываете также, что условія затынной нами комедіи не допускаютъ никакихъ частныхъ интригъ, и я имѣю право требовать отчета въ вашихъ поступкахъ... *(подходитъ къ авансценѣ)*. Съ другой стороны этотъ Янохтовъ... Какой непреклонный характеръ! Сколько усилий, сколько рассчитаннаго кокетства женщины стоило мнѣ, чтобы подвинуться хотя на шагъ къ предполагаемой цѣли... Его прежняя недовѣрчивость проглядываетъ иногда во время самаго одушевленнаго разговора. — Три дня прошли, какъ три часа... Я принуждена была просить отсрочки, и, сегодня, послѣдній срокъ — послѣдній день испытанія! Неужели я должна уступить мѣсто графини Маріи?... Ей?!... *(Судорожно мнетъ книгу въ рукахъ)*. Ни за что на свѣтъ?... Янохтовъ будетъ у ногъ моихъ—это рѣшено! Препятствія только раздражаютъ меня... Я начинаю забывать даже, что это только—простая шутка, минутная прихоть, развлеченіе отъ нечего дѣлать... Эта мысль сдѣлалась вторымъ существованіемъ моимъ, и, не знаю право чѣмъ бы не пожертвовала я, чтобы достигнуть цѣли... *(садится на скамейку)*. Еще вчера, все шло какъ нельзя лучше... я искусно навела его на желаемый разговоръ—онъ говорилъ съ увлеченіемъ, и мнѣ казалось уже, что я могу поздравить себя съ побѣдой... какъ вдругъ неожиданно является графъ Кудринъ и уводитъ съ собою Янохтова, чтобы разрѣшить какой-то споръ съ Сухановымъ... А сегодня?... *(Съ неудовольствіемъ встаетъ, и ходитъ въ волненіи по сценѣ)*. Онъ похваля съ ними!... А я ждала его здѣсь, въ паркѣ; ждала два часа сряду *(останавливается)*. Что это право?... Мнѣ хочется заплакать съ досады!... *(За сценой слышны смѣшанные голоса)*. Чу! голоса... Кавалькада наша возвратилась... *(смотритъ чрезъ рѣшетку въ садъ)*. Идутъ! Примусь за книгу! *(подбѣгаетъ къ скамейкѣ и садится)*. О! я тоже умѣю носить маску, умѣю притворяться, графиня, увѣряю васъ! *(развертываетъ книгу и по-*

казывает видъ, что читаетъ, но порою заглядываетъ искоса въ садъ).

II.

КНЯГИНЯ (читаетъ), ГРАФИНЯ МОЖАЙСКАЯ, НАДИНЬКА, САША (въ амазонкахъ), ГРАФЪ КУДРИНЪ, ЯНОХТОВЪ (съ хлыстиками въ рукахъ
Всѣ выходятъ изъ сада).

ГРАФИНЯ, (обращаясь къ Янохтову). Такъ вы не скучали въ нашей кавалькадъ, Владиміръ Петровичъ?... (Янохтосъ разкланивается).

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Могъ-ли онъ скучать, находясь въ обществѣ съ вами, графиня?...

ГРАФИНЯ (всторону). Я вижу, что мои посланія на него подѣйствовали... онъ всячески старается избѣгать встрѣчи съ нею... (говоритъ тихо съ графомъ Кудринимъ).

ЯНОХТОВЪ, (увидѣвъ княгиню, которая до-сихъ-поръ не перемѣнила своего положенія, всторону). Она здѣсь!...

НАДИНЬКА (Сашъ — въ полголоса). Посмотри, вотъ наша бѣглянка, какой озабоченный видъ!

САША (къ ней — улыбаясь — тихо). Немудрено... она все еще занята обдумываніемъ своего плана! (шепчутся между собою. — Спустя нѣсколько минутъ, онъ уходитъ въ садъ и возвращаются къ концу явленія).

ЯНОХТОВЪ (подходитъ къ княгини, которая въ это время перестаетъ читать.) Ахъ! княгиня... не знаю право, за что вы наказываете насъ, лишая своего присутствія?...

КНЯГИНЯ, (приторно удивляясь). Какъ! Вы уже возвратились?... (встаетъ).

ГРАФИНЯ (увидѣвъ княгиню). Вы здѣсь, княгиня?... А мы вездѣ васъ искали. Мг. Янохтовъ рѣшился сегодня быть нашимъ кавалеромъ... Очень жалю, что васъ не было съ нами... Какъ приятно, какъ весело скакать по полямъ, перегонять другъ друга, смѣяться надъ неловкостью и страхомъ той и другой... и наконецъ, утомленной отъ верховой ѣзды, отдыхать на чистомъ воздухѣ, подъ тѣнью деревъ, въ дружеской бесѣдѣ!... (насмѣшливо). Вы, можетъ быть, не любите верховой ѣзды, точно такъ же, какъ боитесь воды?...

КНЯГИНЯ (всторону). Новые сарказмы... (старалась скрыть до-саду). Да... графиня... я предпочла остаться одна и гуляла въ паркѣ

ГРАФИНЯ (*прежнимъ тономъ*). Странно! Съ нѣкотораго времени, вы пристрастились къ уединенію, княгиня!...

КНЯГИНЯ (*бросая пронизательный взглядъ на Янохтова*). Я вовсе не считаю это странною, графиня!... Я читала...

ГРАФИНЯ. И конечно весьма интересную книгу?...

КНЯГИНЯ... Вы не ошиблись... эта книга заставила меня позабыть время и не сожалѣть, что я не участвовала въ кавалькадѣ...

ГРАФИНЯ. Признаюсь откровенно, нынче выналь счастливей годъ на книги. Почти все сочиненія занимательны — жаль только, что иногда развязка не отвѣчаетъ ожиданію.

КНЯГИНЯ (*спокойно*). Это вина сочинителей... Они очень часто не понимаютъ въ чемъ дѣло, и удаляются отъ цѣли, имѣя ее предъ глазами (*тихо*). Вы видите; я не люблю оставаться въ долгу, графиня. (*Садится на скамейку и открываетъ книгу, показывая видъ, что читаетъ*).

ЯНОХОВЪ, (*всторону*). Рѣшительно не понимаю этой перестрѣлки!...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*къ нему—въ полголоса*). Посмотри, какъ мила сегодня княгиня!...

ЯНОХОВЪ (*также — съ жаромъ*). О! какъ ангель!...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*всторону*). Чортъ возьми! Ужъ не приволокнутся ли мнѣ за нею? (*пристально смотритъ на княгиню*).

ГРАФИНЯ (*Янохтову*). Вы рѣшились не принимать участія въ разговорѣ, Владиміръ Петровичъ?...

ЯНОХОВЪ. Я... слушалъ васъ, графиня.

ГРАФИНЯ (*улыбаясь*). Вы хотите сказать, что я не дала вамъ времени вымолвить слово...

ЯНОХОВЪ (*иронически*). Увѣряю васъ, я не сдумалъ-бы сказать ничего достойнаго вашего вниманія!...

ГРАФИНЯ. Т. е. не хотите принудить себя. (*Улыбается, поглядывая искоса на княгиню*). Давеча вы были такъ любезны! О! да вы пренепостоянный человекъ, Владиміръ Петровичъ!

ЯНОХОВЪ. Скажите лучше — слишкомъ откровенный, графиня!...

ГРАФИНЯ. Тѣмъ хуже! (*Значительно, дѣлая удареніе на каждое слово*). Берегитесь, вы уже слишкомъ доверчивы, Владиміръ Петровичъ! (*всторону*). № 3 моихъ таинственныхъ посланій?...

ЯНОХОВЪ (*всторону*). Ея взглядъ... слова!... Что бы это значило!... И эта записка, которую я нашелъ сегодня такъ неож-

данно въ шляпѣ?!... О! я непременно распрошу графа... пора прекратить эту шутку! (*входятъ Надинька и Саша*).

ГРАФИНЯ (*обращаясь къ нимъ*). Что же, mesdames!... Кажется, вы уже слишкомъ долго щеголяете въ костюмѣ навздницъ...

НАДИНЬКА. О! я тотчасъ переодѣнусь... Одно слово княгиня (*подходитъ къ ней и говоритъ что-то на ухо*).

САША (*къ графинѣ*). Пойдемте вмѣстѣ, графиня...

ГРАФИНЯ, Хорошо!... Я иду за вами (*Саша убѣгаетъ въ садъ— графиня оборачивается къ графу Кудрину, который во все это время пристально смотрѣлъ на княгиню*). Ну, а вы графъ?.. Вы, кажется, молчите изъ упрямства.. (*Графъ постыпно подходитъ къ ней. — Графиня въ полголоса*). Заглядьлись!..

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*вслухъ*). Вы думаете...

ГРАФИНЯ. Да, я вижу, вы рѣшили сердить меня...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Да это просто нападки... Вы просто клеветеете на меня, графиня...

ГРАФИНЯ. Кто, я?...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*раскланиваясь*). Но такъ мило клеветеете, графиня, что право...

ГРАФИНЯ (*улыбается и подаетъ ему руку*). Вашу руку, графъ!

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*взявъ ея руку, тихо*). Вы ангель — не женщина! (*всторону*). Надовла, ей-ей надовла! Рѣшено! Начну волочиться за хорошенькой вдовушкой! Она сегодня что-то въ особенности мила! (*онъ и графиня уходятъ*).

ЯНОХТОВЪ (*въ полголоса — смотря имъ всльдъ*). Демонъ — не женщина!...

НАДИНЬКА (*княгиня — вслухъ*). Смотри же, Вѣра,—я жду тебя, и... (*говоритъ ей на ухо*).

КНЯГИНЯ (*смыась*). Не безпокойся, Надинька... я... (*шепчетъ ей на ухо*).

НАДИНЬКА. Très bien!... (*убѣгаетъ на право*).

ЯНОХТОВЪ (*всторону — съ внутреннимъ усиленемъ*). Нѣтъ! Я останусь здѣсь!...

III.

КНЯГИНЯ (*сидитъ на скамейкѣ*), ЯНОХТОВЪ (*у рѣшетки*).

КНЯГИНЯ, (*всторону*). Онъ все еще здѣсь?.. Молчить?.. (*ти-*

хонько поворачиваетъ голову въ ту сторону, гдѣ стоитъ Янохтовъ) Задумался!.. (сноза перелистываетъ книгу).

янохтовъ (въ полголоса). Въ головѣ моей настоящій хаосъ!... А здѣсь... (положивъ руку на сердце) какое-то новое, неиспытанное чувство!.. (задумчиво). Не опять-ли я ошибаюсь?.. (смотритъ пристально на княгиню).

княгиня (всторону). Мнѣ кажется, онъ далъ обѣтъ молченія?.. янохтовъ (въ полголоса). Но отъ чего мнѣ страшиться этой любви?.. Почему я не могу надѣяться на счастье?.. Она такъ молода, такъ хороша собою... ея умъ такъ образованъ...

княгиня (въ полголоса). Право, это становится наконецъ скучно! (быстро оборачивается — съ притворнымъ удивленіемъ). Ба! Владиміръ Петровичъ!.. А я думала, что вы... въ свитѣ графини Маріи!

янохтовъ (въ волненіи, подходя къ княгини). Насмѣшка! Но я, право, не заслужилъ ее. Я такъ радъ случаю, который доставляетъ мнѣ наконецъ возможность быть съ вами вмѣстѣ...

княгиня (съ ироніей). Ого! Владиміръ Петровичъ, графиня права, находя, что вы сегодня очень любезны... Вѣроятно верховая ѣзда и общество нашихъ дамъ, причиною этой перемѣны... Я знаю, графиня не любитъ, чтобы у нея серьезничали...

янохтовъ (съ неудовольствіемъ). Графиня?..

княгиня. Что съ вами?.. Вы хмуритесь!.. Берегитесь, Владиміръ Петровичъ, я скажу графинѣ, что у васъ есть что-то противъ нея!..

янохтовъ (въ волненіи). Вы право жестоки, княгиня... Я участвовалъ въ этой кавалькадѣ противъ воли... Меня принудили... Поверьте, я... Извините меня, княгиня, я не умю скрывать, и потому не мудрено, если слова ваши заставляютъ меня... (въ замѣшательствѣ останавливается).

княгиня (улыбалась). Ну, хорошо, хорошо; я вѣрю вамъ... (всторону). Сегодня послѣдній день — я должна на все рѣшиться.. (къ нему). Я думала пайти въ васъ больше скрытности... Простите ли вы мнѣ это невольное зиблужденіе?.. (встаетъ).

янохтовъ. Ахъ, княгиня; съ нѣкотораго времени я такъ перемѣнился, что, право, не узнаю самого себя! Я иначе думаю, иначе смотрю на свѣтъ, на людей!.. И эта перемѣна произошла во мнѣ такъ неожиданно, что я самъ дивлюсь, какъ могъ я до-сихъ-поръ поступать иначе...

княгиня. И вы полагаете, что не станете раскаяваться впоследствии?..

яноховъ, *(вздвигнувъ)*. Въ чемъ, княгиня?..

княгиня, *(колеблясь)*. Въ перемены вашихъ мнѣній...

яноховъ *(пристально смотря на княгиню — спокойно)*. Если это можетъ случиться, то послѣ этого... я перестану врать, не только людямъ, но даже приговору собственной совѣсти.

княгиня *(всторону)*. Онъ мнѣ жалокъ! *(къ нему — улыбаясь)*. А знаете ли, кому вы обязаны всею этимъ?..

яноховъ *(съ жаромъ)*. Вамъ, вамъ, княгиня... Вы заставили меня снова полюбить свѣтъ, снова искать сочувствія въ людяхъ... Вы одни были причиною, что...

IV.

тѣ же, андрей *(выходитъ изъ сада, съ письмомъ въ рукахъ)*.

андрей *(подходя къ княгини и подавая ей письмо)*. Отъ графини, къ вашему сіятельству.

яноховъ *(отступая назадъ — всторону)*. Опять графиня!.. *(движеніе неудовольствія)*.

княгиня. Письмо отъ графини Маріи. *(беретъ письмо. — Въ полголоса)*. Что это значитъ?... *(развертываетъ записку и читаетъ про себя. — Въ продолженіе чтенія, на лицѣ ея и въ движеніяхъ замѣтна досада)*.

яноховъ *(во время чтенія княгини — всторону)*. Я долженъ высказать ей все... Это признаніе, какъ камень лежитъ на душѣ моей... *(Минутное молчаніе)*. А если она не можетъ любить тебя, Владиміръ?.. *(вздвигнувъ)*. Нѣтъ! я не могу такъ жестоко ошибаться! *(смотря на княгиню)*. Что это за экстренное посланіе? графиня только-что видѣлась съ ней!..

княгиня *(перестаетъ читать — въ полголоса)*. Вы не много опоздали, графиня! теперь я уже не боюсь вашихъ предувѣдомленій и насмѣшекъ!..

андрей. Что прикажете отвѣчать графинѣ?..

княгиня. А! ты еще здѣсь?.. Скажи графинѣ, что... что я благодарю ее за извѣстіе.

андрей. Слушаю, ваше сіятельство! *(уходитъ)*.

янохтовъ (подходя къ княгинь — нервннтельно). Вы улыбае-
тесъ, княгиня... Это письмо...

княгиня. Очень прнятная новость! Это письмо... отъ одной изъ
моихъ прнятельницъ, знакомыхъ также и съ графинею... (всторону). Да, сегодня — или никогда! (къ нему). Вы такъ неожидан-
но были прерваны, Владимръ Петровичъ... вы говорили, что...

янохтовъ. Я хотлъ сказать вамъ, княгиня... что... (въ нервнн-
тельносши останавливается).

княгиня. Ну что же, говорите, Владимръ Петровичъ... (садится)
говорите, я васъ слушаю...

янохтовъ (подходитъ къ скамейкѣ, на которую съла княгиня,
береть въ руки книгу, лежащую возлѣ и машинально пе-
релистывая ее, садится подлѣ княгини). Я хотлъ просить
васъ, княгиня, о позволенн продолжаты разговоръ, который и се-
годня былъ также неожиданно прерванъ, какъ вчера...

княгиня (смѣется). Споромъ графа Кудрина съ Сухановымъ?..
А! помню, помню!.. Что же? Я очень рада... Но на чемъ мы оста-
новились?.. Признаюсь вамъ откровенно, я уже почти всё забыла...

янохтовъ (въ смущенн). Я говорилъ вамъ, княгиня, что не
прихоть, а обстоятельства прнучили меня къ недоверчивости, а вы
отвѣчали мнѣ, что въ жизни нашей взаимная доверенность и откρο-
венность самое отрадное явленне...

княгиня. Такъ вы хотите защищаться противъ этого по всемъ
правиламъ вашей логики?..

янохтовъ. Я думаю, вы могли замѣтить изъ моихъ поступковъ,
какъ далека я отъ этой мысли, въ настоящее время...

княгиня (насмѣшливо). О, вы правы!.. И еще сегодня, вы
такъ успншно замѣнили собою графа Кудрина, въ кавалькадѣ... въ
свнть графини Марн...

янохтовъ (въ волненн). И со всемъ тѣмъ — я здѣсь... въ этомъ
паркѣ, который вы выбрали мѣстомъ ежедневной прогулки... (съ
робостью смотритъ ей въ глаза).

княгиня (всторону). А! теперь онъ мой! (къ нему — улы-
бался и кокетливо играя своими локонами). И, Боже мой!..
Я, право, не такъ опасна, Владимръ Петровичъ!

янохтовъ (нѣсколько минутъ пристально смотритъ на кня-
гиню — и потомъ продолжаетъ съ увлеченнмъ). Но.. вы моло-
ды, княгиня, прекрасны собою... любезны... обладаете тысячью со-

вершенствъ ума и души... вашъ взглядъ, ваша улыбка—достигаютъ до сердца, княгиня...

княгиня. Вашъ портретъ не похожъ на подлинникъ, Владиміръ Петровичъ! Въ немъ слишкомъ много лести.

янохтовъ. Правды и истинныхъ чувствъ, княгиня!... (*Княгиня въ притворной разсыпанности смотритъ по сторонамъ.—Янохтовъ — всторону*). Она холодна, какъ ледь... а я, я!.. (*быстро обращаясь къ княгини и схватывая ея руку*). О! выслушайте, ради Бога, выслушайте меня, княгиня!... Вы сказали правду: доверенность—чувство утѣшительное въ жизни человѣка; оно такъ спасительно дѣйствуетъ на сердечныя язвы наши!... Да, чтобы быть счастливымъ, необходимо вѣрить! И что было бы съ нами, безъ этого цѣлебнаго талисмана?... Питая ко всему недоверчивость, подозревать предательство въ протянутой рукѣ друга, ложь въ рѣчахъ, ядъ въ улыбкѣ... Это было бы ужасно!... Благодарю, благодарю васъ, княгиня; вы излѣчили меня!.. А между тѣмъ, вы не знаете причины, которая была виною моего заблужденія; вы не знаете, отчего я былъ слѣпъ и глухъ ко всему меня окружавшему, отчего я убѣгалъ удовольствій, пугался, отталкивалъ себя даже отъ... Княгиня, это — печальная повѣсть знакомаго мнѣ сердца — исторія жизни моего друга Горскаго, съ которымъ я вмѣстѣ росъ и воспитывался... Я расскажу вамъ ее когда-нибудь въ другое время; но теперь, въ эту минуту, я еще разъ благодарю васъ, княгиня, вы излѣчили меня отъ страшной болѣзни... я теперь такъ счастливъ!...

княгиня (*всторону*). Съ какимъ увлеченіемъ говорить онъ!... о! зачѣмъ здѣсь нѣтъ графини?.. (*встаетъ и показываетъ видъ, что хочетъ идти*).

янохтовъ (*тоже встаетъ, и удерживаетъ ее за руку. Тихо*). Какъ! Вы хотите оставить меня?.. Теперь, когда мы уже можемъ говорить однимъ и тѣмъ же языкомъ?...

княгиня (*въ притворномъ смущеніи*). Но... разговоръ нашъ становится часъ отъ часу труднѣе!...

янохтовъ (*съ жаромъ*). О! умоляю васъ, княгиня, останьтесь, не лишайте меня такъ скоро счастья видѣть, слышать васъ... Сердце человеческое заключаетъ въ себя часто столько непонятныхъ тайнъ, столько возвышенныхъ чувствъ, столько иступленныхъ восторговъ...

княгиня. Право... я удивляюсь

янохтовъ (*съ увлеченіемъ*). А если я скажу вамъ, княгиня, что

несколько дней тому назад, по приезде моемъ въ эту деревню— я былъ спокоенъ, сердце мое и умъ были свободны; я могъ беззаботно думать о тысячь предметовъ, не останавливаясь на долго ни на одномъ?... Да, княгиня, я никогда не могъ вообразить, чтобы въ теченіе пяти—шести дней, я могъ бы испытать то чувство, которое до-сихъ—поръ было чуждо душѣ моей... Я не могъ вѣрить, чтобы спокойствіе мое могло превратиться въ нестерпимое желаніе... не думалъ, чтобы среди безсонныхъ ночей, одна и та же мысль будетъ постоянно занимать умъ мой, одно и тоже имя безпрестанно блуждать на губахъ моихъ!.. О! не правда ли; вы не повѣрили бы мнѣ, княгиня? И если я скажу вамъ, что не смотря на мою молодость и неопытность, я, съ радостью, съ увлеченіемъ предаюсь теперь этимъ новымъ мыслямъ, новымъ ощущеніямъ... боготворю ихъ, какъ святыню, лелю, дорожу ими, какъ вдохновеніемъ свыше... и что, наконецъ, я умоляю... надѣюсь... (*голосъ, его задрожавъ; онъ вдругъ остановился и опустилъ глаза въ землю*).

княгиня (*всторону*). Боже!... И я должна его обманывать?! . Это увлеченіе, этотъ страстный языкъ...

яноховъ (*посль минутнаго молчанія—дрожащимъ голосомъ*). Вы ничего не отвѣчаете?.. (*складывавъ руки съ умоляющимъ взоромъ*). Княгиня!... Если бы я обратился къ вамъ, и передавая все, что я уже успѣлъ высказать—просилъ бы вашей помощи, вашего совѣта... О? ради Бога, не медлите... говорите... что бы вы отвѣчали?...

княгиня (*въ сильномъ волненіи*). Владиміръ Петровичъ... прошу васъ... оставьте меня...

яноховъ. О! одинъ взглядъ... одно слово, княгиня!...

княгиня (*всторону*). Я начинаю забывать мою роль!

яноховъ (*схватывавъ ея руку — задыхающимся голосомъ*). Да! Я люблю васъ, княгиня... моя рука, богатство, вся жизнь моя...

княгиня (*всторону—едва владѣя собой*). Графиня! Графиня!... (*съ усиліемъ*). Нѣтъ я должна побѣдить себя!... (*смотритъ въ глаза Янохова; страстнымъ голосомъ*). Владиміръ!

яноховъ (*съ радостнымъ крикомъ*). Мое имя?!... (*съ восторгомъ цѣлуя ея руки*). Княгиня, моя Вѣра!...

княгиня (*быстро вырываетъ руки*). Сюда идутъ!... Ради Бога, оставьте меня!...

яноховъ. Какъ! И въ эту минуту, когда...

княгиня (скоро). Что могут подумать?.. Что скажут?.. Развъ вы не знаете графини Маріи?..

Яноховъ. Графиня?.. О! да, да... я долженъ уйти... Но мы еще увидимся, не правда ли?.. (умоляющимъ голосомъ). Мнѣ еще много осталось передать вамъ...

княгиня (стараясь успокоиться). О! конечно, конечно!..

Яноховъ. Завтра, здѣсь, въ паркѣ, въ этотъ же часъ... не такъ ли?...

княгиня (слабымъ голосомъ). Да... завтра...
Яноховъ. О! какъ тяжело мнѣ съ вами расстаться, княгиня!.. Прощайте... (съ любовью смотритъ ей въ глаза). До завтра!.. (поспѣшно уходитъ на право),

V.

княгиня вѣра (по уходѣ Янохова, въ изнеможеніи опускается на скамейку и нѣсколько минутъ сидитъ молча, закрывъ лицо руками. Потомъ вдругъ быстро встаетъ и подходитъ къ авансценѣ).

Дитя, дитя!.. отчего дрожу я?.. Отчего это невольное смущеніе... эта робость?.. О! графиня, какъ дорого стоятъ мнѣ ваши насмѣшки!... (съ увлеченіемъ). И когда я увидѣла его, почти на коленяхъ предо мною, когда я встрѣтила его чистый взоръ, который онъ устемилъ на меня, какъ на боготворимаго ангела, когда я услышала его рѣчи, походившія болѣе на молитву души, нежели на признаніе влюбленнаго... О! въ эту минуту я готова была открыть ему все, умолять, чтобы онъ бѣжалъ отъ меня, какъ отъ зачумленной... Я не люблю его!.. Какъ!.. И я рѣшаюсь играть его страстью?!.. (минутное молчаніе. Вдругъ—какъ бы пораженная внезапною мыслью).. Ха, ха, ха, ха!... о! да какой я еще ребенокъ!.. Къ чему эти нелѣпныя опасенія?!.. Развъ все это не шутка, не пустая шалость отъ нечего дѣлать?.. Ну!.. мы посмѣемся надъ нимъ, а когда вся эта комедія кончится, я увѣрена, что онъ и самъ отъ души похочетъ вмѣстѣ съ нами... Это будетъ ему по-крайней-мѣрѣ урокомъ, не вести впередъ открытой войны съ женщинами, въ особенности съ такими, которыя хотятъ еще правиться!.. А графиня Марія?.. о! я должна непременно выдти побѣ-

дительницей изъ этой битвы—моя честь женщины страдаетъ здѣсь! Она услышитъ и увидитъ, да, увидитъ собственными своими глазами, завтра, здѣсь, въ паркѣ... Ого! да вы думали уколоть меня насмѣшкой, пославъ эту записку (*вынимаетъ записку*). Вы приглашаете меня въ залу общаго собранія для отдачїи окончательнаго отчета... Зная, что сегодня срокъ испытанїя, вы, вѣроятно, надѣетесь, что я со стыдомъ возвращусь назадъ и уступлю поле битвы другой, т. е. вамъ, графиня?.. Воображаю, что будетъ съ вами, когда вы узнаете... (*за сценой слышны голоса*). А! сюда идутъ!... (*смотритъ въ садъ*). И кажется все члены нашего комитета... Приму серьезный видъ; я буду по-крайней-мѣрѣ походить на ревностнаго защитника оскорбленнаго женскаго самолюбія... Мнѣ надобно еще передать кое-что г-жѣ президентшѣ... Милости просимъ, милости просимъ, графиня... я готова! (*прячетъ записку*).

VII.

КНЯГИНЯ ВЪРА, ГРАФИНЯ МОЖАЙСКАЯ, НАДИНЬКА, САША (*входятъ изъ сада*).

ГРАФИНЯ (*обращаясь къ княгинѣ съ важнымъ видомъ*). Вы получили мою записку, княгиня?

КНЯГИНЯ (*тѣмъ же тономъ*). И прочла ее, графиня...

САША. Вспомни, Вѣра, что сегодня вечеромъ... (*къ Надинькѣ — тихо*). Она ни въ чемъ не успѣла — это по всему видно.

НАДИНЬКА (*къ ней — тихо*). Ну, это еще вопросъ перъшенный!...

КНЯГИНЯ (*осматриваясь кругомъ*). Мнѣ кажется все члены нашего комитета здѣсь на лицо, и потому, прошу васъ, mesdames, и въ особенности васъ, графиня, какъ президентшу — удостоить меня на нѣсколько минутъ вниманія...

ГРАФИНЯ (*съ важностью*). Говорите, княгиня; мы васъ слушаемъ... (*всторону*). Между подозрѣніями, которыми я окружила Янохтова и княгиню, изрыта теперь цѣлая пропасть. Я спокойна!...

НАДИНЬКА (*подходит къ княгинѣ*). Это должно быть интересно!...

КНЯГИНЯ (*посматривая на графиню — значительно*). А для нѣкоторыхъ и въ особенности (*принималъ важный видъ*). Вы знаете, mesdames, что находя трехъ-дневный срокъ недостаточнымъ для исполненїя возложеннаго на меня порученїя, я принуждена была просить отсрочки. Комитетъ согласился исполнить мою просьбу, съ

тѣмъ, что по истеченіи срока я должна буду представить ясныя доказательства въ успѣхъ, или признать себя побѣжденной и уступить мѣсто другой... Вы знаете также, что сегодня окончательный срокъ испытанія...

САША (*Надинька—тихо*). Посмотри, если она не откажется.

ГРАФИНЯ (*къ княгинѣ*). И только, княгиня? Но это довольно старая новость; каждый вечеръ мы слышимъ то же самое... Я ожидала услышать что-нибудь позанимательнѣе, тѣмъ болѣе, что вы начали вступленіе съ такою судейскою важностью!...

КНЯГИНЯ. Вы не дали мнѣ кончить, графиня! (*иронически*) Быть можетъ окончаніе покажется намъ интереснѣе... Видите ли въ чемъ дѣло: въ условіяхъ нашего заговора было сказано, что всякіе частные происки и интриги не должны имѣть здѣсь мѣста, что все должны дѣйствовать единодушно, тѣмъ менѣе мѣшать и стараться разстроивать планъ той, на которую падеть жребій.. Припоминаете ли вы наше первое совѣщаніе?...

ГРАФИНЯ. Какъ нельзя лучше! Но что же изъ этого слѣдуетъ?

КНЯГИНЯ. А то, графиня, что я торжественно объявляю, что одна изъ васъ забыла условія наши, стараясь своими происками мѣшать мнѣ....

ГРАФИНЯ (*стараясь казаться спокойною*). Кто-жъ это, княгиня?...

САША. Кто измѣнница?...

КНЯГИНЯ (*съ комическою важностью указывая на графиню*). Графиня!

ГРАФИНЯ (*съ притворнымъ удивленіемъ*). Я?! я?!... Растолкуйте мнѣ это, княгиня... я право ничего не понимаю! (*всторону*). Ужъ не попались ли ей въ руки мои безыменныя записки?...

НАДИНЬКА и САША. Вотъ новость! (*перешептываются между собою*).

КНЯГИНЯ. Я не скажу вамъ ни слова о первыхъ четырехъ дняхъ, оставляя истолкованіе вамъ самимъ, графиня. Но вчера, и въ особенности сегодня — это верхъ всего! Вчера, лишь только завяжетеся у меня разговоръ съ Янохтовымъ, у васъ тотчасъ найдется надобность войти въ комнату, гдѣ мы находимся, чтобы взять оставленную шаль или справиться съ барометромъ о состояніи погоды. Ушли вы — является скороходъ вашъ графъ Кудринъ, и начинается бѣгать по всемъ угламъ, отыскивать потерянную вами серьгу или браслетъ... А сегодня? не по вашему ли убѣжденію Янохтовъ

участвовалъ въ кавалькадѣ?... Прогулка продолжалась болѣе трехъ часовъ, а для меня это совершенно потерянное время... Я не вѣрю никакимъ обстоятельствамъ, которыя могли бы невольно способствовать этому случаю, и вижу ясно, что такъ было вамъ угодно! А выразительные взгляды и полупаеки, которыми вы сыпали направо и налево?... Вотъ что я хотѣла сказать вамъ, графиня, и надѣюсь, что вы наконецъ меня поняли...

ГРАФИНЯ (*всторону*). Нѣтъ; она ничего не знаетъ! (*къ ней — насмѣшливо*). Я вѣрю теперь, княгиня, что недовѣрчивость одна изъ самыхъ приличивыхъ болѣзней. Она такъ незаметно перешла къ вамъ отъ нашего негодима!... Впрочемъ, думайте, какъ хотите, а я право невинна въ томъ, въ чемъ угодно обвинить меня, и не нахожу нужнымъ оправдываться... Но чтобы успокоить васъ, я даю вамъ слово не только не говорить съ непріателемъ, но даже и не смотреть на него болѣе... (*всторону*). Пора прекратить непріязненные дѣйствія и обратиться къ наблюденіямъ... Ея неудача очевидна!... (*къ княгинѣ*). Ну, довольны ли вы мной, княгиня?...

КНЯГИНЯ (*улыбалась*). О! теперь менѣе, нежели когда нибудь, я опасюсь частныхъ интригъ, графиня... увѣрю васъ...

ГРАФИНЯ (*про себя*). Она все еще думаетъ...

НАДИНКА. Такъ отчего же ты все секретничаешь, Вѣра? Пора бы наконецъ открыть намъ... (*въ полголоса ей*). А я держу пари съ Сашей, что ты непременно вскружишь ему голову... Она что-то не надѣется...

САША (*которая въ продолженіи послѣдняго слова смотритъ направо, быстро подходитъ къ дамамъ*). Ахъ! mesdames! идутъ мужчины...

ГРАФИНЯ. Что же такое?...

КНЯГИНЯ. О! Саша права! Мы такъ часто удивляемся, что пожалуй станутъ подозрѣвать. Могутъ догадаться о нашемъ заговорѣ... Разойдемся!.. (*къ графинѣ — улыбалась*). И приготовьте мнѣ лавровый вѣнокъ, графиня Марія!

ГРАФИНЯ (*полу-удивленная*). Какъ! Вы все еще... Увидимъ, княгиня!

КНЯГИНЯ (*самодовольно*). Да, графиня, усльпните наконецъ, если не увидите... (*идетъ въ садъ, за нею вслѣдъ Надинка и Саша*).

ГРАФИНЯ (*всторону*). Ха, ха, ха, ха!... Пустое! она хочетъ насъ

мистифицировать! (уходитъ на льво. Справа показался Янохтовъ, таща за руку графа Кудрина).

VIII.

ГРАФЪ КУДРИНЪ, ЯНОХТОВЪ.

ГРАФЪ КУДРИНЪ (слѣдуетъ за Янохтовымъ съ сигарой въ зубахъ, потомъ вдругъ останавливается и освобождаетъ свою руку). Да тише, ради Аллаха, тише — чуть руки не оторвалъ! Скажи пожалуйста, что съ тобою случилось, mon cher?... Вбѣжалъ въ билиардную, бросился ко мнѣ какъ сумасшедшій и чрезъ-то заставилъ сдѣлать фальшивый шtosъ и проиграть партію, потомъ вдругъ, не говоря ни слова, схватилъ меня за руку и потащилъ сюда, не давъ даже времени опомниться отъ внезапнаго нападенія...

янохтовъ. Поль!

ГРАФЪ КУДРИНЪ (смотря пристально на Янохтова). И, чертъ возьми! Да на лицѣ твоёмъ отсвѣчивается такое довольство и такая радость, что у меня право умъ за разумъ заходитъ. Ну, что тамъ такое...

янохтовъ. Ахъ, Поль, я счастливъ, такъ счастливъ!..

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Вотъ что! Признаюсь, это за тобой рѣдко водится!.. Ужъ не отыскалъ ли ты какое-нибудь рѣдкое и досель неизвѣстное растеніе, которое собираешься принести въ даръ нашему ботаническому саду?... а?..

янохтовъ. И, Боже мой!.. Прошу тебя, любезный графъ, выслушай меня, вмѣсто того, чтобы ломать по пустому голову и тревожить ботанику!

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Будь по твоему! Говори, развертывай предо мною картину своего счастья, а я сяду и... докурю сигару. (садится и куритъ сигару). Даю слово выслушать тебя хладнокровно, если только это возможно!..

янохтовъ. Слушай! Я люблю и любимъ!

ГРАФЪ КУДРИНЪ (съ изумленіемъ опускаетъ руки и роляетъ сигару). Какъ?!.. Что?!.. Любишь?... Ха, ха, ха, ха!... Каковъ?!

янохтовъ. Смѣйся, Кудринъ! — я говорю правду. И вообрази мою радость, мое счастье... она меня любитъ! — женщина, у которой я никогда не осмѣлился бы поцѣловать даже края одежды!..

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Часъ отъ часу не легче!... Клянусь тебѣ, mon

сег, ты находишься теперь въ принадлежкѣ той любви, которую мы называемъ обыкновенно любовью концентрическаго!

ЯНОХТОВЪ (*съ неудовольствіемъ*). Прощу тебя, перестань шутить, Кудринъ! Я пришелъ къ тебѣ съ тѣмъ, чтобы передать мое счастье, мои мечты о будущемъ... чтобы поговорить съ тобою о ней... Мое сердце, душа моя ищутъ сочувствія друга; а ты...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*встаетъ и подходитъ къ Янохтову*). Ну полно, полно! молчу — и каюсь въ прегрѣшеніи!... Но скажи пожалуйста, кто же эта особа?

ЯНОХТОВЪ. Неужели я до-сихъ-поръ не называлъ ее?... княгиня Вѣра?...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Княгиня! (*всторону*). Экая досада! А я только-что собрался влюбиться въ хорошенькую вдовушку!.. Но дѣлать нечего, надобно подумать объ Янохтовѣ и помочь ему моею опытностью.

ЯНОХТОВЪ. Не правдали, Поль, она хороша, какъ ангелъ!

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Согласенъ, но... (*взявъ его за руку*). Послушай, мой сег, я что-то плохо вѣрю!...

ЯНОХТОВЪ (*быстро*). Любви моей?...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*продолжалъ*). Искренности княгини.

ЯНОХТОВЪ (*горливо*). Кудринъ!

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Та, та, та, та!... Выслушай меня хладнокровно! Поверь, мой сег, ужъ что касается до любви и волокитства, въ этомъ прошу извинить—не ударимъ лицомъ въ грязь!... Я знаю, ты еще новичекъ въ этой наукѣ, и потому легко можешь—или ошибиться, или испортить все дѣло своею неловкостью. И потому, прошу тебя, послушайся меня, мой сег, и ничего не предпринимай безъ моего совѣта. Я принялъ на себя роль ментора, единственно для того, чтобы съ одной стороны—избавить тебя отъ непріятности получить чистую отставку, дѣйствуя блокадою тамъ, гдѣ нужны осмотрительность и правильная атака; а съ другой стороны, зная твой характеръ и способность влюбиться по уши, хочу отвлечь тебя отъ пагубной страсти, которая легко можетъ столкнуть тебя въ пропасть бѣды, въ случай, если бы княгиня угодно было отдать преимущество другому!.. Вѣдь ты—не я! По мнѣ, подобныя неудачи ничтоже... отвернулся отъ одной—подвернусь къ другой!... Но твой характеръ, твой характеръ... Бррръ!... Теперь рассмотримъ другое обстоятельство. Вспомни, что ты только здѣсь увидѣлъ въ первый разъ княгиню. Едва прошла недѣля, какъ мы въ подмосковной

Сухановыхъ, и ты хочешь, чтобы въ продолженіе этого времени женщина, для которой до-сихъ-поръ ты былъ совершенно незнакомъ, и прибавь еще—женщина свѣтская—полюбила бы тебя со всемъ увлеченіемъ любви истинной... (*всторону*). Уфъ!... (*къ Янохтову*). что касается до тебя, я вѣрю, что ты ее любишь до безумія, до изступленія—ну, и т. д. Но то ты, mon cher, а то княгиня Томилава!... Вижу, ты хмуришься... Ты удивляешься, слыша, что графъ Кудринъ, вѣтряпый, взбалмочный Кудринъ — какъ меня называютъ — начинаетъ такъ разсуждать?... Но mon cher, я старъ опытомъ, а въ добавокъ дѣло идетъ о тебѣ... (*Янохтовъ отворачивается, скрывая досаду*). Какъ! Ты отворачиваешься?... Не слушаешь меня?... Молчишь?...

янохтовъ (*послѣ минутнаго молчанія — всторону*). Какая мысль!... О! нѣтъ сомнѣнія... (*къ нему съ примѣтною досадою*). Благодарю тебя... благодарю за участіе... Слова твои показываютъ... дружбу ко мнѣ... я... (*всторону*). Да, слова его и эти таинственныя записки... о! лицемеръ!...

графъ кудринъ (*съ удивленіемъ*). Какой тонъ! Что съ тобой? Я... право не понимаю.

янохтовъ (*презрительно*). Не понимаешь?... О! советую тебѣ поступить на сцену, Кудринъ: — ты былъ бы славный актеръ...

графъ кудринъ (*вспыльчиво*). Но... чортъ возьми!
янохтовъ (*въ сильномъ волненіи*). Да, Поль, да; я всегда считалъ тебя другомъ, и еще теперь такъ доверчиво искалъ въ груди твоей отголоска знакомаго чувства, и нашель — предательство...

графъ кудринъ. Янохтовъ!

янохтовъ. А! ты хочешь, чтобы я говорилъ яснѣе?... Хорошо! Отвѣчай мнѣ, что понудило тебя отклонять меня отъ любви къ ней?... Къ чему вела вся эта пышная рѣчь? О! знаю я васъ, друзья—эгоисты! не заширайся, не ищи новыхъ словъ, чтобъ обмануть меня... я знаю, все знаю — ты любишь княгиню!

графъ кудринъ (*въ изумленіи*). Я!...

янохтовъ (*насмѣшливо*). О! Повторяю вамъ, графъ—я не ребенокъ, котораго надо водить еще на помочахъ!... Я не такъ близорукъ, какъ вы думаете — увѣрю васъ!

графъ кудринъ. Нѣтъ! это изъ рукъ вонъ!... Янохтовъ — я требую...

янохтовъ (*вынимая изъ кармана записку*). Узнаешь ли ты эту записку?... Посмотри, прочти ее!...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Что такое?... (бросивъ бѣглый взглядъ на записку — всторону). Ай, ай, ай!... Рука графини Марин!...

ЯНОХТОВЪ. Ну, что же ты не читаешь?...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (читаетъ). «Берегись! Ты уже слишкомъ доверчивъ!...» (всторону). Эге!... Да тутъ что нибудь да кроется... Притворюсь, иначе эта горячка испортитъ все дѣло...

ЯНОХТОВЪ (съ негодованіемъ). Видишь ли, что я наконецъ отыскалъ автора этихъ безыменныхъ посланій... И кто же, какъ не ты?... Ты хотѣлъ возбудить во мнѣ нелѣпныя подозрѣнія, оттолкнуть меня отъ княгини, оттолкнуть отъ счастья... потому что ты самъ...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (быстро). Неправда! тысячу разъ неправда!... Эти записки писаны не мною! (всторону). Не выдержалъ, ей ей не выдержалъ!... Не знаю теперь, какъ и поправить...

ЯНОХТОВЪ (быстро). Ты говоришь...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Эти записки (всторону). Bravo, bravo!... (къ нему). Да, эти записки... писала дама!...

ЯНОХТОВЪ (въ изумленіи). Какъ, дама!...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Да, mon cher!... (говоритъ ему въ полголоса на ухо). Генеральша Суханова—ко мнѣ...

ЯНОХТОВЪ (недовѣрчиво). Къ тебѣ!... Но какимъ образомъ?.. Одну изъ нихъ я получилъ въ конвертъ, адресованномъ на мое имя, другую, дня два тому назадъ, нашелъ въ моей комнатѣ на столѣ, а третью сегодня въ шляпѣ, во время прогулки съ дамами... (вынималъ изъ кармана еще двѣ записки). Вотъ и остальные экземпляры...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (въ замѣшательствѣ). Вотъ видишь ли... Во первыхъ маленькое недоразумѣніе... во вторыхъ... чтобы отклонить всякое подозрѣніе... и наконецъ... ну, ты самъ знаешь... (беретъ изъ рукъ Янохтова записки).

ЯНОХТОВЪ. Но какую цель имѣла Суханова?...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Какую цель... цель... (всторону). Вотъ ужъ и не знаю, что сказать ему... (вслухъ). И, mon cher, какъ ты не догадливъ!.. Развѣ ты не знаешь, что я... что я возбудилъ въ ней ревность, началъ волочиться за графинею, и она, чтобы отомстить мнѣ, рѣшилась... Короче—дѣло весьма понятно и ясно, какъ день!... (причетъ записки въ карманъ).

ЯНОХТОВЪ. О! Если ты меня обманываешь, Кудринъ, если...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Клянусь тебѣ...

ЯНОХТОВЪ. И ты.. совершенно равнодушенъ къ княгинѣ?...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (быстро). Не будь я графъ Павелъ Федоровичъ

Кудринъ!

яноховъ (*взявъ его руку*). Прости меня, Поль; я вижу, что горючился по пустому!... Но твои слова... и эти проклятыя записки заставили меня подумать 'невѣсть что!... Да, ты былъ несправедливъ къ княгинѣ... О! мой другъ, если бы ты слышалъ слова ея, если бы ты видѣлъ взоръ ея въ минуту невольнаго признанія — ты заговорилъ бы другое... Поль! до-сихъ поръ, я не жилъ, а прозябалъ на свѣтѣ; потому что не любить значитъ не жить!...

графъ кудринъ. Совершенно согласенъ!.. Следовательно, ты пожалуй рѣшишься и жениться?...

яноховъ. И, Боже мой! конечно. Да какъ же иначе?

графъ кудринъ (*съ удивленіемъ*). Такъ ты хочешь.. Чортъ возьми! Ну, вотъ подите, поймите его! Да ты бы давно мнѣ это сказала, mon cher! А я все думалъ, что ты ее любишь... ну, какъ обыкновенно мы въ свѣтѣ любимъ хорошенькихъ женщинъ... Жениться... въ такомъ случаѣ, моя великолѣпная рѣчь о любви и волонтерствѣ только напрасно тебя встревожила. О! теперь я рѣшительно оправдываю тебя во всемъ, и если ты намѣренъ жениться — это другое дѣло — нѣтъ сомнѣній, что княгиня тебя истинно любитъ! (*всторону*). Эти записки не выходятъ у меня изъ головы.

яноховъ. О! ты не знаешь, мой другъ....

графъ кудринъ. Замъчу одно, mon cher—для мужа-то ты слишкомъ молодъ!... Право, лучше бы вмѣсто женитьбы приняться за правильную атаку, по моему....

яноховъ. Полно, Поль, ты не понимаешь любви моей.. Какъ! ты хочешь, чтобы я....

графъ кудринъ (*перебивая его*). И прочая, и проч. и проч.. Объ остальномъ я догадываюсь!...

яноховъ. О! вообрази себѣ..

графъ кудринъ. Воображаю—сначала до конца

яноховъ Экой упрямецъ! Съ тобой не сговоришь! Надѣюсь впрочемъ, что ты скоро переѣмьшишь свое мнѣніе... А теперь пока прощай!... (*протягиваетъ ему руку*).

графъ кудринъ. Ты серднишься на меня!....

яноховъ. Ни мало, но я иду...

графъ кудринъ (*улыбаясь*). Къ своему ангелу хранителю?

яноховъ. Опять!...

графъ кудринъ. Прощай, счастливый смертный! (*Яноховъ уходитъ въ садъ*).

IX.

ГРАФЪ КУДРИНЪ (смотритъ вслѣдъ Янохтову).

Эге!... Ужъ что хотите, а тутъ есть какая-нибудь закорючка!... Графиня Марія не даромъ приняла на себя роль въ этой мистификаціи... Но какая цель?... Къ чему ведутъ эти таинственныя предостереженія?... (*ходитъ большими шагами по сценѣ*). Я знаю, графиня не можетъ перенести мысли, что не она, а другая занимаетъ здѣсь первое мѣсто между дамами, и потому ея обхожденіе съ княгиней Вѣрой и ея вѣчные сарказмы вовсе не кажутся странными. Но всѣ эти предположенія ничего мнѣ не объясняютъ! (*вдругъ останавливается*). Что если?... И, чертъ возьми, чѣмъ больше я объ этомъ думаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что я — ровно ничего не понимаю... (*садится*). Г-мъ!... Мнѣ что-то плохо вѣрится въ исправность чувствъ княгини... Эта мгновенная страсть, эта любовь скороспѣлка легко можетъ родиться въ сердцѣ пятнадцатилѣтней дѣвушки, но не въ сердцѣ нашей хорошенькой вдовушки!... Какое-то тайное предчувствіе говоритъ мнѣ... (*быстро встаетъ*). Чертъ возьми! неужели я останусь въ бездѣйствіи, когда дѣло идетъ о счастьи моего лучшаго друга? Рѣшено—стану шпионить!... Буду слѣдить за каждымъ движеніемъ княгини, за ея взглядами, словами... даже, если возможно, постараюсь проникнуть въ сокровенныя мысли... Да и графиню прижмемъ къ ноготку... Но подумаемъ... (*идетъ къ рѣшеткѣ сада*) а тамъ... (*заглядывая въ садъ*). Ба!... кажется княгиня и Надинька... У обѣихъ такой озабоченный видъ!... (*подходитъ къ авансценѣ*). О! чудесная мысль... Ужъ если шпионить, такъ въ полномъ смыслѣ шпионить, — не упускать ни одного удобнаго случая... Я знаю, за женщиной не углядишь въ общество, гдѣ есть мужчины, нѣтъ; надобно слѣдить за ними въ кругу ихъ же самихъ — здѣсь часто одно слово выражаетъ болѣе чѣмъ сотни фразъ, произносимыхъ въ гостинной... Прекрасно! Спрячусь въ эту бесѣдку, авось до меня долетитъ слово загадки... О! записки графини крѣпко засѣли мнѣ въ голову... Чу! идутъ?... Маршъ-маршъ. (*Поспѣшно скрывается въ бесѣдку*).

X.

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*въ бесѣдкѣ*), КНЯГИНЯ И НАДИНЬКА (*выходятъ изъ сада*).

НАДИНЬКА (*княгиня*). И такъ, милая Вѣра, сегодня вечеромъ ты наконецъ перескажешь намъ все средства, которыя привели тебя къ желанной цѣли... А! Владиміръ Петровичъ — наконецъ-то вы попались къ намъ въ руки... Не знаю, чѣмъ рѣшить комитетъ нашъ, и въ особенности (*улыбается*) президентина, графиня Марія... О! что касается до меня, то я просто безъ ума отъ радости и готова торжественно преклонить предъ тобою колѣно (*смѣется*). Но скажи, пожалуйста, я думаю тебѣ много стоило трудовъ, чтобы вскружить голову этому нелюдиму?...

КНЯГИНЯ (*слабымъ голосомъ нерѣшительно*). Да, милая Надинька, и я очень рада, что наконецъ все это кончилось Роль, которую я приняла на себя, начинала уже тяготить и пугать меня.. Мнѣ право жаль бѣднаго Янохтова!.. Онъ такъ легко повѣрилъ мнѣ и принялъ шутку за серьезное... Я бы не хотѣла огорчать его; онъ такъ молодъ, съ такою любящею душею... Повѣришь ли, Надинька, онъ предлагалъ мнѣ свою руку, клялся въ вѣчной любви...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*въ бесѣдкѣ тихо*). А вы?... Прекрасно, княгиня, прекрасно!...

НАДИНЬКА. А кто же виноватъ!... Не онъ ли первый началъ?... Онъ выдумалъ избѣгать нашего общества, выдумалъ вести съ нами войну!... Пусть это послужитъ ему урокомъ.... Вскружить голову нелюдиму, заставить влюбиться въ одну изъ насъ, и потомъ, когда это уладится, открыть ему глаза и объявить, что все это была одна только шутка,—право никто не счумѣлъ бы придумать лучше тебя, Вѣра!

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*въ бесѣдкѣ*). О-о-о-о!... Да это просто заговоръ!... систематическій заговоръ!

КНЯГИНЯ. Не думаю впрочемъ, чтобы наша шалость имѣла какія-нибудь послѣдствія...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*въ бесѣдкѣ*). Шалость! Скажите пожалуйста... шалость!...

КНЯГИНЯ (*продолжая*). Завтра я дамъ ему понять, что это была только прихоть оскорбленнаго самолюбія женщинъ... забава отъ

нечего дѣлать, шутка, о которой мы оба должны забыть тотчасъ по выѣздѣ изъ подмосковной въ столицу... Да, онъ легко пойметъ меня; я въ этомъ увѣрена!... (*перемѣняя голосъ*) Ты идешь въ гостию, Надинька?...

НАДИНЬКА. Да, а ты?...

КНЯГИНЯ. Обойду еще разъ паркъ... Смотри же, не забудь нашего условія: въ 10-ть часовъ вечера, въ комнату графини Маріи... (*задумывается*).

НАДИНЬКА, (*улыбаясь*). О! ужъ этого-то не забуду!.. (*пристально смотритъ на княгиню*) Но скажи, пожалуйста, что ты такая скучная?...

КНЯГИНЯ (*вздвигнувъ*). Кто, я?... О, напротивъ; я весела... очень весела....

НАДИНЬКА (*съ важностію*). Прошу же не хмуриться! Ты знаешь, я этого не люблю! (*идетъ къ рѣшеткѣ сада и снова возвращается*). А пророс, Вѣра, если тебѣ будутъ нужны кой-какія доказательства въ нашемъ комитетѣ, то обратись прямо ко мнѣ (*смѣется*) Вѣдь я секретарь, и могу подслушивать!... Что?... необходимо? Ну, какъ хочешь! (*идетъ въ садъ*).

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*въ бесѣдкѣ*). И эта вертушка туда же?.. Ну, просто—возстаніе въ сераль!... Да полно, не обманываютъ ли меня уши?... (*осторожно выглядываетъ изъ бесѣдки*). Не скажутъ ли правду глаза?... (*увидѣвъ княгиню, которая стоитъ задумчиво на томъ же мѣстѣ, гдѣ ее оставила Надинька*). Она, ей ей она!.. (*поспѣшно кидается въ бесѣдку*).

КНЯГИНЯ (*послѣ минутнаго молчанія—въ полголоса*). Нѣтъ, я поступила слишкомъ необдуманно!... Какъ разгадать это чувство сожаленія?... Какъ понять опасенія мои?... Неужели?... (*съ усиліемъ*). О! какая ужасная пытка!... (*уходитъ на право*).

XI.

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*выглядываетъ осторожно изъ бесѣдки*).

Ушла!... (*поспѣшно выходитъ*). Такъ вотъ эта женщина съ возвышенными чувствами, съ благородной, любящей душою, съ чистымъ, непорочнымъ сердцемъ! Такъ вотъ женщина, Владиміръ, которую ты считалъ чѣмъ-то особеннымъ въ кругу ей подобныхъ,

которую ты полюбилъ со всею довѣренностію чловѣка въ первый разъ испытывающаго это чувство!... Безумецъ! безумецъ!... (*ходитъ въ сильномъ волненіи по сценѣ*). Какой адскій замысль! какой расчитанный заговоръ!.. А, mesdames, не думайте, что графъ Кудринъ неспособенъ ни къ чему серьезному, что онъ годенъ только быть вашимъ скороходомъ и селадомомъ?... Ого! да какъ вы ошиблись!... Правда! я въжливъ до крайности, уступчивъ до невѣроятности; но бываютъ минуты, когда я становлюсь просто ужасенъ! И эта минута наступила... «О! крови, крови Яго!» И кто бы подумалъ, что княгиня... Прекрасно! Вамъ было угодно посмѣяться на чужой счетъ, одурачить моего друга?... Но вы забыли, что я, какъ мужчина и другъ Владиміра, имѣю полное право отплатить вамъ тѣмъ же!... Ваша выдумка очень оригинальна, въ томъ нѣтъ спора; но вы слишкомъ самонадѣянно полагали, что все непременно удастся!... По счастью я теперь все знаю... «О! крови, кро...» Я такъ золь теперь, такъ золь, что... Брррр!... (*подходитъ къ авансценѣ*). А эти записки?... По всему видно, что графиня, какъ президентша, тоже участвуетъ въ заговорѣ, и между тѣмъ... О! дипломатка!... Она втайнѣ разрывается съ досады, что не занимаетъ главной роли, и потому рѣшилась растроивать планъ затѣянной комедіи тайными происками... Ай да комитетъ въ юбкахъ!... Но погодите, mesdames, посмѣюсь же и я надъ вами въ мою очередь!... (*задумывается, какъ бы пораженный внезапною мыслию*). Ба!... Чудно!... Неподражаемо!... «Сегодня въ 10-ть часовъ вечера, въ комнату графини Маріи»—Эти слова я очень хорошо разслышала... (*хохочетъ и ходитъ по сценѣ*). Сбирайтесь, mesdames-члены, собирайтесь... я не помѣшаю вамъ... Я дамъ вамъ время начать судъ и расправу; а тамъ.... Ха, ха, ха, ха, (*потирая руки*). Тото будетъ кутерьма.. Воображаю!... Мы явимся къ нимъ, какъ снѣгъ на голову!... (*вдругъ останавливается*).

XII.

ГРАФЪ КУДРИНЪ, АНДРЕЙ.

АНДРЕЙ (*обращаясь къ графу Кудрину*). Генераль проситъ ваше сіятельство пожаловать въ билиардную.

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*увидѣвъ Андрея, ударяетъ себя по лбу, въ*

полголосо). И, чортъ возьми! Да чего же лучше... Онъ хитрѣе и проворнѣе самого чорта... (беретъ его за руку, и подводитъ къ авансценѣ). Слушай, Андрей! Я знаю ты плутъ преестественный, но мнѣ такого и нужно. (Андрей кланяется). Я хочу дать тебѣ маленькое порученіе.... Но помни, что чрезъ часъ ты долженъ совершенно все забыть, что теперь отъ меня услышишь....

АНДРЕЙ (съ низкимъ поклономъ). Помилуйте, ваше сіятельство! да къ этому мнѣ не привыкать стать!

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Ты знаешь, гдѣ находится комната, занимаемая графиней Можайской?...

АНДРЕЙ. Какъ же, ваше сіятельство, комната графини въ правомъ углу дома, самая послѣдняя и примыкаетъ къ нежилымъ покоямъ.

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Прекрасно!... А пѣтъ ли возлѣ смежной комнаты, откуда можно бы слышать все, что стануть говорить у графини?

АНДРЕЙ. Должна быть, ваше сіятельство... Но нежилые покои все заперты, а ключи у управителя...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Пустое! Узнай поподробнѣе, какъ расположена смежная комната и непременно достань отъ нея ключъ... Слышишь?...

АНДРЕЙ. Слышу, ваше сіятельство, но...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Знать ничего не хочу, что тутъ за но!... Употреби всевозможныя средства, хитри, обманывай; наконецъ, если ничто не поможетъ, утащи тайкомъ, но во что бы ни стало, принеси мнѣ ключъ... Потомъ, ты долженъ провесть меня въ эту комнату, но такъ, чтобы никто не замѣтилъ... Ну понимаешь-ли ты?...

АНДРЕЙ (съ низкимъ поклономъ). Какъ не понять, ваше сіятельство! (всторону). Эге! да онъ и до графини наконецъ добирается. (къ нему, таинственно). Если я не ошибаюсь, вы хотите, ваше сіятельство...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. И, чортъ возьми!... ты меня знаешь, я не люблю разсужденій!... Исполниай безпрекословно мои приказанія, иначе...

АНДРЕЙ. Иду, ваше сіятельство, иду...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Но смотри никому ни гугу! (грозитъ пальцемъ).

АНДРЕЙ. О! не безпокойтесь, ваше сіятельство! Языкъ отрѣжу, а не скажу ни слова. (идетъ и слова возвращается). А что прикажете отвѣчать его превосходительству?...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. А! Онъ звалъ въ биліардную... Скажи, что я буду чрезъ полчаса, а теперь я занятъ... Ну ступай, дѣло къ спѣху...

АНДРЕЙ. Бѣгу! (убѣгаетъ въ садъ).

XIII.

ГРАФЪ КУДРИНЪ ОДИНЪ.

Ну, теперь, надо приняться за Янохтова. Чувствую—быть грозь... И потомъ, не лучше ли будетъ молчать до времени и открытъ ему все не ранѣе 9-ти часовъ вечера? Мнѣ кажется, что эта предосторожность не лишняя. Гмъ! Во первыхъ, онъ не умѣетъ еще носить маски, и заговорщицы наши тотчасъ догадаются, что секретъ ихъ проникнуть; а во вторыхъ, я крѣпко держусь пословицы: куй железо пока горячо! Когда онъ все узнаетъ, то въ припадкѣ разочарованія, я могу совершенно овладѣть имъ, и онъ слѣпо послѣдуетъ моимъ советамъ. (*послѣ минутнаго молчанія*). О! женщины, женщины!... Вѣдь и нашли же кого заманить въ свои сѣти... О если бы вамъ было угодно выбрать предметомъ атаки меня, я показалъ бы вамъ, mesdames, что значить пустить волка въ овчарню!... Но пора заняться дѣломъ! Улучу свободную минуту, чтобы сказать Янохтову, что я жду его въ моей комнатѣ къ 9-ти часамъ (*идетъ направо, вдругъ останавливается — смотритъ въ аллею направо*). Легки на поминъ! И Владиміръ, и княгиня!...

XIV.

ГРАФЪ КУДРИНЪ, КНЯГИНЯ, ЯНОХОВЪ.

ЯНОХОВЪ (*княгиня*). Да, княгиня, я такъ счастливъ сегодня, что...

КНЯГИНЯ (*увидѣвъ графа Кудрина, тихо*). Тише... (*графу*). Какъ графъ!.. вы здѣсь, одни — не съ дамами?!.. Берегитесь, чтобы не разсердилась графиня Марія. (*Во вслѣхъ словахъ княгини, въ продолженіе этого явленія видна какал-то принужденность*).

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*всторону*). И она говоритъ? .. о! людоморка!... (*къ ней — насмѣшливо*). Мнѣ кажется, княгиня, что я, какъ эхо, вторю только другимъ... и поступаю такъ...

КНЯГИНЯ (*улыбаясь*). Изъ состраданія, любезный графъ?...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*кланяясь*). Изъ учтивости, княгиня! (*всторону*). О! змѣя!... Какіе глазки! Боюсь, чтобы они и меня не околдовали!..

княгиня (*Янохтову*). Пожалуйста, Владимиръ Петровичъ, не берите примѣръ съ вашего друга... онъ такъ скрытенъ, что пожалуй и васъ научить притворству... (*Янохтовъ смѣется*).

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Притворству?... Кто—я, княгиня?.. Напротивъ, я всѣми силами стараюсь... (*значительно*) открыть ему глаза, увѣрю васъ!.. (*всторону*). Ну просто зараза!... (*взявъ за руку Янохтова — въ полголоса*). Сегодня, въ 9-ть часовъ вечера, я жду тебя въ моей комнатѣ... (*замѣчая движеніе Янохтова*). Съ, ни слова.

княгиня. Что у васъ тамъ за тайны?..

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Я просилъ Владимира... сказать мнѣ... адресъ одного изъ общихъ нашихъ знакомыхъ въ Петербургъ... (*значительно смотритъ на Янохтова*).

янохтовъ (*въ полголоса*). Что все это значить? Но скажи мнѣ...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Будь нѣмъ, какъ рыба, а въ девять часовъ вечера приходи ко мнѣ...

княгиня (*Янохтову*). Пойдемте, Владимиръ Петровичъ.. вы видите, мы мѣшаемъ графу...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Вы напрасно обвиняете меня, княгиня, я...

княгиня. Жду оправданій въ гостинной... Вашу руку, Владимиръ Петровичъ!.. (*Княгиня и Янохтовъ идутъ въ садъ. Янохтовъ оборачивается назадъ къ графу; взоръ его выражаетъ безпокойство и нѣмой вопросъ. Графъ, въ знакъ молчанія кладетъ палецъ на губы. Княгиня и Янохтовъ уходятъ и въ то же время у рѣшетки показался Андрей*).

XV.

ГРАФЪ КУДРИНЪ, андрей.

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*увидѣвъ Андрея*). Ну что?...

АНДРЕЙ. Дѣло идетъ на ладъ, ваше сіятельство. Я узналъ, что возлѣ комнаты занимаемой графинею, есть другая, совершенно свободная...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*съ нетерпѣніемъ*). Ну?...

АНДРЕЙ. Изъ нея ведутъ двери въ комнату графини... Стѣна деревянная и потому вамъ легко будетъ слышать все, что стануть говорить возлѣ.

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Прекрасно! А ключъ, ключъ?...

АНДРЕЙ. Ключъ у управителя, но черезъ часъ онъ будетъ у вашего сѣятельства... (*таинственно*). Но я съѣлалъ новое открытіе...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Да говори же, не мучь меня...

АНДРЕЙ. Я встрѣтился случайно въ корридоръ съ горничной графини... Я... съ позволенія сказать... немножко знакомъ съ нею... Слово за слово, я успѣлъ забраться въ комнату госпожи ея, и замѣтилъ, что дверь, которая ведетъ въ соседній покой, не запирается на ключъ, а притворяется задвижкой...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Ну?...

АНДРЕЙ (*улыбаясь*). Я отодвинулъ-съ задвижку...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. И мы можемъ... и я могу въ случаѣ нужды... Андрей! ты дипломатъ т. е. это значить *золотой малой*.

АНДРЕЙ (*съ низкимъ поклономъ*). Надѣюсь, ваше сѣятельство, останетесь довольны мною?

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Мой коншелекъ тебѣ это скажетъ. Теперь бѣги, и во что бы ни стало, достань мнѣ ключъ отъ соседней комнаты. Смотри же, Андрей, къ 9-ти часамъ вечера, онъ долженъ быть у меня въ карманъ...

АНДРЕЙ. Сказано — съѣлано, ваше сѣятельство.

XVI.

ГРАФЪ КУДРИНЪ И ЯНОХТОВЪ, ПОТОМЪ НАДИНЬКА И САША.

ЯНОХТОВЪ (*поспѣшно подходитъ къ графу*). Ради Бога, скажи мнѣ, что все это значить?

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*хладнокровно*). А что такое, mon cher?...

ЯНОХТОВЪ (*въ безпокойствѣ*). Но слова твои...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*прежнимъ тономъ*). Я уже сказалъ... Сегодня въ 9-ть часовъ вечера я жду тебя въ моей комнатѣ...

ЯНОХТОВЪ. Но Поль...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Но Владиміръ... И, чортъ возьми — слышалъ ли ты: вечеромъ, вечеромъ, а до-тѣхъ-поръ имѣй терпѣніе и никому ни слова о нашемъ совѣщаніи...

ЯНОХТОВЪ. Кудринъ, прошу тебя...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Ни слова!...

ЯНОХТОВЪ (*подходя къ нему ближе и взявъ за руку*). Но ты долженъ, наконецъ...

НАДИНЬКА (показываясь у рѣшетки). Владиміръ Петровичъ!...
 ГРАФЪ КУДРИНЪ (отталкивая отъ себя Янохтова). Тебя ждутъ дамы... ступай!...

ЯНОХТОВЪ (въ изумленіи смотритъ на графа — въ полголоса).
 Странно!... Что это за тайна?!...

САША (показываясь у рѣшетки). Владиміръ Петровичъ!
 ЯНОХТОВЪ (быстро оборачиваясь назадъ). Ахъ извините, mesdames!... Заговорился!... (бѣжитъ въ садъ).

ГРАФЪ КУДРИНЪ (вслѣдъ Янохтову въ полголоса). Побѣжалъ на приманку, какъ сумасшедшій! (оборачивается и подходит къ авансценѣ). «О! крови, крови, Яго!»

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Генеральное сраженіе.

Комната графа Кудрина. Двери посреднѣ.

I.

ГРАФЪ КУДРИНЪ (одиень. — Онъ держитъ въ рукахъ записку.
 Читаетъ.)

«Члены комитета имѣютъ честь просить княгиню Вѣру Александровну, пожаловать сегодня въ 10-ть часовъ вечера въ залу общаго собранія, для окончателнаго отчета въ результатъ возложеннаго на нее порученія по жребію.»

«Президентша: графиня Можайская.»

Ха, ха, ха, ха!... (ударяя рукой по бумагамъ). Ай да комитетъ!.. Теперь загадка объяснилась! Такъ вотъ что значить этотъ таинственный жребій!.. Не понимаю, право, какъ мнѣ это прежде въ голову не приходило!.. Теперь только раскусилъ я, къ чему относится этотъ напѣвъ графини: «Conduis ta barque avec prudence!» — Наставленіе родительское, наставленіе опытной кокетки! А тутъ общій хоръ: «Pêcheur parle bas!» — Предосторожность, чтобы

никто не проговорился въ моемъ присутствіи. А ты Кудринъ, ты и ну орать: «Le roi des mers ne t'échappera pas!» вовсе не подозрѣвая, что онъ изподтишка надъ тобой же смѣются. О! я былъ одураченъ, рѣшительно одураченъ! А нечего сказать, мастерски закинула удочку — бѣдная рыбка не сорвалась съ крючка. Приманка подѣйствовала, какъ пельзя лучше... Такъ вы разыгрывали роль червячка, клягinya?... Признаюсь, очень оригинально!... Какъ!... И всѣ женщины за одно!... (*махнувъ рукой*). Нустое! Вздоръ!... Я не допущу, чтобы пятно безславія пало на имя мужчины; я покажу, т. е. мы покажемъ, что насъ не такъ легко одурачить, какъ онѣ думаютъ!... Эта судейская записка, вѣроятно потерянная княгинею въ паркъ, по счастью попала въ мои руки и пригодится, какъ новое доказательство къ убѣжденію Владиміра... Да, мы смѣемся надъ ихъ разговоромъ, смѣемся.. и останемся тверды и равнодушны, какъ... какъ... (*смотритъ на часы*). Ай, ай!... Скоро 9-ть часовъ, а Андрей еще не являлся. Что если онъ не исполнитъ моего порученія? Вѣдь, просто бѣда! Всѣ мои великопѣнные затѣи пойдутъ тогда къ чорту!... Чу! отворяется дверь!... Онъ! онъ!... (*прлетѣтъ бумагу въ карманъ, бѣжитъ на встрѣчу къ Андрею, который въ эту минуту входитъ*).

II.

ГРАФЪ КУДРИНЪ, АНДРЕЙ.

АНДРЕЙ. Ваше сіятельство!...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Ключъ, ключъ!...

АНДРЕЙ. Вотъ онъ! (*вынимаетъ изъ кармана ключъ и подаетъ его графу*).

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*взявъ ключъ и поднявъ его вверхъ*). Bravo, брависимо!... Андрей, проси у меня, чего хочешь — отказа не будетъ?

АНДРЕЙ (*съ низкимъ поклономъ*). Помилуйте, я радъ служить вашему сіятельству!

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Андрей, ты золото, а не мальчикъ! А золоту, и за золото (*показывая ключъ*) я привыкъ платить золотомъ, (*вынимаетъ кошелекъ и отдаетъ его Андрею*). Вотъ! возьми.

АНДРЕЙ (*кланяется*). Ваше сіятельство такъ милостивы (*всто-*

рону). Ого! да какъ онъ щедръ! Видно графиня то задѣла его за живое!... (*графу*). Неудобно ли будетъ вашему сіятельству еще что приказать?

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Ба! кстати! Ты уведомишь меня, когда дамы наши соберутся въ комнату графини... Слышишь ли, не медля ни минуты, явись ко мнѣ съ докладомъ?...

АНДРЕЙ. Будьте покойны, ваше сіятельство! Не прозвваю...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Теперь ступай; но уговоръ! Умѣй держать языкъ на привязи, иначе... (*Яноховъ входитъ въ комнату — Андрей уходитъ*).

III.

ГРАФЪ КУДРИНЪ, ЯНОХОВЪ.

ЯНОХОВЪ (*подходитъ къ графу Кудрину*). Ради Бога, скажи Кудринъ, что это за важное извѣстіе, которое ты хотѣлъ сообщить мнѣ. Твоя таинственность приводитъ меня въ ужасное безпокойство!

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*хладнокровно*). Ты врешь слову, mon cher!... (*вынимая часы*). Ровно—9-ть, минута въ минуту.

ЯНОХОВЪ (*съ нетерпѣніемъ*). Прошу тебя, Поль, не мучь меня.. Черезъ часъ княгиня обѣщалась быть въ саду. Говори, что ты знаешь?...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*всторону*). Пустое, свиданію не бывать! (*къ нему*). Послушай, mon cher! Ты знаешь, я вовсе не способенъ корчить философа, гдѣ предметомъ одна только шутка, и на оборотъ, не люблю шутить, гдѣ дѣло идетъ о предметъ болѣе важномъ. И потому, прошу, будь внимателенъ къ словамъ моимъ, и не перебивай до конца.

ЯНОХОВЪ. Говори, говори — я слушаю.

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Вообрази себѣ молодого человека съ чистымъ сердцемъ, съ душою любящею, съ характеромъ откровеннымъ и съ полною неопытностію въ трудной наукѣ жизни. Обстоятельства пріучили его къ недоверчивости, но это чувство не въ состояніи было преодолеть его первоначальной природы; онъ былъ готовъ уступить первымъ впечатлѣніямъ, которыя сильнѣе другихъ подѣйствовали на его мягкую душу....

ЯНОХОВЪ. Но я право непонимаю, къ чему служить это вступленіе?... Ты рѣшился....

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Помни условіе, mon cher! Но, я продолжаю. — Случай бросилъ этого человѣка въ общество молодыхъ и прекрасныхъ женщинъ, гдѣ за недостаткомъ мужчинъ, онъ тоже долженъ былъ принять участіе въ общей дѣятельности; но вѣрный своей рѣшимости, онъ и здѣсь остался тѣмъ же, т. е. старался избѣгать по возможности дамскаго общества и—прослылъ нелюдимомъ. Незнаю, капризь, или какое нибудь другое обстоятельство было виною его настойчивости, но какъ бы то ни было, подобное невниманіе раздражило молодыхъ дамъ и онъ рѣшился отмстить ему за это. Составился заговоръ, цѣлью котораго было — вскружить ему голову, заставить влюбиться въ одну изъ нихъ.... Оскорбленное самолюбіе было началомъ этой комедіи, а кокетство женщины довершило остальное. Роль, которую приняла на себя одна изъ этихъ дамъ, была разыграна, какъ нельзя лучше, и—бѣдная рыбка попала на удочку.... Да, mon cher, этотъ прежній нелюдимъ, этотъ угрюмый молодой человѣкъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней совершенно перемѣнился и полюбилъ эту женщину, со всѣмъ увлеченіемъ своего пылкаго характера, со всею доврчивостію неиспорченнаго сердца... Въ первый разъ онъ испытывалъ это чувство, онъ считалъ его вдохновеніемъ свыше; онъ жилъ только въ ея присутствіи, одною мыслію о ней.... И знаешь ли, чѣмъ все это кончилось?

ЯНОХТОВЪ. Кудринъ.

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Погоди, я сейчасъ кончу.... Владиміръ, въ ту минуту, когда передавалъ онъ ей свои мечты о будущемъ, въ ту самую минуту, когда, забывая весь міръ, онъ находилъ жизнь только въ ней одной—толпа дамъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшая этой катастрофы, съ хохотомъ окружила его, а она — женщина, которую онъ обожалъ до безумія, она — улыбнулась и присѣдая, сказала: «Извините! это была шутка; я не люблю и никогда не любила васъ — я.... пошутила!»

ЯНОХТОВЪ (*съ судорожнымъ движеніемъ*). О! это было бы ужасно! Это было бы безчеловѣчно!... (*перемпывая тонъ*). Но.... я слушаю и рѣшительно не понимаю тебя, Поль.... Это важное извѣстіе, эта тайна, которую ты хотѣлъ сообщить мнѣ....

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Теперь уже не тайна! (*Янохтовъ съ изумленіемъ смотритъ на него*). Да, Владиміръ, — молодой человѣкъ, о которомъ я сейчасъ говорилъ — ты самъ, а кокетка, игравшая его страстью — княгиня Вѣра!

ЯНОХТОВЪ (нѣсколько минутъ смотришь на него съ видомъ помѣшаннаго). Я?!.. Княгиня?!.. Ба!.. Кто осмѣлился выдумать эту ужасную клевету?... (схватывая графа за руку). Говори... я требую... (опомнившись въ сильномъ волненіи). Кудринъ... я знаю, ты увлекаешься дружбою ко мнѣ... и принимаешь подозрѣнія за истину... И если ты говоришь безъ доказательствъ... еслі...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. А! ты требуешь доказательствъ?... Ну, а если я ихъ представлю тебѣ на лицо?...

ЯНОХТОВЪ. Ты?... (съ силою). Нѣтъ! я не вѣрю — это невозможно!...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Но, Владиміръ, все, что я передалъ тебѣ, я услышалъ нечаянно изъ устъ княгини.... Она сама призналась....

ЯНОХТОВЪ (сильно пораженный). Она?... Вѣра?... О! говори, говори Польша, что ты знаешь... я... задыхаюсь!... (опирается одною рукою о кресло).

ГРАФЪ КУДРИНЪ (вынимаетъ изъ кармана записку, подаетъ ее Янохтову). Читай!

ЯНОХТОВЪ (быстро развертывая записку, читаетъ отрывистымъ голосомъ). «Члены комитета»... «спросить княгиню Вѣру Александровну»... «окончательнаго отчета»...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Теперь сообрази все обстоятельства и все, что я уже передалъ тебѣ, и суди самъ!... (Янохтовъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ, потомъ вдругъ останавливается и закрываетъ лицо руками, заглушая рыданія. Графъ Кудринъ подходит къ нему). Стыдись, mon cher! — ты слабъ, какъ женщина... Не допускай отчаянію овладѣвать собой, перенеси съ мужествомъ неожиданный ударъ—будь мужчиной! Если она сдѣлала изъ тебя игрушку, если она насмѣялась надъ твоею страстью, не доставляй ей по-крайней-мѣрѣ двойнаго торжества, предаваясь отчаянію... Смѣйся, презирай ее и разорви позорныя цѣпи, которыя до-сихъ-поръ приковывали тебя къ ея колесницѣ.... Эта женщина не должна на знать, не должна даже догадываться, что ты страдаешь, что ты плачешь....

ЯНОХТОВЪ (съ быстрымъ движеніемъ). Какъ! мнѣ страдать... мнѣ плакать отъ отчаянія?.. Ха, ха, ха, ха!... Видишь ли ты, что я смѣюсь, хохочу надъ ея кокетствомъ!... Да, теперь, въ эту минуту, я ненавижу, презираю ее!... (увлекаясь прежнимъ чувствомъ). Боже! Боже! Боже!... Такъ это былъ только минутный капризъ

женщины... такъ это была шутка?... *(скоро, едва владя собой)*.
Говори, продолжай Кудринъ!... Ты видишь, я спокоенъ.... Совершенно спокоенъ!... *(въ отчаяніи ломаетъ руки)*

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Помнишь ли, что я сказалъ тебѣ, когда въ припадкѣ ревности, ты началъ мнѣ колоть глаза безъименными записками? Я не обманулъ тебя, сказавъ, что ихъ писала женщина; но я не сказалъ еще всей правды... Слушай! они были адресованы не ко мнѣ, а къ тебѣ; и авторомъ ихъ была не Суханова, а графиня Марія...

ЯНОХТОВЪ. Я ничего не понимаю... Какая цѣль?...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Или ты мало знаешь графиню? Ей ли спокойно перенести мысль, что княгиня Вѣра должна занимать первую роль въ этой комедіи... Тайными происками, она старалась помѣшать ей и по несчастію не успѣла... Сегодня утромъ я обманулъ тебя, опасаясь твоей вспыльчивости, но эти записки возбудили во мнѣ подозрѣніе и я самъ рѣшился слѣдить за нашими дамами... Остальное ты знаешь.

ЯНОХТОВЪ *(въ сильномъ волненіи)*. Да... по чести... оригинальная выдумка!... О! женщины, женщины! И послѣ этого мнѣ скажутъ, что у нихъ есть сердца, что не тигрица была ихъ общемою матерью?... Кудринъ! прощай! Я ѣду!...

ГРАФЪ КУДРИНЪ *(съ удивленіемъ)*. Что такое?...

ЯНОХТОВЪ. И ты меня спрашиваешь?... Да Поль, я ѣду... Бѣгу изъ этого ужаснаго дома, отъ этого общества, гдѣ каждое слово — ложь, каждый взглядъ — предательство, каждая улыбка — ядъ эхидны... О! не правъ ли я былъ, Кудринъ, питая ко всему недоверчивость?... Пусты, пусты меня... я не могу оставаться здѣсь долѣе. Здѣсь потерялъ я все, что привязывало меня къ жизни. Здѣсь погребены лучшія ощущенія души моей, мои мечты, мои желанія... Чего же искать мнѣ здѣсь болѣе?... Да, Поль я ѣду, по княгиня, вамъ не удастся встрѣтить меня вашею демонскою улыбкою... Я не услышу убійственнаго хохота, слова насмѣшки не донесутся до моего слуха!... Прощай, Поль! . *(хочетъ итти)*.

ГРАФЪ КУДРИНЪ *(удерживая его за руку)*. И, чортъ возьми!... Да ты просто безумствуешь!...

ЯНОХТОВЪ *(увлекался прежнимъ чувствомъ)*. О! да, да... я былъ безумецъ, повѣривъ такъ легко любви коварной женщины и посвятивъ ей всѣ дѣвственные мечты мои, все мое вѣрованіе въ сча-

стіе!... да, Поль, ты правъ, я былъ безумецъ, не разгадавъ подь очаровательною наружностью—въроломства змѣи подкольной!... Но Поль, но другъ мой, она сама явилась ко мнѣ, ко мнѣ, который никогда не знавалъ и не видалъ ее... она говорила со мной своимъ гармоническимъ голосомъ, смотрѣла на меня своимъ всепобеждающимъ взглядомъ!... Не знаю, что происходило со мной въ эту минуту... я былъ въ какомъ то странномъ припадкѣ полузабытья; я былъ увлеченъ какою-то сверхъ-естественною силою, и... и ты самъ, другъ мой, находясь на моемъ мѣстѣ, не избыгнулъ бы той же участи...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Выкинь изъ головы эту недостойную любовь и думай только о мести... По счастью, заговоръ открытъ и ты долженъ воспользоваться этимъ случаемъ... О! теперь онъ въ нашихъ рукахъ!... Сегодня въ 10-ть часовъ вечера, княгиня и всѣ наши дамы должны собраться въ комнату графини Маріи, чтобы чинить судъ и расправу... Видишь ли она рѣшилась мистифицировать насъ публично. Но благодаря моей предусмотрительности, ты выйдешь побѣдителемъ ихъ этой битвы, не теряй только присутствія духа!

ЯНОХТОВЪ (съ горькою усмѣшкою). Какая мнѣ нужда до этого собранія?

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Но я не хочу, чтобы ты былъ жертвою этой унижительной мистификаціи. Слушай! Всѣ нужныя мѣры приняты мною. (Вынимая ключъ). Этотъ ключъ дастъ намъ средство проникнуть въ комнату, смежную съ комнатою графини. Что ты скажешь объ этомъ сокровищѣ?... Подслушивая у дверей, мы узнаемъ со всеми подробностями злодѣйскій замысль заговорщицъ, а тамъ... увидимъ, какъ поступить въ послѣдствіи... Не знаю, чувствуешь ли ты въ себѣ довольно силы, чтобы слѣдовать моимъ совѣтамъ, что же касается до меня—я внѣ себя отъ негодованія и увѣренъ, что сдѣлаю чудеса въ этомъ отношеніи... Договоръ заключенъ, не такъ ли?... (Видя, что Янохтовъ не перемѣняетъ своего задумчиваго положенія) Владиміръ! Янохтовъ!... Да отвѣчай же мнѣ, топ cher!...

ЯНОХТОВЪ (съ усиленіемъ). Дѣлай со мной, что хочешь!.. (садится). Я... я слабъ, какъ ребенокъ!... (опускаетъ голову на грудь).

ГРАФЪ КУДРИНЪ (всторону). Уладилъ! уладилъ!... (потираетъ руки).

IV.

ТЪ ЖЕ, АНДРЕЙ.

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Ну что, Андрей?... Наши дамы....

АНДРЕЙ. Собираются въ комнату графини.

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Прекрасно! (*смотритъ на часы*). Ровно 10-ть часовъ (*въ полголоса*). Изъ учтивости дарю вамъ десять минутъ сроку, mesdames, а тамъ маршъ въ засаду, (*къ Андрею*). Гдѣ генеральша?

АНДРЕЙ. На своей половинѣ. Но, ваше сіятельство...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Что такое?...

АНДРЕЙ. Княгиня приказала доложить Владиміру Петровичу, что онъ нездоровы, и потому не могутъ исполнить обѣщаніе....

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*всторону*). Быть въ паркѣ?... Я напередъ это зналъ, (*къ Андрею*). Хорошо, онъ уже знаетъ....

ЯНОХОВЪ, (*быстро оборачиваясь къ графу*). Что говоритъ онъ?...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Ты слышалъ?... (*къ Андрею*). Ступай.... и если кто-нибудь будетъ спрашивать насъ.... скажи, что мы уехали на охоту.... (*говоритъ ему на ухо*).

АНДРЕЙ. Слушаю, ваше сіятельство! (*уходитъ*).

V.

ГРАФЪ КУДРИЯЪ, ЯНОХОВЪ.

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Пора, пора!... Время летить.... Пойдемъ! Готовьтесь встречать незваныхъ гостей, mesdames!... (*потиралъ руки*). Генеральное сраженіе!... (*къ Янохову*).

«Le roi des mers ne t'échappera pas!»

Пойдемъ!...

ЯНОХОВЪ (*приподнялъ голову, быстро встаетъ и схвативъ за руку графа тащитъ его къ дверямъ*). Пойдемъ!

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Тине, тине!...

«Conduit ta barque avec prudence,
«Pêcheur parle bas!»

Какъ аукнется, такъ и откликнется! Пойдемъ! (*уходитъ*).

ПЕРЕМѢНА ДЕКОРАЦІИ.

Комната графини Можайской. Столъ, покрытый краснымъ сукномъ, и на немъ все нужное для письма, — вокругъ нѣсколько креселъ.

VI.

НАДИНКА (*выходя изъ среднихъ дверей*).

Наконецъ-то я дождалась этого торжественнаго вечера! Любопытно знать, что скажетъ намъ Вѣра?... Она сегодня что-то въ дурномъ расположеніи духа и скорѣе кажется побѣжденной, нежели побѣдительницей.... (*смытается*). Вотъ, если бы взялась за эту роль графиня Марія, я бы и не подумала о неудачѣ (*съ гримасою*). Она таки порядочно пожила на свѣтъ?... Но Вѣра, Вѣра... Впрочемъ, мнѣ кажется, что право не такъ трудно вскружить голову мужчине, какъ всѣ думаютъ.... О! у меня есть одинъ на примѣтъ.... На первомъ же балѣ въ Дворянскомъ собраніи возьму его въ руки и поставлю плясать по моей дудочкѣ!... (*Отворяютъ дверь. Надинка оборачивается назадъ*). Чу! президентша!... А у меня еще ничего не готово, (*подбѣгаетъ къ столу и беретъ бумагу*). Каждой по листу бумаги для подаванія голосовъ.... (*раскладываетъ бумагу*). Вотъ такъ!... Ну, теперь пусть является президентша наша — все готово!...

VII.

НАДИНКА, ГРАФИНЯ И САША (*входятъ изъ средней двери*).

ГРАФИНЯ (*къ Надинкѣ—улыбаясь*). Ну что, г-жа секретарь — все ли готово?

НАДИНКА. Къ вашимъ услугамъ, г-жа президентъ!

САША (*смытается*). А гдѣ же княгиня?...

НАДИНЬКА. Право не знаю; она еще не приходила.

ГРАФИНЯ. Она, вѣроятно, готовится къ отвѣтамъ на наши вопросы.

САША. Или придумываетъ оправданія....

ГРАФИНЯ (*улыбалась*). То или другое, но сегодня должно все рѣшиться.

САША. О! если она ни въ чемъ не успѣла, я буду на каждомъ шагу колоть ей глаза этой неудачей.

НАДИНЬКА. И я! Къ чему столько самонадвѣянности. Она заставитъ меня этимъ проиграть пари!

ГРАФИНЯ, (*всторону*). И я!... Но отъ моихъ намековъ и насмѣшекъ она не такъ легко отдѣляется.... Я заставлю ее плакать съ досады! (*обращаясь къ Надинькѣ и къ Сашѣ*). Садитесь же, mesdames! Героиня наша не замедлитъ явиться.

САША. Она уже слишкомъ важничаетъ!

НАДИНЬКА. Заставляетъ ждать цѣлое собраніе.... (*среднія двери открываются*).

ГРАФИНЯ. Сѣ!... тише!... Вотъ она. По мѣстамъ, по мѣстамъ! (*садится въ кресло на концѣ стола у авансены. За среднимъ столомъ помпѣщаются Надинька и Саша, продолжая перешептываться между собою*). Да перестаньте-же, mesdames!

VIII.

ТѢ ЖЕ, КНЯГИНЯ ВЪРА.

(*Общее молчаніе. Княгиня входитъ медленными шагами, на лицѣ ея выражается притворное спокойствіе; во всѣхъ движеніяхъ что-то расчитанное*).

КНЯГИНЯ (*подходитъ къ столу и останавливается предъ графиней*). Являюсь по приказанію Комитета! (*садится въ кресло на другомъ концѣ стола, противъ графини*).

ГРАФИНЯ (*съ важностію*). Княгиня! Комитетъ нашъ требовалъ васъ сюда, для отдачія полнаго и окончательнаго отчета въ порученіи, возложенномъ на васъ цѣлымъ обществомъ.... Въ нахожденіи трехъ-дневный срокъ недостаточнымъ, требовали отсрочки, и получили ее. Теперь мы въ правѣ въ свою очередь требовать отъ васъ

полнаго отчета въ вашихъ поступкахъ.... Я обращаюсь къ вамъ, какъ Президентша общаго собранія... Встаньте и подымите правую руку (*улыбается*).

княгиня, (*встаетъ и поднимаетъ руку*). Повинуюсь!

надинька (*къ сестрѣ въ полголоса*). Боюсь расхохотаться!

саша. Я то же!

графиня. Клянитесь, что вы будете говорить правду, не прибегая ни къ какимъ отговоркамъ; правду — одну только правду.

княгиня (*машинально*). Клянусь!

графиня. Теперь садитесь и начинайте!

княгиня (*садится. Нѣсколько минутъ сидитъ молча, свесивъ голову на руку, потомъ вдругъ приподнявъ голову, встопорону*). Они не замѣтятъ моей слабости! (*обращаясь къ дамамъ*). Я не скрою отъ васъ, mesdames, что роль, которая досталась мнѣ по жребію, была несравненно труднѣе, чѣмъ она показалась мнѣ съ перваго взгляда; я встрѣтила столько трудностей, что была готова отказаться отъ чести выдти побѣдительницей изъ этой битвы, предоставивъ мое право другой.... (*бросилъ пронизательный взглядъ на графиню—значительно*) болѣе меня опытной, и (*улыбалась*) болѣе меня искусной въ сердечной тактикѣ!.. Да, графиня, я уже начинала отчаяваться въ побѣдѣ, какъ вдругъ, она неожиданно блеснула предо мною.... Молодой немудимъ нашъ, который досихъ—поръ всячески старался убѣгать меня, вдругъ перемѣнился и... (*за дверьми справа послышался неясный шорохъ. Княгиня остановилась на срединѣ рѣчи и болзливо осмотрѣлась кругомъ.*) Вы ничего не слышали, mesdames?... (*указывая взоромъ на правую дверь*). Мнѣ послышался за этою дверью какой-то шорохъ!...

графиня (*съ нетерпѣніемъ*). Продолжайте, княгиня.... Это вѣроятно вѣтеръ стучитъ ставнями....

княгиня (*послѣ минутнаго молчанія*). Я уже сказала вамъ, что недовѣрчивость Янохтова вдругъ перешла въ какое-то непонятное легковѣріе.... онъ сдѣлался пріятливъ и внимателенъ до послѣднихъ мелочей.... Въ одну изъ подобныхъ минутъ.... онъ открылъ мнѣ свое сердце... И признаюсь, я въ первой разъ въ жизни встрѣтила такое чистое, довѣрчивое, такое пламенное сердце!... (*задумывается*).

надинька (*со вздохомъ*). Бѣдный Владиміръ Петровичъ!

САША. Ого! Да ты вступаешься за неприятеля, Надинька! Смотри, ужь не вздумала ли ты изменить намъ?..

НАДИНЬКА. Право, это восклицаніе вырвалось у меня невольно!

ГРАФИНЯ. Полноте, mesdames, вы мѣшаете говорить княгинь!

КНЯГИНЯ (*продолжая*). Къ чему скрывать отъ васъ, что въ минуту его признанія, мнѣ было стыдно и грустно читать чистыя и незапятнанныя страницы той сердечной книги, которую онъ такъ доверчиво развернулъ у ногъ моихъ; но съ другой стороны, случай такъ хорошо благоприятствовалъ исполненію нашего намѣренія, что даже самая неопытная ученица съумѣла бы выдержать характеръ и воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Да графиня, онъ признался мнѣ въ любви своей.... а я (*съ умиленіемъ*), я.... (*принужденно смѣясь*), Бѣдный Янохтовъ!... Онъ совершенно растерялся и охотно вѣрилъ словамъ моимъ, которыя вызывали на откровенность... О!... онъ былъ такъ забавенъ, такъ смѣшонъ, въ эту минуту!.. (*всторону*). Какая пытка!..

ГРАФИНЯ (*съ безпокойнымъ видомъ всторону*). Неужели это правда?... И Боже мой!... я хочу видѣть, сама видѣть, (*бросаетъ пронизательный взглядъ на княгиню*) Но чему приписать смущеніе княгини?... Новая загадка!..

КНЯГИНЯ (*осматриваясь кругомъ и бросая подозрительный взглядъ на дверь справа*). Опять!... увѣряю васъ, mesdames... я очень явственно разслышала теперь шорохъ за этою дверью!

НАДИНЬКА. Пустое, Вѣра!... Сегодня такой сильный вѣтеръ, что право немудрено, если тебѣ и слышалось что-нибудь.

САША (*къ ней же*). И Боже мой! Да развѣ ты не знаешь, что эта дверь ведетъ въ нежилыя комнаты... Онъ всѣ заперты, я это знаю навѣрное...

НАДИНЬКА (*улыбалась*). Не родятся ли тамъ мертвецы и привидѣнія, какъ въ романахъ мадамъ Радклифъ?..

ГРАФИНЯ, (*насмѣшливо*). Нѣтъ, mesdames; это голосъ совѣсти... Ея угрызенія начинаютъ уже мучить душу виновной!..

КНЯГИНЯ (*къ ней*). Угрызеніе совѣсти?... Да это презабавно графиня... какое преступленіе я сдѣлала?... Не думаете ли вы, что на моемъ мѣсть, вы поступили бы иначе?... Отвѣчайте, положи руку на сердце....

ГРАФИНЯ. И, Боже мой, княгиня! Прежде, нежели разсуждать объ

этомъ предметъ, я хочу быть совершенно увѣрена въ побѣдѣ вашей... Какъ президентина, я требую отъ васъ доказательствъ....

княгиня (*съ притворнымъ равнодушіемъ*). Доказательствъ?... Прекрасно!.. И такъ предлагаю вамъ, mesdames, быть завтра свидѣтельницами преоригинальной сцены, которая, если хотитѣ, не будетъ лишина и занимательности, (*съ усиленіемъ*). Къ полуночи, вы должны собраться въ паркъ и спрятаться въ бесѣдку... Тамъ вы все услышите, и увидите мою... нашу жертву, которую я передамъ вамъ, связанную по рукамъ и по ногамъ.... Вы будете имѣть право дѣлать съ ней, что захотите.... пожалуй, хоть снова заставте влюбиться въ одну изъ васъ..

надинька и саша. Bravo! bravo!...

надинька (*сестрѣ*). А пари?...

саша. Увидимъ завтра!...

графиня (*обращаясь къ княгинѣ*). Вы хотите увеличить вашу побѣду двойнымъ торжествомъ, княгиня. Что же?... Прекрасно! Тутъ проглядываетъ отчасти женскій эгоизмъ, который даетъ новую пищу вашему самолюбію; но во всякомъ случаѣ, ваше намѣреніе презабавно;—эта сцена приведетъ романъ къ развязкѣ... (*всторону*) О! я чувствую, что начинаю ненавидѣть эту женщину!... Но до завтра еще цѣлая ночь.... увидимъ!...

княгиня (*улыбалась*). Надѣюсь, что Комитетъ и г-жа президентша, отдадутъ мнѣ полную справедливость въ безпристрастномъ и успешномъ исполненіи возложеннаго на меня порученія.... (*всторону*). Она по видимому хочетъ съѣсть меня глазами ... (*встаетъ*).

графиня (*всторону*). Торжествуйте, княгиня!... Но вы едва ли разгадаете мои тайныя чувства!... (*къ ней—важнымъ голосомъ, поднимая руку*). Княгиня!... Отъ имени всего собранія нашего, я, какъ президентина комитета, изъявляю вамъ совершенную благодарность и вполне заслуженную похвалу за блистательную побѣду, которую вы одержали надъ .. (*при послѣднихъ словахъ графини, за сценой справа послышался шумъ — дверь со стукомъ отворилась и на порогъ комнаты показался Яноховъ, блѣдный, съ разстроеннымъ видомъ, держа за руку графа Кудрина. При ихъ появленіи, всѣ дамы съ крикомъ вскочили съ своихъ мѣсть. Княгиня въ сильномъ испугѣ отшатнулась всторону*).

IX.

ТѢЖЕ, ЯНОХОВЪ, ГРАФЪ КУДРИНЪ.

САША (въ испугѣ). Ахъ!... Непріятель!...

НАДИНЬКА (также). Измѣна!...

КНЯГИНЯ (вздвигнувъ) Боже мой!... (въ полголоса). Онъ въ изнеможеніи! (опускается въ кресло).

ГРАФИНЯ (съ удивленіемъ). Яноховъ!... (всторону). Онъ все слышалъ?... Но какимъ образомъ?... (съ радостнымъ видомъ). А!... что-то теперь она скажетъ? (садится и принимаетъ спокойный видъ).

ЯНОХОВЪ (переступивъ за порогъ комнаты, стараясь казаться спокойнымъ). О! не бойтесь.. не пугайтесь, mesdames!.. (насмѣшливо). Что же вы замолчали?... (подходитъ къ нимъ ближе). Продолжайте, графиня, вашу одобрительную рѣчь... Говорите, княгиня. . я васъ слушаю!... Еще разъ повторяю — не пугайтесь... вы видите, мы не воры, не разбойники!... (съ полупрезрительною улыбкою). Но... чтобы дать полную справедливость той или другой сторонѣ, члены нашего комитета должны позволить и мнѣ возвысить голосъ... Нѣсколько минутъ тому назадъ говорила княгиня... теперь, моя очередь!...

НАДИНЬКА (шило Сашѣ). Но кто сказалъ ему?...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (всторону). Дѣло идетъ на ладъ!... Займусь ролью наблюдателя!... (Складываетъ руки на крестъ и становится позади Янохова).

ЯНОХОВЪ. По чести, вы прекрасно сыграли вашу роль, княгиня!.. Я никакъ не предполагалъ найти въ васъ такой талантливой актрисы... Но княгиня, вы, кажется, забыли, что въ каждомъ родѣ игры должны быть непременно два игрока, а потому-то, къ сожалѣнію, игра не такъ легко выигрывается!... (обращаясь къ дамамъ—насмѣшливо). Ахъ, извините, извините, mesdames, моей неуступчивости; быть можетъ, въ этомъ случаѣ я вышелъ изъ черты свѣтскихъ приличій — уступать во всемъ дамамъ; но что же дѣлать?... Я долженъ оправдаться!... Какъ!.. Вы удостоили меня вашего лестнаго вниманія... я былъ предметомъ заговора... правильной атаки!.. И даже не предупредивъ меня!... О! какъ хотите, mesdames, мнѣ кажется, что это чистое злоупотребленіе. (княгиня, улыбаясь). Вы

слишкомъ поспѣшили, княгиня, сказать: *мать* королю! — Я право не вижу еще мата!

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*всторону*). Чортъ возьми!... Да онъ просто собаку съѣлъ!... Я и самъ не сказалъ бы ничего лучше!...

ГРАФИНЯ (*всторону*). Она молчить?... О! теперь моя очередь торжествовать! (*княгиня*). Вы слышали, княгиня?...

КНЯГИНЯ (*до-сихъ-поръ неподвижно сидѣвшая въ кресль, вдругъ приподнимаетъ голову. Съ достоинствомъ*). Мг. Янохтовъ!...

ЯНОХТОВЪ (*сардонически*). О! не правда ли, княгиня, и странно, и неучтиво было съ моей стороны явиться сюда такъ неожиданно, оспаривать у васъ лавровый вѣнокъ победы?... Но что же дѣлать?... Въ деревнѣ надо искать развлеченій, а этотъ родъ забавы показался мнѣ оригинальнѣе всякой другой... И вотъ — я прикинулся влюбленнымъ!... Увѣрять женщину, что мы ее любимъ, обожаемъ до безумія, готовы на все пожертвованія — также роль, она показалась мнѣ забавной, и я воспользовался ею!... Да, княгиня, вы жестоко ошиблись! Я тоже умѣю носить маску, и зная, если не по опыту, то по-крайней-мѣрѣ по паслыпкѣ, какъ можно попасть невзначай въ разставленные сѣти, я приучился ворочать моимъ сердцемъ, какъ пышкой!... Въ этомъ отношеніи я хамелеонъ, княгиня... и измѣняюсь, судя потому, откуда дуетъ вѣтеръ!... (*обтираетъ платкомъ лицо. Всторону*). Голова горитъ... въ жилахъ — огонь, а не кровь!... О! я страдаю муками ада!...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*Янохтову тихо*). Дальше... дальше... Вспомни, что ты былъ жертвою расчитаннаго кокетства!

КНЯГИНЯ (*всторону*). Какая пытка!...

ГРАФИНЯ (*Янохтову*). Какъ! Владиміръ Петровичъ... эта мнимая недоверчивость, эта страсть къ уединенію, были только предлогомъ, однимъ только притворствомъ, чтобы лучше достигнуть цели... Ха, ха, ха, ха!... Я вижу теперь, что на комитетъ нашемъ лежитъ двойная обязанность — разобрать двѣ враждующія партіи!... (*княгиня съ коварной улыбкой*). Что же вы ничего не говорите, княгиня?...

КНЯГИНЯ (*быстро*). Графиня! Вы берете на себя уже слишкомъ много!... Есть границы всякой шуткѣ!..

ЯНОХТОВЪ (*быстро, бросая проницательный взглядъ на княгиню*). О! ваша правда княгиня... (*въ сильномъ волненіи*). Есть гра-

ница всякой шуткѣ!... Вы понимаете меня?... Но еще разъ повторяю: разувѣрьтесь, княгиня!.. Молодой человекъ, о которомъ вы сейчасъ говорили, вовсе не имѣетъ такого пламеннаго, чистаго, непорочнаго сердца, какъ вы предполагаете... Онъ лгаль, безсовѣстно лгаль, когда на колынахъ предъ вами съ такою душевною довѣренностью, съ такимъ благоговѣйнымъ трепетомъ, передавалъ вамъ свою заветную тайну... О! нѣтъ, нѣтъ; увѣряю васъ, его огненная душа не способна воспламениться такъ скоро... А не правда ли, онъ довольно искусно разыгралъ свою роль въ этой комедии?... Онъ былъ робокъ, дрожалъ отъ каждаго вашего слова, взгляда... Съ любовью смотрѣлъ вамъ въ глаза, страстно цѣловалъ ваши руки... говорилъ все, что только можетъ высказать въ эту минуту любящее сердце... А между тѣмъ, все это была одна только шутка!.. Кто бы подумалъ, что онъ игралъ своими словами, мыслями, чувствами... Кто бы подумалъ, что онъ втайнѣ смѣялся надъ своимъ признаніемъ?... (съ горькимъ смѣхомъ). Ха, ха, ха, ха!.. Забавное заблужденіе!... (скоро, едѣа владѣя собой). Да, вотъ какъ надо поступать съ женщинами!... Предметъ забавы на одинъ день, увлеченія на одинъ часъ; но любить ихъ—никогда!... (прежнимъ насмѣшливымъ тономъ). Какъ! И вы приняли шутку за истину?... Ха, ха, ха, ха!... Это забавно!... (смѣется горькимъ продолжительнымъ смѣхомъ).

ГРАФЪ КУДРИНЪ (всторону). Ходить! ходить!...

КНЯГИНЯ (въ сильномъ волненіи всторону). О! въ этихъ судорожныхъ звукахъ болѣе слезъ, нежели смѣха... Онъ хочетъ обмануть меня притворствомъ.

ГРАФИНЯ (всторону) Она уничтожена!... (княгиня). Вы видите, княгиня, что дѣло приняло совершенно другой оборотъ, и ваша победа теперь болѣе нежели сомнительна!... Вы молчите?... Не хотите оправдываться?...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (Янохову — въ полголоса). Графиня — неопытная женщина!... Мнѣ кажется, что она держитъ панцу сторону...

ЯНОХОВЪ (ему — въ полголоса). Поль, другъ мой!... Я задыхаюсь... (схватываетъ его за руку.)

ГРАФЪ КУДРИНЪ, (въ полголоса). Стыдись!... Она на тебя смотритъ!...

КНЯГИНЯ, (обращаясь къ графиня). Подобная сцена въ 11-тъ ча-

совъ вечера, въ вашей комнатѣ графиня. .. Согласитесь сами, едва ли вы същитаете что-нибудь неприличнѣе.... Признаюсь вамъ, если бы она происходила у меня, я давно бы съумѣла положить ей границу. (*встаетъ*).

ГРАФИНЯ (*улыбалась*) Что касается до меня, я вовсе не считаю ее неумѣстною. Правда, появленіе этихъ господъ было немного неожиданно, но эта внезапность и произвела удивительный эффектъ.

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*съ громкимъ смѣхомъ*). Трагическій выходъ, годный въ любую драму.

КНЯГИНЯ (*съ достоинствомъ*). Графъ!

ЯНОХТОВЪ. Между людьми одного и того же круга, mesdames, подобныя опасенія неумѣстны.... Эта сцена, (*обращался къ княгини*) какъ вы ее назвали, можетъ только забавлять насъ, но едва ли она въ состояніи оскорбить кого бы то ни было!... Но во всякомъ случаѣ, не употребляйте во зло этихъ обстоятельствъ, остерегитесь на будущее время и не вѣрьтесь такъ безпечно мысли, которая привела васъ къ подобной забавѣ.... Эта шутка могла бы имѣть самыя гибельныя послѣдствія.... она могла бы повести за собою разкаяніе на цѣлую жизнь.... По счастью, вы выбрали предметомъ своей забавы меня.... меня.... которой смѣялся... хохоталъ надъ этой шуткой, и въ свою очередь платилъ вамъ тою же монетою.... Прекрасно!... Но если бы на моемъ мѣстѣ, вы встрѣтили именно того чловѣка, объ которомъ сейчасъ говорила княгиня, чловѣка съ чистымъ сердцемъ, съ доверчивою и любящею душею, для котораго — одинъ часъ кокетства въ состояніи навсегда разрушить все земное счастье.... если бы вы встрѣтили молодаго чловѣка, которому любить, привязаться къ чему-нибудь, становилось уже необходимостію; а между тѣмъ вы оттолкнули бы его отъ себя, заставивъ плакать кровавыми слезами за свое легковѣріе.... О! вы пожалѣли бы несчастнаго!... Я прошу, заклинаю васъ, не играйте болѣе такой ужасной забавой.... эта шутка можетъ кончиться сумасшествіемъ или самоубійствомъ!... Вотъ вамъ советъ мой!

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*всторону*). Чортъ возьми! Дай ему волю, такъ онъ въ двѣ минуты испортитъ весь эффектъ прежней сцены. (*Подходитъ къ Янохтову и дергаетъ его за платье.—Въ полголоса*). Довольно, довольно.... ни слова болѣе, или ты скажешь уже слишкомъ много....

ЯНОХТОВЪ (*не слушая графа, подходитъ ближе къ дамамъ*).

Обращаясь къ княгинѣ). Вчера вы спрашивали меня, княгиня, о причинѣ недовѣрчивости, которая такъ глубоко запала въ мою душу—я вамъ ничего не отвѣчалъ на это. Хотите ли, я открою вамъ сегодня эту тайну?... Выслушайте же, княгиня, и вы графиня; она и для васъ не будетъ лишена занимательности!—У меня былъ другъ, братъ, съ которымъ я провелъ лучшіе годы моей жизни... Въ свѣтъ онъ встрѣтился съ женщиною, которую вскорѣ полюбилъ со всемъ пыломъ молодости, со всемъ увлеченіемъ истинной страсти. И эта женщина по видимому благосклонно принимала его исканія; она ободряла его взглядомъ и словами.... Мнѣ кажется, что я какъ будто его вижу теперь предъ собою, когда онъ въ первый разъ передавалъ мнѣ свою тайну, когда въ порывѣ увлеченія, онъ высказывалъ мнѣ все, что только могутъ внушить любовь и счастье быть любимымъ взаимно. Бѣдный другъ! Обольстительный сонъ не долго продолжался... Онъ узналъ наконецъ, что эта женщина не любить и никогда не любила его, что она воспользовалась его страстью только для того, чтобы отвлечь подозрѣнія отъ предмета своей истинной любви.... О! неправда ли, это было ужасно, низко, безчеловѣчно!... Бѣдный Горскій лишился ризсудка! . (*минутное молчаніе*).

ГРАФИНЯ (*съ судорожнымъ движеніемъ — всторону*). Горскій!...

ЯНОХТОВЪ (*продолжал*). Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы, на той же самой дорогѣ, по которой вы такъ часто ѣзжали въ свои подмосковныя деревни, вы увидите небольшой деревянный домикъ, окруженный густымъ садомъ... Захотите ли посѣтить его, вамъ покажутъ тамъ бѣднаго безумца, въ самомъ темномъ углу сада, одного, грустнаго, блѣднаго, со впалыми щеками, съ помутившимся взоромъ, тридцатилѣтняго старика, скелета—не человека. Это онъ—это Горскій, который два года тому цвѣлъ красотой и здоровьемъ.... Захотите ли нѣсколько минутъ остаться при немъ: вы услышите его стоны и рыданія, вы увидите слезы; но на иссохшихъ губахъ его не встрѣтите ни одной жалобы.... въ этихъ неясныхъ звукахъ вы разберете одно только слово: имя Маріи.... (*съ судорожнымъ движеніемъ обращаясь къ княгинѣ*). О! княгиня, княгиня!... повторяю вамъ со слезами на глазахъ не шутите болѣе такой страшной шуткой, не играйте чувствами преданнаго вамъ сердца....

Это ужасно!... безчеловѣчно!... (въ сильномъ волненіи закрываетъ лицо руками).

ГРАФИНЯ (при послѣднихъ словахъ разсказа Янохтова, въ сильномъ волненіи встаетъ со стула.—Всторону). Его другъ!... И онъ знаетъ?...

КНЯГИНЯ, (прижимая руки къ груди своей — въ волненіи, въ полголоса). Сердце мое... сердце!...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (посматривая на графиню Марію, въ полголоса). Эге!...

ЯНОХТОВЪ (приподнявъ вдругъ голову схватываетъ графа за руку. Въ полголоса). Поль, другъ мой, ради Бога уйдемъ скорѣй отсюда! Мнѣ надо воздуха.. воздуха!... Я здѣсь задыхаюсь!... (тащитъ къ дверямъ графа, потомъ вдругъ опускаетъ его руку и ухвѣтываетъ на-право),

ГРАФЪ КУДРИНЪ (въ полголоса). «Pêcheur parle bas!» (идетъ за Янохтовымъ.—Всторону). Готовъ прозакладовать голову, что бѣдный Горскій лежитъ на душѣ графини Маріи!... (уходитъ на право).

V.

ТЪ ЖЕ БЕЗЪ ГРАФА КУДРИНА И ЯНОХТОВА.

НАДИНЬКА (печально Саша). Я проиграла!

САША, (со вздохомъ). Бѣдный Владиміръ Петровичъ!..

КНЯГИНЯ, (въ сильномъ волненіи). Боже, Боже!... Что я надѣлала?... (бросается въ кресло и закрываетъ лицо руками).

Занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

I.

КНЯГИНЯ ВЪРА, НАДИНЬКА. (Выходятъ изъ сада).

НАДИНЬКА. Да, милая Вѣра; я сама видѣла приготовленія къ отъѣзду. Графъ Кудринъ, какъ слышно, ѣдитъ съ нимъ вмѣстѣ.

княгиня, *(всторону)*. Онъ увъзжаетъ!... *(Надинькѣ)*. Я думаю... что... что Владиміръ Петровичъ пересталъ уже сердиться на насъ?...

надинька. Да имѣеть ли онъ право сердиться?... Вотъ забавно!... Напротивъ, я полагаю, что онъ самъ долженъ просить извиненія за вчерашнюю выходку.... Онъ такъ перепугалъ насъ своимъ внезапнымъ появленіемъ! *(всторону)*. А въ добавокъ я проиграла еще пари!

княгиня *(принужденно улыбалась)*. Твоя правда... мы никакъ не ожидали этой засады!... А ты видѣла его сегодня, Надинька?...

надинька. За нѣсколько минутъ до встрѣчи съ тобою я видѣла его въ паркѣ... Онъ разговаривалъ съ тетушкой и по-видимому прощался съ нею...

княгиня. Ты слышала?...

надинька. Нѣсколько словъ. До меня долетѣло твое имя, потому что-то похожее на: «прощайте...» «я ѣду.» — И только. Больше я ничего не слышала.... Но что съ тобой?... Ты какъ будто чѣмъ-то встревожена?...

княгиня *(старалась казаться спокойною)*. Напротивъ, я спокойна.... совершенно спокойна!... *(всторону)*. О! онъ долженъ ненавидѣть.... презирать меня!...

надинька. Право ты приводишь меня въ изумленіе.... Я только теперь начинаю замѣчать, что глаза твои красны, что ты блѣдна, и... Вѣрно ты дурно провела эту ночь?...

княгиня. Да, я очень дурно спала сегодня!

надинька. И такая скучная, печальная.... Ужъ не больна ли ты, Вѣра?

княгиня *(схватываетъ ее за руку)*. О, да, Надинька!... Ты не ошиблась—я больна, очень больна!...

надинька *(въ испугѣ)*. Но что съ тобой? И зачѣмъ такъ долго скрывать бользнь свою?... Тетушка давно бы послала за докторомъ....

княгиня *(опомнившись)*. Не безпокойся, мой другъ, все это пройдетъ само собою!... Я чувствую, что мнѣ уже теперь гораздо лучше.... Но.... ты мнѣ не сказала еще, куда увъзжаетъ графъ Кудринъ и его другъ?...

надинька. Куда?... Ужъ вѣрно въ городъ!... Но я право не понимаю....

княгиня *(быстро)*. Въ самомъ дѣлѣ.... тебѣ могутъ показаться

странны мои безпрестанные вопросы... Но вот видишь ли... я думаю, что... что... (*вдруг останавливается и осматривается кругомъ*). Ссъ! тише!... Ты ничего не слышала?.. Мнѣ послышались шаги... Владиміра Петровича...

ГОЛОСЪ САШИ (*изъ сада за сценой*). Надинька!... Надя!..

НАДИНЬКА. Кажется, голосъ Саши...

ГОЛОСЪ САШИ (*за сценой*). Да куда же вы двались, Nadine?..

НАДИНЬКА. Ахъ, Боже мой, да чего она отъ меня хочетъ?... (*къ княгини*). Прошу тебя, милая Вѣра, подожди меня здѣсь минуту, или приходи къ намъ въ паркъ....

КНЯГИНЯ. Хорошо... я тотчасъ приду.

НАДИНЬКА. Мы будемъ тебя ждать въ померанцовой бесѣдкѣ.

(*Убѣгаетъ въ садъ.*)

II.

КНЯГИНЯ (*оставшись одна, въ сильномъ волненіи бросается въ кресло*).

Огъ уѣзжаетъ! а я... я!... О! графиня, какъ дорого мнѣ стоило соперничество съ вами... Я съ радостію ухватила за ребяческую мысль и принесла ей въ жертву мое спокойствіе, мою беззаботность, мою... Боже мой, что со мной дѣлается! Я едва узнаю себя... Мнѣ странно сознаться въ этомъ новомъ чувствѣ... Неужели я... (*быстро встаетъ, съ усиліемъ*). Нѣтъ, нѣтъ!... Опъ никогда не узнаетъ... Эта тайна умереть въ груди моей вмѣстѣ съ воспоминаніемъ нашей ужасной шутки... Но неужели опъ уѣдетъ, не простившись со мною?... Разстанся, не выдавъ другъ друга, не сказавъ даже послѣдняго прости... О! это ужасно!... (*Отворяется дверь слева*). Га!... Графиня!...

III.

КНЯГИНЯ ВѢРА, ГРАФИНЯ.

ГРАФИНЯ (*увидѣвъ княгиню*). Ну что, княгиня, въ какомъ положеніи дѣла наши? (*улыбаясь*). Что нашъ непріятель?..

КНЯГИНЯ. Мнѣ кажется, графиня, что послѣ вчерашней сцены, вашъ вопросъ совершенно неумѣстенъ!... (*отворачивается отъ нея*).

— графиня. Вы думаете?... А я — напротив.... И признаюсь, на вашемъ мсть, я бы удвоила старанія, чтобы отмстить этому неугомонному непріятелю за мысль, которая такъ самонадьянно родилась въ головъ его. Вы слышали, княгиня — онъ притворялся и разыгрывалъ съ вами комедію?...

княгиня (*въ волненіи*). Графиня!

графиня. Судите сами, княгиня, какая дерзкая мысль!...

княгиня. И... вы ей врите?...

графиня. Не очень... впрочемъ, довольно и того, что онъ произнесъ эти слова. Что же, княгиня?... начинайте переговоры... Я пошлю за членами распущеннаго комитета... Хотите, мы снова бросимъ жребій?

княгиня (*съ неудовольствіемъ*). Вы можете говорить колкости, графиня, но я уже сказала вамъ — всякая шутка имѣетъ границы.

графиня (*насмѣшливо*). О, разумѣется, одна только вѣчность безконечна!... Давно ли вы научились философствовать, княгиня?..

княгиня (*колко*). Съ-тѣхъ-поръ, какъ я догадалась, что тайная ненависть опаснѣе явной.

графиня (*презрительно*). Поздравляю васъ съ этимъ открытіемъ, княгиня. Признаюсь, эта наука не далась мнѣ еще.

княгиня, (*прежнимъ тономъ*). Но согласитесь сами; она все-таки занимательнѣе науки сплетничать!

графиня (*съ достоинствомъ*). Княгиня!...

княгиня. Вы сами меня вызвали на откровенность, графиня!

графиня. Ха, ха, ха, ха!... Да это презабавно! Всякій посторонній чловѣкъ подумалъ бы, что мы хлопчемъ только изъ того, чтобы забросать другъ друга словами.... Но я не въ васъ, княгиня... я не помню зла и готова передать вамъ все, что только успѣла узнать сегодня. Можетъ быть мой рассказъ покажется вамъ довольно занимательнымъ!... (*проницательно смотритъ на княгиню*). Вы слышали — графъ Кудринъ и его другъ чрезъ полчаса уѣзжаютъ въ Москву...

княгиня (*въ волненіи*). Да, и... я вовсе не удивляюсь.... У графа Кудрина такъ много связей въ столицѣ (*сторону*). Чрезъ полчаса!...

графиня. Но бѣдный Янохтовъ...! Вы не поверите, какъ онъ казался мнѣ жалокъ, княгиня.... Онъ такъ перемѣнился со вчерашняго дня, что мнѣ право, было трудно узнать его сегодня.

княгиня. Вы... его видели?...

графиня. Да, я была невольной свидетельницей его разговора, когда онъ прощался съ нашей милой хозяйкой.

княгиня. Онъ говорилъ съ вами?...

графиня (*насмѣшливо*). И просилъ меня передать вамъ, что... внезапный отъездъ не позволяетъ ему поблагодарить васъ за тѣ немногія минуты, которыя провелъ онъ съ истиннымъ наслажденіемъ въ вашемъ обществѣ.

княгиня (*съ волненіемъ*). Благодарю васъ... (*всторону*). Онъ не хочетъ меня видеть!..

графиня (*всторону*). О! если не ошибаюсь, я готовлю ей новую пытку моимъ разсказомъ.... (*къ ней*). Я вошла въ гостиную въ ту минуту, когда онъ разговаривалъ съ генеральшей. Онъ былъ по видимому спокоенъ; но лицо его было блѣдно, въ глазахъ отражалась какая-то тайная грусть, во всѣхъ движеніяхъ что-то лихорадочное. Увѣрю васъ княгиня, въ эту минуту, онъ былъ такъ жалокъ, что я невольно упрекнула васъ въ мысли шутить такимъ сердцемъ, такою душою...

княгиня. Графиня!...

графиня (*продолжаетъ*). Онъ не замѣтилъ моего прихода и продолжалъ начатой разговоръ... Коснувшись слегка вчерашней сцены— онъ вдругъ ожесточился, его прежнее хладнокровіе уступило мѣсто какому-то странному одушевленію, въ его рѣчахъ слышалось то глупое презрѣніе, то тайныя слезы...

княгиня (*въ сильномъ волненіи*). Въ другой разъ, въ другой разъ, графиня... Мнѣ право некогда!...

графиня. Я сейчасъ кончу... (*всторону*). Она въ смущеніи... о! если это правда!... (*къ ней*). Я очень хорошо запомнила слова его: «Нѣтъ, говорилъ онъ, обращаясь къ Сухановой и глаза его заблистали камимъ то дикимъ огнемъ — «нѣтъ, не вѣрю я, что эта женщина могла бы любить, могла бы понимать это чистое, безкорыстное чувство!... Какъ женщина свѣтская, она привыкла видѣть въ немъ только путь къ достиженію своихъ цѣлей; каждый взглядъ, каждое слово, есть только слѣдствіе глубокихъ расчетовъ, а не увлеченіе души любящей!... О! повѣрьте мнѣ, Анна Михайловна, горе человѣку, который доверчиво склонитъ колено предъ кокеткой, который повѣритъ коварнымъ рѣчамъ ея, съ молитвою на устахъ будетъ нашептывать ей всѣ возвышенныя ощущенія, которыя внушала ему любовь

къ гордой красавицѣ!... Проклятiе на безумца, если онъ не въ состоянiи оторваться отъ чаръ этой женщины, заглушить голосъ сердца, возненавидѣть свои мечты, свои надежды... Любить ее было бы святотатствомъ!..»

княгиня (*умоляющимъ голосомъ*). Графиня!...

ГРАФИНЯ (*не слушая ее—продолжаетъ*). «Какъ! И одного только взгляда, одного слова сочувствiя довольно ему для полного блаженства, и, за эту цѣну, онъ готовъ на весь пожертвованiя, на весь униженiя въ мiрѣ!... А за чѣмъ?... для чего?... Чтобы завтра она встрѣтила тебя холодомъ могильнаго равнодушiя!... Да, завтра она расхохочется надъ твоимъ страстнымъ признанiемъ, ты служилъ ей только забавой, развлеченiемъ отъ нечего дѣлать; цѣль ея достигнута. Когда цѣлая жизнь твоя отравлена, погублена навсегда — она оттолкнетъ тебя отъ колынь своихъ, какъ бросаетъ прихотливый ребенокъ свою изломанную игрушку!...»

княгиня (*въ сильномъ волненiи*). О, ради Бога!... Замолчите, перестанте, графиня! ваши слова...

ГРАФИНЯ (*продолжалъ*). «Но разувѣрьтесь, Анна Михайловна, я не такъ жалокъ, какъ она думаетъ... Я смѣюсь надъ ея кокетствомъ и совершенно излѣчился отъ этой унижительной болѣзни... Теперь, въ эту минуту, я только презираю ее!»—Вотъ, что говорилъ Владимiръ Петровичъ, княгиня!

княгиня. Вы жестоко мстите мнѣ, графиня... У васъ нѣтъ искры жалости... вы... (*всторону*). Презираетъ!.. О!

ГРАФИНЯ (*всторону*). Теперь она въ моихъ рукахъ... (*къ ней*). Но успокойтесь, княгиня... Его присутствiе не будетъ тревожить болѣе вашей совѣсти... Сегодня онъ уѣзжаетъ въ городъ, а вслѣдъ за тѣмъ оставляетъ Москву, и навсегда.

княгиня Навсегда!... (*закрываетъ лицо руками*).

ГРАФИНЯ (*насмѣшливо*) Что съ вами, княгиня?... Я думала обрадовать васъ этимъ извѣстiемъ... Вы перемѣняетесь въ лицѣ, дрожите?... (*всторону*). Нѣтъ сомнѣнiя: она слишкомъ увлекалась своею ролью и запуталась въ собственныя сѣти. Ха, ха, ха, ха! Это забавно!... (*къ ней*). Я не понимаю, не узнаю васъ...

княгиня (*быстро приподнявъ голову и схватывая ее за руки*). Графиня! Не вѣрьте наружной холодности и равнодушiю женщины, не вѣрьте ей, когда она будетъ говорить съ вами языкомъ рассчитаннаго приличiя... О! Графиня, подъ этой маской скрывается часто пламя волкана!...

ГРАФИНЯ (*ей тихо*). Княгиня, вы изменяете себя...

КНЯГИНЯ (*вздрагивая*). Я ничего не сказала еще графиня...

ГРАФИНЯ. Я знаю все... (*проницательно смотрит на нее. — Въ полголоса*). Вы любите... (*княгиня отшатнувшись от графини, нѣсколько минут молча смотрит на нее въ испуг. — Графиня улыбается*). И, Боже мой! Повторяю вамъ—я все знаю!... Вы слишком увлеклись вашею ролью, и теперь, вы забываете даже, что мои глаза и уши могли бы проникнуть и болѣе сокровенную тайну.. Я уже сказала вамъ, княгиня: — вы любите Владимира Петровича!...

КНЯГИНЯ (*увлеклась*). Да, графиня, да, я люблю его! Это роковое слово въ первый еще разъ сорвалось съ языка моего и получило отголосокъ въ сердце... Да, а люблю его со всею страстью молодости, со всею увлеченіемъ безкорыстнаго чувства!... Вы видите, и забываю даже, что говорю теперь съ вами, что предо мною графиня Марія; я слаба, какъ ребенокъ, мнѣ нужна помощь, советы друга.. Я не могу болѣе никого ненавидѣть, душа моя истомлена странной пыткой, я изнемогаю въ борьбѣ чувствъ, въ борьбѣ нечеловѣческой!... О! не осыпайте меня упреками... графиня... Развѣ вы не видите, что я достойна всякаго состраданія женщины.. я люблю его!...

ГРАФИНЯ (*съ злобною насмѣшкой*). А онъ!... онъ?...

КНЯГИНЯ (*умоляющимъ голосомъ*). Графиня!...

ГРАФИНЯ (*съ истерическимъ смѣхомъ*). Ха, ха, ха, ха!... Да онъ презираетъ васъ, проклинаетъ день, часъ, когда въ первый разъ васъ увидѣлъ!...

КНЯГИНЯ (*съ болѣзненнымъ стономъ*). Графиня!... о! говорите, продолжайте... Я снова узнаю въ васъ графиню Марію!... (*съ презрѣніемъ отворачивается отъ нея*).

ГРАФИНЯ (*всторону*). О! теперь я вполне торжествую... Она уничижена... Эта новость на нѣсколько времени сдѣлается отголоскомъ цѣлаго города... Что стануть говорить у старухи Чадриной!... (*къ пей*). Напрасно вы такъ дурно думаете обо мнѣ, княгиня!... Отъ васъ зависитъ найти во мнѣ полное участіе друга...

КНЯГИНЯ (*прерывающимся голосомъ*). Поберегите ваше участіе для другихъ... Въ свѣтъ, мы вмѣстѣ разыгрывали комедію, какъ опытные актрисы, хотя и участвовали въ разныхъ роляхъ... Неужели мы еще мало знаемъ другъ друга?... Но не забудьте, графиня, что

и здѣсь и тамъ, вы находили во мнѣ одну и ту же способность не оставаться въ долгу ни предъ завистію, ни предъ клеветою... Не упускайте изъ вида этой догадки!... (*садится*).

ГРАФИНЯ (*насмѣшливо*). Какъ, вы снова обратились къ философіи, княгиня? Ваша правда: она утѣшительнѣе докучной дружбы... Я оставляю васъ на-единѣ съ достойной собесѣдницей... Черезъ часъ я буду уже на дорогѣ въ Москву и, можетъ быть, мнѣ не удастся проститься съ вами... Но въ Москвѣ мы еще увидимся, не такъ ли?... По-крайней-мѣрѣ, вы услышите, что графиня Марія.. не забыла васъ! Ха, ха, ха, ха!... До свиданія, княгиня!... (*идетъ на лѣво. Всторону*). Тамъ ждетъ ее рѣшительный ударъ! О! я съумѣю придать настоящій вѣсъ городскимъ толкамъ!... (*уходитъ на лѣво*.)

КНЯГИНЯ (*быстро встаетъ и смотритъ ей вслѣдъ*). Что хотѣла сказать эта женщина... О! они правы... всѣ правы — я не заслуживаю даже и состраданія!...

VI.

КНЯГИНЯ ВЪРА, НАДИНЬКА.

НАДИНЬКА (*выбѣгая изъ сада*). Ахъ, Вѣра, а мы тебя ждали.. ждали...

КНЯГИНЯ. Извини меня... я заговорила здѣсь съ графинею...

НАДИНЬКА. Ну что, какъ ты себя чувствуешь теперь?... Тетушка послала за докторомъ...

ГОЛОСЪ ГРАФА КУДРИНА (*за сценой*). Проворнѣе запрягать!

КНЯГИНЯ. Съ... тише! Сюда идутъ! Ты слышишь...

НАДИНЬКА (*заглядывая въ садъ черезъ отворенныя двери*). Это Графъ Кудринъ и его другъ...

КНЯГИНЯ (*вздвигнувъ—въ полголоса*). Владиміръ... (*къ Надинькѣ*). Ради Бога уйдемъ скорѣе отсюда, мой другъ...

НАДИНЬКА (*удивляясь*). Что съ тобой?... Ты вся дрожишь?...

КНЯГИНЯ, (*съ приторною улыбкою*). Ничего... ничего... Но прошу тебя, уйдемъ скорѣй отсюда!.. (*тащитъ за собою Надиньку—всторону*). О! я не вынесу его взгляда! (*убѣгаетъ на лѣво, за нею Надинька*).

V.

ЛНОХТОВЪ, ГРАФЪ КУДРИНЪ (входятъ изъ среднихъ дверей).

ГРАФЪ КУДРИНЪ (въ дверяхъ, отдавая приказанія слугъ, нахлещемуся за сценой). Смотрите же, не медля увѣдомить насъ, какъ скоро все будетъ готово. (Входитъ въ комнату).

ЛНОХТОВЪ (вошедшій въ комнату прежде графа, медленно подходитъ къ авансценъ. Его видъ разстроенъ, лицо блѣдно. Всторону). Я рѣшился!... Я не увижу ее болѣе... (садится въ кресло и задумывается).

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Такъ мы поѣдемъ тотчасъ, какъ будетъ готовъ экипажъ?...

ЛНОХТОВЪ (машинально). Да.

ГРАФЪ КУДРИНЪ. И прямо въ Москву?...

ЛНОХТОВЪ (съ неудовольствіемъ). Разумѣется, не въ Сибирь!...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Но, mon chér, перестань же сердиться изъ пустяковъ!... Вѣдь право это ни на что не похоже! И стоитъ ли эта женщина, чтобы...

ЛНОХТОВЪ (быстро). Я уже просилъ тебя, Кудринъ, не заводить разговора объ этомъ предметъ... Если тебѣ не нравится мое присутствіе, ты можешь оставить меня... я поѣду одинъ!

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Ну, молчу, молчу... (всторону). Въ эту минуту, на него право не стоитъ сердиться... (къ нему). Но выслушай меня, Владиміръ.

ЛНОХТОВЪ. Что такое?...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Вотъ видишь ли.. Но — не сердись; это въ послѣдній разъ. Объ одномъ прошу — поступай по моему и не смотри такой хандрой. Вѣдь наши дамы подумаютъ и нивѣсть что... пожалуй, еще скажутъ, что ты все еще любишь эту кокетку...

ЛНОХТОВЪ (быстро приподнявшись съ кресла). Опять!...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (всторону). Не выдержалъ, ей, ей, не выдержалъ!

ЛНОХТОВЪ (встаетъ и принимая снова спокойный видъ, къ графу). Ты найдешь меня въ паркѣ... (идетъ къ дверямъ).

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Какъ! ты идешь?...

ЛНОХТОВЪ (оборачиваясь). Кажется, что не сажу и не стою..

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Справедливо! Но гдѣ же отыщу я тебя, когда лошади будутъ готовы?...

янохтовъ. И Боже мой!... Но я уже сказалъ тебѣ—въ паркѣ, въ паркѣ!... (*уходитъ*).

VI.

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*одинъ*).

Въ паркѣ... въ паркѣ!... Чортъ возьми, да какой онъ сдѣлался брюзга!... Просто ничѣмъ не уломаешь! Все не такъ, все не хорошо!... (*ходитъ по сценѣ*). Вижу, рана глубока; если только не излечима!... А кто же виноватъ, какъ не глупая манія къ вѣчной скрытности и недоверчивости?... Признаюсь, я никакъ не предполагалъ, чтобы исторія сумасшедшаго Горскаго сдѣлала такое сильное впечатлѣніе на душу Владиміра... И еще менѣе, чтобы графиня Марія была изъ дѣйствующихъ лицъ въ этой трагедіи. Какъ она смутилась вчера при разсказѣ Янохтова... Я тотчасъ догадался, въ чемъ дѣло!... Да, если вѣрить мифологіи древнихъ, и предположить, что до завѣтнаго ящика Пандоры не было на свѣтъ женщинъ, то я готовъ побиться объ закладъ, что первое зло, первое несчастіе, вылетѣвшее изъ этого ящика, была—женщина!... Лучшее, совершеннѣйшее созданіе въ природѣ было первое зло въ мірѣ; ангелъ и демонъ!... Нѣтъ, ужъ тутъ и философія наостритъ лыжи... Владиміръ хочетъ навсегда поселиться въ своей тамбовской деревнѣ?... Пустое, вздоръ, не видать ему деревни, какъ ушей своихъ! Онъ не оставитъ Москву, я позабочусь объ его преобразованіи... О моя система дѣйствительнаго крушинокъ гомеопата, я это извѣдалъ на опытѣ.—Женщина причиною хандры его, женщина будетъ служить и лекарствомъ! Чѣмъ ушибся, тѣмъ и льчись... Теперь я совершенно спокоенъ—Владиміръ спасенъ! Но (*смотритъ на часы*). Чортъ возьми! Время летитъ какъ полумное... Надо поторопиться отъѣздомъ, иначе я опоздаю къ черепаховому супу Лелева, хотя онъ и довольно поздно объдаетъ... (*поспѣшно идетъ къ среднимъ дверямъ и встрѣчается съ княгиней, которая въ эту минуту показала у порога. Съ удивленіемъ, всторону*). Ба, ба!... Героиня вчерашней трагикомедіи!...

VII.

ГРАФЪ КУДРИНЪ И КНЯГИНЯ.

КНЯГИНЯ (*въ смущеніи*). Графъ... я вездѣ искала васъ...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*разкланиваясь*). Много чести, княгиня... (*встопорону*). Блѣдна... въ смущеніи... (*улыбаясь*). Знай нашихъ!...

КНЯГИНЯ. Не вы ли, графъ, привели вчера Владиміра Петровича въ комнату графини?

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Мнѣ кажется онъ уже не ребенокъ, княгиня, и въ этомъ случаѣ легко могъ обойтись безъ няньки... но я не скрою отъ васъ, что я былъ отчасти причиною...

КНЯГИНЯ (*быстро*). О! это очень дурно, графъ!

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Нѣкоторымъ, но не всемъ безъ исключенія, княгиня.

КНЯГИНЯ. Я увѣрена, что Владиміръ Петровичъ вовсе не такъ думалъ въ душѣ, какъ высказывалъ словами...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Въ этомъ прошу извинить меня, княгиня, онъ былъ вполне убѣжденъ, что говорилъ правду... Онъ слишкомъ хорошо это чувствовалъ...

КНЯГИНЯ. О! вы стараетесь обмануть меня, графъ! Неужели вы думаете, что я не разгадала его тайныхъ чувствъ; неужели вы думаете, что подъ насмѣшливой улыбкой я не видѣла слезъ; что подъ маской притворнаго спокойствія и равнодушія я не открыла сердца, которое обливалось кровью?... О! какъ вы дурно еще знаете женщинъ, графъ!

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Ха, ха, ха, ха! .. Какая самонадѣянность, княгиня!.. Но успокойтесь, прошу васъ... ничего подобнаго не бывало... могу васъ увѣрить... Онъ былъ спокоенъ, какъ я въ эту минуту, беззаботенъ, веселъ до излишества... (*встопорону*). Солгалъ, да дѣлать нечего!...

КНЯГИНЯ (*подходя къ нему ближе*). Графъ! До-сихъ-поръ мы говоримъ непонятнымъ другъ другу языкомъ. Я вижу, вы хотите продолжать вчерашнюю сцену, чтобы тѣмъ увеличить побѣду вашего друга.

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Къ чему?... это было бы совершенно лишнее, (*потирая руки*). Да, княгиня, побѣда Владиміра была торжественна — высока и рѣшительна, какъ Ватерлоская битва! .. Въ его рѣчахъ было столько одушевленія, неподражаемыхъ красотъ, увлеченія... (*встопорону*), которыя признаюсь дорого ему стоили.

КНЯГИНЯ. Графъ! (*опустивъ голову на грудь, потомъ вдругъ закрывая лицо руками — въ сильномъ волненіи*). О! да, да, это былъ жестокой, безчеловѣчный поступокъ!

ГРАФЪ КУДРИНЪ, *(сдѣлавъ шагъ впередъ, смотритъ съ изумленіемъ на княгиню)*. Какъ! вы сказали... Въ этомъ отношеніи, я совершенно согласенъ съ вами княгиня!...

КНЯГИНЯ, *(увлекаясь)*. Да, графъ, кокетство—ужасный порокъ!.. Оно леденитъ сердце, оно ослѣпляетъ насъ, дѣлаетъ ко всему равнодушною, нечувствительною. О! прошу васъ не принимайте на себя этого холоднаго, строгаго вида; съ вами говоритъ уже не та женщина... Вы видите... я... жертвую собственнымъ самолюбіемъ, открываясь вамъ такимъ образомъ... Да, графъ, да; вы очень дурно поступили, что привели въ комнату графини вашего друга и давъ такой превратный, такой виновный смыслъ ничтожной шуткѣ, шалости молодыхъ женщинъ.

ГРАФЪ КУДРИНЪ. А! неожиданное появленіе наше растроило ваши планы и лишило васъ лавроваго вѣнка победы... не такъ ли, княгиня?

КНЯГИНЯ *(продолжаетъ, показывая видъ, что не слышала его словъ)*. Да, графъ; въ кокетствѣ женщины вы легко отыщете и беззаботную вѣтренность и необдуманность; но во всякомъ случаѣ, было бы жестоко, съ намѣреніемъ высказывать ей истинное горе, показывать слезы, которыя она заставила проливать, сама того не предполагая!.. О! какъ долженъ ненавидѣть меня Владиміръ Петровичъ!.. Я играла его сердцемъ, не думая, что этимъ поступкомъ разрывала его на части... Можетъ быть, я разрушила навсегда лучшую мечту его молодой жизни; я шутила его страстью, святоотчественно насмѣхалась надъ заветными ощущеніями сердца... и вмѣсто прежняго беззаботнаго вѣрованія, посѣяла въ его душу недоверчивость и разочарованіе... О! да, да; онъ долженъ ненавидѣть, презирать меня!.. Но графъ, повторяю еще разъ, предъ вами уже не та княгиня, которая еще вчера казалась вамъ гордою, неприступною кокеткою и повидимому одинаково равнодушною къ добру и ко злу... нѣтъ; предъ вами женщина, которой и стыдно и страшно при мысли о томъ, что она сдѣлала!.. Да, графъ; она никогда не проститъ себѣ этого поступка; потому что... поверьте, въ глубинѣ души этой бѣдной женщины есть зародышъ добра... а теперь, въ эту минуту—она страдаетъ муками ада! *(отворачиваетъ голову, чтобы скрыть свои волненіе и садится)*.

ГРАФЪ КУДРИНЪ *(въ продолженіе послѣднихъ словъ княгини, смотрѣвшій на нее съ удивленіемъ, отходитъ всторону)*

ну. Въ полголоса). Вотъ-тебѣ и разъ!. Не знаю что и подумать! Чему приписать эту внезапную перемену... это странное волненіе?.. И, чортъ возьми, да вѣдь женщины могутъ даже и заплакать и упасть въ обморокъ при первой надобности... Нѣтъ, меня не надуешь,—я не Владиміръ! Вижу, это новая хитрость... Гмъ!.. (обращаясь къ княгини съ беззаботнымъ видомъ). Но увѣрю васъ, княгиня, мой другъ не такъ жалокъ, какъ вы думаете!..

княгиня (спокойно, слабымъ голосомъ). Графъ! Можно обмануть глаза, но не такъ легко обмануть сердце... Я очень хорошо разслышала послѣднія слова, которыя произнесъ Владиміръ Петровичъ вамъ полголоса... Эти слова тяжелымъ камнемъ легли мнѣ на душу; они показали мнѣ, какъ я была виновата, сама того не зная ..

графъ кудринъ, (въ полголоса съ неудовольствіемъ). Проговорился... О, неловкость!..

княгиня (встаетъ и подходитъ къ графу). Теперь, вы все знаете, графъ! (въ сильномъ волненіи). Вы уязжаете... я это знаю... быть можетъ, мы никогда болѣе не увидимся... О! прошу, умоляю васъ, графъ, передайте вашему другу... что... я несчастна... (дрожащимъ голосомъ). Скажите ему... чтобы онъ не ненавидѣлъ, не презиралъ меня... не произносилъ бы съ проклятіемъ имени той, которую онъ считаетъ теперь женщиною безъ души и сердца... (съ силою). Это было бы ужасно!.. Вы видите, на что рѣшилась я въ эту минуту... Понимаете ли вы, какую жертву приношу я, какъ женщина, признаваясь въ моемъ заблужденіи... какъ я страдаю?.. О! еще разъ прошу васъ, графъ, скажите ему, что безъ этого признанія, угрызения совѣсти не перестали бы мучить меня цѣлую жизнь... скажите, что я извиняюсь предъ нимъ, прошу, чтобы онъ забылъ все прошлое — чтобы онъ простилъ меня!.. (опускаетъ голову на грудь. Минутное молчаніе. Потомъ вдругъ обращаясь къ графу, прерывистымъ голосомъ). Графъ... прощайте!.. (быстро оборачивается назадъ, идетъ къ среднимъ дверямъ и вдругъ останавливается, увидавъ Янохтова, которой незамѣтно вошелъ въ комнату при началѣ ея монолога и, прислонясь къ дверямъ, все слышалъ. Княгиня съ судорожнымъ движеніемъ встаетъ). Боже!.. Владиміръ!.. (опускаетъ глаза въ землю).

ГРАФЪ КУДРИНЪ, *(увидавъ Янохтова, съ удивленіемъ)*. Янох-
товъ!..

VIII.

ТЪ ЖЕ, ЯНОХОВЪ.

ЯНОХОВЪ, *(блѣдный, разстроенный—подходитъ къ княгинь)*.
О! да, вы сказали правду, княгиня — это былъ жестокий, безчело-
вѣчный поступокъ!.. Вчерашняя сцена могла бы повредить рассу-
докъ, умертвить челоѣка!.. О, да; вы сказали правду, и, не скрою
отъ васъ, княгиня — я перенесъ ужасныя мученія, страдалъ не чело-
вѣчески!.. Благодарю, тысячу разъ благодарю, за тѣ немногія сло-
ва, которыя вы передавали моему другу... Нѣтъ, нѣтъ!.. я не ста-
ну никогда произносить съ проклятіемъ вашего имени! Нѣтъ, я ни-
когда не осмѣлюсь ненавидѣть, презирать васъ, и если прощеніе че-
ловѣка, у котораго вы навсегда погубили жизнь — необходимо для
спокойствія вашей собственной. . О, пусть снова текутъ мирно и
весело ваши молодые годы... Наслаждайтесь всеми удовольствіями
шумнаго свѣта; посъщайте съ прежнею беззаботностію балы, маска-
рады—я васъ прощаю!..

ГРАФЪ КУДРИНЪ *(съ неудовольствіемъ встѣрону)*. Ну, только это-
го не доставало! Чортъ возьми — вотъ челоѣкъ! на два часа даже
не можетъ выдержать характера!.. Рѣшено: Владиміръ челоѣкъ по-
гибшій! .

ЯНОХОВЪ *(къ княгинь, которая до-сихъ-поръ не подыма-
ла глазъ)*. Теперь, прощайте... *(протягивая руку)*, прощайте
навсегда!..

КНЯГИНЯ *(вздвигнувъ)*. Навсегда. . *(машильнально подаетъ
ему руку и медленно поворачиваетъ голову)*. Прощайте...
Владиміръ Петровичъ!..

ЯНОХОВЪ *(взявъ ея руку—встѣрону)*. Рука ея дрожить!... Она
въ смущеніи!... *(взглянувъ на княгиню и увидѣвъ слезы, которыя
медленно скатились по ея блѣднымъ щекамъ — задыхающимся
голосомъ)*. Боже мой, Боже!... Княгиня... и вы тоже?... Вы плаче-
те... О! я думалъ, что я только одинъ страдаю!..

ГРАФЪ КУДРИНЪ *(въ негодованіемъ смотря на Янохтова въ пол-
голоса)*. Ну, ну... продолжай топ снѣг... стань на колына... пачни

новую комедию... (въ сильномъ гнѣвѣ подходитъ къ авансценѣ). Ну скажите, пожалуйста, на что это похоже?!...

ЯНОХОВЪ (къ княгинѣ — съ увлеченіемъ). О! неужели это опять новое притворство княгиня?... (сжимая ея руки въ своихъ). Возвѣщать ножъ въ незажившую еще рану, два раза умирать отъ страшной пытки... Нѣтъ, этого человекъ выдумать не въ состояніи!.. О! умоляю васъ, не обманывайте меня болѣе... и въ вознагражденіе за безумную любовь мою и мои страданія, позвольте мнѣ по-крайней-мѣрѣ унести съ собою воспоминаніе объ этихъ драгоценныхъ слезахъ, которыя я еще въ первый разъ вижу въ глазахъ вашихъ!...

КНЯГИНЯ (въ смущеніи — всторону). Его голосъ... слова... (Янохову, бросая на него пронизательный взглядъ). Какъ, Владиміръ Петровичъ!.. у васъ достаетъ еще силы... любить меня?...

ЯНОХОВЪ (съ увлеченіемъ). Да, княгиня, любить васъ, какъ любить несчастіе... любить, чтобы страдать!...

КНЯГИНЯ (въ полголоса). Что я слышу?... (увлекаясь). Влади... (вдругъ останавливается и опускаетъ глаза въ землю).

ЯНОХОВЪ (отступая назадъ, съ удивленіемъ смотритъ на княгиню). Княгиня!...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (съ неудовольствіемъ въ полголоса). Ну, пошли писать! (Быстро подходитъ къ Янохову и дергаетъ его за платье — въ полголоса). Владиміръ!.. Яноховъ!.. Карета готова!.. (Яноховъ не обращаетъ вниманія и продолжаетъ смотреть на княгиню). Не слышитъ! (отходя, всторону). Какая мысль!... Ого! да вы хотите до конца мистифицировать насъ, княгиня, чтобы потомъ отъ души поохотатъ надъ нашею недалковидностію... Не помогло кокетство, вы принялись за сцены и вздохи... Но, чортъ возьми, вы или проиграете партію, или... Гмъ! гмъ!... Удивительная мысль!... (подходя къ княгинѣ, всторону). Второй актъ и картина вчерашней сцены!.. (къ княгинѣ — насмѣливо). Княгиня, вы объявляете снова войну... Берегитесь, у насъ дастанетъ мужества отразить всѣ направленные удары, и потому, если вы думаете...

КНЯГИНЯ (къ нему — съ удивленіемъ). Я не понимаю васъ, графъ!..

ЯНОХОВЪ (при началѣ рѣчи графа, быстро обратился къ нему съ неудовольствіемъ). Что это значить, Кудринъ?...

ГРАФЪ КУДРИНЪ. (къ нему тихо). Молчи, ради Бога, молчи... (вслухъ — княгинѣ). Не понимаете?... Въ такомъ случаѣ, ха, ха, ха, ха!... Извините, княгиня, извините моей откровенностію!.. Но что же прикажете дѣлать?.. Не смотря на мою опытность и прои-

цательность—я совершенно вврю вамъ, княгиня, и признаюсь, вижу только одно средство, чтобы загладить вашъ жестокий поступокъ!... Нѣсколько словъ вашихъ, которыя печаянно долетѣли до моего слуха, убѣждаютъ меня, что это не такъ невозможно, какъ я предполагалъ сначала, и если вы...

княгиня (*въ смущеніи*). Графъ?...

яноховъ (*въ сильномъ волненіи, въ полголоса*). Что онъ хочетъ сказать этимъ?... Неужели... (*смотритъ то на княгиню, то на графа*).

графъ кудринъ. Да, княгиня; я кладу предъ вами оружіе и признаюсь побѣжденнымъ... Но выслушайте меня... Владиміръ васъ любить, истинно любить, любить до безумія, до изступленія... Быть можетъ, вы также...

яноховъ (*сжималъ въ восторгъ руку графа*). Поль, мой Поль!...

княгиня (*въ сильномъ волненіи, восторону*). Боже!...

графъ кудринъ. Роль кокетки не пристала къ вамъ, княгиня! Предъ вами Владиміръ—онъ предлагаетъ вамъ свою руку и сердце. Судьба его въ вашихъ рукахъ... Будьте счастливы и въ свою очередь сдѣлайте счастье моего друга... Право, эта роль стоитъ всякой другой... (*съ низкимъ поклономъ отходитъ восторону. — Про себя*). Уфъ! Откаталъ!... Теперь миритесь сами! (*складываетъ на груди руки на крестъ и самодовольно смотритъ на Янохтоза и княгиню*).

яноховъ. Княгиня... умоляю васъ... говорите... отвѣчайте.

княгиня (*послѣ минутнаго молчанія — протягиваетъ къ нему руку; улыбаясь*). Такъ вы меня прощаете, Владиміръ Петровичъ?...

яноховъ (*съ восторгомъ схватываетъ ея руку и цѣлуетъ*). Княгиня!... Вѣра!...

княгиня (*смотря ему въ глаза, — нѣжно*). Владиміръ!... (*улыбалась*). Мой другъ!

графъ кудринъ (*хлопая въ ладоши*). Bravo, bravo!... Графиня Марія умереть съ досады!... (*подходя къ авансценѣ — про себя*). По инстинкту догадался, по инстинкту!... О! ты болѣе, нежели дипломатъ, графъ Кудринъ, — ты гений! (*подходитъ къ Янохову и къ княгинѣ*).

княгиня (*къ графу Кудрину*). Наконецъ вы разгадали меня, графъ?...

графъ кудринъ (*раскланивался*). И признаюсь побѣжденнымъ, княгиня!...

княгиня (къ Янохтову). Смотрите же, Владиміръ Петровичъ, не мстить за прошлое. (Улыбалсь).

янохтовъ: О! я только буду любить, обожать мою милую Вѣру!

графъ кудринъ (всторону). Отомститъ тотчасъ послѣ свадьбы... въ этомъ я увѣренъ. (Двери сълѣва отворляются—показались Графиня, Надинька и Саша). Ба! Графиня!... Президентна комитета!... И всѣ члены!... Милости просимъ, милости просимъ—мы приготовили для васъ неожиданную развязку.

IX.

ТЪ ЖЕ, ГРАФИНЯ МАРІЯ, НАДИНЬКА И САША.

графиня (насмѣшливо къ княгинѣ). Я слышала, вы нездоровы, княгиня... Ужъ не опять ли мигрень?... (увидѣвъ Янохтова—всторону). Что это значить?... Янохтовъ?!... Какія лица!?...

надинька (подбѣгая къ княгинѣ). Милая Вѣра... докторъ привѣхалъ!

графъ кудринъ (къ ней). Здѣсь нашелся другой, Надежда Николаевна... (указывая на Янохтова) Вотъ онъ!

надинька (съ удивленіемъ). Владиміръ Петровичъ!... (перешептывается съ Сашей).

графиня (вполголоса). Что все это значить? (вслухъ—къ графу). Но я, право, не понимаю... не знаю, что заключить изъ вашихъ словъ, графъ?...

графъ кудринъ (къ ней). Если позволите...

янохтовъ (перебивая его). Я избавлю тебя отъ труда, Поль.. (подводит княгиню Вѣру къ графинѣ). Графиня, позвольте представить вамъ мою невесту!

графиня (въ изумленіи, отступая назадъ). Вану невесту!?...

надинька и саша. Его невесту?!...

княгиня (обращаясь къ графинѣ). Да, графиня, я согласилась принять предложеніе Владиміра Петровича и...

графиня (быстро къ Янохтову). Какъ и вы рѣшились?...

янохтовъ, (улыбалсь). Отказываются-ли отъ счастья, графиня?

графиня (обращаясь къ княгинѣ). И вы?... (съ истерическимъ смѣхомъ). Ха, ха, ха, ха!... О! поздравляю, поздравляю васъ!... право я никакъ не думала... я... (всторону). Всѣ мои планы рушились!... О! я умру съ досады!...

НАДИНЬКА (обнимая княгиню). Душечка Вэра... какъ я рада!
САША (тоже). Я готова даже заплатить пари Надинькѣ.

ГРАФЪ КУДРИНЪ (который нѣсколько минутъ тихо разговаривалъ съ Янохтовымъ, подходитъ къ графинь и вынимая изъ кармана нѣсколько свернутыхъ записокъ, подаетъ ихъ ей). Графиня, позвольте вручить вамъ кое-какія записки... адресованныя къ Владиміру Петровичу. Княгиня, вѣроятно, не захочетъ, чтобы у него хранились письма, писанныя не ея, а другою женскою рукою, а Владиміръ вовсе не намѣренъ возбуждать ревность въ будущей своей супругѣ...

ГРАФИНЯ (беретъ записки изъ рукъ графа Кудрина). Мои записки!... (бросаетъ на нихъ бѣглый взглядъ и роняетъ на полъ, всторону) О! я догадаваюсь!...

ЯНОХТОВЪ (къ графинь). Ваши тайныя предостереженія, графиня!...

КНЯГИНЯ (Янохтову). Что это значить?..

ЯНОХТОВЪ. Я расскажу все послѣ.

ГРАФЪ КУДРИНЪ, (подбравъ съ полу записки, обращается къ графинь). Вы обронили ихъ, графиня... Кто знаетъ, можетъ быть, онъ еще пригодятся... для новой интриги...

ГРАФИНЯ (быстро). Графъ!...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (насмѣшливо). Ахъ, извините. Я и забылъ, что вы иногда мѣняете роль... и занимаете главно-дѣйствующую. Бѣдный Горскій служилъ намъ докозательствомъ... (Графиня въ судорожномъ движеніи рветъ перчатки). Вы разорвали ваши перчатки, графиня: какая жалость!...

ГРАФИНЯ (всторону). Они все знаютъ... все!... (къ графу вполголоса). Графъ, вы дорого заплатите мнѣ за эти слова!

ГРАФЪ КУДРИНЪ (съ низкимъ поклономъ, тихо). Графиня!... мое сердце уже занято! (рветъ записки и бросаетъ ихъ всторону).

ГРАФИНЯ (всторону). О! она рѣшалась свести меня съ ума.. Скопье карету!... (обращаясь къ Надинькѣ и Сашѣ). Я сейчасъ ѣду въ городъ! (княгиня и Янохтову). Желаю вамъ... (задыхающимся голосомъ) счастья! (хочетъ идти).

ГРАФЪ КУДРИНЪ (предлагал ей руку). Графиня, позвольте проводить васъ до кареты.

ГРАФИНЯ (съ достоинствомъ). Графъ!... (нѣсколько минутъ молча смотритъ на него, потомъ вдругъ отворачивается и медленно уходитъ на льво.)

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*отступая назадъ, наклоняетъ голову*). Графиня!...

X.

ТЪ ЖЕ, БЕЗЪ ГРАФИНИ.

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*быстро обращаясь къ княгинѣ*). Не приходите ли вамъ на умъ старинная пословица «кто роетъ другому яму, самъ въ нее попадаетъ!» Что вы на это скажете, княгиня?

КНЯГИНЯ. О! прошу васъ, графъ, не напоминайте мнѣ болѣе о моемъ вѣтренномъ поступкѣ... Я давно уже раскаялась!

ЛЮХТОВЪ (*съ неудовольствіемъ*). Поль....

ГРАФЪ КУДРИНЪ. Аминь!

НАДИНЬКА (*засматривая въ садъ черезъ среднія двери*). Вѣра, Вѣра, сюда идетъ тетушка!

САША. Побѣжимъ къ ней на встрѣчу!

НАДИНЬКА. Да, да; она вѣрно еще ничего не знаетъ!

ЛЮХТОВЪ. Ваша тетушка!... Княгиня, нѣсколько дней тому назадъ я едва согласился принять приглашеніе провести это время въ ея подомосковной—теперь—я иду благодарить ее за счастье, которое нашелъ въ ея домъ. Вашу руку! Пойдемте... (*беретъ руку княгини и уходитъ съ нею въ садъ вслѣдъ за Надинькой и Сашей; которыя побѣжали впередъ*).

XI.

ГРАФЪ КУДРИНЪ, ПОТОМЪ АНДРЕЙ.

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*одинъ*). Трахъ, трахъ, трахъ—тара—рахъ!.. Отбой!... Непрiятель разбитъ, взятъ въ плѣнь и миръ заключенъ!... (*садится*). Уфъ! Наконецъ все улажено, какъ нельзя лучше!... О! теперь я совершенно спокоенъ! Владимiръ будетъ счастливъ — княгиня Вѣра его любитъ! (*встаетъ и надѣваетъ шляпу*). Признаюсь, я тоже не безъ удовольствiя провелъ здѣсь время!... Одною жаль, не успѣлъ поволочиться за хорошенькой вдовушкой;—но на нѣтъ, суда нѣтъ!... (*съ комическою чувствительностію — приподнимая шляпу и смотря на верхъ*). О! какую жертву не въ состоянiи принести истинная дружба!... (*подходя къ авансценѣ*). Но утѣшусь, я своего не потеряю... Когда переволочусь за всеми хорошенькими наши-

ми москвитяночками — поведу въ Петербургъ, и на первомъ же балъ влюблюсь по уши...!

АНДРЕЙ (*выходя справа*). Ване сѣятельство, карета готова!...

ГРАФЪ КУДРИНЪ (*къ нему*). Отпрягать. Мы остаемся здѣсь!... (*Андрей уходитъ. Графъ Кудринъ снова подходитъ къ авансцену — сторону*). Саміель помоги! (*обращаясь къ партеру*). Въ свѣтъ, мы всѣ имѣемъ болѣе или менѣе трудныя роли: жизнь — все таже комедія, міръ — все тотъ же театр!... Такъ говаривали наши дѣды и отцы, тоже самое скажу и я.. Прибавлю одно, комедія, которую я затѣялъ съ дамами вчера и сегодня, имѣла торжественный успѣхъ (*указывая на сцену*) здѣсь... не знаю, что скажутъ объ ней (*указывая на партеръ*). тамъ!...

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КОЛТОВСКОЙ ЛЕВЪ.

ЗАБАВНЫЯ ПОХОЖДЕНІЯ ОЧЕНЬ НЕЗАБАВНАГО ГЕРОЯ.

РАЗСКАЗЪ А. КЛИМОВИЧА.

Физиологія колтовскихъ

(вмѣсто предисловія).

Широко и привольно раскинулась наша сѣверная столица; цѣлыхъ тринадцать частей, какъ тринадцать отдѣльныхъ городовъ, съ пригородами, вмѣстились въ ея границахъ; но ни одна изъ этихъ частей не имѣетъ такого опредѣлительнаго характера, какъ Петербургская часть. Тамъ, назадъ полтора ста лѣтъ, Петръ положилъ основаніе столицы; и до-сихъ-поръ эта часть, вѣрная старинѣ, носитъ на себѣ отпечатокъ первобытной простоты нравовъ. Тѣ-же кривыя, изогнутыя улицы и безчисленное множество переулковъ; тѣ-же маленькіе деревянные домики—пріютъ бѣдныхъ чиновниковъ, служащихъ и отставныхъ, вдовъ и бабылей.

Кое-гдѣ, поближе къ Крестовскому перевозу, въ Колтовскихъ, встрѣчается нѣчто, похожее на дачи, въ китайскомъ или индѣйскомъ вкусѣ, пародія на дачи людей богатыхъ, это изобрѣтеніе вкуса тѣхъ-же чиновниковъ, желающихъ чѣмъ-либо отличиться отъ своихъ собратій, и заставить поговорить о себѣ. У всякаго свое честолюбіе, что дѣлать!

Лѣтомъ на этихъ пародированныхъ дачахъ живутъ сами хозяева съ изобрѣтательнымъ воображеніемъ; одинъ разъ

въ недѣлю, на ворота дачи вывѣшивается билетъ съ надписью: «L'entrée est libre»; вечеромъ того-же дня въ миниатюрномъ саду той дачи играетъ оркестръ тирольцевъ; хозяинъ съ изобрѣтательнымъ воображеніемъ пьетъ чай на балконѣ, окруженный семействомъ и съ самодовольною улыбкою привѣтствуетъ своихъ еженедѣльныхъ гостей. На другой день билетъ снимается съ воротъ и хранится до слѣдующей недѣли; таковъ ужъ обычай у мѣстныхъ колтовскихъ аристократовъ.

Есть на Петербургской сторонѣ и огромные, каменные дома, поднимающіеся, какъ колоссы среди пигмеевъ—это дома, по большей части, женъ обанкротившихся купцовъ.

Много найдется людей, преклоняющихъ шею предъ подлостью богачей; чтожъ мудренаго, что и домики Петербургской стороны скромно склоняются предъ огромными домами: бѣдность снисходительна.

Народонаселеніе Петербургской стороны можно подраздѣлить на два отдѣла: домохозяевъ и жильцевъ. Первые составляютъ, какъ мы уже сказали, чиновники, придворные служители, артисты, ремесленники, накопившіе небольшое состояніе трудомъ, бережливостью или отъ щедротъ службы, да купцы, строющіе громадныя дома на имя жены, и нерѣдко на чужія деньги. Ко второму отдѣлу принадлежатъ тѣ же чиновники, болѣею частью семейные, получающіе небольшое содержаніе; отставные, ищущіе мѣсть, и люди, живущіе въ Петербургѣ потому только, что не знаютъ, что имъ дѣлать и какъ можно жить въ другомъ мѣстѣ; къ этому отдѣлу относятся также вдовы чиновниковъ, старыя инвалиды, словомъ, всѣ отставные, неслужащіе, разныхъ званій и половъ.

Тихо, монотонно тѣнется жизнь этихъ пеплядовъ; зимою кое-гдѣ образуются кружки, вечера проводятъ за картами, иногда раздаются звуки фортепьяно и чиновный людъ забавляется плясомъ.

Только лѣтомъ жизнь немного пробуждается отъ летаргическаго сна. Съ наступленіемъ весны достаточные жители столицы переселяются на Петербургскую сторону, подышать свѣжимъ воздухомъ, немножко развлечься отъ службы. Тогда жизнь и движеніе замѣтны болѣе обыкновеннаго. Чаше встрѣчаются и люди, и экипажи на улицахъ, чаше показываются и женщины затворницы. Вечеромъ Кожина садъ и набережная у перевоза пестрятъ ситцами, холстинками, изъ подъ которыхъ иногда выглядываютъ маленькія ножки маленькихъ чиновницъ; иногда встрѣчаются стройныя таліи, свѣженькія и пух-

ленькія личики. Стаи ребятишекъ, преслѣдуемая няньками, съ ранняго утра тянутся въ Петровскій паркъ или Кожина садъ; иногда даже и маменьки, утомясь хозяйствомъ и домашними заботами, приходятъ подышать свѣжимъ воздухомъ, полежа на зеленой муравѣ, попѣжить-ся въ тѣни густыхъ деревь.

Въ праздничные дни, въ особенности въ хорошую погоду, Невка у Крестовскаго перевоза разрѣзается по всѣмъ направленіямъ яликами, привозящими и перевозящими посетителей Крестовскаго острова; тогда еще болѣе и болѣе оживляется Петербургская сторона; по всѣмъ ея улицамъ и переулкамъ тянутся длинной вереницей семейства ремесленниковъ и мелкихъ чиновниковъ, съ узелками, корзинками, колясочками, нагруженными ребятишками и съѣстными припасами; все спѣшитъ провести день на чистомъ воздухѣ, напиться чаю, погулять, порѣзвиться, провѣтриться отъ столичной пыли и жара.

Этотъ праздничный переливъ центральныхъ жителей чрезъ Петербургскую сторону на Крестовскій островъ оживляетъ ее и придаетъ характеръ большой столбовой дороги или ярмарочной площади. Этотъ гальваническій токъ мгновенно пробуждаетъ мѣстныхъ обитателей отъ восьми-мѣсячнаго усыпленія. Первый осенній вѣтеръ снова погружаетъ на мгновенье воскресшую жизнь въ прежнюю летаргію...

Въ это время обыкновенно выходятъ на добычу колтовскіе львы или, какъ ихъ мѣстныя нимфы называютъ болѣе отчетливымъ именованіемъ, *козлы*. Эти-то львы или козлы рыскаютъ между гуляющими по-одиночкѣ, или по-парно, и рѣдко компанією, потому что жизнь общественная львамъ какъ-то не дается. Каждый левъ своего собрата льва считаетъ смѣшнымъ, глупымъ и это львиное мнѣніе, хотя прямое слѣдствіе зависти, но въ сущности очень справедливо. Оно-то единственно и спасаетъ публику отъ львиныхъ нападѣній: львы одинокіе неопасны; это, по большей части, молодые люди, недоноски школьнаго воспитанія, считающіе себя какими-то геніями, непонятыми въкомъ. Костюмъ ихъ, по большей части, однообразенъ, постояненъ: черный сюртукъ или коричневое пальто, клѣтчатыя или желтыя панталоны, черныя усики, это необходимое украшеніе льва, потому что львы, какъ цари звѣрей, гнушаются службою. Волосы у льва длинныя, назадъ всегда завиты, шляпа надѣта немного напередъ, въ нижнюю петлю жилета вдѣта часовая цѣпочка, на шеѣ на черной лентѣ виситъ орудіе львиной дальпо-

видности—черный лорнетъ. Левъ при встрѣчѣ съ дамами за обязанность считаетъ въ десяти шагахъ остановиться въ театральной позѣ, вставить лорнетъ въ глазъ и осмотрѣть ихъ съ ногъ до головы. Если левъ одинъ, то всегда проходитъ между гуляющими, поднявъ вверхъ голову, молча; ежели самъ-другъ, прибавляетъ какую-нибудь пошлую фразу или дѣлаетъ замѣчанія своему товарищу леву о безобразіи гуляющихъ; и оба, довольные собственными остроуміями, удаляются къ новымъ гуляющимъ.

Иногда колтовскіе левы дѣлаютъ нападенія и на сосѣднія страны; часто вы ихъ встрѣтите и на Невскомъ проспектѣ и въ Лѣтнемъ саду и на минеральныхъ водахъ, не говоря уже о Крестовскомъ. Въ Лѣтнемъ саду вы легко узнаете колтовскаго льва, онъ всегда идетъ съ поднятою головою, въ одномъ глазѣ торчитъ неизменный черный лорнетъ, сюртукъ застегнутъ на третью пуговку, изъ подъ сертука видна цѣпочка, панталоны обыкновенно клѣтчатые. Тамъ-то, на виду лучшаго петербургскаго общества, колтовской левъ всегда ходитъ одинъ, даже не кланяется, встрѣчаясь со своимъ собратомъ левомъ колтовскимъ.

Въ Колтовскихъ все почти привыкли къ странностямъ львиной породы, поэтому и не обращаютъ на нихъ большаго вниманія. Колтовскіе жители знаютъ, что ихъ левы—животныя самыя смиренныя, и что они выказываютъ себя героями только изъ тщеславія.

Иногда на львовъ находить болѣзнь или припадокъ въ родѣ опьяненія; проходя ночью мимо какого-нибудь дома и слыша звуки фортепьяно, левъ непременно останавливается противъ дома, хотя бы окна и ставни были затворены, вооружаетъ львиный глазъ лорнетомъ, и стоитъ да смотреть вверхъ на запертыя окна; въ особенности же левы любятъ смотреть на балконы; посмотреть, посмотреть, да и поидетъ далѣе, потомъ снова воротится и снова прежняя исторія.—Это показываетъ львиную любознательность; а любознательность, какъ говоритъ нѣкій философъ, есть источникъ изобрѣтеній, — и левы дѣйствительно изобрѣтательны.

Вообще левы замѣтны только лѣтомъ, когда Колтовская населяется дачниками; иные даже сами составляютъ часть тѣхъ семействъ, которые ищутъ въ городѣ деревни и на лѣто изъ Мыщанской переселяются въ Колтовскую.

Каждый лѣтній приливъ временныхъ жителей Петербургской стороны оставляетъ ей свой осадокъ; не все снова возвращаются въ центръ города: иные по привычкѣ,

или прельщенные дешевизной квартиръ, иные по другимъ, обстоятельствамъ, не отъ нихъ зависящимъ, остаются на зиму въ лѣтнихъ квартирахъ; закупориваются, закутываются, обзаваются знакомствомъ и нечувствительно входятъ въ колею мѣстныхъ жителей Петербургской стороны: также по вечерамъ играютъ въ карты, также танцуютъ подъ звуки разбитыхъ фортепьянъ; также занимаются судами и пересудами.

Удовольствія большого свѣта ихъ не прельщаютъ: театры, балы, маскарады, концерты созданы не для нихъ. Однообразна жизнь провинціальныхъ городовъ ни шагъ, ни поступокъ, ни слово сосѣда не укроется не только отъ сосѣда, но даже отъ цѣлаго квартала. Пролпла-ли кухарка горшокъ у чиновницы, разбилъ-ли трубку чиновникъ, на другой день эту новость повторяетъ весь околодокъ. Принёсла-ли приплодъ лягавая собака и на другой день ужъ знаютъ какой масти и какого пола этотъ приплодъ. — Самая передача подобныхъ вѣстей показываетъ болѣе, чѣмъ картежные вечера, что жизнь проявляется и въ захолустьи Петербурга. Жизнь не можетъ быть безъ движенія, безъ органовъ нѣтъ и движенія. Органы, движущіе все народонаселеніе Петербургской стороны, потрясающіе ее по всемъ направленіямъ, производящіе электрическіе токи сплетень—это языки ея обитательницъ, и болѣе всего страдаютъ отъ этого бича общественнаго лвы и овечки. Благодаря этимъ проводникамъ слуховъ, нѣкоторые изъ нихъ надолго останутся въ памяти колтовскихъ жителей; преданіе объ ихъ похожденияхъ перейдетъ въ далекое потомство.

I.

У ВСЯКАГО БАРОНА СВОЯ ФАНТАЗІЯ.

Въ концѣ мая мѣсяца 1848 молодой человекъ съ жадностью разсматривалъ красивый домикъ съ зелеными ставнями, бѣлѣвшійся въ волнахъ зелени, окружавшаго его сада. Онъ смотрѣлъ на этотъ домикъ не съ жадностію покупателя или наследника, во взорахъ его отсвѣчивалась какая-то нѣжность, восхищеніе, смѣшанное съ сомнѣніемъ.

Сидя на скамейкѣ и опершись подбородкомъ на золотой

набобдашникъ своей трости, онъ съ любопытствомъ всматривался и вслушивался. По виду онъ не принадлежалъ къ семьѣ колтовскихъ львовъ; жесты его были благородны, естественны, безъ заносчивости; въ особенности пріятность манеръ, эта рѣшительная самоувѣренность, которую иные называютъ наглостью и, которая ничто иное, какъ житейскій тактъ, какъ степенность, приобретенная въ шумѣ большаго свѣта, достаточно показывали, что молодой человекъ былъ членъ хорошаго общества.

Если бы въ это время по Колтовской прошелъ какой-нибудь левъ большаго свѣта и протянулъ-бы руку своему собрату, мы тотчасъ узнали-бы отъ него, что это Ипполитъ Эдинъ, что ему тридцать лѣтъ, что онъ отличался въ свѣтъ прекрасною наружностью, своими манерами, щегольскимъ костюмомъ; что онъ имѣлъ довольно состоянія, чтобъ не служить и достаточно образованія, чтобъ понимать изящныя искусства, не занимаясь ими. Мы узнали-бы, что онъ въ столицѣ имѣлъ и друзей, и связи, и родныхъ, принадлежалъ къ лучшему столичному обществу, хотя и не пользовался повсемѣстною извѣстностью, однакожь при входѣ его въ знакомый домъ, никто не спрашивалъ: кто это?

Вотъ человекъ, котораго мы рѣшились вывести на сцену. Посмотримъ, что забросило его въ Колтовскую, и что онъ тамъ дѣлаетъ?

Ипполитъ, наскуча глядѣть все на одно мѣсто, всталъ со скамейки и началъ прохаживаться вдоль забора, взадъ и впередъ, не такъ, какъ ходять на прогулкѣ, но шагомъ неровнымъ, останавливаясь, прислушиваясь съ безпокойствомъ къ каждому звуку, къ каждому шуму.

— Молчаніе и молчаніе! шепталъ онъ про себя, ударяя тростью по мостовой.... однакожь я точно слышалъ тамъ, на этомъ мѣстѣ... да, это ея любимая арія, которую она такъ хорошо пѣла, эта арія заставила меня обожать Беллини.

Потомъ онъ снова остановился, повторяя:

— Это она, Евгенія! наконецъ-то я ее нашель.

Говоря это, онъ поднялъ голову, расправилъ черныя усы, радость проглянула на его лицѣ. Но вдругъ, какъ будто подъ гнетомъ противной мысли, онъ снова началъ ходить, стараясь разсѣять раждающееся сомнѣніе.

— Кто знаетъ, произнесъ онъ съ печальнымъ видомъ, кто меня увѣритъ, что это она? что это та женщина, которую я ищу?... Арія еще не доказательство; эту арію можетъ пѣть и другая... какъ бы то ни было, приба-

вилъ онъ снова, останавливаясь, я хочу знать... я открою, я развѣдаю... кто-нибудь выйдетъ-же изъ этого дома!

И въ ожиданіи Ипполитъ сѣлъ на скамейку. День склонялся къ вечеру, солнце во всемъ блескѣ катилось по голубому небу, скрываясь за Крестовскій лѣсъ и бросая послѣдніе лучи на противоположныя дачи и сады. Деревья тонули въ вечернихъ испареніяхъ, птички съ крикомъ оспаривали свои ночные пріюты. Молодой человекъ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія, для него вся вселенная заключалась въ этомъ домикѣ и никакое происшествіе не могло развлечь его, если только оно было внѣ ограды упомянутаго домика.

Наконецъ садовая калитка отворилась. Ипполитъ вскочилъ и побѣжалъ; изъ калитки вышла молоденькая дѣвушка, съ прекрасными черными глазками, стройная, красивая. Ипполитъ, хотя прибылъ недавно еще въ Колтовскую, однакожъ узналъ Берту, дочь хозяина кофейной, въ которой онъ обѣдалъ.

— Ахъ это вы, mademoiselle? — Ахъ! это вы! monsieur! были обоюдныя восклицанія, произнесенныя съ различными чувствами.

— Вы меня испугали, продолжала Берта, дрожа отъ испуга, и покраснѣвъ отъ неожиданности.

Въ тоже время она заперла калитку и положила ключъ въ карманъ.

— Вы здѣсь живете? спросилъ Ипполитъ, съ удивленіемъ.

— Да, отвѣчала дѣвушка, этотъ домъ мы также занимаемъ; и когда въ кофейной бываетъ много народа, что почти всегда случается, продолжала она съ самодовольною улыбкою, я удаляюсь сюда.

— Ахъ! вскричалъ Ипполитъ, въ отчаяніи.

Въ это время Берта хотѣла идти, Ипполитъ остановилъ ее.

— Позвольте поздравить васъ, mademoiselle, сказалъ онъ, вы прекрасно поете и еще лучше играете на фортепьяно.

— Я! — произнесла съ удивленіемъ дѣвушка, съ чего вы это взяли? я не знаю музыки.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ Ипполитъ, обрадованный этимъ отвѣтомъ, скажите мнѣ, кто-же сейчасъ пѣлъ арію изъ Сонамбулы?

— Я ничего не слыхала, отвѣчала наивно дѣвушка, гдѣ это пѣли?

— Въ этомъ домѣ, изъ котораго вы вышли.

— О! вы ошибаетесь, продолжала она, качая головой, въ этомъ домѣ живу только я съ дѣвушкою, не можетъ же быть, чтобъ служанка...

— Увѣряю васъ, я слышала.

— Не спорю, прервала Берта, но согласитесь, что васъ обмануло, безъ сомнѣнія, эхо... звуки выходили не изъ этого дома. Быть можетъ, изъ дома, который напротивъ... Да, это должно быть такъ, продолжала она, какъ бы раздумывая... одна иностранка, богатая женщина, занимаетъ этотъ домъ... прекрасная виртуозка!... вѣрно вы ее слышали!...

Потомъ съ живостью, чтобъ избавиться отъ дальнѣйшихъ распросовъ, она прибавила:

— Но извините; папа ждетъ меня въ кофейной.

Говоря это, Берта присѣла граціозно передъ молодымъ человѣкомъ и отправилась къ кофейной. Ипполитъ остался на томъ же мѣстѣ, погруженный въ размышленіе; потомъ машинально пошелъ впередъ по той же дорогѣ, по которой отправилась и Берта; но Берта имѣла преимущество предъ Ипполитомъ во времени и въ скорости, потому что онъ пошелъ гораздо позже и шелъ медленнѣе. Ипполитъ весьма удивился, встрѣтя на перекресткѣ одной улицы, молодую дѣвушку, такъ спѣшившую домой, спокойно разговаривающую съ человѣкомъ чрезвычайно страннымъ. Мы говоримъ *страннымъ*—относительно Ипполита, привыкшаго видѣть свѣтъ, но колтовскія дѣвицы другаго мнѣнія. Какъ бы то ни было, человѣкъ, разговаривавшій съ Бертой, былъ высокаго роста; на тонкомъ туловищѣ торчала голова, завитая сзади, какъ у парикмахера, шляпа нахлобучена впередъ, въ лѣвомъ глазѣ торчалъ черный лорнетъ. Этотъ человѣкъ невольно бросался въ глаза; пестрый открытый жилетъ, былъ украшенъ толстой часовой цѣпкою, съ огромнымъ замкомъ, голубой платокъ съ огромнымъ бантомъ красовался на шеѣ, на которой видѣяся черная ленточка отъ лорнета; клѣтчатые панталоны охватывали длинныя ноги, оканчивающіяся коричневыми штиблетами. Прибавьте, что этотъ человѣкъ говорилъ сквозь зубы, какъ бы разжевывая слова, живописно моргалъ глазами и всячески старался выказать свои длинные ногти, цѣпочку и руку, которую онъ считалъ чрезвычайно красивою; по всѣмъ его пріемамъ, можно было догадаться, что этотъ молодой человѣкъ желалъ показать себя тѣмъ, чѣмъ онъ думалъ быть, т. е. *человѣкомъ съ состояніемъ*.

Мамзель Берта не такъ была увлечена разговоромъ сво-

его собеседника, чтобы не замѣтить приближенія Ипполита; она покраснѣла и быстро прог. ворила своему вздыхателю:

— Намъ нельзя вмѣстѣ идти въ кофейную, папа мнѣ строго запретилъ это.

Страшный соблазнитель бросилъ наглый взоръ и отвѣчалъ:

— Будьте покойны, мнѣ нужно еще зайти недалеко; я приду позже.

Они разстались и мамзель Берта постѣшила догнать Ипполита и почти въ одно съ нимъ время вошла въ кофейную. Это заведеніе было сборнымъ мѣстомъ всѣхъ колтовскихъ львовъ; здѣсь встрѣчались всѣ знаменитости этой страны, здѣсь былъ и отставной сенатскій секретарь, корчившій изъ себя фата и всѣхъ людей считавшій за глупыхъ животныхъ, потому что ему казалось, что онъ самъ очень уменъ; здѣсь встрѣчался какой-то хромой, допотопный докторъ, лечившій всѣ болѣзни одной ромашкой съ калуферомъ, настоянными на пшеницкѣ; здѣсь былъ и человекъ, котораго всѣ величали полковникомъ, на основаніи его геройскаго вида и клеенчатой фуражки; здѣсь былъ и отставной помѣщикъ сорока-восьми душъ, ходившій, для большей важности, постоянно въ черномъ фракѣ. Здѣсь былъ и человекъ, носившій почему-то въ петличкѣ сертука красную ленточку, не принадлежащую ни одному европейскому ордену; былъ здѣсь и человекъ въ постоянномъ стренькомъ пальто, котораго всѣ величали *monsieur le comte*. Здѣсь былъ и тоненькій, сухенькій чиновникъ, съ вѣчно-ребяческаго улыбкаю на устахъ, помѣшанный на игрѣ въ лото, проигрывавшій все свое жалованье и ходившій лѣто и зиму въ единственныхъ черныхъ панталонахъ. Словомъ, здѣсь встрѣчалось много звѣрей разной шерсти; хозяинъ *кафе* геръ Кохъ, самъ, личною персоною, угощалъ и прислуживалъ своимъ по събителямъ, дочь его, мамзель Берта, обыкновенно торчала за выручкою. Хозяинъ былъ со всѣми ласковъ, обходителенъ, какъ немецъ-спекуляторъ, съ иными даже обращался фамильярно, въ особенности онъ благоволилъ къ капитану, который, по его мнѣнію, былъ добрый малой и острякъ не послѣдней руки. Надобно его видѣть, говорилъ геръ Кохъ, потирая отъ удовольствія свои красныя руки, когда онъ начнетъ тронуть надъ барономъ. Потѣха да и только. *Lauter Witze!* Этотъ, такъ называемый баронъ, былъ тотъ самый левъ въ клетчатыхъ пантало-

нахъ, съ чернымъ лорнетомъ въ глазъ, котораго встрѣтилъ Ипполитъ съ Бертой.

Войдя въ кофейню, Ипполитъ засталъ все избранное общество львовъ въ большой залъ; кто сидѣлъ и зѣвалъ, кто тѣлъ мороженое съ ромомъ, кто читалъ Полицейскія вѣдомости, единственную газету, получаемую въ заведеніи; кто сидѣлъ, развѣлся, и слушалъ рассказы о небывалыхъ походахъ колтовскихъ львовъ. Компанія этихъ избранныхъ ему не очень понравилась, и онъ вошелъ въ небольшую комнату, гдѣ маэзель Берта сидѣла за выручкою. Комната эта помѣщалась между кухней и общою залою и отдѣлялась отъ послѣдней стеклянною перегородкою, съ закоптылыми бѣлыми занавѣсками, чрезъ которыя легко можно было видѣть, что дѣлалось въ залъ. Берта сидѣла, углубясь въ счетныя книги, не обращая ни малѣйшаго вниманія на присутствіе Ипполита, который въ свою очередь, сидя за маленькимъ столикомъ, утолялъ жажду горячимъ чаемъ. Онъ мало пилъ и много думалъ, по обыкновенію ученыхъ, поэтовъ и влюбленныхъ. Вдругъ размышленія его были прерваны шумомъ въ другой комнатѣ. Онъ поднялъ занавѣску перегородки, и увидѣлъ, что этотъ шумъ произвелъ приходъ льва, котораго онъ встрѣтилъ съ Бертой. Новопришедшій, казалось, привыкъ къ шумному пріему товарищей. Хозяинъ, ужинавшій въ это время въ боковой комнатѣ, оставилъ свой ужинъ, выбѣжалъ, чтобъ посмотреть, сквозь перегородку, что за причина шума, но Берта поспѣшно отдернула занавѣску и посмотрѣла въ общую залу.

— Ахъ! произнесла она съ удивленіемъ, это Иванъ Николаевичъ Никельродъ, а я думала, что онъ давно уже здѣсь.

Ипполитъ невольно обратился и посмотрѣлъ на Берту, которая, въ свою очередь, не сконфузлась, выдержала его взоръ и съ улыбкою сдѣлала знакъ молчанія. Хозяинъ не замѣтилъ этой мимической перестрѣлки.

— Какой человекъ! всегда входитъ съ трескомъ и шумомъ, произнесъ онъ, какъ будто важная какал персона. И требуетъ всегда того, чего уже нѣтъ.

— Что-жь, когда у него такой характеръ, произнесла Берта.

— Вотъ этого только не доставало, чтобъ ты стала его защищать, произнесъ отецъ. По мнѣ хоть бы онъ провалился сквозь землю.

Въ это время молодой человекъ, котораго хозяинъ от-

правлялъ въ преисподнюю, показался у дверей перегородки.

— *Bon soir mademoiselle* et геръ Кохъ, сказалъ онъ съ веселою улыбкою. Поскорѣй мнѣ ужинать.... мнѣ нѣтъ времени, *mein Bester*

— Тотчасъ, господинъ баронъ, чрезъ двѣ минуты будетъ готовъ, отвѣчалъ хозяинъ ласковымъ голосомъ.

Но не успѣлъ баронъ войти въ залу, какъ хозяинъ перемѣнилъ тонъ.

— Чтобъ ты подавился этимъ ужиномъ.... шепталъ онъ себѣ подъ носъ; потомъ, передразнивая барона, прибавилъ: мнѣ нѣтъ времени! — Въ такомъ случаѣ, вамъ любезнѣйшій баронъ, не мѣшало бы приходиться пораньше..... А вы, сударыня, вы знаете, что я запретилъ вамъ разговаривать съ нимъ, слышите-ли, ни слова.

— Я не говорила ему ничего, отвѣчала дѣвушка; надувши розовыя губки.

— Это хорошо, отвѣчалъ отецъ, но вы ему улыбались, сударыня, это мнѣ не нравится, онъ можетъ объ васъ чортъ знаетъ что подумать. По лѣтамъ онъ вамъ не женихъ, да онъ и не туда смотритъ. Вотъ третій годъ, какъ прѣхалъ на Петербургскую и всѣ убѣгаютъ его.

Исполнить былъ невольнымъ свидѣтелемъ этой сцены.

Когда Никельродъ вошелъ въ залу, многіе изъ посѣтителей собирались ужъ уходить. Появленіе его удержало всѣхъ. Они столпились около льва въ клетчатыхъ панталонахъ и со всѣхъ сторонъ посыпались притѣтствія.

— «Ахъ! Никельродъ!... баронъ!... Иванъ Николаевичъ!... Ванька *плутъ*! откуда такъ поздно!... Злодѣй, небось ничего не говоритъ о своихъ похожденіяхъ.

— Еще новая жертва, произнесъ насмѣшливо секретарь Сената.

— Бьюсь объ закладъ, что онъ волочился за какой-нибудь горничной, вскричалъ отставной штыкъ-юнкеръ, въ форменной фуражкѣ.

— Поди ты! прибавилъ секретарь, какъ можно унизиться до горничной; у барона не таковъ вкусъ. Онъ, вѣроятно, былъ на свиданіи съ княгиней.

— Ай-да Ванька *плутъ*, закричалъ тоненькій чиновникъ.

Во время этихъ вопросовъ и восклицаній, которые по видимому весьма мѣстили барону, онъ сконфуженный под-

ходилъ то къ одному, то къ другому изъ собесѣдниковъ, какъ бы умоляя ихъ о пощаду.

— Что онъ съ ума сошелъ? произнесла Берта, смотря сквозь стекло перегородки.

Едва только тишина немного воцарилась въ залъ, какъ капитанъ, съ намъшкою посматривая на барона и качался на стулѣ, громко произнесъ:

— Да здравствуетъ побѣдитель! А! господинъ баронъ! продолжалъ онъ съ сардоническою улыбкою, вы дѣла ваши обдѣльваете тихомолкомъ. Чортъ побери! это славно. Гдѣ вы были третьягодня въ двѣнадцать часовъ ночи?

— Третьягодня? прервалъ его Никельродъ, какъ будто стараясь припомнить; вѣроятно въ это время я былъ у себя въ постель.

— Нѣтъ, баронъ, не надуешь! продолжалъ капитанъ, вы скакали верхомъ.

— Вотъ забавно. Я никогда не ѣздилъ верхомъ, отвѣчалъ баронъ.

— Вы сидѣли верхомъ, продолжалъ неотвязчивый капитанъ, на садовомъ заборѣ.

Громкій всеобщій смѣхъ и рукоплесканія встрѣтили эти послѣднія слова капитана.

— О! Боже мой! вскричалъ Никельродъ, видимо обидясь этими словами, и быстро подошелъ къ нескромному капитану, желая остановить его.

— Почему жъ не сказать? Что-жъ, что ѣздилъ на заборѣ, на то у всякаго барона своя фантазія. Это еще болѣе подстрекнуло любопытство слушателей. Со всѣхъ сторонъ посынались къ капитану просьбы. Напрасно баронъ старался остановить разскащика, самые любопытные схватили его за руки, и зажимали ему ротъ, послѣ этой операціи капитанъ продолжалъ торжественно:

— Вѣроятно, господа, баронъ хотѣлъ сойти съ своей деревянной лошади, онъ посматривалъ на улицу, ощупывая ногою не встрѣтитъ-ли какой-нибудь щели или гвоздя, который послужилъ-бы ему стремящемъ. Проходя въ это время по улицѣ и видя бѣдственное положеніе барона, я сжалился надъ нимъ, подошелъ и подставилъ плечо, баронъ опустился на него, но едва замѣтилъ, что подпора была подвижная, какъ сумасшедшій, прыгнулъ мнѣ на плечо, съ ужасомъ отскочилъ и убѣжалъ, крича мнѣ: извините, милостивый государь!

При этихъ словахъ смѣхъ и восклицанія удвоились, и

всеобщее веселіе прерывалось только глухимъ ворчаніемъ барона.

— Чей это садъ? спросилъ секретарь.

— Да, да, подхватила честная компанія, чей это садъ, скажите, пожалуйста, капитанъ?...

Въ это время баронъ, вырвавшись изъ рукъ своихъ преследователей, бросился къ капитану.

— Нѣтъ, нѣтъ! капитанъ, вскричалъ онъ, побагровѣвъ отъ гнѣва, нѣтъ, капитанъ, ради Бога, не говорите.

— Держите его, господа, произнесъ капитанъ, защищаясь стуломъ отъ нападенія непріятеля.

Нѣсколько человекъ схватили снова барона.

— Петинька, ради Бога, помоги! пѣду съ тобой въ клубъ, на три ставки дамъ въ лото.

— А, Ванька плютъ, попался! отвѣчалъ тоненькій чиновникъ, что три ставки — это пустяки!

— Дамъ, Петинька, на весь вечеръ, въ большее лото въ половину возьму.

— Полно, такъ-ли?

— Ей-Богу, какъ благородный человекъ.

Улыбка самодовольствія появилась на ребяческомъ лицѣ тоненькаго чиновника, онъ въ прискочку подбѣжалъ къ держащимъ барона.

— Пустите его, господа, оставьте, оставьте, лепеталъ онъ, подскакивая то къ одному, то къ другому.

— И ты за него, сказалъ секретарь, опять товарищъ, смотри останешься въ дуракахъ.

— Вы всё слышали, господа, онъ обѣщалъ, какъ благородный человекъ.

— И не исполнитъ, какъ баронъ — произнесъ отставной штыкъ-юнкеръ.

— Лелинька, пощади, ради Бога, поставлю шампанскаго, повезу въ танцъ-классъ.

— Знаемъ мы твое обѣщаніе, отвѣчалъ штыкъ-юнкеръ, продолжая свое дѣло.

— Докторъ, ради Бога, вступитесь хоть вы за мѣня, продолжалъ баронъ, обращаясь къ толстой фигурѣ доктора, цѣлую дюжину поставлю портеру.

Толстая фигура хромага, дѣпотопнаго доктора на костыль, двинулась къ осаждающимъ.

— Оставьте его, господа, что вамъ за польза знать садъ и домъ. У каждаго своя тайна.

— Мы хотимъ знать! говорите, говорите, капитанъ, закричала толпа.

Баронъ съ отчаянія рванулся со всѣхъ силъ изъ рукъ

своихъ противниковъ, выхватилъ стулъ у капитана, и зажалъ ему ротъ рукою. Этотъ поступокъ его совершенно погубилъ. Капитанъ высвободясь изъ подъ рукъ барона, вскочилъ на столъ и громко закричалъ.

— Садъ Феникса!

Эти два слова, брошенныя въ веселомъ обществѣ, произвели два противоположныя дѣйствія. Въ залѣ собесѣдники капитана, прежде кричавшіе и смѣявшіеся, вдругъ прекратили свои восклицанія и съ удивленіемъ обратили взоры къ стеклянной двери перегородки, какъ будто за этою перегородкою находились лица, замѣшанныя въ этомъ происшествіи. Въ сосѣдней комнатѣ эти слова произвели болѣе драматическое слѣдствіе. Хозяинъ кафе при одномъ названіи сада, бросилъ на дочь свою грозный взглядъ и упустилъ изъ рукъ телячьи котлеты, приготовленныя для барона. Послѣ чего съ пустыми руками и съ лицомъ блѣднымъ, какъ его колпакъ, геръ Кохъ вошелъ въ залу, затворилъ за собою дверь и остановился на минуту. Въ залѣ Никельродъ былъ одинъ, ибо въ то время, когда хозяинъ показался на порогъ, послѣдній изъ собесѣдниковъ оставилъ залу.

Хозяинъ и Никельродъ смотрѣли другъ на друга; наконецъ первый сдѣлалъ три шага впередъ, трагически сложилъ руки, и вперилъ грозный, карающій взоръ въ своего противника. Минута была торжественная.

— Я все слышалъ, произнесъ онъ, задыхающимся голосомъ, вы обезчестили мою дочь, милостивѣйшій государь. Что вы дѣлали въ саду Феникса?

— Боже мой! пусть-бы онъ все откровенно сказалъ, шептала Берта, трепеща всѣмъ тѣломъ, за перегородкою и не уронивъ ни одного жеста, ни одного слова изъ разговора. Пусть-бы онъ откровенно признался, продолжала она, какъ будто соблазнитель могъ слышать ея слова, и не обвинилъ бы меня въ соучастіи.

— Однакожь, произнесъ Ипполитъ, приближаясь къ Бертѣ, такъ какъ капитанъ видѣлъ его на заборѣ сада Феникса...

Молодая дѣвушка знала, что Ипполитъ былъ свидѣтелемъ всей сцены; она сначала, казалось, не хотѣла отвѣчать, но соучастіе его въ нескромности сближало разстояніе, ихъ разделяющее, или она считала излишнимъ скрывать истину, могущую ее оправдать.

— Милостивый государь, отвѣчала она, покраснѣвъ, и опустя глаза предъ Ипполитомъ. Г. Никельродъ точно подходилъ къ моей двери, но я ему не отворила.

Этотъ разговоръ продолжался не болѣе минуты, и въ продолженіи этого времени, предполагаемый соблазнитель Берты, не успѣлъ еще произнести ни одного слова въ оправданіе свое предъ разгнѣваннымъ отцомъ.

— Будете-ли вы отвѣчать, милостивый государь, вскричалъ Кохъ, выведенный изъ терпѣнія этимъ долгимъ молчаніемъ.

Льву наскучилъ неотвязчивый взоръ нѣмца; онъ крѣпко ударилъ кулакомъ по столу, какъ бы ободряя себя, и рѣшительно всталъ со стула. Геръ Кохъ попятился назадъ.

— Геръ Кохъ, сказалъ левъ, подходя къ оробѣвшему нѣмцу, вы напрасно горячитесь. Я вамъ буду отвѣчать простымъ вопросомъ: одна-ли ваша дочь живетъ въ домъ Феникса?

— Боже мой! что онъ хочетъ сказать? шептала Берта въ своемъ углу.

— Такъ это посѣщеніе было не къ моей дочери? спросилъ удивленный нѣмецъ.

— Вовсе нѣтъ, отвѣчалъ баронъ. Я вамъ тотчасъ расскажу.

— Измѣнникъ, произнесла дѣвушка, онъ мнѣ предпочелъ новопривъзжую даму!

— Развѣ тамъ живетъ какая-нибудь дама, кромѣ васъ? вскричалъ Ипполитъ, замѣтя противорѣчіе дочери хозяина. Берта приложила указательный пальчикъ къ губамъ и, не отвѣчая, стала опять слушать; но Ипполитъ довольно невѣжливо схватилъ ее за руку и нагнувшись надъ ея ухомъ, произнесъ задыхающимся голосомъ:

— Этотъ человекъ лжетъ?

— Дай Богъ! чтобъ это было такъ, отвѣчала со вздохомъ дѣвушка.

— Скажите мнѣ имя этой дамы, продолжалъ молодой человекъ.

— Увы! я не знаю, отвѣчала Берта.

Въ такомъ случаѣ будемъ слушать! произнесъ Ипполитъ.

И съ бьющимся сердцемъ, удерживая дыханіе, онъ вперилъ въ залу глаза, въ которыхъ отсвѣчивались гнѣвъ и любопытство.

II.

ИЗЪ ОГНЯ ДА ВЪ ПОЛЫМЯ.

Прежде, чѣмъ станемъ продолжать нашъ разсказъ, необходимо сказать нашимъ читателямъ нѣсколько словъ о женщинѣ, преслѣдуемой Ипполитомъ Эндийнымъ, и которую, ему казалось, онъ нашелъ въ захолустьи Петербурга, въ Колтовской.

Евгенія Александровна Ревина принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыхъ одинъ разъ достаточно видѣть, чтобъ искать ея знакомства, а узнавши, нельзя не полюбить. Человѣкъ невольно увлекается прекраснымъ; степени красоты бываютъ различны; симпатія рѣшаетъ выборъ прежде, чѣмъ разумъ оцѣнить и одобрить его. Евгенія Александровна была одна изъ тѣхъ, которыя невольно увлекаютъ, приковываютъ человека. Ипполитъ любилъ ее и удивлялся ей. Этотъ молодой человекъ, съ которымъ мы познакомились прежде, полагалъ, согласно съ ученіемъ естественной исторіи человека, что идеаль женщины—или блондинка большаго роста, или брюнетка малаго; потому что характеръ брюнетки большаго роста всегда приближается къ мужскому, а характеръ блондинки малаго роста болѣе близокъ къ дѣтскому. Въ слѣдствіе этихъ разсужденій, а болѣе по увлеченію, Ипполитъ добровольно принялъ дѣпи, налагаемыя на него Евгенію. Она была блондинка, и послѣ вышеприведенныхъ разсужденій, легко угадать, что она была высокаго роста и прекрасно сложена; во всѣхъ ея чертахъ и движеніяхъ была какая-то пріятность; она прекрасно танцевала; каштановыя локоны чудно красовались за маленькими ушками; на овальномъ ея лбу выражалась задумчивость и твердость характера; въ большихъ голубыхъ глазахъ отсвѣчивалась жизнь и нѣга; прямой носъ, прекрасныя губки, съ веселою, умною улыбкою, дополняли ея очарованіе. Къ ней можно было приложить описаніе душеньки Тредьяковского.

«На устахъ двѣ ямочки и онѣ стверсты

«Въ нихъ плутъ Купидо сидитъ, сложа на крестъ персты,

«Улыбаются, молчатъ и красно глаголятъ:

«О красна, красна ты, правда очи колить».

Оттуда обвороженные взоры падали на мраморныя плечи, на шею, поддерживающую эту чудную, фантастическую головку. Ножки, маленькія, кокетливо выглядывали изъ подъ платья. Кромѣ этихъ преимуществъ природа одарила эту женщину рѣдкимъ искусствомъ, выказывать свои достоинства. При ея взглядѣ счастье невольно проливалось въ душу, голосъ ея былъ нѣженъ, мягокъ, увлекателенъ.

Исполить былъ поэтъ въ душѣ; женщина эта не могла не увлечь его; онъ сдѣлалъ изъ нея свое божество. Онъ бросился по ея слѣдамъ съ опасностью погибнуть или ниспасть съ идеальнаго неба. Встрѣтя ее въ первый разъ на вечерѣ, не зная ни ея имени, ни положенія въ свѣтъ, онъ былъ пораженъ и будущее его было рѣшено. Каждый день открывалъ онъ въ ней новыя достоинства, новыя прелести. Онъ узналъ, что Ревина была вдова, послѣ недолгаго, но несчастнаго супружества и вполне неукоризненно наслаждалась своею свободою. Ее обвиняли въ оригинальности, вѣроятно потому, что она жила не по всемъ правиламъ свѣта, гоняясь за всеми удовольствіями и наслажденіями жизни. Страстно любя литературу и изящныя искусства, она большую часть своего боднаго времени проводила за чтеніемъ или музыкою, домъ ея всегда былъ открытъ для художниковъ и литераторовъ.

Два года уже Исполить преслѣдовалъ эту женщину безъ всякаго успѣха. Наконецъ, въ началѣ этого лѣта, по прихоти, извинительной у женщины, наслаждающейся полною свободою, прихоти, внушенной фантазіею, Евгенія Александровна въ одинъ прекрасный день вдругъ оставила столицу, не сказавъ никому куда, зачѣмъ и надолго-ли уѣзжаетъ. Несчастный Исполить, прикативъ къ ея подъезду, услышалъ отъ дворника громкое: «уѣхали-съ въ деревню!» Не смотря на это объясненіе, онъ взошелъ на дворъ и поднялъ глаза ко второму этажу, шторы во всехъ окнахъ были опущены. Печальное зрѣлище! видъ голой стѣны во сто разъ сноснѣе, чѣмъ видъ опущенныхъ шторъ на окнахъ: въ стѣнѣ нѣтъ отверстій, тамъ нѣтъ воспоминаній, между тѣмъ окна, это другое дѣло; окна отворялись, тамъ вы видѣли прекрасное личико, окаймленное пушистыми локонами, тамъ видѣлись вазы съ цвѣтами, изъ-за которыхъ выглядывали украдкою пара жгучихъ, черныхъ глазъ или глазъ масляныхъ, голубыхъ; оттуда неслись звуки чуднаго голоса, и всѣ эти видѣнія, вся эта косморамъ вдругъ исчезла, подернулась

бълымъ непроницаемымъ покровомъ — шторою! Таково было положеніе Ипполита во время послѣдняго его посѣщенія дома, гдѣ жила Евгенія. — Евгенія! зачѣмъ бѣжишь ты отъ меня? — произносилъ онъ, со слезами на глазахъ. Зачѣмъ ты меня терзаешь, скрывая свое убѣжище! Простое отсутствіе оставлять хоть какое-нибудь утѣшеніе: по-крайней-мѣрѣ, знаешь, куда обратиться свои просьбы, какое облако слѣдить взорами и сердцемъ, въ какую сторону послать вздохъ и поцѣлуй. Но быть въ неизвѣстности, это тоже, что блуждать по океану безъ компаса, быть брошену въ пространство вселенной, летѣть, летѣть, не зная, куда, зачѣмъ. О! ты не поймешь всѣхъ моихъ мукъ, всѣхъ терзаній, но я найду тебя, хотя бы на днѣ моря; я отыщу твои слѣды, любовь дастъ мнѣ силы и бодрость.

Такимъ образомъ Ипполитъ началъ свои поиски съ начала мая мѣсяца. Онъ объѣхалъ все окрестности Петербурга на разстояніи сорока верстъ и все напрасно; наконецъ, по какому то инстинкту, говорящему иногда сильнѣе самаго разсудка, онъ завернулъ въ Колтовскія, гдѣ мы его впервые встрѣтили, ходящаго предъ домикомъ съ зелеными ставнями. Зная эти подробности, обратимся опять къ нашему разсказу,

Мы оставили Ипполитта и Бертю за стеклянною перегородкою кофейной. Оба съ жадностію слушали разсказъ, обѣщанный барономъ Никельродомъ хозяину. Левъ, видя, что почтенный трактирщикъ немного успокоился и прельстился его обѣщаніемъ, вздумалъ любопытство его употребить въ пользу.

— Геръ Кохъ, сказалъ онъ нѣмцу, пришедшему съ пустыми руками, не заставляйте меня голодать. Подайте мнѣ ужинать, я разскажу вамъ всю исторію за котлетами съ горошкомъ.

Нѣмецъ не заставилъ повторять себѣ два раза просьбы, онъ отправился на кухню. Ипполитъ и М-ше Берта, видя его приближеніе, поспѣшно заняли свои мѣста и казались глубоко занятыми, одинъ своимъ чаемъ, другая счетными книгами. Хитрость эта напрасно была употреблена нашими любопытными; потому что отецъ Берты такъ былъ занятъ слышаннымъ, а въ особенности тѣмъ, что ожидалъ услышать, что совершенно не обратилъ на нихъ никакого вниманія. Онъ очистилъ котлеты, которыя уронилъ предъ тѣмъ на полъ, положилъ ихъ на чистую тарелку, ворча про себя, въ извиненіе своей жадной экономіи: «не важность! съѣсть и эти! не

бросать-же въ помойную яму: что имъ сдѣлалось?»
Съезъ минутоу всѣ присутствующіе были на своихъ мѣстахъ, баронъ немного утолилъ голодъ, а Кохъ, опершись локтями на столъ, и успокоя подбородокъ на обоихъ кулакахъ, готовился слушать съ невыразимымъ любопытствомъ. Этотъ разсказъ былъ одинаково занимателенъ для шести ушей, готовыхъ съ жадностію его услышать.

— Ну чтожь, произнесъ хозяинъ, теряя терпѣніе, кажется, что эта иностранка...

— Тише! произнесъ левъ, размахивая вилкою, какъ капельмейстеръ жезломъ, имѣйте терпеніе, это цѣлая исторія.

— Хорошо, хорошо! отвѣчалъ хозяинъ, я васъ слушаю за троихъ. Почтенному нѣмцу и въ голову не приходило, что онъ говорить правду.

Баронъ съ важностію потеръ себѣ лобъ и началъ:

— Надобно вамъ сказать, геръ Кохъ, что вы, хоть и подозрѣвали, будто я волочусь за вашего дочью, потому что я часто бродилъ около дома Феникса, а на повѣрку-то выходитъ совсѣмъ не то: я нѣсколько разъ замѣчалъ тамъ незнакомку.

— А, вотъ что, вѣрно нашу затворницу, которая показывается видъ, что скрывается отъ всѣхъ, замѣтилъ хозяинъ.

— Какой хитрый! произнесла со вздохомъ Берта; а давеча чрезвычайно удивилъ, когда я ему сказала, что надо мною живетъ дама.

— Какъ-то вечеркомъ, продолжалъ баронъ, растягивая слова, чтобы лучше собраться съ мыслями, какъ-то вечеркомъ... когда это было, постойте-ка... да въ среду... я получилъ любовную записку.

— Любовную записку? прервалъ его хозяинъ, все болѣе и болѣе заинтересовываясь.

— Да, т. е. билье-ду или какъ выражаются поэты *по-сланіе*.

— Поздравляю! Ну, а что же вамъ писала наша скромница? — это любопытно.

— Она писала... слушайте! она писала... дайте мнѣ прожевать котлеты!

— Что? дайте мнѣ прожевать котлеты!.. повторилъ нѣмецъ съ гнѣвомъ... Вы смѣтаете надо мной, Иванъ Николаевичъ, въ любовномъ письмѣ о котлетахъ не пишутъ.

— Чертъ поberi, я думаю, что нѣтъ, отвѣчалъ левъ со смѣхомъ. Это говорю я, а не письмо.

— А! въ такомъ случаѣ извините, произнесъ геръ Кохъ, приходя въ себя, продолжайте.

— Во первыхъ, эта записка была написана на розовой атласной бумагѣ, съ золотымъ бордюромъ, переплетеннымъ голубяи.

— Интересно знать содержаніе, сказалъ хозяинъ, подвигая поближе свой стулъ. И вѣроятно на французскомъ языкѣ?

— Ужъ разумеется на французскомъ, и что за слогъ, просто чудеса. Все нисымо у меня такъ и врьзалось въ памяти.

— Вы, вѣроятно, будете такъ добры, что прочтаете мнѣ его, это чрезвычайно любопытно; я самъ во время оно пошаливалъ, знаете, тоже и по этой части водилось, но я писалъ все на нѣмецкомъ діалектѣ; а по французски говорить, выходитъ гораздо лучше, это, то есть, что называется *parfets-амуръ*.

— А вы знаете этотъ языкъ?

— Нѣтъ! да все равно, вы мнѣ переведете по-русски

— По-русски; но въ русскомъ весь интересъ будетъ потерянь.

— Вы постарайтесь его удержать.

— Слушайте-же: *Monsieur.... faudrait il donc, monstre léger, t'aimer toute la vie, non, non, je veux me corriger, j' abdique à la folie....*

—Что-то складно.... только, ради Бога по-русски.

— Хорошо, слушайте-жъ. Левъ нѣсколько подумалъ и продолжалъ: «Милостивый государь! я васъ замѣтила, «и пишу къ вамъ съ трепетомъ. Сегодня, въ 12 часовъ «ночи, я бы осмѣлилась вамъ сказать это лично, еслибъ «вы могли придти ко мнѣ, не бывъ замѣченъ; къ несча- «стію входъ ко мнѣ черезъ комнаты перваго этажа, гдѣ «живутъ двѣ женщины. Я лучше умру, чѣмъ подверг- «нусь такому сраму. Есть другое средство, но надобно «быть почти сумасшедшимъ, что бы на него рѣшиться, «мой балконъ выходитъ въ садъ...» Понимаете!

— Ну-съ?

— Вотъ и все, внизу записки не было никакой под- писи.

— *Allerliebst! bei Gott, das ist vortrefflich*; произнесъ нѣмецъ съ веселою улыбкою; и вы, *mein lieber Baron*, продолжалъ онъ, потирая отъ удовольствія руки, едва только пробилъ полночь.... и того.... — вотъ это я люблю.... это по нашему, это заманчиво.—

— Безъ сомнѣнія, продолжалъ баронъ; но потруди-

тесъ принести мнѣ еще чего-нибудь, нельзя-ли стаканъ вина.—

— Сейчасъ, сейчасъ, отвѣчалъ нѣмецъ, и въ прискачку очутился въ кухню, такъ онъ спѣшилъ услышать чудныя похождения барона.

Ипполитъ и Берта по прежнему заняли свои мѣста съ изумительнымъ хладнокровіемъ. Кохъ принесъ паплетъ и стаканъ вина.

— Вы остановились, сказалъ онъ барону, вытаращивъ глаза, на рандеву.

Ипполитъ поблѣднѣлъ и едва могъ держаться на ногахъ. — Обождемъ до конца, шепталъ онъ про себя, какъ бы желая утишить свой гнѣвъ. Разсказчикъ, видя въ своей сказкѣ средство избавиться отъ подозрѣнія отца, настоящаго неистоваго Роланда, съ самодовольною улыбкою продолжалъ:

— Вы угадываете, ровно въ 12 часовъ я перелѣзь черезъ садовый заборъ, соскочилъ въ садъ, и потомъ осторожно приблизился къ балкону.

— Дама вѣрно уже была на балконѣ? спросилъ нѣмецъ съ любопытствомъ.

— Вотъ въ этомъ то вы и ошиблись, Herr Koch; на балконѣ никого не было.

— Какъ! она не была на мѣстѣ свиданія! воскликнулъ съ удивленіемъ нѣмецъ, какъ будто это происшествіе случилось съ нимъ.

— Ахъ! какой обманъ, шептала Берта, хорошо, что я ему не отворила дверь.

— Сквозь гардины, продолжалъ баронъ, я замѣтилъ свѣтъ. Это что нибудь да значить, подумалъ я; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ балкона лежала садовничья лѣстница, довольно близко, чтобъ можно было ее замѣтить, и въ такомъ мѣстѣ, что нельзя было усомниться, что она была приготовлена для моего путешествія. Вы понимаете — женская уловка.

— Какая изобрѣтательность! замѣтилъ хозяинъ, съ жадностью вслушиваясь въ слова разсказчика—

Баронъ воспользовался этимъ восклицаніемъ, взялъ стаканъ и медленно сталъ пить изъ него, какъ будто отыскивая на днѣ его продолженіе своихъ походовъ.

— И такъ... продолжалъ онъ, ставя пустой стаканъ на столъ и утирая усы, но прежде, чѣмъ будемъ продолжать, скажите мнѣ, Геръ Кохъ, все ли вы поняли; если что-нибудь вамъ покажется темнымъ, вы по-

жалуйста, безъ церемоніи, остановите меня, я вамъ повторю и объясню.

Хозяинъ отвѣчалъ отрицательнымъ киваніемъ головы, значившимъ на его языкъ, что для него неприятно замѣчаніе барона, и что онъ не говоритъ самъ потому только, чтобы не прерывать интереснаго разсказа.

Баронъ понялъ знакъ нѣмца и продолжалъ:

— Я взялъ лѣстницу, о которой вамъ говорилъ, приставилъ её и взобрался на балконъ; дверь была затворена; я толкнулъ ее и вошелъ.

— А! наконецъ, со вздохомъ произнесъ геръ Кохъ.

— Вотъ наконецъ я въ въ гостиной, но и тамъ я не нашелъ никого.

— Никого! произнесли про себя оба скрытые слушателя.

— Никого! прибавилъ въ тоже время геръ Кохъ и страшно вытаращилъ глаза.

— Да, никого, повторилъ разскащикъ. Это меня удивило.

— Но, при здоровомъ размысленіи, это очень естественно, замѣтилъ геръ Кохъ.

— А, онъ находить это естественнымъ, тѣмъ лучше! думалъ баронъ.

— Я сталъ осматривать комнату, и на одной стѣнѣ замѣтилъ двѣ рапиры.... Не забудьте эти подробности, онъ займутъ важное мѣсто въ моихъ походахъ.

— Двѣ рапиры, произнесъ хозяинъ съ улыбкою недоувѣрчивости, знаете-ли, что это ужъ мнѣ кажется слишкомъ.... того.... что-то этакъ, знаете...

— Въ самомъ дѣлѣ, я кажется, зашелъ далеко! думалъ про себя баронъ, я не обдумалъ хорошенько, что мнѣ дѣлать съ этими рапирами.

— Впрочемъ, продолжалъ Кохъ, опровергая самъ себя, у такихъ женщинъ престранныя фантазіи; онѣ ѣздятъ верхомъ, курятъ папиросы, носятъ панталоны и Богъ знаетъ, чего не дѣлаютъ.

— Прекрасно, думалъ баронъ, онъ допускаетъ рапиры, я ихъ помѣщу въ разсказъ. Потомъ прибавилъ громко: Едва окончилъ я обзоръ комнаты, какъ вдругъ дверь потихоньку отворилась, и я увидѣлъ.... кого? какъ вы думаете? прекраснѣйшую женщину.... т. е. что называется идеалъ.... Мнѣ кажется, что я ее вижу еще и теперь: на ней было бѣлое платье; станъ гибкій, воздушный, этакъ знаете; перепоясанъ голубою лентою... концы которой струились до самыхъ ногъ, крошечныхъ, пух-

ленькихъ, затянутыхъ въ атласныя башмачки. О, женщина восхитительная! Она превосходно меня приняла, обласкала.—

— О! еслибы я это знала, шептала Берта.

— Это чрезвычайно занимательно, прервалъ его хозяинъ, вскакивая съ мѣста и потирая отъ удовольствія руки. О! пожалуйста, все подробности, вскричалъ онъ съ восхищеніемъ. Баронъ пришелъ въ замѣшательство отъ сильнаго увлеченія своего слушателя.

— Остальное, сказалъ онъ съ пренебреженіемъ, вы можете себѣ представить очень легко.... вы видите, какъ пошла дѣла.... дама съѣла возлѣ меня, и мы начали говорить объ Итальянскій оперѣ.. я болѣе и болѣе одушевлялся, наконецъ, сталъ объясняться, страстно прикоснулся къ ея рукѣ, она еѣ не отнимала; я прижалъ руку довольно крѣпко къ губамъ, она испустила слабый крикъ, поспѣшно отняла отъ меня руку, и при этомъ движеніи уронила одну изъ вазъ съ цвѣтами, которыя стояли по сторонамъ на столикахъ.

Въ продолженіе всего это разсказа Ипполитъ былъ въ страшномъ волненіи; Берта это замѣтила.

— Что съ вами? спросила она у него.

— Что со мною? отвѣчалъ съ отчаяніемъ молодой человекъ; я хотѣлъ бы удушить этого наглеца; во всѣхъ его словахъ нѣтъ ни на волосъ правды. Онъ лжетъ, подлець, я въ томъ увѣренъ.

— Боже мой! но что васъ заставляетъ это думать?

— Подозрѣнія; отъ васъ зависитъ прояснить ихъ или разсѣять.

— Съ удовольствіемъ, я на все согласна, отвѣчала молодая дѣвушка, но что-же для этого нужно дѣлать!

— Тотчасъ показать мнѣ эту таинственную женщину.

— Невозможно, батюшка мнѣ строго запретилъ.

— Онъ не узнаетъ объ этомъ, прервалъ молодой человекъ.

— Но дама сама ему скажетъ.

— Ей нѣтъ нужды меня видѣть.

— Но, какъ же это... я, право, не понимаю.

— Я вамъ все объясню дорогою, пойдемте.

Говоря такимъ образомъ, Ипполитъ увлекъ нерѣшительную молодую дѣвушку, и оба вышли изъ кофейной, чрезъ кухню. Чрезъ пять минутъ Берта и Ипполитъ приблизились къ дому Феникса.

— Ступайте за мною и не забудьте вашего обѣщанія; сказала нѣмочка, вводя молодаго человека въ калитку. Ипполитъ въ знакъ согласія кивнулъ головою, губы его

дрожали, слова замирали на языкъ, ноги подгибались; онъ былъ въ лихорадкѣ. Его провожатая на цыпочкахъ прокралась межъ кустовъ сирени, растущихъ вокругъ домика, вошла въ аллею, проходящую подлѣ забора и остановилась; потомъ украдкою посмотрѣла сквозь чащу зелени, и дала знакъ Ипполиту приблизиться. Дама сѣдѣла на балконъ; большіе, голубые ея глаза, были устремлены на раскрытую книгу; послѣдніе лучи заходящаго солнца освѣщали книгу и ея розовыя пальчики, перелистывающіе страницы; она вся была погружена въ чтеніе. Интересъ книги, казалось, занималъ ее въ это время болѣе всего.

По знаку Берты, Ипполитъ подошелъ неровнымъ шагомъ, какъ человекъ опьянѣлый. Берта уступила ему свое мѣсто и чтобы предупредить какое-нибудь невольное увлеченіе молодаго человека, взяла его за руку. Ипполитъ закрылъ глаза, потомъ выдвинулъ голову впередъ. Вдругъ онъ вскрикнулъ и опустился на крашеную скамейку.— Это она! шепталъ онъ.

Теперь обратимся и посмотримъ, что происходило въ кофейной, по уходѣ Берты и Ипполита. Никельродъ, кончивъ свой ужинъ, просилъ хозяина дать ему какого-нибудь десерта; нѣмецъ исполнилъ его желаніе, не выходя изъ комнаты, потому что десертъ обыкновенно находится въ шкафчикъ, въ той же залѣ, и поэтому онъ не замѣтилъ отсутствія двухъ слушателей.

— Однакожъ, прибавилъ нѣмецъ, возвращаясь на свое мѣсто, исторія еще не кончена.

— Нѣтъ, отвѣчалъ баронъ, разламывая черствое пирожное и обмакивая его въ вино, исторія еще не кончена, но говоря откровенно, любезный Кохъ, вы приводите меня въ затрудненіе, требуя болѣе. Будьте довольны и тѣмъ, что узнали, и то я вамъ ужъ слишкомъ много сказалъ.

— О! нѣтъ, подхватилъ отецъ Берты, я васъ такъ легко не отпущу: для меня лучше ничего не знать, чѣмъ зпать начало безъ конца. Рапиры въ особенности меня занимаютъ, мнѣ хотѣлось бы знать, что вы съ ними сдѣлали: не ужели онъ ни къ чему не пригодились?

— Ахъ! виновать! произнесъ Никельродъ громко, потомъ прибавилъ про себя, будто размышляя, у меня былъ чудесный планъ, когда я приплелъ эти проклятыя рапиры.... а теперь.... Ахъ! слава Богу, вспомнилъ. Видите-ли, на счетъ рапиры я вамъ скажу, что мы дошли до мѣста самаго драматическаго въ моемъ походе. Поездъ поцѣлуя руки, вы понимаете, я сталъ смѣлѣе.

— Я въ этомъ увѣренъ, повѣса! шепталъ про себя нѣмецъ съ досадою.

— Я готовъ былъ броситься къ ногамъ дамы, какъ вдругъ въ комнату влетѣлъ бѣшеный человекъ, увидя меня, измѣрилъ меня съ ногъ до головы, наговорилъ кучу дерзостей, бросился къ стѣнѣ, схватилъ рапиру, бросилъ мнѣ другую и мы скрестили оружіе.

— О! mein Gott, вскричалъ нѣмецъ съ отчаяніемъ.

— Да, мы скрестили оружіе, продолжалъ баронъ, мой противникъ бросился на меня, кровь брызнула... не опасайтесь, это его кровь, я его ранилъ въ руку. Но онъ даже не вскрикнулъ, напротивъ онъ мнѣ протянулъ руку.

— Руку? замѣтилъ нѣмецъ, ту, которую вы ранили?

— Нѣтъ, другую, это очень ясно, чортъ побери, лѣвую руку, взялъ меня за правую и дружески пожалъ ее. Прощайте, милостивый государь, я имѣлъ права надъ этою женщиною, и всѣ ихъ вамъ передаю. Вы честный, благородный малой.

— Въ самомъ дѣлѣ, онъ вамъ сказалъ благородный малой! спросилъ Кохъ съ улыбкою недовѣрчивости.

— Да, отвѣчалъ баронъ съ важностью, онъ это сказалъ трогательнымъ голосомъ, слова его еще звучатъ въ ушахъ моихъ: послѣ этого онъ исчезъ; но мнѣ кажется, что я его вижу: когда онъ вбѣжалъ я былъ почти въ такомъ положеніи; онъ вошелъ точно, вотъ какъ бы чрезъ эту стеклянную дверь.

Чтобъ лучше видѣть живописные жесты рассказчика, хозяинъ кофейной обратился къ той сторонѣ, на которую указывалъ баронъ; глаза обоихъ остановились, какъ бы прикованные къ стеклянной двери перегородки. Въ это самое время стеклянная дверь съ шумомъ отворилась и въ ней показался человекъ блѣдный, запыхавшійся, съ растрепанными волосами; онъ подбѣжалъ къ Никельроду и схватилъ его за обѣ руки.

— Милостивый государь! вскричалъ онъ съ бѣшенствомъ, вы подлецъ! слышите-ли! Вы лжете! я все слышалъ и еще повторяю, вы подло, низко лжете!

Говоря такимъ образомъ, онъ сильно трясъ за руки несчастнаго рассказчика.

— Повремените! кричалъ въ свою очередь взбѣшенный нѣмецъ, нападая на барона съ другой стороны; если вы точно лгали, господинъ Никельродъ, въ такомъ случаѣ я съ вами разделяюсь! Я на васъ въ полицію подамъ.

Осажденный въ одно время двумя противниками, не-

счастный баронъ не зналъ кого слушать, кому отвѣчать, онъ лепеталъ несвязныя слова, не отвѣчая на вопросы.

— Милостивый государь, продолжалъ Ипполитъ, выпуская рукъ барона, завтра утромъ я буду у васъ и потребую доказательствъ тѣхъ нелицестей, которыми хозинъ имѣлъ слабость повѣрить, прибавилъ онъ, указывая на Коха.—Будьте готовы, я васъ предувѣдомилъ. Я буду не одинъ и не просто. До завтра.

— До завтра, повторилъ Никельродъ, и не произнеся ни одного слова болѣе, даже не понимая, что значать два слова имъ повторенныя, онъ вышелъ неровнымъ шагомъ, какъ человѣкъ, вдругъ потерявшій зрѣніе.

III.

НЕВИННЫЙ ВЪ ВИНѢ.

Тягостно, мучительно длилась ночь для Ипполита; тысячи различныхъ чувствъ волновали его душу; отъ дѣтской радости онъ вдругъ переходилъ къ грустному отчаянію. Воображеніе его представляло ему тысячу вѣроятностей и всѣ они, падая на сердце, терзали его на части. Ипполитъ, бродя на удачу, открылъ наконецъ убажище любимой женщины. Но въ какомъ положеніи онъ нашелъ идеалъ своей души: Евгенія преступна, Евгенія неверна. И если бы соперникъ, котораго она ему предпочла, превосходилъ его умомъ, образованіемъ, или чѣмънибудь особеннымъ, это извинило-бы измѣну женщины и утѣшило-бы забытаго.... Но и тѣни не было ничего подобнаго; Евгенія не могла ничѣмъ оправдать свой поступокъ. Женщинъ умной, образованной, благородной, всеми уважаемой, броситься на шею шеголю, хвастунишкѣ, фату, это невѣроятно. Такимъ образомъ, Ипполитъ не вѣрилъ въ слова барона; но едва онъ доходилъ до заключенія, что все это — клевета, тысячи доводовъ опровергали предположеніе, согласное съ его сердцемъ.

— Клевета! повторялъ онъ про себя; но обыкновенно клеветаютъ на людей, которыхъ ненавидятъ, или, по крайней-мѣрѣ, на людей, которыхъ знаютъ; а Никельродъ, кажется, не былъ знакомъ съ Евгенеію. Притомъ

въ разсказъ его было столько мелочныхъ подробностей, столько правдоподобнаго... (Ипполитъ не слышалъ окончанія необыкновенныхъ похижденій барона). Въ этомъ разсказъ, продолжалъ онъ, столько отгънковъ, онъ такъ согласенъ съ словами капитана и мамзель Берты. Даже при моей угрозы дерзкій разсказчикъ не измѣнилъ себя ни сколько, онъ отвѣчалъ: *до завтра!*

Эти безпокойства сильно терзали Ипполита. Онъ былъ увѣренъ въ благородствѣ, чистотѣ, непорочности Евгеніи; хотя въ его глазахъ и по его мнѣнію, она была прекраснѣйшая и самая добродѣтельная изъ женщинъ; но она была женщина, существо своенравное, капризное, непостоянное. Кромѣ того, баронъ разсказывалъ о происшествіи такъ убѣдительно, а отличительная черта благородныхъ людей вѣрить въ слова другихъ. Одни обманщики одарены достоинствомъ не вѣрить совѣсти ближняго. Не смотря на это, Ипполитъ не предался безумно своимъ подозрѣніямъ; надежда мало-по-малу просвѣчивалась сквозь его сомнѣнія; ему вѣрилось, что разсказъ барона—подлая выдумка и что, наказавъ его за клевету, онъ пріобрѣтетъ неотъемлемыя права на благодарность и любовь Евгеніи. Въ этихъ предположеніяхъ прошла безсонная ночь для Ипполита. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ утра. Ему казалось, что солнце, освѣтивъ землю, разсвѣтъ и его сомнѣнія и приведетъ въ порядокъ разстроенныя его мысли.

Съ своей стороны Никельродъ провелъ ночь съ меньшимъ безпокойствомъ; но эти безпокойства были совершенно другаго рода и происходили совершенно изъ другаго источника. Представьте себѣ, что колтовской левъ, предъ которымъ трепетали колтовскія овечки и издали избѣгали встрѣчи съ его чернымъ морнетомъ; гордый колтовской левъ, въ клетчатыхъ панталонахъ, съ претензіею на умъ, красоту, ловкость, образованность, вдругъ попался въ просакъ, накликавъ бѣду на свою косматую голову, боялся вызова, и что всего страшнѣе, не имѣлъ даже довольно храбрости объявить о дуэли полиціи, если бы она дѣйствительно послѣдовала. Онъ ворочался въ своей постели, метался изъ стороны въ сторону, какъ будто его жгли тихимъ огнемъ. Напрасно онъ старался изгнать изъ мыслей непріятный образъ, предъ его глазами безпрестанно рисовалось угрожающее лицо Ипполита; въ его ухахъ безпрестанно раздавались грозныя слова его. При этомъ воспоминаніи дрожь пробѣгала по его членамъ, напрасно онъ щурилъ глаза, при-

таль голову въ подушки, неотвязчивое видѣніе грозно возставало предъ нимъ; слово *подлецъ*, съ которымъ впрочемъ баронъ уже нѣсколько примирился, и другое слово болѣе энергическое *до завтра*, безпрестанно звучали въ его ушахъ и не давали покоя бѣдному животному.

Завтра онъ встрѣтитъ этого человѣка, такимъ же, какъ видѣлъ наканунѣ: мужественнымъ, грознымъ и въ добавокъ со шпагою или пистолетомъ въ рукъ. Какая будущность! какая страшная картина! Это не отставной штыкъ-юнкеръ, пріятель, котораго можно обругать, оборвать, надѣлать ловкимъ толчкомъ, и потомъ помириться, поставивъ шампанскаго или свозивъ въ танцъ-классъ. Нѣтъ! это былъ звѣрь другой масти, грозный, неумолимый... При одной этой мысли барону казалось, что онъ чувствуетъ уже остріе шпаги въ своей груди или пулю во лбу; несчастный звѣрь прикрывался одѣломъ, какъ щитомъ. И когда эти страшныя, неотвязчивыя видѣнія, эти тягостныя мысли на минуту переставали мучить барона, тогда онъ начиналъ роптать на быстрый полетъ времени. Съ каждой минутой, ему казалось, онъ приближается къ трагической катастрофѣ, и въ это время баронъ, еслибъ могъ, остановилъ бы на небѣ теченіе не солнца, но луны. Тщетныя желанія, время шло своимъ чередомъ и Никельродъ въ глубинѣ сердца почувствовалъ любовь къ миру и къ всеобщему согласію. Онъ мечталъ о скромной хижинѣ, о пастушеской жизни; онъ завидовалъ спокойствію извозчика-ночника, который съ восходомъ дня отправляется спать на постоялый дворъ, завидовалъ мирной жизни земледѣльца, и какъ Жанъ-Жакъ Руссо, хотя онъ никогда не читалъ его, баронъ готовъ былъ назвать всѣхъ людей дикими звѣрьми. Никогда никто изъ новѣйшихъ социалистовъ не писалъ такъ трогательно, увлекательно о братствѣ людей, о томъ, что твое — мое и мое — мое, какъ думалъ баронъ въ эту ночь. Несчастный до того увлекся этими социальными мыслями, что глаза его наполнились слезами, онъ заранѣе оплакивалъ себя; ему казалось, что онъ заживо положенъ въ могилу, что все существо его умерло, кромѣ однихъ только глазъ. Наконецъ солнце взошло на горизонтъ. Никогда утро не казалось такъ прекраснымъ несчастному разскащику небывалыхъ похожденій; никогда не одѣнivalъ онъ лучше блаженства жить, существовать. Онъ всталъ съ тяжелою головою, съ включенными волосами, съ блѣднымъ

лицомъ; подошелъ къ зеркалу и съ ужасомъ отшатнулся назадъ. Чтобъ хотя немного изгладить слѣды внутренней тревоги, баронъ сталъ бриться. Намазывая бороду мыломъ, онъ безпрестанно вздыхалъ да охалъ.

— Увы, думалъ онъ, зачѣмъ я брьюсь; въ гробъ не на улицъ! все равно, съ бородой или безъ бороды, черви все-таки сложутъ.

Рука сильно тряслась у барона, онъ обрѣзалъ себѣ подбородакъ и щеку.

— Дай Богъ, вскричалъ онъ съ суевѣріемъ, чтобъ этимъ только я заплатился! кровь—худой признакъ.

Между тѣмъ съ приближеніемъ опасности послѣдняя бодрость барона мало-по-малу исчезла. — Впрочемъ, говорилъ онъ про себя, это глупое ребячество, изъ-за такой бездѣлицы смѣшно было бы стрѣляться. Я иногда Лелшнѣкъ и Петинѣкъ и не то говорю, даже въ глаза ругаю; а никогда не выходило ссоры, все дешево обходится. Отопрусь отъ своего разсказа, сознаюсь, что солгалъ, это избавитъ меня отъ преслѣдованій бѣшеннаго. Чортъ его знаетъ, вѣрно не углядѣли, съ цѣпи сорвался. Да, такъ будетъ хорошо. Что-жъ за бѣда, что солгалъ; это не диковина, всѣ лгутъ, еще и не такіе тузы, какъ я.... А то что.... я удивляюсь даже, какъ онъ глупецъ повѣрилъ. Правда, мнѣ останется еще нѣмецъ; нѣмецъ навяжетъ, пожалуй, на шею дочь свою, ну-да она все-таки не то, что пуля. Еще даромъ объѣдать буду каждый день въ кофейной, мнѣ-же лучше. Все такъ, продолжалъ онъ, подумавъ, но пуля можетъ и не попасть въ меня, а отъ Берты я не избавлюсь и притомъ бракъ съ дочерью трактирщика, фи! Что скажутъ Лелшнѣкъ и Петинѣкъ! фи, какая гадость!

Баронъ имѣлъ сильное отвращеніе отъ супружества, особливо отъ супружества, цѣпи котораго не были выкованы изъ золота. Въ этихъ разсужденіяхъ находился баронъ, какъ вдругъ къ нему кто-то постучался.

— Это онъ, мой проклятый соперникъ, шепталъ баронъ, трепеща всѣмъ тѣломъ. Чортъ возьми, какой нетерпѣливый!

Баронъ хотѣлъ сказать: — кто тамъ? но слова замерли у него на губахъ. Не смотря на то, дверь отворилась, и вмѣсто грознаго лица своего противника, Никельродъ, къ величайшему своему изумленію, увидѣлъ смѣющееся личико пухленькой горничной.

— Вы Иванъ Николаевичъ Никельродъ? спросила она, присѣдая съ лукавою улыбкою.

— А что тебѣ, душечка?— Я!—отвѣчалъ удивленный баронъ.

— А вотъ письмо, мнѣ вѣрно отдать вамъ, въ собственныя руки, продолжала горничная, подавая барону маленькую записочку.

— Отъ кого это? спросилъ левъ.

— Отъ моей барыни, отвѣчала горничная. И не давъ барону времени придти въ себя, скрылась.

— Отъ ея барыни, повторилъ Никельродъ, когда горничная упорхнула, прекрасно! я никогда не видалъ этой дѣвушки... а не дурна! какъ-бы этакъ касательно леденцовъ....

Съ этими мыслями Никельродъ не распечатывая письма, началъ его разсматривать со всѣхъ сторонъ. Письмо было раздушено, конвертъ маленькій изъ атласной бумаги, почеркъ мелкій, неровный. — Нѣтъ сомнѣнiя! вскричалъ онъ, плутовка меня не обманула, письмо точно отъ женщины.

Последнее слово, *отъ женщины*, Никельродъ произнесъ сквозь зубы, съ невыразимою глупостию; если-бы это слово услышали трое вчерашнихъ его слушателей, они непременно съ нимъ поссорились бы. Къ счастью баронъ былъ одинъ. Произнеся послѣднiя слова, онъ сорвалъ конвертъ, осторожно развернулъ письмо и поднесъ его къ самому носу. Долго пробѣгалъ онъ его по всѣмъ направлениямъ и ничего не могъ разобрать. Письмо было писано по-французски. Несчастный баронъ ворочалъ его на всѣ стороны, десять разъ подносилъ къ носу, наконецъ вставилъ лорнетку въ правый глазъ, прищурилъ лѣвый и все напрасно, иероглифъ не давался. Съ отчаянiемъ Никельродъ бросился въ кресла.

— О! Боже, Боже, шенталь онъ, какой дьяволъ выдумалъ писать письма на французскомъ языкѣ, что за глупость, не лучше-ли, не понятнѣе-ли просто по-русски. Что дѣлать, пойдти къ Петинькѣ, онъ прочтаетъ; но теперь еще слишкомъ рано, вчера онъ былъ въ клубѣ, и теперь его не добудишься. А сумасшедшiй того и смотри прилетитъ, какъ снѣгъ на голову.

Иванъ Николаевичъ задумался, сидѣлъ, сидѣлъ, думалъ, думалъ, потомъ вдругъ вскочилъ, накинулъ на себя свою знаменитую альмавиву, съ короткимъ воротничкомъ и выбѣжалъ изъ дому. Утро было прекрасное, солнце поднялось уже довольно высоко. На улицахъ было еще пусто, ставни у оконъ домовъ были затворены, кой-гдѣ тянулся водовозъ съ ведрами, кой-гдѣ сонная кухар-

ка съ молочникомъ бѣжала въ лавочку; изрѣдка чиновница-хозяйка, въ старомъ салопѣ, съ немытымъ лицомъ, отправлялась на рынокъ, держа подъ мышкою пустую бутылку на сливки. Никельродъ быстро прошелъ по Колтовскимъ и вошелъ въ Кожина садъ. Вдругъ изъ кустовъ къ нему бросилась, виляя хвостомъ, большая лягавая собака, и вслѣдъ за тѣмъ издали раздався свистъ, потомъ другой, потомъ крикъ: Бижутка! иси! и въ концѣ аллеи показалась знакомая фигура отставнаго штыкъ-юнкера, въ коричневомъ пальто, въ синихъ брюкахъ, бѣлыхъ перчаткахъ, и въ форменной фуражкѣ на бекрень. Появленіе этого лица, казалось, испугало и обрадовало барона. Онъ зналъ, что ежели попросить Делиньку прочесть письмо, то это ему дешево не обойдется, къ тому же Делинька всѣмъ разболтаетъ и про его незнаніе французскаго языка и про содержаніе записки, да еще и Богъ знаетъ, какія глупости затѣять. Хорошо, думалъ про себя баронъ, еслибъ онъ попросилъ только шампанскаго, я бы еще какъ-нибудь извернулся, надулъ бы; а какъ денегъ попросить?... ну, скажу, что нѣтъ съ собою! Размышляя такимъ образомъ, баронъ столкнулся съ штыкъ-юнкеромъ.

— А! Никельродъ! куда такъ рано? не на свиданье ли! а! прошипѣлъ онъ хриплымъ голосомъ.

— А ты откуда? вѣрно со свиданія?

— Изъ Новой деревни, топ шер! кутили на пропалюю.

— Послушай, Делинька, сказалъ баронъ, у меня есть до тебя просьба!

— Въ чемъ дѣло? отработать кого? пожалуй.

— Нѣтъ, Делинька, со вчерашняго вечера со мною случилось столько происшествій, что голова идетъ кругомъ.

— О! о! произнесъ штыкъ-юнкеръ, ужъ не вѣдиль-ли ты опять верхомъ на заборѣ?

— Перестань шутить. Дай мнѣ честное слово никому не говорить.

— Хорошо! но что же не говорить?

— А вотъ тотчасъ увидишь. — Никельродъ вынулъ изъ кармана записку и подалъ ее штыкъ-юнкеру. — Пожалуйста, прочитай, братецъ; у меня такъ глаза болятъ отъ бессонницы, что просто ничего не разберу.

Штыкъ-юнкеръ взялъ записку, пробѣжалъ ее глазами, потомъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на барона.

— Ба! сказалъ онъ, къ кому же это писано?

— Ко мнѣ.

- Полно врать. Ужъ не ко мнѣ ли! это вѣрнѣй.
- Ей Богу, Лелинька, ко мнѣ...сейчасъ получилъ. И какая хорошенькая горничная принесла!
- Горничная, но эта записка не отъ горничной?
- Разумѣется не отъ горничной; но ради Бога, прочти, мнѣ нѣтъ времени.
- О! о! эти дѣла такъ скоро не дѣлаются, у меня еще послѣ вчерашняго ужасно во рту пересохло.
- Ну, такъ пойдѣмъ ко мнѣ, я тебя напою чаемъ.
- Спасибо, топ сег, мнѣ хотѣлось бы шампанскаго.
- Ты все помѣшанъ на шампанскомъ; я съ удовольствіемъ выпилъ-бы съ тобою, но ты знаешь, что я пью майскіе соки.
- Это не помѣшаетъ; впрочемъ какъ тебѣ угодно, я спать хочу—вотъ твоя записка, прощай!—
- Кудаже-ты, что-же не прочиталъ?
- Прочитаешь и самъ.
- Да я тебѣ сказалъ, что глаза болятъ.
- Поставишь шампанскаго?
- Да рано еще. Кто въ эту пору пьетъ.
- Всѣ благоразумные люди на свѣжемъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ. Ступай, принеси бутылку, а я принесу стаканы.—
- Да прочитай же напередъ.
- Нѣтъ, прежде шампанское. Право, не будешь сожалѣть. Дѣло очень важное, ранде-ву....и съ кѣмъ еще? Чортъ бы тебя побралъ! экое счастье на человѣка валится!
- Пожалуйста, Лелинька, прочитай хоть половину, у меня нѣтъ терпѣнія; я не добѣгу до погреба.
- Ну, хорошо, только честное слово.
- Честное слово.
- Слушай-же: Monsieur, j'ai déjà eu le plaisir de vous voir et le tort de ne pas vous oublier; vous connaissez la maison que j'habite, puisqu'il y a trois jours vous y êtes déjà venu à onze heures du soir...Довольно, будетъ съ тебя.
- Нѣтъ, Лелинька, ради Бога, окончи, я ничего не понялъ.
- Въ томъ-то и дѣло. Принеси мнѣ шампанскаго, тогда прочитаю, и пожалуй даже переведу, если хочешь.
- Честное слово?
- Ужъ сказалъ.
- И никому не скажешь?
- Что я за дуракъ.

— Хорошо... подожди же меня здѣсь, я сейчасъ, чрезъ двѣ минуты....

Никельродъ шибкой рысью пустился къ Крестовскому перевозу; между тѣмъ штыкъ-юнкеръ припѣсь въ садъ два стакана, ножъ и гвоздь, и сѣлъ на скамейку, ожидая барона.

— Этакое счастье, думалъ онъ, да полно, не надувають-ли его, это вѣрно шутка капитана; а мнѣ что за нужда, я прочитаю, выпью шампанское, и дѣло съ концемъ; а тамъ себѣ, какъ онъ хочетъ.

— Ну, слава Богу, что потребовалъ только шампанскаго, думалъ баронъ, подходя къ погребу, дѣло идетъ о ранде-ву; да какъ бы онъ, злодѣй, не помѣшалъ; ранде-ву вѣрно вечеромъ назначено. Не напоить-ли его вечеромъ за-мертво, чтобъ онъ съ мѣста не всталъ? Помѣшаетъ злодѣй Лелька, непременно помѣшаетъ. Да и напоить то его не легко, пожалуй и полдюжину выпьетъ, ему ни почемъ — а карманъ мой отдувайся... дорого! Баронъ задумался, вдругъ свѣтлая мысль блеснула въ баронской головѣ, онъ повернулъ отъ погреба и быстрымъ шагомъ отправился назадъ въ Кожина садъ.

Штыкъ-юнкеръ важно сидѣлъ, развалился на скамейкѣ, передъ нимъ стояли два стакана; въ рукахъ его были гвоздь и цѣпъ. Штыкъ-юнкеръ думалъ о томъ, какъ бы глупца барона полчше надуть, да денегъ выманить.

— Ну что? сказалъ онъ подходящему барону, гдѣ же шампанское?

— Нѣтъ, Лелинька, злодѣй погребщикъ проситъ три съ полтиной, вмѣсто трехъ.

— Чтожъ ты за полтиной потянулся, ну сказалъ бы мнѣ, такъ я бы добавилъ.

— Да я раздумалъ, Лелинька, теперь такъ рано, къ томужъ я пью майскіе соки; а не лучше ли послѣ.

— Послѣ? знаемъ мы твое послѣ...не въ первый разъ.

— Право, Лелинька, послѣ, а ежели хочешь, то и отобѣдаемъ вмѣстѣ.

— А шампанское будетъ?

— Разумется. Мнѣ нужно утромъ быть на той сторонѣ, такъ ты ужъ распорядись. Вотъ тебѣ и деньги.

Говоря это, баронъ вынулъ пяти рублевую бумажку, и вручилъ ее штыкъ-юнкеру.

— Смотрижъ, Лелинька, продолжалъ онъ, возьми шампанскаго да хорошаго, да и обѣдъ закажи, въ два часа я буду.

— Ладно, думаль про себя штыкъ-юнкеръ, нашель дурака, посидишь и безъ объда, и безъ шампанскаго. Потомъ прибавиль громко, а что, Николай Ивановичъ, ты не поведешь-ли вечеромъ въ клубъ съ Петинькой?

— Нѣтъ, отвѣчалъ баронъ, я и безъ того много проигралъ. Да пожалуйста, Лелинька, прочитай записку.

— Съ охотой, любезный, давай!

Баронъ подаль штыкъ-юнкеру записку, а самъ сѣлъ подль него на скамейкѣ. — Слушай, продолжалъ штыкъ-юнкеръ, какъ тебѣ читать, по-французски или по-русски.

— По-русски, Лелинька, по-русски, оно гораздо выразительнѣе. Ты-же такой мастеръ переводить... я всегда заслушиваюсь твоихъ переводовъ. Тебѣ бы въ какой-нибудь журналъ, право.

— «Милостивый государь, началъ штыкъ-юнкеръ, я имѣю да уже удовольствіе васъ видѣть и къ несчастію не могу забыть этого. Вы знаете домъ, въ которомъ я живу; три дня назадъ вы были въ этомъ домѣ часовъ въ одиннадцать. Сегодня я буду васъ ждать въ это же самое время; но какъ достигнуть ко мнѣ нельзя иначе, какъ чрезъ балконъ, то я боюсь, что вы, можетъ быть, откажетесь. И такъ, не отъ меня зависитъ сказать вамъ до свиданія, а я могу этого только желать.

«Домъ Феникса, въ Колтовской».

— Лелинька, душинька, правда-ли? не солгалъ ли ты? Сегодня въ 11-ть часовъ? и ты не шутишь?

— Поди, стану я шутить, читай самъ.

Баронъ въ восторгѣ схватиль записку, осыпаль ея поцѣлуями и быстро кинулся изъ сада. Штыкъ-юнкеръ, оставшись одинъ, началъ разсуждать болѣе положительно.

— Ай-да капитанъ, говорилъ онъ про себя, ай-да молодець, да какъ онъ его одурачилъ, и рука точно женская; ну Ванька-плють, наслаждайся своимъ ранде-ву; жди объда, дружекъ, до завтра, а я иначе распоряджусь, ежели выиграю въ лото, пожалуй, угощу тебя котлеткой.

Штыкъ-юнкеръ задумался. Въ клубъ ли ѣхать, или заплатить сапожнику? — Завтра принесетъ сапожникъ сапоги, безъ денегъ не отдастъ, шельма, а въ этихъ нѣтъ уже возможности ходить. — Нѣтъ, лучше поѣду въ клубъ, я сегодня навѣрно выиграю, а не выиграю, то можно будетъ у кого-нибудь занять; быть можетъ и Петинька поѣдетъ, не я, такъ онъ выиграетъ, все равно, все наше; отдастъ же мнѣ на сохраненіе, а тамъ можно сказать,

что и потерялъ. — Въдь это не въ первый разъ; посердится, посердится, да и перестанетъ.

— Слава Богу, что такъ дешево отдѣлался, думалъ баронъ, теперь Лелинъку п съ собаками не отыщешь до завтра, вечеромъ ужъ навѣрно поѣдетъ въ клубъ попробовать счастья. Знатно же я его надулъ.

Разсуждая такимъ образомъ, баронъ все повторялъ содержаніе письма. Пришедши домой, онъ скинулъ шинель, ринулся въ кресла и сталъ измѣрять глазами страницы записки, перевертывалъ ее въ рукахъ, припоминая и повторяя каждое слово нѣсколько разъ, какъ ростовщикъ, пересчитывающій заемныя письма. Не смотря на всѣ подробности этого обзора, удивленіе Никельрода не уменьшилось, онъ все сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, выпрямивъ всѣмъ тѣломъ, вытаращивъ глаза, сомнѣваясь во всемъ, потому что онъ боялся; ему не вѣрилось, что онъ бодрствуетъ, что онъ мечтаетъ, что онъ существуетъ, и ежелибъ баронъ читалъ когда-нибудь Декарта, онъ въ это время воскликнулъ-бы съ великимъ философомъ: *я думаю, следовательно я существую.* — Мало-по-малу баронъ убѣдился, что онъ дѣйствительно все видѣлъ и слышалъ не во снѣ, и что теперь еще не спитъ; что записка точно находится въ его рукахъ. Убѣдясь однажды въ этой истинѣ, онъ пересталъ надъ нею ломать голову, его самолюбіе ясно показывало ему причину. И чтоже удивительнаго во всемъ этомъ? — Дама къ нему писала? — это весьма естественно, когда мужчина такъ красивъ, статенъ, ловокъ и уменъ, какъ Никельродъ. Но какъ объяснить всѣ эти неожиданности? — очень просто... случаемъ.

По содержанію записки, легко было догадаться, что незнакомая дама видѣла Никельрода, видѣла и замѣтила его, иначе и не могло случиться. Никельродъ въ этомъ случаѣ поступилъ, какъ Цезарь: пришелъ, его замѣтили, и онъ побѣдилъ. Очень просто, очень естественно, до того просто, что баронъ сдѣлалъ даже заключеніе, что иначе и быть не могло.

Эти доводы разогнали всѣ его сомнѣнія и Никельродъ съ восторгомъ думалъ о своемъ настоящемъ положеніи. Дуэль его не состоится, онъ не лгалъ, и доказательства, которыхъ требовалъ его соперникъ, теперь свалились къ нему сами-собою, какъ манна съ неба. Счастливецъ!

Такимъ образомъ, видя свою безопажность, Никельродъ заблагодарсудилъ вызвать все свое мужество, ушедшее было въ пятки. Онъ гордо подбоченился и началъ измѣрять шага-

ми свою комнату, какъ полководецъ поле битвы. «А! А! милостивый государь, вскричалъ онъ, вы слишкомъ горячи! я лгаль, говорите вы? Чортъ поberi! вы сами лежете, любезнѣйшій; вамъ нужны доказательства, за этимъ дѣломъ не станеть, вамъ ихъ представлять. Приходите, я васъ жду, приходите, я готовъ!»

Ипполитъ какъ будто слышалъ эти слова, онъ съ шумомъ растворилъ дверь и смѣло вошелъ въ комнату. Лицо его было блѣдно, онъ слегка поклонился барону, который знакомъ указалъ ему на стулъ.

— Напрасно! произнесъ онъ, оставаясь на мѣстѣ, нашъ разговоръ не будетъ продолжителенъ.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ баронъ. Говорите, я васъ слушаю.

— Вы знаете, зачѣмъ я сюда пришелъ, сказалъ Ипполитъ, стараясь скрыть свой гнѣвъ. Васъ, быть можетъ, удивляетъ, что я пришелъ одинъ, безъ свидѣтелей. Я хотѣлъ, чтобъ этотъ разговоръ, касающійся чести женщины, остался между нами.

Никельродъ далъ волю говорить Ипполиту, и когда тотъ кончилъ, левъ съ гордостію подошелъ къ нему.

— Поступокъ вашъ благороденъ и честенъ, произнесъ онъ надъ ухомъ Ипполита, понизивъ голосъ. Благодарю за эту предосторожность, за нее и за себя.

При этихъ словахъ Ипполитъ не могъ болѣе удержать свой гнѣвъ.

— Милостивый государь, вскричалъ онъ, я запрещаю вамъ говорить объ этой женщинѣ, и не нуждаюсь въ вашей благодарности.

Никельродъ понятился назадъ.

— О чемъ же вы хотите говорить со мною? произнесъ онъ съ важною улыбкою. Не затьмъ ли вы пришли сюда, чтобъ требовать доказательствъ вчерашняго моего разсказа?

— Извините, милостивый государь, началъ Ипполитъ, немного смутившись; но у васъ нѣтъ этихъ доказательствъ, вы не можете ихъ иметь; я увѣренъ, что вы ихъ мнѣ не представите.

Никельродъ, имѣя доказательства въ карманѣ, несомнѣно испугался угрозъ молодаго человека; но сомнѣнія запали въ его душу. Не былъ ли это соучастникъ незнакомки въ заговоръ противъ него? Никельродъ не зналъ вовсе человека, который такъ настойчиво спрашивалъ его. Онъ воспользовался обстоятельствами, чтобъ узнать, съ кѣмъ имѣеть дѣло.

— Милостивый государь, отвѣчалъ онъ съ важно-
стію: я имѣю честь быть русскимъ столбовымъ дворя-
ниномъ.

— Кто васъ спрашиваетъ объ этомъ? прервалъ его
Ипполитъ съ сверкающими отъ гнѣва глазами.... доказа-
тельства, доказательства и ни слова болѣе!

— Имѣйте терпѣніе, мы дойдемъ и до доказательствъ,
отвѣчалъ Никельродъ, немного смѣшавшись. Я вамъ ска-
залъ уже, что я столбовой дворянинъ; прежде, чѣмъ
начать объясненіе, мнѣ бы хотѣлось знать, съ кѣмъ я
имѣю дѣло, и по какому праву вы отъ меня ихъ тре-
буете?

Ипполитъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Не уклоняйтесь, милостивый государь, вскричалъ
онъ, лучше сознайтесь, что у васъ нѣтъ никакихъ дока-
зательствъ, что все это — клевета....

— Извините! прервалъ его Никельродъ; не приписы-
вайте мнѣ клеветы, это несправедливо. Доказательства,
которыя вы требуете, существуютъ. Нескромность моя,
которую вамъ угодно назвать клеветою, осталась бы
между мною и хозяиномъ трактира, еслибъ, чего нельзя
было предполагать, вы не подслушали нашего разго-
вора. Вы требуете доказательства, а я прошу васъ объя-
вить мнѣ ваши права, кажется ясно; я вамъ обещаю
быть сговорчивымъ. Что за дьявольщина, мы живемъ не
во времена рыцарства, и чтобъ вмѣшиваться въ мое дѣло,
вы должны имѣть причину поосновательнѣе простаго
молодечества. Мнѣ извѣстно отъ хозяина кофейной, что
женщина, о чести которой вы такъ хлопочете, бога-
та и вдова, значить вы не можете быть ея супру-
гомъ....

— Нѣтъ, отвѣчалъ Ипполитъ глухимъ голосомъ.

— Послушайте, продолжалъ баронъ, испугавшись обо-
рота, который принималъ разговоръ; я не буду взыска-
теленъ; вы не мужъ ей.... такъ; но, можетъ быть, вы
добиваетесь этого титула, скажите мнѣ откровенно, я буду
доволенъ и этимъ, и покажу вамъ доказательства.

Ипполитъ сначала не рѣшался отвѣчать на вопросъ ба-
рона; онъ не хотѣлъ открыть незнакомцу тайну своего
сердца. По его мнѣнію это была-бы глупость; но съ дру-
гой стороны требованія этого человѣка были очень основа-
тельны, и онъ не долженъ обижаться его вопросомъ.
Ипполитъ чувствовалъ все это, и рѣшился отвѣчать.

— Хорошо, милостивый государь, сказалъ онъ, дѣлая
усиліе надъ собою, я ищу руки этой женщины, меня зо-

вуть Эндишъ, я надѣюсь, что этого вамъ достаточно; теперь пойдемъ!

— Пойдемъ! повторилъ Никельродъ, слѣдуя глазами за своимъ противникомъ, который прошелъ уже половину комнаты, но куда и зачѣмъ?

— Обмѣняться пулями, отвѣчалъ ему Ипполитъ, болѣе я вамъ не скажу ни слова.

— Этого для меня довольно, прибавилъ Никельродъ. Я не оспариваю вашихъ правъ, и тотчасъ представляю вамъ доказательства, которыхъ вы требовали.

Ипполитъ съ презрительною улыбкою измѣрилъ барона съ головы до ногъ и скрестилъ руки. — Вы долго заставляете себя ждать, сказалъ онъ ему съ насмѣшкою. Гдѣ-же они?

— Тотчасъ вы ихъ увидите, но прежде всего обѣщайте мнѣ, если я вамъ покажу приглашеніе на свиданіе, не мѣшать, мнѣ какимъ-бы то ни было образомъ.

— Милостивый государь, съ живостию произнесъ Ипполитъ, вы ругаетесь надъ женщиной, которую я защищаю; подобное предложеніе можетъ сдѣлать только сумасшедшій.

— Все можетъ быть, отвѣчалъ Никельродъ; если я сумасшедшій, то позвольте вамъ замѣтить, что и вы не умнѣе. Я отъ васъ прошу одного вашего слова.

— Окончимъ, вскричалъ Ипполитъ съ нетерпѣніемъ, что вамъ нужно?

— Честное ваше слово не мѣшать мнѣ въ rendez-vous.

— Хорошо! даю вамъ его, отвѣчалъ Ипполитъ, устремивъ глаза на своего противника.

— И прекрасно. Только мнѣ и нужно.

Въ то же время Никельродъ вынулъ изъ кармана записку и подаль ея Ипполиту, пораженному этою наглостию. Онъ протянулъ руку, чтобы взять записку, глаза его были прикованы къ барону, и онъ, казалось, хотѣлъ напередъ на его лицѣ прочесть содержаніе этой записки. Лицо Никельрода нисколько не измѣнилось отъ этого обозрѣнія. Это ужаснуло Ипполита.

— Читайте, милостивый государь, читайте! произнесъ Никельродъ важнымъ голосомъ.

Молодой человекъ ничего не отвѣчалъ. Онъ нагнулъ слегка голову и приблизилъ письмо къ глазамъ. Едва глаза его встретили первыя строки записки, онъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ и вскрикнулъ; холодный потъ вы-

ступилъ у него на лбу, голова его закружилась. Ипполитъ понялъ свое несчастіе.

— О, Боже! Боже! вскричалъ онъ, возможно ли, ея почеркъ!

— Ея почеркъ! повторилъ про себя Никельродъ, примемъ къ свѣдѣнію; значитъ письмо-то неподдѣльное. Славный молодой человекъ! онъ мнѣ оказалъ большую услугу.

Когда Ипполитъ окончилъ тягостное чтеніе, слезы исчезли съ глазъ его, руки машинально опустились, голова склонилась на грудь, онъ едва держался на ногахъ. Никельродъ замѣтилъ это и поспѣшно подошелъ къ нему.

— Что съ вами? сказалъ онъ.

Эти простыя слова напомнили Ипполиту о присутствіи его соперника. Гордость придала ему новыя силы, онъ сдѣлалъ знакъ барону, что не нуждается въ его помощи и измѣрилъ его гордымъ взглядомъ съ головы до ногъ.

— Вотъ ваша записка, милостивый государь, я беру мой вызовъ назадъ.

Сказавъ это, Ипполитъ твердымъ шагомъ вышелъ изъ комнаты и поспѣшно отправился домой, чтобъ наединѣ предаться своему отчаянію и пролить слезы, которыя онъ не въ силахъ былъ болѣе удерживать.

IV.

ДОСАДА И ЗАСАДА.

Въ первыя минуты отчаянія, Ипполитъ не въ состояніи былъ ни думать, ни дѣйствовать. Мысли, одна другой мрачнѣе, печальнѣе, и убійственнѣе, терзали его воображеніе. Онъ, не шутя, думалъ лишить себя жизни. Что за жизнь для него безъ любви? Что найдетъ онъ въ этомъ мірѣ безъ Евгени? безъ нея и самый рай показался бы ему пустынею.

Мало-по-малу здравый разумъ восторжествовалъ надъ этимъ отчаяніемъ. Ипполитъ началъ осматриваться и анализировать свое неестественное положеніе. Въ сердцѣ его не было ни малѣйшей ненависти къ женщинѣ, измѣнившей ему, женщинѣ, въ ролю которой дважды было доказано. Онъ могъ ее оплакивать; но не про-

клинать, онъ не смѣлъ даже обвинять ее. Онъ обвинялъ самого себя, какъ будто былъ причиной своего несчастія. О! чего бы онъ не сдѣлалъ, чтобъ только оправдать Евгению! онъ хотѣлъ бы лишиться памяти, разсудка, чтобъ этою цѣною возвратить прежнее счастье, исчезнувшія мечты; но напрасныя желанія, память оставалась ему вѣрна, а разсудокъ не согласовался съ этою уверткою. Влюбленные всегда снисходительны. Доказательства должны быть слишкомъ ясны, чтобъ убѣдить ихъ въ измѣнѣ. Самолюбіе ихъ здѣсь играетъ не малую роль. Неудивительно послѣ этого, что Ипполитъ старался оправдать въ своихъ глазахъ Евгению за назначенное ею свиданіе.

— Преступленіе Евгениі, говорилъ онъ про себя, еще неясно доказано. Положимъ, что этотъ человекъ и пойдетъ къ ней на тайное свиданіе, но чѣмъ оно кончится? вотъ вопросъ. Жаль, что я не слышалъ до конца его разсказа, и вышелъ такъ поспѣшно. Но по его же собственнымъ словамъ, Евгения была осторожна, и когда онъ взялъ ее за руку, она отдернула ее съ такою поспѣшностію, что разбила стоявшую на столикѣ вазу съ цвѣтами.... Да, это было тогда, по сегодняшнее свиданіе въ тотъ же часъ.... о Боже! Боже!

Ипполитъ сильно сжалъ голову обѣими руками. Въ этой нерѣшительности онъ остановился на одной мысли, которую можно было тотчасъ же осуществить: идти къ Евгениі; но одно препятствіе его останавливало. Онъ далъ честное слово барону не мѣнять его свиданію. Такъ чтожъ? визитъ его не помѣщаетъ свиданію, въ разговоръ съ Евгениею онъ даже и не намекнетъ, что знаетъ ея тайну. Успокоивъ свою совѣсть этими доводами, Ипполитъ нисколько не колебался болѣе; онъ отправился къ дому, занимаемому Евгенией, напередъ радуясь ея смущенію. Быть можетъ, эта женщина, веселая, гордая, смущается, смѣшается предъ нимъ. Какъ она его приметъ? о чѣмъ будетъ ихъ разговоръ, каково будетъ ея удивленіе? Ипполитъ горѣлъ нетерпѣніемъ скорѣй развязать Гордіевъ узелъ, и разгадать истину подъ личиною притворствъ. Черезъ пять минутъ онъ позвонилъ у подъезда. Маша, горничная Евгениі, отворила дверь, и видя стараго знакомаго своей госпожи, ввела его въ гостиную. Ипполиту, который ожидалъ встрѣтить препятствіе, это чрезвычайно понравилось; при взглядѣ на балконъ, вздохъ невольнo вырвался у него изъ груди, черезъ двери, думалъ онъ, вошелъ я, какъ знакомый, чрезъ балконъ

открыть входъ избранному. Видъ лѣстницы у балкона еще болѣе потрясъ его душу, но горничная, не давъ ему времени опомниться, отворила дверь и безъ доклада ввела его къ Евгеніи.

Евгенія сидѣла за роялемъ и разбирала новыя варіаціи Листа. Послѣдніе лучи погасающаго солнца, пробиваясь сквозь листья и гардины, ярко освѣщали всю комнату. Русые локоны богатыми прядями падали на ея шею и плеча, полуприкрытыя газовымъ платочкомъ; пальцы ея съ живостью бѣгали по клавишамъ, которыхъ кость темнѣла передъ близкою ея рукъ. Вся она, казалось, была погружена въ звуки. При входѣ Иполита, она остановилась, обернула голову и узнавъ его, тотчасъ встала и подошла къ нему.

— Ахъ! Иполитъ Александровичъ! сказала она своимъ увлекательнымъ голосомъ, какъ вы меня здѣсь нашли?

Иполитъ ничего не отвѣчалъ, онъ былъ слишкомъ взволнованъ. Онъ удивлялся своей покорности этой женщинѣ; Евгенія не потеряла своего могущества: какъ и прежде, Иполитъ дрожалъ въ ея присутствіи, не смѣя произнести ни одного слова, боясь даже съѣсть. Евгенія осыпала его ласками, распросами и Иполитъ, побѣжденный наконецъ этимъ вниманіемъ, увлекся, какъ и прежде, прелестями молодой женщины.

Евгенія, казалось, была удивлена и восхищена посѣщеніемъ Иполита; счастливый случай, но случай естественный. Она дружески спрашивала молодого чело-вѣка объ его розыскахъ, говорила, что онъ немного перемѣнился и слегка бранила его за то, что онъ такъ мало дорожить своимъ здоровьемъ. Потомъ она коснулась общихъ знакомыхъ, прошедшаго карнавала, итальянской оперы. Разговоръ ея, легкій, умный, увлекательный, попеременно переходилъ съ одного предмета на другой; она говорила о своемъ скоромъ отъѣздѣ въ деревню, о будущихъ балахъ, вечерахъ, и о многихъ мелочахъ, въ которыхъ женщины, особенно женщины умныя, такъ краснорѣчивы и плодовиты. Въ разговорѣ ея была какая-то непринужденность, полная прелести. Въ ней не было замѣтно ни предубѣжденія, ни замѣшательства, ни тѣни безпокойства. Напрасно Иполитъ старался отыскать на лицѣ ея малѣйшій признакъ притворства. Свободный разговоръ и откровенность Евгенія разсѣяли все его сомнѣнія. Онъ двадцать разъ готовъ былъ броситься къ ногамъ Евгеніи, двад-

цать разъ сказать ей:—«я виноватъ, Евгенія, я осмѣлилъ «ся васъ подозрѣвать. Я недостойнъ вашего прекрасна- «го взора, но прощеніе есть добродѣтель: простите не- «счастливаго, который заслужилъ это прощеніе своимъ «раскаяніемъ. У ногъ вашихъ умоляю, простите меня за «то, что я вѣрилъ своимъ глазамъ, ушамъ, наконецъ раз- «судку. Я обманулся, я готовъ подтвердить это клятвою. «Я знаю про вашъ проступокъ, но мое сознаніе говорить, «что вы не можете быть виновны.»

Ипполитъ удержался единственно потому, что помнилъ про честное слово, данное имъ барону. Правда и то, что колтовской легъ въ клѣтчатыхъ панталонахъ казался ему тогда неопаснымъ соперникомъ, онъ мало думалъ объ немъ. Съ довѣренностію возвратилась къ нему и надежда. Ипполитъ, по прежнему, унесся въ небо; но увы! онъ вдругъ былъ низринуть съ высоты въ прежнее горнило, изъ котораго едва только высвободился, и существо, свергнувшее его опять на землю была слабая, молодая дѣвушка. Маша, горничная Евгенин, которая ввела Ипполита, вошла въ комнату и громко сказала своей госпожѣ:

— Барыня, вы приказали напомнить вамъ, что уже половина десятаго.

Къ несчастію, эти слова не были двусмысленны для Ипполита, онъ съ ужасомъ замѣтилъ въ рукахъ горничной бѣлое платье съ голубымъ кушакомъ, костюмъ, описанный барономъ съ такою подробностію. Еслибъ онъ стоялъ въ то время, то навѣрное упалъ бы. Онъ чувствовалъ, что силы его оставляютъ, онъ устремилъ испытующій взглядъ на Евгению. Она, не обращая вниманія ни на этотъ взглядъ, ни на положеніе Ипполита, встала и свободно, безъ принужденія, раскланялась съ молодымъ человекомъ, говоря ему естественнымъ своимъ голосомъ:

— Ипполитъ Александровичъ, надеюсь вы не будете въ претензіи. Мнѣ весьма пріятно было бы побесѣдовать съ вами подольше; но я должна принять одного человѣка, по весьма важному дѣлу, хотя уже довольно поздно, но вы знаете мои правила... и такъ—до завтра.

Говоря это, Евгенія оставила Ипполита, который едва могъ встать со стула, чтобъ ей поклониться. Только что она вышла, онъ снова опустился на прежнее мѣсто, не въ состояніи будучи сдѣлать ни одного шага. — О! Боже! Боже! шепталъ онъ съ отчаяніемъ, какая скрытность! какое притворство! Въ отчаяніи онъ опустилъ голову, соображая все видѣнное, какъ вдругъ позади его послышались чьи-то шаги.

— Мой соперникъ! вскричалъ Ипполитъ, вскакивая и удивляясь, что ревность возвратила ему силы, которыя не могла вернуть любовь; но молодой человекъ ошибся: вмѣсто барона, передъ нимъ стояла дочь содержателя кофейной.

— Вы здѣсь? сказалъ онъ. Что васъ привело сюда?

— Ревность! отвѣчала дѣвушка со слезами на глазахъ.

— Бѣдняжка! со вздохомъ произнесъ Ипполитъ. Въ сердцѣ его родилось сожалѣніе къ любви молодой дѣвушки.

— Иванъ Николаевичъ тотчасъ придетъ, продолжала Берта.

— Я это знаю, отвѣчалъ Ипполитъ въ смущеніи. Вы хотите помѣшать ихъ свиданію?....

— Помѣшать! прервала печальнымъ голосомъ нѣмочка, это не возможно. Но по-крайней-мѣрѣ, я могу наблюдать, подслушать ихъ разговоръ.

— Прекрасно! вскричалъ Ипполитъ съ сильнымъ волненіемъ. Но какъ вы это сдѣлаете?

— О! отвѣчала Берта съ лукавою улыбкою, я знаю всѣ выходы въ этомъ домѣ. Къ залѣ, въ которой они будутъ видѣться, примыкаетъ небольшая комната, выходящая на черную лѣстницу.

Ипполита сильно заняли эти подробности.

— Слѣдовательно, началъ онъ голосомъ дрожащимъ отъ любопытства и волненія, слѣдовательно въ эту комнату, о которой вы говорите, можно пробраться незаметно, въ ней можно спрятаться?

— Да, можно.

— И эту комнату отдѣляетъ отъ залы?....

— Одна дверь.

— Но какъ-же въ нее пробраться?

— О, на это у меня есть талисманъ!—И Берта вытащила изъ кармана стальной ключикъ, который въ это время для Ипполита былъ дороже всѣхъ сокровищъ сибирскихъ рудниковъ. Онъ въ молчаніи устремилъ на ключъ жадный взглядъ. Потомъ вдругъ приблизился къ дѣвушкѣ и нѣжно взявъ ее за руку, въ которой она держала стальной талисманъ.

— О! mademoiselle, вы можете мнѣ оказать большую услугу.

— Какую, въ чемъ? спросила дѣвушка съ наивностію.

— Услугу безцѣнную, повторилъ молодой человекъ, за которую я вамъ буду всю жизнь благодаренъ. Послу-

шайте, прибавилъ онъ умоляющимъ голосомъ, ради Бога! уступите мнѣ ваше мѣсто, отдайте мнѣ этотъ ключикъ.

— Какъ вамъ это пришло въ голову! произнесла удивленная Берта и какъ будто обидясь предложениемъ. Потомъ поспѣшно обратила назадъ голову. Слышите, вскричала она, кто-то идетъ... бѣда, если насъ застанутъ вмѣстѣ. Говоря это, она на цыпочкахъ прокралась изъ комнаты, за нею послѣдовалъ и Ипполитъ.

Теперь перенесемся въ другое мѣсто и посмотримъ, что дѣлалъ въ это время колтовской левъ въ клѣчатыхъ панталонахъ. Избѣжавъ чудеснымъ образомъ дуэли, баронъ всѣмъ порывомъ львиного воображенія вознесся въ высь, и тамъ раздольно въ пространствѣ началъ строить и созидать великолѣпные воздушные замки. Наконецъ давнишняя мечта его осуществилась; счастье улыбнулось ему: Баронъ сумѣетъ имъ воспользоваться. Если только вдовушка такъ богата, какъ о ней говорятъ, онъ займется ею въ особенности, обдѣлаетъ дѣльцо на-чисто. Мечты, одна другой страннѣе, замысловатѣе, олицетворялись въ воображеніи владѣльца панталонъ, клѣтчатыхъ мысли его носились въ пространствѣ безпредѣльнаго. Обезумѣвъ отъ радости, онъ почувствовалъ необходимость выдти на чистый воздухъ, освежиться, подѣлиться своимъ счастьемъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ друзей, которыхъ надѣялся застать въ кофейной, какъ въ сборномъ мѣстѣ. — Тамъ въ самомъ дѣль онъ засталъ капитана, игравшаго въ бильярдъ съ секретаремъ сенатскимъ. — На лицѣ барона выражалось какое-то глупое торжество; онъ приблизился къ капитану съ дѣтскимъ самодовольствіемъ и никакъ не могъ воздержаться отъ восклицаній, обнаруживающихъ мелочную натуру глупаго человека.

— Капитанъ! знаете-ли вы, что я вамъ скажу, вы скоро услышите о важной новости. Припомните мои слова. Удивленный капитанъ обратился ко льву.

— Да, продолжалъ послѣдній, не смѣйтесь, господа; посмотримъ, какъ вы засмѣетесь, когда колтовской баронъ, какъ вы меня въ шутку называете, будетъ разъѣзжать въ каретѣ, на плоскихъ рессорахъ?

— Ты и теперь всегда разъѣзжаешь въ каретѣ, сказалъ сенатскій секретарь, только Колтовскія не удостоиваются видѣть твоей плоскорессорной кареты. Ты, какъ самъ говорилъ, боишься замарать ее въ грязи и всегда оставляешь за Тучковымъ мостомъ.

— Ну, тогда, вѣроятно, ужъ и въ Колтовскую при-

ѣдетъ, замѣтилъ капитанъ, прицѣливаясь въ шаръ кіемъ.

— Да, въ Колтовскую, въ Колтовскія! подхватилъ баронъ. Что, это васъ удивляетъ, неправда-ли? бываютъ случаи еще болѣе странные.

Секретарь, бывшій какъ-то не въ духѣ, пожалъ плечами и произнесъ только—«перестань», что показывало, что онъ неслишкомъ вѣрилъ словамъ барона. Между тѣмъ убѣдительный тонъ барона занялъ капитана. Онъ обратился ко льву и началъ пристально его разсматривать и разспрашивать подробнѣе. Баронъ, не отвѣчая на вопросы, ударилъ капитана дружески по плечу, и нагнувшись, шепнулъ ему на ухо, но такъ, что можно было слышать въ другой комнатѣ.

— Скоро, капитанъ, вы услышите о свадьбѣ, которая всѣхъ удивитъ.* Больше я ни скажу ни слова.

Сказавъ это, баронъ гордо задралъ голову и, вставивъ черный лорнетъ въ правый глазъ, вышелъ изъ кофейной. Капитана до того удивили слова и еще болѣе тонъ барона, что онъ проигралъ секретарю партію, хотя игралъ вѣвое лучше его. Четверть часа спустя послѣ этого разговора, счастливецъ баронъ перелезъ черезъ заборъ и соскочилъ въ садъ къ своей Армидѣ.

Въ эту самую минуту Берта, тронутая краснорѣчивыми просьбами Ипполита, въ досадѣ на льва, ввела молодого любовника въ маленькую комнату, смѣжную съ залой.

V.

МЕЧТА НА ЯВУ.

Никельродъ, перелезши черезъ заборъ, вошелъ въ аллею; приближаясь къ дому, онъ трепеталъ, какъ Ипполитъ, но трепетъ этотъ просходилъ не отъ душевнаго волненія, а просто отъ страха. Баронъ даже завидовалъ въ это время людямъ богатымъ, которые безмятежно покоятся въ собственныхъ постеляхъ, въ то время, какъ онъ, гроза колтовскихъ овечекъ, долженъ бродить въ чужомъ саду, въ ожиданіи будущихъ благъ. Но самолюбіе и блестящія надежды сильно влеки барона къ его счастливому предназначенію. Пройдя между кустовъ, закрывающихъ домъ, Никельродъ отъ удовольствія потеръ руки. Окна балкона были освѣщены и лучи свѣта, пробиваясь

сквозь кисейныя гардины и листья окружающих деревьев, падали прямо въ лицо счастливицу.

— Bravo! свѣтъ!... меня ждуть!.. но вдовушки нѣтъ у окна.... Впрочемъ, продолжалъ онъ, это очень естественно, воздухъ сыръ, она боится простуды.

Разсуждая такимъ образомъ, колтовской левъ подошелъ къ самому дому и поднялъ голову, балконъ, казавшійся издали не высокимъ, былъ въ двѣ сажени отъ земли.

— Вотъ задача, ворчалъ онъ про себя, какъ мнѣ туда взлѣсть?

Не успѣвъ онъ окончить этого монолога, какъ глазъ его, привыкшій видѣть въ темнотѣ, замѣтилъ не вдалекъ предметъ, блѣвшійся въ воздухъ и имѣвшій форму буквы А; это была лѣстница садовника. Увидя лѣстницу, Никельродъ почесалъ у себя затылокъ, и вмѣсто того, чтобъ обрадоваться этому случаю, испугался.

— О! о! сказалъ онъ про себя. Это начинаетъ меня тревожить. Лѣстница садовника...точь-точь, какъ въ моемъ разсказѣ.... Будь это обыкновенная лѣстница, оно бы ничего.... а то непременно садовничья.

Но баронъ не долго оставался въ нерѣшительности, онъ почти самъ стыдился своего страха. И что удивительнаго, что въ саду стояла лѣстница садовника. Онъ перетащилъ ее съ осторожностію къ балкону и началъ приставлявать. Пока баронъ былъ занятъ этимъ трудомъ, Евгенія вошла въ ту комнату, гдѣ находилась дверь на балконъ. Позади ея видѣлась фигура рѣзвой, молодой дѣвушки, ступавшей такъ тихо, что почти нельзя было слышать.

Вотъ разговоръ, который эти женщины вели между собою тихимъ голосомъ:

— Скажи мнѣ, Берта, онъ очень страдаетъ?

Вмѣсто отвѣта, дѣвушка подняла глаза къ небу съ выраженіемъ отчаянія.

— И ты его привела въ комнату?

— Что-же дѣлать, онъ такъ умоляетъ.

Дама кивнула головою и прибавила: ну, хорошо, благодарю тебя, ступай... и будь покойна.

Едва Берта ушла, Евгенія осмотрѣла комнату, чтобы увѣриться, все-ли было расположено по ея желанію, проходя мимо дверей, гдѣ находился Инполитъ, она вздрогнула и съ ужасомъ произнесла про себя:— какое безразсудство, дверь не заперта; хорошо, что я сама замѣ-

тила это...» и съ поспѣшностію серны она подбѣжала къ двери и заперла ее, не вынимая изъ замка ключа.

— Кончено, произнесла она съ спокойнымъ лицомъ, теперь можетъ явиться другой.

И дѣйствительно Никельродъ не заставилъ себя долго ждать. Дверь балкона медленно отворилась, въ ней показалась фигура льва съ чернымъ лорнетомъ въ правомъ глазѣ. Евгенія вскрикнула и отскочила назадъ.

— Ахъ, мужчина! произнесла она, и прежде, чѣмъ баронъ успѣлъ ее замѣтить, она въ испугъ завернулась въ длинныя складки гардины, изъ за которой виднѣлась ея чудная головка. По движенію ея воздушнаго покрывала, видно было, какъ сильно билось ея сердце. Это положеніе было соблазнительно; но баронъ, самъ дрожа отъ страха, не могъ замѣтить и оцѣнить всей его прелести. Онъ напрягалъ все силы, чтобы жестами успокоить вдовушку.

— Тише, madame, говори тебѣ онъ ей, ради Бога, не кричите, умоляю васъ, это я.... Когда вы меня узнаете покороче, вы не будете бояться, напротивъ... я Иванъ Николаевичъ Никельродъ, это вы знаете... Не бойтесь-же, ради Бога, я самый смирный, самый покорный изъ рабовъ вашихъ....

Евгенія, казалось, немного ободрилась.

— Ахъ, извините меня, monsieur, отвѣчала она нерешительнымъ голосомъ, при первомъ взглядѣ на васъ я не могла совладѣть съ собою. Вашъ голосъ одушевляетъ меня, довѣренность моя возвратилась. Видите, я васъ не убѣгаю болѣе, мой страхъ прошелъ.

Никельродъ, восхищенный такимъ быстрымъ успѣхомъ, приблизился къ Евгеніи, она вышла изъ-за складокъ гардинъ, въ простомъ, но плѣнительномъ костюмѣ. Но Никельродъ вмѣсто того, чтобъ придти въ восторгъ, съ ужасомъ отскочилъ назадъ.

— О! Боже! вскричалъ онъ, что я вижу! бѣлое платье съ голубымъ поясомъ!...

— Что съ вами! спросила улыбаясь Евгенія, неужели я въ свою очередь испугала васъ? Что особеннаго въ моемъ платьѣ и моемъ поясѣ? что васъ пугаетъ? Развѣ вы не любите этихъ цвѣтовъ?

— Извините, напротивъ, я обожаю ихъ, даже еще вчера...

Баронъ закусилъ губу и остановился. Евгенія, казалось, не слышала послѣднихъ словъ.

— Если вы любите, то это значитъ, произнесла она, краснѣя, что между нами — симпатія.

— Да, точно, симпатія, божественная симпатія, вскричалъ левъ, поднимая руки къ небу.

Онъ унеся на седьмое небо. Евгенія умѣла придать этимъ словамъ столько заманчивости, что баронъ внутренно сознался въ своей глупости.

— У ней нѣтъ коварства, думалъ онъ, это простой, естественный случай.—И чтобъ извинить свое неумѣстное восклицаніе, онъ устремилъ на молодую женщину умоляющій взоръ. Евгенія вмѣсто того, чтобъ обидѣться львиною выходкою, спокойно съѣла въ кресла, и указала барону на стулъ, стоявшій у стѣны.—

— Садитесь здѣсь... подлѣ меня, сказала она томнымъ голосомъ.

Никельродъ, трепеща отъ восторга, бросился къ указанному стулу и нечаянно толкнулъ висѣвшую на стѣнѣ картину, которая издала металлическій звукъ. Баронъ вздрогнулъ, поднялъ голову и увидѣлъ на стѣнѣ двѣ скрещенныя шпаги. Стулъ выпалъ изъ рукъ барона, онъ поблѣднѣлъ отъ ушей до подбородка, и въ ужасѣ глядя на оружіе.

— Что это... шпаги!... вскричалъ онъ, едва переводя дыханіе отъ сильнаго волненія. Шпаги въ вашей комнатѣ?... это ужъ слишкомъ!... согласитесь, что шпаги... но на что вамъ шпаги?... Для чего онъ въ дамскомъ будуарѣ?

— Чтобъ ими любоваться, отвѣчала Евгенія, удивленная его новымъ испугомъ. Онъ достойны любопытства, это шпаги Коленкура и Нея; онъ достались мнѣ по наслѣдству; насѣчка на клинкахъ сдѣлана съ большимъ искусствомъ.

Никельродъ неслыхалъ этихъ объясненій, мысли его были далеки, глаза его бѣгали по всемъ угламъ комнаты, высматривая выхода.

— Я чрезвычайно люблю эти шпаги, продолжала Евгенія, и берегу ихъ какъ историческую рѣдкость. Это фамильныя сокровища, подарокъ моего дяди, который предводительствовалъ полкомъ противъ французовъ, въ 1812 году.

Никельродъ, не смотря на свой ужасъ, схватилъ на лету эти слова.

— Чтожъ, очень можетъ быть, думалъ онъ. Весьма естественно, что шпаги висятъ здѣсь. Впрочемъ, въ моемъ рассказѣ я помѣстилъ рапиры, это не одно и тоже.

Эти размышленія и простодушныя слова Евгеніи ободрили барона. Да, думалъ онъ, она ничего не знаетъ. Она весела, рѣзва, ее ничто не беспокоитъ; еслибъ у ней

былъ какой-нибудь умыселъ, это можно бы тотчасъ замѣтить по лицу, я право очень смѣшенъ.

Потомъ подумавъ несколько, онъ прибавилъ громко и по обыкновенію сквозь зубы, какъ бы пережевывая слова.

— Однакожъ, какъ я смѣшенъ; вмѣсто того, чтобы радоваться моему блаженству, я занимаюсь пустяками. Не обращайтесь на это вниманія, это слѣдствіе моего темперамента, слѣдствіе майскихъ соковъ, и болѣе живу въ мечтахъ, чѣмъ на яву. Внутренно я стараю отъ восторга, хотя и не выказываю этого наружно, къ тому-же столько странностей.... Если бы вы знали, какое сходство....

— Съ кѣмъ, съ чѣмъ сходство? спросила Евгенія.

— О! вы не можете понять.... Но что вамъ за нужда! будемъ думать о настоящемъ, о моей радости, о счастья быть подлѣ васъ.

— А, наконецъ! произнесла вдовушка томнымъ голосомъ, вотъ это мнѣ лучше нравится.

Теперь баронъ, отбросивъ свои подозрѣнія, приблизился къ молодой женщинѣ, и гордый отъ радости и отъ сладкой надежды, сѣлъ подлѣ нея. Разговоръ становился сантиментальнымъ. Никельродъ отпускалъ безчисленный запасъ своихъ общихъ мѣстъ, съ невыносимой безсовѣстностію. Онъ думалъ уже о славъ, какую доставить ему эта побѣда во всей Колтовской. Сомнѣнія его изгладились постепенно одни вслѣдъ за другими. Близкія сходства, такъ сильно его поразившія, были ничто иное, какъ простыя случайности. Дама, безъ сомнѣнія, не знала ничего про разсказъ, она думала только о томъ, какъ бы увеличить прелесть свиданія; баронъ считалъ себя счастливейшимъ изъ смертныхъ.

— Я вижу, прибавила она, что вы не любите ни бѣлаго оружія, ни бѣлыхъ платьевъ.

— Я согласенъ, отвѣчалъ баронъ, голосомъ глубоко-тронутымъ, есть предметы, которые я люблю болѣе, чѣмъ эти.

Евгенія потупила глаза, вздохнула. и замолчала. Никельродъ отвѣчалъ ей тѣмъ-же, но этого нѣмого языка было недостаточно для гордаго любезника. Онъ думалъ, что теперь-то настало время прибѣгнуть къ дерзкой попыткѣ. Онъ преклонилъ коленно, схватилъ и поцѣловалъ бѣленькую ручку Евгеніи. Въ это же самое время Евгенія, отдернувъ поспѣшно руку, бросилась назадъ и локтемъ толкнула стоящую на столикъ вазу съ цвѣтами.

Ваза упала и разбилась въ дребезги у ногъ Никельрода. Баронъ вскрикнулъ отъ ужаса. Этотъ случай былъ для него худымъ предвѣстникомъ: ваза разбившись, унесла съ собою всѣ золотыя мечты, всѣ надежды льва въ клетчатыхъ панталонахъ, и открыла горькую истину. Баронъ былъ совершенно уничтоженъ. Пристыженный, сконфуженный, онъ опустил голову; черный лорнетъ выпалъ изъ его глаза.

— Madame, пролепеталъ онъ съ усиліемъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, вы знаете все.

— Что такое? спросила Евгенія.

— О! ради Бога, не терзайте меня долѣе; вы напрасно притворяетесь, говорилъ баронъ печальнымъ голосомъ. Мнѣ слѣдовало бы ранѣе догадаться. Это платье, эти шапки, эта ваза. Но что это?... гдѣ-жъ другая подобная ваза?

— О! какъ у васъ плоха память, прибавила вдовушка съ насмѣшкою; развѣ вы забыли, что третьяго дни вечеромъ сами ее разбили?

— Кончено! все кончено! нѣтъ надежды я погибъ! вскричалъ Никельродъ. О! Боже! мнѣ кажется, прибавилъ онъ тихо, я не этимъ кончилъ мой рассказъ.... я также вмѣшалъ рапиры.... дуэль въ мою исторію.... тутъ есть отъ чего съ ума сойти.

Въ продолженіе этого времени, Евгенія встала со своего мѣста и гордо посмотрѣла на колтовскаго льва.

— Что-жъ, милостивый государь, спросила она его, что вы будете отвѣчать на все это?

— Вы видите мой отвѣтъ, произнесъ жалобнымъ голосомъ левъ. Мое смущеніе не говоритъ-ли вамъ о моемъ раскаяніи.... сжальтесь надо мною.... я заслужилъ это жестокое наказаніе.... сознаюсь, что я лгалъ... жестоко, несправедливо лгалъ.... скажите, чѣмъ могу заслужить ваше прощеніе.... я готовъ на все, что вы прикажете.... я объявляю, что мой рассказъ ни что иное, какъ дерзкій вымыселъ, глупая клевета.

— Повторите, милостивый государь, повторите, что вы лгали, вскричала торжествующая женщина, возвышая голосъ, повторите громко ваши слова.

Между тѣмъ, какъ несчастный, уничтоженный колтовской левъ, выполнялъ съ ребяческимъ послушаніемъ приказанія Евгеніи, она подбѣжала къ дверямъ сосѣдней комнаты и отворила ихъ.

— Ипполитъ Александровичъ, вскричала она, теперь

войдите и скажите, можете-ли вы еще подозрѣвать меня, считаете-ли вы меня виновной?

Никто не отвѣчалъ на эти слова; Евгенія поспѣшно заглянула въ комнату и вскрикнула, комната была пуста. Лицо Евгеніи вдругъ перемѣнилось, ноги ея дрожали.

— Боже мой, Боже мой! повторяла она, прерывающимся голосомъ, съ неспитворнымъ отчаяніемъ. О! Боже! что я сдѣлала, безумная?... какое несчастье.... его тамъ не было.... что дѣлать?... захочетъ-ли онъ теперь мнѣ повѣрить? Чѣмъ я оправдаюсь?...

И бѣдная женщина, ломая руки съ отчаяніемъ бросилась въ сосѣдную комнату. Что касается до Никельрода, то онъ внезапно пораженный этими противурѣчащими происшествіями, на все смотрѣлъ, какъ безумный, стараясь понять, въ чемъ дѣло. Тщетно онъ терзался недоумѣніемъ и сердечною тоскою; но какъ только Евгенія удалась, онъ ясно понялъ свое положеніе. Тогда только онъ могъ измѣрить свое надеіе и нерѣшимость его еще удвоилась. Онъ остался одинъ, посреди залы, не зная, куда приклонить голову и устремивъ блуждающіе глаза въ отвернутую, пустую комнату.

— Дьявольщина, шепталъ онъ про себя, щелкая зубами, тамъ кто-нибудь былъ.... кто-нибудь скрывался и насъ подслушивалъ. Но гдѣ-же онъ?... Ну, какъ онъ тотчасъ войдетъ.... о! онъ непременно придетъ — вѣрно побѣжалъ за пистолетами.

При одной этой мысли, колтовской левъ началъ бѣгать по комнатѣ, потирая руками лобъ и останавливаясь не для того, чтобъ оглянуться назадъ, не преслѣдуетъ ли его кто-нибудь, но для того, чтобъ перевести дыханіе.

— Дѣйствительно, вскричалъ онъ послѣ небольшой отдышки, этотъ человекъ тотчасъ придетъ. Изъ начала можно предвидѣть и конецъ.... Не кончили-ли я мою нелѣпую исторію дуэью? о! Боже! и эти шпаги ... конечно.... меня убьютъ!.. я погибъ!

И чтобъ воспрепятствовать этому убійству, которое представлялось ему уже совершеннымъ Никельродъ схватилъ обѣ шпаги со стѣны и хотѣлъ ихъ выбросить изъ окна въ садъ, куда потомъ и самъ думалъ ускользнуть. Но едва онъ приблизился къ окну, какъ человекъ быстрѣе молніи бросился къ нему на встрѣчу съ балкона и выхватилъ у него одну шпагу.

— Благодарю, милостивый государь, вскричалъ онъ съ

бышенствомъ, благодарю за услугу; теперь назадъ и защищайтесь!

Никельродъ и не думалъ исполнять этого приказанія. Онъ былъ такъ блѣденъ, что его можно было принять за статую, еслибъ только невольная дрожь по всему тѣлу не обличала въ немъ жизни. Въ трепещущей рукѣ онъ держалъ шпагу, но не горизонтально, не въ оборонительномъ положеніи, а вертикально, какъ держать въ церкви свѣчи.

— Развѣ вы не слышите, милостивый государь, повторилъ Ипполитъ, раздраженный этой пезою, становитесь и защищайтесь.

Баронъ оставался неподвиженъ, какъ будто былъ прикованъ къ одному мѣсту.

— Милостивый государь, шепталъ онъ покорнымъ голосомъ, милостивый государь, клянусь вамъ, что я во-все-не того.... что я совсѣмъ не желалъ нанести вамъ ни малѣйшей непріятности... я не думалъ .. и не смѣлъ оскорбить васъ.... объяснимся хладнокровнѣе.... я согласенъ признать мои ошибки; нужны вамъ извиненія?...

— Мнѣ нужно мщеніе, прервалъ его Ипполитъ громовымъ голосомъ. Говорятъ вамъ на мѣсто и защищайтесь.

Никельродъ вмѣсто того, чтобы отойти, приблизился къ Ипполиту, что было по его логикѣ гораздо благо-разумнѣе.

— Милостивый государь, сказалъ онъ ему съ чувствомъ, будьте великодушны, вѣдь я вамъ ничего не сдѣлалъ. Выслушайте меня, эта глупая выходка, за которую я уже довольно наказанъ... я вамъ обещаю, если въ другой разъ попадусь.... но довольно и этого, вы видите... Впрочемъ, позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что это не шутка. Я вовсе не упоминалъ о шпагахъ въ моемъ разсказѣ... вы обманываетесь, милостивый, государь, право обманываетесь!.... я только сказалъ....

Ипполитъ, не желая ничего слышать, оттолкнулъ отъ себя уже слишкомъ приблизившагося барона на такое разстояніе, которое позволяло ему свободно дѣйствовать шпагою. Никельродъ, прикрываясь лѣвою рукою, какъ щитомъ, правою махалъ на удачу, боясь посмотреть на шпаги; ноги его скользили; откинувъ голову назадъ, онъ испускалъ отчаянные крики: Караулъ! помогите! бьютъ! рѣжутъ! караулъ!

На этотъ крикъ въ залу бѣжали двѣ женщины и бросились между соперниками.

— Не убивайте его, вскричала Берта, схвативъ Ипполита за руки. Madame не желаетъ этого, прибавила она, указывая на Евгенію, которая не смѣла приблизиться; madame не желаетъ смерти лежеца.

— А мнѣ хотѣлось-бы, прибавилъ, смѣясь, Ипполитъ, достойно окончить этотъ урокъ...

— Ахъ! вскричала Евгенія, вы слышали до конца нашъ разговоръ; а я такъ перепугалась...

— Успокойтесь, прервалъ ее молодой человекъ, я не прежде оставилъ свою засаду, какъ услышалъ сознаніе господина барона, но какъ дверь была заперта изъ залы, мнѣ не оставалось другаго средства, какъ въ свою очередь перелѣзть черезъ балконъ.

— Не сомнѣваетесь-ли вы еще въ чемъ-нибудь? спросила, смѣясь, вдовушка.

— Въ одномъ только, отвѣчалъ Ипполитъ, я сомнѣваюсь, чтобъ вы меня простили....

— Я съдѣлаю больше, прибавила Ревина, съ ласковою улыбкою поглядывая на Ипполита.

— О! Евгенія, Евгенія, вскричалъ безумѣвшій молодой человекъ, и такъ мои мечты, мои золотыя мечты наконецъ осуществятся!

— Я думаю, что такъ! отвѣчала простодушно Ревина; иначе я не стала бы себя компрометировать, чтобъ помѣшать вашей дуэли и доказать вамъ мою невинность.

Въ продолженіе этого времени баронъ вытиралъ платкомъ потъ, градомъ катившійся со лба, и не произнесъ ни одного слова, такъ онъ былъ смущенъ и перепуганъ.

— Я теперь еще трепещу за мой дерзкій поступокъ, прибавила молодая женщина. Какое безразсудство! планъ мой удался, но еслибъ мнѣ пришлось повторить его, я не рѣшилась-бы: это средство слишкомъ опасно.

— Въ особенности для меня, произнесъ Никельродъ, получившій наконецъ возможность говорить.

— О! вамъ не на что пѣнять, господинъ баронъ, сказалъ Ипполитъ съ колкою насмѣшкою; ваше авторское самълюбіе удовлетворено; что вы придумывали въ вашей исторіи, то и сбылось. Вы пріобрѣтете славу предсказателя.

— Съэтимъ согласенъ, въ Колтовскихъ это легко дѣлается, отвѣчалъ баронъ, съ гримасою, которую онъ хотѣлъ преобразить въ улыбку; но я не гоняюсь за такою славой, и вы мнѣ съдѣлаете большое одолженіе, если никому не будете объ этомъ рассказывать. Ахъ, Боже мой!.... если узнаетъ Лѣлинъка, Петинъка, а особенно капитанъ или Татьяна Васильевна — я пропаду... погибъ безвозвратно,

они меня зачернить, уничтожать, съ грязью смѣшаютъ. И такъ, вы мнѣ общаете!...

— Какъ бы не такъ, прервала его Берта, я ничего вамъ не общаю. Напротивъ, я хочу, чтобъ всѣ знали, что вы лгали; мое самолюбіе будетъ этимъ удовлетворено.— Я расскажу эту исторію всѣмъ, со всеми подробностями, будьте увѣрены... особенію Татьянъ Васильевнѣ.

— Вы, вы, mademoiselle, произнесъ баронъ, огорченный угрозой, вы не боитесь сдѣлать смѣшнымъ постоянного посятителя вашего кафѣ.

— Что мнѣ за дѣло, прибавила молодая дѣвушка, я не пощадила бъ даже роднаго отца.

— О! Боже мой, какъ вы жестоки; кого жъ бы вы пощадили? спросилъ баронъ.

Берта покраснѣла, потупила глазки и, перебирая складки своего передника, отвѣчала едва слышнымъ голосомъ:

— Развѣ что моего мужа.

— Вашего мужа? повторилъ колтовской левъ. Въ такомъ случаѣ молчите-же, и пожалуйте мнѣ вашу ручку. Черезъ мѣсяць Евгенія Александровна Ревина и Ипполитъ Александровичъ Эдинъ были обвиняемы во Владимірской церкви.

Она выѣхала изъ Колтовской черезъ десять дней послѣ исторіи, нами разказанной. Передъ отъездомъ оба они желали присутствовать при вѣчаньи барона Никельрода и мамзель Кохъ. Нѣмецъ отецъ успокоился совершенно, напился на свадьбѣ и плясалъ гротфатеръ.

Такимъ образомъ женитба колтовскаго льва, долженствовавшая удивить весь свѣтъ, удивила только его самого, да честную компанію львовъ.

ГАЛЛЕРЕЯ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Николай Ивановичъ Хмѣльницкій

Николай Ивановичъ Хмѣльницкій принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, объ которыхъ нельзя говорить исключительно, какъ объ литераторахъ, потому-что, не смотря на все значеніе его литературныхъ трудовъ, онъ былъ столько же замѣчательнъ какъ человекъ и какъ гражданинъ. Мы не предположили себѣ цѣлю разбирать его литературные труды, уже давно разобранные и оцененные публикой, и исчислять знаки его отличій, полученныя на службѣ, по общезаведенному порядку—нѣтъ, мы бы хотѣли въ быгломъ очеркѣ познакомить читателя съ человекомъ, вполне заслуживающимъ вниманіе и любовь соотечественниковъ.

Николай Ивановичъ Хмѣльницкій родился въ Петербургѣ, 11-го августа, 1789 года. Не восходя до великаго гетмана Богдана, его родоначальника, слава котораго слишкомъ близка сердцу каждаго русскаго, не лишнимъ считаю сказать, что отецъ Николая Ивановича, Иванъ Парфентьевичъ Хмѣльницкій, былъ также однимъ изъ замѣчательныхъ лицъ своего времени. Получа званіе доктора Кенигсбергскаго Университета и въ послѣдствіи служа вѣрой и правдой монархинѣ, онъ достигъ

почетнаго званія въ гражданской службѣ и заслужилъ особенное вниманіе Екатерины II. Она, въ вознагражденіе за потерю родовыхъ имѣній, принадлежавшихъ некогда роду Хмѣльницкихъ, дала ему средства выстроить въ Петербургѣ домъ (нынѣ принадлежащій Генераль-Маіору Я. П. Ростовцову). Какъ ученый, Иванъ Парфентьевичъ, былъ не менѣ замѣчательнъ: въ 1726 году въ Гамбургскихъ Вѣдомостяхъ напечатаны имъ диссертаціи на латинскомъ языкѣ: «Объ основаніяхъ Философіи», и «Возраженіе на Шлегеля». Кромѣ этихъ ученыхъ трактатовъ, мало известныхъ русской публикѣ, Иванъ Парфентьевичъ много переводилъ и писалъ на русскомъ языкѣ. Труды его съ любовію принимались Русскою Академіею и выдерживали по четыре изданія.

Это небольшое отступленіе, по видимому, мало идущее къ воспоминаніямъ о Николаѣ Ивановичѣ Хмѣльницкомъ, мы сдѣлали съ умысломъ. Достоинства отца имѣли чрезвычайное вліяніе на сына,—вліяніе, которое Николай Ивановичъ, при всей врожденной скромности, не могъ скрыть, и всегда говорилъ: «что каждый изъ насъ долженъ поддерживать отцовское имя и стараться, если не превзойти его, то по-крайней-мѣрѣ стать съ нимъ въ уровень!...»

По природѣ своей добрый, снисходительный, умный, Николай Ивановичъ не любилъ хвастать прекрасными свойствами своей души и часто надѣвалъ на себя маску непреступной холодности; словомъ, онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ не зная совершенно, нельзя полюбить; но если, по счастью, кто-нибудь однажды проникалъ въ его душу — то находилъ въ немъ все: друга—самаго горячаго и искренняго.... Филантропа, ни въ чемъ не похожаго на тѣхъ патентованныхъ светскихъ фарисеевъ, которые, подавая чужой грошъ нищему, выставляютъ себя на показъ, какъ благодѣтели рода человеческого. Но это въ сторону.

Semper metendum, quiquid irasci potes....

Николай Ивановичъ Хмѣльницкій — жилъ и дѣйствовалъ не далеко отъ насъ, но между тѣмъ, съ того времени много

воды утекло и много нужно привести на память, чтобы стать въ уровень съ временемъ, въ которое онъ жилъ и дѣйствовалъ. Наше отечество такъ шагаетъ впередъ, что десять, двадцать какихъ-нибудь лѣтъ составляютъ эпоху. Давно-ли, напримеръ, на искусства, поэзію, на музыку и живопись смотрѣли у насъ, какъ на бездѣлушки, способныя разсѣять, но отнюдь не занять порядочнаго человѣка? Даже Державинъ, вполне постигавшій всю важность своего призванія, какъ поэтъ, долженъ былъ въ угоду вѣка и общихъ мнѣній, сравнить поэзію съ лимонадомъ. Нынѣ, благодаря Бога, мы возрастаемъ въ другихъ понятіяхъ. Мало по малу искусства у насъ становятся въ рядъ потребностей жизни. Лѣтъ тридцать назадъ, званіе артиста у насъ не имѣло никакого значенія, и каждый, во что бы ни стало, долженъ былъ дослужиться до известнаго ранга, чтобы имѣть право заняться чѣмъ-нибудь кромѣ службы, да и то какъ бы для отдохновенія и забавы. Наше благодѣтельное правительство, еще со временъ Екатерины Великой, постигло всю важность развитія свободныхъ искусствъ. При *Ней* была основана Академія Россійская, при ней процвѣла Академія Художествъ. Желая всѣми мѣрами возбудить въ народѣ любовь къ искусствамъ, Она сама писала, и наконецъ, издала законъ, по которому каждый человѣкъ мыслящій получалъ многія льготы по службѣ.

Какъ ни сильны были старанія Великой Государыни—вѣкъ не легко было измѣнить. Николай Ивановичъ Хмьльницкій жилъ еще въ эпоху *чинолюбія*, если можно такъ выразиться. Не смотря на явное призваніе къ литературѣ, онъ чувствовалъ всю необходимость сдѣлаться прежде всего чиновникомъ. Надѣленный отъ природы умомъ истинно русскимъ, тонкимъ, воспримчивымъ и проницательнымъ, — онъ не пошелъ на перекоръ своего времени и общимъ мнѣніемъ, и опредѣлился на службу, сохраняя въ душѣ весь жаръ истиннаго поэта. «Взявшись за гужъ, не говори что не дюжъ», — твердитъ пословица и этой пословицы Николай Ивановичъ держался твердо и постоянно. Онъ опредѣлился въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, це-

реводчикомъ и, скоро замѣченный начальствомъ, нѣсколько разъ былъ посыланъ курьеромъ къ разнымъ дворамъ.

Голосъ отчизны, угрожаемой опасностію, не могъ не отозваться въ душу Хмельницкаго. Забывъ о всѣхъ личныхъ выгодахъ, имѣя въ виду только общее благо, онъ рѣшился въ 1812 году въ чинѣ коллежскаго ассессора поступить въ С.-Петербургское ополченіе и въ скоромъ времени былъ назначенъ адъютантомъ къ командовавшему тогда отдѣльнымъ корпусомъ генералу Кутузову — въ послѣдствіи Фельдмаршалу свѣтлѣйшему князю Кутузову-Голенищеву-Смоленскому: а потомъ къ преемнику его, барону Миллеру-Закамельскому.

Въ кампанію 1813 года Николай Ивановичъ состоялъ при начальникѣ штаба одной изъ дѣйствующихъ армій и отличался въ сраженіяхъ подъ Лейпцигомъ, Дрезденомъ и Гамбургомъ и кромѣ того, былъ часто употребляемъ по дѣламъ дипломатической переписки. Въ это время онъ имѣлъ случай познакомиться съ графомъ Милорадовичемъ, который, оцѣня его необыкновенныя способности, полюбилъ его всей душою. Въ 1814 году, по окончаніи войны съ французами, графъ Милорадовичъ былъ назначенъ сперва главнокомандующимъ, а послѣ генераль-губернаторомъ С.-Петербурга. Полный любви къ отечеству, Милорадовичъ искренно желалъ быть полезнымъ на этомъ новомъ для него поприщѣ столько-же, сколько былъ полезенъ въ дѣлѣ военномъ, и потому самъ обратился къ Николаю Ивановичу и предложилъ ему мѣсто правителя своей канцеляріи.

Не многіе, къ несчастію, и въ наше время, смотрятъ на службу такъ, какъ смотрѣлъ на нее Николай Ивановичъ. Обезпеченный родовымъ имѣніемъ со стороны нуждъ житейскихъ, и чрезвычайно умѣренный во всѣхъ желаніяхъ—онъ смотрѣлъ на службу, какъ на широкое поле труда для пользы общественной. Его мнѣнія были таковы, что человекъ служащій, на какой бы онъ степени ни стоялъ, всегда долженъ и можетъ быть полезенъ отечеству. Люди истинно умные и съ твердымъ убѣжденіемъ всегда на дѣлѣ оправдываютъ свои

теоріи. Такъ и Николай Ивановичъ, будучи далеко не на высшихъ ступеняхъ гражданской службы, написалъ проэктъ: «обратить частныя суммы (до 700,000), лежавшія въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ болѣе десяти лѣтъ, и никакъ не требуемыя, въ капиталъ для призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ.»—Проектъ былъ Высочайше одобренъ, и такимъ образомъ Хмѣльницкій, въ званіи правителя канцеляріи генераль-губернатора, сдѣлалъ то, чего Гизо въ званіи перваго министра не умѣлъ сдѣлать во Франціи.

Во всѣхъ его поступкахъ и дѣйствіяхъ видно было уваженіе къ службѣ и обязанностямъ, ею налагаемымъ.

Въ бытность свою губернаторомъ въ городѣ Смоленскъ — онъ обнаружилъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, всю дѣятельность своего ума и то жаркое желаніе добра обществу, которымъ всегда былъ одушевляемъ. Одна сухая перечень того, что онъ сдѣлалъ для Смоленска, можетъ достаточно показать до какой степени этотъ человекъ трудился для пользы своихъ согражданъ. Обратя вниманіе Государя Императора на бѣдствующій городъ, онъ получилъ въ ссуду миллионъ рублей, и эта сумма такъ сказать возстановила Смоленскъ «изъ пепла.» Кроме того, Хмѣльницкій успѣлъ на пользу общую склонить частныхъ людей и на ихъ пожертвованія соорудилъ церковь Благовѣщенія Господня, устроилъ городской садъ на «Облонь», срезалъ соборную гору, препятствовавшую сообщенію нагорной стороны съ заднѣпровскою. Отличное устройство мостовыхъ, пожарной команды и городской полиціи принадлежитъ ему-же. Кроме всего этого, Николай Ивановичъ, не упускавшій ничего изъ вида, первый изъ градоначальниковъ обратилъ вниманіе на мануфактурную и ремесленную промышленность: первая губернская выставка мануфактурныхъ издѣлій была въ Смоленскъ.

Въ 1847 году Николай Ивановичъ былъ переведенъ изъ Смоленской въ Архангельскую губернію, а въ томъ же году, по разстроенному здоровью, вышелъ въ отставку и поселился снова въ Петербургъ.

Хотя въ это время кругъ его дѣятельности значительно уменьшился, но какъ истинно добрый человекъ онъ и тутъ, подѣ ударами одного изъ величайшихъ несчастій для души честной и нравственной, умѣлъ выказать, можетъ быть, даже болѣе, чѣмъ когда-нибудь, все превосходство своей натуры.

Какъ человекъ, Николай Ивановичъ принадлежалъ къ тому небольшому числу людей, которые несравненно лучше, чѣмъ они кажутся. Съ первой встрѣчи, изъ перваго разговора съ нимъ, каждый волею-неволею сознавалъ, что онъ уменъ, свѣдущъ и образованъ — но не каждый могъ дать ему полную дѣну, потому что онъ былъ чрезвычайно остороженъ и разборчивъ на людей. Строгая въжливость и наружная холодность — многимъ не нравились, потому что ихъ считали капризами избалованнаго человека. Въ самомъ-же дѣлѣ, Хмѣльницкій не былъ ни гордъ, ни избалованъ. Стоило только сблизиться съ нимъ, чтобы вполне въ этомъ удостовѣриться. Я часто видѣлъ, какъ онъ подавалъ руку самому ничтожному человеку и избѣгалъ встрѣчи съ лицами, у которыхъ всѣ заискивали... Умная рѣчь, какъ бы она не была противоположна въ своихъ основаніяхъ съ его мнѣніемъ — не смотря на горячій споръ его, всегда была имъ уважаема...

Добросердечіе его было удивительно: если онъ зналъ, что кто нибудь страдаетъ, онъ самъ страдалъ — и потому спѣшилъ къ нему на помощь... Для блага ближняго онъ не щадилъ ни денегъ, ни своего рѣдкаго ума — и всегда полезнаго совѣта...

Остроту ума, даннаго ему самой природой, онъ расточалъ только тамъ, гдѣ не могъ никого оскорбить и гдѣ острота принималась за остроту, а ни за что болѣе.

Такъ однажды, про кого-то сказали, что онъ добрый малый...

— Такъ вы *малымъ* довольны... сказалъ Хмѣльницкій и тотчасъ-же просилъ принять это за *остроту*, а не за истину.

Если пословица «вѣкъ живи, вѣкъ учишь» принималась кѣмъ-нибудь въ строгомъ смыслѣ, такъ это Николаемъ Ивановичемъ.

Прочтя едва-ли не все, что было до него написано, онъ съ жадностію кидался на каждую новую замѣчательную книгу.

Выйдя въ отставку и живя на покой, Н. И. никогда не заглядывалъ въ календарь и едва-ли даже не забылъ о томъ, что онъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ своего времени.

— Теплый уголь, стаканъ чаю, да умная книга,—вотъ все что нужно человѣку подъ старость;—говорилъ онъ.

И ему дѣйствительно было нужно только то, о чемъ онъ говорилъ.

Въ 1844 году Николай Ивановичъ поѣхалъ за-границу, а въ 1846, 8-го сентября скоростижно скончался, 54-хъ лѣтъ и 8-ми дней отъ рожденія. Тѣло его погребено на Смоленскомъ кладбищѣ.

Ничто такъ не выразило его благороднаго характера, какъ его *духовное завѣщаніе*. Въ немъ онъ отказалъ свое родовое имѣніе (*благопріобрѣтеннаго* у него не было) тѣмъ, кого онъ любилъ, тѣмъ, которые нуждались въ его помощи.

Теперь кинемъ взглядъ на литературную дѣятельность Н. И. Хмьльницкаго. Его, разумеется, должно разсматривать преимущественно, какъ писателя драматическаго.

Въ двадцатыхъ годахъ появились на сценѣ первыя драматическія произведенія Хмьльницкаго и возбудили въ публикѣ живѣйшій интересъ. До 1829 года включительно, Хмьльницкій постоянно и весьма часто дарилъ Русскій Театръ своими произведеніями, и снискалъ себѣ вполне заслуженную и прочную извѣстность. Теперь, обозрѣвая всю его дѣятельность, мы можемъ спокойно и сознательно опредѣлить и причину его тогдашнихъ успѣховъ и истинное значеніе его произведеній, какъ для того, такъ и для нашего времени.

Скажемъ, во-первыхъ, что для всякой образованной націи недостаточно имѣть геніальныхъ людей, разбросанныхъ по различнымъ отраслямъ науки и искусства, нужно имѣть самую науку, самое искусство, какъ нѣчто прочное, вполне развитшееся и опредѣляющее характеръ народа, т. е. какъ достояніе національное. Такимъ образомъ, перейдя отъ общаго положе-

нія къ частному: для націи мало имѣть одного, двухъ великихъ драматическихъ писателей, ей пужно имѣть свой народный театръ, который обозначается суммою произведеній, имѣвшихъ своевременное значеніе и сверхъ того имѣющихъ всегдѣшнее, вѣчное, историческое значеніе. А такими пьесами могутъ быть только тѣ, въ которыхъ, кромѣ художественнаго таланта автора, отразились понятія, потребности, направленіе и нравы общества той эпохи, когда родились его пьесы. Русскій театръ, еще такъ недавно вышелъ изъ пеленъ, что было-бы крайне несправедливо и неразумно требовать отъ него полной самостоятельности, требовать, чтобы онъ былъ цѣльнымъ, вполне построеннымъ зданіемъ. Такія зданія воздвигаются вѣками, а мы едва имѣли время положить первые камни въ фундаментъ зданія всей нашей образованности. Отраднo видѣть уже и то, что у насъ многому положены прекрасныя начала. Драматическая литература, безспорно высшая отрасль литературы вообще, у насъ развилась слабѣ другихъ своихъ сестеръ; здѣсь не мѣсто разсматривать причины этого явленія. Въ числѣ весьма немногихъ писателей, положившихъ основаніе русскому театру. Н. И. Хмѣльницкій занимаетъ почетное мѣсто. Его пьесы, кромѣ личнаго дарованія автора, носятъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ характера и направленія нашей литературы двадцатыхъ годовъ. Въ пьесахъ Хмѣльницкаго отразилось страстное стремленіе тогдашняго общества къ знакомству съ западной Европой и къ подражанію ей, всѣ эти пьесы — переводы или передѣлки французскихъ комедій — и, должно отдать справедливость таланту автора — переводы добросовѣстные, достойные подлинниковъ, а передѣлки мастерскія, часто превосходящія своими достоинствами самый подлинникъ. Восторгъ, увлеченіе партера, когда онъ составленъ изъ образованнѣйшаго класса общества, какъ это было въ двадцатыхъ годахъ, едва-ли не самая вѣрная оцѣнка драматическому произведенію: театръ рукоплещетъ — значитъ пьеса вполне высказываетъ задушевныя стремленія этой тысячи людей, собравшихся провѣрить свои нравы или понятія на сценѣ. Надо только знать,

что это за люди... Известно, что въ двадцатыхъ годахъ лучшая, образованнѣйшая публика посѣщала Русскій театръ, — а Н. И. Хмьльницкій принадлежалъ, по всемъ правамъ, къ этой части публики; стало-быть, публика, вполне сочувствуя ему, видѣла въ немъ представителя своихъ стремленій.

И публика не ошиблась: Н. И. Хмьльницкій, руководствуясь врожденнымъ художественнымъ тактомъ, европейски образованнымъ умомъ, зналъ, съ какими именно произведеніями западной литературы должно знакомить нашу публику, — онъ переводилъ Мольера. Странно было-бы доказывать великость генія Мольера, единственнаго комика, имѣющаго всемірно-историческое значеніе; невѣрующимъ мы просимъ только указать намъ, у какой-либо націи не на комедію столь-же геніальную, какъ комедія Мольера, но на цѣлый театръ, основанный на такихъ-же геніально-человѣческихъ началахъ, какъ театръ Мольера. Воспомните время, въ которое жилъ Мольеръ — и вы изумитесь колоссальному дарованію этого чловѣка... До сихъ поръ еще типы, имъ созданные, имѣютъ смыслъ и значеніе, — а что говорить о эпиграмматическомъ языкѣ, о завязкѣ его пьесъ, всегда ловкой, быстрой, интересующей и увлекающей зрителя? — Хмьльницкій изучилъ Мольера и постигъ его величіе, а потому съ такою художническою добросовѣстностью передалъ русской публикѣ два великія произведенія французскаго генія — «Тартюфа» и «Школу Женщинъ.»

Какъ уже мы сказали, Н. И. Хмьльницкій былъ весьма важнымъ вкладчикомъ при заложеніи фундамента русскаго театра. Такихъ вкладчиковъ было весьма немного: Фонъ-Визинъ, Капнистъ, Хмьльницкій, Грибовъдовъ, князь Шаховской, Писаревъ, и наконецъ Кокошкинъ и Загоскинъ (*) Вотъ по нашему мнѣнію всѣ замѣчательные дѣятели русскаго драматическаго искусства; остальные писатели имѣли не болѣе, какъ минутный интересъ и вовсе лишены историческаго значенія. Теперь нужно опредѣлить мѣсто Хмьльницкаго въ почетномъ ряду этихъ дѣятелей.

(*) Мы упоминаемъ здѣсь только авторовъ комедій; трагедія и драма имѣютъ своихъ особенныхъ представителей.

Здѣсь нѣтъ надобности говорить о каждомъ отдѣльно; укажемъ только два направленія, рѣзко раздѣляющія этихъ писателей на двѣ группы. Одно направленіе чисто-подражательное въ которомъ выразилось первое стремленіе нашего общества къ сближенію съ западною образованностью. Въ пьесахъ этого направленія, кромѣ языка, нѣтъ ничего русскаго — и смѣшно было-бы требовать отъ нихъ болѣе, они исполнили свое назначеніе; время ихъ рожденія еще не было временемъ пробужденія русскаго общества къ самосознанію, къ выраженію элементовъ національныхъ. Это пробужденіе совершилось послѣ и выразилось писателями новой школы.

Н. И. Хмѣльницкій принадлежитъ къ первой группѣ — подражателей французскому театру. Неоспоримый талантъ беллетриста Хмѣльницкій успѣлъ выказать даже переводя или подражая произведеніямъ французскихъ писателей. Если у него нѣтъ собственнаго созданія пьесы, за то посмотрите, какой ловкій, блестящій стихъ; да наконецъ и въ самыхъ передѣлкахъ Коленъ Д'Арленкуровыхъ комедій, съ какимъ художественнымъ тактомъ умѣлъ Хмѣльницкій отбросить все лишнее, замѣляющее ходъ пьесы, изъ пяти актовъ сдѣлать одинъ, кипящій дѣйствіемъ. Эти достоинства, равно какъ и тонкій вкусъ въ выборѣ пьесъ для перевода или подражанія, дѣлаютъ Хмѣльницкаго весьма замѣчательнымъ дѣятелемъ въ ряду изчисленныхъ нами писателей, такъ, что въ своей группѣ (подражательной) онъ занимаетъ первое едва-ли не мѣсто.

При обзорѣ литературной дѣятельности Хмѣльницкаго мы должны будемъ раздѣлить всѣ его пьесы на три разряда: на переводы собственно, на передѣлки и подражанія и, наконецъ, на оригинальныя пьесы.

Н. И. Хмѣльницкій, какъ мы уже сказали, перевелъ двѣ комедіи Мольера; *«Тартюфъ»* и *«Школа женицннъ.»*

Но между его пьесами болѣе всего подражаній и передѣлокъ съ французскаго. Онъ и началъ свое поприще одною изъ такихъ пьесъ; на Петербургскомъ Большомъ Театрѣ 7-го мая 1817 года, давали въ первый разъ его комедію *«Говорунъ.»*

Пьеса эта была поставлена превосходно и имѣла блистательный успѣхъ. Кто не знаетъ этой хорошенькой пьесы, она еще недавно и съ довольно значительнымъ успѣхомъ была возобновлена на сценѣ Александринскаго театра. Надобно замѣтить, что въ то время, какъ Хмельницкій выступилъ на сцену съ своими комедіями, русская труппа была въ блистательномъ положеніи; сами писатели и многіе любители театра, люди высшаго сословія, принимали живое участіе въ образованіи актеровъ. Изъ этой школы вышелъ необыкновенный талантъ Сосницкаго; тутъ собирались вмѣстѣ авторы и актеры, толковали, совѣтовались и помогали другъ другу.

Это былъ золотой вѣкъ русскаго театра. Въ главѣ его были люди съ призваніемъ и вкусомъ, истинные вельможи, какъ-вы кн. А. А. Шаховскій и Ѳ. Ѳ. Кокоскинъ, которые подарили русскую сцену многими талантами. Мы не станемъ перечислять всѣхъ пьесъ Н. И. Хмельницкаго, и тѣмъ болѣе входить въ подробный разборъ каждой пьесы; назовемъ только самыя замѣчательныя: «*Говорунъ*,» «*Воздушные замки*,» «*Бабушкины попугаи*» «*Суженаго конемъ не объѣдешь*.» «*Новый Паризъ*,» «*Карантинъ*» — и другія. Всѣ эти пьесы имѣли значительный успѣхъ на сценѣ; многія давались на благородныхъ театрахъ, и это одно изъ весьма важныхъ достоинствъ пьесъ Хмельницкаго; каждая его пьеса можетъ быть сыграна въ хорошемъ обществѣ; ни въ одной нѣтъ грязнаго каламбура, сальной двусмысленности или грубой шутки, — ни чей тонкій и взыскательный вкусъ не оскорбится при чтеніи любой пьесы Хмельницкаго. Множество эпиграмматическихъ стиховъ разсыпано въ этихъ пьесахъ; водевильные куплеты отличаются легкостью и очень часто граціознымъ оборотомъ, который, не поражая уха, не возбуждая грубаго смѣха, нравится эстетически образованному человѣку. Это не то, что притянутые за волосы и рѣшительно бессмысленные каламбуры нынѣшнихъ актеровъ-водевиллистовъ, которые за недостаткомъ послѣднихъ разыгрываютъ роль первыхъ.

Изъ оригинальныхъ комедій Н. И. Хмельницкаго замѣчатель-

ны: «Неръшительный, или семь пятниц на недѣль» и «Святскій случай». Какъ жаль, что въ бумагахъ покойнаго не нашлось ни плана, ни отрывковъ — комедіи «Арзамасскіе гуси.» — Намъ извѣстенъ одинъ напечатанный уже отрывокъ, который мы не можемъ не выписать здѣсь: дѣйствіе въ домъ Арзамасскаго судьи, Лихвина, котораго дочь Любушка только что пріѣхала изъ Петербурга, гдѣ воспитывалась въ Институтъ.

Побродяжкинъ (*ходячая газета; Любушки*).

Великодушнаго прошу прошенья.

Но мнѣ, сударыня, позвольте васъ спросить,

Не въ Петербургѣ-ли изволили вы быть

Седьмого ноября, во время наводненья?

Любушка.

Была, сударь.

Побродяжкинъ.

Вотъ страсть! Сто тысячъ, говорятъ,

Погибло въ этотъ день.

Лихвинъ.

Сказали, пятьдесятъ!

Г-жа Лихвина.

Неправда: двадцать пять.

Любушка.

Не больше тысячи, могу увѣрить въ этомъ.

Побродяжкинъ.

Да, можетъ стать, по газетамъ;

Но въ этихъ новостяхъ не безъ прорухъ.

Г-жа Лихвина.

А почему-жь?

Побродяжкинъ (*тихо*).

Не говорите вслухъ.

Лихвинъ.

Вотъ хорошо! Вѣдь ей извѣстно это близко.

Побродяжкинъ.

Ахъ, вы незнаете; на этотъ счетъ молчать

Онѣ обязаны строжайшею подпиской.

Любушка.

У насъ въ несчастіи никто роптать не могъ:

Самъ добрый Государь былъ полонъ сокрушенья,

Онъ дѣйствовалъ какъ Богъ, —

И расточалъ благотворенья!

Что долго чувствовать могли мы безъ него,

При немъ мы скоро позабыли.

Что, еслибъ такъ вездѣ царей любили,

Какъ мы любили своего!

Побродяжкинъ.

Никто непрекословить вамъ:

Великъ душой, великъ и по дѣламъ;

А все... ужасная была картина!

Любушка.

Да, признаюсь.

Побродяжкинъ.

А кто несчастію причина?

Блаженной памяти покойный Государь,

Петръ Алексѣевичъ! Былъ умный царь,

Да къ морю черезъ чуръ подѣхалъ близко!

Какъ въ ямѣ строиться, когда есть материкъ!

Вотъ то-то, матушка, и былъ великъ,

А выстроился низко!

Н. И. Хмьльницкій, вмѣстѣ съ А. С. Грибовдовымъ и княземъ А. А. Шаховскимъ, составили планъ комедіи (для бенефиса М. И. Валберховой.) «Своя семья;» нѣсколько сценъ въ этой комедіи, въ томъ числѣ сцена экзамена Наташи, написаны Н. И. Хмьльницкимъ. —

Въ последнее время своей жизни, Н. И. Хмьльницкій зани-

мался попытками исторической комедии. «Царское слово, или сватовство Румянцова,» «Оберъ-кухмейстеръ Фелзтенъ.» «Русскій Фаустъ или Брюсовъ кабинетъ» и «Богданъ Хмельницкій,» образцы этихъ попытокъ; изъ нихъ самая удачная и имѣвшая успѣхъ на сценѣ Александринскаго театра «Царское слово.»

Мысль создать русскую историческую комедию теперь можетъ быть даже слишкомъ рановременна, потому-что вѣдь только съ реформы Петра Великаго въ нашемъ обществѣ являются элементы цивилизаціи; а комедія по существу своему можетъ брать данныя только изъ жизни общества образованнаго, или изъ такого общества, въ которомъ образованіе борется съ невежествомъ. Непосредственная жизнь дикаря можетъ еще, пожалуй, проявить элементы трагизма, но ужь никакъ не комизма. Стало-быть въ до-петровскомъ бытѣ русскихъ нечего искать комедіи, а послѣ реформы Петра прошло такъ мало времени, что историческія лица и событія еще слишкомъ близки къ намъ: мы еще несмѣемъ выводить ихъ на сцену. Собственно петровская эпоха уже слишкомъ истощена на шими романистами; покойный Н. А. Полевой написалъ несколько пьесъ изъ этой эпохи, но въ нихъ нельзя искать ничего, кромѣ похвальнаго чувства патриотизма; а Н. И. Хмельницкій взялся за дѣло поглубже, посерьознѣе, — оттого, можетъ быть, его историческія пьесы невызываютъ неистовыхъ криковъ и рукоплесканій публики, которую всегда легко можно поддѣть на эффекты извѣстнаго рода, — за то, на примѣръ, въ «Царскомъ словѣ» Хмельницкаго много ума и другихъ достоинствъ, которыя не совсѣмъ по вкусу нашей публики, *взлелынной* на разныхъ фарсахъ и всяческихъ издѣліяхъ новѣйшей драматической кухни. Весьма важное достоинство пьесъ Н. И. Хмельницкаго то, что всѣ онѣ могутъ быть поставлены на сцену. — Несовершенно то драматическое произведеніе, которое хорошо только въ чтеніи: этой мысли держался нашъ даровитый авторъ.

Преимущественно трудился Н. И. Хмельницкій на поприщѣ

драматической литературы: другими родами словесности онъ занимался весьма мало. Во второмъ томъ «Ста литераторовъ» была помѣщена статья его «Мундиръ, поморскій разсказъ.» — въ этой статьѣ повѣсти собственно нѣтъ, но есть много вѣрно схваченныхъ чертъ мѣстнаго быта, и самый анекдотъ весьма занимателенъ.... Въ нѣкоторыхъ альманахахъ и повременныхъ изданіяхъ были помѣщены отрывки изъ «Мячика» Хмьльницкаго. Этотъ «Мячикъ» вещь весьма замысловатая: авторъ беретъ какое-нибудь слово и вертитъ имъ, кидаетъ его словно мячикъ. Приведемъ отрывокъ, который дастъ понятіе о «Мячикъ» Хмьльницкаго.

«Кто намъ съ руки, тотъ иногда жметъ намъ руку. Искусство жать дошло до совершенства, до крайности... Дотронуться-ли до плеча, слегка взять-ли за одинъ палець, за два, за три, или всею ладонью и потомъ какъ пожать руку... слабо, чувствительно или сильно?... О, въ этомъ вся сила; это составляетъ дѣлюю науку.»

«Есть *рука легкая*, дружеская; *тяжелая*, недоброжелательная: и кто не знаетъ, что *сильная рука* — *владыка*.»

«Сначала мнѣ казалось страннымъ, почему у насъ говорится: *дѣло въ шляпъ*, когда всякое дѣло не столько зависитъ отъ шляпы, сколько отъ кармана. Сообразивъ однакожь оба эти дѣла, изъ которыхъ ни одно *въ карманъ не уляжется*, — выходитъ, что принятое выраженіе гораздо лучше и точнѣе. Эта поговорка, уложивъ дѣло въ шляпу и оставивъ васъ простоволосыми, аллегорически намекаетъ вамъ о слѣдствіяхъ процессовъ, послѣ которыхъ дѣйствительно иногда *нечѣмъ прикрыть голову*.

«Конечно, все можно растолковать въ *дурную сторону*; но г. г. критики, нападая на прыжки моего мячика, не хотѣли замѣтить его *нравственной стороны*, нравственныхъ направлений, а именно: шутя остерегать, — шутя говорить правду...»

Не правда-ли, что «мячикъ» Хмьльницкаго, не простая и бесполезная игра словами?..

Въ 1843 году, Н. И. Хмьльницкій ѣздилъ въ чужіе края для

поправленія здоровья; проѣхавъ почти всю Европу, онъ писалъ съ дороги письма къ роднымъ и друзьямъ. Нельзя не пожалеть, что этихъ писемъ очень немного. Въ нихъ ярко высказывается оригинальный взглядъ автора на Европу; а это весьма важное достоинство нынче, когда всякой путешественникъ считаетъ непрѣмьнымъ долгомъ писать свои «*письма*» или «*замѣтки*», которыя все такъ безцвѣтны, такъ похожи другъ на друга, или ни на что не похожи.

Въ бытность свою на службѣ директоромъ канцелярїи С. Петербургскаго военнаго генераль-губернатора, Н. И. Хмѣльницкій составилъ и издалъ руководство къ вѣдѣнію русскихъ законовъ. Это былъ весьма важный трудъ въ то время, когда еще не существовало «Свода законовъ».

Заклучимъ тѣмъ, что Н. И. Хмѣльницкій, не будучи конечно гениемъ, былъ литераторъ весьма замѣчательный; на всемъ, за что онъ только принимался, лежитъ печать явнаго дарованія, а еще болѣе эстетическаго вкуса и многосторонней, современной образованности. Гомеры и Шекспиръ родятся въ kami и нельпо мѣрять всякаго писателя на ихъ мѣрку; дай Богъ намъ побольше такихъ добросовѣстныхъ, скромныхъ и талантливыхъ дѣятелей, каковъ былъ Н. И. Хмѣльницкій: тогда далеко-бы двинулась наша сценическая литература.

С. Дуровъ.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИЗУЧЕНИЯ.

1.

РУБЕНСЪ.

(Статья Арсенія Гуссе).

Рубенсъ такой-же эпическій поэтъ, какъ Гомеръ и Зевксъ, какъ Данте и Микель-Анджело. Что Цицеронъ говорилъ о Гомеръ, а Аристотель о Зевксъ, можно иногда сказать и о царь фламандскихъ живописцевъ. У него также было нѣчто орлиное во взоръ и въ полетъ; онъ предпочиталъ сверхъ-человѣческое правдоподобіе ползущей по землѣ правды; создавалъ изъ людей боговъ, потому-что умѣлъ проводить природу сквозь призму идеальнаго міра.

Однако-же, Рубенсъ, проникнутый натурализмомъ, можетъ быть безсознательно, ибо натура была въ немъ сильнѣе ученія, писалъ свои фигуры ужъ слишкомъ полноувѣсно. Зевксъ, по примѣру Гомера, давалъ женщинамъ нѣсколько богатырскій видъ; но въ то же время онъ былъ полонъ силы и граціи. По-этому, женщины его, при всемъ своемъ богатырствѣ, оставались женщинами, и даже, по свидѣтельству древнихъ писателей, прекраснѣйшими женщинами Греціи. Теоокритъ создалъ по этимъ великимъ образцамъ свою Елену.

Искусство есть отраженіе жизни: подобно ей имѣетъ свои періоды

борьбы и сна, стремленія и унынія. «Если оно не преобразовывается, оно окаменѣло», говоритъ г-жа Сталь. Искусство обновляется новыми завоеваніями или открытіями въ древности; это для него два неистощимые источника. Геній не есть-ли даръ, по большей части, давать жизнь и юность знакомымъ уже идеямъ и формамъ? Кто получилъ отъ Бога силу и вдохновеніе, тотъ обновляетъ искусство. Такъ и Рубенсъ явился въ эпоху паденія живописи. Въ Италіи оставались одни второстепенные художники; Караччи считали себя преемниками Микель-Анжелло, Альбани выдавалъ себя за продолжателя Винчи, Гвидо сравнивалъ свои произведенія съ твореніями безсмертнаго Рафаэля. Наступала однако-же новая славная эпоха, ясный осенній день въ жизни искусства. Рубенсъ, Мурильо, Пуссенъ, Рембрандъ, Клодъ-Лорренъ должны были быть славою XVII вѣка; но Рубенсъ возвышается надъ всеми эпическимъ характеромъ своихъ твореній, могучими размѣрами своего генія.

Откуда-же возникъ этотъ пламенный, фантастическій геній, такъ щедро разливавшій повсюду жизнь? Былъ-ли онъ, какъ утверждали многіе, послѣднимъ преемникомъ фламандской школы или, подобно многимъ другимъ, онъ обязанъ бытіемъ только собственной своей творческой силъ?

Бросимъ бѣглый взглядъ на предыдущее время. Есть одно слово, вполне выражающее Юганна Ванъ-Эйка, слово, начертанное на всѣхъ его картинахъ, даже на тѣхъ, которыя воспеваютъ славу святыхъ и ангеловъ, въ которыхъ простодушною кистью водило религиозное вдохновеніе; это слово: пантеизмъ. Ванъ-Эйкъ страстно, съ теплою вѣрою любилъ природу, и природа, какъ благодарная любовница, отдалась ему во всей своей роскошной красотѣ. Она открыла ему все свои таинства; пѣла ему пѣсни въ говорѣ львовъ, въ эхъ горъ и долинъ, въ шумъ потоковъ и источниковъ; плакала на груди его слезами ранней росы, ликовала передъ нимъ восторгомъ въ лучахъ солнца, являлась ему обаятельнымъ сномъ въ звездахъ ночи; разстиала подъ стопами своего возлюбленнаго цвѣтущую мураву, цѣловала задумчивое чело его устами ароматнаго вѣтра. Для него одного дуна земли разсыпалась золотымъ колосомъ на поляхъ, багряными гроздами на оазисѣ. Она соединилась съ нимъ безконечною любовью, и Богъ благославилъ ихъ союзъ.

Въ первый періодъ готической живописи, уже проявляется кой-гдѣ, хотя еще сквозь туманъ, сознаніе идеально-прекраснаго. Школа Ванъ-Эйка облагоуживаетъ дѣйствительность яркостью колорита, чув-

ствомъ художественности, которое иногда уже само по себѣ идеальнаго прекраснаго; притомъ, мы видимъ въ ея произведеніяхъ неизысканное выраженіе, живописную, иногда высокую простоту, строгость, смягченную спокойствіемъ; это однако-же еще не былъ идеальнаго прекраснаго, постигнутой въ древности Фидіемъ, а въ новыя вѣки Рафаэлемъ. Въ слѣдующемъ вѣкѣ, нидерландскіе живописцы, мучимые жаждою прекраснаго, тщетно ѣздили въ Римъ, во Флоренцію, въ Венецію, искать тайны вѣчныхъ памятниковъ, тайны того луча, который сходитъ съ небесъ, чтобы озарить божественнымъ свѣтомъ безсмертное твореніе художника; они успѣли перенять линіи и цвѣта, но не постигли, что въ душѣ художника заключается источникъ внутренней жизни его произведенія.

Надо сознаться, что послѣ Гемлинга и Луки Лейденскаго наступилъ для фламандской и голландской школы періодъ слабости; стало являться болѣе замѣчательныхъ произведеній, но почти не являлось произведеній безсмертныхъ. Геній этихъ двухъ художниковъ парилъ въ недоступной высотѣ; они не довольствовались живописаніемъ, они мыслили. Гемлингъ былъ поэтъ—историкъ. Какая простота и сколько знанія! какая высокая поэзія въ картинахъ, гдѣ онъ изображаетъ, на далекихъ планахъ, событія предшествовавшія главному дѣйствію, или долженствующія послѣдовать за нимъ. Лука Лейденскій былъ поэтъ—мыслитель. Онъ переводилъ библію съ глубокимъ библейскимъ чувствомъ, и толковалъ ее, какъ философъ. Подобно всѣмъ кельскимъ живописцамъ. Ванъ-Эйку и Метцо, Гемлингъ и Лука Лейденскій писали изъ собственной фантазіи, а не съ чужихъ живописцевъ. Ванъ-Орлей, Кокци, Мабюзъ, Схорель, Гемскерке, Франкъ Флорисъ, Отто Веніусъ великіе артисты, помогающіе постичь итальянскія линіи, а не чувство Рафаэля, не величіе Микель-Анджело, не роскошную поэзію Тиціана. Они довольствовались тѣмъ, что занимствовали у нихъ какое-то сходство, которое поражало только глаза; сердце-же и мысль не признавала въ нихъ братьевъ или преемниковъ этихъ великихъ мастеровъ.

Явился Рубенсъ, и мощною, свободною рукою свергъ ложныя преданія, готовыя погубить нидерландскую живопись. Онъ явился гениальнымъ преемникомъ своихъ предшественниковъ, но увеличилъ оставленное ими наслѣдство смѣлыми, негаданными завоеваніями. Рубенсъ былъ эпическимъ поэтомъ, котораго пламенная, необузданная фантазія увлекаетъ до самыхъ крайностей мысли и колорита. Понялъ-ли онъ, что Фландрія, слишкомъ уже избалованная матерью-

яльными наслажденіями, слишкомъ отвердѣлая въ религіи золота, отзовется уже только на громозвучныя творенія, на кровавыя драмы, на дикій разгуль ярмарки, на вихрь сельскато праздника, на ослѣпительныя аллегоріи, на надменное великолѣпіе вельможъ и обаятельную красоту вельможныхъ женщинъ? Или, создавая свою роскошную поэму плоти, движенія и шума, въ которой природа возносится такъ высоко, что почти затмѣваетъ небо, не слѣдоваль-ли Рубенсъ влеченію своей пантеистической натуры?

Съ Рубенсомъ вступаемъ мы въ періодъ рыцарства; геній, досель жившій въ умиленіи и мракѣ, начинаетъ передъ всѣмъ свѣтомъ являть свое благородство и богатство.

При одномъ имени Рубенса, раскрывается передъ воображеніемъ цѣлая жизнь, ослѣпительная счастіемъ и богатствомъ. Передъ нами создается великолѣпный дворецъ, поддерживаемый колоннами и каріатидами; на фасадѣ все сокровища скульптуры, цвѣты, грозды, гирлянды очаровательныхъ амуровъ. На дворѣ этого роскошнаго дворца, передъ уставленнымъ статуями крыльцомъ, дорогіе кони ржутъ и бьютъ копытомъ съ нетерпѣнія; это экипажи князей и эрцгерцоговъ, экипажъ самаго Рубенса, который выходитъ изъ своей мастерской, чтобы вѣхать ко двору. Впрочемъ, не у него-ли настоящій дворъ? Не въ его-ли мастерской сходятся все вельможи и великіе артисты? Не въ его-ли мастерской разсыпаны щедрою рукою самыя ослѣпительныя сокровища: прекрасныя женщины, служащія образцами для кающихся Магдалинъ, наядъ и аллегорій; шелкъ, бархаты и парчи, волшебныя шпалеры, картины великихъ мастеровъ, богатое оружіе, венеціянскія зеркала, книги съ дивными гравюрами?

Въ древней Греціи двѣнадцать городовъ оспаривали названіе Гомеровой родины; Бельгія и Германія спорятъ, кому изъ нихъ считать Рубенса своимъ сыномъ. Онъ родился въ Кѣльнѣ, но онъ фланецъ и по происхожденію, и по направленію. Онъ былъ сынъ Антверпенскаго ратмана, котораго релігіозныя гоненія принудили оставить родной городъ; притомъ ему не было еще восьми лѣтъ, слѣдовательно онъ не родился еще для искусства, когда герцогъ Пармскій снова подчинилъ Антверпенъ испанскому владычеству, и онъ возвратился съ родителями въ прежнее ихъ жилище. Петръ-Павель Рубенсъ родился въ Кѣльнѣ, 24 іюня 1577 года, въ томъ-же самомъ домѣ, гдѣ, шестьдесятъ пять лѣтъ спустя, по странной игрѣ случая, умерла, всеми оставленная, почти безъ куска хлѣба, Марія Медичи, увѣчьянная его кистью. Отецъ его былъ въ это время профессоромъ

юриспруденци, мать называлась Марія Пипелингсъ; дѣдъ его былъ родомъ изъ Штейермарка. Отецъ прочилъ его также въ ученое званіе, и съ дѣтства внушалъ ему любовь къ латинскому языку. Но едва онъ началъ серьезно учиться, какъ Маргарита де-Лишъ, графиня де-Лаленъ, взяла его къ себѣ въ пажи. Она любила хорошенькихъ мальчиковъ, а Рубенсъ имѣлъ прелестное личико, кроткое, задумчивое, умное; чело его еще не озорялось бурнымъ гениемъ, одушевлявшимъ его впослѣдствіи. Но вольные ужины графини, кажется, не долго нравились Рубенсу; однажды, онъ пришелъ къ матери, и прижавъ покраснѣвшее личико къ ея груди, сказалъ, что не хочетъ болѣе жить въ домѣ, гдѣ живутъ такъ разгульно. «Что-же дѣлать, бѣдняжка? отецъ твой умеръ; куда тебѣ дѣваться, сиротъ?»—Пойду къ Томію Верхегту. — Къ Томію Верхегту? — Да, къ пейзажисту, котораго я видалъ у графини. — Рубенсъ не былъ живописцемъ съ рожденія, какъ многіе другіе, умѣющіе рисовать, прежде, чѣмъ выучатся держать перо; принимаясь за кисть, онъ думалъ, что ему назначено быть пейзажистомъ. Сильныя природы почти всегда пускаются въ путь, не зная, куда именно должны направить стопы.

Томій Верхегтъ былъ оригинальный живописецъ; изображалъ природу съ нѣкоторымъ величіемъ, не оставляя однако-же наивнаго чувства брабантскихъ пейзажистовъ; Рубенсъ не раскаялся въ томъ, что началъ свое ученіе у него. Этотъ превосходный художникъ открылъ ему тайну воздушныхъ тоновъ, но онъ скоро замѣтилъ, что съ его палитры должны сыпаться не только облака и рѣки, луга и горы, цветы и лѣса, но также люди, мысли и чувства. Онъ вступилъ въ мастерскую Адама Ванъ-Орта, фантастическаго генія, котораго смѣлость тотчасъ обворожила юнаго художника.

Адамъ Ванъ-Ортъ (1557—1641) родился въ Антверпенѣ и учился у своего отца, архитектора и живописца; онъ почерпалъ свою фантазію въ народныхъ преданіяхъ, хотѣлъ быть живописцемъ по преимуществу отечественнымъ, подобно Аврааму Янсенсу. Антверпенъ погрязъ въ развратъ съ тѣхъ поръ, какъ война осквернила его церкви, вельможи забыли скромныя семейныя добродѣтели, а жены ихъ учили своихъ пажей волокитству. Адамъ Ванъ-Ортъ, сликомъ рано увлекшись гениемъ, скоро посвятилъ его только изображенію закоптыхъ кабаковъ, винныхъ паровъ и развратныхъ женщинъ. Талантъ его оттого, можетъ быть, не пострадалъ въ отношеніи энергіи и колорита; но среди его плотской роскоши и виннаго разгула никогда не видать ни одного возвышеннаго чувства.

Рубенса привлекло въ мастерскую Ванъ-Орта, отчасти тайное стремленіе къ той-же роскоши плоти и вишнему разгулу; но болѣе то, что всѣ возникавшіе таланты образовались у него: Юрденсъ, Себастьянъ Франкъ, Ванъ-Баленъ.

Въ то время, какъ раскрылся геній Рубенса, въ Нидерландахъ было, кромѣ Франковъ, Брейгелей и Адама Ванъ-Орта, еще нѣсколько великихъ художниковъ; на-примѣръ: Гаспаръ Крейеръ, Генрихъ Ванъ-Баленъ, Якобъ Торденсъ, Отто Веніусъ.

Гаспаръ Крейеръ, родился въ Антверпенъ въ 1582 году, и умеръ въ Гентъ, въ 1669, на восемьдесятъ-седьмомъ году отъ рожденія. Онъ учился у Рафаэля Кокси, о которомъ скажемъ только, что онъ не достоинъ былъ носить два такіа знаменитыя имени; первыми опытами его были портреты нѣкоторыхъ вельможъ, которые прославили его при дворѣ. Рубенсъ нарочно ѣздилъ въ Брюссель, чтобы показать свое уваженіе къ Крейеру. Онъ засталъ его за большою картиною религіознаго содержанія. «Крейеръ, Крейеръ, воскликнулъ онъ въ энтузіазмъ, никто не превзойдетъ тебя.» Кардиналъ Фердинандъ и братъ его, король испанскій, хотѣли удержать Крейера въ Брюссель, давъ ему должность при дворѣ; но великій художникъ не походилъ на своихъ знаменитыхъ современниковъ; онъ хотѣлъ жить только въ себѣ, и ставилъ себя выше мірскихъ суетъ; тоже сдѣлалъ, спустя полвѣка, Филиппъ Шампанскій. Съ палитрою или книгою въ рукахъ, онъ презиралъ толки честолюбцевъ; за то дожилъ до маститой старости. Узнавъ, что дворъ хотѣлъ удержать его почестями, онъ скрылся отъ двора, бѣжалъ въ Гентъ, откуда уже никто не могъ его выманить; тутъ онъ жилъ въ уединеніи съ своей сестрою, въ непрерывномъ трудѣ (*).

Большая часть картинъ Крейера религіознаго содержанія; однако-

[*] Ванъ-Дейкъ, въ первую свою поѣздку изъ Англіи во Фландрію, заѣхалъ въ Гентъ, чтобы навѣстить своего пріятели Крейера и посмотреть на успѣхи его таланта и состоянія. На другой-же день, по пріѣздѣ въ Гентъ, онъ отправился къ Крейеру, и чтобы захватить его, пошелъ такъ рано, что засталъ его въ постели. Слуга не хотѣлъ его разбудить; Ванъ-Дейкъ однако-же настоялъ на томъ, чтобы онъ разбудилъ своего господина и доложилъ, что Ванъ-Дейкъ ждетъ его за дверью. Имя Ванъ-Дейка такъ поразило Крейера, что онъ вскочилъ съ постели, надѣлъ халатъ въ одинъ рукавъ и выбѣжалъ къ гостю, который расхохотался надъ его нарядомъ. «Я напишу васъ въ этомъ артистическомъ беспорядкѣ» сказалъ онъ, и сдержалъ слово; это одинъ изъ прекраснѣйшихъ портретовъ, написанныхъ Ванъ-Дейкомъ.

же онъ не презиралъ иногда и предметовъ не духовныхъ. Хотя онъ не бывалъ ни въ Греціи, ни въ Италиі, и почти вовсе не изучалъ остатковъ древности, въ его не духовныхъ картинахъ есть однако-же что-то родное Эвфанору и Зевксу. *Плоска нимфъ* — лучшее его произведеніе въ этомъ родѣ, живое воспоминаніе изъ языческаго міра. Въ искусствѣ прекрасно то, что оно создаетъ самыя противоположныя творенія, и ни тѣ, ни другія не чудовищны. Языческая мечта, пробужденная чтеніемъ Гомера, можетъ иной разъ, весеннимъ вѣтеркомъ пропорхнуть въ строгомъ умѣ духовнаго живописца, и разлить свое обаяніе въ холодномъ хранилищѣ, гдѣ покоятся суровыя порожденія его таланта; демонъ страсти не разъ проникалъ нечаянно въ сердца наиболее проникнутыя религиознымъ восторгомъ. Кисть Крейера, какъ она ни была освящена ангельскими образами христіанства, не разъ предавалась тому любовному пламени, которое влекло ее къ красотѣ очертаній, къ пантеистическому обаянію. Во всѣхъ картинахъ Крейера, изображающихъ нимфъ, подъ языческимъ стилемъ проглядываетъ фламандскій характеръ; головы причесаны всегда съ истинно античнымъ вкусомъ, пейзажи изящны (однѣ крупныя линіи безъ подробностей); положеніе головъ полно истины, непринужденности и нѣги.

Ванъ-Баленъ, какъ мы уже сказали, былъ ученикъ Адама Ванъ-Орта, вмѣстѣ съ Яковомъ Йорденсомъ; онъ имѣлъ честь быть первымъ учителемъ Ванъ-Дейка. Онъ родился въ Антверпенѣ, (родинѣ почти всѣхъ великихъ живописцевъ XVI и XVII вѣковъ), около 1560 года, и умеръ тамъ-же въ 1683 году, въ очень молодыхъ лѣтахъ ѣздилъ въ Италію, гдѣ изучалъ тѣло съ антиковъ, и выраженіе съ Рафаэля. Грація, легкость и свѣжесть его кисти доставили ему много денегъ и почитателей; онъ возвратился въ Антверпенъ богатымъ человекомъ, превосходнымъ рисовальщикомъ, и искуснымъ колористомъ; итальянскій стиль его въ особенности обнаружился въ *Пиръ боговъ* и *Парисовомъ судѣ*, гдѣ прелесть выраженія соединяется съ прелестью очертаній; ибо почти всѣ фигуры этихъ двухъ картинъ обнажены. Въ числѣ лучшихъ его картинъ духовнаго содержанія должно упомянуть о *Іоанилѣ Предтечѣ въ пустыни*, о *Благовѣщеніи*, о *Поклоненіи волхвовъ* и о *Спасителѣ среди толковниковъ закона*. Узнавъ въ Брейгель-Бархатномъ кисть родственную своей, онъ часто поручалъ ему писать свои фоны и пейзажи; самъ же за то вставлялъ въ цвѣточныя гирлянды своего друга прелестныхъ, улыбающихся мадоннъ.

Хотя Снейдерсъ учился, какъ и Ванъ-Дейкъ, у Ванъ-Балена. однако-же можно сказать, что онъ обязанъ своимъ образованіемъ себѣ самому; ибо Ванъ-Баленъ училъ его живописи исторической, какъ вдругъ ему вздумалось, что онъ рожденъ писать не людей, а скотовъ. Первымъ опытомъ его была оленья охота, которая была началомъ его славы и счастья; пикто до него не представлялъ съ такимъ блескомъ, съ такимъ одушевленіемъ вихря сворь и лошадей. Испанскій король Филиппъ III, увидѣвъ эту картину, пожелалъ имѣть двадцать охотъ кисти Снейдерса; эрцгерцогъ Альбрехтъ наименовалъ его своимъ первымъ живописцемъ, а Рубенсъ, царь живописи, просилъ его писать звѣрей и плоды на его картинахъ, обѣщая отплатить ему, какъ слѣдуетъ между братьями художниками. Дѣйствительно, Рубенсъ писалъ почти всѣ фигуры въ картинахъ Снейдерса. Эти произведенія, писанныя двумя кистями, можно, по ихъ удивительному единству, принять за работу одного художника; потому-что у Рубенса и у Снейдерса была одна и таже кисть, свободная, гордая, разнообразная, и тотъ-же колоритъ, смѣлый, теплый, золотистый. Снейдерсъ, вѣроятно, коротко былъ знакомъ съ правами звѣрей; онъ изображалъ ихъ страсти, ихъ радости и скорби. И съ какою поразительною истиною! Его бои собакъ съ кабанами, львовъ съ тиграми проникнуты дикою энергіею, отъ которой кипитъ кровь въ жилахъ. Отъ львовъ его пахнетъ зеленью, такъ и видѣнъ пейзажистъ, страстно любящій природу. Онъ оставилъ также нѣсколько фигуръ, между прочимъ свой портретъ, доказывающій, что онъ могъ-бы писать картины и одинъ, безъ помощи Рубенса, Йорденса и другихъ своихъ сотрудниковъ. Лучшія его картины, однако-же, тѣ, въ которыхъ фигуры писаны Рубенсомъ; такъ, на-примѣръ, картина, находящаяся въ Брюгге, въ старомъ архіерейскомъ домѣ, изображающая беременную женщину, которая хватаетъ плоды съ большею жадностію, чѣмъ первая ея прародительница Эва. Тутъ не знаешь, чему болѣе дивиться: плоды восхитительны; роса канула на нихъ самыми свѣжими, самыми чистыми своими жемчужинами, солнце позолотило и обагрило ихъ самыми нѣжными своими лучами; женщина-же, держащая ихъ, такъ жива, что кажется видишь, какъ молоко течетъ въ ея грудяхъ

Снейдерсъ невызжалъ изъ Антверпена, онъ тутъ родился въ 1579, тутъ и умеръ въ 1657 году. На гравированныхъ его портретахъ, изображается по одну его сторону собака, устремившая на него

взоры, а по другую кабанья голова. У него прекрасный лобъ и неизуродованная подстрижкою борода.

Яковъ Юрденсъ, родившійся въ Антверпенъ 19 мая 1594 года, принадлежитъ къ числу живописцевъ, наиболее щедро надѣленныхъ природою. Онъ дожилъ до восьмидесяти четырехъ лѣтъ, и двадцать тысячъ фигуръ, вышедшія изъ подъ его кисти, еще не истощили его фантази. Никто не превосходилъ его, какъ колористъ, самъ Рубенсъ не достигалъ блеску, свѣжести и силы его красокъ. Яковъ Юрденсъ не оставилъ Ванъ-Орта, подобно Рубенсу, чтобы перейти къ Отто Веніусу, во-первыхъ потому, что слѣпая смѣлость, необузданный разумъ учителя увлекалъ собственную его пламенную фантазію, а во-вторыхъ потому, что учитель позволялъ своей дочери, прекрасной Катеринѣ Ванъ-Ортъ ходить въ мастерскую ученика. Юрденсъ, изъ любви къ Катеринѣ, остался вѣрнъ старому художнику, даже когда всѣ остальные ученики бросили его, съ негодованіемъ; до того старикъ Ванъ-Ортъ погрязъ въ любви къ вину и развратнымъ женщинамъ. Юрденсъ женился на Катеринѣ, и жалелъ только объ одномъ, что долженъ былъ уже отказаться отъ повѣзки въ Италію; впрочемъ, онъ около того же времени говорилъ пріятелямъ, что будетъ въ Итали, и на вопросъ, куда или откуда идетъ, всегда отвѣчалъ: «Въ Италію или изъ Итали.» Онъ каждый день ходилъ къ одному любителю, имѣвшему богатую галерею, наполненную произведениями венеціанской школы. Скоро стала замѣтна его индивидуальность; заимствуя у Тиціана и Рубенса искусство колорита, и у Ванъ-Орта необузданность кисти и выраженія, онъ сохранилъ въ тоже время яркую оригинальность своею веселостію и причудливостію, плохо сдерживаемою рѣзкостію кисти, всегда игривой, обильной и непринужденной. Всѣ галереи полны его картинъ. Онъ достигалъ иногда блеску, но не благородства Рубенса; блескъ его, притомъ, не всегда вѣрнъ, его пламенная кисть скорѣе изображаетъ зарево пожара, чѣмъ свѣтъ солнечный. Онъ равно усвоилъ себѣ и библію и міеологію; онъ съ равною скоростью писалъ мадонну или нимфу. Главнымъ недостаткомъ его было отсутствіе серьезной, глубокой вѣры въ себя и свое твореніе. И немудрено: онъ былъ кальвинистъ и воспитывался въ школѣ Ванъ-Орта, для котораго едва-ли существовало что нибудь на свѣтѣ, кромѣ разгула; сердце Юрденса не волновалось чувствомъ, родившимся предъ алтаремъ, мыслью, внушенною небомъ. Можетъ быть, онъ и хотѣлъ иногда выразить глубокую мысль, но ни въ одной его картинѣ нѣтъ

глубокой мысли Онъ писалъ аллегоріи для принцессы Нассауской, какъ Рубенсъ для Маріи Медичи. Если аллегоріи его не удачѣе Рубенсовыхъ, то группы его также искусны; на-примѣръ, картина, въ которой онъ изобразилъ принца Нассаускаго на колесницѣ, запряженной четырьмя лошадьми и окруженною четырьмя аллегорическими фигурами.

Йорденсъ жилъ пышно, вельможею, не затѣмъ, чтобы состязаться въ гени и пышности съ Рубенсомъ, подобно Иенсену и Ромбутсу, а потому—что былъ охотникъ до лошадей, великолѣпныхъ дворцовъ и парчей; ему не платили за картины того, что платили Рубенсу, но онъ получалъ почти тоже, потому—что писалъ еще скорѣе: въ два, три часа у него была готова фигура. Послѣ жизни, столь-же бурной, какъ его талантъ, онъ умеръ въ одинъ день съ дочерью, Елисаветою Йорденсъ, 14 апрѣля 1659 года, и былъ погребенъ въ одной съ нею могилѣ, подлѣ любезной своей Катерины Ванъ-Ортъ.

Между тѣмъ, какъ Рубенсъ учился въ мастерской Адама Ванъ-Орта, приѣхалъ въ Антверпенъ Отто Вениусъ, фламандскій Рафаэль, послѣ Кокси и Франка Флориса. Вениусъ былъ ученый живописецъ, мыслящій, пламенный художникъ; Рубенсъ перешелъ къ нему.

Въ картинахъ Отто Вениуса надо дивиться искусству, но въ нихъ нѣтъ инстинктивнаго выраженія природы. Оставивъ сферу простаго и истиннаго, онъ не достигаетъ до идеальнаго; у него болѣе полноты, болѣе блеску, болѣе разнообразія, чѣмъ у первобытныхъ живописцевъ; это предшественникъ Рубенса, но изучивъ его вполнѣ, вы все еще чего-то ищете. Гдѣ ты, святая фламандская простота? уже не видать тебя въ великихъ произведеніяхъ.

Отто Вениусъ, родившійся въ Лейденъ въ 1556 году, и умершій въ Брюссель 1634 года, извѣстенъ не тѣмъ однимъ, что былъ учителемъ Рубенса. Онъ изучалъ сначала латинскій языкъ и живопись въ Лейденъ; пятнадцати лѣтъ перешелъ въ Люттихъ, гдѣ нанелъ друга и покровителя въ кардиналъ Гресбекъ; потомъ повхалъ въ Римъ и пристрастился къ школь паденія. Пробывъ въ Италіи семь лѣтъ, посвященные учению, онъ отправился въ Германію, переезжалъ отъ одного двора къ другому, вездѣ пользуясь уваженіемъ и встрѣчая лестный пріемъ, наконецъ, захотѣлось ему увидѣть родину. Герцогъ Пармскій, управлявшій въ то время Нидерландами за короля испанскаго, немедленно постигъ талантъ живописца и умъ ученаго, и назначилъ его придворнымъ живописцемъ. Тогда-то Рубенсъ обратился къ нему и просилъ позволенія работать подлѣ его руководствомъ.

По смерти герцога Пармскаго, Отто Вениусъ порешель въ службу эрцгерцога Альбрехта, для встрѣчи котораго въ Антверпенъ онъ изготовилъ триумфальную арку, покрытую замысловатыми аллегоріями. Эрцгерцогъ призвалъ его въ Брюссель, и далъ ему должность правителя монетнаго двора. Въ Брюссель, какъ и прежде въ Антверпенъ и вездѣ, онъ былъ неутомимъ въ трудъ, работая то кистью, то перомъ. И ученые, и художники, и государи искали его дружбы, и даже покровительства, ибо это былъ чловѣкъ, къ которому всегда можно было съ пользою обратиться за совѣтомъ. Король Людовикъ XIII хотѣлъ переманить его во Францію, предлагалъ ему дворецъ на жительство, величалъ его царемъ искусствъ. Но Отто Вениусъ былъ привязанъ къ родной землѣ и хотѣлъ умереть во Фландріи. У него были двѣ дочери, Гертруда и Корнелія, которыхъ имена красуются въ лѣтописяхъ живописи. Гертруда написала прекрасный портретъ Отто Вениуса, въ завороченномъ токъ, какой носилъ старикъ Губертъ Ванъ-Эйкъ. Лобъ и взглядъ возвыщаютъ ученаго, мыслителя и художника. На шеѣ двойная фрезка, которая скрываетъ до половины его съдую бороду. Отто Вениусъ привелъ въ систему искусство *svet - тьни*. Усвоивъ себѣ ученую произвольность Венеціанской и Болонской школы, онъ утратилъ наивную, здравую, терпеливую кисть Брюгской школы.

Въ мастерской Отто Вениуса, у Рубенса былъ сначала довольно опасный соперникъ, Николай Лимакеръ, по прозванію Роза, чловѣкъ съ большимъ талантомъ на крупныя произведенія. Рубенсъ безъ всякой зависти дивился его дару группировать лица, его чистому рисунку и смѣлости колорита. Впоследствии, когда Рубенсъ уже былъ признанъ первымъ живописцемъ своего вѣка, онъ сохранилъ прежнее уваженіе къ Розѣ. Бывъ призванъ въ Гентъ, гдѣ поселился Роза, писать для алтаря *Паденіе возставшихъ ангеловъ*, онъ сказалъ членамъ братства: «господа, когда дома есть такая чудесная роза, можно-бы обойтись безъ чужихъ цвѣтовъ.» Роза доказалъ, что онъ былъ достоинъ этихъ словъ; его *Паденіе возставшихъ ангеловъ* не обезчестило-бы имени Рубенса.

Роза написалъ болѣе ста большихъ картинъ для брабантскихъ церквей; никакое число фигуръ не пугало его; маленькихъ картинъ онъ не любилъ писать, говоря, что ему нуженъ просторъ для того, чтобы размѣстить все пламя своей фантазіи. Размеры его иногда слишкомъ колоссальны; онъ спасался всегда совершенствомъ рисунка. Онъ употреблялъ столько огня на сочиненіе картины, что

его нех атало обыкновенно на ея окончаніе, колорить его нѣсколь-ко холоденъ, несмотря на чрезмѣрное употребленіе красныхъ тоновъ и черныхъ тѣней.

Роза родился въ Гентъ, 1575 году, и умеръ тамъ-же, въ 1645; онъ почти не выезжалъ изъ своего роднаго города.

Отдавая справедливость учености и стилю Отто Вениуса, Рубенсъ, уже проникнутый фламандскимъ натурализмомъ, не принесъ въ жертву новому учителю полныхъ жизни, оригинальныхъ произведеній Адама Ванъ-Орта. Отто-Вениусъ, даже въ самыхъ смѣлыхъ своихъ момен-тахъ, казался ему робкимъ, въ величайшей своей полнотѣ,—казался сухимъ, въ самомъ яркомъ свѣтѣ—блѣднымъ. Сверхъ того, Отто-Вениусъ имѣлъ недостатокъ всѣхъ ученыхъ, въ искусствахъ, какъ и въ наукахъ: онъ много писалъ съ того или другаго венеціанскаго или болонскаго живописца, какъ ученый, который на каждой страницѣ приводитъ источники. Рубенсъ чувствовалъ въ себѣ самомъ слишкомъ богатый и живой источникъ, чтобы боязливо заимство-ваться у чужихъ.

Рубенсъ оставилъ послѣдняго своего учителя, когда ему не было еще двадцати трехъ лѣтъ, потому-ли, что боялся слишкомъ подчи-ниться вліянію Отто-Вениуса, или самъ Вениусъ совѣтовалъ ему отпра-виться путешествовать. Впрочемъ, у него былъ еще учитель, великій учитель: шестнадцатый вѣкъ, вѣкъ гнѣва и энтузіазма, между-усобныхъ войнъ и религіозныхъ гоненій. За великими событіями явля-ются великіе художники. Богъ распредѣляетъ картину, живописцу-же остается только перевести ее на полотно. Одни берутъ себѣ въ учителя природу, погружаются въ созерцаніе ея краснорѣчиваго молчанія и ея восторговъ, поэзіи ея преображенія и горизонтовъ: сюда принадле-жатъ Клодъ Лорренъ и Руиздаль. Другіе, на-примѣръ, Ванъ-Остадъ и Метцю вдохновляются домашнею жизнью, живутъ въ кругу семейства и въ семейныхъ наслажденіяхъ. Третьи, на-примѣръ, Рафаэль и Ле-сюёръ ищутъ вдохновенія въ религіозномъ чувствѣ, цвѣтущемъ въ ихъ душѣ, какъ сельный кринъ на берегу священнаго потока; или по-добно Микель-Анджелу и Рубенсу — въ исторіи, въ которой послася ихъ юная фантазія.

Разставшись съ Отто-Вениусомъ, предъ отъездомъ въ Италію, Рубенсъ сначала порыскалъ нѣсколько по свѣту, въ это время онъ написалъ портреты большей части своихъ пріятелей, фламандскихъ и испанскихъ дворянъ. Альбрехтъ и Изабелла милостиво приняли эго къ своему двору. Если вѣрить Сандрарту, Рубенсъ поѣхалъ

въ Италию съ порученіемъ отъ эрцгерцога Австрійскаго къ герцогу Мантуанскому, Винченць Гонзагъ; не подлежитъ сомнѣнію только то, что онъ лѣтъ восемь жилъ при дворѣ Мантуанскаго герцога, но рожденный болѣе артистомъ, чѣмъ царедворцемъ, вездѣ и всегда занимался то изученіемъ древнихъ поэтовъ, то окружавшей его природой, то произведениями великихъ живописцевъ; притомъ, онъ расписывалъ галерею для герцога. Однажды, изображая бой Турна съ Энеемъ, онъ поддерживалъ въ себѣ вдохновеніе, читая вслухъ Виргиліевы стихи: «*Ille etiam patriis agmen ciet...*» Герцогъ, подслушавшій его, въ шутку заговорилъ съ нимъ по латыни, думая, что онъ не понимаетъ этого языка, но каково было его изумленіе, когда живописецъ сталъ отвѣчать ему языкомъ, достойнымъ Цицеронова вѣка! Тутъ онъ понялъ, что имѣлъ при себѣ челоуѣка, который могъ служить ему не только талантомъ, но и умомъ. Онъ вскорѣ послалъ его съ порученіемъ къ Филипу III, королю Испанскому. Впрочемъ настоящимъ его дѣломъ при испанскомъ дворѣ было: писать портреты съ короля и всѣхъ придворныхъ, что доставило болѣе выгоды ему, чѣмъ посланіемъ его; ибо онъ набралъ до ста тысячъ шастровъ, да сверхъ того, стяжалъ себѣ въ Мадридѣ такую славу, что герцогъ Браганцкій, сдѣлавшійся впоследствии королемъ Португальскимъ, и въ это уже время заслужившій прозваніе покровителя наукъ и искусствъ, писалъ къ одному вельможѣ при Мадридскомъ дворѣ, умоляя его привезти посланника Мантуанскаго къ нему въ Вильявисіозу. Рубенсъ, рожденный для царской роскоши и великолѣпія, отправился въ Вильявисіозу съ такимъ пышнымъ поѣздомъ, что всполошилъ окружающую страну. Самъ герцогъ испугался расходовъ, которые долженъ былъ причинить такой пышный гость, и послалъ ему на встрѣчу гонца, просить его отложить свое посѣщеніе до другаго времени, и предложить ему пятьдесятъ пистолей въ вознагражденіе путевыхъ издержекъ и потеряннаго времени. Рубенсъ отвѣчалъ, что вознагражденія не возьметъ, но что хочетъ непременно навѣстить герцога Браганцкаго. «Я прѣхалъ не затѣмъ, чтобы писать, сказалъ онъ, а чтобы повеселиться недѣлку въ Вильявисіозѣ. На что мнѣ пятьдесятъ пистолей? при мнѣ тысячи пистолей, которыя я намрѣнъ издержать во время своего пребыванія у васъ.»

Когда Рубенсъ возвратился въ Мантую, герцогъ, желая имѣть цѣлую галерею его работы, послалъ его въ Римъ, снятъ копіи съ произведеній великихъ мастеровъ. Доселъ Рубенсъ, однако-же, хотя и отправился изъ Фландріи затѣмъ, чтобы уиѣться свѣтомъ передъ

твореніями венеціанской школы, не успѣвъ еще изучить великихъ образцовъ итальянскаго колорита. Изъ Рима онъ отправился въ Венецію; тутъ, предъ картинами Тиціана, Тинторетта и Веронеза, онъ почувствовалъ сильнѣе прежняго, что рожденъ для живописи, и поклялся не тратить болѣе своего генія на суетныя удовольствія придворной жизни. Мало-по-малу онъ отклонился отъ своего вѣчноноснаго покровителя, чтобы на свободѣ изучать старыя итальянскія школы. Онъ сталъ жить болѣе въ уединеніи, въ созерцаніи собственной мысли, и простымъ странникомъ посѣщать Римъ, Венецію, Геную, Флоренцію. Искусство стало его божествомъ; прежде онъ любилъ его по прихоти, теперь полюбилъ его болѣе глубокою любовью. Всего-же болѣе содѣйствовала возмужанію его ума и таланта, и дала болѣе глубокое направленіе его генію—смерть матери; при первой вѣсти о ея болѣзни, онъ поскакалъ къ ней, но засталъ ее уже въ могилѣ. Это происшествіе сильно потрясло его; онъ удалился въ аббатство св. Михаила Антверпенскаго, почти въ твердомъ намѣреніи не выходить уже изъ него.

Но любовь утѣшить всякую скорбь. Въ томъ же году, когда онъ столько разъ приходилъ плакать на могилѣ матери, онъ влюбился въ прекрасную Изабеллу Брандтъ, съ которой оставилъ намъ столько портретовъ. Не смотря однакоже на любовь, онъ хотѣлъ сначала побывать еще разъ въ Мантуѣ; напрасно эрцгерцогъ Альбрехтъ говорилъ ему, что не потерпитъ, чтобы Мантуя похитила у испанской Фландріи такое драгоценное украшеніе; одинъ только нѣжный взглядъ Изабеллы и ея вопросъ «поедешь?» могли удержать его; онъ не побхалъ. Женвшись на Изабеллѣ, онъ осуществилъ одинъ изъ своихъ юпошескихъ сновъ. Жена его была прекрасна, и онъ сдѣлалъ ее царицею, далъ ей не домъ, а дворецъ, далъ прислугу и лошадей, далъ самыя великолѣпныя наряды и уборы. Если покои Изабеллы походили на волнебные чертоги, то мастерская Рубенса была истинно дѣломъ художника: это была круглая зала, освѣщенная сверху, украшенная искусно—изваянными порфиловыми и агатовыми вазами, античными и новыми бюстами лучшихъ рѣзцевъ. Вся школы живописи имѣли тутъ представителемъ какое нибудь образцовое произведеніе. Это рѣдкое собраніе, которому завидовали всѣ государи, Рубенсъ уступилъ впоследствии, хотя и не безъ долгаго колебанія, герцогу Букингеми, который, заплативъ за него шестьдесятъ тысячъ гульденовъ, зналъ, что получилъ его почти даромъ; но онъ далъ въ придачу свою дружбу, а дружба его была неистоцимымъ

сокровищемъ. Не смотря на свою великолѣпную жизнь, Рубенсъ былъ счастливъ; роскошь не отнимала у него свободы; работалъ онъ съ вѣрою въ искусство, а въ часы досуга, подобно пчелѣ, собиралъ добычу со всехъ цвѣтовъ науки. Словомъ, онъ былъ полный хозяинъ своего времени. Золото сыпалось съ его палитры будто волшебствомъ; четыре государства спорили за каждый его эскизъ. Онъ такъ хорошо понималъ, что время такое богатство, которое надо ловить па лету, что не хотѣлъ терять ни одного часу; потому онъ спалъ мало, часто ходилъ или ѣздилъ верхомъ къ знакомымъ или по лѣсамъ, держалъ чтеца, который, какъ скоро онъ брался за кисть, являлся съ двумя или тремя книгами, то духовнаго, то мірскаго содержанія. Впрочемъ, онъ не нуждался въ знаніи; ибо самъ хорошо изучалъ поэтовъ, говорилъ на семи языкахъ, читалъ все богословскія и историческія сочиненія.

Однако-же, мало-по-малу, на него стала находить лѣнь; а какъ жажда золота и роскоши въ немъ не уменьшалась, то онъ выбралъ семь или восемь учениковъ, и посадилъ ихъ за работу, не для нихъ, а для себя самаго. Онъ сталъ, такъ сказать, искуснымъ капельмейстеромъ; въ мастерской его было сдѣлано для него возвышеніе, на которое онъ всходилъ, съ книгами, начертывалъ нѣсколко чертъ, и потомъ отдавалъ вслухъ приказанія. Такъ какъ онъ избралъ самыя разнообразныя таланты, то его семь или восемь учениковъ могли трудиться надъ одною и тою же картиною: одинъ писалъ тѣло, другой драпировку, третій пейзажъ, четвертый звѣрей; потомъ принимался онъ самъ за картину и доканчивалъ ее; въ два три маха кисти онъ уже умѣлъ придать ей жизнь и наложить на нее печать своей самобытности. Онъ могъ по совѣсти называть эти картины своими, ибо онъ давалъ первую мысль и онъ же довершалъ исполненіе.

Между тѣмъ, нѣкоторые изъ учениковъ разсудили однажды, что вся слава и все деньги за ихъ трудъ достаются Рубенсу, они возстали противъ этого неравнаго дѣлежа; стали распускать слухи, будто безъ помощи учениковъ Рубенсъ былъ бы плохимъ пейзажистомъ, и еще хуже писалъ бы сельскія сцены и звѣрей. Рубенсъ, какъ все великіе художники, отвѣчалъ на эту критику новыми дивными произведеніями. Въ нѣсколько недѣль онъ написалъ превосходную ярмарку и нѣсколько пейзажей и звѣрей, поразительныхъ истинною и колоритомъ. Самые жаркіе противники его славы еще не отсутствовали: Авраамъ Янсенсъ, между прочими, дерзнулъ даже предло-

жить Рубенсу состязаніе въ живописи. Рубенсъ отвѣчалъ, что приметь предложеніе, когда Янсенсъ доростеть до того, чтобы состязаться съ нимъ.

Авраамъ Янсенсъ (1569 — 1631) былъ впрочемъ не новичекъ въ живописи. Его огонь въ сочиненіи, его чистый рисунокъ, свобода и роскошь драпировки, знаніе свѣта и тѣни, прекрасный колоритъ, ставили его почти рядомъ съ Рубенсомъ. Предложенное состязаніе дѣйствительно состоялось, безъ вѣдома художниковъ. Рубенсъ написалъ свое безсмертное *Силтіе съ креста*, и Янсенсъ свое дивное *Воскресеніе Лазаря*. Разумѣется, что первый восторжествовалъ. Этимъ кончилось состязаніе; Рубенсъ продолжалъ жить въ богатствѣ и роскоши, и заниматься среди чудесъ искусства и поэзіи; Янсенсъ, терзаемый гордостью и самолюбіемъ, безпрестанно подстрекаемый врагами Рубенса, обнищавъ отъ мотовства жены, умеръ въ кабакъ. Сколько пловцовъ, отправившись на прочномъ суднѣ, при попутномъ вѣтрѣ, разбиваются о подводные камни у самаго входа въ гавань; сколько разъ геній погибалъ въ фламандскомъ кабакъ, въ то самое время, какъ онъ съ гордостью кричалъ: берегъ!

Ученикъ Янсенса, Теодоръ Ромбутсъ, по примѣру своего друга и учителя, хотѣлъ также состязаться съ Рубенсомъ. Онъ былъ въ Италіи и жилъ некоторое время при дворѣ Тосканскаго великаго герцога. Считая себя человекомъ придворнымъ, онъ возвратился въ Антверпенъ и рѣшился вступить въ борьбу съ Рубенсомъ, и какъ художникъ, и какъ вельможа. Онъ выставилъ прекрасную по сочиненію и по выполненію картину: *Авраама, собирающагося къ заколю сына*. Всѣ дивились чистотѣ рисунка, величію выраженія, бойкости кисти, яркости красокъ. Увлекаясь этимъ первымъ успѣхомъ, онъ вздумалъ, что Рубенсъ называется первымъ живописцемъ своего вѣка только потому, что жилъ въ царскихъ чертогахъ, и рѣшился превзойти его въ роскоши; неподалеку отъ дворца Рубенсова онъ положилъ основаніе другаго, еще болѣе великолѣпнаго дворца; но этотъ дворецъ еще не былъ достроенъ до половины, и у Ромбутса уже не на что было его продолжать; онъ убилъ все свое состояніе на этотъ безразсудный замыселъ. Наступила война, не стало работы, а слѣдовательно прекратились и доходы. Теодоръ Ромбутсъ не пережилъ этого пораженія; онъ умеръ съ печали на сороковомъ году (1597 — 1637). Онъ оставилъ нѣсколько превосходныхъ церковныхъ картинъ, и множество бамбочады, пьяницъ,

шарлатановъ, торговокъ, которыя все почти въ пастоящій ростъ и схвачены съ удивительною вѣрностью и одушевленіемъ.

Въ это время Францію управляла Марія Медичи: она знала по семейнымъ преданіямъ, что искусства еще болѣе великихъ дѣлъ увѣковѣчиваютъ имя государя. Развѣ скульптура, поэзія и живопись не болѣе прославили многія историческія имена, чѣмъ сама исторія? И такъ, Марія Медичи задумала также увѣковѣчить свою славу на долотнѣ, въ Люксембургскомъ дворцѣ, и единственнымъ артистомъ, постояннымъ такого порученія, въ 1620 году, показался ей Рубенсъ; она избрала его, и поручила ему написать ея великій эпосъ, въ двадцати-четырехъ пѣсняхъ, подобно эпосу Гомерову. Сказать правду, Рубенсъ въ исполненіи этого порученія явился не столько великимъ артистомъ, сколько пронцательнымъ царедворцемъ; можно многое сказать противъ художественности и вкуса аллегорій этого историческаго романа, или романической исторіи, въ которой священное сталкивается съ мірскимъ, въ тѣсныхъ рамахъ, получающихъ нѣкоторое величіе только отъ волшебства кисти. Надо сказать также, что предметъ не представлялъ ничего, способнаго вдохновить поэта. Во всей жизни Маріи Медичи одна только поэтическая страница, а этой страницы Рубенсъ не видалъ: это, когда королева, жертва неблагодарности Ришильё, умирала въ нищитѣ въ Кельнѣ, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ родился Рубенсъ. Воспомнила-ли она на смертномъ одрѣ живую поэму живописца, окружившаго ея колыбель духами, пророчившими ей славную, неуываемую будущность? (*)

Винкельманъ слишкомъ хвалитъ Рубенсовы аллегоріи. «Рубенсъ.»

(*) Вотъ содержаніе этихъ двадцати-четырехъ аллегорій: 1-я Парки, прядущія нить жизни Маріи Медичи, въ присутствіи Юпитера и Юноны; 2-я, рожденіе Маріи Медичи; 3-я ея воспитаніе; 4-я Генрихъ IV рѣшается жениться на ней; 5-я бракосочтаніе; 6-я приѣздъ королевы въ Марсель; 7-я, встрѣча ея жителями Ліона 8-я, рожденіе Людовика XIII; 9-я, отправленіе Генриха IV въ Германію; 10-я, коронованіе королевы; 11-я апогеоза Генриха IV; 12-я, правленіе Маріи Медичи; 13-я ея поѣздка къ мосту Се; 14-я, обмѣнъ двухъ принцессъ: испанской инфанты Анны Австрійской, невѣсты Людовика XIII, и его сестры Елисаветы, невѣсты инфанта (Филипа IV); 15-я счастье народа подъ управленіемъ Маріи Медичи; 16-я совершеннолѣтіе Людовика XIII; 17-я, бѣгство королевы изъ города Блуа; 18-я ея усердіе къ заключенію мира; 19-я заключеніе мира; 20-я, его подтвержденіе на небѣ; 21-я, время, открывающее истину; 22-я, Марія Медичи, въ видѣ Паллады; 23-я, великій герцогъ Тосканскій, ея отецъ; 24-я, Анна Австрійская.

говорить онъ, старался представить Генриха IV побѣдителемъ миролюбивымъ, даже къ тѣмъ, которые возставали противъ него и оскорбляли его царское величіе. Онъ изобразилъ его въ видъ Юпитера, повелѣвающаго богамъ казнить пороки и низвергнуть ихъ въ преисподнюю. Аполлонъ и Минерва пускаютъ свои стрѣлы въ эти пороки, изображенные въ видъ чудовищъ, толпою падающихъ на землю. Неистовый Марсъ хочеть все истребить; но Венера, символъ любви, съ кротостью удерживаетъ его руку. Въ фигурѣ Венеры столько выраженія, что кажется, слышишь слова ея къ Марсу: «Не увлекайся гнѣвомъ противъ пороковъ, они уже довольно наказаны.»

Я согласенъ съ Вилкельманомъ въ томъ, что въ сферу живописи входятъ и идеи міра души, какъ и міръ видимый. Нами во всемъ управляютъ аллегоріи; религія и философія полны символами. Искусства въ особенности живутъ символомъ. Но не могу допустить загадокъ въ искусствѣ; не могу согласиться съ Платономъ въ томъ, что поэзія тоже загадка. Гомеръ, поэтъ поэтовъ, никогда не облакаетъ идей въ мракъ; онъ всегда ясенъ, какъ утреннее небо; въ его безсмертныхъ картинахъ аллегорія всегда является безъ завѣсы, прекрасная и гордая, какъ истина. Во всѣхъ аллегоріяхъ древности есть какое-то величіе, какая-то простота, которая озаряетъ ихъ свѣтомъ; аллегоріи новѣйшихъ временъ болѣе замысловаты, чѣмъ величественны, и почти всегда запутаны. Когда древніе хотѣли выразить смерть молодой дѣвушки, они представляли ее, улетающею въ объятіяхъ Зари; этотъ очаровательный символъ родился изъ пантеистической поэзіи, а не изъ обычая хоронить дѣтей на зарѣ, какъ утверждаетъ Вилкельманъ, который, въ этомъ случаѣ, является болѣе ученымъ, чѣмъ поэтомъ. А поищите символа смерти молодой дѣвушки у нашихъ живописцевъ!

Рубенсъ, гений перваго разряда, принужденъ былъ заимствовать у древнихъ одну истасканную аллегорію; потому что ему, эпическому поэту и ученому художнику, нужна была аллегорія, заключающая въ своемъ образѣ таинственный символъ вымысла, а не символъ добродѣтелей и пороковъ. Рубенсова Люксамбургская галлерей эпическая поэма въ родѣ Генриады, за исключеніемъ однакоже исполненія; ибо въ эпической поэмѣ Вольтера нѣтъ ни одушевленія, ни колорита. Но если Рубенсъ искалъ только предлога раскрыть всю смѣлость своей кисти и все богатство своего колорита, то мы должны преклониться передъ этимъ мастерскимъ произведеніемъ, не глубокимъ, но за то ослѣпительнымъ яркостью колорита.

Рубенсъ прѣхаль для окончанія его въ Парижъ, куда королева уже нѣсколько разъ звала его. Марія Медичи съ восторгомъ смотрѣла на его работу; ей пріятно было видѣть, какъ онъ, будто волшебствомъ, наполнялъ въ короткое время огромную картину. Парижскій дворъ задержалъ его во Франціи; каждый хотѣлъ имѣть свой портретъ, писанный рукою Рубенса.

По возвращеніи Рубенса во Фландрію, начинается его дипломатическое поприще. Онъ давно уже зналъ людей, изучилъ ихъ страсти; имѣлъ даръ фізіономики, судилъ быстро и вѣрно; взглядъ его проникалъ до глубины сердца. Инфанта Изабелла имѣла съ нимъ серьезныя бесѣды о состояніи Нидерландовъ; она поняла, что это единственный человекъ глубокаго ума при ея дворѣ; она не дала ему званія посла, но отправила его въ Испанію съ дипломатическимъ порученіемъ; онъ долженъ былъ представить королю всю опасность продолжительной войны въ Брабантѣ. Въ Мадридѣ, король, герцогъ Оливаресъ и маркизь Спинола приняли его, какъ настоящаго посла; онъ не только описалъ положеніе Фландріи, но еще сверхъ того далъ много полезныхъ совѣтовъ. Король, въ доказательство своего удовольствія, подарилъ ему шесть андалузскихъ лошадей и дорогой алмазъ, и далъ ему званіе секретаря тайнаго совѣта, съ правомъ передать эту должность по смерти сыну. Едва онъ возвратился во Фландрію, Изабелла послала его въ Голландію омять съ порученіемъ, стараться кончить войну прочнымъ миромъ. Переговоры начали уже приходиться къ успешному концу, какъ вдругъ принцъ Нассаускій умеръ. Тогда уже самъ король испанскій отправилъ Рубенса въ Англію, все съ прежнею целью. Живописецъ прѣхалъ въ Великобританію частнымъ человекомъ, путешественникомъ, навѣстилъ своего друга, герцога Букингема и просилъ позволенія представиться королю. Король принялъ его съ невыразимою благосклонностью; онъ заговорилъ о бѣдствіяхъ войны Англіи съ Испаніею. «Почему знать?» сказалъ онъ наконецъ; «можетъ быть король испанскій и король англійскій и не прочь заключить миръ?» — Почему знать? сказалъ король задумчиво. Рубенсъ понялъ, что время благопріятно; представилъ свои вѣрющія письма, и предложилъ отъ имени своего короля миръ. Карлъ I, желая дать послу доказательство своего уваженія, немедленно надѣлъ ему на шею ленту своего ордена; а чрезъ нѣсколько дней даровалъ ему кавалерское достоинство въ присутствіи всего парламента, и подарилъ шпагу, которою совершилъ обрядъ.

Этимъ еще не кончились дипломатическіе подвиги Рубенса; но мы не станемъ слѣдить за нимъ на этомъ гибельномъ для генія поприщѣ. Геній требуетъ вдохновляющаго уединенія; Рубенсъ и самъ потомъ сожалѣлъ, что потратилъ столько времени въ суетахъ придворной жизни, которая принесла ему одну пользу, именно: что мало по малу разсыяла его печаль по смерти жены. Наконецъ, онъ твердо рѣшился жить впредь только для себя самого и для искусства. Онъ возвратился въ Антверпенъ, и заключился въ роскошный дворецъ, гдѣ онъ провелъ лучшіе годы своей жизни; но прошла уже его молодость и не было подруги его молодости. Ему стало тяжело совершенное одиночество. Въ Антверпенъ была молодая дѣвушка рѣдкой красоты, Елена Форманъ; ей было едва шестнадцать лѣтъ; онъ женился на ней, самъ сознаваясь, что поступалъ безразсудно; впрочемъ, такое безразсудство сдѣлалъ бы всякій на его мѣстѣ. Рубенсъ обезсмертилъ Елену Форманъ, какъ и Изабеллу Брандтъ. Послѣ вторичнаго своего брака, до самой смерти, онъ всѣхъ своихъ мадонъ писалъ съ юной супруги.

Въ Мюнхенскомъ музеумѣ есть два портрета Рубенса, писанные имъ самимъ. Въ первомъ онъ представилъ себя въ цвѣтъ молодости, объ руку съ Изабеллою Брандтъ; въ другомъ, онъ уже пожилой человекъ и гуляетъ съ другою женщиною и съ ребенкомъ; эта другая женщина Елена Форманъ. Въ знаменитомъ *Силтіи съ креста*, Богородица и Магдалина напоминаютъ черты и фізіономію обѣихъ женъ Рубенса.

Рубенсъ умеръ отъ подагры, 30 марта, 1640 года, шестидесятидвухъ лѣтъ, одиннадцати мѣсяцевъ, и оставилъ двумъ сыновьямъ и дочери славное имя и огромное богатство. Онъ умеръ бодро, съ кистью въ рукѣ. Геній остался ему вѣренъ до смерти; никакой великій художникъ не создалъ столько безсмертныхъ твореній. Его похоронили въ церкви Св. Якова Антверпенскаго, за алтаремъ. Похороны совершены съ царскимъ великолѣпьемъ; передъ гробомъ несли на черной бархатной подушкѣ золотой вѣнецъ; дворяне, духовенство, артисты, простой народъ, толпами шли поклониться праху почившаго художника; но только XIX вѣку назначено было поставить ему статую на Антверпенской площади.

Рубенсъ писалъ, какъ Гомеръ или Теокрытъ пѣли: отличительная черта его генія—громадность. Полныя, плотныя фламандки напоминали ему богатырскія формы женъ спартанскихъ, лакедемонскихъ и сиракузскихъ. Онъ величественъ, какъ море, бури и горы; прохо-

дить съ быстротою молніи, не останавливаясь на рѣзбѣ и мозаикѣ. Море подъ его кистью разливается сразу, а не волна за волною, горы возникаютъ огромными рядами, а не по холму, и не по кустику.

Рубенсъ, что-бы онъ ни писалъ, всегда, даже кажется безъ вѣдома своего, сохраняя подготовленный стиль, который онъ заимствовалъ отъ венеціанской школы, преимущественно отъ Павла Вронеза. Во всѣхъ его картинахъ есть какая-то театральная эффектность; природу, на-примѣръ, онъ всегда представляетъ въ минуту борьбы стихій, никогда не оставляя ее въ той величественной простотѣ, въ которую облекъ ее Богъ. На облакахъ у него непременно рисуется радуга, на лугу klokoчeть водопадъ, по лѣсу гуляетъ вихрь.

У Рубенса, какъ замѣтилъ Рейнольдсъ, во всемъ удивительная гармонія. Еслибы онъ былъ совершеннѣе, въ твореніяхъ его не было-бы такого единства. Еслибы, на-примѣръ, у него было болѣе чистоты и правильности въ рисунокъ, насъ болѣе поражалъ бы его недостатокъ простоты въ сочиненіи, въ колоритѣ, въ драшировкѣ; но богатство его сочиненія и гармонія красокъ до того ослѣпляютъ глаза, что невольно преклоняешься предъ его недостаткомъ, какъ и предъ достоинствами.

Гармонія красокъ бываетъ тройкая: образцомъ первой служить *преображеніе*, это гармонія римская, краски густы и рѣзки. Вторая гармонія голландская, производится *преломленіемъ* красокъ. Еще до галландцевъ, болонцы пытались ввести эту манеру, но они не достигли всего ея волшебства. Стенъ отличается между голландцами умъньемъ *скрывать палитру*, какъ великій писатель, который никогда не отвращаетъ вниманія отъ предмета на себя самаго. Третья гармонія принадлежитъ Венеціанской школѣ и Антверпенской; это соединеніе красокъ густыхъ и нѣжныхъ въ одно яркое цѣлое. Рубенсъ истинный представитель этой манеры.

Онъ писалъ сразу, огненными штрихами; отсюда двѣственная прелесть его колорита. Онъ прекрасно понималъ, что слишкомъ налеплять краски, значило утратить это волшебство.

Хотя гений Рубенса преимущественно заключался въ колоритѣ, онъ имѣлъ даръ *скрывать палитру*, какъ Корреджіо, Тиціано, Веронезе, Тинторетто, и вообще, какъ весь мастера колорита. Какая у него свѣжесть тона, какая яркость! какая энергія! это лучъ, играющій на росѣ. Рубенсъ всегда полонъ гармоніи, какъ букетъ цвѣтовъ; онъ превосходно соединяетъ цвѣта густые и нѣжные, съ удивительнымъ искусствомъ распределяетъ ихъ, сливаетъ, миритъ.

Рубенсъ одинъ изъ самыхъ могучихъ дятелей въ исторіи искусства. Онъ не только былъ единственнымъ царемъ живописи во Фландріи, но и раздѣлялъ вѣнецъ самыхъ великихъ художниковъ. Онъ иногда достигалъ божественной граціи Рафаэля и величія Микель-Анджело. Онъ боролся съ природою, и не былъ ею побѣжденъ. Ничто не страшило его гордой, смѣлой кисти, и онъ переходилъ, всегда побѣдителемъ, отъ аллегорій къ цвѣтамъ, отъ священной исторіи къ сельскому празднику, отъ портрета къ пейзажу.

Въ *Восхожденіи на Голгофу*, въ большихъ аллегорическихъ картинахъ, въ *Поклоненіи волхвовъ*, въ особенности, гений Рубенса доходитъ до вершины, что за сила! что за величіе! что за великолѣпіе. На *Снятіи съ креста*, на это образцовое произведеніе, къ которому стекаются на поклоненіе со всѣхъ концовъ свѣта, Рубенсъ съ наибольшею гармоніею излилъ все богатство своего колорита, всю смѣлость кисти, все чувства своей души. Есть, однако-же, произведенія, въ которыхъ гений Рубенса одушевленнѣе, величавѣе, свободнѣе отъ посторонняго вліянія. Въ *Снятіи съ креста* видно отчасти вліяніе великихъ художниковъ Италіи; это сліяніе итальянскаго характера съ фламандскимъ. Впрочемъ, подражанія тутъ нѣтъ, какъ и въ другихъ произведеніяхъ Рубенса, только воспоминаніе о великихъ образцахъ сдерживаетъ нѣсколько его бурный гений.

Въ числѣ лучшихъ созданій этого гения, упоеннаго своею силою, надо упомянуть о *Спасителѣ, снятомъ съ креста*, въ Антверпенскомъ соборѣ. Невозможно требовать болѣе выраженія, болѣе скорби! Едва-ли когда эта дивная страница изъ великой поэмы Страсти Господней была передана съ большимъ искусствомъ; Богородица тутъ уже не женщина, а мать Божія; Иисусъ не челоувѣкъ, а сынъ Божій. Хотя краски въ этой картинѣ такъ же ярки, какъ и въ другихъ произведеніяхъ Рубенса, однако-же онъ не давятъ рисунка и чувства. Рубенсъ тутъ высказался вполне; и глядя на картину, чувствуешь, что никакая дерзкая, ученическая рука не охладила вдохновенія учителя.

Во дворцѣ Питти, во Флоренціи, одна изъ картинъ, наиболее поражающихъ зрителя, есть знаменитая аллегорія: *Марсъ, идущій на войну*. Рубенсъ толкуеть ее слѣдующимъ образомъ въ одномъ письмѣ: «Богъ войны, съ кровавымъ мечемъ и щитомъ, грозитъ народамъ величайшими бѣдствіями, онъ не слушаетъ просьбъ Венеры, которая съ амурами старается удержать его нѣжными ласками. Фурія Аленто, съ факеломъ въ рукѣ, влечетъ его на бой; передъ

нимъ идутъ два чудовища, недугъ и голодъ, неразлучные спутники войны, и т. д.» Но проза великаго живописца не такъ краснорѣчива, какъ его кисть; одинъ Гомеръ могъ-бы достойно объяснить эту картину, которая прельщаетъ и ужасаетъ васъ, въ которой вы слышите бурю войны, видите трепетаніе груди Венеры. Вотъ истинное искусство, истинная жизнь!

Надо, впрочемъ, сознаться, что этотъ великій геній, хотѣвшій быть послѣднимъ звѣномъ итальянскаго и фламандскаго искусства, иногда употреблялъ во зло свою силу; принималъ неистовство за вдохновеніе и жизнь. Въ своей бурной энергіи не разъ заходилъ онъ за цѣль, ибо все это безпокойство, шумъ, великолѣпіе, часто болѣе поражаютъ зрѣніе, чѣмъ мысль. Нельзя-ли отнести къ нѣкоторымъ произведеніямъ Рубенса слова Шекспира «Сказка, рассказанная дуракомъ, полна безсмысленныхъ, трескучихъ словъ?» Чего-бы недоставало Рубенсу, если-бы у него было подчасъ поменьше блеску, и поболѣе поэтическаго величія? Въмѣсто того, чтобы поклоняться въ Венеціи напыщенному стилю колористовъ, что-бы ему обратиться къ краснорѣчивому рисунку римской школы?

Подобно Микель-Анджелу, Рубенсъ былъ живописцемъ движенія, которое онъ доводилъ иногда до безпорядка, поэтому положенія его лицъ иногда бываютъ изысканы. Огонь и энтузіазмъ слишкомъ увлекали его, даже въ героической живописи, за исключеніемъ, однако-же, дивныхъ картинъ *Паденія возставшихъ ангеловъ* и *Бога амазонокъ*. Мужчины его всегда мужчины по силѣ и по величію, но въ женщинахъ иногда мало женственности.

Рубенсъ съ честью состязался съ Микель-Анджеломъ, въ своемъ *Страшномъ судѣ*; въ немъ нѣтъ дикой грусти, нѣтъ дивнаго рисунка Микель-Анджело; но онъ возносится также высоко поэзією символа, волшебствомъ полутьны и великолѣпнѣмъ колорита.

Человѣчскій геній долженъ поражать красотами, а не быть непогрѣнимымъ. Отдадимъ же безъ порицанія дань уваженія тому, кто создавалъ свой міръ въ нѣсколько дней, кому дана была быстрота молніи, но не на разрушеніе, а на то, чтобы вливать жизнь въ свои картины. Отдадимъ дань уваженія Рубенсу, царю фламандскихъ живописцевъ. Упиваясь роскошью красокъ, онъ не постигъ силы чистаго, правильнаго, выразительнаго рисунка Эффанора, силу строгой линіи, идеала древней скульптуры, воскрешеннаго Рафаэлемъ. Его болѣе поражали блескъ и громадность. Подобно Микель-Анджелу, онъ забывалъ, что граціи были не амазонки. Но ка-

кое дѣло, если онъ съ честью достигъ послѣднихъ предѣловъ искусства? Онъ пренебрегалъ наставленіями древности, но за то подмѣтилъ такія красоты природы, которыхъ она не знала. Геній не есть ли, по большей части, даръ являть дѣла Божія въ новомъ видѣ, съ новой стороны?

ВОСПОМИНАНІЯ АКТРИСЫ

ЛУЧШЕЕ ЧАСОУ.

ГЛАВА XV.

Въ числѣ самыхъ постоянныхъ членовъ *Бесѣды ланты* былъ Фабръ-д'Эглантинъ. Однажды, разсказывая разные анекдоты и забавные случаи, кто-то заговорилъ о женитьбѣ его на двинцѣ Лессажъ, (внучкѣ автора Жиль-Блаза), и онъ разсказалъ намъ, какъ опера *Le Magnifique* доставила ему случай увезти свою жену.

Эта опера Седена, съ музыкою Гретри, давно уже не играется, и немногіе нынче имѣютъ о ней понятіе. Капитальнымъ нумеромъ ея была сцена, прозванная *Четвертью часа*, потому-что она продолжалась ровно четверть часа; ею же воспользовался Фабръ.

Старый опекунъ держитъ взаперти прекрасную молодую двуинку, которой отецъ, уезжая въ Индію, поручилъ ему ея воспитаніе и управленіе ея имѣніемъ; съ тѣхъ поръ прошло столько времени, что всѣ убѣждены въ смерти отца, и сеньоръ Альдобрандипо помышляетъ о присвоеніи себѣ имѣнія воспитанницы посредствомъ женитьбы. Подобно всѣмъ опернымъ воспитанницамъ, она ни души не видитъ и никого не знаетъ, кромѣ опекуна, и готова бы безропотно покориться его волю, если бы проказникъ кушидонъ, съ поконъ вѣку любившій подшутить надъ корыстолюбивыми стариками, не вздумалъ разстроить его планы. Молодой флорентинскій вельможа, известный своимъ несмѣтнымъ богатствомъ и щедростью, такъ, что его иначе и

не называютъ, какъ щедримъ, il magnifico, слышалъ вскользь о какой-то таинственной красавицѣ, но не обращалъ вниманія на молву, пока ему не удалось, по случаю какого-то торжества, замѣтить на одномъ балконѣ молодую дѣвушку, какой онъ отъ роду не видывалъ. Дѣвушка, съ своей стороны, также не могла не обратить вниманія на прекраснаго молодаго флорентинца, котораго богатство, ловкость и великолѣпіе были предметомъ всѣхъ разговоровъ. Глаза ихъ встрѣтились, и въ обоихъ разомъ загорѣлась та электрическая искра, посредствомъ которой два чело­вѣка понимаютъ другъ друга безъ словъ, тотъ магнетизмъ сердца, существовавшій задолго до того времени, когда придумано это названіе, и которымъ двѣ души дѣлаются родными, хотя бы онъ никогда не встрѣчались. Возвратившись домой, дѣвушка задумалась и пригорюнилась. Октавіо съ своей стороны не могъ забыть прекраснаго видѣнія. Въ надеждѣ получить нѣкоторыя свѣдѣнія о воспитанницѣ, онъ всѣхъ распрашивалъ объ опекунѣ; но синьоръ Альдобрандино такъ хорошо умѣлъ скрывать отъ всѣхъ глазъ свое сокровище, что никто не зналъ о немъ ничего положительнаго.

На слѣдующій день онъ призываетъ нѣкоего Фабіо, чело­вѣка на всѣ руки, въ родѣ Фигаро: онъ не брѣетъ почтенныхъ флорентинцевъ, но исполняетъ всевозможныя другія порученія, и знаетъ подноготную всего города; преимущественно берется онъ продавать лошадей, добывать и сбывать невѣсть. У Октавіо, надо вамъ сказать, прекраснѣйшій конный заводъ, а у Альдобрандино, кромѣ любви къ деньгамъ, одна только страсть—къ лошадямъ; лошадь, на которой гарцовалъ синьоръ Октавіо, почти такъ же овладѣла его сердцемъ, какъ его воспитанница сердцемъ Октавіо. Оба обращаются къ посредничеству Фабіо. Октавіо съ радостью узнаетъ, что опекунъ самъ представляетъ предлогъ войти съ нимъ въ сношеніе; и на предложеніе стараго скряги отвѣчаетъ: «Я своей лошади не хотѣлъ бы продавать; но, желаю сдѣлать угодное синьору Альдобрандино, я ее уступлю ему за десять тысячъ червонцевъ.»

Можно себя представить, что какъ ни хороша была лошадь, синьоръ Альдобрандино не могъ рѣшиться дать за нее такую безразсудную цѣну. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ, веденныхъ чрезъ Фабіо, Октавіо, видя чрезвычайное желаніе опекуна имѣть лошадь, сдѣлалъ ему слѣдующее предложеніе: «Я много слышалъ о красотѣ воспитанницы синьора Альдобрандино, и желалъ бы посудить, умѣя сравнится ли съ красотой; пусть онъ позволить мнѣ поговорить

съ нею четверть часа, хоть въ его присутствіи, только бы онъ не слушалъ, и лошадь будетъ его.» Опекунъ сначала отвергнувъ предложеніе съ негодованіемъ, но потомъ призадумался. Убѣжденія Фабіо и рассказы его о безчисленныхъ достоинствахъ лошади, перевозмогають боязнь и ревность, и онъ назначаетъ богатому вельможѣ свиданіе, но не иначе, какъ въ своемъ присутствіи. Остается объяснить договоръ воспитанницъ; онъ старается возбудить ея негодованіе, увѣряетъ, что онъ согласился за тѣмъ только, чтобы наказать самонадѣянность Октавіо, въ увѣренности, что она не будетъ ему отвѣчать ни слова, и тѣмъ покажетъ ему свое презрѣніе; что, впрочемъ, онъ самъ будетъ присутствовать и не спуститъ съ нея глазъ.

Начинается сцена. Клементина, подлѣ стола, на которомъ стоитъ корзинка съ цвѣтами, у нея въ рукѣ роза. Является Октавіо; одежда на немъ щегольская; опекунъ отходитъ на десять шаговъ, и стоитъ съ часами въ рукахъ; Октавіо отдаетъ свои часы Фабіо. Тутъ начинаются знаменитые четверть часа. Октавіо объясняетъ дѣвушкѣ свою любовь и проситъ ея руки; вмѣсто отвѣта, она только указываетъ ему глазами на опекуна; этого достаточно, онъ понимаетъ, что это значитъ, и продолжаетъ свое объясненіе; рассказываетъ свой планъ для освобожденія ея изъ нестерпимой неволи, и проситъ въ знакъ согласія уронить розу, которая у нея въ рукѣ. «Пади, пади, прелестная роза, поетъ онъ въ заключеніе, пади къ ногамъ моей повелительницы; будь залогомъ нашей любви и предвѣстникомъ нашего счастья,» и проч. Это продолжается четверть часа, по прошествіи которыхъ Клементина роняетъ розу и уходитъ. Всѣ расходятся очень довольные другъ другомъ; синьоръ Альдобрандино получаетъ лошадь; Фабіо часы съ брилліантами, а Октавіо — розу.

Вотъ какъ Фабръ-д'Эглашпнъ воспользовался этою сценою для своихъ видовъ.

Онъ былъ въ то время въ какомъ-то городѣ въ Лангедокъ и игралъ роли Моле и Ларива, какъ рассказываютъ довольно плохо; въ досужіе часы онъ мечталъ уже о поэзіи и литературѣ, которыя долженствовали ему лучше повезти, чѣмъ драматическое искусство. Дѣвица Лесаажъ была на томъ же театрѣ первою пѣвицею; у нея былъ прекрасный голосъ, ее и ея родныхъ очень любили и уважали въ городѣ. Фабръ влюбился въ нее и получилъ позволеніе просить ея руки, но родные не хотѣли о томъ и слушать. Это

сопротивленіе, какъ водится, только дало новую силу ихъ взаимной страсти; но за ними такъ строго наблюдали, что имъ невозможно было даже говорить наединѣ, не только что писать.

— Не смотря на свое изобрѣтательное воображеніе, Фабръ тщетно придумывалъ, чѣмъ помочь горю; другаго средства не было, какъ только увезти свою возлюбленную и обвѣнчаться съ нею въ Авиньонъ, который, благодаря пребыванію папскаго нунція, былъ во Франціи тѣмъ же, что Гретна-Гринъ въ Англіи. Родные послѣ того должны были по неволѣ согласиться; надо было только найти средство сговориться о томъ съ возлюбленною; но какъ это сдѣлать, не говоря съ нею наединѣ? — У Фабра былъ пріятель, капельмейстеръ, помогавшій ему нерѣдко совѣтами. Однажды онъ приходитъ къ нему, и говоритъ: мнѣ бы хотѣлось попробовать сыграть въ оперѣ; я буду, по крайней мѣрѣ, имѣть возможность поговорить съ нею во время ригурнелей. — Помилуй, ты никогда не учился музыкѣ; голоса у тебя почти нѣтъ, да и съ тѣмъ, что есть, ты никогда не справишься. — Ты меня поучишь. — Дирекція не позволитъ; развѣ только можно бы уладить въ чей нибудь бенефисъ. — И славно! я попрошу перваго тенора уступить мнѣ роль Октавіо, въ свой бенефисъ; онъ мнѣ пріятель; когда узнаетъ мою цель, согласится. — Ты съ ума сошелъ! ты забылъ *Четверть часа*, камень прекновенія этой роли? — Нѣтъ, не забылъ; я на эти *Четверть часа* рассчитываю, чтобы объяснить Клементинѣ свой планъ; паденіе розана въ ту или другую сторону будетъ знакомъ ея согласія. — Все бы очень хорошо, еслибы тебѣ следовало только говорить, а не пѣть! — Увидишь, любовь всему научить. — Но наврядъ ли выучить пѣть безъ голоса.

Фабръ схватилъ ноты, и принялся разбирать страшную арію. Ее спустили съ тону, и она пошла не дурно; притомъ, хотя онъ былъ не завидный актеръ, но все-таки лучше большей части пѣвцовъ, и была надежда, что разговоръ выкупитъ пѣніе. Въ день представленія, онъ собрался съ духомъ; костюмъ его былъ превосходенъ; молодые люди любили и следовательно поддерживали его. Въ сценѣ *Четверть часа*, онъ успѣлъ, въ продолженіе первой ригурнели, рассказать двѣицѣ Лесажъ половину своего предпріятія, а остальное во вторую ригурнель. Можно себя представить, съ какимъ чувствомъ онъ пѣлъ: «Пади, пади, прелестная роза.» Капельмейстеръ сидѣлъ на иголкахъ, боясь, чтобы онъ не сбился съ тону и съ такта. Все было слажено; онъ увезъ возлюбленную, повхалъ съ нею немедленно въ Авиньонъ, и они обвѣнчались. Потомъ они писали къ роднымъ, прося ихъ про-

щениа; роднымъ нечего уже было дѣлать; надо было благословить. Это происшествіе надѣлало столько шума, что публика пожелала видѣть ихъ еще разъ въ той же оперѣ, и во время представленія имъ бросили на сцену слѣдующіе стихи.

Le Magnifique à l'amour te dispose,
De son bonheur il doit s'enorgueillir.
Heureux qui fait tomber la rose,
Plus heureux qui sait la cueillir.

ГЛАВА XVI.

Когда Тальма рѣшился воспользоваться декретомъ о свободѣ театровъ и оставить Французскій театръ, это намѣреніе произвело сильную тревогу и множество споровъ и ссоръ; Дюгазонъ и Ноде дошли даже до дуэли.

Старый Французскій театръ не признавалъ действительнымъ контракта его съ новымъ театромъ, и хотѣлъ завести съ нимъ процессъ; дирекція начала съ того, что наложилла запрещеніе на его костюмы, находившіеся, по обыкновенію, въ его уборной. Это была бы для него чувствительная потеря; но какими средствами принудить Французскій театръ отказаться отъ своихъ притязаній? Друзья Тальмы боялись, чтобы противники не прибѣгли къ силѣ законовъ.

И весь этотъ споръ кончился самымъ забавнымъ образомъ, благодаря шутовской выходкѣ Дюгазона.

Объ стороны условились созвать собраніе для разсмотрѣнія ихъ взаимныхъ претензій и выгодъ. Повѣренные обѣихъ сторонъ, судейскіе служители, любопытные толпились на подъѣздѣ театра, спорили и ссорились заранѣе, ожидая открытія засѣданія. Между тѣмъ Дюгазонъ отправляется преспокойно на сцену, находитъ тамъ нѣсколько статистовъ, ожидающихъ своего хоровода, чтобы учить свои роли; но хороводу было не до того, онъ подслушивалъ внизу, чѣмъ кончится дѣло о Тальмѣ. Дюгазонъ, не теряя времени, вызываетъ ихъ научить: выбираетъ изъ нихъ восемь человѣкъ, отправляется съ ними въ гардеробную, въ которой, къ счастью, никого

(*) Вельможа умѣлъ внушить тебѣ любовь, и можетъ возгордиться своимъ счастьемъ; блаженъ, кто заставитъ упасть розу, еще блаженнѣе, кто ее подберетъ.

не было, одѣваетъ ихъ римскими ликторами, приказываетъ имъ взять четыре большія платяныя корзины; потомъ идетъ въ уборную Тальмы, отъ которой онъ съумѣлъ заранѣе промыслить себѣ ключъ, кладетъ въ корзины латы, доспѣхи, оружіе, шлемы, накрываетъ ихъ плащами и тогами, самъ напяливаетъ костюмъ Ахиллеса, и опустивъ забрало, мечъ наголо, и съ щитомъ ведетъ своихъ ликторовъ съ корзинами внизъ, смѣло пробиваетъ толпу, которая смотритъ на него, ничего не понимая, и пропускаетъ его къ дверямъ. Уже онъ былъ на улицѣ, когда зрители догадались, что значила эта комедія.

Между тѣмъ, на площади народъ съ хохотомъ толпится вокругъ небывалаго шествія; Дюгазонъ такимъ торжественнымъ образомъ достигаетъ Пале-Рояля, и вноситъ свои трофеи въ театръ. Герцогъ Орлеанскій, узнавъ о странномъ происшествіи и сходбищѣ народа, велѣлъ призвать зачинщика, который долженъ былъ самъ рассказать ему свой подвигъ. На другой день, о немъ толковалъ весь Парижъ. Театръ Сень-Жерменскаго предместья не посмѣлъ продолжать дѣла, чтобы не сдѣлаться предметомъ всеобщаго смѣха. Всего же лучше во всей этой продѣлкѣ было то, что самъ Тальма ничего не зналъ о ней.

Вскорѣ послѣ того Тальма дебютировалъ въ роли Генриха VIII. Что онъ имѣлъ огромный успѣхъ, объ этомъ и говорить нечего: нѣтъ словъ, чтобы выразить всеобщій восторгъ. Роль Анны Болейнъ играла г-жа Вестрисъ; дѣвица Дегарсенъ играла леди Сеймуръ. Это представленіе было началомъ славы автора, Мари-Жозефа Шенье.

Вслѣдъ за тѣмъ Тальма игралъ *Венеціанскаго Мавра*; роль Эдельмоны исполняла дѣвица Дегарсенъ, а я пѣла за нее романсъ объ *Иль*, за кулисами. Дюси, авторъ этой трагедіи, находилъ, что только мой голосъ представлялъ нѣкоторое сходство съ голосомъ дѣвицы Дегарсенъ. Странное дѣло, какъ часто случается, что актриса, имѣющая звучный и пріятный голосъ въ разговорѣ, поетъ фальшиво, и наоборотъ, пѣвица теряетъ выразительность и пріятность голоса въ разговорѣ. Каждый разъ, какъ я бывала у Тальмы, меня заставляли пѣть этотъ романсъ.

Дѣвица Дегарсенъ не уступала Тальмѣ въ этой трагедіи; и успѣхомъ своимъ она была обязана вовсе не красотѣ; актриса можетъ обойтись безъ красоты, когда одарена пріятнымъ, трогательнымъ голосомъ. Лордъ Байронъ говоритъ: «Въ колчанѣ любви нѣтъ стрѣлы, которая бы глубже проникала въ сердце, чѣмъ пріятный голосъ.» Этимъ преимуществомъ дѣвица Дегарсенъ обладала въ высшей степени; го-

лось ея быть самою нѣжною мелодіею; притомъ во взглядѣ ея была какая то трогательная томность, въ походкѣ какая-то нѣга, которыя вмѣстѣ дѣлали изъ нея самое обворожительное существо. Особенно улекательна она была въ роляхъ Салемы (*въ Абуфари*) и *Эдельмоны*. Тальма, бывшій въ то время въ самомъ пълу молодости и страстей, составлялъ совершенную противоположность къ ней; за то какой эффектъ производили они вмѣстѣ, въ сценѣ ревности; когда *Эдельмона* разсказывала, какъ отецъ грозился лишитъ жизни, если она не подпишетъ записки, и какъ она подписала ее не читая, въ словахъ ея было столько истины и убѣжденія, что невольно становилось досадно на Отелло, который могъ еще подозревать ее въ обманъ.

Дѣвица Дегарсенъ не разъ бывала предметомъ самой неистовой любви; и не удивительно: слова ея была такъ полны чувства и выраженія, что не трудно было тѣмъ же чувствомъ закрѣпиться въ душу слушателей. Самъ Тальма вдохновлялся любовью къ трогательной *Эдельмонѣ*. Впослѣдствіи она сама узнала любовь, и такую любовь, которая сдѣлалась мученіемъ для предмета ея и источникомъ горести и бѣдствій для нея самой. Избранникъ ея сердца былъ молодой юристъ, человекъ пріятной наружности, съ умомъ и со вкусомъ, и восторженный почитатель ея таланта.

Связь ихъ продолжалась довольно долго; но наконецъ г. Аллару такъ надоѣла прихотливость любовницы и тяжелое иго, отрывавшее его отъ занятій, и отъ друзей, что онъ рѣшился отъ него освободиться. Онъ употребилъ всевозможныя средства разойтись съ нею безъ шума, но все было тщетно. Онъ объявилъ ей, что долженъ отлучиться изъ Парижа; но она угадала обманъ, и преслѣдовала его записками; онъ наконецъ рѣшился не отвѣчать на ея вѣчныя жалобы и упреки. Кто разлюбилъ, тому остается одинъ только шагъ до жестокости. Прошло нѣсколько недѣль, и Алларъ не слыхалъ ничего о своей ревнивой любовницѣ; онъ пачиналъ уже надѣяться, что оскорбленная гордость восторжествовала надъ оскорбленной любовью; иногда онъ опасался, чтобы несчастная не сдѣлалась жертвою своего безутѣшнаго горя, ибо онъ не видалъ ея въ роляхъ, которыя она обыкновенно занимала. Но онъ не смѣлъ провѣдывать о ней, боясь, чтобы она не приняла этого за признакъ участія и за желаніе помириться.

Между тѣмъ, какъ онъ терялся въ догадкахъ, и надѣялся, что скоро все кончится, услышалъ онъ однажды сильный стукъ у подъ-

езда. Онъ подбѣгаетъ къ окну, смотритъ: — это ея красавица, и съ такимъ выраженіемъ бѣшенства и отчаянія въ лицѣ, что онъ невольно содрогнулся при мысли о свиданіи съ нею. Она входитъ, и бросается почти въ безпамятствѣ въ кресло, у окна. Послѣ непродолжительнаго молчанія и размышленія, она собирается съ мыслями, и говоритъ:

— И такъ, вы рѣшились совершенно расторгнуть всякую связь между нами? Подумайте хорошенько, и отвѣчайте.

Г. Алларъ хотѣлъ прибѣгнуть къ общимъ фразамъ, употребительнымъ въ подобныхъ случаяхъ.

— Безъ фразъ, отвѣчайте: да или нѣтъ?

— Если вы не хотите слушать никакихъ объясненій, такъ я отвѣчу просто: да; но...

— Довольно, довольно, перебываетъ она; потомъ, немножко успокоившись, продолжаетъ: отдайте же мнѣ мои письма, сейчасъ-же.

Молодой человекъ идетъ въ свою спальню взять письма изъ конторки. Между тѣмъ она кладетъ подлѣ себя на столъ бумагу, вынимаетъ изъ за пазухи ножъ, и наноситъ себѣ нѣсколько ударовъ. Услышавъ шумъ, Алларъ выбѣгаетъ изъ спальни и находитъ свою любовницу на полу, въ крови. Можете себѣ представить его ужасъ. Онъ бросается къ окну, зоветъ на помощь; толпа народу валитъ въ его квартиру. Нѣсколько разнощницъ, торговавшихъ на площади противъ его оконъ, вообразили, будто молодой кавалеръ зарѣзалъ бѣлокурую даму, и ему пришлось бы плохо, если бы не подоспѣли полицейскій комиссаръ и врачъ. Пока врачъ занимался раненою, комиссаръ открылъ бумагу, лежавшую на столѣ, въ ней она объявляла, что сама добровольно лишила себя жизни. Это успокоило сосѣднихъ красавицъ, тѣмъ болѣе, что врачъ объявилъ, что раны не опасны. Происшествіе это старались скрыть; больная, которой имя не было объявлено, осталась на квартирѣ г. Аллара, потому что положеніе ея не позволяло перевезти ее домой. Она долго не могла оправиться; г. Алларъ, во все время ухаживалъ за нею съ неутрачиваемымъ усердіемъ; но это событіе не только не оживило угасшей въ немъ любви, но, напротивъ, удалило его еще болѣе прежняго отъ брошенной любовницы. Какъ скоро миновала опасность, онъ вмѣсто признательности за ея преданность, возненавидѣлъ ее.

Дѣвица Дегарсенъ послѣ того долго не являлась на сценѣ; хотя официально это неявленіе приписывалось простой болѣзني, однако же молва объ истинѣ разнеслась въ публикѣ. Когда она вышла въ первый

разъ въ роли Салемы, ее приняли холодно; когда же въ одномъ стихе своей роли вздумала она обратиться къ публикѣ, и намекнуть на собственное свое несчастье, въ театрѣ послышался недовольный ропотъ; публика не любитъ трагическихъ сценъ внѣ театра. Если бы въ то время писались фельетоны, то этотъ анекдотъ былъ бы ими рассказанъ и пересказанъ, и тѣмъ, можетъ быть, спасли бы водевиллистовъ отъ множества промаховъ на счетъ этой артистки. Она была нехороша собою, ученица не Флоранса, а Ларива, и играла Эдельмону на театрѣ Республики, а не на Французскомъ театрѣ.

Дъвица Дегарсенъ оставалась еще нѣсколько лѣтъ на театрѣ Республики, наконецъ поселилась, для поправленія здоровья, за городомъ. Ей будто на роду написаны были самые трагическіе случаи; такъ шайки грабителей, извѣстныя подъ именемъ *истопниковъ*, и *Иисусовыхъ братствъ* напали на ея загородный домъ; она на коленяхъ умоляла ихъ пощадить ея шестилѣтнюю дочь. Разбойники заперли и ее, и всѣхъ домашнихъ въ погребъ, а сами между тѣмъ разграбили домъ. Когда они удалились, крестьяне, привлеченные на мѣсто криками, освободили несчастныхъ узниковъ. Это происшествіе такъ поразило дъвицу Дегарсенъ, что разсудокъ ея рѣшительно разстроился; на нее стали находить нервическіе припадки, въ которыхъ являлись разбойники, хотѣвшіе зарвать ея дочь; она валялась у ихъ ногъ, умоляла ихъ, такъ, что на нее больно было смотретьъ.

Я не могу заключить этой галереи артистовъ, не упомянувъ о дъвицахъ Сенваль, пользовавшихся равною славою, хотя въ различныхъ родахъ. Старшая, какъ я слыхала отъ актеровъ, видѣвшихъ ее въ лучшее ея время, играла роли царицъ съ рѣдкимъ талантомъ, но говорила слишкомъ напыщенно. Я ее видѣла въ какой-то бенефисѣ; въ ней оставались уже одиѣ только вспышки таланта, иногда увлекательныя, но по большей части терявшіяся въ жеманствѣ и возбуждавшія всеобщій хохотъ. Ея игру очень легко было передразнить, и мы, молодые люди, часто забавлялись этимъ.

Дъвица Сенваль была замѣчательно дурна собою и такъ была убѣждена въ своемъ безобразіи, что жесты ея будто хотѣли закрыть ея лицо; она обыкновенно поднимала руку надъ глазами, будто хотѣла защитить ихъ отъ солнца. Въ игрѣ ея бывали иногда такіе внезапные, такіе неожиданные переходы, что невольнo увлекали всю залу; это была особенность ея таланта; другія актрисы не могли понять, какъ можно однимъ словомъ производить такой энтузіазмъ. За то это слово было приготовлено молчаніемъ, взглядомъ,

игрою фізіономі, и было прекрасно; къ сожалѣнію, она вслѣдъ за нимъ опять сбивала на напыщенную, натянутую декламацію, которую она сохраняла и въ сцены. Она принимала у себя многочисленное общество; я ее однакоже всего болѣе видала у Мопвеля, который занималъ одинъ этажъ ея дома. Ее такъ преслѣдовала всегда мысль о ея безобразіи, что она постоянно носила густой вуаль, опускала его до самаго рта, и старалась всегда садиться въ самомъ темномъ углу комнаты, подъ предлогомъ, будто свѣтъ утомляетъ ей глаза. Впрочемъ, она много выѣзжала, и не смотря на ея причуды и слабости, ее очень честили, какъ женщину рѣдкаго ума и таланта. Въ особенности уважали ее иностранцы, преимущественно русскіе. Князь Барятинскій познакомился съ нею во время своего пребыванія въ Парижѣ посланникомъ, когда талантъ ея былъ во всей свѣжести и силѣ; онъ такъ много наговорилъ о пей своей дочери, княгинѣ Долгорукой, что, приѣхавъ въ Парижъ, во время Аміенскаго мира, она тотчасъ пригласила знаменитую артистку къ себѣ, и приняла ее съ удивительною лобезностью. Черезъ дѣвицу Сенваль и я познакомилась съ княгинею, которая охотно принимала пѣвицъ и вообще всякихъ артистовъ. Дѣвица Сенваль у нея часто декламировала цѣлыя сцены изъ лучшихъ своихъ ролей.

Дѣвица Сенваль — младшая была также не красавица, но не такъ дурна, какъ сестра. Я ее видѣла только одинъ разъ, въ роли графини, въ *Свадьбѣ Фигаро*; говорятъ, что она играла съ удивительнымъ чувствомъ и выраженіемъ роли молодыхъ царицъ, въ особенности Ифигенію. Фізіономія ея была выразительна и благородна, не смотря на небольшой ростъ, ужасную худобу и смуглое лицо.

Въ началѣ царствованія императора Александра Павловича, она посѣтила Россію. Ее приняли, какъ она заслуживала по своей громкой славѣ, устроили для нея театръ въ Таврическомъ дворцѣ, гдѣ она играла *Ифигенію въ Тавридѣ*. Десятью годами ранѣе, повѣдка ея была бы еще успѣшнѣе. Ей аплодировали, ради остатковъ ея таланта, но нельзя было не замѣтить, что она для такихъ ролей была уже стара; тѣмъ болѣе, что она сохранила старинные костюмы, за исключеніемъ пудры и фижмъ; она была такъ чудовищна въ этихъ костюмахъ, что трудно было удержаться отъ смѣху, когда она выходила на сцену. Тѣмъ не менѣе она возвратилась на родину съ богатою жатвою почестей и подарковъ.

Дѣвицы Сенваль были изъ очень хорошаго дома; мать ихъ занимала какую-то должность при особѣ королевы Маріи Лещинской;

отец их былъ кавалеромъ ордена св. Людовика, а братъ служилъ въ военной службѣ. Братъ ихъ имѣлъ непріятное дѣло, о которомъ я слышала отъ отца и отъ Монвеля; онъ былъ обвиненъ въ убійствѣ одного изъ своихъ пріятелей, бывшаго офицеромъ въ одномъ съ нимъ полку. Они поссорились за обходъ одного изъ нихъ при производствѣ, и Сенваль, какъ рассказывали, вопилъ пшугу въ сердце своему товарищу, прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ стать въ оборонительное положеніе. Такъ-какъ при этомъ не было свидѣтелей, его подвергли пыткѣ, которую онъ перенесъ съ удивительнымъ мужествомъ, утверждая, что онъ дрался, какъ благородный человекъ, и что не онъ первый напалъ на противника. Его предали гражданскому суду, но ничѣмъ не могли его принудить отступить отъ перваго своего показанія; онъ не хотѣлъ, говорилъ онъ, опозорить семейство.

Его подвергли новому испытанію, отдернувъ вдругъ занавѣсъ, за которымъ былъ трупъ убитаго; ожидали, что лицо измѣнитъ его словамъ. Но онъ съ изумительнымъ присутствіемъ духа бросился на трупъ, чтобы скрыть свое смущеніе, воскликнувъ: «Зачѣмъ не можешь ты ожить, чтобы оправдать меня и смутить моихъ враговъ! Ты сказалъ бы имъ, что если я имѣлъ несчастье убить друга; то только въ честномъ бою, обороняя собственную жизнь!...»

Его нельзя было приговорить къ смерти; но онъ остался на всю жизнь калѣкою. Я видѣла его однажды у его сестры; онъ ходилъ на костыляхъ.

ГЛАВА XVII.

Въ это же время (въ 1791 году) я встрѣтила въ Парижѣ Кальяву, котораго знавала еще въ дѣтствѣ. У него въ Пале-Рояль собиралось по три раза въ недѣлю общество, подъ страннымъ названіемъ *Club de midi à quatorze heures*. Засѣданія этого клуба бывали отъ двѣнадцати часовъ дня до четырехъ; самые постоянные члены были старикъ Ложонъ, Филипонъ-де-ла-Мадленъ, Кальи, и Віаль отецъ. Младшему изъ нихъ было подѣ шестьдесятъ лѣтъ; но трудно было бы отыскать людей любезнѣе, остроумнѣе и веселѣе этихъ стариковъ, которые кокетничали своими сѣдыми волосами, какъ сказалъ какой-то водевиллистъ.

Кальява былъ очень друженъ съ моимъ отцомъ; я часто видала его и завтракала съ нимъ въ Тулузѣ. Когда у него бывали собранія я нерѣдко водила къ нему своихъ пріятельницъ, и мы всегда бы-

ли въ восторгъ отъ добродушной любезности этихъ стариковъ. Они сочиняли для меня прелестные романсы, къ которымъ молодые композиторы, Лампарелли, Альвармаръ, Фабри-Гара, Буфе, сочиняли музыку. Ложонъ очевидно былъ въ свое время щеголемъ въка Людовика XV; я приводила его въ восторгъ романсами изъ его *Пятнадцатилѣтняго Влюбленнаго*.

Qu'il est cruel de n'avoir que quinze ans!

De n'avoir plus quinze ans! говорилъ Ложонъ.

Кстати, я припоминаю остроу, которую отпустилъ на его счетъ аббатъ Демиль. Ложонъ уже съ полвѣка развѣзжалъ съ визитами, какъ кандидатъ на званіе члена Французской Академіи. Нѣкоторые академики противились его избранію, по причинѣ мелочности его литературной дѣятельности. «Любезные собратья, отвѣчалъ аббатъ Демиль, мнѣ кажется, г. Ложонъ долженъ быть нынче непременно избранъ, ему восемьдесятъ третій годъ, и вы знаете, куда онъ идетъ? Дайте же ему пройтись чрезъ Академію.»

На этого же Ложона, во время революціи, былъ сдѣланъ доносъ въ городское правленіе, за то, что онъ ни за что не хотѣлъ написать пѣсни въ честь республики. Водевилистъ Пинсъ, бывший его пріятель, предупредилъ его, и уговорилъ написать нѣсколько куплетцевъ. Старикъ долго крѣпился, но видя, что дѣло идетъ о жизни или смерти, прислалъ Пинсу нѣсколько писемъ, подъ которыми онъ подписалъ *Le citoyen Lajon sans-culotte pour la vie (Гражданинъ Ложонъ, санкюлотъ на всю жизнь, или изъ за жизни*.

Въ Кальявѣ также видно было, чѣмъ онъ былъ въ молодости; пріемы, осанка, все показывало чловѣка хорошаго общества. Онъ написалъ нѣсколько хорошихъ комедій, изъ которыхъ *Обманутый опекунъ* сдѣлалъ бы честь знаменитѣйшимъ комикамъ и нѣсколько оперъ; его *Греческія менекмы* были играны на театрѣ Республики. Отъ него я узнала лучшіе лангедокскіе папѣвы его любимаго композитора, Гудули.

Увы! когда я возвратилась изъ Россіи, въ 1813 году, ни одного изъ этихъ добрыхъ стариковъ не было уже въ живыхъ. По мѣрѣ того, какъ жизнь чловѣка подвигается, каждый день утрачиваетъ онъ то родныхъ, то друзей, то знакомыхъ. Пройдетъ десять лѣтъ, — и онъ остается одинъ. Новые друзья уже для насъ не такъ дороги, какъ ихъ предшественники; они не видали насъ въ полномъ цвѣтѣ молодости, не видали нашихъ успѣховъ и торжествъ; они насъ не знаютъ и считаютъ насъ точно такими, какими мы имъ являемся

теперь. Они готовы даже спорить, что мы всегда были и родились такими же стариками, какими они видѣли насъ въ первый разъ.

Возвратившись во Францію, я посѣтила кладбище отца Лашеза, чтобъ сосчитать опередившихъ меня друзей, и старыхъ и молодыхъ; менѣе всего занимало меня великолѣпные надгробныхъ памятниковъ; на землѣ, вездѣ есть богатые и бѣдные, за то подъ землею — все равны!...

Блуждая на удачу между этимъ множествомъ памятниковъ, взоры мои остановились на скромномъ крестѣ изъ чернаго дерева; на немъ было написано имя Филиппа-де-ла-Мадлена. Онъ умеръ въ глубокой старости; старики друзья его вѣроятпо все до него сошли въ могилу, а остальные забыли его. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, должна я была заключить изъ надписи бѣлыми буквами, на черномъ крестѣ, поставленномъ его ключницею. Маляръ переписалъ надпись точь въ точь, съ записки ключницы, сохранивъ даже ошибки противъ правописанія, которыя придавали новую цѣну ея трогательной простотѣ. Я ее записала на память:

Tous ses amis l'ont abandonnés,

C'est moi Thérèse qui a fait

Mettre cette petite croix,

Que Dieu l'aie dans sa sainte garde.

(Все друзья забыли его; я Тереза, поставила этотъ простой крестъ; да почиетъ онъ въ лопъ Божіемъ!)

Филиппонъ долженъ былъ оставить небольшое состояніе, такъ по крайней мѣрѣ говорилъ мнѣ Кальява; но такова участь старыхъ холостяковъ; наследники о нихъ знать не хотятъ послѣ ихъ смерти. Должно однако же полагать, что съ тѣхъ поръ могила этого веселаго пѣвца *Погребка* перенесена въ другое мѣсто; ибо я недавно искала ее и не нашла.

Всемъ извѣстно, какъ веселы были обѣды *Погребка*, на которыхъ сходились Дезожье, Бразье, Ружмонъ, и все знаменитые пѣсенники! Музыкантамъ захотѣлось также завести подобныя собранія. Сошлось человекъ тридцать, и стали пѣть прелестный канонъ Бертонна: *Au quiet! au feu!* Они подняли такой гвалтъ, что народъ сталъ толпиться передъ трактиромъ; явился отрядъ національной гвардіи, и его съ трудомъ убѣрили, что эти господа пѣли простой канонъ, и не затѣвали ничего предосудительнаго общему благу. Начальникъ поста долженъ былъ самъ показаться у окна, съ поклономъ въ рукѣ, и затянуть съ собесѣдниками: «*Au quiet! au feu!*»

ГЛАВА XVIII.

И такъ, я дошла до половины 1791 года. Г-жа Лемуанъ-Дюбарри рѣшительно поселилась въ Тулузъ и уже не прїѣзжала въ Парижъ; все мои воспоминанія о томъ времени находятся въ моей перепискѣ съ нею.

Г-жа Дюбарри, въ Тулузѣ.

Апрѣль, 1791.

«Едва прошелъ годъ съ праздника, который давалъ Мирабо, и онъ уже въ могилѣ. Ничья смерть никогда не произведетъ такого впечатлѣннѣя. Съ самаго начала его болѣзни, по улицѣ, гдѣ онъ жилъ, толпился народъ до самаго бульвара; бюлетени о его здоровьи передавались изъ рукъ въ руки съ невыразимымъ безпокойствомъ. Наконецъ, когда было объявлено извѣстіе о его смерти, все голоса соединились въ одинъ продолжительный стонъ; вездѣ была общая горестъ. Стали рассказывать бездну небывальщинъ; всего же болѣе распространился сначала слухъ, будто онъ былъ отравленъ двумя оперными танцовщицами; вотъ что подало поводъ къ этому нелъпому вымыслу.

«Наканунъ того дня, какъ онъ почувствовалъ первые припадки болѣзни, онъ долженъ былъ, дѣйствительно, ужинать у г. ***, съ двумя артистками оперы, которыя очень желали видѣть столь знаменитаго человека. Г. Мильенъ, будучи хорошо знакомъ съ хозяиномъ, обѣщалъ привести его, на условіи, однако-же, чтобы никого болѣе не приглашали. Въ назначенный вечеръ долго ихъ ждали, и почти уже отчаявались ихъ видѣть; но около полуночи они прїѣхали. Мирабо очень любезно извинялся передъ дамами; но не хотѣлъ ужинать, чувствуя себя не совсемъ здоровымъ, и только выпилъ рюмку малаги съ бисквитомъ. На другой день ему стало хуже, а чрезъ нѣсколько дней онъ умеръ. Вотъ вся исторія знаменитаго ужина, о которомъ столько толковали, и вотъ какъ можно вѣрить слухамъ!

«Въ день похоронъ все лавки были заперты и никто не смѣлъ выдти на улицу иначе, какъ въ траурѣ, если не хотѣлъ, чтобы народъ закидалъ его грязью. И такую же горестъ возбудила смерть его во всѣхъ городахъ Франціи. Я на слѣдующій день поѣхала въ

Лиль; насъ вездѣ останавливали и спрашивали, правда ли, что Мирабо умеръ, и что его отравили?

«Разсказывали также, будто его домашній секретарь, Комбъ, заръзался; и не удивительно; его всегда считали побочнымъ сыномъ Мирабо; отчего же ему не заръзаться съ отчаянія? Толпа не хочетъ вѣрить, чтобы знаменитые люди умирали сами собою, какъ и мы грѣшные.

«Я безъ труда выхлопотала себѣ отпускъ, чтобы давать концерты въ Лиль. Голосъ мой совершенно оправился, и врачи увѣряють, что теперь уже мнѣ за него нечего бояться.

«Поговаривають о коронованіи Германскаго императора; это непременно привлечетъ множество иностранцевъ въ Турне и въ Лиль; следовательно, концерты будутъ очень блистательны. Я надѣюсь встрѣтить тамъ леди-Монтегю. Вы знаете, какъ ея семейство было всегда ко мнѣ милостиво; теперь они живутъ въ Булони, потому что тамъ спокойнѣе, чѣмъ въ Лиль; тамъ нѣтъ гарнизона. Леди-Монтегю поручила своему шурину, полковнику Фенвику, привести меня къ нимъ; но мнѣ теперь нельзя ѣхать, о чемъ я очень жалею. Прощайте...»

Ей же.

Май, 1791.

«Я очень сожалею, что уѣхала изъ Парижа, и не могу ѣхать въ Булонь. Съ тѣхъ поръ, какъ король схваченъ въ Вареннѣ, здѣсь общее смятеніе и безпокойство. Это происшествіе переполнило всѣхъ военныхъ; почти всѣ офицеры идутъ за границу. Дорога въ Турне покуда еще свободна; но надо ожидать со дня на день, что будутъ приняты мѣры противъ эмиграціи. Поговаривають также о перемѣнѣ полковыхъ знаменъ. Всѣ эти опасенія производятъ сильное волненіе въ городѣ. Не знаю, но по слухамъ, доходящимъ до меня со всѣхъ сторонъ, надо ожидать чего-то ужаснаго. Меня мучитъ тоска, которую я боюсь, какъ бы не передать и вамъ. Тяжелое время! быть въ безпрестанномъ трепетѣ за себя и, что еще хуже, за другихъ. Одинъ мыслитель говоритъ: «Самое легкое горе, есть горе ближняго.» Я съ нимъ не согласна, потому что для меня это самое тяжелое горе. Въ другой разъ я буду вамъ писать о всѣхъ здѣшнихъ событіяхъ, по мѣрѣ ихъ совершенія; мнѣ будетъ об-

легченіемъ побесѣдовать съ кѣмъ нибудь, кто бы меня понималъ. Сколько людей слушающихъ одними ушами, для которыхъ языкъ сердца недоступная грамота. Жаль только, что мы съ вами должны бесѣдовать въ такомъ отдаленіи!

Ей же.

Май, 1791.

«Турне, какъ вамъ извѣстно, не далеко отъ Лилля. Я ѣзжу туда каждый четвергъ, пѣть въ концертахъ по подпискѣ, и встрѣчаю тамъ всѣхъ эмигрировавшихъ офицеровъ. Я для нихъ что-то въ родѣ тайной почты; каждый разъ, передъ моимъ отъездомъ, ихъ родные и друзья даютъ мнѣ кучу писемъ, которыхъ они не смѣютъ пересылать по почтѣ.

«Едва я являюсь на площади, карету мою тотчасъ окружаетъ толпа щегольскихъ мундировъ; эти господа величаютъ меня своимъ провидніемъ; я имѣю здѣсь неслыханные успѣхи; но такъ какъ нѣтъ въ жизни добра безъ зла, то меня уверяютъ, что я этимъ подвергаюсь опасности быть порядкомъ освистана въ Лилль нѣсколькими невѣждами. Ни съ той, ни съ другой стороны границы нѣтъ большаго согласія; мнѣ случается видѣть здѣсь бѣлья кокарды, которыя черезъ недѣлю, я, къ удивленію своему, встрѣчаю въ Лилль превратившимися въ трехцвѣтныя. Но будь, что будетъ; зачѣмъ не услужить ближнему, когда можно? Вы, впрочемъ, сами знаете, что я никогда не отличалась осторожностью, а тѣмъ менѣе, когда дѣло идетъ объ услугѣ.

— «Когда я дописывала последнюю фразу, я не думала, чтобы мнѣ такъ скоро пришлось дать образчикъ своей неосторожности и готовности служить. Дѣло важное, прошу повѣрить. Еслибъ я посоветовалась съ пріятелями, меня бы навѣрное отговорили; но мнѣ признаться, нѣкогда было совѣтоваться, да и не было охоты. Безъ дальнихъ разсужденій, вотъ какъ это было.

— «Я собиралась послѣ обѣда вѣхать въ Турне, какъ вдругъ являлся одинъ англичанинъ, лордъ Пурфройдъ, котораго я едва знала въ лицо. Это человекъ среднихъ лѣтъ, почтенной наружности, слышущій за человека рѣдкаго ума. Извинившись въ своемъ неожиданномъ посѣщеніи, онъ говоритъ мнѣ: «Вы можете, сударыня, оказать важную услугу полковнику Верньету и его семейству.»

— Я? какую же услугу?

— «Вот такую: вы, можетъ быть, и не подозреваете, какъ дорого военному человѣку внутреннее ему знамя; чтобы дать вамъ о томъ понятіе, скажу вамъ, что оно ему еще дороже, чѣмъ самая щегольская шляпа хорошенькой женщины».

— «А, отвѣчала я, улыбаясь: вы, какъ видно, считаете меня удивительно пустою женщиною».

— «Нѣтъ, не пустою, а молодую женщину».

— «Да я ужъ знаю, что господа англичане имѣютъ очень невыгодное понятіе о нашихъ соотечественницахъ».

— «Вы увидите, что мое мнѣніе о васъ совсѣмъ не таково; ибо я считаю васъ способною на мужественный подвигъ».

— «Въ чемъ же дѣло?»

— «Я вамъ это сейчасъ объясню. Если, какъ я вамъ говорилъ, знамя священнѣйшій кладъ военному человѣку, вы можете себя представить, какъ священна ему орифламма Карла Мартеля, внутренняя съ незапамятныхъ временъ полку, которымъ командуетъ полковникъ Верьетъ. Онъ ѣдетъ сегодня въ Турне съ нѣсколькими офицерами, которые выѣдутъ въ разныя заставы; но, вслѣдствіе новаго декрета, онъ вѣроятно подъ строгимъ надзоромъ, и подозревается въ намѣреніи эмигрировать. Онъ скорѣе умретъ, чѣмъ броситъ орифламму; если же онъ возьметъ ее съ собою его могутъ схватить, и тогда онъ погибнетъ самъ, и не спасетъ ея. Только посторонняя женщина можетъ взяться за это дѣло, не возбуждая подозрѣній. Я не предлагаю вамъ за это награды, потому что знаю, что вы ее не примете».

— «Вы не ошиблись, только на такомъ условіи могу я согласиться. Я артистка, и часто ѣзжу взадъ и впередъ по этой дорогѣ. Такъ-какъ я почти не имѣла никакихъ сношеній съ г. Верьетомъ, то нѣтъ никакого повода подозревать меня въ соучастіи».

— «Сиръ Гарднеръ пріѣдетъ за вами въ четыре часа, въ коляскѣ; я повѣду за вами верхомъ, и если на границѣ встрѣтится какое нибудь затрудненіе со стороны таможенныхъ, то мы скажемъ, что коляска наша, и что мы предложили вамъ въ ней мѣсто. Такимъ образомъ, вы не подвергнетесь никакой опасности. Если бы была опасность, мы бы не предложили вамъ взяться за это дѣло».

«Опасность, однако-же, была, но я о ней и не думала. Я все приготовила къ отъѣзду; въ назначенный часъ явились мои спутники. Я спрятала орифламму подъ свой дорожный капотъ; она была не

велика, но обшита чрезвычайно тяжелою бахрамою, и потому не легко было ее упрятать. Была еще другая опасность въ нашей поѣздкѣ, которой я, впрочемъ, не знала. Мы ѣхали въ старинной, дорожной коляскѣ, въ которой спереди былъ кожаный чемоданъ; онъ былъ набитъ мѣшками денегъ. Я это замѣтила только дорогой, потому что отъ тряски бичевка, которою были привязаны мѣшки, оборвалась; они разсыпались въ чемоданъ и стали такъ сильно колотиться, что звонъ ихъ былъ слышенъ издалека. Мы пытались ихъ опять привязать, но не могли. Этого было достаточно, чтобы остановить нашу коляску на границѣ; ибо строго было запрещено вывозить деньги. Если бы въ добавокъ вздумали меня обыскать, мы бы все пропали.

«Наконецъ, достигли мы пограничной межи. Таможенный приставъ подошелъ къ коляскѣ, и спросилъ, нѣтъ ли у насъ чего запрещеннаго. Онъ уже стоялъ на подножкѣ, и положилъ руку на роковой чемоданъ. Если бы онъ взглянулъ на меня, моя блѣдность все бы ему открыла. Г. Гарднеръ сказалъ мнѣ по англійски, что онъ дастъ ему золотой; я схватила его руку.

— Нѣтъ, двадцать четыре су, сказала я.

«Золотой возбудилъ бы въ немъ подозрѣнiе; я впоследствии видала тому не одинъ примѣръ.

— «Ну, что у васъ будетъ? продолжалъ таможенный приставъ; господа англичане ѣздятъ въ Турне только повеселиться, а госпожа знакомая; она здѣсь не въ первый разъ проезжаетъ.

«Опъ сошелъ съ подножки, и мнѣ стало легче на душѣ.... Мы поѣхали шагомъ, чтобы деньги не слишкомъ громко колотились: и какъ скоро мы отъехали довольно далеко, мы остановились. Мнѣ нужно было перевести духъ, я совершенно выбилась изъ силъ; не смотря на то, я была довольна и гордилась своимъ подвигомъ, не хуже полководца, выигравшаго генеральное сраженiе. Въ Турне ждалъ насъ уже полковникъ Верньетъ съ своимъ семействомъ; жена его, для избѣжанiя подозрѣнiй, вышла съ дѣтьми въ извозничьей каретѣ въ другую заставу. Можно себя представить, какъ меня благодарили, какъ дивились моему рѣдкому мужеству, моему присутствию духа. Я располагала пробыть въ Турне дня два; но вѣрный чело-вѣкъ, слуга сира Гарднера, извѣстилъ его, что въ Лилль страшный нумъ; что солдаты клялись избить всѣхъ, способствовавшихъ похищенiю орифламмы; поговаривали объ участiи женщины. Мало ли ихъ

проѣзжало каждый день по Турнейской дорогѣ? Посовѣтовавшись, мы рѣшили, что мнѣ лучше немедленно ѣхать назадъ, пока не замѣтили моего отсутствія въ Лилль. Того же человѣка, который принесъ извѣстіе, послали отыскать мнѣ экипажъ; по странному случаю, я поѣхала въ той же самой каретѣ, въ которой пріѣхала г-жа Верньетъ. Впоследствии, я узнала, что коляска, въ которой я совершила свою опасную поездку, принадлежала полковнику, и что ее легко было узнать по кривой лошади. Она долго стояла у моего подъезда. Всѣ эти примѣты легко могли бы навести на слѣдъ, еслибъ кто пибудь возымѣлъ малѣйшее подозрѣніе. Къ счастью, это никому не пришло въ голову. Когда я воротилась въ Лиль, въ тотъ же день приходили ко мнѣ нѣкоторые офицеры полка Верньета, спрашивали, не видала ли я полковника или не слыхала ли о немъ? Я смѣло отвѣчала нѣтъ, даже лицамъ, которые принимали участіе въ немъ; малѣйшая нескромность могла бы погубить меня. Вскорѣ за тѣмъ я выѣхала изъ Лилля, потому что положеніе дѣлъ въ этомъ городѣ становилось съ каждымъ днемъ страшнѣе и грознѣе. Благодаря Бога, я уже была далеко, когда добрый Дильонъ былъ зарѣзанъ. Иначе я могла бы подвергнуться той же участи, потому что я то и дѣло пускалась въ новыя безразсудства.

ГЛАВА XIX.

Къ 10-му августа я была въ Парижѣ. Событія этого дня принадлежать исторіи, но эпизоды ихъ относятся къ каждому, кто былъ ихъ свидѣтелемъ; ибо для каждаго тутъ разыгрывалась своя драма. Эти быстро смѣняющіяся картины, ужасавшія мою молодость, возстаютъ передо мною, какъ привидѣнія, и свѣжи въ моей памяти, какъ будто происходили вчера. Каждое обстоятельство этой ужасной сцены имѣло свой интересъ. У кого изъ насъ не было тутъ родныхъ, друзей, хорошихъ знакомыхъ? Каждый смотритъ на вещи съ той точки, гдѣ онъ самъ находится. Но зачѣмъ забывать впередъ, въ подробности этихъ кровопролитныхъ дней? Я такъ мало ожидала ихъ, наканунѣ, что кажется, никогда не бывала такъ спокойна съ возвращенія своего изъ Лилля. Въ столицѣ все было тихо; занимались только удовольствіями и нарядами; балы Воксала и Ранелага были чрезвычайно блистательны; по улицамъ говорили обо всемъ довольно свободно;

словомъ, мы плясали на вулканъ, негадая о предстоящемъ изверженіи.

Отець мой только за нѣсколько дней передъ тѣмъ пріѣхалъ въ Парижъ, по дѣламъ; онъ жилъ противъ меня; я же занимала, съ нѣкоторыми другими артистами, квартиру въ домъ театра Ришельё. Кажется, уже девятаго августа ожидали чего-то необычайнаго; ибо національной гвардіи отдавъ былъ приказъ занять разные посты.

Мишо и мужъ мой числились въ одномъ отрядѣ; вечеромъ они и нѣсколько ихъ товарищей пришли въ мундирахъ; я на это не обратила вниманія, потому-что они часто бывали дежурными. Я вышивала шарфъ, въ ожиданіи ужина; нѣсколько мужчинъ разговаривали вполголоса въ соседней комнатѣ. Мой мужъ съѣлъ къ бюро и сталъ писать, а отецъ ходилъ съ безпокойствомъ по комнатѣ; Мишо подошелъ ко мнѣ.

— Такъ вотъ, сказалъ онъ, посмотрѣвъ на мое шитье, что называется шарфомъ à la Coblenz? (тогда все, что было въ модѣ, называлось à la Coblenz).

Я уже знала его замашку дразнить меня, и не отвѣчала ни слова.

— Помилуй, братецъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ моему мужу; какъ можешь ты позволять женѣ носить шарфы à la Coblenz?

— Есть мнѣ когда заботиться о бабьихъ тряпкахъ! отвѣчалъ мой мужъ, продолжая писать.

— Вы, вѣроятно, дошиваете его къ завтрашнему балу въ Рanelatъ, продолжалъ Мишо; да увѣрены ли вы, что поѣдете на балъ?

— Что же мнѣ можетъ помѣшать ѣхать на балъ?

— Мало ли что? хоть дурная погода.

Между тѣмъ подали ужинъ. Мужъ мой отвелъ Мишо въ сторону, и опять съѣлъ за письменный столъ. Онъ не ужиналъ, не смотря на то, что ему говорили, что придется, пожалуй, провести всю ночь на ногахъ. Я вхожу во всѣ эти мелочи, чтобы показать, что когда нашъ бѣдный умишко не направленъ къ тому, чтобы опасаться, мы ничего не предвидимъ: нерѣдко случается, что мы веселы, какъ нельзя болѣе, а за плечами у насъ ужасное несчастье; если же мы боимся какой нибудь бѣды, родившейся въ нашемъ воображеніи, все намъ кажется предчувствіемъ.

Мишо съѣлъ за ужиномъ подлѣ меня и рассказывалъ мнѣ бездну забавныхъ анекдотовъ, которые въ его устахъ дѣлались еще забавнѣе. Я не помню, чтобы я когда либо столько смѣялась, какъ въ этотъ вечеръ; мнѣ и въ голову не приходило, что не даромъ одни

ходили съ безпокойствомъ по комнатамъ, другіе перенептывались; выбгали къ дверямъ, каждый разъ, какъ раздавался колокольчикъ; вѣроятно затѣмъ, чтобы предупредить входящихъ, не говорить ничего при мнѣ. Пришелъ Батистъ младшій, съ ружьемъ въ рукахъ, онъ былъ въ гренадерахъ и жилъ въ одномъ домѣ съ нами.

— По какому это случаю вы сегодня всѣ дежурные?

— Дежурные? отвѣчалъ онъ съ тѣмъ выраженіемъ глупости, которое было бы такъ хорошо на театрѣ; да еще надо знать, будемъ ли мы дежурными?

Мой мужъ предложилъ моему отцу почевать въ его комнату, которую онъ велѣлъ для него приготовить.

— Къ чему безпокоить батюшку? возразила я; онъ и такъ недалеко отъ меня; не въ первый разъ притомъ не будетъ ночью ни одного мужчины въ домъ.

Но отецъ самъ сказалъ мнѣ, что желаетъ почевать въ комнату моего мужа и я пошла посмотреть, все ли было для него приготовлено. Въ одиннадцать часовъ всѣ эти господа ушли; мой мужъ подошелъ къ колыбели нашей дочери, обнялъ ее, потомъ пришелъ обнять меня.

— Боже мой, сказала я, смѣясь, какъ ты сегодня пѣженъ; однако-же ты, кажется, не на долго собираешься.

Ничто не могло нарушить моего безпечнаго спокойствія. Какую бы ужасную ночь я провела, еслибы могла только подозрѣвать, что долженствовало случиться! но всѣ родные берегли мои силы къ слѣдующему дню. Моя вѣрная Маріанна, добрая лангедокская крестьянка, кормившая мою дочь и любившая пасъ, какъ родныхъ, догадывалась, по доходившимъ до нея слухамъ, что будетъ шумъ, но ей приказано было молчать, и она не тревожила моего сна.

Только на слѣдующее утро, чѣмъ свѣтъ, она вошла въ мою комнату и отдернула занавѣски; она была такъ блѣдна, что я испугалась.

— Что случилось? спросила я, дрожа отъ страха и накинувъ шлафрокъ: гдѣ отецъ?

— Онъ уже болѣе часу, какъ ушелъ со двора.

Я побѣжала къ дверямъ, хотѣла сойти внизъ; но ноги подгибались подо мною.

— Куда вы, сударыня? Вы не найдете г. Флѣри, а по улицамъ безпрестанно проносятъ головы на пикахъ, подъ самыми колоннами театра.

Тутъ я вспомнила, что мужъ мой наканунѣ весь вечеръ писалъ; я поспынно отворила конторку и схватила бумагу; это было его завѣщаніе и безконечная инструкція, которой я не могла даже читать, потому что голова у меня горѣла и помутилось въ глазахъ.

Я металась, какъ угорѣлая; малютка моя плакала въ своей колыбелькѣ; я наконецъ вырвалась изъ рукъ Маріанны и побѣжала, въ чемъ была, на лѣстницу. По ступенямъ тѣснились дѣти, женщины, перепуганныя не менѣе меня; онѣ не могли дать мнѣ никакихъ свѣдѣній; сказали только, что ворота заперты, и что въ домъ стрѣляютъ точно въ осажденную крѣпость. Я сошла внизъ; узнала, что отворенъ одинъ выходъ на улицу Сент-Оноре и отправилась туда. Къ счастью, я встрѣтила отца, который, увидѣвъ меня въ такомъ положеніи, отвелъ меня домой; самъ онъ не могъ оставаться дома, всѣхъ мужчинъ звали къ оружію, приходили за ними на квартиры, и хотя мы жили въ пятомъ этажѣ, онъ боялся привлечь какаго нибудь бѣшенаго кровопійцу; онъ только успѣлъ сказать мнѣ, что отрядъ моего мужа находился на Елисейскихъ поляхъ. Я взяла на руки свою бѣдную малютку, которая выползла изъ люлки и плакала на лѣстницѣ, и пошла съ нею въ комнаты. Отецъ мой взялъ съ собою ружье, но далъ мнѣ слово, какъ можно менѣе удалиться отъ нашего дома. Маріанна догадалась съ самаго ранняго утра сходить за хлѣбомъ и съвѣстными припасами, предвидя, что позднѣе всѣ лавки будутъ затворены. Тогда-то она встрѣтила толпу сорванцовъ, несшихъ на пикахъ головы Дювижъ и аббата Бульона, которыхъ она хорошо знала, и часто видала у насъ въ домѣ; это были двѣ первыя жертвы этого кровопролитнаго дня.

Наибольшее волненіе происходило въ нашемъ окологдѣ, по соседству Тюльрійскаго дворца; кто успѣлъ спастись, скрывался за рѣшетками, и съ обѣихъ сторонъ стрѣляли. Не смотря на это, Софія, жена Мишо, пробралась ко мнѣ, со одною своею пріятельницею, жившею въ томъ же домѣ. Эти двѣ женщины, слабыя, нѣжныя, были одарены неустрашимостью, которой никто бы въ нихъ не предполагалъ. Одна изъ нихъ интересовалась однимъ дежурнымъ офицеромъ при королѣ и очень о немъ беспокоилась. Онѣ проходили вдвоемъ, между ядеръ, пуль и всевозможныхъ опасностей, чтобы что нибудь узнать. Одинъ знакомый сказалъ Софіи, что ея мужъ и мой едва не были убиты неистовою толпою, за то, что хотѣли защитить нѣсколько швейцарцевъ; но что къ нимъ подоспѣло подкрѣ-

пление, и что они успели запереть швейцарцевъ въ какой-то конюшню и охраняли ихъ тамъ, объявивъ народу, что они за нихъ отвѣчаютъ. Толпа за тѣмъ пошла въ другое мѣсто; болѣе мы ничего не могли узнать о своихъ мужьяхъ во весь день.

Отецъ мой заходилъ домой отъ времени до времени; часу въ третьемъ онъ привелъ съ собою знакомаго намъ адвоката, Моленъ, чело­вѣкъ очень умнаго, сотрудника журналовъ; последнее обстоятельство въ настоящемъ случаѣ было не очень утѣшительно. Съ нимъ былъ также г. Купиньи, котораго я еще мало знала; онъ тогда только что привхалъ изъ Америки. Мы съ радостью принимали каждаго, кто бы ни приходилъ, въ надеждѣ получить какія нибудь свѣдѣнiя; но рассказы въ первыя минуты подобныхъ безпорядковъ обыкновенно такъ обманчивы! Каждый повторяетъ, что самъ слышалъ, запоминаетъ то, что ему прiятнѣе, или чего онъ боится: одно и тоже происшествiе рассказываетъ на двадцать ладовъ; эти разнорѣчiя только еще болѣе пугали насъ. Купиньи и Моленъ и сами были не совсѣмъ спокойны духомъ, хотя и увѣряли насъ впоследствии, что вовсе не боялись; но такъ обыкновенно говорится, когда минетъ опасность; каждый готовъ спорить, что онъ всѣхъ болѣе содѣйствовалъ, или что онъ все переносилъ съ примѣрнымъ мужествомъ.

У насъ въ домъ былъ маленькiй савояръ, мальчикъ лѣтъ восьми, котораго я держала для прислуги. Онъ былъ чрезвычайно расторопенъ, вѣренъ и ничего не боялся. Съ самаго утра онъ мучилъ меня, чтобы я отпустила его на Елисейскiя поля, гдѣ, онъ слышалъ, находится баринъ.

— Да вѣдь тебя убьютъ, зачѣмъ тебѣ идти? Видишь, какъ вездѣ стрѣляютъ изъ ружей? того и смотри, что задънетъ.

— О, не бойтесь, не задънетъ; я буду проходить между ногъ лошадей.

— Если тебѣ непременно хочется идти со двора, такъ ступай, пожалуй, въ Сень-Жерменское предмѣстье, къ моимъ невѣсткамъ; онъ вѣроятно очень объ насъ беспокоится.

Съ этой стороны было менѣе опасности. Онъ отправился, но прежде всего зашелъ на Елисейскiя поля, какъ я узнала на слѣдующiй день. Весь вечеръ онъ прошатался между Каруселемъ и Луврскою площадью; вездѣ онъ просовывался, все подслушивалъ. Онъ доставлялъ намъ самыя вѣрныя свѣдѣнiя. Ярость мятежниковъ была такова,

что они били безъ разбору всѣхъ, кто только былъ въ красномъ платьѣ. А какъ красной цвѣтъ былъ въ большой модѣ за годъ передъ тѣмъ, то у многихъ еще было красное платье. Досталось и бѣднымъ рестораторамъ, называвшимся въ то время швейцарцами, и швейцарамъ знатныхъ домовъ; никому не было пощады. Невозможно было образумить этихъ хищныхъ звѣрей; люди настоящіе тигры; когда они понюхали крови, такъ ихъ уже ничѣмъ не остановишь.

Очень опасно было также попасться въ военномъ мундирѣ; Серсильи и Д***, (тотъ самый офицеръ, которымъ интересовалась пріятельница г-жи Мишо), находились съ королемъ въ залъ депутатовъ.

— «Ихъ убьютъ, говорили бѣдняжки, если они пойдутъ чрезъ Луврскую площадь въ мундирахъ; Боже мой, что дѣлать?»

— «Одѣться обвѣмъ торговками, г-жа Мишо, и отвести имъ въ передникахъ статское платье, сказала Маріана.

Бѣдняжка бросилась обнимать ее отъ радости, и рѣшилась идти за платьемъ для обоихъ офицеровъ. Она знала, что Д*** не согласился бы оставить своего пріятеля, если онъ подвергался малѣйшей опасности. Мы сдѣлали, что могли, чтобы отговорить двухъ пріятельницъ отъ ихъ безразсуднаго намѣренія; ибо, не смотря на свое мужество, онъ могли не успѣть пробраться къ офицерамъ, но если бы ихъ узнали, подъ ихъ нарядами, онъ бы погибли. Но онъ не хотѣли нечего слушать. Молодая дама побѣжала за пужнымъ платьемъ, и возвратилась въ костюмъ своей кухарки. Софія надѣла платье Маріанны, которая хотѣла непременно дать ей свои праздничные наряды, и не могла понять, что за охота барынь надѣвать ея засаленный чепецъ. Онъ испачкали себѣ руки и лица, но несмотря на то, какъ ни старались себя изуродовать, все таки были обворожительны.

Онъ переняли, какъ могли, пріемы торговокъ, которыхъ видали на театрѣ, въ пьесахъ Ваде, и отправились въ путь, съ мужскимъ платьемъ въ передникахъ. Мы смотрѣли имъ вслѣдъ, трепеща за нихъ, и едва надѣясь увидѣть ихъ живыми. Я велѣла своему совояру слѣдить за ними издали, и подождать ихъ, чтобы дать намъ о нихъ свѣдѣніе. Богъ помогъ ихъ доброму дѣлу; онъ успѣли, благодаря беспорядку, пробраться темными корридорами, туда, гдѣ находились офицеры и открыть имъ свое убѣжище.

Серсильи пришелъ первый и сдѣлалъ знакъ своему другу. Переодѣться было не трудно; но онъ хотѣли снести домой мундиры, ко-

которые могли бы навести на следъ самихъ хозяевъ. Офицеры этому рѣшительно противились; но какъ много разсуждать было некогда, онъ убѣжали съ мундирами. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы онъ попали дорогою въ руки нѣсколькихъ старыхъ бабъ, которыя были еще кровожаднѣе мужчинъ, ихъ изрубилъ бы въ куски. Провиднѣе хранило ихъ; онъ возвратились цѣлы и невредимы. Я бросилась къ нимъ на шею, плакала отъ радости; у меня отлегло отъ сердца. Однимъ страхомъ менѣе, а ихъ оставалось еще довольно!

Я дивилась мужеству одной, но осуждала безразсудство другой, ибо изъ чего было ей подвергаться почти неминуемой смерти? Женщины въ эти страшные годы безпрестанно являли изумительные примѣры самоотверженія. Мой маленькій савояръ принесъ мнѣ записку отъ невѣстокъ: у нихъ въ Сень-Жерменскомъ предместьи еще не знали никакихъ подробностей и всѣ выходы были охраняемы, почти не было проходу. Онъ писали мнѣ, что до нихъ доходили слухи, которымъ онъ не могли вѣрить. Къ-несчастью, трудно было придумать что либо ужаснѣе дѣйствительности. Улицы, площади были усыяны трупами, въ особенности Палерояльская площадь. Воспоминаніе объ этомъ днѣ до сихъ поръ обдаеть меня холодомъ. А между тѣмъ это было одно только приготовленіе къ еще ужаснѣйшимъ сценамъ; 10-го августа можно было по крайней мѣрѣ продавать свою жизнь дорогою цѣною; но 2-го и 3-го сентября разъяренная чернь хладнокровно рѣзала беззащитныхъ людей, и эта рѣзня продолжалась три дня сряду!

Я не буду останавливаться на этихъ мрачныхъ картинахъ; скажу только, что Серсильи и Д***, которыхъ г-жа Мишо и ея пріятельница спасли отъ первой опасности, во время сентябрьской рѣзни, находились въ тюрьмѣ Сень-Пелажи. Я не выходила со двора, и потому не знала ничего въ точности. Нѣсколько дней спустя, я попросила мужа развѣдать о нихъ, сколько это было возможно безъ опасности для себя. Ему сказали, что Д*** видѣли между убитыми; одинъ національный гвардеецъ узналъ его трупъ. Когда тюрьмы стали доступны, таже молодая дама, не имѣя точныхъ свѣдѣній о его заключеніи, просила меня сходить туда съ нею. Она узнала, что Серсильи точно въ Сень-Пелажи, и надѣялась получить отъ него нѣкоторыя свѣдѣнія. Увѣрившись сначала въ дозволеніи посѣщать заключенныхъ, мы спросили Серсильи; его вызвали къ намъ на дворъ, и онъ разсказалъ намъ въ самыхъ ужасныхъ краскахъ все, что онъ видѣлъ и испыталъ.

— «Я не могу сказать положительно, сказалъ онъ въ заключеніе, былъ ли Д*** схваченъ въ одно время со мною; ему можетъ быть удалось скрыться.» — Но въ то же время онъ украдкою кивнулъ мнѣ головою, въ подтвержденіе того, что я слышала прежде (*). Я возвратилась домой съ разгорѣвшеюся головою.

— «Если я останусь здѣсь, сказала я мужу: я сойду съ ума.

— «И не мудрено, отвѣчалъ онъ; что-жъ тебѣ за охота ходить по мѣстамъ, которыя только напоминаютъ прошедшіе ужасы; что было, того не передѣлаешь, а ты только себя вредишь. Поѣзжай назадъ въ Лиль, если хочешь, къ леди Монтегю.

Я такъ и хотѣла сдѣлать, но не могла исполнить своего намѣренія, потому что опасно захворала. Едва я успѣла оправиться, какъ приѣхалъ изъ Бельгіи Дюмурье, и въ честь его былъ данъ праздникъ у Тальмы. Юлія настаивала, чтобы я отложила свой отъѣздъ, на что я безъ труда согласилась.

ГЛАВА XX.

Описаніе праздника, который Тальма далъ въ честь Дюмурье, 16 октября 1792 года, я также отыскала въ письмѣ, которое я на слѣдующій день писала г-жѣ Лемуанъ-Дюбарри.

Г-жѣ Лемуанъ, -Дюбарри, въ Тулузѣ.

«Не знаю, какъ вамъ описать самую странную и самую страшную, можетъ быть, сцену, какая когда либо видана. Юлія Тальма и ея мужъ созвали нѣсколько друзей въ своемъ прелестномъ домикѣ въ Шатренской улицѣ, чтобы праздновать возвращеніе Дюмурье, послѣ его Бельгійскихъ побѣдъ; тутъ были: Верньо, Бриссо, Бойе-Дюко, Миленъ, генералъ Сантеръ, Жоржъ Шенье, Дюгазонъ, г-жа Вестрисъ, дѣвѣцѣ Дегарсенъ и Кандель, Алафъ, Сукъ, Ріуфъ, Купшны, мы и нѣсколько другихъ лицъ. Дѣвица Кандель играла на фортепяно, какъ вдругъ глухой шумъ возвѣстилъ прибытіе Марата, и съ нимъ Дюбиоссона, членовъ комитета общественной безопасности. Я тутъ въ первый разъ увидѣла Марата, и надѣюсь, это будетъ въ послѣдній. Но будь я живописецъ, я бы тотчасъ на-

(*) Много лѣтъ спустя, гуляя въ Тюльрійскомъ саду, я встрѣтилась лицомъ къ лицу съ Д***: Я была такъ поражена, что упала въ обморокъ, и меня внесли на рукахъ въ кофейню. Когда я очулась, первый представился мнѣ опять онъ же. Потомъ онъ подробно разсказалъ мнѣ по какому случаю его считали погибшимъ въ сентябрьской рѣзвѣ.

писала его портретъ; такъ лицо его меня поразило. На немъ была карманьолка, на головѣ повязанъ красный бумажный платокъ, тотъ самый вѣроятно, который онъ уже нѣсколько лѣтъ повязывалъ на ночь, изъ подъ платка висѣло нѣсколько прядей засаленныхъ волосъ, на шеѣ мотался едва завязанный галстухъ. Вотъ его рѣчь, я ее упомянула отъ слова до слова.

— «Гражданинъ, депутация друзей свободы явилась въ военное правленіе, сообщить тебѣ касающіяся до тебя дѣлени. Мы пришли къ тебѣ на домъ, но нигдѣ не могли найти тебя. Не ожидали мы застать тебя въ подобномъ домѣ, среди скопища развратныхъ женщинъ и контрареволюціонеровъ.

Тальма вышелъ впередъ и отвѣчалъ: — «Гражданинъ Маратъ, по какому праву приходишь ты ко мнѣ, позорить нашихъ женъ и сестеръ?

— «Неужели я не могу, продолжалъ Дюмерье, отдохнуть отъ воинскихъ трудовъ среди искусствъ и въ кругу друзей, не подвергая ихъ опасности слышать твои безстыдныя ругательства?

— «Этотъ домъ вертепъ контрареволюціонеровъ.

И онъ вышелъ, съ самыми ужасными угрозами. Всѣ гости были поражены страхомъ и безпокойствомъ; ибо не было сомнѣнія, что послѣдствіемъ этого происшествія будетъ доносъ. Кто-то хотѣлъ было обратить это въ шутку, но самая улыбка его очевидно было принужденіе. Дюгазонъ, который не можетъ часу прожить безъ шутки, схватилъ курильницу, и сталъ окуривать слѣды Марата. Эта выходка немножко развеселила насъ, но праздникъ былъ испорченъ. Мы пѣли романсы Гара, дѣвица Кандель превосходно играла на фортепяно, а толстякъ Лефевръ на флейтѣ.

На слѣдующій день, по всему Парижу кричали: *Великій заговоръ открытъ гражданиномъ Маратомъ, другомъ народа. Великое собраніе жирондистовъ и контрареволюціонеровъ у Тальмы.*

«До сихъ поръ, никто еще не былъ арестованъ, но какая пріятная перспектива для всѣхъ, участвовавшихъ въ этомъ собраніи, и для хозяина.

Немало я была изумлена, прочитавъ нѣсколько лѣтъ назадъ, въ одной книгѣ подъ названіемъ: *Жирондисты*, слѣдующія слова по случаю этого праздника: «Былъ балъ у дѣвицы Кандель, у которой Тальма занялъ квартиру, чтобъ праздновать возвращеніе генерала Дюмерье. Женщины были въ греческихъ и римскихъ костюмахъ,

полунагія. Тальма оживлялъ этотъ праздникъ, на которомъ присутствовали г-жа Роландъ, дѣвица Монвель и многіе другіе.» Еслибы авторъ этой книги получше зналъ факты, онъ вспомнилъ бы, что у Юліи Тальмы былъ еще свой домъ, и что она слинкомъ хорошо умѣла принимать сама, чтобы мужу ея была надобность обращаться къ дѣвицѣ Кандель, которая тутъ была просто въ числѣ гостей. Бала не было, а былъ музыкальный вечеръ, на который всѣ артисты явились въ угожденіе Юліи Тальмы. Дамы вовсе не были одѣты по-гречески или по-римски, потому что это было въ 1792 году, а греческіе и римскіе костюмы были введены только въ 1795 году, во время Директоріи и въ началѣ Консульства, подъ покровительствомъ госпожъ: Тальенъ, Реньо-де-Сент-Анжели и другихъ тогдашнихъ царицъ моды. Слѣдовательно и обвиненіе въ непристойности дамскихъ нарядовъ ни на чемъ не основано. Дѣвицѣ Монвель было тогда четыре года, и ни ея, ни г-жи Роландъ не было на этомъ вечерѣ; г-жа Роланъ вообще рѣдко бывала у Тальмы; ее видели у него только одинъ разъ.

Речь Марата къ Дюмурье явилась на слѣдующій день въ *Другъ Народа*; но гражданинъ Маратъ не заблагоразсудилъ напечатать отвѣтъ Тальмы и Дюмурье.

Въ день похоронъ Марата, Дюгазонъ былъ арестованъ и просидѣлъ весь день на гаубтвахъ. Вечеромъ его отпустили; когда онъ сталъ требовать, чтобы ему объяснили, за что онъ былъ арестованъ, ему отвѣчали, что онъ не достоинъ присутствовать при апофеозѣ такого великаго мужа!

Вскорѣ послѣ праздника у Тальмы, я отправилась въ Лиль, давать концерты. Я еще не успѣла оправиться послѣ всего, что видѣла въ Парижѣ, а тамъ ожидали меня новыя тревоги. Вотъ что я писала изъ Лилля г-жѣ Лемуанъ:

Г-жѣ Лемуанъ-Дюбарри, въ Тулузѣ.

Лиль, октября 1793 года.

«Когда вы получаете письмо отъ меня, вы можете напередъ сказать: «Верно опять попала въ какую-нибудь бѣду. Что бы ей сидѣть себѣ спокойно въ Парижѣ?..» Да, сидѣть спокойно, легко сказать. Теперь хоть развѣзжай, хоть сиди дома, не сегодня—такъ завтра непременно дождешься чего нибудь, выходящаго изъ обыкновеннаго порядка вещей. Надо согласиться, что счастливы наши отцы были тѣмъ, что не видали подобныхъ временъ. И вѣицѣ ли сидѣть дома?—

пѣвцы съ давнихъ поръ народъ кочевой. Но чѣмъ жаловаться, лучше рассказать вамъ мое новое горе. Представьте себѣ, что я пріѣхала въ Лиль, какъ-разъ къ осады; ужъ мнѣ видно на роду написано соваться туда, гдѣ есть опасность. Я только что нѣсколько недѣль прожила въ Лилль, и никто ничего не ожидалъ, какъ вдругъ городъ осадили; сначала это поразило насъ, какъ громомъ, но скоро мы привыкли, и уже не обращали на это вниманія; даже накаленные ядра стали намъ ни почемъ; ихъ просто подбирали на сковороды или на желѣзные листы, не давая имъ лопать. Это новое открытіе, котораго я прежде и не подозрѣвала; вы можете имъ воспользоваться, если вамъ придется (отъ чего храни васъ Богъ) быть въ осажденномъ городѣ. Впрочемъ, будьте увѣрены, что я сама ихъ не подбирала, а только смотрѣла, какъ ихъ подбирали другіе.

«Этотъ образъ жизни однакоже сталъ намъ въ тягость, и по городу началъ ходить ропотъ; но генералъ Мену объявилъ, что первый, кто заговоритъ о сдачѣ будетъ повѣшенъ. Послѣ этого дружескаго предупрежденія, никто уже не смѣлъ высказывать вслухъ своего образа мыслей. Надо однакоже рассказать вамъ все въ подробности; когда опасность прошла, возвращается веселость. Какъ я уже говорила, никто ничего не ожидалъ, какъ вдругъ узнали мы, что австрійская армія приближается по Турнейской дорогѣ. Все бросились искать лошадей, экипажи, тельги, чтобы выѣхать изъ города, въ которомъ женщины, дѣти, старики ѣли только попусту хлѣбъ и увеличивали опасность. Но извозчики и другіе люди, обогащающіеся народными бѣдствіями, заломили такія цѣны, что многіе жители не въ состояніи были платить, и должны были остаться. Тѣ, у кого были брилліанты, или серебро, пытались ихъ продать, чтобы добыть денегъ; но вещи, хорошо сбываемыя за нѣсколько дней, мгновенно утратили всю свою цѣнность, и никто не давалъ уже за нихъ и четверти ихъ цѣны; къ довершенію нашего ужаса, непріятельская армія подошла къ городу и начала приступъ. Нѣкоторые надѣялись сначала, что можно еще выѣхать въ противоположную заставу, но уже было поздно. Какъ скоро ядра были пущены въ городъ, народъ сталъ собираться беспорядочными толпами по площадямъ. Цѣлыя семейства укрывались въ погреба, и большая часть едва успѣвали захватить съ собою кой-какіе припасы и платье. Тутъ-то я видѣла въ дѣйствительности равенство, о которомъ столько толкуютъ и пишутъ; несчастье всѣхъ родило, уничтожало разстоянія. Богатые и бѣдные помогали другъ другу, дѣлились между

собою по-братски, потому что и ты и другіе подвергались одной опасности. Когда приносили раненаго, все бросались помогать ему; каждый готовъ былъ отдать последнее свое бѣлье на корпію. Жители горѣвшаго дворца находили убѣжище въ хижинѣ бѣдняка; дѣти, старики жили въ чертогахъ, изъ которыхъ за недѣлю имъ не подали бы куска хлѣба. Зачѣмъ люди не всегда таковы?

«Однажды бомбардированіе неожиданно усилилось; а мы только что утѣшались надеждою, что осада будетъ снята. Черезъ нѣсколько дней мы узнали, что эрцгерцогиня австрійская въ это время завтракала въ главной квартирѣ арміи, и что это ободрило мужество войска. Этотъ подвигъ былъ прозванъ *закускою эрцгерцогини*.

«Неужели она, женщина, не подумала о старикахъ, о матеряхъ, которыя должны были погибнуть въ этотъ день?»

Но мужественная оборона гарнизона и твердость генерала Мену принудили австрійцевъ снять осаду.

Леди Монтегю уговариваетъ меня провести нѣкоторое время у нея, чтобы отдохнуть отъ всѣхъ этихъ тревогъ. Мужъ ея прискиваетъ намъ жилища въ окрестностяхъ Булоня, въ какомъ-нибудь уединенномъ, спокойномъ мѣстѣ, если это возможно въ наше время. Не забывайте своихъ друзей, и пишите имъ почаще.

Л. Ф.

ГЛАВА XXI.

Послѣ осады Лиля, сколько припомню, въ ноябрь мѣсяцъ, я отправилась въ Булонь, къ леди Монтегю. Я ѣхала въ наемной коляскѣ, на почтовыхъ. Окол шестн часовъ вечера прѣехала я въ небольшой городокъ, въ которомъ находился отрядъ революціонной арміи. Этотъ отрядъ такъ разграбилъ все гостинницы и постоялыя дворы, что содержатели сняли выѣски и закрыли свои заведенія: они не пускали проезжихъ, а на почтѣ невозможно было добиться лошадей. Я просила, чтобы мнѣ или дали комнату, чтобы переночевать, или бы меня везли далѣе на тѣхъ же лошадахъ, давъ имъ немного отдохнуть; я не добилась ни того, ни другаго.

— Плохую я окажу вамъ услугу, сказалъ мнѣ смотритель, давъ вамъ ночлегъ; женщина съ ребенкомъ ихъ не испугаетъ; и вы сами не рады будете, что вошли въ домъ. Къ тому же вы такъ щегольски одѣты; спрячьте же по-крайней-мѣрѣ часы и цѣпочку.

— Но что же вы прикажете мнѣ дѣлать среди улицы? подвергать меня такой опасности, просто безчеловѣчно.

— Подождите немного, я попытаюсь нанять вамъ лошадь.

Дюжій мужикъ, стоявшій на порогъ, сказалъ мнѣ;—я бы, пожалуй, отвезъ васъ, гражданка; но лошаденка моя такъ устала, что развѣ только дотащится до нашего постоялаго двора, подь вывѣскою *Пастушки*; отсюда не будетъ одной мили. У насъ вы переночуете, и завтра чѣмъ свѣтъ я повезу васъ въ Булонь.

Думать было нечего; я безъ торгу согласилась на его требованіе, и просила его только вѣхать какъ можно скорѣе, потому что солдаты, бродившіе по площади, начинали уже коситься на *знамиую барыню*, и я дрожала отъ страха; дочь моя спала подлѣ меня, блаженнымъ сномъ дѣтства. Наконецъ мужикъ запрягъ лошадь и мы отправились. Все мое имущество заключалось въ дорожномъ мынкѣ; этого было достаточно для такой непродолжительной повъздки. Замячаніе станціоннаго зрителя было совершенно справедливо; я была слинкомъ пынная провѣзжая для того времени, и потому я всѣхъ боялась. Я замѣтила, что возничій мой съѣхалъ съ большой дороги и правилъ полемъ, къ частому лѣсу.

— Кажется, сказала я робкимъ голосомъ, мы удаляемся отъ большой дороги; мы дадимъ большаго крюку.

— Не безпокойтесь, крюку не дадимъ; мы поѣдемъ проселками.

Въ то время читались одни романы Анны Радклифъ, а мелодрамы театра Амбигю были набиты ворами и разбойниками, постоялыми дворами среди частаго лѣсу, въ которыхъ служанка показывала публикѣ разные окровавленные предметы; вездѣ были провалы подь кроватями, разбойники съ засученными рукавами, черными бородами, полдюжиною ножей и пистолетовъ за поясомъ. Постоялый дворъ *Пастушки* былъ дѣйствительно самымъ страшнымъ изъ постоялыхъ дворовъ, среди самаго непроходимаго лѣса. Не доставало только молоденькой служанки, которая всегда спасаетъ прекраснаго молодаго чловѣка; за то сама хозяйка была вовсе не мила и не пріятлива. Она взяла грязный огарокъ, и повела меня по узенькой, крутой лѣстницѣ въ какой-то чуланъ, который она величала комнатою; указала мнѣ кровать, съ соломеннымъ тюфякомъ толщиною въ блинъ, и принесла двѣ простыни изъ толстаго, сѣраго холста, въ чуланъ стояла вѣковая печь, безногій столъ и два прорванныя плетевые стула.

— Нельзя ли развести огонь въ камелькѣ, спросила я, и дать мнѣ ночникъ?

— Я сейчасъ принесу дровъ; но ночника у насъ никакого нѣтъ, кроме того, что горитъ въ кухнѣ.

— Ну такъ свѣчу.

— Да на что вамъ свѣчу, когда вы будете спать.

Я вовсе не намѣрена была ложиться, даже не думала раздваться; завернула дочь въ одѣяло, и положила на кровать. «Боже мой, думала я, если они меня убьютъ, что станется съ этимъ ребенкомъ?»

Хозяйка пришла еще разъ ко мнѣ, спросить, не хочу ли я чего покушать. Мнѣ было вовсе не до того, однако я велѣла что-нибудь подать. Малютка покушала и уснула, будто на мягкомъ пуховикѣ. Я пыталась читать бывшую со мной книгу, но не могла. Чуланъ нашъ былъ надъ самою кухнею, и я могла видѣть, сквозь щели въ полу, все что, дѣлалось внизу. Пришло нѣсколько грязныхъ мужиковъ, которые кричали и ругались; ихъ было можетъ быть двое или трое, а мнѣ видѣлась цѣлая дюжина; известно, что отъ страха въ глазахъ двоится. Бесѣда ихъ продолжалась довольно долго; наконецъ шумъ умолкъ; они, вѣроятно, все улеглись и заснули. Вся моя драма ограничилась страхомъ и грезами. Я встала прежде всѣхъ, просила дюжого мужика, котораго я было пожаловала въ атаманы разбойниковъ, скорѣе заложить коляску, и отправилась. Приѣхавъ въ Булонь, я всѣхъ ужасно насмѣшила своими похождениями въ корчмѣ *Пастушки*.

Лордъ и леди Монтегю должны были ѣхать на двѣ недѣли въ Шотландію, по какимъ то дѣламъ; я поѣхала съ ними.

Я съ восхищеніемъ помышляла, что увижу Шотландскія горы, и въ особенности гротъ, составленный изъ кристалловъ, въ которыхъ каждый предметъ умножается до безконечности. Никакой рѣзецъ, никакая кисть не будутъ въ состояніи воспроизвести что-нибудь подобное. Чѣмъ болѣе смотришь на это дивное зодчество природы, на эти арки, портики, колонны, рѣзбу, тѣмъ болѣе убеждаешься, что они должны были служить челоуѣку образцами при постройкѣ первыхъ храмовъ. Въ горахъ Шотландіи надо читать поэмы Оссіановы. Со мною былъ переводъ Бауръ-Лорміана и подражанія Шенье. Я была тогда именно въ тѣхъ лѣтахъ, въ которыя фантазія такъ свѣжа и могуча, что сливается съ окружающею насъ природою; поэзія, музыка окривляютъ насъ, и мы расторгаемъ все узы, связывающіе насъ съ землею. Понятно, что, вдохновленная такимъ образомъ фантазія, можетъ создавать дивныя, вѣчныя произведенія искусства.

Письмо изъ Франціи заставило меня скоро опять опуститься на землю; мнѣ писали, что были приняты строгія мѣры не только противъ самихъ эмигрантовъ, но и противъ ихъ родственниковъ, и что

имъ определенъ былъ весьма небольшой срокъ для возвращенія въ отечество. Я не хотѣла безразсудностью разрушить спокойствіе своихъ родныхъ, и рѣшилась немедленно ѣхать назадъ. Такъ какъ спутники мои кончили свои дѣла, и притомъ сами боялись встрѣтить впоследствии затрудненіе при возвращеніи въ Булонь, гдѣ они предполагали поселиться на нѣсколько лѣтъ, то мы повѣхали все вмѣстѣ; съ нами былъ и братъ леди Монтегю. По счастливому случаю, никто не обратилъ вниманія на мое отсутствіе. Въ Булони, изъ всѣхъ городовъ Франціи, всего легче было въѣзжать и выѣзжать по произволу.

Мы повѣхали черезъ Дюнкирхенъ; но событія смѣнялись съ такою быстротою, что мы нашли тутъ совсѣмъ другое настроеніе умовъ. Мы предполагали провести нѣсколько дней въ Дюнкирхенъ, ибо этотъ городъ производилъ прежде обширный торгъ и на ярмарки его собиралось множество иностранныхъ кушцовъ. Кавалеры наши предложили намъ ѣхать въ театръ; но какъ тогда игралъ привѣзкій артистъ, то невозможно было достать билетовъ; г. Лермина, одинъ изъ значительнѣйшихъ людей въ городѣ, узнавъ нашу неудачу, предложилъ намъ свою ложу; ложа эта была въ порталѣ, следовательно на виду. Мы принярядились; на насъ были, по тогдашней модѣ, черныя креповыя платья, съ желтыми шарфами à la Coblentz вокругъ пояса; на головахъ наколки изъ бѣлой креповой косынки, съ бантомъ на боку; я сама наколола ее и себѣ и леди Монтегю.

Когда мы вошли въ ложу, все стали разспрашивать, кто эти двѣ щеголихи (самый простой туалетъ, особенно въ провинціи, считался щегольствомъ). Въ сосѣдкѣ моей все тотчасъ узнали англичанку; меня же приняли за итальянскую пѣвицу, или за возвращавшуюся эмигрантку. Вдругъ публика замѣтила на головахъ нашихъ бѣлыя косынки съ бантомъ, и принялась кричать: «*Долой бѣлую кокарду!*»

Я и не подозрѣвала, что мы виновницы этого волненія и наклонилась впередъ, чтобы видѣть, на кого кричатъ. Г. Лермина, видя, что мы не догадывались, пришелъ въ ложу, извѣстить насъ о происходившемъ. Представьте себѣ наше изумленіе. Партеръ спокойно смотрѣлъ на насъ, и видя, съ какою поспѣшностію я развязала платокъ, и показала, что это не кокарда, изъявилъ свое удовольствіе рукоплесканіями. Потомъ я хотѣла снять косынку съ головы леди Монтегю, но бывшіе съ нами англичане остановили мою руку, и стали довольно крупно объясняться съ г. Лермина. Крики возобно-

вились: «*долой кокарду! повиннені закону!*» Леди Монтегю съ сердцемъ сорвала наколку. Мы тотчасъ вышли изъ ложи, и пора было выдти, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, это не сонло бы съ рукъ такъ легко.

Мы въ этотъ же вечеръ выѣхали изъ Дюнкирхена, и мнѣ уже во всю дорогу не приходила охота являть свое мастерство по уборной части.

ГЛАВА XXII.

По возвращеніи нашемъ, я нашла въ Булони очень много англичанъ, и общество наше было пріятно и спокойно, сколько этого можно было надѣяться въ такое время; но и то было только до пріѣзда въ городъ комиссара Конвента.

Этотъ комиссаръ былъ Перейра, тотъ самый португальскій жидъ, который приходилъ съ Маратомъ къ Тальмъ. Поэтому я знала его въ лицо и по паслышкѣ; онъ былъ человекъ умный, удивительно пронырливый и хитрый, умѣвший обращаться въ хорошемъ обществѣ, словомъ, человекъ опасный. Онъ очень хорошо говорилъ по-англійски, и потому ему не трудно было познакомиться въ нѣсколькихъ англійскихъ домахъ. Кто-то замѣтилъ мнѣ, что я должна бы предостеречь своихъ знакомыхъ, чтобъ они не слишкомъ дерзко разговаривали въ его присутствіи, потому что онъ былъ шпионъ Комитета общественной безопасности. Я и сама уже это угадывала, замѣтивъ, какъ онъ умѣлъ за столомъ напоить своихъ собесѣдниковъ, а самъ хотя и пилъ не менѣе ихъ, но оставался совершенно трезвымъ. Я нѣсколько разъ предостерегала ихъ, но Перейра пользовался тѣмъ временемъ, когда по англійскому обычаю, женщины встаютъ изъ за стола, и мужчины остаются одни, пьютъ, курятъ и разсуждаютъ о политикѣ. Многіе изъ тѣхъ, которые были впоследствии арестованы, попались именно въ этихъ послѣобѣденныхъ бесѣдахъ.

Что касается до меня, онъ пытался напугать меня на счетъ будущей судьбы моихъ друзей и знакомыхъ, затѣмъ можетъ быть, чтобы заставить меня проговориться, но я хитрила не хуже его, и многое успѣла отъ него выведать. Въ Булони было семейство эмигрантовъ; я съ ними не была знакома, но встрѣчаясь на гуляньи, мы раскланивались. Перейра часто говорилъ о нихъ, и я долго тщетно искала случая шепнуть имъ, чтобы они остерегались. Наконецъ,

однажды Перейра, шутя назвал их моими друзьями, ибо онъ замѣтилъ, что я принимала въ нихъ участіе. Мнѣ хотѣлось вывѣдать отъ него что-нибудь на ихъ счетъ.

— Какая же бѣда можетъ съ ними случиться? спросила я, снисая улыбнуться; хотъ бы ихъ даже схватили.

— Разумѣется, вздоръ! разстрѣляютъ, и все тутъ.

Я вздрогнула.

— Я полагала, что ихъ только продержатъ подь арестомъ до заключенія мира, сказала я.

— Какъ бы не такъ; законъ объ эмигрантахъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; а здѣсь ихъ довольно; здѣсь ихъ главный при-

Я перепугалась не на шутку, и рѣшилась во что-бы ни стало предостеречь несчастныхъ; я написала карандашемъ на клочкѣ бумаги: *«не оставайтесь здѣсь или вы будете арестованы.»* Вечеромъ мы встрѣтили ихъ на морскомъ берегу, гдѣ мы гуляли каждый вечеръ; я сунула бумажку въ руку тому, кто былъ ко мнѣ ближе, сдѣлавъ ему знакъ, чтобы онъ молчалъ; онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, но спряталъ бумажку. Советъ мой вѣроятно, былъ исполненъ, ибо я ихъ болѣе не встрѣчала. Тогда еще можно было укрываться, но скоро это стало невозможно. Сколько разъ я радовалась, что рѣшилась на это средство, въ особенности послѣ того, какъ былъ арестованъ г. Флаго. Онъ пріѣхалъ утромъ въ Булонь и думалъ выѣхать въ тотъ же вечеръ, но имѣлъ неосторожность дать золотой одному разнощику, чтобы онъ отнесъ письмо. Это возбудило въ разнощикѣ подозрѣніе, и онъ отнесъ письмо въ полицію. Флаго былъ немедленно схваченъ, и чрезъ нѣсколько дней погибъ на эшафотъ. Это было началомъ нашихъ бѣдствій.

До-тѣхъ-поръ эмигрантамъ всего безопаснѣе было ѣздить черезъ Булонь; тутъ они садились на пакетботы. Надзоръ здѣсь былъ гораздо слабѣе, чѣмъ въ другихъ приморскихъ городахъ; многіе даже составили себѣ хорошее состояніе тѣмъ, что помогали эмигрантамъ, начиная съ начальства.

Кстати пришелъ мнѣ въ голову Маккарти, который эмигрировалъ съ трехугольною шляпою подь мышкой, всегда наудренный, раздушенный, разодѣтый съ иголки. Въ карманъ были у него всегда двѣ рубашки, два галстуха, два платка и двѣ пары чулковъ; въ этомъ заключалось все его добро, которое съ нимъ никогда не разлучалось. Какъ скоро онъ замѣчалъ въ какомъ-нибудь городѣ, что онъ на примѣтъ, онъ отправлялся гулять за-городъ съ тросточкою

въ рукъ, будто ни въ чемъ не бывалый; иногда даже пускался въ разговоръ съ часовымъ на заставѣ, спрашивалъ у него дорогу; такимъ образомъ онъ выходилъ изъ города и входилъ въ другой городъ съ тою же безопасностью, папывая водевильный куплетъ. Побывавъ такимъ образомъ въ Монтрель, въ Саме, въ Кале, онъ пришелъ въ Булонь; онъ былъ очень забавный собесѣдникъ, и часто объедалъ у леди Монтегю, но когда прѣехалъ Перейра, онъ немедленно съѣлъ на рыбачью лодку и съ тѣхъ поръ его не видали. Онъ, вѣроятно, переехалъ на англійскій берегъ. Англійскіе корабли въ проливъ охотно принимали всѣхъ эмигрантовъ.

Между тѣмъ, до насъ дошло извѣстіе, что къ намъ ѣдетъ Жозефъ Лебонъ. Перейра былъ только его предвѣстникомъ, и уѣхалъ тотчасъ по его прибытіи. Мы узнали это заранее отъ одного муниципальнаго чиновника, моего англійскаго учителя, добряка, который вмѣстѣ съ нами смѣялся надъ муниципальными чиновниками и городскимъ управленіемъ.

Не зная еще, что за человѣкъ нашъ будущій проконсулъ, мы не слишкомъ страшились его прибытія. Нашъ муниципальный чиновникъ сказалъ намъ: если мнѣ будетъ приказано васъ арестовать, я предупрежу васъ, чтобы вы успѣли принять свои мѣры.

— Это будетъ очень любезно, отвѣчала я; но не шутите этимъ; трудно ли накликать бѣду. — И точно, добрый старикъ и не подозревалъ, что онъ говорилъ правду.

Лебонъ прѣехалъ на третій день вечеромъ и велѣлъ иллюминировать городъ, не за тѣмъ, чтобы торжествовать свое прибытіе, а чтобы свѣтлѣе ему было ловить людей. Это было вѣкоръ по выходѣ закона о подозрительныхъ лицахъ. Лебонъ отправился въ революціонный комитетъ, и потребовалъ списокъ подозрительныхъ лицъ; онъ ужасно разгнѣвался, узнавъ, что такого списка не имѣется, и объявилъ, что въ городѣ, подобномъ Булони, притонъ эмигрантовъ и заговорщиковъ, всѣ жители или сами заговорщики или соумышленники; чтожь до англичанъ, всѣ они агенты Питта. «Какъ можно не держать списка подозрительныхъ лицъ!» твердилъ онъ. Одинъ изъ членовъ комитета (гасконскій цирюльникъ), испугавшись, чтобы эта небрежность не имѣла дурныхъ послѣдствій для комитета, увѣрилъ гражданина представителя, что списокъ былъ веденъ, что онъ самъ имѣлъ его въ рукахъ, и обѣщалъ его отыскать въ муниципальномъ совѣтѣ и представить ему на домъ. Гнѣвъ Лебона утихъ, и онъ поселился съ своимъ штабомъ у Польса, содержателя первой гостиницы.

цы въ городѣ, въ которой останавливались все богатые иностранцы. Этотъ знатный постоялецъ дорого обошелся хозяину; едва онъ выхалъ, Нольсъ былъ схваченъ со всемъ семействомъ, все они погибли въ Абвилѣ, кромѣ одного младенца, котораго одна рыбацья жена взяла къ себѣ и воспитала, какъ роднаго сына. Между тѣмъ шпрюльникъ заперся на своей квартирѣ съ другимъ членомъ комитета, и они составили вдвоемъ списокъ подозрительныхъ лицъ, внесли въ него все имена, приходившія имъ въ голову, но преимущественно пріѣзжихъ изъ департаментовъ, англичанъ и лицъ видныхъ въ городѣ или по богатству или по положенію въ обществѣ. Когда онъ былъ конченъ, клевретъ Лебона, отправился со спискомъ въ рукахъ, по всемъ домамъ, къ которымъ заранѣе были приставлены часовые, и арестовали три четверти города.

Все жители были въ уныніи; ихъ хватали и, не давая имъ времени объясниться, отводили въ старую, полуразвалившуюся церковь, обращенную въ временной депо арестантовъ. Нашъ муниципальный чиновникъ сдержалъ слово, онъ предупредилъ насъ, что мы будемъ арестованы, только не зналъ, въ ночь ли, или на слѣдующій день. Я немедленно сдѣлала необходимыя распоряженія, приготовила теплую одежду для своей дочери, и приказала нянькѣ, чтобы она принесла ее мнѣ, куда меня поведутъ. Потомъ я прилегла на постель, совершенно одѣтая, и стала ждать, что будетъ, безъ большого страху; ибо я была убѣждена, что все кончится объясненіемъ, и что меня долго держать не стануть. Въ два часа ночи раздался сильный стукъ у воротъ, и вскорѣ нѣсколько членовъ революціоннаго комитета вошли въ мою комнату и сказали мнѣ по-англійски: «вставай, и иди за нами.» Я отвѣчала имъ по-французски, ибо въ важныхъ случаяхъ всегда предпочитаю языкъ, котораго каждое выраженіе мнѣ понятно во всѣхъ его тонкостяхъ, и на которомъ я слѣдовательно меньше подвергаюсь опасности, чтобы слова мои были перетолкованы. Я отвѣчала имъ, что готова идти за ними, но что, если они меня считаютъ англичанкою, то должны сами видѣть, что ошиблись.

«Успѣешь все это объяснить при допросѣ,» отвѣчали они.

Слуги были такъ перепуганы этимъ событіемъ, что нянька вмѣсто того, чтобы принести ко мнѣ ребенка, спряталась съ нимъ на чердакъ. Я отправилась съ леди Монтегю, которая ждала меня на подъѣздѣ. Ея мужъ и братъ были уведены прежде. Намъ едва дали время надѣть салоны и шляпы. Насъ привели въ церковь, холодъ въ ней былъ нестерпимый, ибо это было въ октябрѣ мѣсяцѣ. Пс-

чальную и странную въ то же время картину представляла эта церковь. Все въ ней развалилось, кромѣ главнаго алтаря; всѣ принадлежности богослуженія были изъ нея вынесены. По ея холодному плитному полу, подъ мрачными сводами, какъ тѣни бродили бѣдные арестанты, рыдая и ломая въ отчаяніи руки; на ступеняхъ алтаря стояла какая-то женщина, съ гитарою въ рукахъ; взглядывшись въ нее, я узнала сумасшедшую, которую часто встрѣчала по возвращеніи ея изъ Англій; это была сестра актрисы Дегарсенъ, и вдова флотскаго офицера. Я подошла къ ней, и сказала, что она очень счастлива, что могла взять гитару, между тѣмъ, какъ мнѣ едва позволили захватить самое необходимое. Ахъ, отвѣчала она съ чувствомъ, гитара для меня необходимость; музыка — только и можетъ нѣсколько успокоивать мои нервы, но представьте, что я оборвала квинту и должна ждать утра, чтобы попросить кого-нибудь достать мнѣ другую; развѣ попробоватъ спустить тонъ.» И она запѣла какой-то псаломъ, акомпанируя на пятиструнной гитарѣ. Нѣсколько человекъ попросили ее не пѣть, она стала горько жаловаться на несправедливость и безчеловѣчность людей, отнимавшихъ у нея последнее утѣшеніе.

Я отошла отъ сумасшедшей и съѣла подлѣ леди Монтею. Бѣдняжка плакала и твердила въ отчаяніи: «Ah, ma chère, c'est le pégoqué qui en est la cause.» Не смотря на наше несчастное положеніе, я не могла удержаться отъ смѣху, слушая ея англійско-французскій языкъ, благодаря которому цирюльникъ, авторъ роковаго списка, былъ пожалованъ въ попугаи.

— Неужели, сказала она, вы можете еще смѣяться, когда дѣло идетъ о нашей жизни.

— Полноте, болѣе вамъ нечего опасаться, какъ только быть отправленной въ Англію; меня-же, какъ артистку, пошлютъ въ Парижъ; вотъ за нѣкоторыхъ другихъ несчастныхъ такъ можно бороться.

Съ нетерпѣніемъ ждала я утра. Едва начало свѣтать, какъ явился какой-то офицеръ, отдать разныя приказанія. Такъ какъ въ лицѣ его было довольно кротости и пріятности, то я рѣшилась обратиться къ нему. «Меня привели сюда вѣроятно по ошибкѣ, сказала я ему; ибо я артистка и пріѣзжая. Меня арестовали, какъ англичанку, но я могу безъ труда доказать, что я не англичанка; если бы я могла только поговорить съ представителемъ.»

— Это невозможно, отвечал онъ; но васъ завтра-же переведутъ въ Абвиль, гдѣ вы будете всѣ спрошены.

— Боже мой, этого-то именно мнѣ бы не хотѣлось, возразила я умоляющимъ голосомъ; не можете ли вы мнѣ исходатайствовать аудиенцію у гражданина Лебона? я увѣрена, что онъ уволитъ меня отъ повѣдки въ Абвиль.

Офицеръ недовѣрчиво покачалъ головою. Однако-же, подумавъ нѣсколько, онъ сказалъ: Подождите немного, я посмотрю нельзя-ли будетъ это уладить.

Черезъ четверть часа, которая показалась мнѣ цѣлымъ вѣкомъ, онъ возвратился, взявъ меня подъ руку, и мы вышли вмѣстѣ. Всѣ взоры съ завистью обратились на меня, когда я печально выходила изъ церкви; бываютъ минуты, когда человеку стыдно быть счастливѣе другихъ, потому-что ему кажется будто это счастье онъ крадетъ у нихъ. Лебонъ жилъ противъ самой церкви, слѣдовательно мы шли недолго. Онъ стоялъ передъ каминомъ, но какъ скоро я вошла, онъ обернулся и сказалъ мнѣ смѣясь: «Всѣ хорошенькія женщины, кажется, сговорились не давать мнѣ сегодня проходу.» Это меня ободрило; я отвѣчала ему, что должна приписать это выгодное мнѣніе о себѣ дѣйствию темноты. Видя его въ добромъ духѣ, я стала смѣлѣе, и твердо рѣшилась не робѣть. Жозефъ Лебонъ былъ средняго роста, статный, красивый мужчина; на довольно кроткомъ и пріятномъ лицѣ его, при внимательномъ разсмотрѣніи, можно было замѣтить какое-то коварное, дьявольское выраженіе. Онъ былъ одѣтъ съ большимъ щегольствомъ; на немъ была кармапюлка изъ тонкаго сѣраго сукна, и бѣлье ослѣпительной бѣлизны; воротникъ рубашки былъ откинутъ; а черезъ плечо былъ надѣтъ депутатскій шарфъ; онъ чрезвычайно заботился о красотѣ своихъ рукъ, и поговаривали даже, будто онъ румянился. Странное сліяніе звѣрства и желанія правиться?... Въ то время впрочемъ еще не подозревали, чѣмъ онъ будетъ впоследствии; только въ Абвиль и въ Аррасъ началъ онъ свое кровавое поприще. Онъ началъ разговоръ довольно грубыми шуточками надо мною и приведшимъ меня офицеромъ; потомъ быстро обернулся ко мнѣ, и сказалъ: «Чего-же ты отъ меня хочешь?»

— Паспорта на провѣздъ обратно въ Парижъ.

— И только? немного; ты, какъ видно, себѣ на умѣ. Но скажи, сдѣлай милость, если ты въ здѣшнемъ департаментѣ только пріѣзжая, какъ ты попала въ кругъ аристократовъ.

— Это, гражданинъ представитель, не аристократы, а англичане.

— Хорошо доказательство, печего сказать.

— Все ихъ семейство принадлежитъ къ оппозиціи въ англійскомъ Парламентѣ.

— Хороши патріоты, ваши англичане, знаемъ мы ихъ. Какимъ-же образомъ ты очутилась здѣсь?

— Пріѣхала пользоваться морскими ваннами, для поправленія здоровья.

— Да ты и не похожа на больную.

— Я уже поправилась отъ ихъ употребленія. Гражданинъ, сказала я, чтобы дать другой оборотъ разговору, мужъ мой служить въ республиканской арміи въ Вандеѣ; поэтому вы сами видите....

— Да, вижу, перебилъ онъ, что между тѣмъ, какъ мужъ твой дерется съ врагами республики, ты съ ними братаешься.

— Нѣтъ, гражданинъ, артисты—космополиты; притомъ я имѣла намѣреніе дать концертъ въ пользу вдовъ и сиротъ, оставшихся послѣ гражданъ, умершихъ за отечество.

— Зачѣмъ-же дѣло стало?

— Затѣмъ, что во всемъ городѣ нѣтъ ни одного музыканта, способнаго сыграть самую простенькую пѣсенку.

— Есть у тебя дѣти?

— Одна дочь.

— Такъ приходи сегодня на балъ патріотическаго общества, и возьми ее съ собою.

— Моей дочери только пятый годъ; она умѣетъ танцовать только на колыняхъ.

— Хорошо, она будетъ танцовать у меня на колыняхъ.

Если онъ любилъ дѣтей, какъ-же могъ онъ безъ жалости убивать ихъ родителей?

— Это дѣло слаженное, ты будешь танцовать съ этимъ молодчикомъ, продолжалъ онъ, указывая на приведеннаго меня офицера.

— Какъ вамъ угодно, гражданинъ представитель.

— Ты аристократка, не говоришь ты.

— Вы слишкомъ умны, чтобы обращать вниманіе на такія пустяки, отвѣчала я, не запинаясь; если я не говорю вамъ ты, чтожъ изъ этого? это значитъ только, что я не привыкла такъ говорить, потому что ни съ кѣмъ такъ не говорила, кроме своего любовника, (съ волками жить, по волчьи выть, говорить пословица; и я, съ Лебономъ должна была говорить его языкомъ).

— Ты, какъ мнѣ кажется, беззаботная головушка!

— Я стараюсь имѣть какъ можно менѣ заботъ; впрочемъ, продолжала я, подходя къ нему съ умоляющимъ лицомъ, я была бы еще вдвое веселѣе нынче вечеромъ на балѣ, если бы вы обнадежили меня на счетъ участіи моихъ друзей.

— Объ этомъ ни слова, перебилъ онъ сурово.

Я поклонилась ему и возвратилась къ себѣ домой, глубоко опечаленная тѣмъ, что ничего не могла добиться для своихъ друзей; я боялась, чтобы они не были приговорены къ долгому заключенію. Къ счастью имъ вскорѣ было позволено возвратиться въ свое отечество, но въ сопровожденіи жандарма, за проездъ котораго они же должны были заплатить. Эту милость имъ выпросилъ городской прокуроръ.

Я принуждена была ѣхать на балъ; я одѣлась, какъ можно проще, ибо, не говоря уже о томъ, что мнѣ было вовсе не до бальныхъ успеховъ, я не хотѣла, чтобы на меня указывали пальцемъ, какъ на щеголиху, *muscadine*. За то я нарядила дочь; ей нечего было бояться. Въ восемь часовъ я отправилась съ нею въ городскую ратушу. Мужчины, кромѣ военныхъ, были все въ карманьошкахъ. Мнѣ было не до танцевъ, но надо было танцевать, скрѣпя сердце. Не одна дама завидовала мнѣ въ счастья танцевать съ представителемъ, я же охотно уступила бы эту честь. Онъ очень ласкалъ мою малютку. Подъ предлогомъ, что ребенка пора было уложить спать, я рано уехала съ балу; однако же не прежде, чѣмъ Лебонъ разрѣшилъ прокурору выдать мнѣ паспортъ. Этотъ прокуроръ былъ прекрасный человекъ; хорошио было бы, еслибъ побольше значительныхъ лицъ того времени были похожи на него; онъ не упускалъ ни одного случая дѣлать добро, или-по-крайней мѣрѣ отвращать зло. Я потомъ нѣсколько разъ имѣла удовольствіе встрѣчаться съ нимъ.

Жозефъ Лебонъ приглашалъ меня придти проститься съ нимъ передъ отъездомъ, но я сочла гораздо вѣрнѣйшимъ поскорѣе воспользоваться паспортomъ, не давая ему времени и повода раздумать.

Тяжело мнѣ было ѣхать, не повидавшись съ друзьями, хотя я и не гадала о предстоявшихъ имъ страданіяхъ; я узнала ихъ уже послѣ. Леди Монтегю, ея мужъ и братъ, такъ радовавшіеся, что я избѣжала участіи своихъ товарищей, были отправлены въ Абвилъ на тельгахъ, вмѣстѣ съ другими, какъ бараны на убой. Опасеніе мести со стороны англичанъ спасло ихъ отъ смерти, но не отъ долгихъ страданій въ тюрьмахъ. Изъ всехъ несчастныхъ, посланныхъ

спачала въ Абвилъ, а оттуда въ Аррасъ, ни одинъ не возвратился. Въ числѣ ихъ былъ знакомый мнѣ врачъ, г. Бюторъ, самый благородный, самый добрый и любезный изъ людей. Я до-сихъ-поръ не могу объяснить себѣ, какимъ образомъ я вышла цѣла изъ когтей изверга Лебона; развѣ приписать это тому, что я его не боялась, потому что не подозрѣвала опасности; безстрашіе почти всегда производитъ какое то магнитическое дѣйствіе на людей, и они невольно уважаютъ того, кто не дрожитъ передъ ними. Но еслибъ меня повезли съ другими въ Аррасъ, я не имѣла бы возможности говорить съ Лебономъ; притомъ гроза его имени навела бы на меня такой же панической страхъ, какъ и на другихъ. Словомъ: когда я подумала о томъ, что могло бы тогда быть со мною, я представляю себѣ чловѣка, стоящаго на краю пропасти, разверзшейся подъ его стопами, и спасагося отъ смерти только по какому-то чуду. Сколько бываетъ обстоятельствъ въ жизни, которымъ разсудокъ не прибереть никакихъ объясненій.

Я возвратилась въ Парижъ къ концу 1793 года. въ самую пору, чтобы пѣть соло въ хорахъ трагедіи *Тимолеонъ*, Шенье, которая въ то время ставилась на театрѣ Республики. Музыку къ ней написалъ Метюль.

ГЛАВА ХІІІ.

Шенье пригласилъ нѣсколько депутатовъ на репетицію *Тимолеона*; кого именно—я не помню; только въ числѣ ихъ были Альбитъ и Жюльенъ Тулузскій. Въ сценѣ въчнанія Тимолеона, Альбитъ прервалъ представленіе жестокою выходкою противъ пьесы и автора. Хоры и фигуранты, всѣ убѣжали со сцены, какъ бываетъ въ операхъ, когда верховный жрецъ налагаетъ проклятіе; скоро опустыли и партеръ и ложи. Шенье силится оправдать это въчнаніе развязкою пьесы, но господа депутаты не хотѣли принимать никакихъ оправданій. Мы всѣ, и самъ Шенье, были увѣрены, что онъ будетъ арестованъ въ ту же ночь. Опасеніе наше однакоже не исполнилось; и на другой же день играли вмѣсто *Тимолеона*, его же *Кайя Гракха*. Но Альбитъ, кажется, рѣшился преслѣдовать его во всѣхъ его произведеніяхъ; и тутъ при словахъ: *Законовъ, а не крови*, возбуждавшихъ всегда сильнѣйшій энтузіазмъ въ публикѣ, онъ вскочилъ съ своего мѣста, закричалъ: «*Крови заговорщиковъ!*» бросилъ публикѣ свою депутатскую карту, и пустился въ длинное разсужде-

ніе о неумѣстности этого стиха, въ заключеніе объявилъ Шенье дурнымъ граждашиномъ. После этого всѣ стали избѣгать Шенье, какъ чловѣка, обреченнаго гибели; немногіе только друзья, преимущественно женщины, остались ему вѣрны.

Въ это время братъ его, Андрей Шенье ждалъ со дня на день своего приговора. Еслибы Марія Жозефъ Шенье сказалъ хоть одно слово за брата, онъ только ускорилъ бы его гибель; притомъ извѣстно, что въ это несчастное время, единственнымъ средствомъ спасенія было забвеніе, потому что тогдашній порядокъ вещей зашелъ слишкомъ далеко, чтобы долго еще устоять. Нѣкто Лабюсеръ служилъ въ Комитетъ общественной безопасности, спасъ нѣсколько людей отъ смерти, перекладывая обвинительные акты, какъ скоро доходила до нихъ очередь, внизъ. Между тѣмъ наступило 9-е термидора; и они были спасены. Къ несчастію для Андрея Шенье и для многихъ другихъ, этотъ день наступилъ слишкомъ поздно; онъ былъ казненъ наканунѣ, а бѣдный братъ его, который неминуемо послѣдовать бы за нимъ, за своего *Тимолеона*, сталъ жертвою самыхъ несправедливыхъ и пельпыхъ обвиненій, распущенныхъ врагами и принятыхъ безъ разбору легкомысленными писателями.

Я до этого происшествія рѣдко видала Шенье, но эта гнусная клевета побудила меня съ нимъ болѣе сблизиться. Въ смутное время такъ легко водворяется въ публикѣ невыгодное мнѣніе о чловѣкѣ, что почти нѣтъ возможности его разрушить; тѣмъ болѣе, что всегда находятя люди, которые, по злобѣ или по легкомыслію, выворачиваютъ факты для его подтвержденія, и эти вывороченные факты принимаются иногда даже историками. Г-жа Жанлисъ, напримѣръ, рассказывая въ своихъ *Запискахъ* первое свиданіе Шенье въ дѣвицей Дюмениль, даетъ ему смыслъ, котораго оно вовсе не могло имѣть, потому что случилось многими годами ранѣе, когда еще никто не думалъ о терроризмѣ. Я знаю всѣ подробности этого обстоятельства отъ г-жи Вестрисъ, сестры Дюгазона, и отъ самаго Шенье.

Г-жа Вестрисъ была очень дружна съ дѣвицею Дюмениль, которая отъ старости и дряхлости не вставала съ постели. Шенье часто говорилъ г-жѣ Вестрисъ, какъ онъ сожалѣлъ, что никогда не видалъ этой знаменитой актрисы. Довольно трудно было исполнить его желаніе; однакоже г-жа Вестрисъ, разговаривая однажды съ дѣвицан Дюмениль о молодыхъ поэтахъ, писавшихъ для французскаго театра, упомянула о Шенье, какъ о талантѣ, подававшемъ большія

надежды, и кстати сказала ей, какъ онъ желалъ ее видѣть, и что его настояніемъ въ Институтъ обязана она своею пенсіею. Приведите его ко мнѣ нынче вечеромъ, отвѣчала г-жа Дюмениль, пускай онъ посмотритъ на дряхлую Агриппину.»

Вечеромъ г-жа Вестристъ привела молодаго поэта къ знаменитой артисткѣ; въ комнатѣ было довольно темно, увидѣвъ Шенье, дѣвица Дюмениль привстала на постели, и живописно протянувъ руку, продекламировала большую рѣчь Агриппины. Шенье былъ въ такомъ восторгѣ, что не смѣлъ переводить духу, чтобъ не прервать ее; и давно уже она кончила тираду, а онъ все еще слушалъ.

И потому, что эта рѣчь начинается словами: «*Подойди, Геронъ, садись,*» госпожа Жанлисъ и вообразила, что дѣвица Дюмениль встрѣтила этими словами Шенье, желая намекнуть на мнимое равнодушіе его къ смерти брата; ей и въ голову не приходило, что дѣвица Дюмениль была обязана ему сохраненіемъ пенсіи, которою она жила, и слѣдовательно не могла желать оскорбить его; и что, какъ я уже говорила, это свиданіе было въ самомъ началѣ революціи, что братъ его еще не подвергался никакой опасности, и что самъ онъ былъ челоувѣкъ незначительный.

Послѣ этого оправданія Шенье, вѣроятно никто не будетъ удивляться, если я попытаюсь оправдать и Фюзи. На немногихъ во время революціи взводили столько неблыщъ и нелѣпыхъ обвиненій, какъ на него; это весьма понятно, у него было чрезвычайно доброе сердце, но на словахъ онъ былъ ужасный фанатикъ. Хоть убейте, онъ ни за что не отступился бы отъ своего убѣжденія; зла же не могъ сдѣлать никому. Юлія Тальма, хорошо понимавшая его характеръ, частенько говорила ему: «Молчите, *кровожадный добрякъ*; каждому оказываете благодѣянія, и въ то же время готовы поссориться; придетъ время, они забудутъ ваши добрыя дѣла, а вспомнятъ только злыя слова. Враги всегда найдутся; они терзаютъ живыхъ и тревожатъ покой мертвыхъ.»

Правду она говорила: одинъ рассказываетъ о немъ небывалыя анекдоты, другой изгоняетъ изъ отечества въ то самое время, какъ онъ служилъ въ западной арміи, подъ начальствомъ генерала Тюро. Я до-сихъ-поръ не отвѣчала на возносимыя на него обвиненія, потому что знала, что голосу моему никто бы не внялъ; пока не улеглась вражда партій, и пока она водила перо всѣхъ писателей. Притомъ, какъ Фюзи не историческое лицо, то я и надѣялась, что время, успокоивъ страсти, отдастъ каждому справедливость. Но я

ошиблась; вражда партій не умираетъ съ молодостью, а сохраняется до гроба; люди тщательно подбираютъ въ современныхъ книгахъ и газетахъ искаженные враждою факты, не заботясь о степени ихъ достовѣрности; трудно-ли разлить неблагопріятный свѣтъ на происшествіе, изменивъ нѣкоторыя его подробности, или только рассказывая его съ недоброжелательствомъ, да и не простительно ли ошибаться на счетъ происшествій, совершившихся за сорокъ лѣтъ; когда мы каждый день видимъ, какъ ошибаются писатели въ дѣлахъ, бывшихъ на нашихъ глазахъ?

Первая клевета на Фюзи, на которую все ссылаются до-сихъ-поръ, была написана челоѡкомъ, обязаннымъ ему жизнию. Въ 1789 году, Фюзи былъ очень друженъ съ Мартенвилемъ, не смотря на различіе ихъ характеровъ и мнѣній. Ничто меня такъ не забавляло, какъ ихъ взаимныя упреки; «Ты аристократъ!»—«А ты демократъ!» Эти выраженія были въ то время у всѣхъ на языкъ, нерѣдко даже у людей вовсе не понимавшихъ ихъ смысла. Сначала это значило просто: «мы не сходимся въ мнѣніяхъ,» а потомъ: тебя надо зарѣзать, потому что ты не такъ мыслишь, какъ я. Въ 89 году такъ далеко еще не заходило, и два пріятели, поспоривъ, расходились, и сами смѣялись своей охотѣ спорить, чтобы никого не обидѣть.

Наступилъ 1791 годъ; не только высказывать свое мнѣніе стало опасно, но даже прослыть челоѡкомъ извѣстнаго понятія. Фюзи нѣсколько разъ предостерегалъ Мартенвиля, чтобы онъ былъ воздержнѣе на языкъ, въ особенности подъ влияніемъ шампанскаго; но Мартенвиль знать ничего не хотѣлъ. Однакоже разъ прибѣжалъ онъ ко мнѣ ужасно встревоженный, и сказалъ, что ему не миновать немедленнаго ареста. Я только что пріѣхала изъ Бельгій и вовсе не знала, что дѣлалось въ Парижѣ.

— Подождите, сказала я, пока воротится мой мужъ; онъ можетъ быть поможетъ вамъ, если не дѣломъ, такъ совѣтомъ.

Я довольно любила Мартенвиля, потому что онъ забавлялъ меня своимъ веселымъ характеромъ; притомъ, не смотря на общее къ нему неуваженіе, я считала его добрымъ мальчымъ. Мужъ мой скоро возвратился съ Мино; они рѣшили, что Мартенвилю непременно надо выдти изъ Парижа, потому что въ Парижѣ было для него опасно; но откуда же взять необходимыя бумаги, чтобы пройти заставу?

— Оставайся у меня, сказалъ Фюзи, пока я объ этомъ хорошенько разузнаю. Я увижусь съ однимъ челоѡкомъ твоего округа, который можетъ научить меня.

Вечеромъ онъ пришелъ сказать, что на Мартенвиля былъ поданъ доносъ, и что онъ могъ выдти изъ города только переодѣтый. Послано было на его квартиру узнать, въ какое время онъ долженъ быть домой.

— Оставайся у меня до четверга, сказалъ Фюзи, я буду въ четвергъ дежурнымъ на заставѣ. Да вотъ, надѣнька одинъ изъ моихъ крестьянскихъ костюмовъ; надо тебѣ привыкнуть къ приемамъ и хваткамъ мужика.

И онъ принялся учить его роли; Мартенвиль былъ такъ забавенъ въ своемъ нарядѣ, что я не могла удержаться отъ смѣху, не смотря на гнѣвъ Фюзи; и правда въ такихъ обстоятельствахъ, должно бы быть вовсе не до смѣху. Мартенвиль былъ всегда безъ денегъ; у Фюзи также было ихъ не много, потому что жалованье онъ получалъ небольшое, однакожъ онъ отдалъ ему послѣдніе триста франковъ. На слѣдующій день мужъ мой былъ дежурнымъ. Мартенвиль пошелъ къ заставѣ, сгорбившись, съ большою корзинкою за спиною. Мы дали ему разныхъ съестныхъ припасовъ, чтобы около Парижка не входить ему въ харчевни и на постоялыя дворы. Фюзи доставилъ ему правильную пропускную. Такимъ образомъ онъ вышелъ изъ Парижа безъ всякихъ препятствій, но еслибы открылось, что Фюзи способствовалъ его бѣгству, онъ могъ бы дорого поплатиться за свое доброе сердце. Мишо говорилъ это ему тогда же, и помниться мнѣ даже прибавилъ:

— Твой пріятель Мартенвиль подленькая душонка, мерзавецъ, онъ бы этого для тебя не сдѣлалъ, а если когда-нибудь представится случай тебѣ навредить, не упустить его.

Когда, въ 1802 году, мнѣ показали статью Мартенвиля противъ Фюзи, я сначала глазамъ не вѣрила, я не могла вѣрить подобной неблагодарности. Я отправилась къ нему, и встрѣтила его нѣсколько измененными стихами изъ Тартюфа:

А помните, какъ вы, пріюта не имѣя,

Пришли къ нему, и кто-жъ отъ смерти спасъ злодѣя?

— Правда, отвѣчалъ онъ, знаю, что я ему много обязанъ, и что Фюзи никогда никому не дѣлалъ зла; но онъ былъ болванъ, глупецъ; имѣлъ случай обогатиться, и не умѣлъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ послѣдовалъ примѣру нѣкоторыхъ другихъ; никто бы не спросилъ, откуда его богатство. Если бы онъ могъ сужать старыхъ пріятелей деньгами, держать для нихъ

хороший столъ, никто бы не вздумалъ нападать на него; но къ несчастію онъ никогда не хотѣлъ принять теплаго мѣстечка, и бросилъ свое ремесло для защиты отечества.

— А что-же я говорю? прервалъ Мартенвиль, развѣ это не глупость? развѣ скажетъ ему кто спасибо за то, что онъ не составилъ себя состоянія?

— Но это не давало вамъ права утверждать, будто онъ принадлежалъ къ комиссiи, съ которою онъ не имѣлъ ничего общаго, это вамъ доказывалъ самъ Дювике, а ему нельзя этого не знать. Къ чему же вы выдумали ложь, которая была опровержена на слѣдующій же день?

— Можеть быть, отвѣчалъ Мартенвиль; но чѣмъ же я тутъ виновать? браните моего сотрудника.

— Сотрудникъ вашъ слишкомъ молодъ, чтобы знать эти подробности онъ ихъ слышалъ отъ васъ; притомъ вамъ стоило только сказать, чѣмъ вы обязаны моему мужу, и онъ не пустилъ бы статьи.

Какъ бы то ни было, все ухватились за статью Мартенвиля; чтобы чернить память благороднаго чловѣка стоитъ только взнести на чловѣка гнусное обвиненіе, всегда найдутся люди, бывшіе будто бы свидѣтелями; добрыхъ же дѣлъ его никто не вспомнить. А когда разъ пущено неблагопріятное мнѣніе, ничѣмъ уже не докажешь его основательности; вотъ вамъ разительный примѣръ.

У одной артистки, моей хорошей пріятельницы, была сестра въ Бордо, которая была схвачена во время терроризма, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими артистами большого театра. При этомъ театръ былъ пѣвецъ Фюзе, такъ какъ онъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ депутатомъ Тальеномъ и мѣтилъ въ директоры другаго театра, то на него пало подозрѣніе въ выдачу товарищей. Не мое дѣло разбирать, справедливо ли было это обвиненіе; но много лѣтъ спустя, моя пріятельница говорила мнѣ:

— Надо, чтобы моя привязанность къ вамъ была удивительно сильна, если я могла забыть, что вы жена того, кто былъ виновникомъ арестованія моей сестры въ Бордо; я этого вамъ никогда не говорила, но...

— Въ Бордо? прервала я, Фюзи никогда не бывалъ въ Бордо.

— Былъ, былъ; онъ пѣлъ тамъ басовыя роли.

— Жаль мнѣ было бы тѣхъ, кто бы долженъ его слушать, отвѣчала я, смѣясь; вы перемѣняли имена; тамъ былъ пѣвецъ Фюзе,

который никогда не выѣзжалъ изъ Бордо.

— А, можетъ быть, моя милая. Такъ извините, я всегда воображала, что это былъ вашъ мужъ, по словамъ Мартенвиля.

Вотъ какъ пишутся исторіи!

Послѣ этого объясненія, она еще нѣсколько разъ говорила мнѣ: Надо, чтобы моя дружба къ вамъ была очень сильна....

— Если она такъ сильна, прерывала я, такъ постарайтесь же лучше помнить, что я говорю.

— Ахъ, правда, правда, виновата; когда привыкнешь къ какой-нибудь мысли, никакъ отъ нея не отдымаешься.

Въ 1793 году, когда Фюзи былъ въ Вандеѣ, адъютантомъ генерала Тюро, онъ встрѣтился однажды съ д'Отишаномъ, сдѣлавшимся Вандейскимъ вождемъ; онъ былъ тяжело раненъ и едва держался на лошади; оба узнали другъ друга, и остановились.

— Какъ, это вы, Фюзи? сказалъ д'Отишанъ: и деретесь съ нами?

— Бѣгите, отвѣчалъ Фюзи, бѣгите, не то я принужденъ буду взять васъ въ плѣнъ, и предать военному суду.

И вора было; ибо едва вандейскій вождь скрылся изъ виду, какъ пришелъ отрядъ республиканскихъ войскъ. Это происшествіе рассказывалъ самъ д'Отишанъ, Фюзи даже мнѣ не говорилъ о немъ, онъ никогда не помнилъ своихъ добрыхъ дѣлъ.

Въ тоже самое время, когда вся Вандея была опустошаема огнемъ и мечемъ, онъ нашелъ младенца, покинутого подъ деревомъ, близъ горьвшеи деревни. Онъ взялъ его подъ свой плащъ, отвезъ въ сосѣдній городъ, Шолле, отыскалъ ему кормилицу, и хотѣлъ его прислать ко мнѣ въ Парижъ; но жена генерала выпросила младенца и Фюзи его отдалъ, полагая, что у нея будетъ онъ счастливымъ.

Странный случай! мужъ мой спасъ изъ огня маленькаго мальчика; а двадцать лѣтъ спустя, я нашла среди снѣговъ бѣдную дѣвочку, и воспитала ее.

СЛУХОТВОРЕНІЯ.

(Посвящено Н. Я. К.....ой.)

Когда во храмъ литургіи
Хвалу Предвѣчному гремитъ,
Моя душа мольбы святыя
Во слѣдъ за клиросомъ творить.
И есть одно изъ тѣхъ воззваній....
Оно миритъ меня съ землей,
Оно святыню упованій
Роднитъ съ тоскующей душой;
Молюсь коленнопреклоненный,
И духъ святитъ земную плоть,
Когда раздастся гимнъ смиренный:
Пошли намъ Ангела, Господь!
Пошли намъ Ангела, Спаситель,
Врача душъ нашихъ и тѣлесъ,
Чтобъ въ нашу мрачную обитель
Съ собой принесъ Онъ лучъ небесъ.—
Пошли намъ Ангела святаго,
Чтобы наставникомъ Онъ былъ,
Чтобъ оторвалъ насъ отъ земнаго—
И сердце вѣрить научилъ.
Недаромъ жарко я молился,—
Мольба исполнена моя....
И Ангелъ Божій мнѣ явился
Въ пустынь дикой бытія.
Въ безумствѣ дня, въ покоѣ ночи,
Гдѣ-бъ ни былъ Онъ—вездѣ со мной.
Все святятъ ангельскія очи,

Все слышенъ голосъ неземной.
 Забьется-ль сердце мыслью злою
 Въ чаду утѣхъ, въ шуму пировъ,
 Мой добрый Ангель предо мною,
 И съ сердца ржавою корою
 Спадаетъ бремя злыхъ оковъ.

Ж. Беклемишевъ.

—
 * * *

Закатъ ли пурпуромъ горитъ передо мной
 И вижу я лучей послѣднее сиянье;
 Слѣжу-ли я въ рѣкѣ за быстрою волной,
 Встрѣчаю-ль въ рошѣ я листочка увяданье—
 Я погружаюсь немедленно душой

Въ мое любимое мечтанье.

Всему—своя пора, я думаю, какъ знать,
 Быть можетъ здѣсь и мой чередъ ужъ недалеко,
 Быть можетъ ужъ душѣ не долго вспоминать
 И мучиться тоской и грустью одинокой;
 И успокоюсь я, и буду я вкушать

Въ моей могилѣ сонъ глубокой.

И то, что я любилъ, что было на землѣ
 Моею радостью, что жизнь вливалъ взглядомъ,
 Что рано отъ меня въ могильной скрылось мглѣ,
 И отравило жизнь тоски безумной ядомъ—
 Подъ крышею одной, въ одной сырой землѣ

Со мной лежать здѣсь будетъ рядомъ.

И можетъ быть душа за гранью гробовой
 Соединится вновь съ родными ей душами
 И будетъ вновь горѣть любовью къ нимъ святой,
 Носиться будетъ здѣсь надъ грустными друзьями
 И навѣвать на нихъ съ надеждой молодой

Мечты незримыми крылами.

И церковь сельскую рисуетъ мнѣ мечта:
 Въ оградѣ разлито полночное молчанье,

Порой лишь слышится надъ ветками куста
Листковъ акаци отъ вѣтра трепетанье,
И лѣтся къ намъ на холмъ, гдѣ два стоятъ креста,
Луны дрожащее сіянье.

Ж. Трековъ.

ШУТКИ.

I.

ПѢСНЬ РУССКОЙ МИНЬОНЫ.

(Подражаніе Гете)

Ты знаешь-ли тотъ край, о другъ мой прихотливый,
Гдѣ спѣетъ и арбузъ, и жолтый огурецъ,
Гдѣ пахарь за быкомъ идетъ, куря, льниво,
Гдѣ за столомъ и борщъ, и сладкій варенецъ...
Тотъ край ты знаешь-ли?

Туда, туда,

Умчимся съ почтой навсегда!

Ты знаешь-ли бакчу, гдѣ курамъ такъ раздольно,
Гдѣ тыквы съ голову сбѣгаютъ по горь,
Гдѣ лежа на спинѣ лѣнтяй мальчишка школьный
Крыжовникъ ловить ртомъ, забывъ о букварь....
Бакчу, ту знаешь-ли?

Туда, туда,

Летимъ на тройкѣ навсегда!

Тотъ хуторъ знаешь-ли, гдѣ гуще сала сливки,
Гдѣ счета нѣтъ всему, что мочать и варять,
Гдѣ двадцати сортовъ шишучки и наливки,
Гдѣ свиньи толстыя похожи на телятъ....
Тотъ хуторъ знаешь-ли?

Туда, туда,

Умчимся въ бричкѣ навсегда!

Ты знаешь-ли тотъ край, гдѣ сидя надъ рвкою,
 Чумакъ, взъероша чубъ, про дѣда въ носъ поеть,
 По балалайкѣ бьетъ невѣрною рукою:
 Въ глазахъ его слеза, а со лба каплетъ потъ....
 Тотъ берегъ знаешь-ли?

Туда, туда,
 Умчимся, другъ мой, навсегда!

Аполонъ Взъерошинъ.

II.

УТѢШЕНІЕ.

Во время жизни трудное
 Отрада есть одна:
 Люблю вино пить чудное
 И осушать до дна.

И влага благодатная
 Течетъ въ струяхъ живыхъ,
 Отвага безвозвратная
 Какъ будто дышетъ въ нихъ.
 Съ души какъ бремя скатится,
 А въ головѣ хмельно—
 И вверится, и плачется,
 И такъ пьяно, пьяно!....

А. Пономаревъ.

КРИТИКА.

Фонъ Визинъ. Сочиненіе килзъ Петра Вяземскаго.

Статья вторая.

Очень часто случается, что люди, вѣрно и безошибочно судящіе о частяхъ предмета, заблуждаются въ сужденіи о цѣломъ, потому ли, что теряются въ подробностяхъ и, по пословицѣ, *изъ-за деревьевъ лѣса не видятъ*, потому ли, что не въ силахъ подмѣтить гармонию, существующую между частями, определить отношенія между ними, или наконецъ потому, что изъ собранныхъ по кускамъ матеріаловъ не могутъ возсоздать одно стройное, правильное цѣлое. Таковы умы наблюдательные, но поверхностные, осужденные судьбою вѣчно ворочать Сизифовъ камень мысленія, восходить отъ понятій низинныхъ къ болѣе общимъ, но, не досягая вершины, вновь стремиться внизъ за скатившимся камнемъ. И нѣтъ покоя, нѣтъ отдыха этимъ мученикамъ практики и наблюденія, способнымъ только собирать матеріалы для будущаго строителя! Видятъ они руки, видятъ ноги, станъ, шею и голову, знаютъ и узнаютъ каждую часть, но не знаютъ и не узнаютъ человека. Эти-то люди ссорятъ науку съ опытомъ, встаютъ противъ теоріи и требуютъ познанія только нагляднаго, осязательнаго. И растутъ эти познанія, увеличиваются, распложаются до невѣроятнаго множества, а люди-практики раздѣляютъ ихъ на роды и виды, дробятъ до безконечности и создаютъ болѣе наукъ, чѣмъ песчинокъ на берегу морскомъ. И вотъ скоро изученіе каждой былинки, каждаго камешка, каждаго видоизмѣненія силъ природы составитъ особую, отдѣльную, самостоятельную нау-

ку. И потеряется умъ человѣческой въ этомъ раздробленіи познаній, не подведенныхъ подъ общіе законы, не выраженныхъ общими формулами. А отчего?—Оттого, что есть люди, не понимающіе, что а, б, да «—буквы, а 1, 2 да 3—цифры.

Очень обыкновенны умы такъ настроенные и мы почти свыклись съ ними; за-то тѣмъ сильнѣе поражаетъ насъ встрѣча съ человекомъ, охватывающимъ общность предмета и не замѣчающимъ частей, высказывающимъ вѣрное сужденіе о цѣломъ и ошибающимся въ подробностяхъ. Такое настроеніе умовъ, мыслящихъ, такъ сказать, а priori, особенно странно, потому что мы не можемъ понять, отчего вѣрно понятіе общее, выведенное изъ ложныхъ подчиненныхъ понятій. Или понятія общія образуются въ этихъ людяхъ самостоятельно, независимо отъ подчиненныхъ? Или ложное основаніе можетъ привести къ вѣрному результату?.....

Эти вопросы породила въ насъ книга г-на Вяземскаго, въ которой довольно часто встрѣчается подобное притиворѣчіе сужденій общихъ и частныхъ, подобная раздѣльность принциповъ съ выводами. Вотъ поразительный примѣръ.

Въ выписанной нами въ первой статьѣ характеристикѣ фонтъ-Визина, г. Вяземскій отличительными чертами русскаго комика выставляетъ *живое чувство истины, мастерское изображеніе портретовъ съ натуры и удачную съемку русскихъ нравовъ безъ примеси красокъ чуждыхъ и неестественныхъ*, а вслѣдъ за тѣмъ говоритъ совершенно противное о «*Бригадирѣ*», этой, по его мнѣнію, комической каррикатурѣ.

Напрасно, совершенно напрасно! *Бригадиръ*, по нашему мнѣнію, нисколько не ниже *Недоросля*, даже выше его въ отношеніи чисто художественномъ. Форма *Бригадира* шире, просторнѣе, не такъ сбивается на условную раму классической комедіи; характеры разнообразнѣе, обрисованы точнѣе и подробнѣе, да и кромѣ того пьеса много выигрываетъ тѣмъ, что не слишкомъ напигована моральными сентенціями и условными персонажами. *Софья* и *Добролюбовъ* въ ней совершенно на второмъ планѣ, между тѣмъ какъ въ *Недорослѣ* все дѣйствіе вяжется около *Софьи* и *Стародума*. Но пусть судятъ сами читатели; вотъ содержаніе *Бригадира*.

Въ одномъ уголкѣ огромной матушки-Руси судьба свела два семейства: у Бригадира съ женою сынъ, у Совѣтника съ Совѣтницей дочь. Чтожъ съ ними дѣлать?—Разумвется, женить! таковъ ужъ

обычай и въ комедіяхъ, и на бѣломъ свѣтѣ. Чтожь? сказано, сдѣлано, и Советникъ ужь расчитываетъ по календарю, что свадьба быть двадцать шестаго числа. Но человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Все устроено самими родителями, они по-видимому такъ дружны, такъ согласны, а между тѣмъ въ самыхъ ихъ характерахъ таятся сѣмена раздора. Советникъ, *вышедшій въ отставку въ томъ году, какъ вышелъ указъ о лихоимствѣ, и нажившій до него деревеньку*, обладаетъ многими прекрасными качествами: скряга и ханжа, *онъ не пропускаетъ ни обѣдни, ни заутрени, думалъ, что будто Богъ*, говоря словами жены его, *столько комплезантъ, что онъ за всюнощную проститъ ему то, что днемъ наворовано*. Иное дѣло супруга его Авдотья Потапѣвна! Это женщина съ душкомъ, бой-баба, готовая спорить съ мужемъ до слезъ, которая *отъ роду того не хотѣла, чего мужъ ея хочетъ*. Любительница свободы и разгульной жизни, она увѣрена, что *все равно, имѣть ли мужа, или быть связаною*. Скучно ей въ глуши, въ деревнѣ, куда завезъ ее муженекъ, скучно ей особенно потому, что *всѣ способы къ отпущенію у нее отняты были*. Да какъ и не скучать ей тамъ, гдѣ не съ кѣмъ пошумрится, гдѣ *всѣ сосѣди такіе неучи, такіе скоты, которые сидятъ по домамъ, обилвшись съ женами*, гдѣ ей остается одно только развлеченіе — сидѣть часа по три у туалета да браниться съ мужемъ и съ падчерицею. Эта падчерица, Софья, дѣвушка скучная и ужасная резонерка, составляетъ съ Добролюбовымъ *добродѣтельную* сторону комедіи. Но чу! вотъ слышенъ чей-то звучный голосъ и мѣрные громкіе шаги... Вѣрно Бригадиръ! Такъ и есть, это онъ, почтенный старикъ съ головой, распроломаной еще до бригадирства, съ своимъ повелительнымъ голосомъ, съ страстью командовать, старикъ прямой, откровенный, очень занятый собою и своимъ чиномъ. Не вѣрится ему, «чтобы волосы были у всѣхъ считаны. «Недиво,» прибавляетъ онъ, «что наши сочтены. Я Бригадиръ, и ежели у пяти классовъ волосовъ не считаютъ, такъ у кого же и считать ихъ Ему?» Странно кажется ему замѣчаніе, что «у Бога генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры въ одномъ рангѣ» и онъ съ гнѣвомъ восклицаетъ: «Какъ можно подумать, что Богу, который все знаетъ, не извѣстенъ будто нашъ табель о рангахъ?» Этотъ истый служака, отецъ или дядя Скалозуба, не слишкомъ жалуется свою жену Акулину Тимоѣевну, женщину добрую, простую, заня-

тую соленьями, вареньями, да копъечной экономіей. Любитъ старушка деньгу, и счастливо протекла бы жизнь ея за счетомъ, да пересчитываніемъ алтыновъ, грошей и полушекъ, кабы не супругъ Игнатій Андреевичъ. Боится его старушка, хотя «еще не бывало, чтобъ онъ убилъ ее до смерти.» Дрожить при его крикѣ и поспынно убирается по добру да по здорову подале. Она набожна по своему, но главный предметъ ея нежности, разумеется послѣ денегъ, это сынокъ ея Иванушко. И въ самомъ дѣлѣ достоинъ любви этотъ рѣдкой малой, побывавшій «не только въ Парижъ, да еще и во Франціи!» Рыцарскій духъ и понятіе о чести развиты въ немъ до такой степени, что онъ и съ отцомъ готовъ подрасться. «Et pour-quoi non? Онъ читалъ въ прекрасной книгѣ, какъ бишь ее зовутъ... le nom lui est échappé, да... въ книгѣ les sottises du temps, что одинъ сынъ въ Парижъ вызывалъ отца своего на дуэль... а онъ, или онъ скотъ, чтобъ не последовать тому, что хотя одинъ разъ случилось въ Парижъ?» Этому милому повѣсь «свойственно этурдери; а инако худо подражалъ бы онъ французамъ.» Великій человекъ, онъ опередилъ своихъ современниковъ, и, какъ москвичъ времени Фамусова, презираетъ все русское и выражается чудною смесью французскаго съ нижегородскимъ. Ко всемъ этимъ достоинствамъ не забудьте прибавить рѣдкое остроуміе, находчивость, логичность и основательность его выводовъ, истинно оригинальныхъ. Послушайте напримѣръ разговоръ его съ отцомъ!

БРИГАДИРЪ.

Слунай, Иванъ. Я рѣдко съ молоду краснѣлъ, однако теперъ отъ тебя, при старости, сторгѣлъ было.

СЫНЪ.

Mon cher père! или сносно мнѣ слышать, что хотятъ женить меня на русской?

БРИГАДИРЪ.

Да ты что за французъ? Мнѣ кажется ты на Руси родился.

СЫНЪ.

Тѣло мое родилося въ Россіи, это правда; однако духъ мой принадлежитъ коронѣ французской

БРИГАДИРЪ.

Однако ты все-таки Россіи больше обязанъ, нежели Франціи. Вѣдь въ тѣлѣ твоемъ гораздо больше связи, нежели въ умѣ.

СЫНЪ.

Вотъ, батюшко, теперъ вы уже и лстить мнѣ начинаете, когда увидѣли, что строгость вамъ не удалася.

БРИГАДИРЪ.

Ну, не прямой ли ты болванъ? Я тебя называю дуракомъ; а ты думаешь, что я лщу тебѣ: эдакой осель!

СЫНЪ.

Эдакой осель! (*всторону*) Il ne me flatte pas... Я вамъ еще ска- зываю, батюшко, je vous le répète, что мои уши къ такимъ тер- минамъ не привыкли. Я васъ прошу, je vous en prie, не обхо- диться со мною такъ, какъ вы съ вашимъ ефрейторомъ обходились. Я такой же-дворяинъ, какъ и вы, Monsieur.

БРИГАДИРЪ.

Дурачина! дурачина! что ты ни скажешь, такъ все врѣшь, какъ лошадь. Ну кстати ли отцу съ сыномъ считается въ дворянствѣ? Да хотя бы ты мнѣ и чужой былъ, такъ тебѣ забывать того по-край- ней-мѣрь не надобно, что я отъ арміи бригадиръ.

СЫНЪ.

Je m'en moque.

БРИГАДИРЪ.

Что это за манмокъ?

СЫНЪ.

То, что мнѣ до вашего бригадирства дѣла нѣтъ. Я его забываю; а вы забудьте то, что сынъ вашъ знаетъ свѣтъ, что онъ былъ въ Парижѣ.

БРИГАДИРЪ.

О, ежелибъ это забыть можно было; да нѣтъ, другъ мой: ты самъ объ этомъ напоминаешь каждую минуту новыми дурачествами, изъ которыхъ за самое малое надлежитъ, по нашему военному уставу, прогнать тебя спицрутенюмъ.

СЫНЪ.

Батюшко! Вамъ все кажется, будто вы стоите предъ фрунтомъ и командуете. Къ чему такъ шумѣть?

БРИГАДИРЪ.

Твоя правда, не къ чему; а впередъ какъ ты что-нибудь со- врѣшь, то влщю тебѣ въ спину сотни двѣ русскихъ палокъ. Пони- маешь ли?

СЫНЪ.

Понимаю; а вы сами поймете ли меня? Всякой галантомъ, а особливо кто былъ во Франціи, не можетъ парировать, чтобъ онъ въ жизнь свою не имѣлъ никогда дѣла съ такимъ человѣкомъ, какъ вы; следовательно не можетъ парировать и о томъ, чтобъ онъ никогда бить не былъ. А вы, ежели вы зайдете въ лѣсъ, и удастся вамъ наскочить на медвѣдя, то онъ съ вами также поступитъ, какъ вы меня трактовать хотите

БРИГАДИРЪ.

Эдакой уродъ! отца примѣнилъ къ медвѣдю: развѣ я на него похожъ?

СЫНЪ.

Тутъ нѣтъ развѣ. Я сказалъ вамъ то, что я думаю: voilà mon sacastége. Да какое право имѣете вы надо мною властвовать?

БРИГАДИРЪ.

Дуралей! я твой отецъ.

СЫНЪ.

Скажите мнѣ, батюшко, не всѣ ли животныя, les animaux, одинаковы?

БРИГАДИРЪ.

Это къ чему? Конечно всѣ: отъ человѣка до скота. Да что за вздоръ ты мнѣ молоть хочешь?

СЫНЪ.

Послушайте: ежели всѣ животныя одинаковы, то вѣдь и я могу тутъ же включить себя?

БРИГАДИРЪ.

Для чего нѣтъ. Я сказалъ тебѣ: отъ человѣка до скота, такъ для чего тебѣ не помѣстить себя тутъ же.

СЫНЪ.

Очень хорошо; а когда щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отецъ, то долженъ ли я вамъ хотя малѣйшимъ респектомъ?

БРИГАДИРЪ.

Что ты щенокъ, такъ въ томъ никто не сомнѣвается; однако я тебѣ, Иванъ, какъ присяжной человѣкъ, клянусь, что ежели ты меня еще примѣнишь къ собакамъ, то скоро самъ съ рожи на человѣка походить не будешь. Я тебя научу, какъ съ отцемъ и заслуженымъ

человѣкомъ говорить должно. Жаль, что нѣтъ со мною палки! Эдакой скосырь выхалъ!..

Вотъ эти-то лица сошлись въ тѣсномъ деревенскомъ кружкѣ и разумеется подобное сближеніе должно было произвести комическіе результаты. Напрасно говорить г-нъ Вяземскій, что «мысль представить шестидесятилѣтняго бригадира, влюбившагося нечаянно въ со- вѣтницу, которую узналъ онъ недавно, а совѣтника, также скоро- постижно влюбившагося въ старую бригадиршу, не совѣзмъ правдо- подобна: тутъ есть какая-то симметрия въ волокитствѣ, которая за- бавна въ послѣдствіяхъ своихъ, но неестественна въ началѣ. Допу- стимъ еще грѣхопаденіе совѣтника, лицемѣра и святоши, который насильно выдаетъ дочь свою за сына бригадирни, *чтобы по род- ству чаще видѣться съ возлюбленною сватъею*, хотя и стару- хою, какъ значитъ изъ дѣла, но дурачество и поползновеніе къ со- блазну бригадира, который выведенъ на сцену человѣкомъ грубымъ, но довольно благоразумнымъ, кажется, рѣшительно противурѣчить истинѣ.» — Откровенно признаемся, мы не видимъ ни въ той, ни въ другой любви ничего натянутого, ничего неестественнаго. Все это такъ просто, такъ естественно, что почти не нуждается въ объясне- ній. Не говоря уже о пословицѣ: *полюбится сатана пуще яс- наго сокола*, вспомнимъ только бережливый характеръ бригадирши, ея набожность, и мы поймемъ, что она должна была понравиться скрягѣ и ханжѣ совѣтнику, страдавшему отъ пустодомства своей дражайшей половины. Еще понятнѣе, еще естественнѣе любовь бри- гадира, свѣжаго и браваго старика, къ молодой и кокетливой со- вѣтницѣ, женщинѣ бойкой и смѣлой во всѣхъ отношеніяхъ. Не го- воримъ уже о взаимной *пассіи* совѣтницы и Иванушки: она впол- нѣ оправдывается ихъ характеромъ, привычками и отношеніями. Г. Вяземскій очень справедливо замѣчаетъ, что «объясненіе во взаимной любви совѣтницы и бригадирскаго сына, жениха падчерицы ея, не только исполнено комической веселости, но и комической истины: оно совершенно въ провинціальномъ нравѣхъ; разгадывается на кар- тахъ и вырывается восклицаніями: *ты королева дама! ты тре- фовый король!* Какъ живо переноситъ насъ сіе явленіе во времена простосердечнаго волокитства, которое, не ломая головы надъ со- чиненіемъ любовныхъ писемъ, выражало себя просто симпатически- ми мастями или конфетными билетцами, писанными Сумароковымъ для обихода страстныхъ любовниковъ!» Правда, совершенная правда,

но не гораздо ли выше, не художественнѣе ли то явленіе, въ которомъ совѣтникъ открываетъ свою любовь непонятливой бригадиршѣ, этой Коробочкѣ стараго времени? Сколько въ немъ наблюдательности, знанія чловѣческаго сердца и страстей! Отъ подобной сцены не отказался бы Мольеръ для своего Тартюфа. Не можемъ воздержаться отъ желанія напомнить ее читателямъ.

СОВѢТНИКЪ.

Охъ!

БРИГАДИРША.

О чемъ ты, мой батюшко, вздыхаешь?

СОВѢТНИКЪ.

О своемъ окаянствѣ.

БРИГАДИРША.

Ты уже и такъ, мой батюшко, съ молитвы и поста скоро на усопнаго походить будешь, и долго ли тебѣ изнурять свое тѣло.

СОВѢТНИКЪ.

Охъ, моя матушка! тѣло еще не изнурено. Далъ бы Богъ, чтобъ я довелъ его грѣшнымъ моимъ моленіемъ и пощеніемъ до того, чтобъ избавилоя оно отъ дьявольскаго искушенія: не грѣшилъ бы я тогда ни предъ небомъ, ни предъ тобою.

БРИГАДИРША.

Передо мною: а чѣмъ ты, батюшко, грѣшишь предо мною?

СОВѢТНИКЪ.

Окомъ и помышленіемъ.

БРИГАДИРША.

Да какъ это грѣшать окомъ?

СОВѢТНИКЪ.

Я грѣшу предъ тобою, взирая на тебя окомъ...

БРИГАДИРША.

Да я на тебя смотрю и обѣими. Неужели это грѣшно?

СОВѢТНИКЪ.

Такъ то грѣшно для меня, что если хочу я избавиться вѣчныхъ муки на томъ свѣтѣ, то долженъ я на здѣшнемъ походить съ однимъ глазомъ до послѣдняго издыханія. Око мое меня соблазняетъ, и мнѣ изткнуть его необходимо должно для душевнаго спасенія.

БРИГАДИРША.

Такъ ты и въ правду, мой батюшко, глазокъ себѣ выколоть хочешь?

СОВѢТНИКЪ.

Когда все грѣшное мое тѣло заповѣдамъ сопротивляется, такъ конечно и руки мои не такъ праведны, чтобъ онъ одинъ взялся исполнить Писаніе; да я страшусь теплыя вѣры твоего сожителя, страшусь, чтобъ онъ, узрѣвъ грѣхъ мой, не совершилъ на мнѣ заповѣди Божіей.

БРИГАДИРША

Да какой грѣхъ?

СОВѢТНИКЪ

Грѣхъ, ему же вси смертные поработилися. Каждый человекъ имѣть духъ и тѣло. Духъ хотя бодръ, да плоть немощна. Къ тому же нѣтъ грѣха, иже не можетъ быти очищенъ покаяніемъ... (съ *нужностью*) согрѣшимъ и покаемся.

БРИГАДИРША.

Какъ не согрѣшить, батюшко? Единъ Богъ безъ грѣха.

СОВѢТНИКЪ.

Такъ, моя матушка. И ты сама теперь исповѣдуешь, что ты причастна грѣху сему.

БРИГАДИРША.

Я исповѣдуюся, батюшко, всегда въ Великій Постъ на первой недѣль. Да скажи мнѣ пожалуй, что тебѣ до грѣховъ моихъ нужды?..

СОВѢТНИКЪ.

До грѣховъ твоихъ мнѣ такая-же нужда, какъ и до спасенія. Я хочу, чтобъ твои грѣхи и мои были одни и тѣже, и чтобъ ничто не могло разрушить совокупленія душъ и тѣлесъ нашихъ.

БРИГАДИРША.

А что это, батюшко, совокупленіе? Я церковнаго-то языка столько же мало смыслю, какъ и французскаго. Вѣдь кого какъ Господь миловать захочетъ. Иному откроетъ онъ и французскую и немецкую и всякую грамоту; а я грѣшная и по-русски-то худо смыслю. Вотъ съ тобою не теперь уже говорю, а больше половины рѣчей твоихъ не разумю. Коли чью я рѣчь больше всѣхъ разберу, такъ это своего Игнація Андреевича. Всѣ слова выговариваетъ онъ такъ чисто, такъ рѣчисто, какъ попугай... Да видаль-ли ты, мой батюшко, попугаевъ?

СОВѢТНИКЪ.

Не о птицахъ предлежитъ намъ дѣло: дѣло идетъ о разумной твари. Неужели ты, матушка, не понимаешь моего хотѣнія?

БРИГАДИРША.

Не понимаю, мой батюшко. Да чего ты хочешь?

СОВѢТНИКЪ.

Могу ли я просить..

БРИГАДИРША.

Да чего ты у меня просить хочешь? Если только, мой батюшка, не денегъ, то я всемъ ссудить тебя могу. Ты знаешь, каковы нынѣ деньги: ими никто даромъ не ссужаетъ, а для нихъ ни въ чемъ не отказываютъ.

СОВѢТНИКЪ.

Не о деньгахъ рѣчь идетъ: я самъ для денегъ на все могу согласиться. (*Становится на колѣна*) Я люблю тебя, моя матушка..

Вотъ сцена, отъ которой не отказался бы Мольтеръ, сцена, которую можно смѣло поставить на ряду съ знаменитымъ 5 явленіемъ IV акта *Тартюфа*. И какъ ровно выдержаны оба характера! Сове́тникъ, это олицетвореніе подъячества и криводушія, привыкъ перетолковывать все сообразно съ своими выгодами; какъ прежде поступалъ онъ съ законами, обходя правду окольными путями, какъ прежде игралъ онъ правосудіемъ, такъ и теперь играетъ религію, такъ и теперь находитъ извилистую тропинку неправды, уклоняется отъ исполненія заповѣди Божіей, очищаетъ будущій грѣхъ будущимъ покаяніемъ. Это не Тартюфъ, обольщающій другихъ и себя уловками казуистовъ и оправдывающій проступокъ цѣлью; нѣтъ! нашъ совѣтникъ не говоритъ:

Le ciel défend, c'est vrai, certains contentements;

Mais on trouve avec lui des accommodements.

Selon divers besoins, il est une science

D'étendre les liens de notre conscience,

Et de rectifier le mal de l'action

Avec la pureté de notre intention.

Contentez mon désir, et n'ayez point d'effroi:

Je vous répons de tout, et prends le mal sur moi.

Vous êtes assurée ici d'un plein secret,
Et le mal n'est jamais que dans l'éclat qu'on fait.
Le scandale du monde est ce que fait l'offense,
Et ce n'est pas pécher que pécher en silence.

Нѣтъ, онъ не пускается въ такія софистическія тонкости іезуитской морали, онъ и самъ не понимаетъ ея, а просто, безъ затѣй, говорить: *согрѣшимъ и покаемъ!*

И это лицемѣріе низшаго разряда встрѣчаетъ не хитрую и образованную Эльмиру, а простую, глупую старушку, которая далека отъ возраженій, и уничтожаетъ все грѣховныя попытки стараго святоши не стойкостію добродѣтели или ума, но безтолковою непонятливостію. Замѣтьте, какъ ловко веденъ весь разговоръ. Сперва Советникъ чуть намѣкаетъ на свое желаніе; потомъ, подстрекаемый тупостію Бригадирши, выражается все яснѣе и яснѣе, не оставляя впрочемъ своего лицемѣрнаго языка; наконецъ, доведенный до крайности, сбрасываетъ маску и не удерживаетъ болѣе рѣшительнаго восклицанія: *я люблю тебѣ, матушка!* — И какъ естественны, какъ наивны почти все реплики Бригадирши, какъ ловко увертывается она отъ сѣтей хитраго ханжи, и какъ вѣрно эта ловкость выведена изъ самой ея глупости. На плута полтора плута, говоритъ пословица. Нѣтъ! на плута спустите дурака, и увидите, кто кого перехитритъ. Не отъ того ли величайшіе хитрецы прикидываются часто простаками, что глупость, но глупость полная, есть величайшая хитрость?...

Но обратимся къ интригъ комедіи и доскажемъ ее въ нѣсколькихъ словахъ. Мы видѣли, что судьба столкнула два семейства, а характеръ лицъ породилъ между ними очень естественныя чувства любви. Но Бригадиру нѣтъ удачи. Ловкая Советница и понимаетъ его *декларациі* и *суппирь*, да предпочитаетъ ему цовѣсу сына; старый служака приходитъ въ негодованіе и въ припадкѣ ревности открываетъ глаза мужу. Виновныхъ застаютъ на мѣстѣ преступленія и тутъ-то все выводится на свѣжую воду. Друзья ссорятся, задуманная свадьба растроивается и Софья выходитъ за своего возлюбленнаго Добролюбова, который къ концу комедіи кстаті получаетъ двѣ тысячи душъ.

«Бригадиръ» не представляетъ стройнаго цѣлаго, гармонирующаго во всѣхъ частяхъ и не нуждающагося ни въ дополненіи, ни въ

урьзкахъ; многія сцены могли бы быть выкинуты безъ ущерба, можетъ быть, даже съ пользою для общаго хода пьесы. Лица приходятъ и уходятъ безъ всякой нужды; дѣйствіе нисколько не подвигается во весь пять актовъ, и развязка, не вытекающая непосредственно изъ характера и положенія лицъ, могла бы окончить пьесу, какъ въ пятомъ, такъ и въ первомъ дѣйствіи. Последнее явленіе совершенно лишнее; комедія естественно оканчивается восклицаніемъ Совѣтника: *Прости, Акулина Тимофеевна!* — Но тоже самое замѣчаемъ мы и въ *Недоросль*, и это доказываетъ слабость творчества, слабость концепціи въ Фонъ-Визинъ. Г. Вяземскій справедливо замѣчаетъ, что «Фонъ-Визинъ не былъ драматическимъ творцемъ, а только писателемъ комическимъ, въ чемъ большая разница.» И дѣйствительно! Это ясно видно и въ отсутствіи дѣйствія въ его комедіяхъ; и въ неловкой *по кройкѣ* (la coupe) сценъ, и въ самомъ разговорѣ, хотя натуральномъ, но часто растянутомъ и неумѣстнымъ. Да, Фонъ-Визинъ не былъ драматическимъ творцемъ, или, лучше сказать, онъ не былъ художникомъ, а все-таки въ его твореніяхъ есть жизнь, природа и истина, три элемента долговѣчности произведеній искусства. Но не въ созданіи драмы проявляются они, а только въ рисовкѣ характеровъ и въ слогѣ.

Вотъ параллель, которую проводитъ г-нъ Вяземскій между *Бригадиромъ* и *Недорослемъ*.

«Въ комедіи *Недоросль*, говоритъ онъ, авторъ имѣлъ уже цель важнѣйшую: гибельные плоды невѣжества, худое воспитаніе и злоупотребленіе домашней власти выставлены имъ рукою смѣлою и раскрашены красками самыми ненавистными. Въ *Бригадирѣ* авторъ дурачить порочныхъ и глупцовъ, язвить ихъ стрѣлами насмѣшки; въ *Недоросль* онъ уже не шутитъ, не смѣется, а негодуетъ на порока и клеймитъ его безъ пощады; если же и смѣшитъ зрителей картиною выведенныхъ злоупотребленій и дурачествъ, то и тогда внушаемый имъ смѣхъ не развлекаетъ отъ впечатлѣній болѣе глубокихъ и прискорбныхъ. И въ *Бригадирѣ* можно видѣть, что погрѣшности воспитанія русскаго живо поражали автора; но худое воспитаніе, данное бригадирскому сынку, это полупросвѣщеніе, если и есть какое просвѣщеніе въ поверхностномъ знаніи французскаго языка, въ повздкѣ въ чужіе края безъ нравственнаго, приготовительнаго образованія, должны были выдѣлать изъ него смѣшнаго глупца, чѣмъ онъ и есть. Невѣжество же, въ коемъ росъ Митрофануш-

ка, и примѣры домашніе должны были готовить въ немъ изверга, какова мать его, Простакова. Именно говорю изверга, утверждаю, что въ содержаніи комедіи *Недоросль* и въ лицѣ Простаковой скрываются все пружины, все лютыя страсти, нужныя для соображеній трагическихъ: разумется, что трагедія будетъ не по греческой или по французской классической выкройкѣ, но, не менѣе того, развязка можетъ быть трагическая.»

Разсмотримъ, въ какой степени справедливы эти замѣчанія. Не оспариваемъ важности содержанія *Недоросля*, но не можемъ согласиться, что въ *Бригадирѣ* авторъ только «дурачитъ порочныхъ и глупцовъ.» Неужели лицо лицемернаго ханжи, играющаго законами и совѣстью, лицо, такъ мѣтко очерченное, оправдываетъ слова г. Вяземскаго? Право, въ немъ не менѣе трагическаго элемента, какъ и въ характеръ Простаковой. Разница только та, что въ *Бригадирѣ* эта трагическая сторона выступаетъ не такъ резко, не такъ рельефно, какъ въ *Недоросль*, но все-таки она не ускользаетъ отъ внимательнаго читателя. Совѣтникъ—это тотъ же Тартюфъ, только съ меньшимъ образованіемъ, съ меньшимъ умомъ, съ болѣе грубыми инстинктами, что не ослабляетъ, а скорѣе усиливаетъ трагическій элементъ. Но комизмъ фонъ-Визина все прикрываетъ, все сглаживаетъ, и выставляетъ одну смѣшную сторону порока, какъ въ *Бригадирѣ*, такъ и въ *Недоросль*, гдѣ нисколько не пробивается негодованіе автора, не смотря на увѣренія г-на Вяземскаго. Что же касается до возможности трагической развязки *Недоросля*, то это напоминаетъ намъ предисловіе, въ которомъ Бомарше, защищаясь отъ нападокъ на безнравственность дѣйствующихъ лицъ его комедіи, доказываетъ, что тѣже пороки составляютъ пружины трагедій и что его пьеса также могла кончиться трагически. Странная претензія, которую Бомарше впрочемъ осуществилъ въ плохой драмѣ *Виновная мать* (*La mère coupable*)!

За выписанными нами замѣчаніями, слѣдуетъ очеркъ *Недоросля*, прекрасно набросанный г. Вяземскимъ. Охотно соглашаемся съ тѣмъ, что высказалъ онъ о недостаткѣ изобрѣтенія и неподвижности событія, или, правильнѣе говоря, объ отсутствіи драмы и дѣйствія въ этой комедіи, отдаемъ полную честь эстетическому такту, съ которымъ анализируетъ онъ характеры Простаковой, Митрофанушки и Еремьевны, но не можемъ вполне согласиться съ слѣдующимъ мнѣніемъ автора:

«Роль Стародума можно раздѣлить на двѣ части: въ первой онъ рѣшитель дѣйствія и развязки, если не содѣйствиємъ, то волею своею; въ другой онъ лицо вставное, правоученіе, подобіе хора въ древней трагедіи. Тутъ авторъ выразилъ нѣсколько истинъ, изложилъ нѣсколько мнѣній своихъ. Въ доказательство, что эта часть не идетъ къ дѣлу, напомнимъ, что въ представленіи многое выкидывается изъ роли Стародума. Была бы пьеса написана хорошими стихами, то, вѣроятно терпѣніе партера не утомилось бы отступленіями; но невѣгода Стародума предъ древнимъ хоромъ въ томъ, что сей выражается поэзіею лирическою, а тотъ дидактическою прозою, которая скучна подъ конецъ.»

Если г-шъ Вяземскій, следуя ученію французскаго классицизма, почитаетъ *развязкою* комедіи бракосочетаніе влюбленныхъ, то первое положеніе его справедливо: роль Стародума дѣйствительно распадается на двѣ части, потому что воля его рѣшаетъ бракъ Софьи съ Милономъ. Но если мы будемъ смотрѣть на комедію съ другой, болѣе общей точки зрѣнія, то невольно согласимся, что соединеніе любовниковъ не составляетъ развязки драмы и не рѣшаетъ вопросовъ, возбужденныхъ ею; мы поищемъ въ *Недоросль* другаго конца, следовательно и другаго рѣшителя дѣйствій, не столь исключительныхъ и болѣе общихъ. — Перебирая весь списокъ дѣйствующихъ лицъ, мы не находимъ никого, ктобы сильно содѣйствовалъ дѣйствительной развязкѣ, заключающейся въ уничтоженіи домашней тираніи Простаковой и истинно-недоросельскаго бездѣйствія Митрофанушки; гдѣ же этотъ рѣшитель, гдѣ же эта дружина? — Въ драмы. Это бдительный, недремлющій и карающій законъ, орудіемъ котораго является Правдинъ. Стародуму же остается па-долю одно правоученіе, нисколько не уподобляющее его древнему хору, этой живой, органической части драмы. Онъ, Правдинъ, Милонъ и Софья служатъ выраженіемъ даже не личныхъ убѣжденій комика, а сухихъ правилъ безжизненной морали. Послѣ каждаго безнравственнаго или смѣшнаго поступка, даже послѣ каждой глупой фразы, одно изъ этихъ лицъ спѣшитъ объяснить, что это дурно, а то стыдно, это смѣшно, а то безсовѣстно. Какъ бы не доверяя прозорливости зрителей, авторъ торопится пояснить дѣло правоучительнымъ комментариемъ. Поэтому не мудрено, что отступленія Стародума скучны и утомляютъ терпѣніе партера; будь они хоть въ хорошихъ стихахъ, впечатлѣніе, производимое ими, осталось бы тоже самое. Тутъ ви-

новата не форма, а содержаніе или, лучше сказать, отсутствіе со-держанія. Въ доказательство приведемъ въ примѣръ знаменитый мо-нологъ Фигаро, продолжающійся чуть-ли не больше четверти часа, а между тѣмъ не утомляющій никого. Вообще вниманіе зрителя под-держивается драматизмомъ положенія и разсказа, интересомъ глу-бокихъ вопросовъ, перебираемыхъ авторомъ, живостію языка, от-сутствіемъ *conceits* и общихъ мѣстъ, и мѣткимъ остроуміемъ. Вотъ чего не достааетъ отступленіямъ, на которыя такъ щедръ фонъ-Физинъ въ *Недоросль*! Вотъ чего не достааетъ правоучительнымъ сентенціямъ, выдаваемымъ многими, Богъ знаетъ почему, за прав-ственные истины!

Въ заключеніе разбора *Недоросля*, г. Вяземскій доказываетъ, что «несправедливо упрекали фонъ-Физина въ исключительной цѣли, съ которою будто начерталъ онъ лице Недоросля, осмѣивая въ немъ неслужащихъ дворянъ.» Мы думаемъ, что этотъ упрекъ и теперь многіе дѣлаютъ фонъ-Визину, и находимъ, что онъ имѣетъ осно-ваніе. Посмотримъ опроверженія, представляемыя авторомъ. Онъ го-воритъ: «фонъ-Визинъ не сталъ бы мѣтить въ небывалое зло.» Съ этимъ мы согласны, но не понимаемъ почему г-нъ Вяземскій называ-етъ уклоненіе дворянъ отъ службы зломъ небывальымъ. Что оно не существуетъ въ наше время, это истина неоспоримая; а что оно существовало прежде, это доказывается указами, которые правитель-ство находило нужнымъ выдавать для побужденія дворянъ служить. Нѣкоторые изъ нихъ и по-сю-пору сохранили свою силу, между прочимъ указъ, лишающій дворянства тѣ фамиліи, въ которыхъ не служили три поколѣнія сряду. — А что фонъ-Визинъ имѣлъ это зло въ виду, замѣтно изъ словъ Правдина, служащаго вмѣстѣ съ другими *правственными* лицами органомъ мнѣній автора, изъ словъ заклю-чающихъ комедію: «Съ тобой, дружокъ, знаю, что дѣлать. Пошелъ-ко служить....»

Какое же заключеніе сдѣлаемъ мы о книгѣ г-на Вяземскаго? Мы представили уже въ первой статьѣ отчетъ въ томъ общемъ впечат-лѣніи, которое она произвела на насъ, мы сказали уже, что видимъ въ ней трудъ добросовѣстный и отчетливый. Теперь же мы размо-трѣли сужденія его о драматическихъ произведеніяхъ фонъ-Визина, особенно важныя для журнала спеціальнаго, каковъ Пантеонъ; мы прослѣдили шагъ за шагомъ все высказанное г-номъ Вяземскимъ о *Бригадирѣ* и *Недоросль* и, предоставляя самому читателю судить

о вѣрности нашихъ замѣчаній, прибавимъ только два слова о направленіи и взглядѣ автора на драму и на литературу вообще.

Книга г. Вяземскаго проникнута современнымъ духомъ анализа: авторъ не вѣритъ слѣпо авторитетамъ и старается отдать себѣ отчетъ во всѣхъ впечатлѣніяхъ; онъ не говоритъ ничего наобумъ и все высказанное подкрѣпляетъ доказательствами, болѣе или менѣе основательными. Но сквозь новую броню проглядываетъ мѣстами старое платье. Г-нъ Вяземскій, разумеется, не могъ совершенно оторваться отъ прежнихъ началъ, съ которыми свѣкся, сроднился, такъ сказать; онъ принялъ новое направленіе критики, но основанія остались старыя, и нѣкоторыя сужденія его чисто-литературныя отзываются ученіемъ французской школы. Для него еще существуютъ и классицизмъ и романтизмъ; онъ не придерживается перваго, но не прощаетъ второму его бывшій победы; онъ, напримѣръ, признаетъ достоинства Шекспира, но не хочетъ признать достоинствъ въ его послѣдователяхъ. По нашему мнѣнію, такое несогласіе съ самимъ собою происходитъ отъ неполнаго примиренія старыхъ укоренившихся идей съ новыми наносными; отъ современности въ иныхъ положеніяхъ науки, и отъ упорнаго сопротивленія новому ученію въ другихъ пунктахъ. По этому нѣкоторыя страницы книги г-на Вяземскаго кажутся написанными двумя руками. — Но наблюденія автора надъ жизнью и обществомъ, замѣтки его о многихъ важныхъ и глубокихъ вопросахъ показываютъ въ немъ человека мыслящаго, вполне современнаго. Есть люди, которые никогда не старѣются душою, вѣчно жаждущую добра, истины и прекраснаго, и такимъ-то человекомъ почитаемъ мы г-на Вяземскаго, судя по прекрасному труду его о фонъ-Визингъ, труду проникнутому сердечною теплотою и неподдельною любовью ко всему возвышенному и благородному.

ЮМОРИСТИКА.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВАНЬКА.

(ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.)

Не смотря на всѣ увѣренія, что со введеніемъ омнибусовъ или общественныхъ каретъ, какъ ихъ у насъ называютъ, удобство ѣзды въ Петербургъ необычайно, и даже лучше, нежели за границей, мы однако-же съ своей стороны, никакъ не можемъ съ этимъ согласиться. Омнибусы, по нашему мнѣнію, если не совсемъ, то очень мало помогли тѣмъ обывателямъ Петербурга, которые осуждены судьбою ходить пѣшкомъ. Во всѣхъ странахъ міра слово комфортъ понимается одинаково, но у каждаго народа, по пословицѣ, что городъ, то норовъ, есть своей особенный народный комфортъ, и можно положительно сказать, что то русскому здорово, что нѣмцу смерть. Баня, отъ которой и французъ и нѣмецъ убѣжить, какъ отъ какого-нибудь ада въ миніатюрѣ, для русскаго челоуѣка — верхъ наслажденія, эдемъ, тоже, что для француза — театръ, для нѣмца — полпивная, для итальянца — макароны. Мы, сколько насъ ни есть русскихъ, охотно или, лучше сказать, безропотно переносимъ всевозможныя нравственныя и физическія трудности, но тѣмъ не менѣе способны понимать, что хорошо и что дурно, что удобно и что неудобно. Хотя въ настоящее время западъ и гнѣтъ, но нельзя, однако-жъ, не согла-

ситься, что юго-западный климатъ лучше нашего сѣверо-восточнаго. Парижъ, по словамъ даже самаго Барбье, — *Sure-infervale*, Неаполь и Вѣна я согласенъ — содомъ и гомора, но климатъ тамъ лучше, нежели у насъ, и погода, стало быть, ровнѣе и постояннѣе. Я понимаю, что парижанинъ охотно добѣжитъ до омнибуса и выйдя изъ него, добѣжитъ опять до мѣста своей побѣдки, потому что онъ совершенно увѣренъ, что не запачкается въ грязи и не промокнетъ до костей. У насъ, въ Петербургѣ, не то; намъ стоитъ только выдти съ подъѣзда, сдѣлать шага два впередъ, чтобы чуть-чуть не утонуть въ грязи. Изъ этого, кажется, ясно, что экипажи чужеземнаго изобрѣтенія для насъ не совсѣмъ пригодны. Намъ петербургцамъ, нуженъ такой экипажъ, которой бы стоялъ и принималъ насъ у подъѣзда и привезъ къ подъѣзду.

Наши извозчики или ваньки, какъ ихъ называютъ, совершенно соответствуютъ нашимъ потребностямъ и даже теперь, далеко несовершенствованные, по моему, лучше всякихъ омнибусовъ. Еслибы они имѣли *пролетки* съ *фартухами*, зонтики, и ѣздили по определенной цѣнѣ за перѣѣздъ, то представляли бы самый удобный и сноровистый экипажъ для петербуржцевъ...

Въ настоящее время, экипажъ, перевозящій насъ отъ одного мѣста къ другому и называемый *дрожками* — есть что-то такое, что напоминаетъ французскую гильотину девяностыхъ годовъ. Сѣсть на извозничьи дрожки значить не только рисковать не добѣхать до известнаго мѣста, но даже оставить на улицѣ, чего добраго, свою руку или ногу.

Неудобство этой ѣзды само собою разумѣется, таится въ характерахъ, нравахъ и обычаяхъ тѣхъ лицъ, которыя управляютъ экипажемъ и клячю, и которыхъ мы обыкновенно называемъ *ваньками*.

Изъ сказаннаго нами легко видѣть, что этотъ родъ разыгрываетъ, стало быть немаловажную роль въ дѣлѣ общественномъ, а потому мы не лишнимъ считаемъ представить нашему читателю нѣкоторыя физиологическія черты этого класса людей.

Ваньки стекаются въ Петербургъ со всѣхъ концовъ русской земли, и, слѣдовательно, казалось бы, что всѣ они должны болѣе или менѣе отличаться въ чемъ нибудь; но на дѣлѣ выходитъ иначе. Архангелецъ, москвичъ,

новгородецъ и чухонецъ изъ окрестностей Петербурга, принявъ однажды должность извозчика, теряютъ всё характерныя и климатическія различія и въ короткое время дѣлаются типическимъ лицомъ — въ полномъ смыслѣ слова *ванькой*. Его привычки, обычаи, даже самый характеръ такъ скоро слагаются подъ общую мѣрку ванекъ, что нѣтъ никакой возможности отдѣлать одного индивидуума отъ другаго, и всё они составляютъ какъ бы одно цѣлое. Правда, выговоръ имъ нѣсколько измѣняется, за то выговариваемое ими словомъ и дѣломъ всегда почти тождественно. Вкусы, по большей части, у нихъ одинаковы: чувство любви и ненависти направлены у нихъ на одни и тѣже вещи; предметы удовольствія и опасенія выкроены на одну мѣрку, даже самые разговоры и изреченія, по большей части, одинаковы и состоятъ обыкновенно — изъ хвастовства и чрезвычайно оригинальной брани, которую они развозятъ по разнымъ улицамъ столицы.

Ванька, желающій посвятить свою дѣятельность на служеніе Меркурію, придя въ Петербургъ, отыскиваетъ какого-нибудь *антрепренера* или *хозяина*, который по слухамъ, разнесеннымъ ваньками, болѣе другихъ безграмотенъ и, слѣдовательно, недовольно способенъ на учетъ — и опредѣляется къ нему обыкновенно на его *харчи*, съ жалованьемъ отъ *трехъ до шести цѣлковыхъ*. Чѣмъ расторопнѣй и смысленнѣй чѣловѣкъ, поступающій въ званіе *ваньки*, тѣмъ онъ снисходительнѣе при приемѣ на свои руки дрожекъ и клячи отъ хозяина. Онъ просто не глядитъ ни на экипажъ, который чуть не прахъ, ни на клячу, которая чуть дышитъ — и между тѣмъ беретъ за возить прохожихъ и доставлять хозяину требуемую съ него поденную плату. При этомъ нельзя не согласиться, что такой *ванька*, какъ истинный герой и смѣльчакъ, не думаетъ о послѣдствіяхъ, не думаетъ о томъ, что онъ можетъ сломать себѣ и вздоху шею; но за то, нельзя не уважить въ немъ того *авось*, которымъ русскіе верѣдко города брали. . .

Такой новобранецъ, само собою разумѣется, дѣлаетъ самое выгодное впечатлѣніе на *хозяина*, который думаетъ про себя:

— Парень-то, кажись, мнѣ съ руки... Настоящій, такъ сказать, ухорь; на *авоськѣ* берется ѣздить, какъ на *лихахъ*.

Образъ жизни всѣхъ вообще петербургскихъ ванекъ, если вы хотите, чрезвычайно разнообразенъ въ своей однообразности. Какъ какой-нибудь записной туристъ, онъ никогда не остается на мѣстѣ. Съ самаго ранняго утра или самаго поздняго вечера (смотря потому, дневной онъ или ночной), ванька, подкрѣпивъ силы свои насущнымъ трехфунтовымъ кускомъ чернаго хлѣба, выѣзжаетъ со двора и цѣлый день или ночь напролетъ гоняетъ изъ улицы въ улицу свою клячу. *Дневной ванька* обыкновенно обѣдаетъ ночью, а *ночной* утромъ; но тотъ и другой, во всѣхъ своихъ странствованіяхъ, непременно заѣзжаетъ раза два или три въ ресторацію, или на счетъ пьянаго пѣшехода, или нерасчетливаго хозяина. Всѣ удовольствія и развлеченія этой касты людей исключительно ограничиваются этими заѣздами въ *Лондоны*, *Китай* и *Лейпциги*. Къ чести ванекъ или къ дороговизнѣ сивухи, можно прибавить еще и то, что они почти очень рѣдко посѣщаютъ увеселительныя заведенія, называемыя кабаками и, по образцу московскихъ гостинодворцевъ, употребляютъ болѣе чаекъ.

Какъ ни занимательна вообще внѣшняя сторона жизни какого бы то ни было класса людей, но его нравы и обычаи, его характеръ и, словомъ, внутренняя жизнь несравненно болѣе занимательна, потому-что она научаетъ насъ познавать челоуѣка, чуждаго намъ по образу мыслей — но съ которымъ, однако-же, стоя на разныхъ ступенькахъ, мы все-таки живемъ въ одномъ обществѣ и потому иногда волею или неволею должны сталкиваться.

Натуры *ванекъ*, какъ и натуры всего остальнаго челоуѣчества, очень естественно движутся, по преимуществу въ отношеніи къ ближнему, двумя рычагами — любовью и ненавистью. Объ этомъ незачѣмъ было бы говорить, еслибы ихъ любовь и ненависть проявлялись по данной однажды навсегда формѣ — какъ это обыкновенно бываетъ у насъ — а то нѣтъ: у *ванекъ* вообще проявляются эти чувства совсѣмъ иначе; и кому не довелось ознакомиться съ этой стороною *ванекъ*, для тѣхъ она можетъ быть не только нова, но даже поучительна.

Между *ваньками* извѣстныхъ частей и кварталовъ

существуетъ такая дружба, которую, пожалуй, вы не сыщете даже и между холостой молодежью. Они между собой не только откровенны, но даже доверчивы. —

— Я, говорить одинъ *ванька* другому, съѣхавшись у колоды: вчера обсчиталъ хозяина на 40 коп. серебромъ.

— Вишь ты чѣмъ хвастаешь! Эка невидаль: я *своего* надумъ на рубль на двадцать. Грѣхъ такой! привезъ Сидора на толкучій; ну, какъ, думаю, не выпить чайку, зашелъ въ Лейпцигъ—грѣшный человекъ! Выпилъ стаканъ, — а тамъ глядь поглядь — нашего квартала сидятъ *мироги* ... Сердце у русскаго человекъ, братецъ, не каменное. Угостилъ лихачей на хозяйскій счетъ...

— Вишь ты?!. А что же хозяинъ-то?..

— Хозяинъ?... хозяинъ на первой поръ было и нивѣсь какъ вскинулся, да я-то того... говорю... ..

— Говоришь?..

— Говорю: не выѣздишь нынче, Богъ дастъ, выѣзжу завтра—вѣдь ты вишь какова у меня кляченка—кнутомъ не проймешь...

— А хозяинъ что?..

— Вѣстимо что... погрозить, посулить, да и отойдетъ съ миромъ.

— Вишь-ты, эвано-что!..

Изъ всего видно, что это другъ, вполне умбющій цѣнить друга. Но вотъ усталый пѣшеходъ кричитъ:

— Эй, *ванька!*.. давай сюда!..

И *ваньки*, которые до-сихъ-поръ такъ искренно говорили между собою и сообщали другъ другу свои тайны, вдругъ, какъ-бы по мановенію какого-нибудь волшебнаго жезла, кидаются отъ колоды, подъѣзжаютъ къ пѣшеходу и, перерывая одинъ другаго, говорятъ:

— Наймите меня, баринъ!

— Не нанимайте его, сударь... у него лошадь съ порокомъ: цѣлый часъ съ мѣста не сдвинется.

— А что возьмешь на Петербургскую? говоритъ пѣшеходъ первому.

— Двугривенной.

— И я свезу за двугривенной, баринъ... да ужъ не такъ свезу... а прокачу лихо...

— Ахъ ты, цикорія этакая! ужъ тебѣ ли за мной угоняться...

— Ну, ну, ужъ лучше молчи!.. садитесь, везу за пятиалтынный.

— Изволь, баринъ, садись за пятиалтынный! кричитъ другой: только не садись на него, анаему? У него и дрожки, и лошадь еле-еле дышуть.. не доведетъ, сло- мить голову вашему благородію.

Пешеходъ обыкновенно садится на того, кто пер- вый спуститъ цѣну — и тѣмъ покачивается дѣло. Но, впрочемъ, дружба ванекъ напоминаетъ нѣсколько исторію Полкана и Барбоса, хотя съѣхавшіеся на другой день у своей узаконенной колоды, извозчики обыкновенно ста- раго не помнятъ, не колятъ глаза другъ другу и схо- дятся истинными друзьями.

Кромѣ взаимной дружбы, ваньки особенно также лю- бятъ и уважаютъ, такъ называемыхъ *купеческихъ сынковъ* или, вѣрнѣе сказать, молодыхъ *торговцевъ съ Апраксина*. Между ними дѣйствительно существуетъ что-то въ родѣ симпатіи. Въ праздничные и воскресные дни мо- лодой негодіантъ съ *Апраксинскаго двора*, желая про- вести свободный день наилучшимъ образомъ, всегда почти, между прочими пріятностями, подыщетъ дол- гомъ прокатиться на лихачѣ по городу или за городъ. Это для купеческаго сынка — верхъ наслажденія. *Ваньки* дѣло смѣкнули, и нужно правду сказать, платятъ имъ тою же *атенціею*. Особа *юнаго* негодіанта для нихъ пріятнѣе любой чиновной особы. Въ этомъ случаѣ *ваньки* діаметрально расходятся съ людомъ служащимъ, и нѣкоторымъ образомъ корчатъ либераловъ. Идетъ, на- примѣръ, какая-нибудь видимо важная персона и прика- зникъ Апраксинскій и оба нанимаютъ *ваньку*; за од- ну и ту же цѣну; ванька, не размышляя ни мало, предла- гаетъ услуги апраксинскому.

Такъ какъ нѣтъ дѣйствія безъ причины, то и эта сим- патія купеческихъ сынковъ къ ванькамъ и наоборотъ объ- яняется довольно просто. Первые, не имѣя экипажа въ своемъ распоряженіи, а между тѣмъ будучи въ необхо- димости провѣтриться, крайне влекутся къ извозчикамъ; извозчики, въ свою очередь, хорошо понимая, что че- ловѣку, желающему провѣтриться, деньги *нипочемъ* — ве- зутъ его охотно, имѣя въ виду то, что *почестъ* нѣс- колько ниже *выгоды*.

Языкъ ванекъ совершенно различествуетъ отъ языка средняго и низшаго сословія, хотя похожъ и на тотъ, и на другой. Въ немъ господствуетъ какаля — то смѣсь: *ванька* умѣетъ ясно выразиться, но прибавляетъ къ этому выраженію такое особенное нарѣчіе, которое не можетъ быть каждому вразумительно и понятно. Характеръ его постоянно выказываетъ какую-то корысть и непостоянство, смѣсь ума и совершенную глупость, невѣжество съ нѣкоторымъ знаніемъ, ненависть съ любовью.

Французы, надо имъ отдать честь, любятъ свое народное и потому, можетъ быть, безъ всякаго исключенія хвалятъ *свое*. Легкомысліе они называютъ увлеченіемъ; вѣтренность прогрессомъ; но мы болѣе строги къ самимъ себѣ, не умѣемъ оправдать своихъ недостатковъ. Русскій, вполнѣ понимая всю глупость слова: «авось», не можетъ перекрестить его въ болѣе пріятное слово, какъ развѣ «безпечность.»

Дѣйствительно, человекъ съ здравымъ умомъ, понимающій вещи въ прямомъ ихъ значеніи, не можетъ безъ особенной горести смотрѣть на нашу народную *безпечность*. Чего на свѣтѣ не бываетъ? Пожалуй, есть также слѣпые патріоты, которые, подобно необразованной и глупой матери, не видящей недостатковъ своихъ дѣтей, готовы все хвалить слошъ и рядомъ, не зная того, что этимъ они вредятъ своему народу. По мнѣ, русскимъ давно-бы нужно было вылетѣть отъ авоса. *Авосъ* хорошо тамъ, гдѣ нѣтъ знанія, а намъ русскимъ лежитъ другая дорога... намъ слѣдуетъ все знать, а не бродить ощупью.

Ванька, само-собою разумѣется, еще непонимаетъ этого. За примѣрами неходить въ карманъ: вотъ случаи, которые говорятъ лучше словъ:

Напримѣръ, вы садитесь на извозчика за условную плату; онъ васъ везетъ и безпрестанно оглядывается. Вы его спрашиваете: не сломаны ли у него дрожки? ..

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Для чего же ты безпрестанно оглядываешься?

— Такъ.

— Ужъ вѣрно не такъ. . . говори лучше правду.

— Вотъ-те Христось, такъ!

Вы ѣдете дальше, но чувствуете, что дрожки кривятся на одну сторону. — Стой! говорите вы извозчику, а онъ

какъ будто не слыша вашего возгласа, везетъ васъ дальше. Вы даёте ему толчка въ спину, и онъ ловко при этомъ останавливаетъ своего пегаса. Вы оцрометью соскакиваете съ дрижекъ, осматриваете колеса и видите, что они перевязаны веревкой.

Вы приходите въ ужасъ, браните его на чемъ свѣтъ стоитъ, грозите ему полиціей, а онъ преспокойно отвѣчаетъ вамъ:

— Садись, баринъ, теперь ужъ не далеко... авось доведемъ благополучно.

— Плутъ ты этакой! да вѣдь ты и себя, и мнѣ голову могъ сломить....

— Небось, баринъ: Богъ милостивъ!

— Дуракъ! Развѣ ты не знаешь, что береженаго только Богъ бережетъ.

— Всѣ мы, грѣшныя, подь Богомъ ходимъ, отвѣчаетъ вамъ ванька съ увѣренностью, что двухъ смертей не бываетъ, а одной не миновать.

Бываютъ случаи, когда характеръ ваньки обрисовывается еще поразительнѣе....

На встрѣчу ваньки ѣдетъ, на примѣръ, четырехъ-мѣстная, наемная карета, извѣстная всѣмъ подь названіемъ похоронной. Кучеръ, не протрезвившійся еще отъ вчерашняго хмѣля, преспокойно дремлетъ, сидя на козлахъ и замотавъ возжи на руку. Извозчикъ, ѣдущій на встрѣчу ему, считаетъ за непремѣнную обязанность повернуть передъ самымъ дышломъ кареты, и такимъ образомъ порисковать спиною сѣдока.

— Что ты это дѣлаешь, кричитъ испуганный ѣздокъ — вѣдь ты подвелъ меня подь самое дышло, и чуть-чуть меня не убилъ....

— Небось, сударь...

— Какъ небось, болванъ — дышло было на волосокъ отъ моей спины.

— А за чѣмъ же онъ спитъ, отвѣчаетъ ванька, указывая на соннаго кучера: спать на козлахъ не слѣдуетъ. Ударилъ бы вашему благородію дышломъ въ спину, такъ насидѣлся-бы въ полиціи.

— Ахъ, ты разбойникъ этакой! такъ ты хотѣлъ проучить его моею спиною. Ступай къ будкѣ... я тебѣ дамъ знать.

Въ хорошую погоду на петербургскихъ улицахъ извозниковъ, какъ мухъ въ июль мѣсяцѣ. Чѣмъ менѣе нужно ихъ, тѣмъ ихъ болѣе. Въ дождливое и грязное время ихъ едва-едва сыщешь. Ни у колодъ, ни на перекресткахъ ихъ и духу не слышать. Промокшій до костей пѣшеходъ, если паче чаянiя и найдетъ ваньку, то ванька вполне пользуется неблагопрiятнымъ случаемъ для пѣшехода.

— Двугривенный отъ Чернышева къ Семеновскому.

— Нѣтъ, баринъ, за эту цѣну иди дальше! коли хошь, такъ сvezу за трехрублевой.

Два купеческихъ сынка, безсознательно изучившіе нравы петербургскихъ ванекъ, говорятъ, поблились объ закладъ, что они никогда и ничѣмъ не довольны.

— Что имъ ни дай, все мало! говорилъ одинъ.

— Нѣтъ, братецъ, ты все преувеличиваешь.

— Божусь тебѣ — это такъ.

— Не вѣрю.

— Не вѣришь? такъ сдѣлаемъ пробу . . . пари!

— Идетъ! . . .

Молодые люди вышли на улицу.

— Эй, ванька! что возьмешь на Вознесенскую?

— Четвертакъ.

— Ну хорошо, а сvezешь молодцомъ, такъ на водку дамъ.

Ванька привезъ сѣдоковъ къ назначенному мѣсту. Сѣдокъ заплатилъ ему условленную цѣну.

— А что же, баринъ, на водку?

— Вотъ тебѣ рубль серебромъ!

— Маловато, ваше благородіе. . .

— Вотъ тебѣ еще рубль.

— Прибавьте еще, сударь, маленько. . .

— Вотъ на тебѣ третій.

— Маловато, ваше сіятельство: ужъ благоволите четвертый.

— Ну на!

— Эхъ, ваше превосходительство! говоритъ извозчикъ: я вижу, что вы баринъ-то добрый, да только скупеньки немного: дайте на часекъ, буду вѣчно Бога молить.

— На! . . .

— Эхъ, ваше благородіе! продолжаетъ извозчикъ: будьте отецъ родной, прибавьте ужъ и на гасечку.

Прибавляйте ему сколько — хотите и всего этого будет мало. Ванька, какъ какая нибудь Данакина бочька: что ни лейте, что ни кидайте въ нее, все мало.

Я принялъ однажды навсегда за правило, не писать и не говорить ни слова о тѣхъ лицахъ, которыя хотя мало-мальски грамотны; потому-что напиши про нихъ правду — они разсердятся; напиши ложь — они, чего добраго, осмѣютъ и скажутъ: взялся не за свое дѣло; списывалъ бы лучше чиновниковъ.

По счастью, я увѣренъ, что ванька читать не сумѣетъ и вѣрно не будетъ на меня сердиться за правду. Объ нихъ пиши, что хочешь — для нихъ это какъ въ стѣну горохъ. Какъ не сказать послѣ этого, что просвѣщеніе тьма, а невѣжество свѣтъ!...

Много бы нужно было пословиць нынче перевернуть на изнанку.

Сергей Дуроев.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЬТОПИСЬ.

II.

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.

Россія такъ еще мало знакома вообще съ Московскими театрами, по недостатку критическихъ статей, что только нѣкоторыя и весьма малое число именъ московскихъ артистовъ извѣстны всему отечеству, тогда какъ между посредственно здѣшнихъ труппа представляетъ очень достаточное число замѣчательныхъ талантовъ, много — только что возникающихъ, формирующихся, но тѣмъ не менѣе подающихъ большія надежды, и стоящихъ, по крайней мѣрѣ, *извѣстности*. Отчего мы знаемъ почти всѣхъ актеровъ Парижскихъ театровъ? Не оттого, что всѣ они превосходны, а оттого, что о каждой пьесѣ, о каждомъ почти сюжетѣ вы встрѣтите такое количество фельетоновъ, рецензій и замѣчаній, что поневолѣ осваиваетесь съ этимъ лицомъ и очень хорошо знаете его, никогда не видавши. Это очень важно для актера. Первая цѣль его поприща — *извѣстность*, то есть, *слава*. Это его ободряетъ, поддерживаетъ, одушевляетъ. Только жакда къ славѣ можетъ сформировать истинные таланты, только она можетъ удовлетворить ихъ. — А чѣмъ всего легче доставить истинному таланту извѣстность, чѣмъ вознаградить его заслугу? — Правдивою и вѣрною оцѣнкою достоинствъ, обнаруженіемъ его имени, таланта и особенностей! — Кто можетъ притомъ научить актера, показать ему его заблужденія и недостатки, какъ не безпристрастная критика; кто можетъ наиболѣе развить и усовершенствовать зарождающіеся таланты, поощривъ ихъ первыя опыты, побуждая къ совершенству, къ состязанію, какъ не та же самая критика? И се то недоставало въ послед-

нее время Московскимъ театрамъ. — Очень живо сочувствуя высокому назначенію театрального искусства, видя, что оно терлетъ отъ недостатка должной оцѣнки и наконецъ, желая выдвинуть нѣсколько впередъ истинныя московскія знаменитости, мы рѣшились помѣщать постоянную лѣтопись Московскихъ театровъ.

Мы постараемся въ отчетахъ нашихъ быть вѣрнымъ зеркаломъ сценическаго прогресса и безпристрастно представлять на видъ публикѣ замѣчательнѣйшія явленія. Разборъ пьесъ тутъ не можетъ быть очень важенъ, потому что собственно московскій репертуаръ чрезвычайно ограниченъ. Пьесы, по большой части, переходятъ сюда съ петербургской сцены, собственно же для Москвы пишутъ уже очень не много: *Коровкинъ* и *Беккеръ* умерли, *Ленскій* давно уже ничего не написалъ новаго. Другіе же дарятъ публику такъ рѣдко и такими незамѣчательными произведеніями, что врядъ ли будетъ стоить упоминать о нихъ, кромѣ развѣ названія. — Значить, мы обратимъ только вниманіе на дѣйствующія лица, между которыми есть люди истинно замѣчательные; главное, мы постараемся познакомить публику съ молодыми талантами, составляющими нынѣ зародышъ будущей жатвы.

Вообще о Московскихъ театрахъ можно сказать, что всѣ члены ихъ, по своимъ средствамъ, чрезвычайно рачительно исполняютъ свои обязанности, и въ этомъ отношеніи совокупности (*ансамблю*) игры московскихъ артистовъ (разумеется, русскихъ) можно отдать преимущество даже передъ петербургскими. Роли здѣсь выучиваются твердо, пьесы обставляются съ раченіемъ, пьеса никогда не идетъ съ двухъ и трехъ репетицій, а иногда съ десяти, и хотя здѣсь нѣтъ петербургскихъ средствъ и талантовъ, по всѣмъ родамъ, но есть пьесы, которыя разыгрываются истинно художнически.

Разборъ нѣкоторыхъ пьесъ замѣнитъ краткій обзоръ здѣшней труппы, и лучше всего познакомитъ съ разносторонностію талантовъ здѣшнихъ актеровъ.

Одна изъ первыхъ пьесъ, которыя я увидѣлъ здѣсь, была *«Материнское Благословеніе»*. Роль Маріи, — лучшая роль *Г-жи Касицкой*, которая вполнѣ стоитъ того, чтобы объ ней поговорить поподробнѣе.

Не увлекаясь мнѣніемъ отчаянныхъ энтузіастовъ, кото

рыхъ достаточно между москвичамъ, что *Касицкая* талантливый, необъятный, который уже кончилъ свое усовершенствованіе, что она дошла до *non plus ultra* и проч., я скажу, что она точно замѣчательное явленіе на отечественной сценѣ. Она еще молодая актриса и перешла сюда съ нижегородской сцены. Такое пріобрѣтеніе чрезвычайно было важно для труппы, у которой со времени отбытія Орловой, не было актрисы на драматическое амплуа; и потому немудрено, что *Касицкая* быстро, почти съ перваго своего появленія, пріобрѣла расположеніе и даже любовь публики. Она вполне это заслуживаетъ: бездна чувства, души, естественности, при выгодной театральной наружности и хорошенькомъ голосѣ, все это можетъ уже ручаться за многое, и всѣмъ этимъ она владѣетъ съ избыткомъ. Но со всѣмъ тѣмъ ей еще нужно много учиться, обикнуться со сценой и усвоиться съ ея требованіями. Мѣста, гдѣ нужны чувство, душа, страсть, выходятъ у ней превосходно; она забываетъ себя, игра ея—натура, но натура возвышенная, поэтическая. Гдѣ же сценическое положеніе или роль требуютъ искусства тонкаго, наблюдательности, отчетливаго выраженія, умѣнья найтись въ слабомъ мѣстѣ пьесы, тамъ сейчасъ видно, что въ ней недостаетъ такъ называемой театральной смѣлки, словомъ, гдѣ чувство молчитъ—тамъ и она ничего не скажетъ. Это значитъ, что ей нужно еще пріобрѣсти навыкъ, и усвоить себѣ манеру, выражающую ея самобытное воззрѣніе, и притомъ такъ, чтобы она не измѣнила ей ни въ какомъ положеніи. Значитъ, она играетъ не умомъ, а чувствомъ, не обдуманностию, но увлеченіемъ. Конечно—это главное; актриса безъ чувства никогда не можетъ создать сильной роли, не можетъ имѣть обаятельнаго вліянія на зрителя, но не пріятно же смотреть и на хорошую актрису, когда она въ обыкновенномъ разговорѣ не знаетъ, куда дѣвать руки, или прибѣгаетъ къ какимъ-нибудь натянутымъ позамъ. Г-жа *Касицкая*, хотя избѣгаетъ этого, но у ней даже, сквозь прекрасно выкупаемые душею мѣста, иногда проглядываетъ какой-нибудь неестественный жестъ, рѣзко бросающійся въ глаза и показывающій, что она об этомъ мало думала, а предоставила все своей натурѣ. *Касицкая* то-же, что былъ *Мочаловъ*, она увлечается, но не удовлетворяетъ.

Кто не знает «Материнскаго Благословенія», пьесы чисто французскаго клейма, основанной на разныхъ драматическихъ эффектахъ, часто довольно натянутыхъ и несообразныхъ, но имѣющей то важное достоинство, что въ ней есть роли, довольно вышукло начертанныя. Къ такимъ ролямъ безспорно принадлежитъ характеръ Маріи. — Роль эта говорить сердцу, требуетъ отъ актрисы глубокаго чувства, искусства и большаго изученія. Отъ наивности дѣтства, искренняго комизма, она переходитъ въ мѣста, глубоко патетическія. Однимъ словомъ, эта роль можетъ уже достаточно служить оселкомъ для драматическаго таланта, и выдти изъ нея съ честью, есть уже дѣло не легкое. — Эта-то роль Маріи — одна изъ лучшихъ ролей *Г-жи Касицкой*, и надо отдать ей справедливость, она, выполняя ее во всѣхъ отношеніяхъ, совершенно удовлетворительно. — Не говоря уже о мѣстахъ, гдѣ было рассчитано на эффектъ, *Касицкая* была хороша и тамъ, гдѣ, по видимому, вовсе нечего было ожидать. — На-примѣръ, сцена чтенія письма, во 2-мъ актѣ, была ведена такъ, что ее рѣшительно можно почесть образцовою. Тутъ видно было не только простое незнаніе грамоты, какъ это я видалъ на петербургской сценѣ, но какое-то особенное внутреннее чувство, дѣлающее ей чрезвычайно цѣлнымъ то, что она уже понимаетъ смыслъ письма, какое-то предчувствіе его предназначенія, все это проникнуто бездною чувства, страсти, любви къ Артуру. Все это невольно заставляетъ дивиться силѣ таланта артистки и способности ея олицетворять и воспроизводить характеры. Самъ авторъ, я думаю, не иначе понималъ и обдумалъ характеръ Маріи. Я не говорю уже о сильныхъ мѣстахъ драмы: отъѣздъ въ Парижъ въ 1-мъ актѣ, молитва во 2-мъ, сцена у маркизы де-Сиври и похищеніе ея въ 3-мъ, сумасшествіе въ 4-мъ, и, наконецъ, о лучшей изъ нихъ, о сценѣ возвращенія на родину въ 5-мъ актѣ. — Значить, результатомъ всего этого можно вывести, что *Касицкая* обладаетъ талантомъ огромнымъ, но еще незрѣлымъ, необразованнымъ. Гдѣ нужны: чувство, душа, энергія, и главное — простота, тамъ она превосходна, — она сама натура. Въ другихъ же мѣстахъ она просто актриса въ самомъ обыкновенномъ значеніи этого слова! Она не видала хорошихъ образцовъ, она часто неловка

и неграциозна; но за то простота ея часто бывает гораздо лучше манерности, натянутых явлений и заученных жестовъ.

Изъ прочихъ лицъ, участвовавшихъ въ драмѣ, первое мѣсто безспорно принадлежитъ *Г-жѣ Сабуровой 4-й*. Это такой талантъ, что подобнаго ему нѣтъ и на петербургской сценѣ. — После чисто комическихъ ролей, гдѣ она превосходна, быть такъ высоко драматической, какъ въ этой пьесѣ, дѣло заслуживающее особеннаго вниманія. Одно замѣчаешь въ ней съ сожалѣніемъ: однообразіе въ интонаціяхъ и пріемахъ, иногда слишкомъ манерныхъ. Что дѣлать — это вина старой школы!

Дмитревскій слабъ въ ролю отца Маріи. *Васильевъ*, замѣчательный талантъ, сыгралъ роль Пьеро очень удовлетворительно. — Онъ любимъ публикой, и вполне заслуживаетъ ея благосклонность. *Г-нъ Никифоровъ*, талантливый актеръ, но былъ совершенно не на своемъ мѣстѣ въ ролю командора де-Буа-Флери. — Командоръ смѣшной франтъ XVIII столѣтія, — но вовсе не гротескъ.

25 Июля. «Крестная Маменька» вод. въ 1 дѣйствіи. Роль Г-жи де-Нерисъ, крестной маменьки, играла *Г-жа Медвѣдѣва (восп)*. Нельзя умолчать объ этомъ возникающемъ талантѣ. *Медвѣдѣва* еще очень молода, но уже сумѣла показать столько отбѣнковъ чувства, умѣнія ловко и смѣшлено выражаться, столько знанія сцены, что это ручается за ея блестящую будущность. Ампула ея — комедія. Она владѣетъ всеми средствами, чтобы стать въ ней высоко: прекрасная наружность, звучный голосъ, пріятные и благородные пріемы и, что главнѣе всего, толковитость и смѣтка, что такъ рѣдко встрѣчаешь у молодыхъ артистовъ. Потомъ мы видѣли ее еще въ ролю *Элены*, въ пьесѣ того же имени, и вполне остались при прежнемъ своемъ убѣжденіи.

Сама пьеса эта, которая называется *Элена* (почему-жъ бы не Елена??) или *Тайное покровительство*, неизвѣстна читателямъ Пантеона, потому что не была представлена на петербургской сценѣ и врядъ ли будетъ. —

Это собраніе сценическихъ эффектовъ и безпрестанныхъ натяжекъ интриги. — Дѣло въ томъ, что бѣдная дѣвушка получаетъ тайно благотвореніе и не зная этого, думаетъ, что всё пріобрѣтаетъ трудами. Это перетолковываютъ въ дурную сторону, и Эленъ, не находя средства выпутаться изъ сплетней и клеветы, выходитъ замужъ за любимаго ею человѣка. — Безтолковѣ роли трудно найти, не смотря на это, *Медведь-дѣва* умѣла придать особенный колоритъ этому характеру, и невольно заинтересовать всѣхъ въ его пользу. Дай Богъ, чтобъ она усовершенствовалась. Отъ ней сцена многого можетъ ожидать.

Въ тотъ-же спектакль давали водевиль: *Натуральная Школа*, который идетъ здѣсь довольно кругло, благодаря участію дѣвицъ, которыя, кромѣ танцевъ, поютъ еще и разныя сладенькія пѣсенки, въ родѣ: «*На зарѣ ты ее не буди*», «*Тройка*» и проч. чего нѣтъ на петербургской сценѣ. — Въ пѣніи отличаются обѣ *Бороздины* (восп.), дѣвушки съ большимъ талантомъ, а въ танцахъ *Наулова* 2 (восп.). Роль Ивана Вихляева игралъ *Г. Колосовъ*, который своими жестами и манерами слишкомъ уже наровилъ перевести наглядно смыслъ фамиліи дѣйствующаго лица; это все испортило; говорятъ, что *Ленскій* хорошъ въ этой роли, но я его не видалъ.

26 июля.

Новая Шалость или Театральное Сраженіе. Старая пьеса, очень не дурная, хотя завязка ся уже отстала отъ вѣка и совершенно неправдоподобна. — Толпа мальчишекъ (которые, мимоходомъ замѣтьте, все дѣвушки) принуждаютъ форштмейстера отказаться отъ претензій на *Бабету*, въ пользу ся возлюбленнаго, молодаго мызынка — Какая наивная идиллія! Онѣ дѣйствуютъ правильной атакой съ ружьями, а форштмейстеръ съ своими лѣсниками защищается, какъ водится, по театральному, граблями и лопатами, и всё кончается къ общему благополучію. Въ прежнія времена это приводило въ восторгъ, нынче даже и не смѣются. Музыка этой оперетки г-на

Верстовскаго и Алябьева очень правила въ свое время — теперь и она принадлежит уже древней исторіи.

Сабурова 1-я (арендаторша), д-ца *Берколицъ* (Бабета), *Никифоровъ* (форштмейстеръ) и дѣвицы *Наумова* 1, *Бороzdина* 1 и *Соболева* 2, прекрасно разыграли свои роли.

Жена и картѣи, пьеса, замѣчательная тѣмъ, что въ ней видно, какъ пьеса можетъ держаться рѣшительно только игрою одного актера. Не смотря на то, что *Бороzdина* 2 (восп.) прекрасно сыграла роль Софьи Андреевны, *Висильевъ* былъ очень недурень въ роли Ягодкина, но онъ не *Мартыновъ* и пьеса не имѣла рѣшительно никакого успѣха. — Къ подобнымъ же можно отнести и *Емелюшку дурачка*, даннаго въ этотъ же спектакль. Это какая-то пародія на здравый смыслъ, явное незнаніе сцены и претензія на публичное осмѣяніе. Дать такую пьесу одинъ разъ, въ бенефисъ, еще можно; это понятно: лучше что нибудь дать новое, хоть и глупое, чѣмъ ничего; но заставить просмотрѣть ее нѣсколько разъ — это просто налогъ на снисхожденіе публики.

Здѣсь послѣ спектаклей въ модѣ давать такъ называемые *дивертисселементы*, составленные изъ танцевъ и пѣсенъ, въ которыхъ участвуютъ, по большей части, балетные сюжеты, между ними особенно отличается въ характерныхъ танцахъ г-жа *Наумова* 2 (восп.). Польку она танцуетъ такъ, что возбуждаетъ страшный энтузіазмъ и всегда повторяетъ по нѣскольку разъ. Изъ другихъ замѣчательны: *Лузина*, *Баркова* и *Панова* 2-я (восп.).

16 августа для открытія спектаклей послѣ поста, дано было:

Булогнал или Петербургскій нѣмецъ. Роль Клейстера игралъ *Г. Дмитревскій*, недавно ангажированный сюда на амплу благородныхъ отцевъ и былъ лучше г. *Каратыгина* 2.

Карлушу игралъ *Г. Ивановъ* довольно слабо, но изъ него можетъ выдти актеръ очень дѣльный: ему нужны только роли и изученіе.

Г-жа Берколицъ была не въ своей тарелкѣ въ роли булочницы, и хоть сама нѣмка, но невѣрно передала типъ русской нѣмочки, къ тому-же въ ней мало развязности для этой роли.

Но лучше всѣхъ былъ *Г. Никифоровъ* въ роли Флю-

герова. Это чистый типъ какого-нибудь эзекутора, или архивариуса, который дѣлаетъ честь булочнику, женясь на его дочери и благопріобрѣтя ея приданое. Его родъ чисто комическій, но часто онъ является въ драматическихъ роляхъ, и тамъ бываетъ нехорошъ. Пьеса *Гаврило Михайловичъ Бударажинъ* имѣетъ здѣсь большой успѣхъ, благодаря прекрасной игрѣ *Щенкина*, въ роли Бударажина, и *Садовскаго 1* въ роли Черноусова. — *Садовскій* усвоилъ себѣ особенный родъ комизма, чрезвычайно эффектный, безъ малѣйшей вычурности, натяжки или фарса. Невозможно сыграть роль натуральнѣе *Садовскаго*. Онъ, кажется, молчитъ, говоритъ нѣсколько словъ, и то недвижно, почти про себя, безъ малѣйшаго жеста, а публика хохочетъ. После *Щенкина*, *Садовскій* рѣшительно первый артистъ московской труппы.

Роль Вѣрочки играла *Г-жа Соболева 2* (восп.) и заслуживаетъ, чтобы на нее обратить особенное вниманіе. Столько наивности, простоты и удивительнаго такту въ выполненіи роли рѣдко можно встрѣтить въ молодой дѣвушкѣ, только что выступившей на помосты. Вообще въ здѣшнемъ театральномъ училищѣ приготавливаются многіе таланты, подающіе огромныя надежды, и главное, во всѣхъ замѣтна грамотность, здравый смыслъ и весьма вѣрный взглядъ на вещи.

Кромѣ нѣсколькихъ талантливыхъ танцовщицъ, тутъ есть *Бороздина 1-я и 2-я*, *Медвѣдева*, *Соболева 2* и *Мальшешева*, которыя были бы образцами въ любой консерваторіи и украшеніемъ какой угодно сцены.

18 августа

Женитьба, Н. Гоголя. — Пьеса, которая едва-ли не лучше всѣхъ идетъ въ Москвѣ, и съ которой не могутъ соперничать, въ выполненіи ея, ни на какомъ другомъ театрѣ. Хотя герои этой комедіи, въ строгомъ смыслѣ, чистыя каррикатуры, но въ нихъ столько есть чертъ, вѣрно схваченныхъ въ жизни, что какъ-то невольно сочувствуешь имъ, несмотря на то, что въ этомъ видѣ лица эти рѣшительно невозможны въ обществѣ.

Поэтому и выполненіе ихъ на сценѣ требуетъ значительнаго изученія и знанія характеровъ. Ничего нѣтъ легче вообще, какъ сыграть каррикутуру: чѣмъ хуже она разыграна, тѣмъ лучше выходитъ, но сыграть роли Подко-

лесина и Кочкарова, такъ какъ ихъ играютъ *Садовскій 1* и *Щепкинъ*, дѣло огромнѣйшей заслуги, и врядъ ли найдется имъ въ этомъ соперники.

Роль Подколесина написана Гоголемъ для *Щепкина*, и сама «Женитьба» дана въ его бенефисъ; *Щепкинъ* былъ очень хорошъ, и постоянно нравился; но когда разъ за его болѣзнию, *Садовскій 1-й* сыгралъ эту роль, и *Щепкинъ* его увидѣлъ, то, какъ истинный артистъ, самъ отдалъ себѣ, сознавая, что товарищъ его лучше понялъ Гоголевскій характеръ, и оставилъ себѣ роль Кочкарева.

Въ самомъ дѣлѣ, я убѣжденъ, что лучше сыграть роль Подколесина, какъ играетъ ее *Садовскій* невозможно. Это олицетворенное ничтожество. Типъ непременно петербургскаго, мелкаго чиновника, полуобразованнаго и нерѣшительнаго, въ самыхъ малѣйшихъ подробностяхъ, азговоръ его съ лакеемъ въ первомъ актѣ, простой, въ польскія слова, едва смѣшной, морить всѣхъ со смѣху, а объясненіе въ любви во 2-мъ актѣ,—мастерская сцена, отличающаяся истиннаго художника. Къ тому-же, *Садовскій* никогда не прибѣгаетъ ни къ малѣйшему фарсу, вслѣдствіе чистоты и, если можно такъ выразиться, даже въ грязныхъ мѣстахъ, благородна.

Щепкинъ, въ роль Подколесина, тоже чрезвычайно хорошъ. *Никифоровъ* (морской офицеръ) и *Турганиновъ* (пѣхотный офицеръ въ отставкѣ) выюмляли свои роли какъ лучше нельзя требовать.

Затѣмъ были дамы:

Букеты или Петербургское цвѣтобѣсіе, фарсъ, который можно было давать какъ всѣ произведенія à propos, но теперь немѣющій никакого смысла, когда, особенно въ Москвѣ, уже года три нѣтъ и помину объ Итальянской оперѣ. Шутка эта рѣшительно безъ всякаго достоинства, а здѣсь она даже и выполненіемъ не можетъ похвастать.

Одинъ *Садовскій* (въ роли Луковицына), если только это можно назвать ролью, хорошъ, но и онъ не *Григорьевъ 2* Петербургской сцены.

20 августа.

Милый невидимка, старинная опера въ 1-й разъ по возобновленіи.—Здѣсь вообще является теперь стремленіе откапывать старину, и почти не проходитъ спектакль

такля, чтобъ что-нибудь не было возобновлено. Это все очень хорошо, потому что изъ прежнихъ заброшенныхъ пьесъ, есть точно очень много превосходныхъ, въ которыхъ актеръ рѣшительно можетъ образоваться; но эти пьесы могутъ имѣть цѣну только при совѣстливой и тщательной обстановкѣ, иначе онѣ теряютъ всякое значеніе.—На-примѣръ, пьеса *Милый невидимка*, очень забавная, съ прекрасной, оригинальной музыкой Кавоса, прошла хотя довольно кругло, но возбудила всеобщее сожалѣніе у людей, видѣвшихъ ее въ прежніе годы. Такъ *Никифоровъ* быть вовсе незабавенъ, въ роль Простоплина; *Г-жа Берколицъ* хотя мило пѣла и играла, но была вовсе не прелестна. *Максимовъ* былъ очень неудаченъ въ роль Скородума, и вообще весь ансамбль не клеился; привыкши играть въ фарсахъ или нынѣшнихъ легонькихъ комедіяхъ, актеры не понимаютъ пьесъ стараго покроя; онѣ нашимъ современнымъ актерамъ приходится не по плечу.

Въ слѣдующей за симъ пьесѣ: *Гусарская столетка* роль юнкера Лелева играла въ 1-й разъ *Г-жа Лаврова*, и была очень хороша, куплеты спѣла прекрасно, и вообще произвела эффектъ. *Аминская* не дурно играла роль Г-жи Лениной, но это не ея роль—*Наумова* 1а прекрасно играла роль Маши и мило пѣла; но какъ бы то ни было, эта пьеса, принадлежавшая къ одной изъ наилучше выполняемыхъ на московской сценѣ, теперь далеко не такъ идетъ. Публикѣ она присмотрѣлась, и особенно съ худшей обстановкой, смотреть на нее рѣшительно не найдется охотниковъ.

Новикки въ любви, извѣстный и любимый вездѣ водевилъ выполняется здѣсь гораздо хуже, чѣмъ на истрбургской сценѣ, хотя странно, что Коровкинъ, сочинитель его, самъ его здѣсь ставилъ. Даже музыка здѣсь не такъ эффектна, какъ въ Петербургѣ. — Играющія роли *Полинки* и *Варинки* восп: *Соболева* и *Мальшешева*, не такъ наивны, какъ требуютъ того роли, а въ особенности *Г-жа Мальшешева*, даже и неразвязна, слабо постъ и чрезвычайно робѣетъ, оттого выходитъ, что водевилъ идетъ какъ-то не кругло. Недурень тутъ г. *Черкасовъ*, играющій роль студента Незабудкина, игра его благородна, проста и очень вѣрна съ природой. Этотѣмъ пріят-

нѣе сказать, что весьма часто г. Черкасовъ вовсе не имѣетъ этихъ достоинствъ.

22 августа.

Барская спѣсь и антиины глазки, пьеса, неимѣвшая никакого успѣха на Александринской сценѣ, а здѣсь идетъ, какъ очень не многія. Я не видалъ, когда въ ней играли г-жа Орлова и Шумскій; тогда, говорятъ, эта пьеса была верхъ сценическаго совершенства. Но даже и теперь, безъ этихъ двухъ важныхъ лицъ, рѣдко вынесенъ изъ театра такое пріятное впечатлѣніе, какъ послѣ этой пьесы.

Г. Садовскій былъ чрезвычайно оригиналенъ въ роли степнаго помѣщика Чухлямова.

Жену его играла Бороздина 1-я (восп.), дѣвушка съ рѣдкимъ талантомъ. Съ очаровательной наружностью она соединяетъ прекрасный голосъ, бездну чувства и ловкости на сценѣ. Послѣ Касицкой она безспорно лучшая надежда Московской сцены, и тутъ, хотя она не была въ полномъ смыслѣ урожденная княжна Крахмальная, въ ней еще было мало надутости и чванства; но за то гдѣ нужно было чувство и наивность, тамъ эти мѣста выкупали все.

Сабуровъ былъ недурень въ роли Мотылькова, но фарсы у него неимѣютъ уже никакихъ предѣловъ, впрочемъ, онъ полезный актеръ и если только побольше будетъ заниматься своимъ искусствомъ, то можетъ пойти впередъ. Но лучше всѣхъ въ этой пьесѣ г. Бантышевъ, роли: Ивана — здѣсь, Гмельяна — въ «Хороша и дурна» и, Торопки — въ «Аскольдовой могилѣ», лучшія и единственныя его роли. Такъ схватить рѣзко и удачно типъ русскаго парня, пошатавшагося уже по паспорту, повывавшаго всячины, который на всякой вопросъ отвѣчаетъ: «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю!» запираетъ своего барина на ключъ и проч. дѣло большого искусства. Опять никто, кромѣ Бантышева, не сподѣетъ такъ, какъ онъ, пѣсню чисто русскую, съ молодецкою удалью, съ богатырскимъ посвистомъ. — Послѣ него видѣлъ въ *Аскольдовой могилѣ*, онъ былъ тогда не въ голосъ, но все-таки было видно, какими средствами и натурой обладаетъ этотъ человекъ.

Что имѣемъ — не хранимъ, потерявши — плачемъ, сочиненіе здѣшняго режиссера Соловьева, и потому по-

ставлено съ нѣкотораго рода изысканностію. Игра *Садовскаго* (въ роли Пѣтухова), заставляетъ помирать со смѣху и привлекаетъ публику. — *Садовскій* тутъ играетъ серьезнаго, меланхолическаго, степеннаго влюбленнаго отставнаго офицера, но чѣмъ онъ важнѣе, тѣмъ выходитъ смѣшнѣе. Роль *Морковкина*, брильянщика, играетъ здѣсь *Башкировъ* 2й. Онъ чрезвычайно ловко передразниваетъ *Мартынова*, но часто впадаетъ въ утрировку, создать же самъ роли онъ не можетъ. Въ этой роли, еще въ *Титулярныхъ Советникахъ*, а особенно въ *Дядюшкѣ-болтушкѣ*, онъ чрезвычайно удачно перенялъ пріемы, манеры, даже голосъ *Мартынова*; но разумеется, что это копія — жалкая, слабая и можетъ быть сносна только не видавшимъ оригинала. Этими тремя ролями и ограничивается репертуаръ *Башкирова*. *Сабурова* 1-я (*Матрена Марковна*) была очень хороша; *Степановъ* 2-й для начинающаго былъ недурень въ роли живописца. Онъ много общается въ будущемъ.

Заключу обзоръ этого мѣсяца тѣмъ убѣжденіемъ, что на Московской сценѣ много прекрасныхъ талантовъ — въ зародышѣ, которые, при опытномъ наставникѣ, и хорошимъ выборѣ пьесъ, могутъ со временемъ поставить здѣшній театръ очень высоко и снова пристрастить къ нему охладѣвшую публику.

А. Андреевъ.

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ.

В Парижѣ, благодаря пособію правительства, а еще болѣе усиліямъ и пожертвованіямъ артистовъ, изъ которыхъ многіе отказались отъ части скуднаго своего жалованья, здѣшніе театры начинаютъ мало-по-малу оживать отъ постигшаго ихъ бѣдствія. Посѣтители толпятся каждый вечеръ, труппы пополняются и переформируются, артисты, бѣжавшіе отъ парижскихъ смуть, возвращаются на помосты своей славы; вездѣ разучиваютъ новыя пьесы. Впрочемъ, если вы спросите о содержаніи этихъ пьесъ, онѣ нисколько не уступаютъ и не превосходятъ въ достоинствѣ пьесъ прежняго времени; одному развѣ можно порадоваться, что пьесы патріотическія, съ придачею живыхъ картинъ и статуй, становятся рѣже; авось-либо черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онѣ и совсѣмъ исчезнутъ со сцены.

Самыя замѣчательныя новыя произведенія этихъ мѣсяцевъ, комедія Альфреда-де-Мюссе: *Подсвѣтчикъ*, комедія Огюста Вакри, *Трагальдабасъ*, и комедія Мери: *Истинный клубъ женщинъ*. Подъ главною заглавіемъ *De Chandelier*, *Подсвѣтчикъ*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, представленная на Историческомъ театрѣ, родная

сестра комедій и драматическихъ пословицъ, которыя съ легкой руки госпожи Алланъ, являлись въ послѣднее время на театрѣ Республѣки: *Прихоть*, *Надо быть двери либо отворенной, или затворенной*, *Не божишься до срока*. Та-же оригинальность, тотъ-же умъ, та-же легкая иронія, та-же непривужденность разговора, то-же изящество языка, наконецъ, та-же прихотливость фантазіи и неумовимость формы. Вотъ ея содержаніе.

Метръ Андре, нотариусъ, принадлежитъ къ тому ряду людей, весьма обыкновенному на театрѣ и въ обществѣ, которому въ одинъ прекрасный день приходитъ въ голову увѣнчать все свои глупости и смѣшныя слабости, женясь, подъ старость, на молоденькой дѣвушкѣ, знатной, но бѣдной, алчущей званія и льготы замужней женщины, и которой родители только того и желаютъ, чтобы сбыть ее за мѣшокъ золота. Метръ Андре старъ, безобразенъ, богатъ, глупъ, смѣшенъ, и наконецъ то, чѣмъ долженъ стать рано или поздно мужъ такого разряда. И по дѣломъ ему: какалъ нужда была ему жениться на дѣвушкѣ молодой, хорошенькой, умной, чувствительной, которой онъ годится въ дѣды? И удивительно ли, что Жакелина предпочитаетъ ему другаго. Клаваротъ самъ не важная находка; это настоящій типъ гарнизонаго волокиты; но онъ по-крайней-мѣрѣ молодъ и, хорошо-ли, дурно-ли, но по своему любезенъ.

Метръ Андре подозрѣваетъ, что въ его домѣ что-то неладно, и дѣлаетъ ужасную сцену Жакелинѣ; но какая-же жена не проведетъ мужа и не увѣритъ его въ томъ, что подозрѣнія его ни на чемъ не основаны. Метръ Андре настолько убѣждается, что росту его не прибавилось, но даже проситъ прощенія въ своихъ подозрѣніяхъ. Вы проводивъ его изъ комнаты и высвободивъ Клаварота, который между тѣмъ едва не задохся въ шкафу, Жакелина задумывается, какъ бы предупредить подобныя случаи на будущее время. — О чемъ тутъ думать? восклицаетъ Клаваротъ, надо обзавестись подсвѣчникомъ. — Какимъ подсвѣчникомъ? спрашиваетъ Жакелина.

Вы, вѣроятно, сдѣлаете тотъ-же вопросъ; что это за подсвѣчникъ? — У гарнизонныхъ Донъ-Жуановъ такъ называется безвредное существо, которое вздыхаетъ и стонетъ у ногъ красавицы, несетъ все тягости любви, не

пользуясь ся преимуществами, и сидитъ, какъ бѣльмо на глазу у мужа.

— Понимаю, восклицаетъ Жакелина; и черезъ четверть часа у нея уже готовъ подсвѣчникъ; выборъ палъ на одного изъ писцовъ ея мужа, Фортунію.

Надо вамъ сказать, что Фортунію уже нѣсколько мѣсяцевъ любитъ втайнѣ Жакелину; можете себѣ послѣ этого представить его счастье, когда красавица, которую онъ всегда считалъ недосягаемою, сама спускаться къ нему, ободряетъ его любовь, сама признается ему въ любви. Но не надолго его счастье; въ то самое время, какъ онъ у ногъ своей красавицы, приходитъ Клаваротъ. Жакелина прячетъ Фортунію за занавѣску, откуда онъ слышитъ ихъ разговоръ и узнаетъ настоящее свое положеніе! Между тѣмъ, метръ Андре поднимаетъ новую бурю; надо пустить въ дѣло подсвѣчникъ. Фортунію готовъ отдать себя въ жертву для спокойствія своей красавицы, но Жакелина его не пускаетъ. Клаваротъ себѣ на бѣду придумалъ хитрость; Жакелина не на шутку влюбилась въ Фортунію; и какъ не полюбить его, сравнивая скромнаго, покорнаго юношу съ грубымъ и надменнымъ солдатомъ. Клаваротъ дѣлается роднымъ братомъ метру Андре; ему также прибавляется росту, а метру Андре вдвое.

Трагальдабасъ, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, Огюста Вакри, (на театрѣ Сен - Мартенскихъ воротъ), такъ же замѣчательна по своему происхожденію и по участи ея перваго представленія, какъ и по оригинальности содержанія и формы.

Разсказываютъ, что нѣсколько пріятелей, въ томъ числѣ Викторъ Гюго, его почитатель и послѣдователь Вакри и гениальный актеръ театра Сен-Мартенскихъ воротъ Фредерикъ Леметръ, завтракали въ одномъ изъ первыхъ парижскихъ ресторановъ. Разгоряченный виномъ, Вакри началъ сыпать остротами и парадоксами, еще болѣе обыкновеннаго, такъ, что одинъ изъ собесѣдниковъ объявилъ его не въ здравомъ умѣ. Это взбѣсило Вакри; чтобы доказать, что онъ вполне владѣетъ разсудкомъ, онъ предложилъ слѣдующій вызовъ: заприте меня въ соседней комнатѣ, дайте мнѣ перо и бумаги, поставьте передо мною двѣ свѣчи и стаканъ сахарной воды, а сами сяди-

тесъ за триактракъ. Когда кончите партію, войдите ко мнѣ, у меня будетъ написана комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. — Вызовъ былъ принятъ; это было въ часъ; а въ три часа дѣйствительно былъ готовъ Трагальдабасъ. Поэтъ прочелъ его при изступленныхъ рукоплесканіяхъ пріятелей, которые рѣшились неизменно поставить пьесу на сцену; самъ Фредерикъ Ламетръ вызвался играть главную роль.

Весь Парижъ собрался на первое представленіе, какъ на торжество; такихъ представлений никто не помнитъ съ первыхъ драмъ Виктора Гюго. И чѣмъ же кончились всѣ ожиданія? . . . Свистками, такими свистками, какихъ также не помнать со времянъ знаменитой войны классиковъ и романтиковъ. . . и за что эти свистки? этого никто не рѣшить: пьеса, при самомъ строгомъ разборѣ, заслуживала совсѣмъ иного пріему.

Герой комедіи господина Вагри, бѣднякъ, у котораго нѣтъ ни роду, ни дому, который живетъ, чѣмъ пошлетъ Богъ, и собственный его смѣливый умъ; впрочемъ онъ добрый малый; любитъ погулять и повеселиться, когда червонцы звенять въ карманѣ, и мастеръ ихъ промышлять, когда настанетъ заеуха. Однакоже эта жизнь сопряжена съ опасностями, и въ одинъ прекрасный день онъ уже готовъ былъ повѣсить носъ, не зная, за что ухватиться, если бы не палъ ему счастливый случай съ неба. Каприна, гордая испанка, предметъ честолюбія и зависти всѣхъ испанскихъ жениховъ, шепнула ему: — Я стану давать тебѣ по двѣ пистоли въ день, будь моимъ мужемъ. . . заемнымъ мужемъ, только по имени.» На что же Капринъ заемный мужъ? — Она замѣтила, что замужество волшебное слово, которое заставляетъ молодыхъ людей льнуть къ женщинамъ и хочетъ воспользоваться этимъ для того, чтобы завлечь въ свои сѣти капитана Элизео. Расчетъ ея былъ вѣренъ. Донъ Элизео, боявшійся открыться въ любви, пока считалъ ее дѣвучкою, вздыхаетъ и плачетъ у ся ногъ, и проклинаетъ ея замужество. . . — «А если бы я овдовѣла? . . . спрашиваетъ кокетка. — Я благословилъ-бы Провиднѣе. . .» Но это неправда; лицемѣръ готовъ отдать половину своего богатства за то, чтобы Трагальдабасъ не умиралъ. Онъ заботится о немъ, какъ мать о своемъ сынѣ, лелѣетъ и холитъ его, выходитъ вмѣсто него на дуэль, и ранитъ его про-

тивника; даетъ ему денегъ, когда несчастному надоѣла жизнь и онъ хочетъ извести себя. Съ червонцами въ карманѣ, Трагальдабасъ скоро утѣшается. Зная, что Элизео всегда выручитъ его изъ бѣды, чтобы онъ не сдѣлалъ, онъ пускается кутить на пропалую, такъ, что наконецъ, загнанный властями, долженъ бѣжать изъ Испаніи. Каприва, между тѣмъ устроила свое дѣло; овладѣвъ совершенно сердцемъ капитана, она открываетъ ему свою хитрость и женить его на себѣ.

Пьеса, какъ видите, не чужда замысловатости и оригинальности; есть сцены нѣсколько вялыя, но зато другія полны движенія и ума; много выходовъ противъ слабостей и предрасудковъ вѣка; стихъ силенъ и звученъ. Словомъ, комедія такая, что заслуживала бы усилья и въ эпоху болѣе богатую настоящаго времени хорошими произведеніями; тѣмъ болѣе, что роль Трагальдабаса рѣшительно одна изъ лучшихъ ролей Фредерика-Деметра, а талантливая Г-жа Кларисъ, въ роли Капривы, была достойною его соперницею по старанію и таланту. И не смотря на это, въ первое представленіе пьеса была освящена самымъ безощаднымъ образомъ; впрочемъ, въ нослѣдующія представленія публика была къ ней гораздо благосклоннѣе, и мы надѣемся, что она скоро проститъ автору его романтической разгулъ, ради его ума и несомнѣннаго таланта.

Комедія Мери «Настоящій клубъ женщинъ» *Le vrai club des femmes* (на театрѣ Республики), не совѣтъ оправдываетъ громкія похвалы, предшествовавшія ей; она написана умно и живо, есть въ ней забавныя, комическія сцены; она несравненно выше безчисленнаго множества пьесъ, явившихся въ послѣдніе мѣсяцы подъ подобными названіями и потѣщающихъ публику насмѣшками надъ эмансипаціею женщинъ и женскими клубами, но въ ней нѣтъ той глубины и силы мысли, той бойкости кисти, которая однѣ могли бы загладить избитость ея содержания и слабость интриги.

У Г-жи Дезобенъ, молоденькой и хорошенькой вдовушки, есть пріятельница, Г-жа Дессонъ, которая еще въ 1793 году ораторствовала въ клубахъ; можете себѣ представить, какъ ее радуетъ открытіе женскихъ клубовъ въ 1848 году, въ которыхъ она надѣется воскресить

успѣхи своей молодости. Но г-жѣ Дезобенъ страшно надоѣли эманципаціонныя, коммунистическія и тому подобныя разглагольствія, ея дѣло потанцовать, посмѣяться, повеселиться. Вотъ она и затѣваетъ балъ; но зная, что никто не рѣшится идти просто на балъ, въ то время, какъ нѣсколько десятковъ клубовъ твердятъ всѣмъ о благѣ отечества и человечества, она открываетъ у себя клубъ женщинъ, въ которомъ мужчины будутъ только безмолвными слушателями, а одиѣ женщины будутъ имѣть право говорить все вмѣстѣ и безъ умолку. Г-жа Дессонъ, разумвется, какъ женщина бывалая, первая взбирается на трибуну; мигомъ разрушено царство мужчинъ и розданы жевщинамъ все правительственныя и дипломатическія должности и мудрое собраніе приступаетъ къ рѣшенію великаго вопроса о бракѣ; это конекъ г-жи Дессонъ, и немудрено, — она три раза носила ярмо супружества. Но вотъ среди самаго разгара ея витійства раздаются звуки бальнаго оркестра; все общество, начинавшее уже зѣвать безъ церемоній, оживаетъ, составляются пары, и уносятся въ вихрь вальса. — Это что? вскрикиваетъ гнѣвно витія. — Танцы, отвѣчаетъ хозяйка съ лукавою улыбкою. — А нашъ клубъ? — Балъ, вотъ истинный клубъ женщинъ! — И хозяйка въ восторгѣ, что такъ ловко одурачила дорогую пріятельницу, а г-жа Дессонъ удаляется съ негодованіемъ, и ждетъ новой революціи.

Эманципація женщинъ и клубы теперь любимый предметъ насмѣшекъ всехъ драматурговъ, ими пробавляются почти все театры. Между тѣмъ, какъ на театрѣ Республики аплодируютъ комедіи Мери, на театрѣ «Одеона» играется комедія Жюля Барбье, а на Национальномъ театрѣ великолѣпный балетъ, которыхъ содержаніе составляетъ также война женъ съ супружескою властью.

Комедія Жюля Барбье называется *Вольнодумки*, *Les femmes fortes*. Нѣкто Сен-При ищетъ руки молодой вдовушки Изабеллы. Но Изабелла вовсе не до того; она съ утра до ночи размышляетъ надъ гражданскимъ кодексомъ, и преимущественно надъ статьями, въ которыхъ повелѣвается женѣ повиноваться мужу; она хочетъ, во что бы ни стало, освободить свой полъ отъ этого постыднаго ига. Но Сен-При самъ малый смѣтливый; онъ знаетъ, чѣмъ можно выбить эту дурь изъ головы своей возлю-

бленной и приволакивается къ одной ей подругѣ, которая еще до того проста, что предоставляет исправленіе законовъ народному собранію. Хитрость удается; Изабелла бросаетъ кодексъ и снѣшить снова надѣтъ суиружеское ядро.

Теперь обратимся къ балету: *Низида или Азорскія Амазонки*, господъ Мабиля и Делины.

Если вы, почтенный читатель, охотникъ до антикварныхъ рѣдкостей, то вамъ, можетъ быть, извѣстно, что хроника одного монаха монастыря Сан-Висенте Палмоскаго, принадлежащая къ половинѣ XIV вѣка, рассказываетъ, будто на Атлантическомъ океанѣ существовало въ то время царство свободныхъ женщинъ, которое онъ называетъ Republica graciosa, что по-русски можно перевести, по благоусмотрѣнію, прелестною или уродливою республикою (*). Этотъ фактъ подтверждается фламандскимъ купцомъ Юганномъ Гикинсомъ, и португальскимъ мореплавателемъ Альваресомъ Кабралемъ, посѣщавшими Азорскіе острова въ XV вѣкѣ. Впрочемъ, желающимъ удостовериться въ этомъ, предоставляемъ мы самимъ порыться въ означенныхъ сочиненіяхъ и въ дюжинѣ другихъ запыленныхъ фолиантовъ, на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Что касается до насъ, мы готовы вѣрить на слово авторамъ, что какая-то донья Мерседесъ-де-Каза-Реаль, желая отомстить изменившему любовнику, набрала цѣлую дружину подобной себѣ вольницы и основала колонію, которой главнымъ закономъ было исключеніе мужескаго пола. Только разъ въ годъ, въ маѣ мѣсяцѣ, снаряжалась флотилія и отправлялась крейсировать по океану и ловить мужчинъ, держали ихъ на островѣ одни сугби, ласкали, тѣшили, а потомъ сажали опять на корабли и отправляли на всѣ четыре стороны. Такъ было и въ царствованіе царицы Жозефы, при которой происходитъ дѣйствіе балета. Она послала царевну Низиду, своего адмирала, привести партію мужчинъ. Низида возвращается изъ экспедиціи съ полнымъ успѣхомъ; она захватила цѣлый корабль моло-

(*) Испанское слово gracioso значитъ милый, прелестный, и также, смѣшной, безобразный, уродливый.

дыхъ испанцевъ и уже выбрала себя одного изъ нихъ, прекраснаго дона Этура. Амазонки распределяютъ между собою прочихъ. Одному только достаются одни пинки и тумакъ: горбуну дону Оскару де-Бермуда, уставы острова не дозволяютъ ввозъ колѣкъ, но Оскаръ въѣхалъ контрабандою, въ бочкѣ. Наступаетъ ночь; испанцевъ сажаютъ на корабль и увозятъ, только двое остаются на островѣ: Этуръ и Оскаръ; перваго удержали царица и царевна, назначивъ ему обѣ свиданіе; Оскаръ же остался въ той надеждѣ, что ночью красавицы будутъ не такъ разборчивы и не замѣтятъ его уродливости.

Донъ Этуръ приходитъ въ гротъ, гдѣ велѣла ему ждать Низида, между тѣмъ, какъ онъ выдѣлываетъ погами краснорѣчивый монологъ нетерпѣнія и любви, въбѣгаетъ толпа амазонокъ, и не обращая вниманія на чужеземца, купается въ озерѣ, пляшетъ и играетъ въ водѣ. Наконецъ, онъ расходится, и Низида увлекаетъ прекраснаго испанца въ свою ставку. Въ то же время Жозефа, горя нетерпѣнцемъ, выходитъ искать своего возлюбленнаго; но вмѣсто его встрѣчаетъ дона Оскара, и неразсмотрѣвъ его въ темнотѣ, тащитъ къ себѣ. Только на разсвѣтѣ узнать она свою ошибку. Бѣшенство ея еще усиливается, когда она узнаетъ, что неблагодарный донъ Этуръ предпочелъ ея вѣтхимъ престаламъ молоденькую и хорошенькую Низиду. Ревнивая царица вызываетъ свою соперницу на дуэль; Низида влюбиваетъ оружіе изъ ея рукъ. Царица созываетъ своихъ амазонокъ и приговариваетъ къ смерти дерзкихъ чужеземцевъ и матежинцу. Уже Низиду и дона Этура ведутъ подъ музыку на лобное мѣсто, какъ вдругъ разносится вѣсть, что испанцы вышли на берегъ; донъ Оскаръ успѣлъ ушлый къ своимъ судамъ и привелъ земляковъ на выручку товарища. Амазонки хватаются за оружіе; испанцы, какъ въявленные кавалеры, вмѣсто того, чтобы отвѣчать имъ тѣмъ же, закидываютъ ихъ цѣвтами и душатъ поцѣлуями. Это необыкновенное оружіе обезоруживаетъ амазонокъ; онѣ встаютъ противъ своей царицы, свергаютъ ее съ престола, а на мѣсто ея избираютъ Низиду, возлагая на нее обязанность дать имъ новый уставъ. Такъ кончилось царство свободныхъ женщинъ.

О сочинителѣ музыки этого балета, Бенуа, мы имѣли

уже случай говорить, давая отчетъ объ его оперѣ *Присидьши* (*). Новое его произведеніе подтверждаетъ наше прежнее мнѣніе; тутъ тоже знаніе механическихъ приѣмовъ музыки, тоже умѣнье владѣть оркестромъ, тоже стремленіе къ полнотѣ инструментовки; вдохновенія же и мелодіи еще меньше, чѣмъ въ первомъ. Хореграфическая часть балета представляетъ мало новаго и оригинальнаго, но не чужда граціи и живонисности. Декорации—верхъ великолѣпнѣйш. Главную роль занимала молодая танцовщица, которая давно уже стала одною изъ любимицъ публики, дѣвица Пункетъ. Чтобы дать понятіе о ея талантѣ, скажемъ, что она очаровательный слѣпокъ съ Карлоты Гризи, которая сама очаровательный слѣпокъ съ Тальони; она болѣе или менѣе усвоила себѣ все достоинства своего образца, кромѣ одного, главнаго условія первоклассной артистки, самостоятельности. Рядомъ съ нею отличилась Луиджія Тальони, племянница и ученица знаменитой Тальони, и дѣвица Фуоко, обѣ подають огромныя надежды, въ особенности же послѣдняя, обладающая рѣдкимъ въ наше время качествомъ, оригинальностью.

Не смотря на великолѣпнѣе танцевъ и декораций, на военные смотры амазонокъ, купанья и тому подобныя уловки, балетъ имѣлъ плохой успѣхъ.

На театрѣ Комической Оперы поставлена новая опера: *Синьоръ Паскарелло*; въ трехъ дѣйствіяхъ; либретто Лѣвена и Брунсвика, музыка Шотъ. Сюжетъ чувствителенъ и слезливъ до крайности. Одинъ мальтійскій кавалеръ, обольстивъ дочь маркиза Амальфи; отъ тайной любви ихъ родилась дочь, о существованіи которой знаетъ одинъ только человекъ, кочующій музыкантъ Паскарелло. У него же хранятся письма любовниковъ; и какъ ни любить старику поболтать, приидеть къ были и былицу, онъ не разсказалъ этой тайны ни старой нянь Варварѣ, ни даже своему племяннику Гаэтано; а Гаэтадо съ такимъ любопытствомъ посаушалъ бы повѣсти несчастной любви съ тѣхъ поръ, какъ самъ любить Паулу, воспитанницу монастыря, гдѣ онъ играетъ по воскресеньямъ съ дядею на органѣ и даетъ уроки пѣнія. Однажды, приидши въ монастырь,

(*). Пантеоль N 7. Обзоръ иностр. театровъ.

Гаэтано узнаеть, что Паула должна скоро постричься; ее принуждаетъ къ этому не отецъ, — она никогда не знала отца, а какой-то грозный покровитель. Гаэтано убѣждаетъ дѣвушку бѣжать, и приводитъ ее въ оперный театръ, къ дядѣ, потому что синьоръ Паскарелло по утрамъ органистъ, а по вечерамъ статистъ, хористъ или все то, что понадобится въ оперѣ. Увидѣвъ дѣвушку, переведенную изъ-за монастырской рѣшетки на театральные подмостки, онъ сначала пугается, но потомъ, размысливъ, что театръ имѣеть право убѣжища для всякихъ бѣглецовъ, рѣшается взять Паулу подъ свою защиту, и облакаетъ ее въ сквозную, но непроницаемую броню наяды.

Все идетъ хорошо, пока не является какой-то незнакомецъ, за письмами Мальтійскаго кавалера и синьоры Амальфи. Увидѣвъ Паулу, незнакомецъ спрашиваетъ о ней; увѣряетъ Паскарелло, что льгота, на которую онъ надѣялся, отнята у театра, и предлагаетъ дѣвушкѣ болѣе надежное убѣжище въ своей виллѣ. Всѣ съ благодарностью принимаютъ его предложеніе; но онъ везетъ Паулу назадъ въ монастырь: ибо это никто иной, какъ ея тайственный покровитель. Теперь ей, кажется, уже не уйти отъ своей злой судьбы, но въ ту минуту, какъ она, скрепя сердце, должна произнести обѣтъ, Паскарелло вскрикиваетъ, что она его дочь, и что онъ не допуститъ такого насилія. Всѣ смущаются; самъ незнакомецъ не смѣетъ противорѣчить ему, потому что для этого ему пришлось бы открыть тайну рожденія Паулы. Такимъ образомъ ничто не препятствуетъ браку Гаэтана съ его возлюбленнымъ.

Либретто, какъ видите, не задорно, но опера имѣетъ большой успѣхъ, благодаря музыкѣ и исполненію. На эту смѣтливую канву Потье написалъ музыку безъ притязаній, но умную, живую, полную милыхъ мелодій. Въ особенности отличается дуэтъ Гаэтана и Паулы, хоръ монастырскъ, все второе дѣйствіе отъ начала до конца, и въ третьемъ аріа Паскарелло, романсъ Гаэтана. Объ исполненіи говорить нечего; рѣдкій театръ можетъ поспорить съ парижскою комическою оперою въ талантахъ, пѣвцовъ и въ особенности въ удивительной совокупности ихъ пѣнія и игры. Дѣвица Лавуа (Паула) производитъ фуроръ во второмъ дѣйствіи пѣснью *Наяды*; это весьма удачный

опытъ подражательной музыки; мелодія льется и струится, журчитъ и плещетъ, какъ живой каскадъ.

На театрѣ Комической Оперы возобновлена также старинная, прелестная опера *Погонщикъ муловъ*, *le muletier*, одно изъ первыхъ произведеній Герольда. Она была играна одинъ только разъ, въ 1723 году; сюжетъ ея въ то время показался такъ безнравственъ, (представьте себѣ сказку Боккачіо, пересказанную Лафонтеномъ, и передѣланную въ оперное либретто Поль-де-Кокомъ!), что зрители закрывали лица руками, подняли свистъ, и многіе, говорятъ, даже бѣжали изъ театра. Нынѣшняя публика не такъ строга, она только хохочетъ до упаду и восхищается свѣжими, очаровательными мелодіями Герольда.

Театръ «Одсона» покровительствующій всѣмъ начинающимъ драматургамъ, поставилъ драму молодого писателя Курнье: *Сомнѣніе и вѣра*, *Le doute et la croyance*. Какъ драма, эта пьеса, въ одномъ дѣйствіи и въ стихахъ, очень недостаточна; въ ней нѣтъ движенія; но за то много теплоты чувства и поэзіи. Содержаніе очень просто: молодой поэтъ, Луиджи, любитъ Франческа, любитъ страстно и доверчиво, какъ поэтъ любитъ своего земнаго ангела; но братъ его, Фабіо, наговариваетъ на нее; сомнѣніе водворяется въ сердце поэта, а Франческа съ горя сходитъ съ ума и бросается въ рѣку. По смерти ея, Луиджи узнаетъ ея невинность и вызываетъ клеветника на дуэль. Братья-соперники другъ противъ друга: Луиджи призываетъ въ защиту имя своей матери; это священное имя проникаетъ въ сердце развратнаго Фабіо, и онъ бросается съ радостію и раскаяніемъ въ объятія брата. Не смотря на довольно слабое исполненіе, эта драма имѣла успѣхъ.

Театръ «Гимназіи» выдумалъ представить въ лицахъ исторію герцогини Прасленъ; подъ именемъ *Графиня Сеннеси*; но какъ трагическій конецъ этой драмы, (которой содержанія рассказывать мы не намѣрены, потому что имъ не такъ давно еще были наполняемы столбцы всѣхъ газетъ,) не соответствовалъ характеру репертуара Гимназіи, всегда чувствительному и нѣсколько подслащенному, то авторы придумали другую развязку. Графиня Сеннеси довольно догадлива, чтобы растрогать сердце мужа, принявъ яду, а аптекаръ былъ довольно дога-

дливѣ, чтобы подмѣнить ядъ какимъ-то невиннымъ снадобьемъ. Мужъ, какъ слѣдуетъ, рассказываетъ и проситъ прощенія, и все остаются довольны, кромѣ кассира, который находитъ, что лучше бы поменьше слезъ да побольше сбору. Это новое произведеніе принадлежитъ неутомившему перу Байра и Деннери.

Ядъ очень дѣйствительное средство сводить супругость, живущихъ въ разладѣ; но это средство, которымъ шутить опасно; неравно еще аптекаръ едору отпугнетъ настоящаго мышьяку; потомъ пожауй и не отпугать. Есть другія средства, можетъ быть не столь вѣрныя, но за то не такъ опасныя; вотъ, напримѣръ, средство, предлагаемое театромъ «Республики» въ *Портретахъ*. Какой-то маркизь не любитъ жены, а маркиза не любитъ мужа; поэтому они, какъ люди умные и образованные, живутъ врозь, предоставляя другъ другу разнолагать своими дѣйствіями по произволу. Маркизь приволакивается за молодой провинціалкою, только что выпущенной изъ монастыря, а маркиза старается заманить въ свои сѣти молодого офицера, новобранца любви и войны. Но недаромъ говорится: сердце сердцу вѣсь даетъ; избранныя маркизомъ и маркизою давно любятъ другъ друга, и свято хранятъ взаимно свою память въ сердцѣ, а для того, чтобы еще болѣе подкрѣпить эту память, оба рываются нарисовать портреты своихъ возлюбленныхъ. Но чѣмъ не шутить случай и любовь? Монастырка рисуетъ своего суженаго въ образѣ маркиза, который не спускаетъ съ нея глазъ; а мушкетеръ вмѣсто Эліи рисуетъ маркизу въ урзулинскомъ нарядѣ. Увидѣвшисъ наконецъ послѣ долгой разлуки, они очень удивляются несходству своихъ портретовъ съ оригиналами. Они принуждены объяснить другъ другу причину невѣрности своей памяти; и какъ оба виноваты, то разумѣется, имъ нетрудно простить другъ друга. А надо вамъ сказать, что маркизь и маркиза условилсь въ знакъ возвращенія своей любви, прислать другъ другу свои портреты; дядя молодого мушкетера пользуется ошибкою двухъ влюбленныхъ, и разсылаетъ портреты по принадлежности; слѣдствіе этого — примиреніе маркиза и маркизы, которые даютъ слово впредь жить примѣрными супругами. — Это средство изобрѣтено господами Барьеромъ и Курселемъ; жаль только, что изобрѣтатели упустили изъ виду одно об-

стоятельство; средства примиренія всего нужнѣе супругамъ, принадлежащимъ къ высшему слою общества; а комедія, по мнѣнію многихъ, болѣе годна для балагана, чѣмъ для театра, посѣщаемого знатными и образованными людьми.

Театры Сен-Мартенскихъ воротъ, Амбигю и Вессюсти, по обыкновенію, подчюютъ своихъ посѣтителей трескучими драмами и патріотическими пьесами.

На первомъ идетъ драма подъ важнымъ названіемъ *Женевскихъ вольнодумцевъ*; *Les libertins de Geneve*, сочиненіе Марка Фурнье. Извѣстно, что Кальвинъ далъ названіе Вольнодумцевъ послѣдователямъ Михаила Сервета, возстававшимъ противъ него, какъ религіознаго реформатора и какъ политическаго законодателя. Поэтому можно бы ожидать какой нибудь исторической драмы въ истинномъ значеніи, драматизированнаго изображенія великой эпохи человѣческой жизни; и въ самомъ дѣлѣ борьба Кальвина и Сервета могла бы послужить богатымъ сюжетомъ для такого произведенія. Но ничуть не бывало; авторъ не только не думалъ представить великое историческое событіе, но даже не считъ нужнымъ соблюсти истину біографическихъ фактовъ. Ему нужно было только заманчивое, двусмысленное отчасти заглавіе, и звучныя имена, къ которымъ можно бы прицѣпить рядъ эффектныхъ небылицъ, не имѣющихъ ни историческаго, ни нравственнаго основанія, и создать пьесу ни лучше, ни хуже *Чертовой горы*, *Чертовой котлы* и всякой мелодраматической чертовщины... Виновать, ... вдесятеро хуже, потому что къ поруганію надъ законами искусства она приеодинаетъ клевету на имена людей, которые можетъ быть ошибались въ своихъ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ, но которые свято исполняли то, что считали возложеннымъ на нихъ отъ Бога, и которыхъ память поэтому должна быть священна.

Кальвинъ, въ пьесѣ Марка Фурнье женился на женѣ Сервета, увѣривъ ее, что ея мужъ, изгнанный изъ Женевы Кальвиновою партією, умеръ въ изнани. Но Серветъ тайно возвратился въ Женеву за своєю мною Оделеттою. Кальвинъ, узнавъ объ этомъ, чрезъ своихъ шпионовъ, велитъ схватить его и судить, какъ ересіарха. Чтобы не подвергнуться самому отвѣтственности предъ закономъ въ случаѣ неудачи, онъ возлагаетъ должность

обвинителя на лучшаго своего ученика Донасьена; Донасьень же никто иной, какъ сынъ Сервета, котораго мать воспитала при себѣ, какъ приемыша. Чтобы спасти жизнь первому мужу, котораго она все еще любитъ, Одетта похищаетъ у Кальвина какія то важныя бумаги, и передаетъ ихъ черезъ начальниковъ Вольнодумцевъ Сервету; но Серветъ узнавъ въ Донасьень, содержащемся рядомъ съ нимъ въ тюрьмѣ, въ видѣ заложника, своего сына, который долженъ умереть, если не докажетъ взведеннаго обвиненія; онъ не хочетъ пользоваться предлагаемымъ ему спасеніемъ, и перебрасываетъ бумаги къ сыну. Донасьень торжествуетъ; Сервету дано на выборъ отречься отъ своего ученія, или умереть. Ему не дорога жизнь, не страшна смерть; но хотѣлось бы еще разъ обнять жену и сына, и онъ готовъ отречься. Но Донасьень, узнавъ, что побѣжденный — его отецъ, лишаетъ себя жизни, чтобы спасти его отъ позора отреченія. Тогда Серветъ спокойно и твердо всходитъ на костеръ.

Чортова корьма, *La taverne du diable*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, Альбуаза и Бернара Лонеса, (на театрѣ Веселости) родная сестра всѣхъ драмъ, которыя столько лѣтъ уже, съ легкой руки покойнаго Фредерика Сулье, наводняютъ все театры. Дѣйствіе происходитъ въ Америкѣ, до освобожденія Соединенныхъ-Штатовъ. Молодой лордъ влюбился въ дочь одного капитана, которой рука обѣщана другому; и ничто не останавливаетъ его въ стремленіи къ удовлетворенію своей страсти. Онъ всеми средствами старается погубить своего счастливаго соперника, и послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, усиливаетъ разстроить его свадьбу. Въ то же время подкупленные имъ злодѣи похищаютъ дѣвушку и запираютъ ее въ какой-то разбойничій притонъ, именуемый *чортовою корьмою*, гдѣ зритель имѣетъ удовольствіе видѣть самый гнусный развратъ, убійства и поджигательства. Къ довершенію своихъ преступленій, благородный лордъ, участвующій въ судѣ присяжныхъ, вваливаетъ на невиннаго жениха убійство, совершенное имъ самимъ, и несчастный былъ бы осужденъ, еслибы не возсталъ изъ мертвыхъ человекъ, который сторчалъ въ глазахъ зрителей, и не уличилъ убійцы и клеветника. Вслѣдствіе чего Ричардъ женится на своей возлюбленной.

Чортова гора, Le sogue au diable, драма въ семи картинахъ Эжена Сю (на театрѣ «Разнообразія»), принадлежитъ къ той же семьѣ, какъ предыдущая. Содержанія этой пьесы мы не будемъ рассказывать, потому что оно заимствовано изъ всѣмъ извѣстнаго романа Эжена Сю, основаннаго на нелѣпномъ преданіи о герцогѣ Монмутѣ, который будто-бы избѣжалъ казни, пославъ за себя на плаху другаго. Скройте изъ этого романа драму по давно извѣстному рецепту, придайте побольше невѣрояностей, змѣй, жагуаръ и другихъ дикихъ звѣрей, и получите Чортову гору.

Наполеонъ и Жозефина, или Разсодъ, драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, господина Дальера, (на томъ же театрѣ).

Авторъ слѣдитъ шагъ за шагомъ за исторією; поэтому мы; не будемъ рассказывать содержанія пьесы; лучше обратимся опять къ пьесамъ, которыя если и не удовлетворяютъ строгимъ требованіямъ драмы, то по-крайней-мѣрѣ не заставляютъ зрителя напрягать все силы души въ погоню за мыльными пузырями, а только забавляютъ и развлекаютъ ихъ невинными шутками и смѣхомъ, съ примѣсю иногда незлобной сатиры.

Жанна Матьё или безкорыстная любовь, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, Фурнье, на театрѣ Гимназіи. Жанна Матьё невѣста миллионерка, слѣдовательно имѣетъ право быть разборчивою. За то она во сто разъ разборчивѣе разборчивой невѣсты Лафонтена и Крылова; она не требуетъ отъ жениха ни красоты, ни чиновъ, ни богатства, но требуетъ условія еще болѣе рѣдкаго, чѣмъ эти все вмѣстѣ: чтобы женихъ любилъ ее ради ея самой, а не ради приданаго. Мосье Пероди, ея батюшка, не прочь отъ этого достоинства, но только въ придачу къ другимъ, болѣе существеннымъ. Но Жаннѣ надоѣло такъ долго ждать жениха, который былъ бы ей по сердцу, и она поднимается на хитрость, убѣждаетъ отца отправиться подъ вымышленнымъ именемъ на Трепорскія воды и вотъ онъ живетъ тамъ скромнымъ купцомъ, отказавшимся отъ торговли. Но онъ смекнулъ, что можно уловить дочь въ собственныя ея сѣти, и написалъ миллионеру Меркаде, чтобы онъ пріѣхалъ въ Трепоръ и сватался къ его дочери подъ именемъ бѣднаго

художника (известно, что водевильные художники народъ чрезвычайно влюбчивый). И действительно прѣзжаетъ молодой художникъ Людовикъ; прямой нравъ его пльняетъ разборчивую невесту, и дѣло почти сложено, но мосье Леродо открываетъ дочери, что Людикъ никто иной, какъ Меркаде; Жанна въ ужасномъ негодованіи, и слышать не хочетъ о женихъ миллионерѣ. Но какъ ни хитеръ банкиръ Леродо, а судьба перехитрила его; Людовикъ доказываетъ, что онъ действительно бѣдный художникъ, и прѣхаль въ Трсноръ за водами, а не за богатой невестой; Жанна смягчается и даетъ ему руку, а банкиръ волею-неволею долженъ дать молодымъ людямъ свое родительское благословеніе.

Первая прорѣха, *Le premier coup de canif*, комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, господь Анисе-Буржуа и Бризбара; на томъ же театрѣ. Пьеска чрезвычайно забавная. У Будинье премилая жена; молода, хороша, умна и въ добавокъ любить мужа; кажется, какъ тутъ не быть примѣрнымъ супругомъ? Но нѣтъ, Будинье скучаетъ по свободѣ и наслажденіямъ холостой жизни, а пріятель его, Пате, безпрестанно подстрекаетъ его вомянуть старину. Испушеніе слишкомъ сильно. Будинье объявляетъ женѣ, что важное дѣло требуетъ его присутствія въ Орлеанѣ, но едва двинжась скрылся изъ глазъ мадамъ Будинье, какъ проказникъ выходитъ изъ него, и возвращается въ Парижъ, въ ресторацію, куда Пате обѣщаль привести прелестную мамзель Селестину, мамзель Агнесу и еще подюжину ихъ пріятельницъ. Онъ заказываетъ ужинъ на славу и поджидаетъ дорогихъ гостей. Но вотъ вдругъ входитъ мадамъ Будинье, съ молодымъ офицеромъ, и требуютъ особеннаго номера. Можете себѣ представить положеніе несчастнаго мужа; слышать, какъ жена шепчется съ постороннимъ, видѣть сквозь замочную щелку, какъ она обнимается, и не смѣть обличить неверную, не смѣть проучить дерзковеннаго! Наконецъ, ему не въ терпѣжъ; онъ врывается въ комнату... объясняются... молодой офицеръ—братъ мадамъ Будинье, прѣхавшій въ Парижъ въ отпускъ... Но какимъ образомъ самъ Будинье попалъ съ Орлеанской дороги къ парижскому ресторану? Между тѣмъ, какъ онъ придумываетъ сказку, чтобы выпутаться изъ бѣды, откуда ни возьмись, являютя Пате, мамзель

Селестина, мамзель Агнеса и ихъ подружки на обѣщанный ужинъ. Худо пришлось бы грѣхпроводнику, еслибы офицеръ не выручилъ его изъ бѣды, взявъ его проказы на свой счетъ. Будинье же даетъ себѣ слово не посягать въ другой разъ на неприкосновенность брачнаго контракта.

Ванъ - Дейкъ въ Лондонъ, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ (на театрѣ Одеона) не отличается ни новостью, ни оригинальностью вымысла. Ванъ-Дейкъ пишетъ портретъ Карла I, и король такъ полюбилъ его, что хочетъ назначать его посланникомъ. Но одинъ старый лордъ, въ воспитанницу котораго Ванъ-Дейкъ влюбленъ, неизвѣстно почему строитъ ему всякія козни и наконецъ выписываетъ изъ Голландіи стараго живописца Ванъ-Балена, котораго прочитъ на мѣсто Ванъ-Дейка и въ сердцахъ воспитанницы и при дворѣ Карла. Но Ванъ-Дейкъ золотомъ и убѣжденіями склоняетъ старика воротиться на родину и такимъ образомъ разстроиваетъ всѣ козни лорда.

Мальчикъ подвижной гвардіи, *Le petit de la mobile*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, Кардые и Клервиля, на театрѣ Разнообразія. Подвижная гвардія теперь кумиръ всего Парижа; ее славятъ въ стихахъ и прозѣ, печатаютъ портреты ея героевъ; оставалось воспѣть ее на театрѣ, и вотъ господа Кардые и Клервиль сплели пресладенькій, пренравоучительный водевильчикъ, который имѣетъ однакоже огромный успѣхъ. Жюльенъ, молодой гвардеецъ, отличился на баррикадахъ и получилъ крестъ; но дѣдъ его, Марсель, также участвовавшій въ оборонѣ и ожидающій еще креста за сраженіе подъ Пирамидами, воображаетъ, что наконецъ вспомнили о его старой службѣ и надвѣваетъ крестъ; Жюльенъ не хочетъ огорчить старика и оставляетъ ему свою награду. Жюльенъ такой-же добрый братъ, какъ хорошій внукъ и гражданинъ, женихъ его сестры былъ замѣшанъ въ возмущеніи и содержится въ тюрьмѣ; юный герой выхлопываетъ ему прощеніе и свободу и женить на своей сестрѣ. Между тѣмъ Марсель, поспѣшившій объявить о своемъ счастьи сосѣдамъ, узналъ отъ нихъ, кому назначался крестъ и какъ великодушно поступилъ Жюльенъ. Тронутый старикъ спѣшитъ возвратить ему награду и уже не хочетъ искать себѣ креста, потому что награда, данная внуку, лучшая награда за службу дѣда.

Два ангела хранителя, водевилъ въ одномъ дѣйствіи Деланда (на томъ же театрѣ). Не думайте, чтобы это были два существа воздушныя, идеальныя, какими воображеніе обыкновенно представляетъ себя ангеловъ; авторъ этого водевила облекъ ихъ въ тяжелый, грубоватый образъ двухъ добрыхъ ремесленниковъ. Мишель, много лѣтъ назадъ, навелъ на прямой путь одного уличнаго мальчишку въ то время, какъ онъ готовъ былъ покуситься на первое воровство. Мальчикъ сдѣлался честнымъ человѣкомъ и трудолюбивымъ ремесленникомъ. Мишель давно забылъ это, но благодарный Баптистъ помнитъ доброе дѣло старика, тѣмъ болѣе, что у старика есть дочь, которая приглянулась ему. И съ тѣхъ поръ, какая нужда ни постигнетъ Мишеля, онъ не унываетъ, потому что знаетъ, что неизвѣтный ангелъ хранитель не оставитъ его и подастъ ему невидимую руку помощи. Точно также и Мишель не оставляетъ Баптиста, доставляетъ ему работу, миритъ его съ хазяевами и оказываетъ ему всякія услуги. Вотъ главное содержаніе этой пьески, которая, несмотря на нѣкоторыя вялыя сцены, очень недурна, и при превосходномъ исполненіи, имѣетъ большой успѣхъ.

Хозяйство Розины, *Le mobilier de Rosine*, шутка водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Брунсвика, Лёвена и Сиродена (на театрѣ Монтансье), фарсъ, отъ котораго весь театръ хохочетъ до слезъ. Хорошенькая гризетка Розина заложила все свое хозяйство, изъ любви къ своему жениху Буживаю, который ждетъ своего дяди, чтобы благословить его на женитьбу. Дядя не прочь позволить племяннику жениться; но надо, чтобы невеста его была дѣвушка аккуратная, добрая хозяйка, чтобы квартирка ея была уютна и мила; что же онъ скажетъ, когда увидитъ голыя стѣны и одни чухлы съ мебели. У Розины есть три обожателя, которые могли бы ей помочь; но одинъ старъ, другой уродъ, третій дуракъ; да и не хочетъ она измѣнить жениху. Она придумываетъ наполнить ими пустые чухлы и вотъ одинъ обращается въ кресла, другой въ арфу, третій въ столъ. Такимъ образомъ почтеннаго дядюшку проводить, и онъ даетъ свое еогласіе и пособіе на свадьбу.

Этимъ кончается перечень драматическихъ новостей за прошедшіе два мѣсяца, слѣдовало бы еще сказать

нѣсколько словъ о двухъ новыхъ явленіяхъ, которыя, хотя собственно не драматическія произведенія, но близки къ драматическому искусству; о двухъ драматическихъ симфоніяхъ: *Атиль*, Варнея и *Эдель* Фелисьена Давида. Но мы отложимъ ихъ до другаго раза, чтобы поговорить о нихъ подробнѣе; на сегодня ограничимся только тѣмъ, что ни та, ни другая не имѣла большаго успѣха.

Рашель наконецъ возвратилась изъ своей ежегодной поѣздки по департаментскимъ театрамъ съ обильною жатвою славы и денегъ. Впрочемъ, путешествіе это было не безъ непріятностей; провинціальныя театры начинаютъ замѣчать, какъ уже замѣчалъ Парижъ, что пламенная жадность къ золоту сильно вредитъ ея дарованію. Чтобы не терять времени въ продолженіе своего отпуска, она, не смотря на свое слабое здоровье, играетъ иногда по нѣскольку вечеровъ сряду въ разныхъ городахъ. Такъ одна тулузская газета рассказываетъ, что ей случалось ѣздить изъ Тулузы по желѣзной дорогѣ въ Тулонъ, Нимъ и другіе города, и возвращаться до того измученною, что она не могла доканчивать роли, и дирекція бывала принуждена опускать занавѣсъ въ половинѣ пьесы. Жестоко жалуются также провинціалы на *декламированіе Марсельезы*, которое производило такой фуроръ въ Парижъ, но которое дѣйствительно очень похоже на шарлатанизмъ. Наконецъ она, подобно нѣкоторымъ итальянскимъ пѣвицамъ, имѣетъ привычку таскать за собою въ этихъ поѣздкахъ толпу самыхъ посредственныхъ актеровъ, для того, чтобы ихъ ничтожество придавало еще больше блеску ея таланту. Цельзъ, къ сожалѣнію, не сознался, что въ этихъ упресахъ, много справедливаго.

За отсутствіемъ Рашели, весь Парижъ сбѣгался смотрѣть на дѣвицу Жоржъ, которая вмѣстѣ съ лучшими артистами всѣхъ театровъ участвовала въ нѣсколькихъ представленіяхъ, данныхъ на Историческомъ театрѣ для благотворительныхъ цѣлей. Не смотря на ея преклонныя лѣта, дивный талантъ ея сохранилъ всю свѣжесть, все могущество молодости. Она являлась въ роляхъ Маріи Тюдоръ, въ драмѣ Виктора Гюго и Тисбы въ его же *Венеціанской актрисѣ*.

Въ Комической Оперѣ дебютировали недавно два новые пѣвца, Антьомъ и Бось; послѣдній уже прежде

занималъ на этомъ театрѣ басовыя партіи, теперь же поеть баритонныя; довольно странный переходъ! Оба дебютанта имѣли успѣхъ, и кажется останутся въ труппѣ. Ждутъ такъ же дебютовъ Було, который слыветъ первымъ теноромъ на провинціальныхъ театрахъ, и госпожи Потье, жены талантливаго автора *Синьора Паскарелло*.

Большая Опера обѣщаетъ сторичею вознаграждать не успѣхъ балета *Низиды*. Въ непродолжительномъ времени ждутъ прибытія Мейербера, и тогда, говорятъ, немедленно приступятъ къ разученію его Пророка. Въ немъ, какъ слышно, будутъ дебютировать Роже и Віардо Гарсія. Обѣщаютъ также молодую пѣвицу, много нашумѣвшую въ послѣднее время въ Италіи, дѣвицу Анну Лагранжъ (носитя слухъ, будто она вышла замужъ за какого-то русскаго вельможу, что однакоже не помѣшаетъ ей оставаться на сценѣ).

Въ началѣ октября ждутъ открытія Итальянской Оперы, подъ управленіемъ новаго ея директора, г. Дюпена. Управленіе его не много обѣщаетъ, потому что при самомъ своемъ вступленіи, онъ уже успѣлъ вооружить противъ себя многихъ артистовъ и весь оркестръ своими произвольными дѣйствіями, и неуваженіемъ многолѣтнихъ заслугъ. Впрочемъ, по новому составу его труппы можно надѣяться, что устарѣлый репертуаръ этого театра нѣсколько обновится; но къ лучшему или къ худшему? Вотъ списокъ ангажированныхъ имъ артистовъ: Лаблашъ отецъ, Ронколи, Бордасъ, Марелли, Сальцолари, Дайфіори, Бонконсильо, Арнольди и Грассіани; госпожи: Персіани, Кастелланъ, Ронкони, Анджіолина Бозіо, Клари и Беллини. Анджіолина Бозіо и Клари долго являлись съ огромнымъ успѣхомъ въ Мадридѣ и на другихъ испанскихъ театрахъ, и считаются лучшими исполнительницами Вердѣвыхъ партитуръ. Была ангажирована также г-жа Штольцъ, съ условіемъ, чтобы ей одной держать контраaltoвыя партіи. Но директору вздумалось пригласить на нѣсколько представлений г-жу Альбони; ревнивая пѣвица, привыкшая властвовать безъ раздѣлу въ Большой оперѣ, оскорбилась этимъ мнимымъ нарушеніемъ ея правъ, и отказалась. Неизвѣстно еще, кѣмъ се замѣнитъ; она же, кажется, собирается пѣвать остатками своего голоса съверо-американскихъ купцовъ.

Театръ Водевила прибавилъ еще два имени къ богатому списку уколоченныхъ имъ директоровъ. Господа Прать и Флёрн, подержавъ его одинъ мѣсяць, заблаго-разсудили отъ него отказаться; впрочемъ, дѣло за преемниками не стало; привилегію на него взяли Буже и Поль-Эрнестъ. Увидимъ, лучше ли имъ повезетъ, чѣмъ длинному ряду ихъ предшественниковъ?

АНГЛІЯ.

Лондонъ. Наконецъ Лондонъ дождался такъ давно обѣщанныхъ ему *Гугенотовъ*, на Ковентгарденскомъ театрѣ. Это было одно изъ самыхъ блестящихъ представлений нынѣшняго сезона. Чтобы разбирать подробно игру гениальной г-жи Віардо-Гарсиа въ роли Валентины, пришлось бы написать о ней предлинную статью; сказать же просто, въ нѣсколькихъ словахъ, какое впечатлѣніе она произвела на слушателей, значило бы повторять давно и много разъ говоренное; кто не знаетъ, какъ она кружила этою партіею голову всей Германіи? За то, какъ блѣдна показалась рядомъ съ нею гжа Кастелланъ, въ роли Маргариты Валуа. Партію Рауля въ первое представленіе исполнялъ Маріо, съ энергіею и съ чувствомъ. Во второе представленіе, по болѣзни Маріо, мѣсто его заступилъ Роже, который, не имѣя времени выучить итальянскій текстъ, пѣлъ свою роль по французски; несмотря на эту непріятную смѣсь языковъ, онъ едва не затмилъ своего предшественника. Марини игралъ Марсея; хотя нельзя его безусловно осуждать, однакоже надо сознаться, что онъ не довольно рельефно обрисовалъ дикую энергію и фанатизмъ гугенотскаго ратника - проповѣдника. Тамбурины, въ роли де - Невера былъ превосходенъ; дивнымъ своимъ талантомъ онъ давалъ жизнь и одушевленіе большимъ совокупнымъ сценамъ третьяго дѣйствія. Хотя партитура сокращена изъ пяти дѣйствій въ четыре, однакоже эти сокращенія сдѣланы такъ ловко, что мало вредятъ оперѣ.

На томъ же театрѣ давали *Вильгельма Телля* Россини; но не смотря на то, что главные роли исполняли

Марини, Тамбурини и Роже, и что хоры и оркестръ исполняли свое дѣло съ рѣдкимъ совершенствомъ, опера въ цѣломъ не произвела сильнаго впечатлѣнія; только увертюра, хоры представителей соединенныхъ кантоновъ и дивная сцена заговора (*gigiam, gigiam*) были повторены. Нѣтъ спору, что это лучшіе нумера оперы; но она вся такъ прекрасна, что непостижимо, почему она не произвела большаго эффекта. Впрочемъ, она была дана только одинъ разъ.

На Королевскомъ театрѣ играли Беллиниевыхъ *Пуританъ*. Роль Эльвиры явила въ новомъ свѣтѣ дивный талантъ Женни Линдъ. Особенно любопытно сравнить ее въ этой партіи и въ *Lucia*; въ обѣихъ она представляетъ любящую дѣвушку, сходящую съ ума оттого, что она покинута, или считаетъ себя покинутою своимъ возлюбленнымъ. Но характеръ душевной болѣзни той и другой совершенно различный. Въ сумасшествіи *Lucia* преобладаетъ трагическій элементъ. *Lucia* не измѣняла Эдгару въ сердцѣ; но судьба поставила ее въ такое положеніе, что она должна была принести свою любовь въ жертву благу своихъ родныхъ, и явиться въ глазахъ Эдгара измѣнницею, и онъ проклялъ ее. Нѣжная душа *Lucia* не можетъ выдержать этихъ ударовъ рока, и отчаяніе разстроиваетъ ея умъ и сводитъ ее въ могилу. Эльвира напротивъ ничѣмъ не виновата передъ Артуромъ и не заслужила его измѣны; тутъ нѣтъ непреложнаго приговора рока, нѣтъ ничего трагическаго; и недугъ Эльвиры собственно не сумасшествіе, происшедшее отъ отчаянія, а тихая грусть, безутышная скорбь, доходящая до болѣзненнаго забытья; и не смерть прекращаетъ ея страданія; въ ней остается надежда, что ея возлюбленный возвратится; и когда онъ возвращается и объявляетъ мнимую свою невѣристь, скорбь ея смѣняется радостью и счастьемъ, и временная завѣса спадаетъ съ ея умственныхъ способностей. Женни Линдъ превосходно выразила въ обѣихъ роляхъ это различіе. Также разительное искусство, съ которымъ она въ этомъ болѣзненномъ состояніи, сохраняетъ все черты характера Эльвиры; какъ ясно вы узнаете въ этой полусумасшедшей ту самую безпечную, игривую, наивную дѣвушку, которую вы видѣли во всемъ цвѣтѣ счастья и любви въ началѣ пьесы. Какъ хороша нако-

пецъ, въ послѣдней пьесѣ переходъ отъ тоски къ радости и къ сознательному счастью; съ какою наивною любовью склоняетъ она голову на грудь жениха, и закрывъ глаза, прислушивается къ его увѣреніямъ въ своей вѣрности и любви. Къ несчастью, это нисколько не придаетъ теплоты Артуру. Трудно себя представить что-нибудь холоднѣе Гардони (*); природа не обидѣла его матеріальными средствами, для усовершенствованія и усвоенія которыхъ ему остается однакоже еще много поработать; но никогда не видали мы такого отсутствія чувства и драматическаго постиженія; онъ клянется въ вѣрности и любви; слова его должны бы дышать страстью; лицо должно бы сіять упоеніемъ любви и счастья; и послушайте его, посмотрите на него... это олицетворенное спокойствіе и равнодушіе. Мигомъ пропадаетъ обаяніе, и въ умѣ зрителя невольно рождается вопросъ: Неужели она вѣритъ ему?

Въ прошломъ отчетѣ мы говорили, что Олимпійскій театръ перемѣнилъ свою трагическую труппу на водевильную; къ водевилю нынче пристала и мелодрама. Но чѣмъ подчуетъ онъ своихъ зрителей? Переряженный въ авгійскіе нравы очень незатѣйливый водевиль, давно уже переведенный на русскій языкъ подъ названіемъ *Три пощегины*; трескучая мелодрама, также переряженная, подъ названіемъ *Магика*, изъ трагедіи *Сицилійская вестеря*, одного изъ слабѣйшихъ произведеній Казимира Делавиля; и политико-правоучительная пьеска, которой цѣль, сказать ремесленникамъ и хлѣбопашцамъ: «Въ отечествѣ нѣтъ вамъ ни хлѣба, ни работы, - такъ ступайте, куда знаете!» - вотъ весь его репертуаръ.

Больно и грустно смотрѣть на такое состояніе театра. Смѣшна и нелѣпа была выходка Удебстера и его единомышленниковъ; но право есть нѣчто справедливое въ ихъ негодованіи и требованіяхъ. Какъ не сказать этимъ лордамъ и купцамъ милліонерамъ, которые соряютъ деньги на итальянскія оперы, на балеты, даже на цирки и на

(*) Петербургская публика можетъ теперь сама разсудить справедливо-ли сужденіе прихотливаго Джона-Буля, и какъ много этотъ молодой артистъ сдѣлалъ успѣховъ послѣ того, какъ являлся на Лондонскомъ театрѣ? *Прим. Ред.*

фокусниковъ, и прераснодушно смотрять на упадокъ отечественнаго театра!» Платите несказанныя суммы заморскимъ артистамъ, въ особенности, когда они истинные жрецы искусства, если вамъ деньги ничего не стоятъ; но подайте же что-нибудь и роднымъ театрамъ и артистамъ. Неужели почва, родившая дивную драматическую семью, въ главѣ которой стоитъ Шекспирь, совершенно изсякла и не можетъ произвести ничего самостоятельнаго и истинно художественнаго? Будетъ производить, когда вы не станете топтать юныхъ растений въ грязь, или обсаживать ихъ плевелами. Садите подлѣ нихъ возмужалыя деревья, только за тѣмъ, чтобы они ихъ защищали отъ непогодъ, и поддерживали ихъ на трудномъ пути къ истинѣ, а не позволяйте имъ отнимать пищу и свѣтъ у младшихъ братьевъ. Тогда только поднимете вы свои театры, которыхъ вы стыдитесь, но которые вы должны бы оплакивать. Не стыдиться надо своихъ недостатковъ, а сознать ихъ съ искреннею скорбью, и всѣми силами души стремиться къ ихъ исправленію!»

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Петербургскія новости. — Итальянская опера и ея составъ: Гардони, Коллетти, Корбари, Тамьяfico. — Настоящая Фанни Эльслеръ. — Мнимая Фанни Эльслеръ. — Семь чудесъ древняго свѣта и восьмое—новаго. — Новости литературы. — Отъ Редакціи — очень нужно.

Кто не знаетъ, что древніе греки изображали Фортуна, эту слѣпую богиню счастья, съ рогомъ изобилія въ рукѣ? И кто не знаетъ также, что уже давно исчезъ этотъ патріархальный рогъ. Увы! напрасно простираемъ мы къ небу жадныя руки въ надеждѣ, что скоро посыплются на насъ богатства, почести, наслажденія.... И ждемъ мы, долго ждемъ, но тщетно! Съ неба не падаетъ ничего, кромѣ дождя или снѣга, а знаменитый рогъ изобилія сохранился только въ преданіи, да у кондитеровъ, этихъ *genies* нашего времени. За то они щеголяютъ своими рогами шоколадными, сахарными, драгантовыми, и щедро сыплютъ изъ нихъ карамели, леденцы, конфеты въ цвѣтныхъ, роскошныхъ бумажкахъ. И веселой гурьбой бѣгутъ дѣти, подбирая гостинцы, бросая бумажки, и съ завистью смотримъ мы на ребятишекъ, съ горечью вспоминаемъ, что мы одни обойдены, что для насъ однихъ исчезъ почтенный рогъ изобилія древности! Пропала Фортуна, навсегда пропала! кричатъ инсигнисты, не видя, что добрая богиня приоткрылась на стромъ небъ Петербурга и осыпаетъ оттуда небогадарный городъ мимолетными дарами своими. Вѣчно открытъ этотъ рогъ довольства и вѣчно изъ него летятъ на насъ: повости, слухи, наслажденія, занятія. Умѣйте только подбирать эти дары и пользоваться ими, умѣйте дѣлать ихъ и наслаждаться! Вотъ и теперь, въ глухую осень, раскрытъ рогъ Фортуны и едва успеваемъ мы ловить все, что валится на насъ. И чего только не посылаетъ намъ щедрая богиня! Какими дарами не надѣляетъ счастливый Петербургъ? Вотъ и опера съ цовыми пѣвцами, вотъ и еще что-то легкое, роз-

душное... Это сплъфидя, это тѣнь, это... однимъ словомъ—это Фанни Эльслеръ! Но вотъ летить за нею чуть-ли не двойникъ ея: тѣ-же жесты, тѣ-же позы, та-же легкость, та-же грація; всмотритесь хорошенько... вѣдь это *мишляя Фанни Эльслеръ*, это неподражаемый Мартыновъ. За нимъ летать, сплшать, падаютъ— ноты, книги, новости, слухи, толки и сметни, всѣ созданія стоустой молвы. Подбирайте скорѣе, пока они не разрослись, какъ снѣжный комъ, въ гору, или не растаяли, какъ нашъ первый снѣгъ...

Вотъ и собрали мы всѣ новости; собрали не для себя, а для васъ, достопочтенный читатель! Раскрываемъ предъ вами картину волшебныхъ даровъ и, разумѣется, начинаемъ съ истинно волшебнаго,—съ оперы.

Хотя мы и лишились одного изъ лучшихъ украшеній нашей оперной сцены, хотя мы потеряли Борси, эту великую жрицу Мельпомены, всегда глубокую, всегда трогательную, всегда истинную и изящную представительницу лирической трагедіи, но все-таки наша оперная труппа остается одною изъ лучшихъ въ Европѣ. Не говоримъ о Тамбурини и Автри, не говоримъ о Фреццоллини и Сальви, этихъ старыхъ любимцахъ нашей публики; новыя пріобрѣтенія наши не менѣе замѣчательны. Гардони, прекрасный теноръ съ небольшимъ, но сильнымъ и выработаннымъ голосомъ, напоминаетъ собою счастливыя времена, когда насъ обворожали чудные звуки навѣки умолкнувшаго соловья-Рубини. Пѣніе Гардони дышетъ чувствомъ; вы не замѣчаете въ немъ ни усилія, ни *трудныхъ потоковъ*; все такъ естественно, такъ задушевно и повидному просто, что вамъ кажется, и вы споете не хуже. Въ немъ вы не найдете ни щегольства, ни изысканности. Грудной голосъ Гардони, какъ мы уже сказали, сильный, но небольшой, поддерживается и дополняется головнымъ (*falsetto, fausset*), и переходъ отъ одного регистра къ другому у него совершенно незамѣтенъ. Одного мы пожелаемъ-бы ему: болѣе силы и энергій въ речитативахъ! Во всякомъ случаѣ этотъ молодой, но замѣчательный пѣвецъ займетъ, по нашему мнѣнію, почетное мѣсто въ нашей труппѣ. Совсѣмъ противоположныя достоинства и недостатки встречаемъ мы у Колетти: онъ одаренъ отъ природы сильнымъ, звучнымъ, полнымъ баритономъ, переходящимъ даже въ регистръ чистаго баса, его голосъ гибокъ, ровень и одинаково полнокъ, какъ въ верхнихъ, такъ и въ нижнихъ нотахъ. Но пѣнію его вредитъ важный недостатокъ: нѣтъ трудностей, которыхъ онъ бы не преодолевалъ, но вы замѣчаете усиліе преодолѣть эти трудности; однимъ словомъ, хотя Колетти владѣетъ искусствомъ, но у него это искусство не обратилось еще въ натуру, какъ напр. у Тамбурини. Корбари имѣетъ чистый,

прекрасный, гибкій сопрано, и очень мила въ *Beatrice di-Тенда* и въ *Монтеки и Капулетти*; мы предсказываемъ ей успѣхъ въ партіяхъ Адальгизы (въ *Нормѣ*), Леди Ровены (въ *Templario*) и т. п. Тальяфико тоже весьма полезное пріобрѣтеніе для нашей оперы; голосъ его силенъ, обширенъ и обработанъ.

Теперь отъ искусства чисто духовнаго, дѣйствующаго только на душу, перейдемъ къ искусству пластическому, къ искусству чувственному, къ танцамъ. Здѣсь, какъ и въ пѣніи, есть своя ремесленная, рутинная сторона, изученіе которой необходимо для всякаго артиста, но которая не дѣлаегъ пикаго артистомъ. Преодолывать трудности, даже играть ими—ничего не значить, если это механическое совершенство не соединено съ граціею и изяществомъ, если оно составляетъ цѣль, а не служитъ только средствомъ для выраженія идеи или чувства. Трудныя руды, въ которыхъ голосъ какъ бы шутя пробѣгаетъ полторы или двѣ октавы, быстрые триллеры, эти каскады нотъ, не болѣе важны для искусства, какъ и смѣлые сальто-мортале или почти невозможные па на кончикахъ пальцевъ. Это приготовительная выправка, необходимая для свободной передачи идей, но не болѣе. Выше ея стоитъ самое искусство, состоящее въ чувствѣ, экспрессіи, выразительности, энергій. И потому-то рѣдки великіе артисты, что трудно, недостижимо трудно для посредственности—соединеніе всѣхъ условій, эта тѣсная связь матеріальной стороны искусства съ духовною. Все это длинное вступленіе почли мы необходимымъ для вѣрной оцѣнки таланта прославленной Фанни Эльслеръ, чарующей, обольщающей, увлекающей весь Петербургъ. Всѣ видѣли ее, всѣ восхищались ею въ Жизели, въ Мечтѣ художника, въ Ольгѣ, но не на всѣхъ произвела она одинаковое впечатлѣніе. Одни удивляются ея смѣлымъ антраша, ловкимъ пируэтамъ, ея гибкости, развязности или свободѣ и непринужденности въ движеніяхъ, тому, что такъ трудно выразить порусски и что итальянцы такъ полно и опредѣленно выражаютъ однимъ словомъ *disinvoltura*; другіе, не обращая вниманія на это,—въ восторгѣ отъ пластической красоты позъ и жестовъ, граціи движеній и отъ чарующей нѣги ея танцевъ. Мы согласны, что и тѣ, и другіе—правы, потому что важны плоды труда и ученья, важны дары щедрой природы; но мы выше всего ставимъ въ Фанни Эльслеръ ея чудную, полную чувства мимику, этотъ одушевленный разговоръ безъ словъ, доведенный ею до высокой степени совершенства. Въ мимику она оставляетъ далеко за собою другихъ танцовщицъ, владыкощихъ и совершенствомъ въ выдѣлкѣ па, и врожденною прелестью пластика; въ мимику—она царица безъ соперницъ! По этому-то такъ хороша она въ танцахъ характерныхъ

напр. въ качучь (el Zapateado), гдѣ все движенія, все позы ея дышатъ то любовью, то ревностью, то гнѣвомъ, то сладострастьемъ, гдѣ она все—чувство, все—пѣта, все—огонь. Это мапоза, это хитана, это турія, баадерка!

Но у насъ, въ Петербургѣ, не одно это чудо; есть и другія чудеса. Вотъ напр. *силь чудесъ свѣта!* Истинныя чудеса! Но по нашему мнѣнiю еще чуднѣе то, что рѣшаются смотрѣть ихъ послѣ прелестной панорамы Палермо или послѣ дiорамы Гропиуса. Но всехъ чудесъ не перечтешь. Возьмемъ хоть Пассажъ..... Чудо архитектурнаго искусства, чудо роскоши и великолѣбiя, чудо грамматическое... Какъ такъ? воскликнетъ иной цедовѣрчивый читатель; Пассажъ—грамматическое чудо?—«Точно такъ, милостивый государь! Между прочимъ и грамматическое. Вѣроятно, вамъ извѣстно, что Пассажъ значить проходъ, а между тѣмъ въ этомъ проходѣ рѣшительно проходу нѣтъ, разумеется, когда поютъ цыгане. Въ другое же время онъ оставался бы вѣрнѣе своему этимологическому значенiю, если бы кто-нибудь только проходилъ по немъ. Но кстати о Пассажѣ! Вотъ пассажъ, случившiйся съ однимъ нашимъ знакомымъ. Недавно, въ дождливую погоду онъ пробирался изъ Итальянской на Невскiй и, разумеется, ему пришло въ голову пройти черезъ Пассажъ. При входѣ съ него просятъ цѣлковый.—«За что, любезный?»—За входъ, сударь!—Какъ, за входъ? Да я только пройду и выйду!—Все равно-съ, пожалуйста рубль серебра-съ. У насъ поютъ цыгане!—Да что ты, любезный, чтобы я далъ рубль серебра за проходъ? Да я тебя за полтинникъ обойду по Садовой!» И нашъ чудакъ дѣйствительно обошелъ кругомъ, и въ добавокъ еще даромъ.

Охъ, ужъ эта намъ холера! О чемъ ни заговоримъ, а все сведешь на нее и даже противъ воли. И сколькихъ унесла эта незваная гостя! На одномъ Московскомъ театрѣ недосчитываемъ мы троицъ. Умеръ Стенавъ (Василій), отличавшiйся прежде въ роляхъ Маскарлей, Скапеновъ, Эргастовъ, этихъ плутоватыхъ слугъ старой комедii; но когда это ампула исчезло на нашей сценѣ, то онъ перешелъ въ разрядъ полезныхъ актеровъ (utilité). Умеръ и Волковъ, 20 лѣтъ умиравшiй на сценѣ, то старикомъ Жерманн, то старикомъ Моромъ. Умеръ также Амаговъ, одинъ изъ лучшихъ скрипачей Московскаго опернаго оркестра. Въ Петербургѣ же, холера унесла знаменитаго Лежара, любимца носѣтителей Цирка.

Но всего горестнѣе, всего тяжелѣе была потеря даровитаго Варламова, замѣчательнаго народнаго композитора, оставившаго намъ столько истинно русскихъ мелодiй.

«А что новаго въ литературѣ?» спрашиваетъ читатель. — Ничего, ровно ничего, кромѣ двухъ романовъ Вальтеръ Скотта: *Вудстокъ* и *Пероская красно-дѣвица* (?), напечатанныхъ въ Библіотекѣ для Чтенія. Кромѣ этого, можно развѣ упомянуть о *Двухъ Адмиралахъ*, романъ Купера, вышедшемъ въ порядочномъ переводѣ, да о *Полномъ собраніи сочиненій Хамльишицаго*, которое вскорѣ появится въ свѣтъ. Читатели наши, вѣроятно, съ удовольствіемъ прочтутъ въ этой книжкѣ Пантеона біографію этого даровитаго комическаго, писателя такъ долго дарившаго нашу сцену произведеніями пера своего.

Мы бы хотѣли еще распространиться о новыхъ произведеніяхъ нашей литературы, но увѣ! особенно замѣчательныхъ нѣтъ. Можно бы поговорить о журналистикѣ, но у насъ и свой журналъ свинцомъ лежитъ на сердцѣ. Впрочемъ, на счетъ его мы обязанностию считаемъ сказать нѣсколько успокоительныхъ словъ нашимъ подписчикамъ. Вѣроятно, каждый изъ нихъ убѣдился, по вышедшимъ доселѣ нумерамъ, что редакція Пантеона съ своей стороны употребила всю дѣятельность и добросовѣстность, какія только была въ ея силахъ: выборъ статей, слогъ, разнообразіе, дѣльное направленіе журнала, его объемъ, вѣщность и приложения свидѣтельствуютъ достаточно о томъ, что мы не сходили ни заботъ, ни огромныхъ издержекъ, чтобы выполнить передъ публикою болѣе, чѣмъ ей обѣщали. Но 1848 годъ, самъ по себѣ уже довольно несчастный, долженъ былъ обрушиться еще съ болѣею тяжестью на бѣдный Пантеонъ. Кто мало-мальски знакомъ съ техническою частию повременнаго изданія, тотъ очень хорошо пойметъ, что значить перенести срочную работу изъ одной типографіи въ другую, съ чѣмъ обыкновенно бываетъ сопряжено новое устройство и пригонка того, что уже прежде было устроено и въ ходу; а между тѣмъ мы три раза были *вынуждены* дѣлать подобныя переселенія. Холера выхватывала у насъ работниковъ изъ за наборныхъ кассъ, другіе бѣжали отъ станковъ, болѣе болѣзни и покидали даже совершенно городъ. Работа останавливалась. Нѣкоторые изъ сотрудниковъ и самъ редакторъ также были постигнуты болѣзнію, въ свою очередь. Теперь, для ускоренія дѣла, мы рѣшились выпустить два нумера вдругъ въ одной оберткѣ, въ полной надеждѣ, что никто на это не посягнетъ, видя объемъ книги, полноту ея содержащія, и зная, что мы уже прежде дали слишкомъ тридцать листовъ лишнихъ, противъ обѣщаннаго числа. Остальныя двѣ книжки уже почти окончены наборомъ и выйдутъ, какъ и послѣдняя въ самомъ скорѣйшемъ времени, вмѣстѣ съ музыкальнымъ кнпсекомъ. Независимо оттого, особенно печатается первый нумеръ

за будущій годъ, который, какъ и всѣ послѣдующіе нумера будетъ выпущенъ въ назначенныя для выхода числа, безъ всякихъ остановокъ. Многіе изъ подписчиковъ приносили намъ въ теченіе года жалобы, на недоставленіе къ нимъ нѣкоторыхъ нумеровъ, и на то, что въ иныхъ нумерахъ они не находили картинокъ. На этотъ счетъ мы должны однажды навсегда объясниться. Редакція всегда публикуетъ *отъ себя*, гдѣ принимаетъ подписку, она даже содержитъ для этого парочко въ Петербургъ и въ Москвѣ *конторы*; несмотря на то, многія лица подписываются въ другихъ мѣстахъ и высылаютъ деньги не въ конторы и не въ редакцію. Эти мѣста не доставляютъ ни списковъ пренумерантовъ, и что еще хуже — *не выплачиваютъ своевременно полученныхъ или денегъ*, отчего происходятъ остановки и замѣшательства.

Притомъ порядокъ заведенъ такой: редакція на четвертый день по выходѣ журнала, задржавъ его въ конвертъ и обклеивъ бандеролью, съ адресомъ каждого подписчика, доставляетъ потребное количество въ Газетную Экспедицію С. П. Почтамта, откуда въ пріемъ ихъ и получаетъ расписки. Но редакціи было бы особенно пріятно удовлетворять всѣмъ малѣйшимъ желаніямъ своихъ подписчиковъ, и потому она рѣшилась на будущее время всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя выпишутъ журналъ прямо изъ *редакціи* или изъ *петербургской конторы*, въ случаѣ жалобы на недоставку книжки или картинки, безъ всякихъ справокъ, немедленно *пошлетъ ихъ вновь*. Другія-же лица, подписавшіяся въ иныхъ мѣстахъ, должны будутъ съ требованіями и жалобами своими обращаться туда, откуда ими выписанъ журналъ, а редакція ответственности за несправность этихъ мѣстъ на себя принять не можетъ.

СМѢСЬ.

ОБѢДЪ ВЪ БАСТИЛЬ.

Извѣстно, что Мармонтель былъ челоѣкъ очень добрый и услужливый, въ особенности же верный данному слову. Эти похвальные качества не разъ вводили его даже въ бѣду; такъ, напримеръ, когда пріятель его, Де-Кюри, сочинилъ свой знаменитый пасквиль на герцога Домона, въ видѣ пародіи на сцену Августа съ Цинною и Максимомъ, общее мнѣніе приписало это произведение Мармонтелю, и онъ, чтобы не измѣнить слову и не выдать друга, принялъ на себя отвѣтственность за это произведение; даже бастиль не испугала его; онъ преспокойно пошелъ въ ея грозныя стѣны. Но у Мармонтеля, кромѣ другихъ свойствъ энциклопедистовъ, была и та слабость, общая его собратамъ, что онъ любилъ хорошо покушать; поэтому, когда опустился передъ нимъ подъемный мостъ бастильи, какъ не одобряя совѣсть его великодушнаго поступка, желудокъ сильно заговорилъ противъ этого пренебреженія его правъ и требованій.

Какъ повичекъ въ тюремной жизни, незнакомый съ тайнами грозной бастильи, Мармонтель

сталъ съ трепетомъ припоминать, что онъ слыхалъ о ея ужасахъ, о звѣрскомъ жестокосердіи тюремщиковъ и въ особенности о лишешіяхъ всякаго рода, которыми подвергались въ ней заключенные. Съ отчаяніемъ сравнивалъ онъ вкусныя обѣды у Лапоньера съ скудною трапезою, ожидавшею его въ новомъ жилищѣ; онъ былъ увѣренъ политеатурнымъ преданіемъ, что ему непремѣнно придется сидѣть на хлѣбѣ и на водѣ. Не менше его отчаявался его слуга, Бюри, котораго ему позволено было взять съ собою. Не имѣя философскаго взгляда на вещи своего господина, онъ имѣлъ такую же склонность къ гастрономическимъ наслажденіямъ и потому вслухъ жаллъ объ огаткахъ и крохахъ того роскошнаго стола, о которомъ баринъ его скорбѣлъ про себя, забывъ стоицизмъ и честь. На голодный желудокъ самый глубокій мыслитель мигомъ запоетъ пѣсню. Бюри смекинулъ это и, въ полной увѣренности, что баринъ выслушаетъ его размышленія и даже одобритъ ихъ, по крайней мѣрѣ, безмолвіемъ, вопилъ жалобнымъ голосомъ:

— Что же, сударь, къ добру повело васъ ваше благородство!.. Можете порадоваться своему великодушю. Вотъ теперь голодай себя изъ - за вашей чести, а г. Де-Кюри, который, благодаря ей, вышелъ сухъ какъ гусь изъ воды, пируетъ себя, да пожалуй еще посмѣивается надъ вами. Будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы покался въ своей добротѣ, и ужъ съумѣлъ бы помочь горю. Чѣмъ ближе къ объденному часу, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что у кого хорошій желудокъ, тому должно быть не до одолженій.

Мармонтель вздохнулъ.

— И есть отчего вздохнуть, продолжалъ Бюри. Это значить, сударь, что вы меня теперь поминаете; вретъ пословица, будто голодный совѣтовъ не слушаетъ; тутъ - то, напротивъ, и выслушаетъ совѣтъ добраго человека.

Мармонтель опять вздохнулъ, какъ человекъ, котораго рышность сильно потрясена, и который готовъ уже признать правило, что на голодный желудокъ глупо слушаться совѣсти.

— Ей-Богу, сударь, сказалъ Бюри, тронутый почти до слезъ: мнѣ больно смотреть на васъ. Право, еще не много, и я не вытерплю, не допусу, чтобы вы были невинною жертвою своего добраго сердца. Говорите, что хотите, но я открою истину... не хочу, чтобы вы добровольно осуждали себя на хлѣбъ и на воду. Боже мой! намъ ли, такимъ охотникамъ пожить и поѣсть, привыкшимъ къ роскошному столу откупщиковъ, сидѣть на хлѣбѣ и на водѣ?

Не успѣлъ онъ кончить своей гастропомнической іереміады, какъ вошли два поваренка, въ курткахъ и картузахъ неукориченной бѣлизны, вежливые, веселые, словомъ, болѣе похожіе на поваровъ щедраго вельможи, чѣмъ

на тюремныхъ служителей. Одинъ изъ нихъ поставилъ передъ Бюри маленькій столикъ, накрылъ его бѣлоснѣжною скатерью; другой поставилъ на столъ серебряный приборъ и нѣсколько блюдъ. — Вотъ вашъ обѣдъ, сказали они: потомъ почтительно поклонились и вышли.

Бюри едва вѣрилъ глазамъ; это явленіе казалось ему обманчивымъ сномъ, и только ароматный дымокъ, вырывавшійся изъ накрытыхъ блюдъ, убѣдилъ его въ дѣйствительности всего имъ видѣннаго. — Право, сказала онъ; эти повара слабые люди; имъ бы быть хоть не въ бастильи... опрятны, обѣдъ ихъ хорошо пахнетъ, и они чуть даже не поклонились мнѣ; такой въжливости я не видалъ и у Дамплиньера. Впрочемъ, они, должно быть, приняли меня за васъ, сударь; забились вы тамъ въ уголочекъ, такъ что васъ и не видать; смотрите, и столъ-то поставили передо мною... завалили меня блюдами по уши. Полно же вамъ сокрушаться, садитесь за столъ и кушайте, отъ обѣда такъ слюнки и текутъ... покушайте, такъ горе какъ рукою сжимать... а если отъ вашего узническаго аппетита уцѣзаютъ какіи крохи, не забудьте обо мнѣ.

Мармонтель сѣлъ за столъ, не дожидаясь конца этого краснорѣчиваго увѣщанія; открылъ поочередно каждое блюдо, и лицо его озарилось улыбкою блаженства. Обѣдъ былъ, впрочемъ, очень не прихотливъ: гороховая похлебка, бѣлые бобы, свѣжая треска — и все тутъ; по все это казалось такъ вкусно, вокругъ струилось такое ароматное, янтарное масло, что Мармонтель, неразбирая состава этого неожиданнаго обѣда, съ восхищеніемъ вдыхалъ его горячій паръ. Ни-

когда не бывалъ онъ такъ счастливъ даже за роскошнымъ столомъ самыхъ богатыхъ вельможъ. Когда человекъ голоденъ, и къ тому еще сидитъ въ тюрьмѣ, всякій обѣдъ покажется ему ниромъ, только бы не хлѣбъ съ водою; эти же бобы напомнили поэту веселые обѣды давно прошедшихъ лѣтъ, когда онъ еще былъ въ Морлакскомъ училищѣ: съ любимыми нѣкогда кушаньями, воротился и аппетитъ счастливой юности. За то онъ не задумался: въ одно мгновеніе не стало блюда бобовъ.

На этотъ разъ за Бюри была очередь вздыхать и унывать; бѣдняжка рассчитывалъ на остатки: это была единственная его надежда; когда же бобы исчезли, ему оставалось только просить Бога, послать ему нѣсколько крохъ трески; да и тутъ боялся онъ, что баринъ пожалуй всю улетитъ. Такъ и случилось, и онъ убѣдился, что голодный желудокъ не слушаетъ просителей. Проявившись за рыбу, Мармонтель не покидалъ ея, пока не очистилъ блюда такъ же исправно, какъ и блюда бобовъ; бѣдный Бюри, не спускавшій съ него глазъ и вздыхавшій при каждомъ кускѣ, который баринъ его съ восхищеніемъ подносилъ ко рту, съ отчаяніемъ видѣлъ, какъ исчезла послѣдняя кроха сочной трески, такъ манившей его чуднымъ запахомъ чеснока и другихъ приправъ.

— Надо признаться, сказалъ Бюри: что досада и печаль не отнимаютъ у васъ аппетита, и что вы не злопамятны: отъ тюремщиковъ принимаете обѣдъ также охотно, какъ отъ пріятелей. Но такъ какъ я совершенно одного съ вами праву и живемъ мы на однахъ харчахъ, то это мнѣ очень невыгодно. Вы принуждаете меня жалѣть о томъ, что я

давеча такъ старался утѣшать васъ: потому-что теперь вижу, что утѣшенія слишкомъ изощряютъ вашъ аппетитъ. Теперь даже жалю о черномъ хлѣбѣ, котораго вы такъ страшились; по крайней мѣрѣ вы оставили бы мнѣ кусочекъ; а право кусокъ чернаго хлѣба все-таки лучше, чѣмъ ничего.

На все это Мармонтель отвѣчалъ эгоистическою улыбкою и увѣщаньями, терпѣливо спосить голодъ. Бюри отъ того было не легче, и онъ возобновилъ бы свои сътованія, если бы въ эту минуту не вошли два поваренка съ обильнѣйшею еще пошею, чѣмъ прежде; за ними шелъ еще третій слуга съ виномъ и ликерами.

Они опять накрыли столъ, поставили на него множество блюдъ, и сказали: «Вотъ обѣдъ господину Мармонтелю.»

— Какъ мой обѣдъ?

— Такъ точно, сударь.

— А для кого же былъ давишій? спросилъ Бюри, и лучъ надежды проникъ въ его сердце.

— Для васъ, отвѣчали поваренки и вышли.

— То былъ мой обѣдъ, сударь, сказалъ Бюри съ торжествомъ: вы изволили его скушать, понимаете?.. теперь вотъ вашъ обѣдъ, и... понимаете?

— Справедливо, отвѣчалъ Мармонтель: я не имѣю никакого права.

— А я такъ имѣю полное право, не по личному достоинству, а по аппетиту.

И счастливецъ, не говоря болѣе ни слова, припалъ живо улетать блюдо за блюдомъ, и вознаграждать себя за долгое терпѣніе. А отъ обѣда, надъ которымъ онъ трудился, потекли бы слюнки у человека не такъ голоднаго и болѣе избалованнаго. Судите сами: чудесный супъ, кусокъ соч-

ной говядины, кусовъ пулярдки, плававшей въ жирѣ и таявшей на языкѣ, блюдо жареныхъ артишокъ, прекрасная груша, свѣжій виноградъ, бутылка стараго бургонскаго, — а кофе и ликеры не въ счетъ.

Къ-печасстью, Мармонтель въ другой разъ уже не ошибся. Этотъ обѣдъ былъ единственнымъ для бѣднаго Бюри, и онъ долго помнилъ его и не разъ говаривалъ своимъ пріятелямъ въ лакейской: — Э, брагцы! чтобы хорошо пообѣдать, надо посидѣть въ бастиль! ужъ тамъ такъ накормятъ, что всю жизнь будешь пальчики облизывать.

ГОФМАНЪ.

(*Фантастическій рассказъ Жюль-Жанена.*)

Онъ жилъ бѣдно, скромно и тихо, а между тѣмъ весь Берлинъ зналъ его, и ни онъ, ни городъ неподозрѣвали этого взаимнаго знакомства. Берлинъ зналъ Гофмана, неподозрѣвалъ, что Гофманъ великій человекъ; Гофманъ же, съ своей стороны, душою отдавался своему любезному городу, недумая, что городъ не спускалъ съ него глазъ. И какъ же имъ не понимать другъ друга? Городъ пріютитъ его подъ своимъ веселымъ кровомъ, тышилъ его своимъ шумомъ, своею тишиною, своимъ музыкальнымъ волшебствомъ; Гофманъ же, съ своей стороны, придавалъ городу свою поэзію, свой разсудокъ, свое плодovitое пылство, свои загадочныя созданія, свою причудливую философію; онъ придавалъ городу всего

Гофмана; съ другой стороны, весь Берлинъ принадлежалъ Гофману. Между ними былъ союзъ: они связаны были другъ съ другомъ душой и сердцемъ. За то, какъ удивился, какъ смутился Берлинъ, когда вдругъ заграничныя книги доказали ему по пальцамъ, что онъ не зналъ Гофмана!

Не трудно же мнѣ было отыскать квартиру Гофмана. Съ перваго шагу въ Берлинъ вы были у него; чѣмъ квартира его была скромнѣе и уединеннѣе, тѣмъ дальсѣе была она видна. Онъ жилъ въ самомъ многолюдномъ концѣ города, въ этой дивной атмосферѣ голосовъ и поэзій, среди этихъ гармоническихъ звуковъ и табачныхъ облаковъ. Я прямо пошелъ къ нему, никогда не бывавши у него, и едва я вошелъ въ комнату, тотчасъ узналъ поэта Гофмана, хотя никогда не видалъ его. Боже мой! что за табачныя облака! что за беспорядокъ! какія груды книгъ, нотъ, всякаго рода инструментовъ! трубокъ всевозможныхъ ростовъ. Тутъ контробасъ нѣжно опирался на альтъ; тамъ недоконченная карикатура закрывала до половины недоконченную партитуру; тутъ проза, тамъ стихи; тутъ полная бутылка, а тамъ, въ углу, порошкѣ; а кругомъ, по стѣнамъ, тысячи уморительныхъ, кривляющихся харъ. Все это недоконченные эскизы, шутки, фантазій, зародыши, опыты, отрывки, цѣптяки; но все это принадлежало Гофману. Должно, впрочемъ, сказать, что я все видалъ въ этой комнатѣ: и пыльный столъ, шатавшійся на ногахъ, какъ самъ хозяинъ, и недопитые стаканы, и лоснящійся дубовый буфетъ, и желѣзную рѣшетку передъ каминномъ, и фонарь подъ потолкомъ.... видалъ все, что можно было видѣть у Гофмана, кромѣ постели Гофмана.

Да еще вопросъ: была ли у

Гофмана постель? знаю только, что у него было чудесное кресло, просторное и удобное, обитое кожей, на которой красовались золоченныя некогда головки гвоздей; опъ сидѣлъ, лѣживо растянувшись въ креслѣ, перекрестивъ ноги и мечталъ, пуская густыя клубы дыму. А лицо его было такъ приветливо, такъ весело, такъ безпечно, такъ наивно, словомъ, это былъ нашъ добрый, нашъ безцѣнный пріятель, нашъ плутъ, нашъ музыкантъ, нашъ сказочникъ, нашъ пьяница, нашъ простодушный, дивный Гофманъ!

Я поздоровался съ нимъ, какъ будто видѣлся съ нимъ не далье, какъ наканунѣ; опъ отвѣчалъ на мое привѣтствіе, и потомъ сказалъ: «Садись здѣсь, да смотри, не раздави моего кота.» И опъ указалъ мнѣ на другое кресло, на которомъ лежалъ огромный черный котъ — совершенно черное, свернутое въ клубокъ, гадкое животное, лежавшее неподвижно и, по-видимому, погруженное въ глубокой сонъ.

Всѣ эти шмцы помѣшаны на кошкахъ; я же глажу кошку только тогда, когда исцѣля отъ этаго уклониться. Неспящую кошку, еще туда сюда; она играетъ, скачетъ, крутитъ спину; съ нею можно поздороваться, изъ угожденія къ ея господину, когда опъ называется Бетховеномъ или Гофманомъ. Но когда кошка спитъ, лежитъ неподвижно, свернувшись въ клубокъ, и хранитъ во всю кошачью мочь... прошу покорно погладить этого дикаго звѣря, который, того и смотри, что проснется, вытащить изъ бархатныхъ лапокъ свои острые когти, и выпарываетъ вамъ глаза! Признаюсь, меня всегда беретъ страхъ передъ такимъ чудовищемъ. Мнѣ всегда приходится въ голову пословица:

«въ тихомъ омутѣ черти водятся!» И я убѣжденъ, что спящій котъ самый страшный изъ омутовъ. По-этому я съ трудомъ рѣшился състь въ одно кресло съ котомъ Гофмана.

— Садись же подлѣ моего кота, сказалъ мнѣ Гофманъ; и кто бы ты ни былъ, будь увѣренъ, что тебѣ не придется краснѣть. Если ты смѣлый волокита, перебѣгающій между двадцатью любовницами, хитрый плутъ, таскающійся сверху внизъ, и снизу вверхъ, со двора на крышу и съ крыши на дворъ, съ чердака въ подвалъ, съ дому на домъ.... жаль мнѣ тебя, но ты долженъ уступить первое мѣсто моему коту; это самый неутомимый, самый неустрашимый, самый пламенный волокита! и какъ непостояненъ, какъ измѣнчивъ! Усамого Донъ - Жуана не такъ остры когти; не умѣетъ опъ такъ подкрадываться, не такъ опъ принареженъ, не такъ причесанъ и не такъ чутокъ у него носъ. Самъ Донъ - Жуанъ, да Монарховъ Донъ - Жуанъ не поютъ такихъ трогательныхъ пѣсень подъ окнами своихъ любовницъ. И такъ, если ты, какъ мнѣ кажется, еще на цвѣтущемъ пороѣ юности, и поклонникъ чувствъ, привѣтствуй моего кота, твоего соперника и побѣдителя, и проси у него позволенія състь подлѣ него.

Тутъ опъ прервалъ свою рѣчь, чтобы сказать: «Вынемемъ!» Когда мы выпили, опъ продолжалъ: — О мой котъ, мой Донъ-Жуанъ! Но слушайте: опъ не только Донъ-Жуанъ волокита, опъ и Донъ-Жуанъ политикъ. Вы, можете быть сами политикъ, сударь, почему знать? Такъ привѣтствуйте же моего кота... вотъ великій - то дипломатъ! ужъ какъ умѣетъ играть своимъ противникомъ, вотъ мастеръ! Другаго та-

кого топкого полигика и не сыщите. Самого Талейрана учить можете, и М. па дняхъ еще просилъ у меня одного изъ его котятъ.

И такъ, если вы дипломатъ, садитесь некраснѣя подлѣ моего кота. — Но выпьемъ...

Мы выпили, и онъ продолжалъ:

— Вотъ видите, пока у васъ не будетъ трубки въ губахъ и стаканъ въ рукѣ, я не могу быть съ вами совершенно свободенъ. Стаканъ въ рукѣ — это единственное привѣтствіе, какое я признаю; почканіе стакановъ, вотъ единственный всемірный языкъ; онъ переливаетъ мои мысли въ ваши, мой мозгъ въ вашу голову, и вашъ мозгъ въ мою голову, какъ бордо переливаютъ въ старую бутылку тоганисбергу. Что касается трубки, табачный дымъ единственное одѣяніе, въ которомъ я могу припятъ и признать друга. Вино мысль, а дымъ обочка мысли; истина не должна являться пагачъ; а вы, вѣроятно, слыхали, что вино есть истина; дайте же истинъ, почерпавшей въ винѣ, самой лучшей простой и легкой изъ истинъ, широкой, волнистой покровъ изъ табачнаго дыму — и она вамъ явится прекрасною и обворожительною, полною любви и блеску; возьми же трубку, и осѣнишь дымомъ, какъ Виргинія осѣняла Павла своимъ дѣвственнѣмъ покровомъ. Возьми трубку и протяни свой покровъ надъ моею головою; мы будемъ братьями, если хочешь; но ты долженъ пить и курить, если хочешь, чтобы я говорилъ съ тобою, какъ съ братомъ.

Я, между тѣмъ, набилъ трубку и закурилъ ее; она запылала и заискрилась, какъ волканъ.

— Чортъ возьми! сказалъ Гофманъ: не ждалъ я такой удали отъ

вашего брата француз! Но что изъ того, что вы умѣете нынче закурить трубку? это доказываетъ только, что мы быстро идемъ къ всемірному просвѣщенію и что Европа преусиживаетъ съ каждымъ днемъ.

Тутъ Гофманъ замолчалъ и только тогда, когда облако дыму вокругъ насъ сгустилось до того, что пельзя было различить даже чернаго кота, онъ снова продолжалъ:

— И такъ, я говорилъ тебѣ, что мой котъ, мой Дошь-Жуанъ, мой Талейранъ, заслуживаетъ твоего уваженія въ двоякомъ отношеніи: какъ юноша и какъ мужъ, какъ волокита и какъ дипломатъ, какъ краенобай и какъ человекъ себѣ на умѣ. Если же ты просто поэтъ, чего въ наше время за молодыми людьми не водится, скажу тебѣ опять: котъ мой еще болѣе поэтъ, чѣмъ ты: онъ читалъ Гёте и знаетъ Фауста наизусть! онъ въ полночь ѣздитъ на шабашъ верхомъ чортъ знаетъ на чѣмъ; братается съ летучими мышами и вѣдьмами, совершаетъ всякія нечистыя заклинанія; задумчиво смотритъ на луну и звезды. Пудель доктора Фауста противъ него щелчокъ. Котъ мой у меня ужасный поэтъ! онъ и воркуетъ, и мяучитъ! поэтъ элегическій и бѣспующійся! поэтъ, какихъ теперь любятъ и какимъ поклоняются! И такъ, если ты поэтъ, садись некраснѣя подлѣ Гофманова кота.

— Ей Богу, возразилъ я: я не поэтъ, точно также и не волокита, и не дипломатъ; и потому не достоинъ сидѣть рядомъ съ вашимъ котомъ! я просто...

— Постойте, перебилъ Гофманъ: постойте! Вы, можетъ быть, сказочникъ... бѣдный шутъ, обрѣкшій свою голову всевозмож-

нимъ пыткамъ, чтобы придумать небывалыя приключенія для того, чтобы позабавить часа на два равнодушныхъ читателей. Вы писатель, не такъ ли? и стыдитесь своего званія. Чего же тутъ стыдиться, ради Бога? люди не сами выбираютъ себя удѣлъ; кто знаетъ, чѣмъ ему суждено быть? вы прозаическій писатель, сочинитель повѣстей! Хорошо! но котъ мой также писалъ повѣсти, написалъ даже предисловіе... не прикажете ли прочесть его предисловіе.

И онъ опять повторилъ свой призывъ: «Вышьемъ!» Потомъ онъ прочелъ мнѣ предисловіе, сочиненное котомъ. Въ этомъ предисловіи, какъ вы сами увидите, черныи котъ, кажется, разговариваетъ съ своимъ баринномъ. Вотъ это предисловіе:

— «Скажите мнѣ, что это за заклеянная формула заклинанія, которую сочинители имѣютъ обыкновеніе заключать свои предисловія: «Теперь мое любезное дѣтище ступай совершать жребій, который судила тебѣ судьба!» Дѣйствительно, это воззваніе весьма естественно, и отъ того вошло въ обычай сравнивать умственные рожденія съ физическими рожденіями.»

«На тѣхъ и на другихъ лежитъ бремя перваго грѣха, то есть, тѣ и другія сопровождаются одинакими, физическими и духовными страданіями, родительскою радостью и порядочнымъ количествомъ слѣпой любви въ родительскъ рожденному существу.»

«На самомъ дѣлѣ, впрочемъ, не дѣтя пускаетъ въ свѣтъ авторъ оконченной книги, а уже взрослого челоуѣка, котораго внѣшняя и внутренняя организація всѣмъ открыта.»

«Со всѣмъ другое дѣло сочине-

ніе только-что начатое, какъ то, о которомъ идетъ рѣчь здѣсь. Издатель строить, какъ умѣетъ, хорошенькую колыбельку; редакторъ кладетъ въ нее зародышъ, и какъ скоро въ немъ зароилъ бы жизнь, бѣжитъ искать новому гражданину міра крестныхъ отцевъ, которые, какъ добрые, почетные отцы, стараются, чтобы новорожденному не было недостатка ни въ ходѣ, ни въ пищѣ, ни въ воспитаніи. Находясь всегда на глазахъ воспріемниковъ, младенецъ можетъ расти и развиваться по своему. Идетъ безпрестанныи пиръ и дѣло воспріемниковъ, столь щедрыхъ на пиры, пещись о томъ, чтобы кушанья были всегда вкусны; чтобы вина были полны благороднаго, живительнаго огня; чтобы гости не уходили съ пира и, наконецъ, чтобы самому младенцу, занимающему первое мѣсто за столомъ, была подаваема укрѣпляющая, удобоваримая пища, способная сдѣлать изъ него вскорѣ здороваго, крякага мужа.»

— Такъ вотъ предисловіе вашего кота! сказалъ я: я бы это угадалъ, потому-что такъ много говорится въ немъ о пирахъ и объѣдахъ, и крестныхъ отцахъ и матеряхъ, закармливающихъ крестника.—

Но, увѣ! я и не то, что вы теперь полагаете: я не рассказчикъ, какъ и не поэтъ; извините меня! — Что же вы такое? вскричалъ Гофманъ съ сильнымъ безпокойствомъ.

— Я критикъ, отвѣчалъ я: и изъ худшей породы критиковъ... музикальный критикъ.

При этихъ словахъ ужасъ изобразился на лицѣ моего поэта; я не понималъ, что значить этотъ страхъ и это изумленіе. Глядя на него, можно бы вообразить, что передъ нимъ какой-то невѣдомый, страшный звѣрь, какая-нибудь ядовитая змѣя. Въ ужасѣ онъ выро-

нявъ изъ рукъ недопитый стаканъ и изъ зубовъ недокуренную трубку, и сказала своему коту: — Иди прочь, дружокъ, иди прочь, мой красавчикъ! — Это значило въ другихъ словахъ: — Иди прочь, не садись подлѣ этого чудовища. . . . это музыкальный критикъ.

Потомъ онъ обратился ко мнѣ и сказалъ: Милосивый государь, если вы музыкальный критикъ, то это другое дѣло.

Тутъ онъ замолчалъ, пѣсколько минутъ смотрѣлъ на меня, какъ на дикаго звѣря, и наконецъ продолжалъ:

— Стало быть, вотъ одинъ уже въ моихъ рукахъ, одинъ изъ тѣхъ критиковъ, которыми наводнена нынче вся Европа, которыхъ злобная рѣчь раздается непрерывно послѣ каждаго музыкальнаго произведенія, заглушая своимъ пустымъ звономъ и увертюру, и финаль, и всѣ мѣдные инструменты въ оркестрѣ. О несчастное, несчастное существо музыкантъ, которому возникъ этотъ новый врагъ, музыкальная критика! Несчастный художникъ! за тѣмъ ли душа твоя была такъ полна божественнаго вдохновенія? За тѣмъ ли, чтобы тебѣ сдѣлаться добычею музыкальнаго критика? Когда ты предавался своему драматическому огню, изливалъ наружу все, что въ тебѣ было жалости, ужаса, вѣги, любви, за тѣмъ ли это было, чтобы подпасть подлѣ анатомическй ножъ музыкальной критики? Несчастный! когда ты писалъ, гений музыки осѣнялъ тебѣ своими могучими крылами и освобождалъ тебя отъ оковъ, которыми цѣловкѣ стихи сковывали по временамъ твой полетъ, но не могли его остановить, потому-что все это истекло изъ этой поэтической мысли, влекло тебя силою въ горніе предѣлы. Любовь, вѣгу, всякаго рода

стремленія, пенависть, счастье, раскаяніе — ты все испыталъ, все почувствовалъ въ царствѣ звуковъ, и сердце твое, въ порывѣ восторга, видѣло небесныя явленія во всѣхъ явленіяхъ земли. По крайней мѣрѣ, я полагаю, что въ святые часы вдохновенія тебѣ дано было постигать музыку, какъ велитъ понимать ее разумъ. И все это для того, чтобы быть тебѣ добычею музыкальному критику!

И Гофманъ сѣлъ за фортепиано, и со слезами на глазахъ сыгралъ увертюру *Ифигеніи*. — «Что скажете объ этой музыкѣ господинъ музыкальный критикъ?» — Потомъ онъ продолжалъ начатый съ самимъ собою разговоръ:

— «Бѣдный, честный музыкантъ! воздвигай на воздухъ свое музыкальное зданіе, вооружай его бастионами и башнями, окружай глубокими рвами, освѣщай роскошныя залы, одѣвай нажей и слугъ, веди за руку прекрасныхъ дамъ. . . и все для того, чтобы критика однимъ духомъ разнесла твой воздушный замокъ. О мой любезный композиторъ! я знаю: ты построилъ прочное зданіе и, разумется, знаешь почему въ поэтическомъ вдохновеніи построилъ его такъ, а не иначе. А теперь смотри, вотъ твое твореніе на анатомическомъ столѣ, подлѣ безжалостными руками прозектора. . . твое твореніе, которое ты создалъ для доброжелательной души, которое ты съ такою любовію одѣвалъ, наряжалъ, украшалъ, золотилъ. . . Несчастный! это дѣтище твоего гения раздерутъ передъ тобою на кровавыя лохмотья, и анатомъ торжественно объявитъ, что онъ нашелъ замѣчательнаго въ этомъ трудѣ, откроетъ всѣмъ взорамъ всѣ невѣдимыя сначала извороты и тайны этого чудеснаго зданія. . . И не увѣрай, что отрадно видѣть под-
верженнымъ анализу, будто арно-

метическую задачу, то, что ты мыслить и чувствовал. Не говори, будто рѣдкое счастье быть поняту дружескимъ умомъ не позволяетъ досадовать на этотъ щепетильный разборъ!.. Ты принадлежность анализа, ты добыча музыкальнаго критика; сложи голову и покорись! Бѣднякъ, напрасно ты думаешь бороться: не быть тебѣ побдителемъ.— у тебя одинъ гений. Представь себѣ, мой другъ, свое произведение прекраснымъ деревомъ, которое, родившись изъ слабаго зерна, раскинуло высоко въ небесныя свои роскошныя вѣтви, покрытыя блестящими цвѣтами; а подѣй него нѣсколько челоувѣкъ любопытныхъ дивятся, какъ могло дерево такъ чудесно разростись, и вотъ идетъ къ нимъ мой критикъ, который можетъ посредствомъ критикн дать имъ силу прозрѣть въ недра земли, будто сквозь стекло; они видятъ зернышко, и убѣждаются, что роскошное дерево родилось изъ этого зернышка. Этого мало; они увидятъ, что все дерево, стволъ, листья, цвѣты не могли принять ни другой формы, ни другаго цвѣта, и они скажутъ, благодаря критику, это дерево не иное что, какъ мелкое зернышко.

Такъ - то все искажается. Мы музыканты, сначала терпѣли и даже поощряли критику, потому что дѣльная критика можетъ просвѣтитъ толпу въ такихъ пунктахъ, которыхъ она иначе не поняла бы и даже не замѣтила. Нѣтъ сомнѣнія, что добросовѣстная критика можетъ научить понимать музыку; этому можетъ научиться каждый, у кого есть природная способность; но создавать другое дѣло; этому не научишься, потому что тутъ требуется ничтожеусловие, о которомъ одинъ честный ветеранъ музыки очень учтиво писалъ молодому вельможѣ, умо-

лявшему его ради Бога, открыть ему тайну— очаровать миръ великимъ музыкальнымъ произведеніемъ. Старый маэстро отвѣчалъ: «Если бы ваша милость изволили записать гениемъ, остальное было бы пуэтыакъ.»

Наконецъ, надо тебѣ сказать, любезный композиторъ, продолжалъ Гюфманъ, ведя рѣчь съ самимъ собою, какъ будто меня уже не было въ компань: что мнѣ все сдается, будто крохотные папѣвцы, полонезы и менуэты, если бы они не вышли уже изъ моды, часто гораздо лучше выдерживаютъ этого рода критику, чѣмъ многія сочиненія, которыя прослушиваются нѣсколько часовъ. Цѣлая связка сучьевъ, зарытыхъ въ землю, еще не есть дерево, полное жизни и силы.

«Критикуйте польскіе, фантази, вариаци, балеты, разбирайте романсы, душите вальсы въ своихъ ученыхъ разсужденіяхъ; на это хватить вашего музыкальнаго знанія; но говорить о великихъ произведеніяхъ искусства предоставте намъ, музыкантамъ; это наша собственность, наша жизнь. Что можетъ быть отраднѣе, какъ говорить на свободѣ объ искусствѣ, которому посвятишь всю жизнь; а часто ли дается намъ это счастье? Говорить лучше, чѣмъ писать; но приходится, разумеется, писать, потому-что нѣмцы скорее найдутся люди, готовые читать, чѣмъ слушать, въ особенности же слушать музыкантовъ; болѣе людей согласныхъ слушать музыку, чѣмъ рѣчь; въ особенности же никто не любить, ни въ рѣчи, ни въ музыкѣ, слишкомъ смѣлыхъ отступлений, въ которыхъ крылатая рѣчь слишкомъ охотно увлекается. Пишущій, однако-же, пусть старается, чтобы неодушевленная буква имѣла силу казаться одушевленною уму читателя, чтобъ имѣть къ нему доступъ

Тут Гофманъ опять остановился и взглянул на меня насмѣшливо. — О, продолжалъ онъ: вотъ я и самъ едва не сдѣлался музыкальнымъ критикомъ! самъ едва ли не далъ преимущество слову передъ музыкою, и чуть не пустился судить о сочиненіяхъ навѣтеръ! Что можетъ быть неспосибе, говоришь ты, такихъ разсужденій? Твое замѣчаніе совершенно справедливо, въ особенности, когда эти разсужденія писаны слогомъ романческаго героя. Гильдегардъ фонъ Гогенталь какойнибудь толкуеть своей вельможной ученицѣ, въ которую онъ невольнымъ образомъ влюбленъ, математическую часть теоріи музыки такъ нестерпимо скучно, что непонимаешь терпѣнія дѣвушки слушать эту учепую чепуху! Всему надо знать мѣру и мѣсто. Строится ли домъ, нужны лѣса; но глупо было бы вообразить, что слава архитектора заключается не въ зданіи, а въ лѣсахъ.

Тутъ онъ поклонился ко мнѣ ласково и дружески сказалъ: «Хочешь знать всю тайну критики? Есть известная манера говорить о музыкѣ (письменно или изустно), которой для посвященнаго достаточно, и которая въ тоже время доступна тѣмъ, которые наполняютъ предвѣртіе храма. Она можетъ даже полюбиться послѣднимъ и, мало-по-малу, они также станутъ не чужды благодати, не имѣя надобности облачатся въ греческую ризу.

Никакое искусство, а тѣмъ болѣе музыка, не терпитъ педантизма, и въ которое вольнодумство есть, но большей части, принадлежность гевія. Какойнибудь старый парикъ иной разъ краснѣеть октавнаго хода, будто непристойной рвни. Чтобы сказалъ Кирнбергеръ о гармоническихъ комбинаціяхъ Моцарта? Объ инструментовкѣ его ужъ и говорить нечего.

Тамино преслѣдуетъ, сквозь огонь и воду, звуки флейты и литавръ, а трубы гармонически акомпанируютъ его *pianissimo*.

Дѣло известное, что весь арсеналь деревянныхъ и мѣдныхъ инструментовъ прогоняетъ нынче вкусъ сквозь пытку огня и воды; а арсеналь этотъ съ каждымъ днемъ умножается новыми странными изобретеніями, напримѣръ, валторнами о клапанахъ, офиклеидами, и проч. и проч. которые все производятъ прекрасные эффекты своими диссонансами.

Извѣстно также, что нынче духовымъ инструментистамъ не дается минуты покою, и что каждый изъ нихъ молитъ Бога дать ему грудь знаменитаго племянника Римона или того заколдованнаго молодца, который изъ-за восьми миль приводилъ въ движеніе шесть вѣтряныхъ мельницъ своимъ дыханіемъ. И то правда, что иная партитура въ наше время такъ напичкана нотами, что смѣлая блоха можетъ гулять по ней невидимою; но... эффектъ... эффектъ.

«Да, умѣево производить эффектъ дѣйствительно одна изъ самыхъ чудесныхъ тайнъ искусства музыки, потому что человеческая организація, на которую долженъ дѣйствовать музыкантъ, также самая чудесная изъ тайнъ. Дѣло въ томъ, чтобы организацією дѣйствовать на ту же организацію, и тутъ трудно рѣшить, что можетъ произвести болѣе эффекту: вся ли буря барабановъ, литавръ, трубъ, валторнъ и тромбозовъ, или свѣтлый лучъ одного звука гобоя или другаго православнаго инструмента?»

«Фридрихъ II уподоблялъ кресцендо большой арии Ричарда Шабату во время пожара, и съ гнѣвомъ бѣжалъ изъ театра, когда его заставляли выслушать одно дѣйствіе изъ какойнибудь оперы

Глука, потому что оно казалось ему не музыкою, а безтолковой трескотней.»

«Гассе и Граунт одни сочили в стилъ вмѣстѣ благородномъ, простомъ и мелодическомъ.»

Слушая рѣчь Гофмана, я дивился его гибкому уму и неистощимому краснорѣчію. Онъ остановился, будто прислушиваясь къ мелькнувшей въ головѣ его мысли и потомъ воскликнулъ: «Возвратитесь къ простотѣ древнихъ, говорите ты, старикъ, молодымъ людямъ; бросьте всю эту трескотню и громъ; забудьте новую музыку, забудьте Моцарта и Бетховена, въ особенности же...»

— Что-жъ! скажи намъ, старикъ, о какихъ древнихъ ты говоришь? скажи, гдѣ то время, когда музыка достигла такой степени совершенства, что все, что переходитъ за этотъ рубежъ, уже ложно? и такимъ образомъ представь въ своемъ лицѣ цѣлую французскую Академію, запирающую искусство въ ограду, за которую никто не смѣетъ перейти безъ наказанія: что скажешь ты о Фуксѣ, о Кейсерѣ или даже, о Гассе, о Гендель, о Глукѣ? они годятся въ образцы?»

«Скажу мимоходомъ, сначала не имѣли большаго довѣрія къ знанію этого кавалера Глука, не смотря на его кавалерское званіе. Въ *Композиторахъ* Форкса его увертюру къ *Ифигеніи въ Тавридѣ* очень въживно уподобляли топоту мужиковъ въ кабакъ. И еслибъ Глукъ жилъ въ наше время, довольно вѣроятно, что въ отношеніи инструментовки онъ также попалъ бы въ число еретиковъ. Но крайней мѣрѣ, онъ еще передъ самою смертію задумывалъ оперу (*Арміиенъ бой*), для которой онъ хотѣлъ заказать совершенно новый инструментъ, подобный Римской tuba. Конечно хорошо, что онъ

догадался умереть, не исполнивъ этой мысли.»

« Не думай, однако-же, старый, строгій учитель, будто я неестественъ, не имѣющій никакого уваженія къ старшимъ; чтобы у меня не хранилось въ сердцѣ убѣжденіе, что вся наша жизнь происходитъ изъ нихъ, и что мы не можемъ обойтись безъ путеводной ишты, которую они указываютъ намъ дорогу, не подвергаясь опасности споткнуться, между тѣмъ, какъ... (онъ остановился и взглянулъ на меня съ хитрою усмѣшкою).»

« Но кетати, молодой человекъ, когда я гляжу на васъ, мнѣ кажется, будто ваше лицо озарилось удовольствіемъ. Ну, я давно привыкъ къ подобнымъ фантазмагоріямъ Меньшой братъ мой былъ презабавный чудакъ; когда ему было пять-шесть лѣтъ, онъ очень любилъ надѣвать парикъ дѣда и, наморщивъ лобъ, читать намъ преддѣльныя проповѣди, которыя смѣшили насъ до слезъ; въ этомъ дѣдовскомъ парикѣ онъ былъ, ни дать ни взять, музыкальный критикъ.»

« Запирайте двери и окна, композиторы, здѣсь блазудають нечистые.»

« Отвѣчайте мнѣ откровенно на одинъ вопросъ: знаете ли вы хоть одинъ художественный журналъ, одну газету, которая была бы совершенно свободна отъ вліянія сплетенъ и кумовства?»

И не дожидаясь отвѣта, онъ продолжалъ начатый монологъ. Композиторы только что садятся за работу, къ нему являлся знаменитый критикъ, такой-то или такой-то, (вѣдь есть и критики *знаменитые*), и онъ приунылъ волею или не волею съ нимъ бесѣдовать. Означенный критикъ потомъ объявляетъ на весь міръ, что онъ самъ своими глазами удостовѣрился, что великій

Х. работаетъ въ бумажномъ ха-^лкоторому принадлежите самъ; нѣтъ,
затѣ, довольно попопешномъ; что вы не захотите изгнать изъ жизни
онъ пишетъ на чудесной велене-художника очаровательной еже-
вой бумагѣ, уже разграфленой, дневной болтовни; не захотите ли-
нишить превосходными черными шить его посѣщеній тѣхъ, незна-
чернилами; что, по странной при-комыхъ друзей, которые стекаютъ-
вычкѣ, онъ ставитъ альбы надъ ся къ нему со всѣхъ концовъ
гоболями или переставляетъ квар-свѣта и которыхъ онъ тотчасъ
тетъ такъ или иначе; но что, впро-узнаеть. Вы этого не думаете, мо-
чемъ, онъ очень милый человекъ. безпый Гофманъ; пусть дверь ва-
Критикъ присоединяетъ, что Х. ша будетъ отворена каждому при-
не больно уважаетъ А., что онъ ходящему, какъ ваше сердце; впу-
не охотнѣо говорить о В., что скайте всѣхъ, даже критику; не
онъ очень любить С., и что про-изгоняйте съ глазъ своихъ чуже-
силъ его до поры до времени не земцевъ, вашихъ братьевъ. Развѣ
выбавлять, что сорвалось у не-не видите, вы, что эти безпокой-
го съ языка на счетъ Д., и такъ ныя, но дружескія посѣщенія, суть
дальше. они, чиня отъ дань уваженій гению, что они скрѣ-

« По-этому, запирайте двери и пляютъ духовную связь, между
окна композиторы, если хотите былыми, уважаемымъ учителемъ
быть свободны, жить спокойно и его почитателями? Возста-
и снательно! » вать противъ этой болтовни и

И Гофманъ вскочилъ въ шѣвъ, этого кумовства, значить быть
будто хотѣлъ мнѣ сказать: «уби-эгонистомъ. Таковъ удѣлъ нашей
райся» отсюда! — Добрый Го-слабой природы, что мы не мо-
манъ! жемъ отдѣлять произведенія отъ

Тутъ я попалъ, что надо было личности творца, и что думая объ
его разуверить; я далъ ему вы-одномъ, мы непременно думаемъ
казать все, что онъ хотѣлъ, и о другой; если бы не было этого,
тутъ, когда ненависть его про-и о другой; если бы не желали имѣть, и не
тивъ всякой критикѣ дошла до покунали бы такъ на расхвалъ
цельброднаго раздѣженія, яселя портретовъ любимыхъ художни-
себя въ правѣ заступиться за не-ковъ. « Какое должно быть лицо
— Подумали ли вы хорошеенько у того, которому дано было такъ
о томъ, что говорите? сказала я: взволновать мою душу, наполнить
и можете ли вы подозревать въ ее такими пріятными ощущенія-
посѣщеніи пріятели западно, под-ми? » вотъ что думаетъ каждый
ставленную вашему простодушію изъ насъ, когда его восхищаетъ
и халату? Можете ли вы вообра-художественное произведеніе. А
жать, Гофманъ, чтобы человекъ, если встрѣтимъ человека, кото-
прибывшій издалека, измученный, рый можетъ рассказать побольше
полный благоговѣнія къ вамъ, съ о частныхъ правахъ художника,
улыбкою на устахъ и уваженіемъ если онъ будетъ говорить о немъ
въ сердце, приходилъ единствен-достойнымъ его образомъ; если
но за тѣмъ, чтобы узнать, пишете изобразить его въ чертахъ пол-
ли вы на веленовой бумагѣ или ныхъ жизни и одушевленія, нѣтъ
на простой, и хорошъ ли лоскъ сомнѣнія, что каждый изъ насъ
въ вашихъ чернилахъ? Нѣтъ, вы почувствуетъ себя менѣе чуждымъ
не можете этого думать; вы не тому, кого уже мѣлалъ въ серд-
можете такъ несправедливо судить цѣ. Въ то время, когда была въ
бѣдный человѣческій родъ, къ модѣ наука физиономіи, люди ду-

мани же читать, что происходило в сердце человека с помощью странники его рукописи, и я убежден, что в ней можно уловить множество характерических примет. Но эти приметы должны еще рѣче проявляться в музыкѣ, чѣмъ въ писанной рѣчи. Поэтому, я очень желаю бы имѣть факсимиле композитора Гофмана. Но вы можете быть, назовете меня дерзкимъ честолюбцемъ; не такъ ли?

— Если вы желаете имѣть факсимиле моего гения, сказала Гофманъ, я вамъ дамъ нѣсколько строкъ, написанныхъ рукою моего кота.

И онъ вручилъ мнѣ цѣлый романъ; онъ былъ такъ черенъ, такъ нечерченъ, писалъ такимъ страннымъ фантастическими кривыми, что я не могъ разобрать ни слова, кромѣ подписи автора: «Муръ.»

Къ счастью, нѣсколько дней спустя, выпала въ свѣтъ вся история этого знаменитаго кота, котораго поэтическое имя на вѣки соединилось съ именемъ его господина, товарища и сотрудника, Гофмана.

МУЗЫКА ВЪ КИТАѢ, ВЪ СЕНЕГАЛИИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКѢ.

Въ Европѣ, артисты выходятъ безъ различія изъ всѣхъ классовъ общества; у сенегальскихъ негровъ, изданныя искусства предоставлены особенною кастъ, отличной отъ другихъ. Всѣ члены этого племени должны родиться поэтами, музыкантами или, по крайней мѣрѣ, комедіантами, и въ его

нѣтъ артистовъ. Это привилегированное семейство—Гриотты. Исторія ихъ происхожденія очень странная; если вѣрить стариннымъ хроникамъ, то они ведутъ свое начало ни болѣе, ни менѣе, какъ отъ дьявола.

«Духъ злобы, говорятъ арабскія легенды, принявъ человеческую форму; надѣвалъ стоику преступлений; что, наконецъ, его бросили въ море; но рыбакъ поймалъ и съѣлъ рыбу, проглотившую тѣло злодѣя, и духъ злобы возродился въ человѣкѣ. Рыбакъ былъ побитъ камнями и зарытъ глубоко въ землю; къ несчастію, вѣпръ разрылъ насыпь и забросилъ нѣсколько кусковъ трупа въ сумку охотника, съдѣлавшагося новымъ демономъ. Люди, въ испугъ, тотчасъ же рѣшились истребить его; тѣло его было точно въ мельчайшій порошокъ и развѣяно по вѣтру; но одинъ несчастный поэтъ и музыкантъ подышалъ этимъ зараженнымъ воздухомъ, и демонъ возродился. На этотъ разъ его уже не трогали болѣе, и Гриотты сдѣлались его потомками.»

Такое происхожденіе вполнѣ подтверждается правами Гриоттовъ; безбожіе ихъ поразительно въ сравненіи съ религіознымъ фанатизмомъ прочихъ негровъ. Не думая о предписаніяхъ корана, Гриотты имютъ вино, ѣдятъ запрещенное мясо, не постятся и молятся очень рѣдко. Кромѣ того, занимаясь врачевнымъ искусствомъ, они знаютъ множество разныхъ секретныхъ снадобій, приносящихъ, по мнѣнію негровъ, столько же различныхъ золъ, такъ что на Гриоттовъ смотреть, во всѣхъ отношеніяхъ, какъ на демоновъ. Гриотты пользуются всѣми гражданскими правами; занимаютъ самыя важныя должности, даже служатъ секретарями и совѣтниками

при владѣтельныхъ лицахъ; по въ релігіозномъ отношеніи они стоятъ вѣвъ закона и даже лишены потребенія. За то Гріотты, жестоко оскорбленные этимъ отчужденіемъ, стараются перетолковать его въ свою пользу. Они говорятъ, что тѣла ихъ не должны гнить въ землѣ, надобно тѣламъ прочихъ людей и что. Алла посылаетъ за нимъ ангела, который уноситъ ихъ на крыльяхъ, немедленно послѣ ихъ кончины. Для подтвержденія этого чуда ослзательнымъ образомъ, Гріотты, по смерти каждаго своего соплеменника, выкапываютъ его трупъ изъ могилы и владутъ его въ лѣсу, въ дублю дереву. Я частехонько находилъ такіа тѣла въ выдолбленныхъ ямахъ деревьевъ.

Люди ли Гріотты, или демоны. во всякомъ случаѣ они гораздо умнѣе прочихъ негровъ. Не удивительно ли встрѣтить, между дикими племенамъ, людей, одаренныхъ прекрасно развитыми умственными способностями, которыми гордятся образованные народы? . . . Гріотты, между неграми, похожи на людей, посѣлившія въ крапивѣ.

Когда, проходя по лѣсамъ Сахеля, я случайно замѣчалъ, гдѣ нибудь подъ деревомъ, Гріотта, погруженнаго въ раздумье и бросающаго тростниковымъ перомъ свои мысли на клочекъ бумаги, я удерживалъ въ груди дыханье, и тихо пробираясь, боясь нарушить его думу. Не должно ли чувствовать уваженіе передъ этими проклятыми существами, блуждающими съ киною рукописей, которые робко протягиваютъ руку, уступая чувству голода, и уединяются въ глубину лѣсовъ, вызывая къ себѣ гениа искусствъ? Самыя драгоценныя произведенія Гріоттовъ — ихъ историческія хронологіи, продолжаемыя сыномъ постѣ

отца, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Какъ знать, можетъ быть, эти народы древнѣе насъ, и знаютъ времена, предшествовавшія тѣмъ, о которыхъ упоминаетъ исторія? Не любопытно ли перебрать ихъ древнія рукописи? . . .

Поэзія Гріоттовъ живописная, какъ и поэзія арабовъ, не лишена возвышенности; но преимущественно преобладаетъ въ нихъ музыкальный гениа, какъ и слѣдовало ожидать. Въ самомъ дѣлѣ, перенеситесь на минуту въ нѣдра пустынь, гдѣ эти люди проводятъ всю свою жизнь, вступите въ оазисъ: здѣсь, шорохъ листьевъ, осыплющихъ васъ, ручей, бѣгущій у вашихъ ногъ, птицы, — все поетъ вокругъ васъ! . . . Не-уже-ли вы станете отвѣчать на эту высокую гармонию природы ораторскою рѣчью? . . . Конечно, нѣтъ: какъ бы прекрасно ни рифмовали ваши фразы, хотя бы вы декламировали ихъ не хуже самого Тальмы, — ваша проза и ваши стихи прогонятъ птиць, и нисколько не будутъ гармонировать съ ихъ щебетаньемъ и шопотомъ листьевъ.

Чтобы лучше понять мою мысль, чтобы вполнѣ убѣдиться въ справедливости истины, на которой основано мое письмо, взгляните на нашихъ деревенскихъ жителей. Занимается ли поэзіей, живописью, архитектурой пастухъ бурбовскій или лотарингскій, который проводитъ всю свою жизнь одиноко, посреди полей? Разумѣется, нѣтъ; онъ не имѣетъ самаго простаго понятія объ этихъ искусствахъ; но остановитесь на минуту за деревьями, осыплющими его хвизну, и вы услышите, что онъ поетъ, поетъ безъ умолку. Подъ звуки его пѣсни, стадо пасется мирно, и собака внимательно лежитъ у ногъ хозяина, послушная его волѣ. Не пой онъ — и все окружающее было бы печаль-

но; но его пѣсія прельщаетъ и привлекаетъ всѣхъ, даже ищерицъ, которыя садятся по вѣтвямъ, надъ самую головую пастуха, чтобы его лучше слышать.

Встрѣчая челоѣвка, который говорить самъ съ собою, вы называете его помѣшаннымъ; но если вмѣсто того, чтобы говорить, челоѣвкъ этотъ поетъ, вы не найдете въ этомъ пѣньи ничего необыкновеннаго. Почему же?..

Объясняю свою мысль и полагаю для педлѣдующія основанія: во-первыхъ, музыка есть языкъ всего, что находится въ челоѣвчества на землѣ; во-вторыхъ, челоѣвкъ, проводящій большую часть своей жизни въ *удиненіи*, среди полей, лѣсовъ, пустынь, и проч., естественно, долженъ любить музыку и заниматься ею, чтобы стать въ соотношеніе съ существами, постоянно его окружающими. Изъ этого я заключаю, что музыка у всѣхъ народовъ была первымъ искусствомъ, потому что всѣ народы, въ колыбели своей, жили изолировано или были пастухами.

Легко можно доказать, что поэзія соединилась съ музыкой, какъ только челоѣвкъ начинаетъ жить обществомъ, точно также, какъ архитектура, живопись и скульптура рождаются въ послѣдствіи, вмѣстѣ съ городами. Но здѣсь не мѣсто разсуждать объ этомъ предметѣ, и я снова принимаюсь за свое путешествіе.

Я не изумился, встрѣтивъ любовь къ музыкѣ у негровъ Сенегалии и центральной Африки; но, признаюсь, я не предполагалъ, чтобы неразвитый разумъ этихъ народовъ былъ способенъ такъ высоко подниматься въ этомъ искусствѣ.

Съ какимъ бы восторгомъ я привелъ здѣсь нѣкоторыя изъ восходныхъ музыкальных импровизаций, дававшихъ мнѣ столь-

ко наслажденія въ пустынѣ. Но я слушалъ ихъ такъ внимательно, что мнѣ и не приходило въ голову передавать ихъ бумагъ: пока продолжалось пѣнье, душа моя была какъ бы прикована къ губамъ импровизатора, и когда оно затихало, отъ него оставался только шумъ, пріятный, но неопредѣленный, который звучалъ у меня въ ушахъ, раздавался въ душѣ, и который я не могъ ни опредѣлить, ни подвести подъ музыкальныя правила. Это былъ голосъ самой природы; но вѣтеръ тотчасъ же унесъ его къ небесамъ, оставивъ воспоминаніе, неосязаемое даже для самого импровизатора. . .

Извѣстно, что подпобесная имперія представляетъ самое любопытное, самое оригинальное явленіе во всѣхъ отношеніяхъ, въ нравахъ, въ общественномъ устройствѣ, въ наукахъ и искусствахъ. Музыка, разумѣется, не исключается изъ общаго положенія. Езунтъ Амьо въ своихъ запискахъ объ исторіи, наукахъ и искусствахъ Китая говоритъ о китайской музыкѣ, какъ о какомъ-то образцѣ совершенства; это мнѣніе очевидно преувеличено и пристрастно и совершенно разрушается отзывами новѣйшихъ путешественниковъ, впрочемъ, и этимъ строгимъ сужденіемъ нельзя вѣрить безусловно; путешественники, кажется, не умѣли вполне постичь національнаго характера китайской музыки, неразрывно связаннаго съ духомъ народа и его образомъ жизни. Вопросъ же этотъ стоитъ внимательнаго изученія.

Нѣтъ сомнѣнія, что Азія, колыбель челоѣвчества, первый разсадникъ почти всѣхъ наукъ и искусствъ была тою же колыбелью первыхъ посплій о наукѣ музыки; извѣстно, что Индія и Китай были уже на высокой степени образованія, когда всѣ остальные

части Азии и вся Африка и Европа кочевья еще въ неувѣжествѣ. Изъ всѣхъ музыкальныхъ теорій древности, намъ известна донынѣ одна теорія грековъ, отчасти родственная нашей западной теоріи. Знаніе болѣе древнихъ музыкальныхъ системъ объяснило бы намъ, можетъ быть, откуда и какимъ образомъ греки получили первый начала музыки, которыхъ они потомъ развили по своему, какъ и всѣ отрасли своего знанія.

Изъ единодушнаго отзыва всѣхъ европейцевъ, бывавшихъ въ Китаѣ, видно, что европейская музыка производится на китайцевъ непріятное впечатлѣніе и что они упрекаютъ ее въ отсутствіи мелодіи. Послѣ этого казалось бы трудно предполагать, чтобы китайцы имѣли вѣрное понятіе о музыкѣ; тѣмъ не менѣе однако-же ихъ музыкальная теорія поражаетъ истинною и основательною нѣкоторыхъ своихъ началъ. Отецъ Амю рассказываетъ, что желая испытать, понравится ли китайцамъ европейская ученая музыка, онъ сыгралъ имъ два характеристическія сочиненія Рамо: «Дикарей» и «Циклоповъ», и что эти пьесы, не смотря на несомнѣнное ихъ достоинство, не имѣли никакаго успѣха. Вотъ что говорилъ при этомъ китайцы: «Наша мелодія черезъ слухъ проникаетъ въ сердце, а изъ сердца переходитъ въ душу. Мы ихъ понимаемъ и чувствуемъ; вашей же музыки мы не понимаемъ. Музыка должна выразить наши ощущенія; каждая страсть у насъ изображается соответствующими ей звуками и звуки эти должны быть въ тѣсной связи съ чувствами, которыхъ они должны воспроизводить. Звукъ суть слова, а модуляціи — фразы музыкальнаго языка.

Достоверно, что съ тѣхъ поръ,

какъ существуетъ поднебесная Имперія, государи ея постоянно обращали особое вниманіе на музыку: они несконно смотрятъ на нее, какъ на науку, имѣющую два главныхъ свойства: во-первыхъ, возмочь сердце ихъ подданныхъ различными ощущеніями, которыми она пробуждаетъ въ ихъ душахъ; во-вторыхъ доставлять удовольствіе ихъ уму. Нигдѣ, можетъ быть, не пользовалась музыка такимъ уваженіемъ, какъ въ древнемъ Китаѣ, гдѣ она считалась наукою наукъ, дивнымъ источникомъ великой премудрости. Это можно причислить къ доказательствамъ того, что Китай прежде всѣхъ другихъ странъ достигъ значительной степени образованія, и что изъ него уже просвѣщеніе разливалось на сосѣдніе народы. Хотя мы у всѣхъ народовъ древности находимъ слѣды пѣнія и инструментальной музыки, въ одномъ Китаѣ, однако-же, видимъ музыку, разсматриваемую съ точки зрѣнія науки, и въ немъ же одномъ видимъ теорію акустики, заходящую уже въ предѣлы физики и математики, и предполагающую значительные успѣхи во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія.

У китайцевъ, какъ у грековъ и у другихъ народовъ, есть свои мифы; они приписываютъ *Ангелу*, *Куци* и *Велету-Кил* ту же власть превращать звуками людей, лютыхъ звѣрей и даже скалы, которую греки приписывали Орфею и Амѳіону. «Когда я ударяю свои звучныя струны, лютые звѣри ложатся къ ногамъ моимъ, трепещутъ отъ удовольствія,» говоритъ Куци, китайскій музыкантъ, жившій лѣтъ за тысячу до Орфея.

Китайцы различаютъ восемь различныхъ родовъ звуковъ и утверждаютъ, что для воспроизведенія ихъ, природа создала восемь зву-

чащихъ тѣлъ: металлъ, камень, шелкъ, камышь, тыкву, гину, кожи животныхъ и дерево.

Металлъ считается у китайцевъ пятою стихіею. Изъ композиціи состоящей изъ фунту жести и шести фунтовъ мѣди, льютъ они три рода колоколовъ, *по-туингъ*, *те-туингъ*, и *пънь-туингъ*, которые отличаются между собою размерами и качествомъ звука. Инструментъ, извѣстный въ Европѣ лъ двадцать-пять, подъ названіемъ тамтама, есть видоизмѣненіе одного изъ этихъ трехъ родовъ.

Искусство извлекать изъ камня достаточное количество звука для музыкальнаго инструмента принадлежить исключительно китайцамъ; иногда другой народъ не дѣлалъ даже подобныя попытки. Звукъ этотъ составляетъ средину между звукомъ металла и звукомъ дерева; онъ не такъ рѣзокъ, какъ первый, и звучнѣе послѣдняго. Что бы дать камню свойство издавать музыкальный звукъ, они дунутъ его на солнцѣ; потомъ соединяютъ шестнадцать такихъ камней и такимъ образомъ составляютъ изъ нихъ инструментъ *Кюосъ*, который они ударяютъ молоточкомъ, въ родѣ тѣхъ, что употребляютъ для часовъ.

Шелкъ даетъ вѣжливый и пріятный звукъ, и употребляется въ инструментахъ *кинъ* и *кэ*; *кинъ* имѣетъ видъ лиры о пяти струнахъ, и служитъ для акомпанированія пѣнію; *кэ* похожъ нѣсколько на наши фортепиано, но звукъ его, если вѣрить отцу Амы, гораздо мягче и пріятнѣе; на него навязывается двадцать пять струнъ.

Камышь даетъ звукъ, рѣзко отличающійся отъ всякаго другаго звука; изъ него дѣлается инструментъ *Сіао*; это собраніе тростинокъ различной длины, изъ которыхъ каждая даетъ болѣе низкій или высокій тонъ. Звукъ

извлекаемый изъ особой породы тыквы, называемой *пао*, слабъ и неопредѣленъ; эту тыкву сушатъ и рѣжутъ пополамъ, и дѣлаютъ изъ нея корпусъ инструмента *гэгъ*. Послѣ многихъ усилій, изобрѣтательные китайцы успѣли наконецъ построить музыкальный инструментъ изъ обожженной глины. Для этого они валиютъ глину въ видѣ пустаго яйца, въ который впускаютъ воздухъ; такъ, послѣ многихъ постепенныхъ усовершенствованій, образовался инструментъ *флюэинъ*, заслуживающій вниманія уже одною своею древностью; ибо онъ уже былъ въ большомъ употребленіи у племени Гоангъ-ти, за 2637 лѣтъ до рождества Христова. Кожи разныхъ животныхъ употребляются у китайцевъ, какъ и у насъ, для барабановъ, которые бывають у нихъ восьми разныхъ родовъ.

Изъ дерева они дѣлаютъ три инструмента: *ту*, *у* и *звучную доску*; но это скорѣе дѣтскія игрушки, чѣмъ музыкальные инструменты.

Музыкальными письменами служить у нихъ буквы азбуки; они пишутъ свои папѣвы, какъ и рѣчь, въ полстолбца, сверху внизъ, и считаютъ столбцы справа влѣво. Для означенія такта употребляютъ у нихъ барабанные удары или кастаньетки.

Императоръ Кангъ-хи пытался ввести европейскую музыку, съ помощью двухъ португальскихъ іезуитовъ: Брерры и Педрина. Они сочинили даже школу, которая была отпечатана въ императорскомъ дворцѣ, и роздана по всей имперіи. Попытка эта была безуспѣшна; многіе, изъ угожденія своему владыкѣ, показывали видъ, будто раздѣляли его любовь къ чуждому искусству; но сила привычки взяла свое; и наконецъ предпочтеніе китайцевъ къ своимъ роднымъ папѣвамъ стало такъ

очевидно, что Кангъ-хи отказался отъ своего предпріятія, и ограничился однимъ усовершенствованіемъ китайскихъ инструментовъ. Напѣвы китайцевъ всегда просты и протлжны, и поются въ одиголосъ; въ нихъ очень рѣдко встрѣчаются полутоны.

Чтобы объяснить, отчего музыка въ Китаѣ не подвигается впередъ въ продолженіе нѣсколькихъ тысячелѣтій, надо объяснить сначала, отчего они остановились во всемъ своемъ развитіи, и въ нравственныхъ понятіяхъ, и въ политическихъ учрежденіяхъ, и наукахъ, и религіи; тѣмъ болѣе, что въ Китаѣ, какъ въ Индостанѣ и какъ у всѣхъ народовъ древности, музыка была тѣсно связана съ религіею, и составляла почти неотъемлемую принадлежность обрядовъ богослуженія, и следовательно, должна была развиваться или остановиться вмѣстѣ съ самыми религіозными понятіями и обрядами.

ШАТОБРИАНЪ.

(Некрологъ и биографическій очеркъ.)

Недаромъ Шатобрианъ называлъ себя *глаголющимъ развалиемъ*; сама судьба назначила ему этотъ удыль. Первый шагъ его въ жизни сопровождался разрушеніемъ древняго зданія; на глазахъ его возникли новыя и рушились въ свою очередь, и передъ самою смертію видѣлъ онъ, какъ февральскія происшествія нанесли послѣдній ударъ старинной французской мо-

нархіи, которой онъ былъ столько лѣтъ однимъ ревностѣйшимъ поборникомъ. Современникъ Наполеона, Гёте, Вальтеръ-Скотта, Кашинга, Баллаша, Кювье, Гумбольдта, онъ почти заключилъ цѣлое поколѣніе великихъ людей, и на смертномъ одрѣ видѣлъ, можетъ быть, зарю новой эры въ исторіи.

Франсуа-Огюстъ, виконтъ де-Шатобрианъ, родился въ 1768 году, въ городѣ Сень-Мало, на сѣверномъ берегу Бретани, и воспитывался въ старинномъ Комбургскомъ замкѣ, съ незапамятныхъ временъ принадлежавшемъ графамъ Шатобрианамъ, одному изъ древнѣйшихъ дворянскихъ домовъ Бретани. Тутъ-то, въ прогулкахъ его по песчанымъ степямъ и дикимъ берегамъ Арморикки, развилась въ молодомъ Шатобрианѣ эта склонность къ уединенію и размышленію, которая никогда не оставляла его, даже среди заботъ политическихъ занятій. Какъ младшаго сына, его сначала прочли въ морскую службу, а потомъ въ духовное званіе и отдали въ Дольскій коллегіумъ; отсюда онъ перешелъ въ Реннскую академію, гдѣ и получилъ то основательное и глубокое образованіе, которое, при его богатой фантази и силѣ ума, дало ему возможность писать замѣчательные труды по части исторической критики, въ такія лѣта, когда люди по большей части имѣютъ весьма неопредѣленные и шаткія понятія о жизни и устройствѣ общества.

Въ 1787 году молодой Шатобрианъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Парижъ. Онъ былъ еще только подпоручикомъ пѣхотнаго Наварскаго полка; но какъ для того, чтобы имѣть честь ѣздить въ королевской каретѣ, на что онъ имѣлъ право по древности своего рода, надо было быть, по крайней мѣрѣ, капитаномъ, то по

обычаю того времени, ему и дали этот чинъ, съ обязанностию исполнять прежнюю должность Великолѣпнаго и праздники версальскіе и общество положительных энциклопедистовъ не могло долго удовлетворять его безпокойной фантазіи и жажды невѣдомаго; ему нужны были необыкновенныя приключенія, великая цѣль; и то и другое скоро представилось. Разсматривая однажды карту Америки, онъ пораженъ былъ возможностью открыть проходъ около сѣвернаго полюса; съ этого дня онъ не зналъ ни сна, ни покоя; еслибы Людовикъ XVI него при ближешнихъ обратилъ вниманіе на этотъ вопросъ, важный и для торговли, проливъ Макензи назывался бы, можетъ быть, Шатобриановымъ. Но на предложеніе бѣдлаго подпоручика отвѣчали однимъ смѣхомъ. Онъ однако-же не унывалъ; видя невозможность добиться какаго нибудь содѣйствія, рѣшился совершить эту великую экспедицію одинъ; и весною 1791 года отправился въ Америку, взявъ съ собою на дорогу только свои надежды и рекомендательное письмо къ Вашингтону.

Взросши въ понятіяхъ стараго свѣта, Шатобрианъ представлялъ себя президента Соединенныхъ Штатовъ могущимъ монархомъ, въ мраморныхъ и золотыхъ палатахъ, среди многочисленнаго двора и телохранителей. Каково же было его удивленіе, когда ему указали небольшой, скромный домикъ, въ какомъ постыдился бы жить послѣдній изъ членовъ Нижней Палаты, и когда простая служанка отворила ему дверь и безъ всякихъ церемоній ввела его въ комнату генерала. Вашингтонъ иривялъ молодого путника радушно, но старался отклонить его отъ замышляемаго предпріятія, представляя

ему, какія ждутъ его неприятствія и опасности. Шатобрианъ былъ непоколебимъ. Послѣ свиданія съ Вашингтономъ, онъ немедленно напаялъ проводника и отправился во внутрення земліи, воображая, какъ онъ самъ говоритъ, «что пробраться прямо къ сѣверному полюсу все равно, что еховать изъ Парижа въ Сѣнь-Клу.» Наконецъ онъ достигъ границы засеянныхъ земель, и съ невыразимымъ восторгомъ случился передъ мрачными, таинственными лѣсами Новаго свѣта, въ которыхъ никогда еще не раздавался человѣскій шагъ. Послушайте, какъ онъ самъ описываетъ чувства, тѣснившія въ его душу въ эту первую минуту изумленія и волненія: «Я ходилъ отъ дерева къ дереву, то вправо, то влѣво, думая про себя: тутъ ужъ не увидишь ни убитыхъ дорогъ, ни городовъ, ни тѣсныхъ домовъ, ни президентовъ, ни республикъ, ни королей. И чтобъ удѣдиться, точно ли я теперь завоевалъ все свои врожденныя права, я дѣлалъ все дурачества, придумавшія мнѣ въ голову, что ужасно бѣсило моего должовазача голландца-проводника, который въ душѣ былъ совершенно убѣжденъ, что я сумасшедшій.»

Молодой ескиталець съ жадностью искалъ индѣйскихъ селеній, гдѣ надѣялся увидѣть наконецъ истинныхъ людей природы, дикіе народы и первобытныя нравы. Въ этомъ отношеніи, первая его встрѣча было очень неудачна. Проходя въ нѣсколько дней, онъ увидѣлъ въ чащѣ обширнаго лѣса индѣйскій вигвамъ; но когда онъ подошелъ ближе, изъ вигвама стали долетать къ нему звуки, которые показались ему очень страшными въ этой глуши; онъ сталъ вслушиваться, и ужъ никакъ не могъ сомнѣваться, что это то

что напѣвъ известной французской шуточной пѣсенки, играемой на скверной скрипкѣ какагонибудь деревенскаго Стравинариуса. Изъ любопытства путникъ входитъ въ шалашъ, и въ какомъ видѣ представляются ему первобытные нравы дикарей? Среди кружка прокезовъ, ломающихся, какъ сумасшедшіе, маленькій старичекъ, пацудренный и завитой по парижской модѣ, въ яблочпозеленомъ кафтанѣ, въ полушерстяномъ камзолѣ, съ кисейными жабо и манжетами, пояся наставленія примѣромъ, преважно училъ *messieurs les sauvages* и *mesdames les sauvages*, какъ онъ ихъ величалъ, французскому котильону и менуэту. Этотъ маленький старичекъ, по имени Виоле, былъ прежде поваренкомъ у генерала Ротшамбо; но, прельстившись красотою природы, поселился въ Делаверскихъ лѣсахъ и спискивалъ себѣ пропитаніе танцевальными уроками, за которые ему платили бобровыми шкурами и медвѣжьими окороками.

Странникъ нашъ съ улыбочкою протиснулся съ этимъ забавнымъ чудакомъ, и продолжалъ путь свой черезъ лѣсъ. Скоро онъ нашелъ дикарей менше образованныхъ, чѣмъ хореграфы господина Виоле. Вездѣ онъ находилъ радушное гостепримство, присутствовалъ на совѣщаніяхъ, на празднествахъ, на войнахъ различныхъ племенъ, и собралъ богатые матеріалы, по которымъ онъ написалъ внослѣдствіи *Аталу, Рене и Натезовъ*. Впрочемъ, среди этихъ разнообразныхъ наблюденій, онъ не терялъ изъ виду предпріятія, которое побудило его ѣхать въ Америку; напротивъ, онъ тверже, чѣмъ когда либо, былъ намѣренъ пройти по вутреннимъ землямъ до самаго полюса, какъ вдругъ неча-

пнымъ образомъ попалъ ему въ руки отрывокъ одной французской газеты, въ которомъ разсказывалось бѣгство Людовика XVI, задержаніе его въ Варешъ и формироваііе за Рейномъ арміи Конде. Получивъ эти страшныя извѣстія, бретанскій дворянинъ счелъ святымъ долгомъ спѣшить на помощь королю, за котораго онъ клялся жить и умереть; онъ въ другой разъ переплылъ море, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже сражался въ рядахъ королевской и католической арміи.

Подъ стѣнами Тюнвилля рукопись *Аталы*, бывшая у него въ карманѣ, спасла его отъ смерти, остановивъ пулю. Но вскорѣ затѣмъ, осколокъ гранаты разбилъ ему ногу, и припудилъ оставить военную службу. Онъ кое-какъ достался съ своею раненою ногою, черезъ Арденскій лѣсъ и Бельгію въ Англию, живя почти подаяніями, часто не имѣя поклажа, потому что содержатели постоялыхъ дворовъ, увидѣвъ его лохмотья и ногу, обвзаниую съпомъ, не хотѣли впускать ницдаго. Въ Англии, взявши выдержанныхъ имъ опасностей и пролитой крови, ждала его опять таже нищета и все скорби изгнанія. Тутъто, на чердакѣ, не имѣя иногда куска хлѣба, въ ожиданіи смерти, ибо по предсказанію врачей, ему нельзя было прожить болѣе двухъ или трехъ дѣтъ, онъ написалъ свой *Историческій, политическій и нравственный опытъ о древнихъ и новыхъ революціяхъ*, и отношенія ихъ къ французской революціи; странную книгу, въ которой встрѣчаются самыя неожиданныя сближенія, иногда патянутыя, но всегда оригинальныя и замысловатыя; гдѣ съ удивленіемъ узнаешь въ Пизистратъ — Робеспьера, въ Гармоніи — Марата,

въ Гераклитъ—Жанъ-Жака Руссо, въ Гайюсъ и Баркъ—Питта и Фокса, въ Мильтадъ—Дюмурье.

Возвратившись во Францію послѣ 18 брюмера, Шатобрианъ вмѣстѣ съ другомъ и совзгнанникомъ своимъ, Фонтаномъ, приобрѣлъ журналъ *Меркурій* и напечаталъ въ немъ свою *Атталу*. Успѣхъ этой прелестной поэмы въ прозѣ приготовилъ публику къ дѣйствию, которое должно было вскорѣ прозвѣсти великое твореніе Шатобриана: *Духъ Христіанства*. Надо признаться, что едва ли какая книга являлась такъ кстати. Могучая рука Бонапарта обуздавала революціонныя страсти; порядокъ вездѣ смѣнялъ анархію; повсюду церкви открывались правотвернымъ, алтари возникали изъ развалинъ; все общество, соскучивъ безплоднымъ поклоненіемъ аллегорическимъ божествамъ Конвента, чувствовало потребность менѣе сухаго, болѣе поэтическаго вѣрованія, и возвращалось къ вѣрѣ отцовъ, не столько можетъ быть, но убѣжденію и изъ любви къ прошедшему, сколько изъ досады на настоящее: впрочемъ, какъ бы ни былъ конечный результатъ этого религіознаго настроенія, оно было въ то время искреннѣе, и всѣ искали въ великодушныхъ торжествахъ католицизма забвенія кровавыхъ оргій, которыя такъ часто сопровождали торжества революціи. Бонапартъ съ удивительною пронырливостью умѣлъ пользоваться всѣмъ, что могло содѣйствовать принятой имъ политикѣ; онъ понималъ значеніе *Духа Христіанства*, и награждалъ автора, пославъ его въ Римъ секретаремъ посольства при кардиналѣ Фени. Въ это время, въ вѣчномъ городѣ, среди развалинъ Колизея, еще заселенныхъ тѣнями мучениковъ, поэтъ задумалъ ангельскіе образы

Кимодокеи и Эвдоки; тогда же запала ему въ голову мысль посвятить колыбель христіанства, котораго борьбу и торжество онъ хотѣлъ воспѣвать, и въ *гододѣ скорбей* вдохновиться на той гробницѣ, «которая одна ничего не отдастъ по скончаніи вѣковъ.»

Вскорѣ по возвращеніи изъ Рима, Шатобрианъ назначенъ полномочнымъ посломъ въ Валлизскую республику. Въ это время носился слухъ, распущенный вѣроянно приверженцами падшей династіи, будто императоръ французскій собирался разыграть роль генерала Монка, и возстановитъ Бурбоновъ на престолъ ихъ предковъ. Шатобрианъ, котораго рыцарское воображеніе всегда готово было увлекаться великими примерами безкорыстія и самоотверженія, можетъ быть, болѣе всѣхъ ожидалъ исполненія этой мечты. Казнь герцога Англенскаго была отвѣтомъ на этотъ слухъ. Ужасъ овладѣлъ всѣми эмигрантами. Шатобрианъ, въ негодованіи, подалъ въ отставку въ тотъ же день, какъ получилъ извѣстіе объ этомъ неожиданномъ происшествіи. Наполеонъ слишкомъ уважалъ Шатобриана, чтобы рѣшительно отпустить его, тѣмъ болѣе, что имъ одного изъ древнѣйшихъ бретанскихъ феодальныхъ родовъ было бы прекраснымъ украшеніемъ его императорскаго двора. Но всѣ его убѣжденія, просьбы и предложенія были безуспѣшны.

Будучи свободенъ отъ всякихъ занятій, Шатобрианъ рѣшился исполнить задуманное имъ путешествіе, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ уже за Альпами, и посѣщалъ Италію, которой не успѣлъ осмотрѣть въ первую свою поездку. Отсюда онъ отправился моремъ въ Грецію. Въ дикихъ пустыняхъ Америки, поэтъ

сбросилъ бесполезное бремя идей древняго міра, чтобы вносить предать въ впечатлѣніямъ этой дѣйственной, могучей природы, прислушиваться къ голосу степей, такъ прекрасно гармонирующаго съ мракомъ непроходимыхъ лѣсовъ. Въ Греціи, на священной почвѣ литературы и искусства, онъ старался волнѣбною сплюю памяти вызвать славныя тѣни, которыя уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ покоятся въ своихъ забытыхъ могилкахъ. По древнему обычаю, три раза окликнулъ онъ Чермонильскія ущелья великимъ именемъ Фемистокла: среди развалинъ древнихъ Аѳинъ входилъ на трибуну, съ которой Демосѳенъ волновалъ толпу, какъ вѣтеръ вздымаетъ волны морскія, и вызывалъ цовья поколѣній ратниковъ именемъ погибшихъ на Марафонскомъ полѣ. Оставивъ, наконецъ, эти опустѣвшія пыше равнины, путешественникъ отправился въ пустыни, занимаемыя некогда колымаи израильскими, посетилъ все слѣды Богочеловѣка отъ Вилеема до Голговы. Онъ прошелъ сквозь дикія орды Зедуйбовъ, скитался по вершинамъ Ливана и по берегамъ Мертваго моря, омочилъ свои изсохшія уста въ струяхъ Иордана, и поклонился наконецъ гробу Господню, котораго хранили надъ нимъ золотую шпору Готфрида Бульонскаго и предложили папѣ на званіе рыцаря Гроба Господня. Отсюда онъ отправился въ Александрію, поднялся по Нилу до Каира, посетилъ пирамиды и стены Мемфискія, опять сѣлъ на корабль, едва не погибъ въ волнахъ Большой - Сирты, прибылъ въ Тунисть, и не удетонивъ живаго города даже одного взгляда, отправился къ развалинамъ Картагена, два раза бывшаго соперникомъ Риму, воинственному

при Аннибалѣ, христіанскому при святѣмъ Кипріанѣ. Изъ Африки поэтъ - скиталець переправился въ Испанію, классическую страну войны и любви, еще полную воспоминаній о Пеллаги, Карлѣ Великомъ и Боабуилѣ; и скитался по рѣзвымъ портикамъ Альхамбры, создалъ трогательную рыцарскую легенду: *Послѣдній изъ Абисерраховъ*.

Возвратившись во Францію въ 1807 году, Шатобріанъ цаложилъ свѣжія еще воспоминанія свои въ разборъ Лабордова *Путешествія въ Испанію*. Эта книга возбудила всеобщее любопытство, и читалась съ тѣмъ болѣею жадностью, что некоторыя мѣста ея можно было перетолковать въ враждебныя намеки; завистники обратили въ особенности вниманіе императора на изображеніе Нерона. Наполеонъ вознегодовалъ на некоторыя сближенія, въ которыхъ авторъ можетъ быть не имѣлъ никакого умысла; онъ запретилъ Шатобріану издавать *Меркуріа*, и даже говорить, грозился велѣть зарубить его саблями на дворѣ Тюильрійскаго дворца.

Твердый и независимый характеръ Шатобріана былъ слышкомъ хорошо извѣстенъ, чтобы можно было ожидать отъ него примиренія съ самовластіемъ Наполеона. Какъ же были все изумлены, читая въ *Путешествіи въ Иерусалимъ*, вышедшемъ вскорѣ по отплатѣ у автора *Меркуріа*, частыя хвалы военной славы императорскаго управленія. Виноватъ только разгадалась эта тайна; за нѣсколько дней передъ выходомъ книги, издатель было запрещено выпускать ее, если Шатобріанъ не вставитъ нѣсколько похвальныхъ словъ въ честь императору. Шатобріанъ долго противился; но убѣжденный, наконецъ, просьбами издателя, котораго запрещено

книги неминуемо должно было разорить, онъ рѣшился восхвалять воинскую славу имперіи, не говоря ни слова, однако-же, ни о правителяхъ, ни о ихъ дѣйствіяхъ.

Въ тоже время, въ мирномъ уединеніи Волчьей долины, Шатобрианъ оканчивалъ великое твореніе, задуманное имъ еще въ Римѣ, и для котораго онъ совершилъ свое путешествіе въ Грецію, въ Малую Азію и въ Африку. Наконецъ, *Мугеники* его были въ свѣтъ. Если бы собрать всѣ брошюры, статьи, критики, панегирики, порожденныя этою книгою, изъ нихъ составила бы цѣлая библиотека. Неслыханною дерзостью казалась эта эпопея въ прозѣ, въ которой вызывались всѣ таинственныя силы христіанства, въ образахъ которые даютъ имъ религіозныя преданія и Священное Писаніе. Это была цѣлая новая система поэтики. И хотя, по самому предмету, въ поэмѣ должны были еще играть важную роль древніе языческіе боги, однако-же авторъ доказывалъ, что христіанскія понятія представляють едва ли не болѣе пища фантазіи поэта, чѣмъ вся языческая теогонія.

Тассо и Мильтонъ, правда, указали уже этотъ путь, (Клоштокъ и вообще пѣмцевыхъ писателей французы еще едва знали по имени); но на ихъ творенія смотрѣли какъ на страшныя отступленія отъ здравыхъ законовъ эстетики, которые никакъ не должно ставить въ примѣръ. Буало рѣшилъ, что они неправы, а передъ Буало никто не смѣлъ и пикнуть. Нѣсколько писателей, наскучивъ устарѣлыми аллегоріями древности, старались придумать чтонибудь взаимно Пановой свирѣли, пожинъ Паркъ и Харопова челнока, и предлагали разныя аллегорическія божества,

символы физическихъ силъ. Такъ, на-примѣръ, Лемерсье, въ поэмѣ своей *Атлантиада*, явившейся почти въ одно время съ *Мугениками*, пытался обоготворить *основыя силы природы, тяготѣніе, оттолкновеніе, центростремленіе, притяжаніе*, и прочая; этихъ новыхъ боговъ онъ называлъ Теохомъ, Сингенією, Психогенією, Номогеномъ и тому подобными дикими именами. Само собою разумѣется, что эта нелѣпая система возбудила одинъ смѣхъ.

Христіанскій Олимпъ Шатобриана, хотя гораздо поэтичѣе изобрѣтенія Лемерсье, однако-же встрѣтилъ столько же противниковъ, и возбудилъ болѣе серьезныхъ возраженій. Долго еще языческія божества отставали своихъ древнихъ права, и плоскими александрическими стихами отражали нашествіе новыхъ боговъ; для торжества христіанской поэзіи надъ языческою нужно было двадцать лѣтъ борьбы и новое поколѣніе критиковъ и поэтовъ.

Однако-же, среди этой литературной войны, слава Шатобриана упрочилась и распространилась. Въ 1811 году открылось вакантное кресло во Французской Академіи смертию Марин-Жозефа Шенье; общее мнѣніе назначало ему въ преемники Шатобриана, какъ достойнѣйшаго. Известно, что новый членъ обязанъ при приемѣ произнести въ торжественной рѣчи похвалу своему предшественнику; Шатобрианъ былъ слишкомъ не податливъ, чтобы поуниться этому обычаю; не одобряя образа мыслей Жозефа Шенье, онъ написалъ жестокую рѣчь противъ него и его единомышленниковъ. Наполеонъ, которому рѣчь была заранѣе сообщена, нашелъ ее опасною, въ такое время, когда многіе изъ судей Людовика XVI занимали первыя должности

въ государствѣ, и запретила про-
износить ее. Съ этого дня Напо-
леонъ и Шатобрианъ стали не-
примиримыми врагами.

Это происшествіе, какъ оно ни
маловажно по себѣ, имѣло, мо-
жетъ быть, вліяніе на дѣйствія
Шатобриана по возвращеніи Бур-
боновъ. Первымъ его сочиненіемъ
послѣ этого была брошюрка: *Бо-
напартъ и Бурбоны*, которая яз-
вительностью неуступитъ ни од-
ной изъ пасквилей, явившихся
въ это время. Очень вѣроятно,
что Шатобрианъ самъ въ послѣд-
ствіи сожалѣлъ объ этомъ посту-
пкѣ; по крайней мѣрѣ, немногіе
друзья, читавшіе въ рукописи его
Замогильныя записки, увѣряютъ,
что онъ въ нихъ отдастъ полную
справедливость Наполеону.

Во время Ста дней, Шатобри-
анъ послѣдовалъ за Людовикомъ
XVIII въ Гентъ, и былъ назна-
ченъ въ Государственный Совѣтъ
въ званіи министра. Послѣ вто-
рой реставраціи, онъ возведенъ
въ достоинство пера Франціи. Его
образъ мыслей въ это время былъ
ультра-роялистскій.

Мы не намѣрены слѣдить за
Шатобрианомъ во всѣхъ перево-
ротахъ его политической жизни.
Два раза впадалъ онъ въ немил-
ость, и два раза былъ опять при-
зываетъ къ государственной служ-
бѣ и назначаемъ въ первый разъ
посланникомъ въ Берлинъ, потомъ
въ Лондонъ, потомъ на Веронс-
кій конгрессъ; во второй разъ
посланникомъ въ Римъ; по всту-
пленіи въ управленіе министерст-
вомъ Шиншляка, онъ опять подалъ
въ отставку, и издали видѣлъ па-
деніе престола, которое онъ пред-
сказывалъ. Съ тѣхъ поръ онъ не
принималъ никакого участія въ
политическихъ дѣлахъ.

Шатобрианъ до сихъ поръ не-
пыталъ и нищету, и изгнаніе; не
доставало тюремнаго заключенія;

и это оскорбленіе не миновало
его въ концѣ его славнаго по-
прища: польское правительство при-
вело его на скамью ассизнаго
суда.

Послѣ реставраціи, кромѣ по-
литическихъ брошюръ, Шатобри-
анъ издалъ также нѣсколько ли-
тературныхъ трудовъ.

Первымъ изъ нихъ были *Нам-
тезы*. Известно, что рукопись это-
го сочиненія была забыта авто-
ромъ вмѣстѣ съ другими вещами
въ одной Лондонской гостинницѣ,
когда онъ возвращался изъ эми-
граціи; лѣтъ черезъ двадцать она
отыскалась со всемъ чемоданомъ
въ какой-то бѣдной англійской
деревушкѣ. Честность бѣдиловъ,
которымъ она была отдана на со-
храненіе, доставила автору самую
пріятную минуту въ жизни, а фран-
цузской литературѣ лишнее ук-
рашеніе. Послѣ *Намтезовъ* яви-
лись: *Моисей*, трагедія, *Опытъ
исторіи англійской литературы*,
переводъ Мильтонова *Потерян-
наго рая*, *Веронскій конгрессъ* и
Жизнеописаніе Рансе.

Изъ этого краткаго очерка ви-
дно, что жизнь Шатобриана была
также дурна, какъ вѣкъ, въ кото-
рый онъ жилъ. Поэтъ, какъ Дан-
те, Тассо, Камюэзисъ, Сервантесъ и
Мильтонъ, онъ подобно имъ не-
пыталъ всѣ роды угнетеній.

Нѣсколько лѣтъ уже Шатобри-
анъ жилъ въ совершенномъ уе-
дипеніи, не мѣшаясь въ тревожа-
ненія міра. Онъ жилъ однимъ вос-
поминаніями, и продолжалъ кни-
гу, начатую имъ еще въ 1811 го-
ду, и въ которой онъ намѣренъ
былъ представить въ порядкѣ все
видимое имъ въ теченіе своей
обильной жизни. Эту книгу, из-
вѣстную доселѣ только немногимъ
короткимъ друзьямъ, имѣвшимъ
случай читать ее въ рукописи, онъ
назвалъ *Замогильными записка-
ми*. Можно себя представить, что

должна быть эта книга. Мало было въ исторіи периодовъ, столь любопытныхъ и столь богатыхъ великими происшествіями и несомногихъ людей одаренныхъ глубокими и проникательными умами. Шатобріана, чтобы наблюдать и постигать ихъ, и его широкою кистью, чтобы ихъ описывать. Послушайте, какъ онъ самъ говорить о томъ, что онъ видалъ, въ предисловіи къ своимъ запискамъ.

« Я встрѣчался почти со всеми людьми, игравшими въ мое время болѣе или менѣе важную роль въ моемъ отечествѣ или въ другихъ странахъ, и Вашингтона, и Наполеона, и Людовика XVIII и Императора Александра; и Пія VII и Григорія XVI; Фокса, Бёрка, Питта, Шеридана, Лондондерри, Капо-Дистрио, Мальзербъ, Мирабо, Нельсона, Боливара, Мегемета египетскаго, — и Сюффрена, Бугенвилля, Лаперуза, Моро, и проч. Я участвовалъ въ безпримѣрномъ до-тѣхъ-поръ триумвиратѣ: три поэта, различные по народности и по образу мыслей были почти въ одно время министрами иностранныхъ дѣлъ: я во Франціи, Кanningъ въ Англии и Мартинесъ-дела-Роса въ Испаніи. Я пережилъ безжизненные годы старой французской монархіи, и полный жизни періодъ республики, владычества Бонапарта и царствованіе законной династіи. Прошелъ по морьямъ стараго и новаго материка, видѣлъ всѣ четыре части свѣта; отдыхалъ въ шалашѣ прокезца, въ палаткѣ аравитянина, въ вигнамѣ гурона, на развалинахъ Аѳинъ, Иерусалима, Мемноса, Карфагена, и Гренады; подъ кровомъ грека, турка и мавра; среди льсовъ и среди развалинъ, надвѣвалъ медвѣжьёю шкуру дикаря и шелковый кафтанъ мамелюка, терпѣлъ нищету, голодъ и изгнаніе.»

Давно уже здоровье Шатобріана внушало его приближеннымъ сильныя опасенія. Но возвращеніи изъ повзданія Діерпъ, въ прошломъ году, показали признаки не позволяющіе уже сомнѣваться въ близкой его кончинѣ. Врачи посылали его въ Италію; но къ прежнимъ его недугамъ присоединилась острая болѣзнь легкихъ, и на пятый день его уже не стало. Онъ умеръ въ Парижѣ, 4 іюня 1848 года, въ девять часовъ утра.

Тѣло его было отпущено 8 іюля въ церкви Иностранныхъ Миссій, при многочисленномъ стеченіи его друзей и почитателей. Народу было такъ много, что церковь не могла вмѣстить всѣхъ, и по совершеніи обряда, тѣло вынесено было на дворъ, гдѣ одинъ изъ членовъ французской академіи Патень произнесъ надъ нимъ рѣчь.

Брѣнные останки великаго поэта похоронены на островѣ Большаго-Бе, въ виду его роднаго города Сень-Мало. Еще въ 1825 году Шатобріанъ говорилъ о желаніи своемъ, чтобы его похоронили на этомъ мѣстѣ; и въ 1828 году онъ просилъ городъ продать ему на западной оконечности острова, выдающагося въ открытое море, небольшое пространство земли для его могилы. Городъ, желая почтить своего знаменитаго гражданина, выхлопоталъ этотъ клочекъ земли, потому что островъ тогда уже перешелъ въ вѣдѣство военнаго министерства, и рѣшился приступить на себя постройку гробницы, какой желалъ самъ Шатобріанъ. Могила вырыта въ скалѣ; и на ней положена простая гранитная плита, на которой стоитъ гранитный же крестъ!

Мѣсто это видно изъ оконъ комнатъ, въ которой родился Шатобріанъ. Рассказываютъ, что мать его, за нѣсколько часовъ до его рожденія, поѣхала прогуляться по

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

Bald ist es dies, bald ist es das,
Bald ist es nicht's, bald ist es was!

Знаменитый Чандосъ - портретъ.—единственное подлинное изображение Шекспира, - продано съ аукциона вѣнныя герцога Буккингама за 555 гиней (около 2500 р. сер.) графу Эльмеру, который предназначаетъ его для Шекспировской компании въ новомъ Бриджуатеръ-гузъ въ Гринъ-паркѣ. Исторія этого портрета восходитъ до сэра Уильяма Давенанта, юнаго современника и любимца Шекспира (или какъ утверждаютъ, его сына), который уступилъ его актеру Беттертому, отъ котораго онъ перешелъ къ актрисѣ Бэрри, а она продала его адвокату Роберту Кекъ. У него купилъ этотъ портретъ богачъ Николль, выдавшій дочь свою и пасыдницу за герцога Буккингамъ - Чандосъ, въ фамилии котораго онъ до сихъ-поръ и оставался. Знаменитый живописецъ Кнелперъ снялъ съ него копию въ 1692 для Джона Драйдена, который отблагодарилъ его однимъ изъ прекраснѣйшихъ своихъ посланій. Этотъ портретъ написанъ на полотнѣ и имѣетъ 22 дюйма вышины и 18 дюймовъ ширины. Лицо серьезно и полно мысли, глаза огненные, волосы темнокаштановые.

Грудь покрыта чернымъ платьемъ, сверхъ котораго лежитъ бѣлый воротничокъ; въ лѣвомъ уху продѣта золотая серьга. Картина, повидимому была нѣсколько разъ ресторирована, и особенно желтый фонъ, окружающій голову, кажется, относится къ Келлеровой эпохѣ. Athenaeum полагаетъ, что Чандосъ-портретъ не оригиналь, писанный прямо съ Шекспира, но копія, снятая для сэра Давенанта. Однакожъ несомѣнно, что современники поэта находили этотъ портретъ очень похожимъ.

Султанскій театръ въ Константинополь уже отстроены. Увѣряютъ, что это одна изъ лучшихъ существующихъ театральныхъ залъ, Труппа, для которой она предназначена, ожидаетъ только болѣе утѣшительныхъ извѣстій о холерѣ и тогда немедленно отиравится въ Константинополь. Въ этомъ театрѣ должны перемѣшаться итальянская опера, французская комедія и національныя представления на турецкомъ языкѣ.

Недавно продана была въ Лондонѣ съ аукціона прекрасная бронзовая фигура римскаго императора Адриана, вышиною въ 5 футовъ, которая за нѣсколько лѣтъ была найдена въ Темзѣ; ее купилъ Британскій Музей за 100 фунтовъ стерлинговъ (около 700 р. сер.).

— *Постройка висячаго моста черезъ Ниагарскій водопадъ*, въ июль нынѣшняго года окончена. Что бы составить себѣ понятіе, объ этомъ, представьте себѣ мостъ въ 800 футовъ длины, висящій на высотѣ 250 футовъ надъ водою массою, которая прорывается сквозь тѣсное ущелье и свертывается внизъ съ ужасною быстротою. Снизу онъ кажется бумажною полоскою, привязанною къ берегамъ паутиною. Онъ такъ легокъ, что при сильномъ вѣтрѣ качается надъ пучиною, и дрожитъ подъ шагами пѣшехода. Не смотря на то, онъ проченъ и ходить по немъ можно совершенно безопасно. Первый перешелъ по мосту строитель его Эллетъ, за нимъ жена его, а потомъ другіе охотники, привлеченные новизною ощущенія. Въ единогласно утверждаютъ, что неописанное чувство сжимаетъ сердце, когда стоишь на мосту или почти видишь на воздухѣ, между тѣмъ какъ Ниагара съ грохотомъ катитъ свои волны на 250 футовъ ниже бестрашнаго пѣшехода.

— *Мейерберъ уже въ Парижѣ* и готовился начать репетицію *Пророка*, но дирекція Оперы, занятая постановкою *Безумной Жанни* (Jeanne la folle), просила знаменитаго композитора отло-

жить на мѣсяцъ постановку *Пророка*. Изъ уваженія къ собрату своему *Клиппсону*, Мейерберъ согласился на отсрочку, хотя она отнимаетъ у него цѣлый мѣсяцъ; онъ только потребовалъ, чтобы контрактъ г-жи Виардо Гарсин, занимающей главную роль въ его оперѣ, былъ продолженъ на столько же времени, сколько продлится эта отсрочка.

— *Верди и его критики*. Верди тихомолкомъ сошелъ со сцены; царство этого композитора въ Парижѣ, кажется кончилось; защитники его замолкли; отъ времени до времени появляются только болѣе или менѣе остроумныя насмѣшки. Справедливы ли онѣ? — мы объ этомъ здѣсь разсуждать не намѣрены, (хотя и считаемъ Верди достойнымъ не безусловныхъ куреній, а серьезной, подчасъ даже довольно строгой критики). Вотъ одна изъ самыхъ свѣжихъ выходовъ, пущенныхъ въ ходъ кѣмъ-то изъ его недоброжелателей:

Un Critique de Verdi

Monsieur, vous acceptez Verdi pour un grand homme! Je ne vous passe pas cette concession, Car autant que vous il m'assomme De sa triste partition, C'est la Réclame qui le nomme Avec cette obstination Digne du bon monsieur Prudhomme Mais chez les gens de sage opinion, Tout autrement on le dénomme. Pour eux, Jérusalem, pale t r a d u c t i o n, Qui fait dormir de Milan jusqu'à Rome,

N'est d'un génie heureux que la
négation.
On ne supporte pas l'ennui qui
s'y consomme,
Sans courir le danger d'une indi-
gestion.
Les maitres que chez nous, à bon
droit on renomme,
Traitent bien autrement l'art et la
passion;
Entre tons ces héros, le moindre
gentilhomme,
De par et pour l'instrumentation,
Remporterait sur lui la pomme,
Sans la moindre opposition.
Si Verdi l'essayait: mais enfin,
c'est tout comme,
De tout quoi, je vous fais la ré-
quisition,
Et même, au besoin, je vous somme,
De vaquer a l'insertion;
Ce qui sera très bien.

Signé: Monsieur

Franchomme.

то есть:

Милостивый государь, вы признаете Верди за великаго человека! Никакъ не прошу вамъ этого снисхожденія, ибо онъ оглушаетъ васъ, какъ и меня, своею жалкою партитурою. Своя братья одна, съ непостижимымъ упрямствомъ, возводятъ его въ великіе люди; здравомыслящіе же люди думаютъ о немъ совсѣмъ не такъ. Для нихъ въ «Іерусалимъ», блѣдномъ переводѣ «Ломбардцевъ», усыпавшемъ всѣхъ отъ Рима до Милана, гениа нѣтъ ни на грошъ; его тоски не выдержать, того и сморить, что разстроить пищеваженіе. Такъ ли обходятся съ искусствомъ и страстью, кого мы называемъ композиторами! Когда бы состязались съ нимъ въ инструментовкѣ, послѣдній изъ нихъ, бесспорно, заткнетъ его за поясъ. Пусть попробуетъ вашъ Верди, ну, да и безъ пробы доказательство на лицо! Что я и прошу, а въ случаѣ надобности, приказываю, поместить въ вашемъ журналѣ, во славу истины, и подписуюсь.

Правдолюбивъ,

Мысли и замѣтки.

— Чѣмъ мы холодитѣ, расчелливѣе, осмотрительнѣе, тѣмъ рѣже подвергаемся насмѣшкамъ. Эгоизмъ можетъ быть отвратительнымъ, но не смѣшнымъ, потому что онъ благоразуменъ. Но встрѣчаются люди, любящіе себя такъ нѣжно, удивляющіеся своему гению такъ восторженно, думающіе о своемъ благосостояніи такъ умилительно, о своихъ неудовольствіяхъ такъ сострадательно, что въ нихъ и самый эгоизмъ имѣетъ смѣшную сторону энтузіазма и сантиментальности.

Тонкость не доказываетъ еще ума. Глупцы и даже сумасшедшіе бывають удивительно тонки. Можно прибавить, что тонкость рѣдко соединяется съ гениемъ, который обыкновенно простодушенъ, и по характеру своему откровененъ.

Мы не только можемъ, но и должны гордиться славою своихъ предковъ, кто не уважаетъ ее, тотъ слишкомъ малодушенъ. Государственное правило, сказалъ Карамзинъ, ставить уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному.» Греки даже въ униженіи не забывали своего славнаго происхожденія, и поэтому уже были достойны освобожденія. Можетъ ли быть порокомъ честнаго человѣка то, что считается добродѣтью цѣлаго народа? Этого предразсудокъ, утвержденный демократическою завистью некоторыхъ мыслителей, распространяетъ лишь одинъ цинкій эгоизмъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть благороднѣе надеж-

ды, что нашихъ внуковъ будутъ уважать за имя, которое мы имъ передадимъ.

— «Все что выше геометрин, выше пась», сказалъ Паскаль и написалъ философскія мысли.

— Въ чемъ состоятъ истинный вкусъ?— Въ чувствѣ соразмѣрности и сообразности.

— Говорятъ, что русскія дамы равнодушны къ отечественной поэзи, потому что онѣ не слишкомъ знакомы съ роднымъ языкомъ: но укажите мнѣ, пожалуйста, даму, которая не поняла бы стиховъ Пушкина, Жуковского или Баратынскаго? Дѣло въ томъ, что женщины вездѣ одинаковы. Давъ имъ тонкій умъ и раздражительную чувствительность, природа едва ли не отказала имъ въ чувствѣ изящнаго. Онѣ слушаютъ поэзію, но не трогаются ею; онѣ нечувствительны къ ея гармоніи; замѣтѣте, какъ онѣ поютъ романсы, какъ искажаютъ самые простые стихи, разстраиваютъ мѣру, уничтожаютъ ритму. Прислушайтесь къ ихъ литературнымъ сужденіямъ, и васъ поразитъ ошибочность и даже грубость ихъ понятія.. Il n' y a pas de règle sans exception, но исключенія рѣдки.

Ученый безъ дарованія похожъ на того бѣднаго мулу, который изрѣзалъ и съѣлъ коранъ, думая исполниться духомъ Магомета.

Un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme. Хорошая эпиграмма лучше плохой трагедіи.. Что это значить? можно ли сказать, что хорошій завтракъ лучше дурной погоды?

Слово *кокетка* обрусѣло, но *prude* не переведено и еще не вошло въ употребленіе. Это слово означаетъ женщину, слишкомъ щекотливую въ своихъ понятіяхъ о чести (женской)—педотрогу.

Такое свойство предполагаетъ нечистоту воображенія, отвратительную въ женщинѣ, особенно молодой. Пожлой женщинѣ можно знать многое и многого опасаться, но невинность — лучшее украшеніе молодости. Во всякомъ случаѣ, эта слабость въ женщинѣ или смѣшна или несносна.

Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux. Все роды хороши — кромѣ скучнаго. Хорошо было сказать это въ первый разъ но можно ли повторять такую великую истину? На шуткѣ Вольтера основывается поверхностная критика литературныхъ скептиковъ; но скептицизмъ, во всякомъ случаѣ, первый шагъ умствованія. Впрочемъ кто-то замѣтвалъ, что и Вольтеръ не сказалъ: également bons.

Легко обманывать ученыхъ. *Микель-Анджело* сдѣлалъ статую которую всѣ знатоки принимали за древность. — *Буллонъ* написалъ картину, которую продавали за *Веронеза*; *Миньяръ*, узнавъ обманъ, сказалъ ему: «Такъ пишете же всегда картины Веронеза, а не

Будоня! — *Габриэль Фаерно*, Кременский уроженецъ (при папѣ Шѣ IV) открылъ манускриптъ *Федра* и издалъ его подѣ своимъ именемъ; всѣ находили его дурнымъ; обманъ былъ вскорѣ открытъ и всѣ стали восхищаться *Федромъ*.

Музыка у древнихъ народовъ, учила: произношенію, ритму, декламации, такъ какъ грамматика заключала въ себѣ краснорѣчіе и литературу. — *Ubi dextra et sinistra, fabula inscribatur, facos et gravitatem denunciabat.*»

Первые известные въ Европѣ музыканты были французы и фламандцы; *Годимель* при Генрихѣ VIII; *Роландъ Лассе*, котораго италіанцы называли: «*Орландо Лассо*». Въ Ватиканѣ хранится пѣснь *Тибо*, графа *Шампанскаго*, положенная на музыку. Лучшіе музыкальные инструменты приготовлялись въ Антверпенѣ

Изучить нѣсколько чужихъ языковъ — дѣло немногихъ лѣтъ; краснорѣчиво выражаться на своемъ собственномъ — дѣло цѣлой жизни.

Честь есть неподдѣльное смѣшеніе уваженія къ другимъ и къ самому себѣ

Экспедиція капитана Троттера по Нигеру,

(A narratwe of the expedition sent by Her Majestys government to the river Niger, under the cominand

of Capt. H. D. Trotter. By Capt. W. Allen and T. R. H. Thompson. London. 1848.)

Цѣлью этой экспедиціи, было уничтоженіе торговли невольниками въ самомъ ея источникѣ. Англичане хотѣли принудить или уговорить мелкихъ африканскихъ князьковъ прекратить ихъ междоусобныя войны и не продавать по прежнему своихъ плѣнныхъ.

Три маленькихъ парохода: *Альбертъ*, *Вильберфорсъ* и *Суданъ*, отправлены были вверхъ по Нигеру для переговоровъ съ начальниками различныхъ племенъ негровъ и для основанія колоній, посредствомъ которыхъ предполагали водворить въ этой странѣ земледѣліе, этотъ зародышъ цивилизаціи. Британскіе ревнителі уничтоженія торгова невольниками полагали большія надежды на успѣхъ этого предпріятія. По ихъ просьбамъ и ходатайству, Англійское Правительство употребило 65000 фунтовъ стерлинговъ на постройку и снаряженіе судовъ, даже составилась *Африканская компанія* и въ маѣ 1840 экспедиція выступила въ море. Всѣ предосторожности были приняты для предохраненія экипажа отъ вреднаго вліянія африканскаго климата, который такъ опасенъ для европейцевъ. Корабли были между прочимъ снабжены вентиляторами, провѣтривательными аппаратами, посредствомъ которыхъ надѣялись уничтожить вредное дѣйствіе испорченнаго воздуха, производящаго, по общему мнѣнію, болѣзни, господствующія на африканскихъ берегахъ. Къ сожалѣнію, все это основано было на одной теоріи, хотя очень ученой, по которой не доставало точнаго знанія мѣстности.

Послѣ счастливаго плаванія, экспедиція прибыла 26 Іюля въ

Сьерра — Леону, гдѣ паняли около ста негроуи, изъ которыхъ многіе должны были служить переводчиками и 15 августа вступила, въ одно изъ устьевъ Нигера Мѣстность этой страны совершенно дикая. Множество лодокъ слѣдовали въ некоторомъ отдаленіи за кораблями, которые 16 августа достигли *Абожа*, гдѣ англичане изъли переговоры съ королемъ *Оби*. Этотъ дикій царекъ, прельщенный подарками, безъ затрудненія согласился на предложенія ему условия, и первый договоръ былъ заключенъ.

Счастливые первымъ успѣхомъ англичане продолжали путь до *Идды*, столицы королевства *Загарти*. Здѣсь они изъли аудіенцію у короля *Атта*, «дикій оглушающій грохотъ барабановъ и другихъ подобныиъ инструментовъ возвѣстывъ приближеніе монарха. На дальнемъ концѣ двора вдругъ отворилась дверь, и *Атта* появился на послкахъ, которые несли восемь невольниковъ, согбенныхъ повидному подъ тяжестью своего царственного владыки. Воскличанія собравшагося народа приветствовали короля. Его посадили на тронъ, передъ которымъ сперва протянули занавѣсь, вѣроятно для того, чтобы король могъ за нимъ окончить свой туалетъ. Потомъ *Атта* принялъ чужеземцевъ торжественно и церемониально. Онъ чрезвычайно крѣпкаго сложенія, его черная кожа блеститъ, какъ полированное черное дерево; его большіе глаза ничего не выражаютъ. На немъ было широкое платье изъ краснаго бархата, широкіе алые штаны и пестрая шапка съ бусами и кораллами. Ноги, обутыя въ сафьянные сапоги, висѣли по бокамъ трона. Большой кармазинный зонтикъ былъ рас-

пущенъ надъ его головою. Несколько невольниковъ вѣрно размахивали по воздуху опахалами. Влѣво отъ трона стоялъ первый министръ, который держалъ въ рукѣ маленький рогъ, мѣстами обтянутый краснымъ сукномъ. За трономъ сидѣли судьи и множество другихъ людей. Когда изложили королю предметъ посольства и поднесли подарокъ, то онъ отвѣчалъ черезъ своего министра: «Я радъ и благодарю Бога, что вижу васъ у себя. Если ваши соотечественники съ удовольствіемъ видятъ меня, то должны повѣрить моимъ словамъ. Предшественникъ мой желалъ видѣть бѣлыхъ людей въ своей странѣ, но не дѣлалъ ничего, чтобы привлечь ихъ. Теперь я *Атта* или король, и бѣлые люди пришли повидаться со мною, что мнѣ очень пріятно. Если вы хотите быть моими дорогими друзьями, то не слишкомъ спѣшите уѣхать; я люблю, чтобы мои друзья многіе дни ѣли и пили со мною. Когда чужеземецъ навѣщаетъ меня, то я не могу отпустить его, покаместъ мы съ нимъ не обляпимся вполнѣ. Я неохотно выхожу въ дождливую погоду, но бѣлые люди желали видѣть меня и я думалъ, что они умѣютъ унимать непогоду, однакоже дождь, и теперь силенъ по-прежнему. Рѣка принадлежитъ мнѣ далеко внизъ и вверхъ, по обоимъ берегамъ, и я король. Королева бѣлыхъ прислала друга своего посѣтить меня. Я вижу также подарокъ, но слишкомъ ничтожный для меня и годный развѣ моему слугѣ. Богъ создалъ меня по своему образу, я подобенъ Богу, и онъ поставилъ меня Царемъ.»

Послъ этого образчика африканскаго краснорѣчія, совѣщаніе было отложено до слѣдующаго дня, когда договоръ и былъ за-

ключень безъ большаихъ затрудненій, потому что король всего болѣе желалъ поскорѣе получить обещанныя ему подарки. Онъ успѣлъ также за умѣренную цѣну землю для устройства образцовой фермы.

Но только пачались пужныя приготовленія, какъ показались первые припадки лихорадки. Наступилъ душливый жаръ; термометръ показывалъ днемъ въ тѣни 90 градусовъ Фаренгейта (25, 8°R) и даже ночью не опускался ниже 85° F (23, 6° R) Кроме того множество змѣй, въ томъ числѣ нѣсколько ядовитыхъ, забралось на самыя суда. Однакоже всѣ эти затрудненія не останавливали дѣла. Матеріалы и орудія для образцовой фермы были перенесены на берегъ, и хорошенкавая палатка, красовавшаяся на Эглинтоунаскомъ турнирѣ, служила временною квартирою для обер-интенданта. Для защиты колонистовъ оставили на якорѣ вооруженную шлюпку, между тѣмъ какъ пароходъ *Вильберфорсъ* отправился въ *Чаду*, а *Альбертъ* и *Суданъ* должны были подняться далѣе по Нигеру. Но быстрое распространеніе лихорадки остановило исполненіе этого плана. Болѣзнь сдѣлалась такъ серьезною, что съ каждымъ днемъ становилось опаснѣе оставаться въ этихъ водахъ. Два парохода съ больными поплыли обратно къ морю и только третій рѣшился отправиться далѣе. Но и это судно, котораго экипажъ все болѣе и болѣе подвергался болѣзни, вскорѣ принуждены были подумать о скорѣйшемъ возвращеніи. Наконецъ экспедиція, потерявъ 54 человека: 43 бѣлыхъ и 11 негровъ, принуждена была отправиться обратно въ Англію, не вознаградивъ ничѣмъ существеннымъ такой скорбной потерей. Единственнымъ

результатомъ этой несчастной попытки было убѣжденіе, что существованіе европейской колоніи въ убійственномъ климатѣ береговъ Нигера рѣшительно невозможно.

Ю. Санъ Фи-Рокъ т. е. Искусство воспитывать шелководныхъ червей, японскаго писателя Ункали Морикуні, было привезено изъ Японіи ученымъ сардинскимъ путешественникомъ Маттео Бонафу. Докторъ Гофманъ переводчикъ нидерландскаго короля, одинокъ во всей Европѣ знающій японскій языкъ, перевелъ эту книгу почти буквально, и недавно издалъ ее на французскомъ языкѣ съ 50 рисунками, гравированными на мѣди съ подлинника. Не излагая содержанія этого замѣчательнаго произведенія, мы извлечемъ однакожь изъ него одну прекрасную аллегорію.

«Четыре испытанія или что случилось съ королемъ Линъ-и. Въ одномъ древнемъ государствѣ внутренней Индіи жилъ однажды король по имени Линъ-и (непавиствъ къ дождю); королеву же, жену его, звали напротивъ того Куангъ-или (болзнь лучей). У нихъ была одна дочь, которую всѣ называли дѣвою съ золотымъ волосомъ. Мать умерла и король женился на другой. Эта злая женщина неавидѣла свою падчерицу и наконецъ лестью убѣдила короля завести бѣдную дѣвушку въ пустыню, гдѣ рыскали львы; но небо защитило, ее и вскорѣ она возвратилась въ государство невредимою, сидя на львѣ.

«Черезъ нѣсколько времени, принцеса была вновь удалена и въ этотъ разъ ее оставили на Соколиныхъ горахъ, но соколы, отъ которыхъ горы получили свое

название, собирались около нее, приносили ей пищу и пеклись объ ней до тѣхъ - поръ, пока одинъ царскій служитель, предъувѣдомленный объ этомъ, не отыскалъ ее въ горахъ и не отвелъ домой.

«Раздраженная этимъ неожиданнымъ возвращеніемъ, царица приказала тотчасъ же отправить дѣву съ золотымъ волосомъ на островъ, называемый *Зракломъ моря*. Но рыбакъ пришелъ на помощь изграницыцѣ взялъ ее въ чолнъ и привезъ къ отцу.

«Царица, еще болѣе раздосадованная, велѣла вырыть на дворцовомъ дворѣ яму и закопать въ нее живую царевну. Черезъ нѣсколько времени увидѣли, о чудо! лучи свѣта, выходящіе изъ щелъра земли. По приказанію короля, начали рыть землю на томъ мѣстѣ открыли — его дочь живую и невредимую.

«Наконецъ заключили дѣву съ золотымъ волосомъ въ дуло тутоваго дерева и бросили въ мрачной океанъ. Волны понесли ее въ Японію и принесли въ гавань Тойору, гдѣ одинъ прибрежный житель нашелъ ее и на рукахъ перенесъ на землю. Но она прожила только нѣсколько мгновений, и едва испустила послѣднее дыханіе, какъ обратилась въ шелковичнаго червя.

«Когда мы означаемъ въ Японіи, прибавляетъ Унгали Морикуніи, четырехкратный сонъ и четырехкратное пробужденіе шелко-вичнаго червя именами *льва, сокола, шелкока и двора*, то намекаемъ на четыре испытанія царственной дѣвы.

Французскій журналъ *Artiste* хвалитъ рисунки, исполненные г. Дюло подъ надзоромъ Бонафу; они представляютъ различные виды воспитанія шелко-вичныхъ червей и воздѣлыванія тутоваго дерева.

Су - чоу *Китайскій Парижъ* недоступенъ европейцамъ и ни одному изъ нихъ не удавалось проникнуть въ него, только недавно, англичанинъ Фортюнъ, подъ видомъ китайца, постилъ этотъ городъ, лежащій внутри поднебеснаго царства. Вотъ что онъ говоритъ объ немъ.

«Когда я переходилъ мостъ, ведущій черезъ каналъ, который огибаетъ весь городъ, то замѣтилъ множество звякъ, которые, облокотясь на перила, безопасно глядѣли на плывущія по всемъ направленіямъ лодки.

Никто, казалось, не узналъ во мнѣ иностранца и я, внутренно торжествуя, остановился самъ и бросилъ взглядъ на веселую и счастливую толпу. Какъ бы удивились эти добрые люди, еслибы вдругъ узнали, что между ними находится англичанинъ!

Су - чоу похожъ по наружности на все сѣверные города, но съ перваго взгляда замѣтно, что онъ центръ государства и роскоши, потому что здѣсь незаметно ни малѣйшаго признака упадка, какъ въ Рингъ - о и въ другихъ мѣстахъ. Какъ въ Кадингъ и Ту - цонгъ - ценъ, стоятъ на каналѣ, который имѣетъ здѣсь ширину Темзы, множество старыхъ джонокъ, служащихъ прекраснымъ жилищемъ для китайцевъ, которые такъ любятъ воду. Джонокы и суда разной величины скользятъ по всемъ направленіямъ по этому превосходному каналу, проходящему черезъ весь городъ нѣсколькими рукавами; вообще Су - чоу кипитъ жизнью и дѣятельностью, что рѣдко гдѣ встрѣчается, кромѣ Кантона или Шангъ - гай. Набережныя подняты высоко и хорошо содержатся. Та часть города, въ которую я прежде вошелъ, нѣсколько не хороша; улицы узки и грязны, и, вѣроятно, заселены простымъ

народомъ; но въ западной части живутъ аристократія, что легко угадать по красотѣ и величинѣ домовъ и улицъ. Городскія ворота, охраняются солдатами и всѣ, безъ исключенія, запираются около девяти часовъ.

«Су - чоускія женщины считаются первыми красавицами во всемъ Китаѣ и, судя по нѣсколькимъ лицамъ, которыя мнѣ удалось замѣтить, — это мнѣніе справедливо. Костюмъ ихъ богатъ, краснъ и изященъ; одно только не понравилось мнѣ, — изуродованныя ноги и гадкая привычка бѣлиться и румяниться: это считается у китайцевъ необходимою. Въ другомъ мѣстѣ Фортыонъ говоритъ: «Между путешественниками, посѣщавшими

Китай и между учеными, знакомыми съ исторіею поднебеснаго царства, нѣтъ ни одного, который не слышалъ бы о знаменитомъ городѣ Су - чоу. Зайдите въ лучшія лавки Гонгъ - конга, Кантона или другаго какого - нибудь южнаго города и спросите какую-нибудь цѣнную вещь: вамъ непременно скажутъ; что она изъ Су - чоу. Закажите также что - нибудь хорошее и вамъ объявятъ, что это нужно выписать изъ Су - чоу. Изящныя картины, скульптурныя произведенія, даже хорошенькія женщины, — все получается изъ Су - чоу, и ничто на землѣ, по мнѣнію китайцевъ, не можетъ сравниться съ этимъ городомъ.»

БАЛАГУРЪ.



Четыре анекдота из жизни

ВОЛЬТЕРА

I

Извѣстно, что Вольтеръ заставлялъ играть свои трагедіи на своемъ Фернейскомъ театрѣ; онъ самъ участвовалъ въ представленіи и никогда актеръ не занимался своею ролью съ такимъ рвеніемъ, какъ онъ. Костюмъ его долженъ былъ быть готовъ за нѣсколько дней до представленія, и онъ утомлялъ работниковъ безпрерывными мелочными измѣненіями. — Однажды онъ долженъ былъ играть роль Цицерона въ Катилинѣ; съ утра надѣвъ Римскую тогу, онъ прогуливался въ саду, повторая роль, и отъ времени до времени дѣлалъ различные вопросы своему садовнику.

Садовникъ, изумленный странною одеждою своего господина, не могъ удержаться отъ смѣха.

Вольтеръ разсердился. «Что находишь ты страннаго въ моей одеждѣ? Цицеронъ также прогуливался въ саду, прежде чѣмъ отправлялся въ Сенатъ; я представляю его сегодня; не одѣваться-же мнѣ два раза! Онъ съ гнѣвомъ ушелъ изъ сада и долго не могъ простить садовнику насмѣшки надъ Цицерономъ.»

II.

Вольтеръ чрезвычайно любилъ одного орленка, котораго держалъ на привязи на дворѣ Фернейскаго замка. Однажды орленокъ, подражая съ двумя пѣтухами и былъ тяжело раненъ. Вольтеръ тотчасъ же послалъ нарочнаго въ Женеву съ приказаніемъ привез-

ти искуснаго птичьаго лекаря. Ожидая его съ нетерпѣніемъ, онъ ходилъ то къ клѣткѣ своего орленка, то къ окну, изъ котораго видна была большая дорога; наконецъ онъ увидѣлъ гонца, посадившаго эскулапа на лошадь позади себя; онъ вскрикнулъ отъ радости, побѣжалъ встрѣчать лекаря, принявъ его необыкновенно ласково, дѣлая ему различныя обѣщанія. Лекарь, изумленный пріемомъ, котораго не привыкъ встрѣчать, сталъ разсматривать раны орленка; Вольтеръ старался прочесть въ глазахъ его рѣшеніе участи больнаго. Лекарь объявилъ, что онъ не можетъ скрывать своего мнѣнія до снятія первой перевязки, — и ушелъ, получивъ щедрую плату и обѣщая прійти на другой день. Цѣлый день Вольтеръ былъ какъ на иголкахъ; наконецъ лекарь объявилъ, что онъ не отвѣчаетъ за жизнь орленка. Каждое утро первымъ дѣломъ Вольтера было спросить у одной изъ своихъ служанокъ, Маделины: «Каково здоровье моего орленка?» — «По маленьку, сударь, по маленьку,» — Однажды Маделина, со смѣхомъ отвѣтила ему на обычный вопросъ: «Ахъ, сударь, вашъ орленокъ уже не болен!» — «Какъ, онъ поправился; какое счастье!» — «Онъ умеръ!» — «Умеръ! Мой орленокъ умеръ! и ты смѣешь смѣяться!»

— «Онъ былъ такъ худощавъ, что ему право, было лучше умереть. — Какъ худощавъ! закричалъ взбѣшенный Вольтеръ, прекрасная причина! меня значить должно убить, потому что я худощавъ. Негодна! смѣяться надъ смертью бѣднаго орленка, потому что онъ былъ худощавъ. Что ты жирна, такъ ты думаешь, что только ты имѣешь право жить? Прочь, прочь отсюда!» — Г-жа Дени приближала на крикъ своего

дяди, и спросила о причинѣ его гнѣва. — Вольтеръ рассказалъ ей дѣло, не переставая ворчать: «Худощавъ худощавъ такъ и меня должно убить...»

Наконецъ онъ потребовалъ, чтобы Маделина была рассчитана. Племянница обѣщала ему, но не рѣшаясь прогнать вѣрную служанку, приказала ей прятаться въ замкѣ. Черезъ два мѣсяца Вольтеръ спросилъ о ней. — «Она въ несчастномъ положеніи, — отвѣтила ему Г-жа Дени, — когда въ Женевѣ узнали, что она прогнана изъ Фернейскаго замка, никто не хотѣлъ ее къ себѣ взять.» — Она сама виновата; зачѣмъ насмѣхаться надъ бѣднымъ животнымъ... Однако не умирать же ей съ голоду, пусть вернется, только чтобы она не встрѣчалась со мною.» — Маделина дѣйствительно перестала прятаться, но вслѣдствіи избѣгала встрѣчи съ своимъ господиномъ. — Однажды Вольтеръ столкнулся съ нею въ дверяхъ; смущенная Маделина не знала, что дѣлать. — «Забудемъ старое, сказала ей Вольтеръ, — но помни, что не должно убивать всѣхъ худощавыхъ.»

III.

Во время своего пребыванія въ Парижѣ, въ 1778 г., Вольтеръ жилъ у Маркиза дѣ-Вильетъ. Однажды маркизь давалъ обѣдъ; садясь за столъ, Вольтеръ замѣтилъ, что къ его прибору не поставили серебрянаго стакана, изъ котораго онъ обыкновенно пилъ и который былъ отмѣченъ его печатью. «Гдѣ мой стаканъ? гнѣвно закричалъ онъ лакею, прислуживавшему ему: — сей-часъ отнесите мой стаканъ, иначе я не стану обѣдать!» — Стаканъ не на-

шелся; Вольтеръ ушелъ изъ столовой и заперся въ своей комнатѣ. — Отсутствіе Вольтера опечалило всехъ присутствовавшихъ; наконецъ рѣшили послать къ нему Вильвелья, котораго онъ очень любилъ. — Вильвелья явился; дверь заперта — онъ постучался. «Кто тамъ? — « Я... Вильвелья!» Вольтеръ впустилъ его въ комнату. — Это вы, маркизъ, что вамъ угодно.» — « Я пришелъ, отъ имени всехъ нашихъ друзей просить васъ сойти въ столовую: Вильетъ извиняется предъ вами въ глупости лакея, котораго онъ уже прогналъ.» — «Такъ меня просить сойти въ столовую? Послушайте, мой другъ, я не смѣю!» — Почему? — « Они вѣрно надо мною смѣются!» — Можете ли вы это думать; мы всѣ имѣемъ особенную привязанность къ тому или другому предмету.» — « Я вижу, что вы стараетесь оправдать меня. Скажемъ лучше, что каждый имѣетъ свою странность, а я стыжусь своей. — Ступайте впередъ, я сейчасъ приду.» — Вольтеръ дѣйствительно пришелъ въ столовую и сѣлъ за столъ съ неловкостью ребенка, который сдѣлалъ проступокъ и бонтяся выговора.

Коммунисты — это люди, которые ничего не имѣютъ, но хотятъ все дѣлить съ другими. Имъ даютъ волю говорить и не позволяютъ только дѣйствовать. Они бываютъ разныхъ сортовъ. Одинъ — честные теоретики, другіе же — безстыдные практики. Одинъ изъ послѣднихъ недавно отрезалъ въ тѣсногъ двѣ фракныя фалды. Владыка фракъ обернулся и схватилъ коммуниста за воротъ. «Что ты дѣлаешь? — Кажется, сами вы-

дите. Я по теоріи коммунизма беру половину вашего фракъ.

Фракопосецъ, обращенный въ курткуносца, сломалъ толстую палку изъ испанскаго камыша объ спину вора и прибавилъ: Я тоже коммунистъ, дѣлю свою палку съ тобою, бери свою половину.

Теперь въ Парижѣ смѣются надъ всѣмъ. Недавно въ кондитерской посѣтитель недовольный прислугою, говорилъ хозяйкѣ: Вотъ ужъ полчаса, какъ я велья подать мороженого, а мы по-сю пору не несуть. — Извините пожалуйста, этотъ слуга еще недавно уменя, онъ былъ прежде под-префектомъ! — Другой посѣтитель сказалъ маркеру: Какой ты неловкой, братецъ! Залилъ мнѣ кофеемъ брики. — Говорите, пожалуйста, помягчивше, отвѣчалъ маркеръ; въ республикѣ всѣ равны. Посѣтитель промолчалъ, допилъ свой кофе и расплатившись, положилъ сдачу въ карманъ. — Не забудьте, сударь, прислугу. — Гражданинъ, я не смѣю обидѣть равнаго мнѣ, предложивъ ему два су.

Лордъ С. провелъ на водахъ въ Баденъ (въ кантонѣ Ааргау) около 14 дней съ большимъ удовольствіемъ, т. е. онъ не говорилъ ни слова, прогуливался и читалъ журналы. Лордъ, посѣтители, хозяинъ, всѣ были довольны. Туда прѣхалъ другой англичанинъ съ семействомъ. Два земляка поговорили недолго и тотчасъ первый велья укладываться и подать лошадей; черезъ часъ и слѣдъ его простылъ. Всѣ удивлялись, но наконецъ загадка объяснилась. Лордъ С. думалъ, что онъ въ Баденъ, Баденъ (въ Великомъ Герцогствѣ Баденскомъ); узнавши же отъ сво-

его соотечественника, что онъ въ Баденъ въ Швейцаріи, онъ потерялъ все влеченіе къ Баденской жизни и уѣхалъ, никто не знаетъ, куда.

Недавно богатая карета стояла два или три часа передъ дверями отеля генерала Кавеньяка; въ ней сидѣли два человека порядочной наружности, которые взглядывали въ окошко всякой разѣ, какъ кто-нибудь выходилъ изъ отеля главы исполнительной власти. Это возбудило подозрѣніе и наконецъ спросили у этихъ людей, за чѣмъ они такъ долго стоять на этомъ мѣстѣ. Оказалось, что это были два англичанина, нарочно пріѣхавшіе изъ Лондона, чтобы увидѣть генерала Кавеньяка, котораго они очень уважали. Въ это время онъ вышелъ пѣшкомъ. Едва англичане успѣли удовлетворить своему любопытству, какъ закричали кучеру: «На желѣзную дорогу!»—Значитъ они тотчасъ же отправились въ Англию.—Черта истинно британскаго характера!

Однажды Тредьяковскій жаловался Шувалову на Сумарокова. «Ваше Высокопревосходительство! меня Александръ Петровичъ такъ ударилъ въ правую щеку, что она до сихъ поръ болитъ.»—

«Какже, братецъ? сказалъ Шуваловъ, у тебя болитъ правая щека, а ты держишься за лѣвую.»—

«Ахъ Ваше Высокопревосходительство, вы имѣете резонъ,» отвѣчалъ Тредьяковскій и перенесъ руку на другую сторону Тредьяковскому часто удавалось подвергаться подобнымъ случаямъ.

Д-ръ Свифтъ, сказалъ однажды своимъ слушателямъ: Г-да, есть три рода гордости: гордость по родамъ, гордость богатства и гордость ума. Не стану говорить о послѣдней потому что никто изъ васъ не зараженъ этимъ порокомъ.»

Плохой режиссеръ замѣтилъ плохому актеру на пробѣ: «Зы, сударь, не на своемъ мѣстѣ.»—Также, какъ и вы! отвѣчалъ актеръ.

Во время репетиціи очень плохой драмы покойный Мочаловъ разговаривалъ довольно громко на сценѣ. Репетирующій актеръ на него шикнулъ.—«Что ты, братецъ, шикаешь! сказалъ Мочаловъ, вѣдь это еще репетиція, а не спектакль.»

Покойный Цыгановъ, послѣ дружескаго обѣда пришелъ въ театръ въ довольно веселомъ расположеніи. Одинъ изъ московскихъ театральныхъ остряковъ подходитъ къ нему и говоритъ: «Послушайка, любезнѣйшій, у тебя тутъ, кажется, на порядкахъ.» И онъ указалъ на голову.— Да, такъ есть! отвѣчалъ простодушно Цыгановъ, — а у васъ?

Актеръ Л. всегда чувствовалъ особенную любовь къ шампанскому. Когда въ шестъ представлялся случай пить его, онъ всегда заранѣе хлопоталъ, чтобы оно было настоящее.

— Да на что-же настоящее, говорилъ ему бутафоръ. Можно и горскаго.

— Какъ на что, въ пьесѣ ска-
зочно имѣнно *шалтанское*, это не-
обходимо, чтобъ пьеса шла на-
туральнѣе.

— А... понимаю! Такъ не при-
кажете ли вамъ подать мышьяку,
когда вы въ роли Фердишанда,
выпиваете ядъ?

— Однажды знаменитая актри-
са входя въ театральное фойе,
забыла затворить за собою дверь.
Актеръ, всегда игравшій слугъ,
сказалъ ей съ досадою: затвори-
те дверь, сударыня, здѣсь нѣтъ
слугъ, чтобъ запереть ихъ за ва-
ми— «Знаю, отвѣчала ему актри-
са, слугъ уже давно нѣтъ на Рус-
ской сценѣ.»

Буффо по неволѣ.

Знаменитый композиторъ Перъ,
авторъ *Агнесы Сарджина* и мно-
жества другихъ оперъ, имѣвшихъ
въ свое время огромный успѣхъ,
женится, какъ извѣстно, на сво-
ей ученицѣ Франческѣ Рикарди,
которая по своему прекрасному
голосу и рѣдкому драматическому
таланту была однимъ изъ лучшихъ
украшеній итальянской сцены.
Вскорѣ послѣ свадьбы, супруги
отправились въ Улиду, гдѣ синь-
ора Перъ была ангажирована
примадонною. Городакъ этотъ на-
ходился въ то время въ рукахъ
французскаго отряда подъ на-
чальствомъ генерала Бернадота.
Однажды въ бенефисъ синьоры
Перъ, первый буфъ забодѣлъ це-
редь самымъ представленіемъ опе-
ры Болтушки. Отложить пред-
ставленіе значило разгнѣвать пуб-
лику, и можетъ быть лишиться
части обильнаго сбора, что было
бы тѣмъ прискорбнѣе, что день-

ги уже были въ карманѣ. Разу-
дивъ это, Перъ не говоря ни сло-
ва женѣ, надѣлъ костюмъ нес-
частнаго буффа, и рѣшился, въ
первый разъ въ жизни выйти
на театральную помость. Но съ
первыхъ же сценъ подставной
затмилъ того, чье мѣсто онъ за-
нялъ. Непринужденная веселость
его игры, его голосъ, его манера
пѣнія, далеко оставлявшіе за со-
бою лучшихъ сюжетовъ труппы,
произвели въ публикѣ всеобщій
восторгъ; шесть разъ вызвала она
новаго артиста, чтобъ изъяснить
ему свое уваженіе къ его талап-
ту. А тогда вызовъ былъ не то,
что въ наше время, когда пѣвца
или актера вызываютъ по двад-
цати и по тридцати разъ, одни
просто для того, чтобъ пошу-
мѣть, а другіе потому что вызы-
ваютъ другіе.

Ко второму представленію *Бо-
лтушки*, буфъ выздоровѣлъ, и
разумѣется, хотѣлъ занять свое
мѣсто; имя его было выставлено
на афишѣ. Публика находила
это дѣломъ очень натуральнымъ;
и какъ ни восхищена была Пе-
ромъ, однако же безъ ропоту
готова была послушать въ той-же
роли Оливіери.

Не такъ думалъ Бернадотъ. Онъ
былъ всемогущъ, какъ главноко-
манующій въ покоренной обла-
сти, и къ этому присоединялся въ
немъ пылъ молодого дилеттанта.
Когда роковая афиша явилась
въ главной квартирѣ, съ именемъ
несчастнаго Оливіери, и ошъ и
весь его штабъ воспылали него-
дованіемъ и гнѣвомъ; тоже чувст-
во разлилось въ нѣсколько ми-
нута по всему войску. Коман-
данта города потребовалъ къ се-
бѣ импрессарію. Четыре солдата
съ капитаномъ пошли за нимъ, и
привели его къ командиру подъ
конвоемъ. Бѣдника дрожала всѣмъ
тѣломъ, въ полной увѣренности,

что вотъ его сейчасъ разстрѣляютъ безъ суда.

Комедантъ грозно взглянулъ на импрессарио, и спросилъ, кто смѣлъ лишать его любимаго актера, несравненнаго буфа Пера?

— Эччеленца, отвѣчалъ импрессарио съ трепетомъ, одна только болѣзнь Оливіери могла побудить, и даже принудить маэстра Пера явиться на театрѣ. для того, чтобы выручить свою жену изъ необходимости измѣнить слову, данному вамъ и почтеннѣйшей публикѣ. Теперь же Оливіери здоровъ, хочетъ играть свою роль и я принужденъ...

— Отправляется въ тюрьму, и остается тамъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ мнѣ возвращенъ другой Пиппо (такъ называлось лицо, которое Перъ представлялъ въ оперѣ).

— Эччеленца, я не имѣю никакой власти надъ маэстромъ; онъ не ангажированъ, и я ничего не могу отъ него требовать. Онъ игралъ по доброй волѣ, для того, чтобы не разстроилъ бенефиса синьоры. Это было его дѣло, а не мое.

— Когда такъ, прервалъ комедантъ, такъ убирайся; я самъ попрошу своего любимца актера сдѣлать для меня то, чего я отъ тебя требую.

Нѣсколько минутъ спустя, рота гренадеровъ окружила домъ, гдѣ жилъ Перъ; генералъ хотѣлъ оказать ему болѣе почета, чѣмъ импрессарио. Между тѣмъ Перъ узнавъ объ арестованіи импрессарио, спрятался и распустилъ слухъ, будто онъ бѣжалъ изъ города. Комедантъ послалъ за нимъ въ погоню отрядъ драгуновъ и гусаровъ. Но отрядъ возвратился, не отыскавъ бѣглеца, и пришлось или совсѣмъ отказаться отъ новой оперы или довольствоваться игрою и пѣніемъ Оливіери.

Только нѣсколько недѣль спустя, когда семь или восемь представлений совершенно примирили Французовъ съ Оливіери, Перъ вышелъ изъ своей норы. Бернадотъ уже не возобновлялъ своихъ требованій, а маэстро поклялся не подвергаться впредь восторгамъ восшыхъ дилеттантовъ.

Знаменитый англійскій комикъ Гримальди, который былъ первымъ любимцемъ лондонской публики, и въ молодости любилъ покутить, изобрѣлъ совершенно особенное средство улаживать свои долги. Въ крайнихъ обстоятельствахъ онъ обыкновенно закладывалъ себя жиду, съ тѣмъ, что онъ имѣлъ право во время заклада употреблять его на свои работы. Директоръ театра, которому не бывало спасенія безъ Гримальди, обыкновенно выручалъ его изъ заклада, ибо онъ зналъ, что неугодная лондонская публика, не видя на сценѣ своего любимца, непременно жестоко отомститъ директору. Разъ директоръ, за нѣсколько часовъ до спектакля, встрѣчаетъ Гримальди на улицѣ. «Куда такъ торопишься, любезный?— спрашиваетъ онъ его,—ужь не опять-ли несешь себя въ закладъ?»—Нѣтъ, говоритъ Гримальди. Я убѣдился, что это и глупо и невыгодно... — Ну, слава Богу! — Теперь я рѣшился совсѣмъ продать себя, это принесетъ мнѣ больше пользы!»—Директоръ до того испугался, что самъ предложилъ ему огромную сумму за обязательство не продавать себя никому, кромѣ его.

Полицмейстеръ столичнаго города одного мелкаго княжества, увѣдомленный о пожарѣ, прискакалъ на мѣсто и не нашелъ тамъ пожарной команды, которая съехала гораздо поздне. На сѣдующій день онъ отдалъ приказъ по полиціи: чтобы впредь пожарныя команды непременно были на мѣстѣ за пять минутъ до пожара.»

Татаринъ явился на Макарьевской ярмаркѣ къ заѣзжему врачу. «А что, бачка, я тебѣ своя баба отдамъ.»—А на что мнѣ твоя баба?—«А какъ же, бачка, глазу нѣту.—Ну такъ чтожъ я стану, съ ней дѣлать, коли глазу нѣту?»—«А какъ что? мало-мальски понравить, чай, можно?»

Докторъ Галль, известный френологъ, въ бытность свою въ Лондонѣ, съ пріятелемъ посетилъ мастерскую славнаго ваятеля Шантреля. Художникъ въ это время былъ занятъ свѣшную работою и просилъ гостей извинить его только на полчаса. Пока онъ оканчивалъ свою работу, пріятель Галля разсматривалъ выставленные въ мастерской группы и бюсты и наконецъ спросилъ знаменитаго доктора можно-ли по чертамъ и выпуклостямъ этихъ бюстовъ узнать, чьи они. «Очень можно,—отвѣчалъ Галль,—и даже легко; вотъ это напримѣръ, должна быть голова поэта, а эта — математика.»

—Первый, былъ математика Тругтона, а второй — Вальтеръ Скотта.

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 8.

ОДНОФАМИЛЬЦЫ.

КОМЕДИЯ ВЪ 3-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(Сюжетъ взятъ изъ разсказа Евгенія Тино.)

В. Р. Зотова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Дидье Листракъ, актеръ.

Маркизь Адалбертъ де-Листракъ.

Гильоше, адвокатъ.

Графиня Вильморъ.

Трактирщикъ.

Жена его.

Актеры, актрисы, слуги въ трактирѣ.

Дѣйствіе происходитъ въ Тулузѣ, въ трактирѣ Золотой Говядины, въ комнатѣ актера Листрака.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Маленькая комната, скромно меблированная. Бьетъ два часа.

I.

ТРАКТИРЩИКЪ и ЕГО ЖЕНА (*накрываютъ столъ*).

ТРАКТИРЩИКЪ. Ну же, поворачивайся, Берта. Било уже два часа, а ты знаешь, что господа артисты хотѣли собраться къ завтраку ровно въ два, тотчасъ послѣ репетицій.

трактирщица. У меня уже все готово: остается только поставить въ ледь шампанское, безъ котораго, какъ кажется, эти актеры просто не могутъ жить.

трактирщикъ. Что-жъ — тѣмъ лучше. Имъ пріятно, а мнѣ полезно, когда они пьютъ много вина. Слѣдовательно мы можемъ быть довольны другъ другомъ. Они на меня не могутъ пожаловаться: вино я имъ ставлю самое лучшее, неподдѣльное, готовъ всѣмъ, чѣмъ могу, служить имъ, — такъ они мнѣ понравились, не потому, чтобы они хорошо платили — нисколько! а за то, что они — народъ веселый, нецеремонный, на нашего брата смотреть, не съ высока да не изъ подлбья.

трактирщица. Что правда, то правда — всѣ пріѣзжіе актеры прелюбезные и превѣжливые кавалеры, какое у нихъ обращеніе, какія манеры! И ужъ вотъ не спѣсивы-то! нисколько! Вотъ хоть бы главный изъ нихъ — герой, чтоли, какъ его называютъ, господинъ Листракъ, который остановился у насъ въ трактирѣ — какъ добръ, какъ ласковъ, обходителенъ!... А вѣдь, еслибы захотѣлъ, могъ бы носъ поднимать, какъ другіе, — очень бы могъ гордиться, легко сказать! Весь городъ его чуть на рукахъ не носитъ! Да и немудрено! Этакаго удивительнаго актера у насъ еще никогда не видали. Вотъ уже играетъ-то на славу. На прошлой недѣлѣ смотрѣла я его въ пьесѣ, гдѣ господинъ Отелло убиваетъ мадамъ Дездемону, просто у меня такъ духъ и захватило, какъ онъ началъ ее бѣдняжку душить!... А театръ весь такъ и разразился: дамы плачутъ на взрыдъ, мужчины кричатъ, топаятъ, машутъ шляпами. Просто, удивительный талантъ.

трактирщикъ. Да! надобно признаться, съ тѣхъ поръ, какъ господинъ Листракъ пріѣхалъ сюда съ своей труппой, весь городъ сталъ у насъ верхъ дномъ: всѣ говорятъ только о гениальномъ артистѣ, бредятъ только имъ.

трактирщица. Отчего-же только онъ съ нѣкотораго времени не такъ веселъ, какъ прежде, рѣже приглашаетъ къ себѣ товарищей, меньше поетъ и смѣется. Дѣла его, кажется, идутъ очень хорошо, а что онъ перемѣнился въ послѣднее время, въ этомъ я совершенно увѣрена. Мѣсяць тому назадъ онъ былъ совсѣмъ другой человекъ.

трактирщикъ. Да, я самъ это тоже замѣтилъ. Еще при другихъ онъ все пичего, а когда одинъ, тотчасъ повѣситъ го-

лову и ходить, не говоря ни слова, по комнатѣ, такой скучный. Сначала я думалъ, что онъ это роли учить, королей играть собирается, да потомъ вижу — вѣтъ, ужъ это что-то настоящее, не театральное. Ужъ не замѣшался ли тутъ нашъ Тулузскій сатана, господиныхъ Гильоше. Онъ что-то въ послѣднее время очень подружился съ господиномъ Листракомъ. Ужъ не онъ ли мутитъ его? чего добраго: вѣдь говорятъ, что этотъ человекъ только такъ изъ приличія человѣческой образъ носить, а что въ самомъ-то дѣлѣ — это сущій дьяволъ.

трактирщица. Ну, ужъ ты радъ повторять городскія сметни. Что онъ тебѣ сдѣлалъ, да не только тебѣ, а спроси у любого небогатаго человека, сдѣлалъ ли онъ хоть кому-нибудь зло? никто не захнется сказать про него дурное слово.

трактирщикъ. Такъ! нашъ братъ, сказать правду, отъ него ничего дурваго не видалъ, за то всѣ, кто повыше, терпятъ его немогутъ, рады были бы, кажется, съѣсть его, рассказываютъ про него такіе ужасы, что волосы дыбомъ становятся. Вѣдь не можетъ же быть, чтобы человекъ хорошій былъ, когда на него вся знать въ городѣ такъ вооружена.

трактирщица. А отчего же они, встрѣтаясь съ господиномъ Гильоше, всегда такъ учтиво ему кланяются, если бы онъ точно виноватъ въ чемъ нибудь былъ, или злодѣй какой, такъ неужто они не могли бы выжить его изъ Тулузы или упрятать куда-нибудь въ теплое мѣсто, а то онъ и въ судѣ служить, и всѣ съ нимъ съ такимъ почтеньемъ обходятся.

трактирщикъ. Конечно!... Это дѣло темное, затруднительное!... Тутъ надобно, видишь ты, все сообразить, взвѣсить, обдумать...

трактирщица. Полно соображать-то! Ты всегда, чѣмъ больше обдумываешь, тѣмъ глупѣ становишься — такая ужъ у тебя натура. Помогни-ко мнѣ лучше поставить стулья — вотъ ужъ и наши гости идутъ. Я слышу ихъ голоса на лѣстницѣ (*ставитъ стулья*). Проворнѣе, вотъ и они!

II.

ЛИСТРАКЪ, ГИЛЬОШЕ, за ними АКТЕРЫ и АКТРИСЫ.

ЛИСТРАКЪ. Сюда, друзья мои! Завтракъ насъ ожидаетъ. Хозяйникъ Золотой Говядины угоститъ насъ, какъ всегда, на славу.

трактирщикъ. Вы очень добры, господинъ Листракъ.

трактирщица. Покорно васъ благодарю, господинъ Листракъ.

листракъ. За чтоже? вѣрно я не одинъ называю васъ первымъ трактирщикомъ въ Тулузѣ.

трактирщикъ. Много чести! Мнѣ очень лестно получить похвалу отъ такого человѣка, который... потому что...

листракъ. Вѣрю! вѣрю! вы доскажете намъ за столомъ. Садитесь! *(всѣ садятся. Трактирщикъ съ женою прислуживаютъ).*

трактирщикъ, *(наливая вино).* Чѣмъ другимъ, а вивцомъ такъ я могу похвастать! Извольте отвѣдать!.. Ему по-крайней-мѣрѣ добрыхъ 30-ть лѣтъ!

гильоше, *(пробуя).* Вину вѣтъ еще и пяти лѣтъ! впрочемъ оно недурно! Если ты прибавилъ ему года, то не обманулъ на счетъ его достоинства.

листракъ. Добротою винъ и припасовъ всегда отличался этотъ трактиръ.

гильоше. Не совсѣмъ! Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ здѣсь кормили и поили очень плохо! Правда, теперешній хозяинъ былъ въ то время еще поваромъ. Ему платили одинаково за дурной и за хорошей обѣдъ, и онъ не видѣлъ для себя никакой выгоды стараться и ставить хорошіе припасы. Ему было даже *выгоднѣе* поступать на оборотъ.

трактирщикъ. Помилуйте! какъ можно! *(всторону)* Этотъ человѣкъ рѣшительно все знаетъ.

гильоше. Ну, а потомъ, когда прежній хозяинъ разорился и объявилъ себя банкротомъ, бывший поваръ его, нажившись порядочно во время плохого положенія дѣлъ своего хозяина, снялъ его же заведеніе и въ свою очередь сдѣлался трактирщикомъ.

трактирщикъ. Помилуйте! у меня былъ свой капиталъ! Я взялъ его за женою.

гильоше. Конечно, у г-жи Берты было кое-что, не смотря на то, что она была не болѣе, какъ прачка. Впрочемъ, ей всегда благотворилъ одинъ здѣшній аббатъ, извѣстный своими благодѣяніями!... Не забудьте однакожь, что вы не могли на деньги жены купить это заведеніе, женившись чрезъ одиннадцать мѣсяцевъ послѣ его приобрѣтенія.

ТРАКТИРЩИЦА (*всторону*). Этотъ человекъ просто самъ сатана—отъ него ничего не скроется!

ПЕРВЫЙ АКТЕРЪ. Полноте, любезный Гильоше! Къ чему поднимать прошедшее! Мы всѣ убѣждены въ томъ, что вы-живая хроника Тулузы!.. Выпьемъ лучше за здоровье нашего товарища — знаменитаго актера Листрака!

Всѣ (*вставал*). За здоровье знаменитаго Листрака!

ЛИСТРАКЪ. Благодарю васъ, друзья мои! Однакоже мнѣ очень жаль, что вы прервали нашего пріятеля Гильоше, признаюсь вамъ, меня чрезвычайно интересуютъ его рассказы обо всемъ, что касается до Тулузы и ея жителей.

ВТОРОЙ АКТЕРЪ. Васъ можетъ занимать это потому, что вы не здѣшній уроженецъ, но въ противномъ случаѣ вамъ врядъ ли бы понравилось знаніе Гильоше, который могъ бы и про васъ рассказать то, что вы вовсе не хотѣли сдѣлать гласнымъ.

ЛИСТРАКЪ. Неужели нашъ краснорѣчивый адвокатъ знаетъ тайную исторію каждаго изъ жителей Тулузы?

ТРЕТИЙ АКТЕРЪ. Мы всѣ въ этомъ увѣрены!

ГИЛЬОШЕ. Вы приписываете мнѣ болѣе знанія, нежели я имѣю его на самомъ дѣлѣ. Мнѣ шестьдесятъ лѣтъ: изъ нихъ я болѣе сорока—адвокатъ, отецъ и дѣдъ мой были также адвокатами въ Тулузѣ, мудрено ли, что я знаю многія секретныя черты изъ біографіи здѣшнихъ жителей. Я пишу исторію Тулузы, люблю рыться въ старыхъ хроникахъ и преданіяхъ, — все это помогаетъ мнѣ узнать многое, но еще далеко не все!..

ПЕРВЫЙ АКТЕРЪ. Еще бы! въ такомъ случаѣ отъ васъ никому бы не было житья въ Тулузѣ. И то больше полу-города косится на васъ за ваши свѣденія.

ЛИСТРАКЪ. Не можете ли вы, любезный Гильоше, рассказать мнѣ что-нибудь и обо мнѣ. Я самъ почти ничего о себѣ не знаю.

ГИЛЬОШЕ. Вы родились не въ Тулузѣ, и потому я не могу вамъ ничего сказать собственно объ васъ, однакоже я серьезно занимаюсь теперь однимъ любопытнымъ фактомъ, который отчасти до васъ касается.

ЛИСТРАКЪ. Что же это такое?

ГИЛЬОШЕ. Это — ваша фамилія!

ЛИСТРАКЪ. Моя фамилія?

Гильоше. Да! Мнѣ очень странно, что вы, родившись въ Вандеѣ, носите фамилію одного изъ извѣстныхъ тулузскихъ домовъ.

Листракъ. Я слышалъ также, что здѣсь есть какой-то маркизъ Листракъ, но, признаюсь вамъ, не обратилъ никакого вниманія на это обстоятельство и не нашелъ въ немъ ничего страннаго, считая это сходство именъ простою случайностью.

Гильоше. Случайностью!... Конечно!.. Впрочемъ, какъ знать!.. Но къ чему говорить о томъ, что еще неизвѣстно!.. Я надѣюсь со временемъ возобновить съ вами разговоръ объ этомъ предметѣ.

Первый актеръ. Говорятъ, что маркизъ Адальбертъ Листракъ возвратился въ Тулузу?

Второй актеръ. Да, три дня тому назадъ, онъ былъ въ театрѣ, въ ложѣ графа Вильмора.

Третій актеръ. Въ тотъ день, когда насъ такъ перепугалъ Листракъ, помнишь, когда онъ едва могъ кончить роль Орозмана и съ нимъ сдѣлалось дурно въ антрактѣ.

Листракъ (*вставап*). Друзья мои!.. завтракъ нашъ конченъ... Вы меня извините, мнѣ еще надобно выучить огромную роль!.. Мы увидимся сегодня въ театрѣ.

Первый актеръ. Ты правъ! намъ также надобно готовиться къ твоему бенефису. Господа! еще по бокалу — и отправимся по домамъ! Для актера дорога каждая минута времени. До свиданія, Листракъ!

Актеры. До свиданія! (*жмутъ руки Листраку и уходятъ*). Гильоше послѣ всѣхъ медленно поднимается изъ за стола, наливаетъ себѣ рюмку вина и пьетъ съ разстановкой.)

Листракъ (*подходя къ нему*). Вы также, добрый другъ мой, извините меня!

Гильоше. Какой вы плохой актеръ, Листракъ!

Листракъ. Что это значитъ?

Гильоше. На сценѣ вы такъ хорошо выражаете то, чего вовсе не чувствуете, отчего же въ жизни вы такъ дурно умѣете скрывать то, что чувствуете!

Листракъ. Я не понимаю, что вы хотите сказать?

Гильоше. Напротивъ, вы это очень хорошо понимаете; не

смѣшно ли, что отъ одного слова вашихъ товарищей, вы вскочили изъ за стола, не давъ мнѣ допить рюмки вина и чуть насильно не выгнали всѣхъ насъ отсюда!.. Развѣ мы вино ваты, что три дня тому назадъ графиня Вильморъ очень ласково разговаривала въ своей ложѣ съ маркизомъ де-Листракомъ.

листракъ. Гильоше! ваши предположенія мнѣ очень неприятны, и я...

гильоше. Это однакоже нисколько не мѣшаетъ мнѣ быть справедливымъ. Если вы будете поступать подобнымъ образомъ, то скоро не только одинъ я, но и весь городъ догадается, что вы влюблены въ графиню Вильморъ.

листракъ. Гильоше! я прошу васъ замолчать!.. и побережъ для себя ваши догадки!

гильоше. За что же тутъ сердиться. Графиня молода, хороша, губернаторская ложа ея отца на аванъ-сценѣ, она почти всякій день ѣздитъ въ театръ. Вы молоды, страстны, пламенны, она съ участіемъ слѣдитъ за вашей игрой и повидимому очень любитъ драматическое искусство; ничего нѣтъ мудренаго, что она вамъ понравилась, хотя для васъ же самихъ я желалъ бы, чтобы страсть ваша не зашла слишкомъ далеко, не сдѣлалась серьезною: вы знаете, какое разстояніе раздѣляетъ васъ и какъ строго наблюдаются въ Тулузѣ всѣ свѣтскія приличія!..

(Въ началъ этой сцены трактирщикъ съ женою, убравши столъ, уходятъ.)

листракъ. Да! вы правы! Я безумецъ! Я смѣлъ полюбить ту, которая никогда не можетъ быть моею, и не могу скрывать моей любви. Я знаю, что она не можетъ, не должна любить меня, я никогда не говорилъ съ нею ни слова, вижу ее только въ театрѣ со сцены, въ ея ложѣ, и не смотря на это, все-таки люблю ее! Скажите сами, не сумасшедшій ли я?

гильоше. Да, оно немножко похоже на это. Впрочемъ эта болѣзнь понятна и свойственна всѣмъ молодымъ людямъ. Эта общая эпидемія свирѣпствуетъ въ извѣстные годы и отъ нея нѣтъ другаго лекарства, кромѣ времени. Вы только напрасно дѣлаете другихъ участниками въ вашей тайнѣ, не стараясь скрывать ее.

листракъ. Я скрывалъ ее до-тѣхъ-поръ, пока къ люб-

ви моей не присоединилось другое чувство—ревность. Смѣйтесь надо мною! но я ревную ее, не имѣя на это никакого права, забывъ о томъ, что я актеръ, бѣднякъ безъ роду и племени, а она—графиня, знатная, богатая дѣвушка, дочь губернатора!... Два три тому назадъ я увидѣлъ въ ложѣ ея молодаго человѣка и она, до-тѣхъ-поръ обращавшаяся холодно и спокойно со всѣми, кто приходилъ въ ея ложу въ антрактахъ, съ этимъ новымъ посѣтителемъ была необыкновенно ласкова и со времени его появленія слушала его, а не меня. Я видѣлъ все это со сцены, и былъ такъ слабъ духомъ, что не могъ вынести этого, даже едва могъ окончить пьесу.

гильоше. И вы думаете, что графиня Вильморъ любитъ этого маркиза, вашего однофамильца?

листракъ. Еслибы я думалъ это, то не знаю, на что бы рѣшился въ отчаяніи, но можетъ быть страсть моя ослѣпляетъ меня, можетъ быть, это было не болѣе какъ, обыкновенная свѣтская учтивость.... Эта неизвѣстность еще болѣе мучитъ меня. Добрый другъ мой! повѣрьте, мое положеніе ужасно.

гильоше. Очень вѣрю, но не вижу причинъ, которыя заставляютъ васъ отчаяваться... Кто знаетъ, можетъ быть, еще все переменится, пойдетъ къ лучшему.

листракъ. Не думаю, судьба никогда не баловала меня. Я едва помню мать свою, никогда не зналъ моего отца и почти съ рожденія былъ сиротою. Меня призрѣлъ добрый ангулемскій мѣщанинъ, у котораго я жилъ лѣтъ до пятнадцати, учась вмѣстѣ съ его дѣтьми въ окружной школѣ; страсть къ театру зажглась во мнѣ съ младенчества и я наконецъ не вытерпѣлъ, оставилъ мой родной городъ и пошелъ странствовать по бѣлому свѣту съ труппою комедіантовъ. Такъ прошелъ я почти всю Францію, переходя изъ города въ городъ, изъ труппы въ труппу, учась, совершенствуясь, развиваясь, терпя и нужду и голодъ, но перенося хорошіе и дурные дни съ одинакимъ равнодушіемъ и безнечностью артиста. Трудомъ и стараніемъ достигъ я наконецъ до того, что дарованіе мое укрѣпилось, имя мое сдѣлалось извѣстнымъ, дѣла мои поправились, и теперь я имѣю даже болѣе, чѣмъ нужно. Два мѣсяца тому я пріѣхалъ въ Тулузу, нашелъ образованную публику, добрыхъ друзей, я былъ счастливъ, какъ вдругъ эта несчастная любовь убила мое

покойствіе, мои способности, надежды, даже, можетъ быть, скоро убьетъ меня самого.

Гильоше. Къ чему такое отчаяніе? Успокойтесь и надѣйтесь! Повторяю вамъ, что все можетъ переимѣниться къ лучшему. Я говорилъ уже вамъ, что принимаю въ васъ участіе и надѣюсь со временемъ быть вамъ полезнымъ и даже кое-что сдѣлать для васъ. Впередъ я никому не рассказываю моихъ плановъ—ждите и будьте благодаразумнѣе, если можете.

Листракъ. Послушайте, Гильоше. Изъ всей Тулузы я ближе всѣхъ сошелся съ вами. Съ первыхъ дебютовъ моихъ вы приняли во мнѣ участіе, дали мнѣ добрые совѣты, оказали нѣсколько услугъ; вы первые предложили мнѣ вашу дружбу, — съ благодарностью и радостью принялъ я ее, но не смотря на это, все еще мало знаю васъ. Въ городѣ объ васъ ходятъ странныя слухи, которымъ я, разумѣется, не вѣрю: одни боятся васъ, другія ненавидятъ, вы слывете здѣсь какимъ-то колдуномъ, который знаетъ всѣ тайны тулузскихъ жителей. Объясните мнѣ, отчего у васъ такъ много враговъ и отчего они повидимому вовсе васъ не беспокоятъ?...

Гильоше. Вы хотите знать это? Я готовъ рассказать вамъ...

Трактирщикъ (за сценой). Здѣсь, господинъ маркизь, пожалуйте сюда.

Листракъ. Что это значить?

IV.

Листракъ, Гильоше, Маркизь Листракъ, Трактирщикъ.

Маркизь (трактирщику). Хорошо, любезный! ступай, ты мнѣ больше не нуженъ. (трактирщикъ уходитъ) Ага! да здѣсь ихъ двое!... А который изъ васъ, господа, актеръ, называющій себя Листракомъ.

Листракъ. Что за тонъ!.. Государь мой!...

Гильоше. Вѣроятно, маркизь, не приметъ за актера человека, который всю жизнь былъ-только зрителемъ людскихъ комедій.

Маркизь. А, это господинъ Гильоше!.. Я не разглядѣлъ, что это вы!.. (отвертывался отъ него, къ Листраку). Стало быть васъ зовутъ Листракомъ!

листракъ. Къ вашимъ услугамъ! Позвольте, въ свою очередь, узнать, какъ васъ называютъ?

маркизь. Меня называютъ маркизомъ Адальбертомъ де-Листракъ, и мой родъ носить это имя въ теченіе шести вѣковъ. гильоше. Да, если не принимать, что онъ произошелъ отъ гасконскаго мыловара, переселившагося во Францію при Людовикѣ XIII, что впрочемъ подтверждается почти всѣми хрониками.

маркизь. Оставьте для себя, господинъ адвокатъ, ваши генеалогическія разысканія; я пришелъ сюда не для нихъ и не для васъ! Мнѣ нужно сдѣлать нѣсколько вопросовъ вашему пріятелю.

гильоше. Въ такомъ случаѣ я васъ оставляю!...

листракъ. Зачѣмъ же, любезный Гильоше? У меня нѣтъ никакихъ секретовъ съ маркизомъ де-Листракъ. Я даже буду очень радъ, что при его вопросахъ и моихъ отвѣтахъ будетъ посторонній свидѣтель. Такимъ образомъ, правды нельзя будетъ скрыть.

гильоше. Если вы этого хотите!.. (*садится у стола, сложивши руки*).

маркизь. Вы хотите, чтобы я объяснялся при свидѣтеляхъ?... Пожалуй! господинъ Гильоше можетъ остаться.

гильоше (*сидя*). Онъ ужъ остался, господинъ маркизь.

листракъ. Могу ли я наконецъ узнать, что вамъ угодно?

маркизь (*беретъ стулъ и садится*). Такъ вы называете себя Листракомъ.

листракъ (*облокачиваясь на столъ, стоящій напротивъ маркиза, упирается на стулъ руками, сложивши ноги*). Я уже объявилъ вамъ это, можетъ быть вы не разлысали.

маркизь. По какому праву носите вы это имя?

листракъ. Что за вопросъ? по праву рожденія.

маркизь. Какія доказательства имѣете вы, что имя это принадлежитъ дѣйствительно вамъ?

листракъ. Никакихъ, кромѣ того, что я двадцать семь лѣтъ ношу его?

маркизь. Въ такомъ случаѣ на двадцать восьмомъ году вы его оставите!...

ЛИСТРАКЪ (смѣясь). Въ самомъ дѣлѣ? Вы такъ думаете?

МАРКИЗЪ. Я въ этомъ увѣренъ! Неужели вы, въ свою очередь, могли думать, что знаменитый домъ маркизовъ де-Листракъ позволитъ вамъ выставлѣть его имя на театральныхъ афишахъ, носить это славное имя человѣку, который показываетъ себя за деньги съ театральныхъ подмостковъ!.. Моя родня виновата уже и тѣмъ, что до-сихъ-поръ позволяла вамъ называться Листракомъ, и не велѣла снять въ первый же день съ афишъ этого имени, которое вы присвоили себѣ, Богъ знаетъ по какому праву; меня не было въ Тулузѣ почти три мѣсяца, но по прїѣздѣ моемъ, я тотчасъ же принялъ всѣ мѣры, чтобы запретить вамъ носить это имя... Еще разъ спрашиваю васъ: хотите-ли вы добровольно перемѣнить фамилію и не называться болѣе Листракомъ?

ЛИСТРАКЪ. Извините меня, маркизъ, но ваши аристократическія претензіи кажутся мнѣ смѣшными. Отъ того, что актеръ носитъ случайно одинаковую съ вами фамилію, вы хотите лишить его имени, принадлежавшаго ему съ дѣтства, имени, которымъ назывался отецъ его. Требованіе это очень странно, чтобы не сказать болѣе!

МАРКИЗЪ. Я не спрашиваю вашего мнѣнія о томъ, какъ вы находите мои требованія, но прошу отвѣчать рѣшительно: хотите ли вы добровольно перемѣнить фамилію.

ЛИСТРАКЪ. Нѣтъ, маркизъ! добровольно отказаться отъ имени моего отца, въ слѣдствіе вашей прихоти, было бы съ моей стороны непростительной слабостью; не думаю даже, чтобы ктонибудь могъ принудить меня къ этому.

МАРКИЗЪ. Въ этомъ-то вы ошибаетесь. Тулузскій Магистратъ не позволитъ унижать своего дворянства. Для васъ же хуже, если вы добровольно не согласились отказаться отъ вашей фамиліи. Я впрочемъ предвидѣлъ это, зная тщеславіе и самолюбіе актеровъ и принялъ свои мѣры. (вынимая бумагу) Вотъ рѣшеніе Магистрата, по которому вамъ запрещается оффиціально здѣшней властью носить имя Листрака. Я сейчасъ же отнесу эту бумагу на утвержденіе верховнаго королевскаго суда и имя ваше завтра же исчезнетъ съ афишъ и изъ списковъ вашей труппы. Не угодно ли взглянуть? (Листракъ беретъ у него бумагу, пробѣгаетъ и молча передаетъ Гильоше).

гильоше *(отдавая ему бумагу)*. Бумага составлена по формамъ. Магистратъ рѣшилъ дѣло въ первой инстанціи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что королевскій судъ подтвердитъ его рѣшеніе.

листракъ *(отдавая бумагу маркизу)*. Вы вступаетесь за честь вашего дворянскаго имени, маркизь, — и между тѣмъ поступаете не такъ какъ, дворянинъ... Вы хотите отнять у меня имя судебнымъ порядкомъ, но вы забыли, что не смотря на опредѣленіе суда, я могу защищать свое имя другимъ путемъ.

маркизь. Какимъ это?

листракъ. Со шпагою въ рукѣ!

маркизь. Ого! вы забыли, господинъ актеръ, какое разстояніе существуетъ между вами и мною? Если я запрещаю вамъ носить мое имя, то пеужели вы думаете, что унижу себя до того, что рѣшусь скрестить съ вами шпагу!

листракъ *(въ волненіи, подходя къ нему)*. Но, господинъ маркизь, если, забывши разстояніе насъ раздѣляющее, актеръ рѣшится нанести вамъ личное оскорбленіе.

маркизь *(презрительно оглядывая его съ ногъ до головы)*. Въ такомъ случаѣ — я поручу моимъ людямъ отплатить за нанесенное мнѣ оскорбленіе — и суду наказать дерзкаго простолюдина, осмѣливавшагося рѣшиться на это. Оскорбить дворянина можетъ только равный ему; тотъ, кто ниже его, можетъ только забыться передъ нимъ. Помните это различіе, господинъ актеръ! *(Еще разъ взглядываетъ на него и медленно уходитъ; Гильоше удерживаетъ Листрака)*.

V.

ЛИСТРАКЪ, ГИЛЬОШЕ.

листракъ. Дерзкій! и я не могу даже отмстить ему!...

гильоше. Что дѣлать, любезный Листракъ! Таковъ обычай и предразсудокъ! Онъ совершенно правъ съ своей точки зрѣнія и ваше дѣло проиграно во всѣхъ инстанціяхъ.

листракъ. Но это ужасно! Какое право имѣютъ они ли-

шать меня моего имени, потому только, что это-же имя носить другой? И гордый маркизь считаетъ униженіемъ драться со мною, не принимаетъ моего вызова... А я не могу ничего предпринять противъ рѣшенія суда и прихоти дворянина.... Добрый другъ! если вы дѣйствительно принимаете во мнѣ участіе... вы видите въ какомъ я положеніи... скажите, научите меня, что я долженъ дѣлать?

гильоше. Покуда вамъ остается только терпѣть!.. Послѣ, можетъ быть, придетъ ваша очередь отмстить вашимъ врагамъ.

листракъ. Послѣ?... можетъ быть!.. но до-тѣхъ-поръ буду ли я имѣть столько силъ, чтобы спокойно переносить удары судьбы, гоненія людей, я долженъ уѣхать отсюда, навсегда бѣжать изъ Тулузы.

гильоше. Нѣтъ! вы не должны дѣлать этого!.. Къ тому же маркизь поступилъ черезъ-чуръ аристократически!.. Надобно въ свою очередь заставить его перемѣнить тонъ... Я сдѣлаю сегодня-же то, что хотѣлъ отложить до времени. Успокойтесь!.. подождите еще двѣ недѣли и тогда... Какой-то внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что вы за все отместите маркизу.

листракъ. Что вы хотите дѣлать?

гильоше. Сегодня же вечеромъ ѣхать въ Ангулемъ, мѣсто вашего рожденія; до него не далеко: черезъ двѣ недѣли я вочуюсь непременно.

листракъ. Но къ чему послужитъ это путешествіе?

гильоше. Я уже говорилъ вамъ, что не открываю впередъ моихъ плановъ, можетъ быть, путешествіе это будетъ напрасно, но очень можетъ быть также, что я отыщу наконецъ то, о чемъ долго думалъ и это совершенно измѣнитъ судьбу вашу.

листракъ. Я не знаю, какъ благодарить васъ!.. Такая привязанность ко мнѣ.

гильоше. Не торопитесь благодарить меня. Я принялъ участіе въ судьбѣ вашей не только по привязанности къ вамъ, но еще болѣе изъ ненависти къ маркизу Листракъ.

листракъ. Неужели онъ оскорбилъ и васъ?

гильоше. Меня оскорбить нельзя: я никогда и ничѣмъ не оскорбляюсь. Причину моей ненависти къ дому Листрака я расскажу вамъ послѣ. Маркизу я успѣлъ уже сдѣлать кой-какія маленькія непріятности и онъ ненавидитъ меня почти столько

же, какъ и я его и еще сверхъ того боится меня!

листракъ. Боятся!

гильоше. Да боится, какъ они все боится меня! Вы давно спрашивали отчего враги мои, которыхъ у меня такъ много, не беспокоятъ меня,—все по той-же причинѣ: они боятся меня. Мои предки въ теченіе почти полуторастолѣтія были судьями и адвокатами въ этомъ городѣ. Можете представить себѣ, сколько грязныхъ дѣлъ перешло черезъ ихъ руки! Я въ свою очередь сорокъ лѣтъ занимаясь тяжбыми и уголовными дѣлами знатнѣйшихъ фамилій Тулузы, узналъ всю скандальную хронику этихъ домовъ и держу въ своихъ рукахъ славу и извѣстность многихъ важныхъ лицъ въ нашемъ городѣ. Поэтому они не смѣютъ явно гнать меня.

листракъ. Но они давно бы могли найти средство избавиться отъ васъ, изгнавши васъ изъ города, или заключивши въ тюрьму.

гильоше. Вы очень снисходительно судите объ нихъ: они бы могли еще проще развязаться со мною, отправивъ меня на тотъ свѣтъ и непременно сдѣлали бы это, если бы я не принялъ своихъ мѣръ и въ этомъ случаѣ.

листракъ. Какъ же могли вы спасти себя отъ тайнаго убійства?

гильоше. Очень простымъ способомъ. Ко всемъ врагамъ моимъ разослалъ я въ одно прекрасное утро циркуляръ, въ которомъ увѣдомилъ ихъ, что я написалъ свои записки, въ которыхъ заключается исторія всѣхъ знатныхъ домовъ въ Тулузѣ и для образчика прислалъ каждому изъ этихъ домовъ по отрывку изъ записокъ, относящемуся къ какому нибудь случаю, не совсѣмъ благовидному, бывшему въ этому домѣ. Записки мои, писалъ я, хранятся у моего стариннаго пріятеля, одного голландскаго адвоката, живущаго въ Гагѣ, съ которымъ я переписываюсь аккуратно каждую недѣлю и если бы я, по какому нибудь случаю, въ теченіе недѣли не отправилъ къ нему письма, то пріятель мой тотчасъ же напечатаетъ въ Голландіи эти записки. Такимъ образомъ я заставилъ враговъ моихъ заботиться о моемъ здоровьи и увѣренъ, что въ случаѣ моей смерти они будутъ неутѣшны!

листракъ. Вы преоригинальный человекъ, Гильоше!

Гильоше. Можетъ быть... но теперь дѣло идетъ не обо мнѣ! Я ѣду въ Ангулемъ хлопотать за васъ. Терпите и надѣйтесь! Я буду стараться, а съ терпѣніемъ и стараніемъ, какъ говоритъ пословица, листъ отъ шелковицы можетъ сдѣлаться атласомъ. До свиданія черезъ двѣ недѣли! (*Листракъ молча обнимаетъ его; занавѣсь опускается.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

I.

ЛИСТРАКЪ (одинъ, сидитъ у стола въ той же комнатѣ).

ЛИСТРАКЪ. II послѣдній день второй недѣли проходить, а Гильоше не вернулся! Впрочемъ не смѣшно ли, что я жду его съ такимъ нетерпѣніемъ, чего надѣюсь я? Отчего я хочу увѣрить себя, что съ возвращеніемъ стараго адвоката, переменится судьба моя?... Старикъ или смѣялся надо мною, или дѣйствительно вообразилъ себѣ, что можетъ помочь мнѣ — но чѣмъ и какъ? этого я не могу понять и не смотря на то, не могу оторваться отъ мысли о его возвращеніи... Впрочемъ, это происходитъ оттого, что послѣдняя надежда моя соединена съ этимъ возвращеніемъ. Все остальное для меня потеряно! Моя слава,—я не думаю объ ней съ тѣхъ поръ, какъ долженъ былъ оставить сцену, потому что партія маркиза Листрака осмистывала меня каждый день, не позволяла мнѣ окончить ни одной пьесы, сыграть ни одной роли!... Моя любовь!... я чувствую, что она все также сильна, также томитъ мое сердце, но и также безнадежна, даже еще безнадежнѣе прежняго, потому что я теперь даже не вижу ее, моего ангела утѣшителя, который одинъ только привязываетъ меня къ этой жизни. Нѣтъ!... я напрасно жду Гильоше!... Все потеряно для меня!... Къ чему бороться противъ судьбы? Завтра же уѣду навсегда изъ Тулузы!....

II

ЛИСТРАКЪ, ГИЛЬОШЕ (въ дорожномъ платьѣ).

ГИЛЬОШЕ (входя при послѣднихъ словахъ Листрака). Какъ? и не подождавши меня?

ЛИСТРАКЪ. Боже мой! это вы, добрый другъ мой! А я пересталъ уже ждать васъ.

ГИЛЬОШЕ. Это правда, я немножко запоздалъ!... Но что же дѣлать?... Рыться въ старыхъ архивахъ Ангулема было не такъ легко, а назадъ я не могъ скакать, какъ двадцатилѣтній юноша.

ЛИСТРАКЪ. Но для чего вамъ было рыться въ архивахъ, зачѣмъ вы ѣздили въ Ангулемъ? Откроете ли вы мнѣ наконецъ, что значить все это?

ГИЛЬОШЕ. Я хотѣлъ во что бы то ни стало узнать тайну вашего рожденія?

ЛИСТРАКЪ. И вы узнали ее?

ГИЛЬОШЕ. Узналъ, маркизъ де Листракъ!

ЛИСТРАКЪ. Что вы говорите? Къ чему вы называете меня маркизомъ?

ГИЛЬОШЕ. Потому, что вы старшій сынъ покойнаго маркиза де Листракъ и наследникъ всего имѣнія по праву маіоратства. Тотъ, кто теперь называетъ себя маркизомъ де Листракъ не имѣетъ на это никакого права: онъ младшій братъ вашъ!

ЛИСТРАКЪ. Гильоше! ради Бога!.. вы видите въ какомъ я положеніи!... объяснитесь — прошу васъ!...

ГИЛЬОШЕ. Ваша исторія довольно проста. Отецъ вашъ, богатый Тулузскій вельможа велъ въ молодости весьма дурную жизнь. Нѣкоторыя похождения его въ Тулузѣ были до того гласны и неприличны его званію, что его родители отправили путешествовать молодого Ловеласа, пока дурные слухи объ немъ не замолкнутъ въ его родномъ городѣ. Маркизъ отправился въ Вандею. Въ Ангулемѣ онъ увидѣлъ дѣвушку изъ низкаго сословія, бѣдную, но удивительную красавицу, а что еще выше — добрую, честную дѣвушку, дорожившую болѣе всего своимъ непорочнымъ именемъ. Всѣ хитрости и обольщенія маркиза были напрасны. Дѣвушка сохранила свою честь. Страсть маркиза еще болѣе развилась отъ сопротивленія, онъ рѣшился

жениться, чтобы достигнуть своей цѣли?... Но любовь его была непродолжительна. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ маркизь бросилъ свою молодую жену и отправился продолжать по Франціи свою не совѣтъ безукоризненную Одиссею. Черезъ годъ у него родился сынъ. Маркизь не хотѣлъ признать его и скрылъ отъ жены своей свое пребываніе; бѣдная женщина писала къ нему нѣсколько разъ, но письма ея или не доходили, или на нихъ не отвѣчали. Она наконецъ потеряла всякую надежду увидѣть ся съ своимъ мужемъ, гордость заставила ее замолчать и не унижаться передъ человѣкомъ, бросившимъ ее такъ жестоко. Горе свело ее въ могилу, когда сыну ея не было еще трехъ лѣтъ. Эта женщина была ваша мать, этотъ сынъ—вы, Листракъ!

листракъ. О, Гильоше!... это ужасно! скажите, что все это неправда, что вы ошиблись, что я не маркизь, а ничтожный, неизвѣстный бѣднякъ, что я не сынъ этого человѣка!

гильоше. Все это истина, Листракъ!.. Окончаніе этой исторіи еще обыкновеннѣе начала. Узнавши о смерти жены, маркизь вскорѣ вступилъ во второй бракъ, разумѣется, тщательно скрывши всѣ слѣды перваго. Архивъ, въ которомъ хранился актъ его брака съ вашею матерью—случайно сгорѣлъ... Маркизь былъ вообще человѣкъ предусмотрительный!... Вторая жена маркиза была столько же богата и знаменита, какъ первая была бѣдна и неизвѣстна. Окруженный всѣмъ блескомъ роскоши, почестей и извѣстности, маркизь умеръ пять лѣтъ тому назадъ, оплачиваемый всѣмъ городомъ и оставивъ свое имя и свои помѣстья второму сыну своему, между тѣмъ, какъ первый принятъ былъ изъ состраданія однимъ добрымъ и бѣднымъ семействомъ, которое не могло и не хотѣло разыскивать происхожденіе своего прісмьша. Когда я увидѣлъ васъ въ Тулузѣ, ваша фамилія, нѣкоторое семейное сходство съ покойнымъ маркизомъ, прежняя жизнь котораго была мнѣ хорошо извѣстна, — все это навело меня на мысль, что вы очень можете приходиться съ родни Листраку. Я отправился въ Ангюлемъ, навелъ всѣ справки и отыскалъ копію съ брачнаго договора маркиза, засвидѣтельствовавшую формально въ Магистратѣ: покойный маркизь, вѣроятно, не зналъ о существованіи

этой копіи, а то случай могъ-бы и тутъ помочь ему. Вотъ эта копія! (подаетъ бумагу Листраку).

листракъ (прочтя ее). И такъ нѣтъ никакого сомнѣвія!... Я сынъ маркиза!.. Адальбертъ де-Листракъ братъ мой!.. Если бы я зналъ, что вы ѣздили въ Ангулемъ за этимъ извѣстіемъ, я попросилъ бы васъ лучше не разыскивать тайны моего рожденія. И что заставило васъ заботиться обо мнѣ? хлопотать за меня?

гильоше. Сказать правду, въ этомъ случаѣ, отыскивая ваше происхожденіе, я заботился не столько объ васъ — сколько о себѣ!

листракъ. О себѣ! Правда, вы могли рассчитывать на то, что я не могу не наградить васъ за это открытіе.

гильоше. Нисколько! я объ этомъ вовсе не думалъ! Если бы я былъ корыстолюбивъ, мнѣ стоило отнести эту бумагу къ пынѣшнему маркизу де Листракъ и онъ бы купилъ ее у меня на вѣсь золота, а согласитесь, что продавать не такъ унижительно, какъ получать награду. Пользы отъ моего открытія я не ждалъ никакой, но оно принесло мнѣ удовольствіе.

листракъ. Что вамъ сдѣлалъ Адальбертъ Листракъ?

гильоше. Онъ? ничего! не смотря на его гордость и фанфаронство, неизбѣжныя качества его званія, онъ добрый малый, но его отецъ... Листракъ... Мнѣ за 60 лѣтъ, но при имени этого человѣка кровь кипитъ въ моихъ жилахъ, какъ будто мнѣ 20 лѣтъ!... Я презираю людей, но его одного я—ненавижу, не смотря на то, что онъ уже давно умеръ, что смерть примирять всѣхъ!.. Если послѣдніе дни маркиза были отравлены горемъ, безпокойствомъ и семейными огорченіями — виною этому былъ я. Я дѣлалъ все, что могъ, чтобы отравить его жизнь, разстроивалъ его предпріятія, вводилъ его въ тяжбы, ссорилъ его съ друзьями, я бы сдѣлалъ еще больше, — но къ несчастію онъ умеръ скоропостижно только сорока двухъ лѣтъ!... Въ числѣ жертвъ этого человѣка была одна женщина, я любилъ ее, какъ любятъ люди, которые перенесли на одно существо всю любовь свою, оставаясь равнодушными ко всему остальному человечеству. Я женился на этой женщинѣ, а маркизъ погубилъ ее въ то время, когда я въ судѣ выигрывалъ ему огромный процессъ!... Теперь вы понимаете, отчего я при-

паль въ вась участіе, отчего отмщаю отцу за сына, отчего я хочу, чтобы вы были Маркизомъ!...

листракъ. Но кто вамъ сказалъ, что я соглашусь быть орудіемъ вашей безчеловѣчной и безплодной мести, что я приму это званіе, которое вы мнѣ предлагаете, что я не откажусь отъ правъ, которыя не имѣютъ для меня никакой цѣны!..

гильоше. Они не имѣютъ для вась цѣвы?... И вы говорите это? Вы забыли, что званіе это дастъ вамъ право требовать руки графини Вильморъ, надѣяться на ея взаимность, что званіе это ставитъ вась выше того общества, которое теперь освистываетъ вась въ театрѣ? что оно сдѣлаетъ вась равнымъ тому, кто недѣлю тому назадъ считалъ униженіемъ скрестить съ вами свою шпагу, отнималъ у вась — даже ваше имя, что я говорю *равнымъ*? оно ставитъ вась выше вашего соперника, передаетъ вамъ всѣ тѣ права, которыми онъ такъ гордился передъ вами!... Отказаться отъ этого можетъ только человекъ малодушный. недостойный занимать то высокое мѣсто, на которое его призываетъ судьба и его рожденіе.

листракъ. О! вы правы! всегда и во всемъ правы!.. Я не могу, не долженъ отказаться отъ этой участи!.. Одно имя той, кого я люблю, открыло мнѣ глаза!.. Я могу смѣло взглянуть на нее, могу стать рядомъ съ нею — и я уступлю ее добровольно, откажусь отъ счастія оспоривать ея руку у гордыхъ ея обожателей!... Да! это было бы болѣе, чѣмъ малодушіе. Гильоше! я буду защищать мои права передъ цѣлой Тулузой!

гильоше. Я былъ увѣренъ въ томъ, что вы одумаетесь, и потому еще прежде свиданія съ вами сдѣлалъ уже кой-какія распоряженія и между прочимъ отправилъ письмо къ вашему брату, который въ слѣдствіе его, вѣроятно, не замедлитъ явиться сюда!... Пойдите! я слышу шумъ въ корридорѣ... Это вѣрно онъ! какъ кстати. Еслибы онъ явился минутой раньше, въ то время, когда вы были увлечены какимъ-то рыцарскимъ энтузіазмомъ — какое бы нелѣпное мнѣніе получилъ онъ объ вась!... Но вотъ и онъ!...

III.

ЛИСТРАКЪ, МАРКИЗЪ, ГИЛЬОШЕ.

маркизъ. Мое вторичное появленіе у господина... Листрака, вѣроятно, не удивляетъ вась?...

Гильоше. Нисколько! мы ожидали васъ, господинъ.... Листракъ!

Маркизь. Вы объясните мнѣ, что значило ваше письмо?

Гильоше. Объясненіе это будетъ очень просто: я описалъ вамъ довольно подробно всѣ обстоятельства этого любопытнаго дѣла и приложилъ даже копію съ одного документа, въ подлинности котораго невозможно сомнѣваться. Для совершеннаго удостовѣренія вамъ остается только взглянуть на подлинникъ этого документа и я съ удовольствіемъ показалъ бы его вамъ, еслибы.....

Маркизь. Еслибы?... что-же вы остановились?..

Гильоше. Еслибы вы дали мнѣ честное слово, что документъ этотъ, по прочтеніи, вами будетъ возвращенъ мнѣ въ цѣлости, потому что....

Листракъ. Гильоше!...

Маркизь. Зачѣмъ прерывать его? Оскорбленія господина адвоката не могутъ унижать меня. Продолжайте! я слушаю васъ!

Листракъ (*всторону*). Онъ благороденъ въ самой гордости.

Гильоше. Погоди, мы скоро собьемъ съ тебя эту спѣсь. (*обращаясь къ маркизу*) Я хотѣлъ сказать, что бумага, какъ извѣстно, вещь тлѣнная, которая можетъ легко и скоро уничтожиться, въ слѣдствіе какого нибудь случая, какъ уничтожился напр. подлинный актъ этого документа.

Маркизь (*холодно*). Я даю слово маркиза, что возвращу вамъ эту бумагу.

Гильоше. Позвольте!.. но вы знаете, что адвокаты любятъ дѣлать придирки, я бы осмѣлился замѣтить вамъ, что слово маркиза тутъ вовсе пейдетъ къ дѣлу, потому что бумага эта доказываетъ именно, что вы не маркизь.

Маркизь. Я даю вамъ слово французскаго дворянина!

Гильоше. Противъ этого я не могу сдѣлать никакого возраженія (*подаетъ ему бумагу; маркизь читаетъ*).

Листракъ (*тихо*). Гильоше! вы слишкомъ жестоко поступаете съ нимъ!

Гильоше. Не беспокойтесь! Слова адвоката не могутъ оскорблять господина эксъ-маркиза! Онъ самъ сказалъ это.

Маркизь, (*отдавая Гильоше бумагу, которую тотъ*

передаетъ Листраку). Вы правы! эта бумага не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что мой отецъ былъ женатъ въ Ангулемѣ и что господинъ Листракъ старшій сынъ его!..

гильоше. Ни малѣйшаго сомнѣнія, господинъ Листракъ! Я принялъ всѣ мѣры, чтобы Королевскій Судъ, куда мы завтра же подаемъ прошеніе, получилъ самыя ясныя доказательства перваго брака покойнаго маркиза и несомнѣнности правъ на маіоратство артиста Листрака, который долженъ называться маркизомъ и получить въ полное и потомственное владѣніе всѣ имѣнія, доходы и званія покойнаго. Впрочемъ, судъ вѣроятно на дняхъ же сообщитъ вамъ свой приговоръ по этому обстоятельству, я постараюсь, чтобы не было лишней проволочки времени и процессъ, вѣроятно, не затянется.

маркизь. Вы прекрасно все рассчитали и устроили, господинъ Гильоше, но ошиблись только въ одномъ: я не стану заводить съ вами процесса и не буду ждать, пока судъ формальнымъ приговоромъ отниметъ у меня все то, чѣмъ я пользовался до-сихъ-поръ, не зная, что другой имѣетъ на это болѣе правъ!... Я уступлю все добровольно моему брату, когда онъ хочетъ лишиться меня всего, чѣмъ я пользовался до-сихъ-поръ....

листракъ. Всякій въ свою очередь, господинъ Листракъ. Недѣлю тому назадъ, вы отняли у меня даже имя, сегодня я отнимаю у васъ тоже самое — мы квиты!

маркизь. Вы правы! требовать, чтобы вы отказались отъ блистательной, участи, васъ ожидающей, было бы слишкомъ странно и даже несправедливо!.. Но съ другой стороны, вы не захотите также, чтобы меня водили по судамъ, при моихъ глазахъ отнимали у меня то, что я привыкъ считать своимъ. Я сегодня же уѣду отсюда, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; я не хочу быть здѣсь въ тотъ день, когда вы явитесь въ судъ съ требованіемъ моего имени и моего наслѣдства.... Мнѣ бы не хотѣлось даже возвращаться къ себѣ домой: тамъ оставилъ я большое общество, всѣхъ моихъ друзей и знакомыхъ, собравшихся ко мнѣ на семейный праздникъ... Мнѣ не возможно будетъ уѣхать изъ дому незамѣченнымъ, а раздѣлять ихъ удовольствія я не въ состояніи....

гильоше. Чего же лучше, господинъ Листракъ. Съ часъ

тому я прїѣхалъ изъ Ангулема. Дорожная коляска моя здѣсь у крыльца, лошади хорошія—они мигомъ доvezутъ васъ до первой станціи, куда мы можемъ отправить вашъ багажъ, когда вы прикажете!.. Я очень радъ, что могу оказать вамъ эту услугу.

маркизь. Благодарю васъ! съ удовольствіемъ принимаю ваше предложеніе. Мнѣ больше нечего дѣлать въ этомъ городѣ, гдѣ съ этихъ поръ все для меня чуждо!... Вы мнѣ позволите написать нѣсколько строкъ къ одной особѣ, которая теперь у насъ въ домѣ!...

гильоше (*указывая на столъ*). Вотъ здѣсь все нужное для письма. Вашъ домъ въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда. Трактирный мальчикъ добѣжитъ до него и доставитъ вамъ отвѣтъ.

маркизь, (*отдавалъ ему записку*). Отвѣтъ мнѣ не нуженъ. Пусть онъ только скажетъ моему камердинеру, чтобы тотъ прислалъ мнѣ кой-какія вещи, необходимыя для дороги!

гильоше. Порученіе ваше будетъ тотчасъ-же исполнено. (*Уходитъ съ письмомъ на минуту и потомъ снова возвращается*).

листракъ (*послѣ нѣкотораго молчанія*). Вы рѣшились уѣхать, Адальбертъ?..

маркизь. Развѣ я могу остаться?...

листракъ. И вы... вы ненавидите меня за то, что я лишаю васъ всего?..

маркизь. Нѣтъ! но согласитесь, что я не могу быть этимъ доволенъ!... Еслибы посторонній человекъ захотѣлъ у меня отнять то, что я всегда считалъ своимъ, я бы отдалъ ему это не иначе, какъ съ моею жизнью, но... вы братъ мой!.. и мы не можемъ защищать нашихъ правъ со иною въ рукѣ, какъ прилично французскому дворянину...

листракъ. И вы не согласитесь принять.. отъ вашего брата—половину принадлежавшаго вамъ имущества?...

маркизь. Благодарю васъ, Дидье — но я не могу принять вашего предложенія! Вѣдь вы не приняли бы его, еслибъ были на моемъ мѣстѣ?

гильоше. Трудно рѣшить, кто изъ нихъ глупѣе: тотъ ли, кто предлагаетъ такую огромную сумму, или тотъ, кто отъ нея отказывается.

МАРКИЗЪ. И къ тому же я вовсе не жалю о деньгахъ и богатствѣ, которыя теряю!... Мнѣ жаль только моего званія, мѣста, которое принадлежало мнѣ въ Тулузѣ!... Впрочемъ тѣмъ лучше! я теперь долженъ буду самъ пріобрѣсти все то, что досталось мнѣ отъ предковъ!... На службѣ отечеству я составлю себѣ новое имя, и трудами пріобрѣту новое состояніе. Несчастіе, постигшее меня, возбудитъ во мнѣ новую дѣятельность. Участь моя будетъ прекрасна и завидна!

ЛИСТРАКЪ. Вы благородный человекъ, Адальбертъ! и я искренно жалю о томъ, что судьба сдѣлала меня вашимъ врагомъ.... Но неужели мы, въ самомъ дѣлѣ, разстанемся врагами. Неужели вы унесете съ собою въ вашемъ сердцѣ одну вражду и ненависть ко мнѣ?

МАРКИЗЪ. Я уже сказалъ, что не могу ненавидѣть васъ и быть вашимъ врагомъ. Въ моемъ изгнаніи я буду помнить не о томъ, что вы отняли у меня мое имѣніе, но о томъ, что вы предлагали мнѣ половину его!

ЛИСТРАКЪ. Адальбертъ!... еще одна просьба!... Я хотѣлъ бы пожать вамъ руку!...

МАРКИЗЪ. Отъ всей души (*они крѣпко сжимаютъ другъ другу руки*). И теперь я хотѣлъ бы уѣхать отсюда, если только посланный возвратился изъ моего дома.

ГИЛЬОШЕ. Я сейчасъ слышалъ, какъ къ крыльцу подъѣхала чья-то карета. Вѣроятно другъ вашъ, къ которому вы писали записку, захотѣлъ проститься съ вами.

МАРКИЗЪ. Боже!... Неужели! О! я долженъ бѣжать, не видавшись съ нею! (*бросается въ двери; у входа показывается графиня Вильморъ*).

IV.

МАРКИЗЪ, ГРАФИНЯ, ЛИСТРАКЪ, ГИЛЬОШЕ.

МАРКИЗЪ и ЛИСТРАКЪ. Графиня!

ГРАФИНЯ. Вы хотѣли уѣхать, не простившись со мною, Адальбертъ! Я сама пріѣхала проститься съ вами!...

МАРКИЗЪ. Я хотѣлъ избавить насъ обоихъ отъ тяжелой ми-

нуты разставанья. Въ моей запискѣ я объяснилъ вамъ причину моего отъѣзда, которая впрочемъ была вамъ еще прежде извѣстна, потому что вы читали письмо Гильоме.

графиня. Я знаю все и понимаю, что вы не могли оставаться долѣе въ Тулузѣ. Неужели вы потому не хотѣли проститься со мною, что опасались моихъ слезъ и жалобъ? Неужели вы думали, что я стану васъ удерживать?

маркизь. Графиня! чѣмъ больше я узнаю васъ, тѣмъ труднѣе мнѣ васъ оставить.... Избѣгая послѣдняго свиданія съ вами, я боялся не за васъ, а за самого себя!...

графиня. Вы дурно сдѣлали, маркизь, потому что отказавшись видѣться со мною въ домѣ вашихъ родныхъ, вы заставили меня уѣхать оттуда подъ видомъ нездоровья—и явиться сюда, къ вамъ, въ трактиръ, въ комнаты господина Листрака. Впрочемъ, я пріѣхала сюда не для однихъ васъ. Мнѣ нужно сказать еще нѣсколько словъ самому господину Листраку.

листракъ. Мнѣ, графиня?... Я готовъ.... я слушаю васъ!..

гильоме. Ну! дѣло принимаетъ дурной оборотъ! гдѣ вмѣщается женщина, тамъ не быть пути.

графиня. Я буду говорить съ вами откровенно — вы мнѣ позволите это?

листракъ. Я прошу васъ объ этомъ?

графиня. Вы любите меня, Листракъ!.. Я давно знала это — не удивляйтесь найдите мнѣ женщину, которая бы не знала на перечетъ всѣхъ, кому она нравится!.. хотя я видѣла васъ только на сценѣ, — но угадала чувство, которое оживляло ваши слова и взгляды. Теперь отвѣчайте мнѣ также откровенно: виля меня почти всякій день въ театрѣ, въ нашей ложѣ, слѣдя за каждымъ движеніемъ, за каждымъ взглядомъ моимъ, какъ вы это дѣлали, — замѣтили ли вы, чтобы я подала вамъ хоть малѣйшую надежду?

листракъ. Нѣтъ, графиня, но я смѣлъ надѣяться, потому что вы и на всѣхъ, кто приходилъ въ вашу ложу, на цвѣтъ молодыхъ тулузскихъ вельможъ, смотрѣли также холодно и равнодушно, какъ на меня.

графиня. Не всегда, Листракъ! припомните одинъ спектакль, ровно двѣ недѣли тому назадъ.... Въ этомъ день пріѣхалъ въ Тулузу и явился въ моей ложѣ маркизь де Листракъ....

листракъ. О! за чѣмъ вы напоминаете мнѣ объ этомъ вечерѣ!... Тогда я опять потерялъ всю надежду!

графиня. Отчего она опять возродилась у васъ теперь? Не оттого ли, что вы неожиданно получили громкій титулъ, огромное богатство? Конечно, теперь вы можете смѣло явиться въ одномъ обществѣ со мною, можете просить руки моеи, — но и маркизу Дидье де-Листраку я сказала бы тоже, что и актеру Листраку: я не могу любить васъ, потому что люблю другаго, не смотря на то, что онъ потерялъ все, люблю его послѣ этого даже болѣе, если это только возможно!

маркизь. О графиня!.. вы ангель! чѣмъ заслужилъ я такую любовь!...

листракъ. Вы могли бы избавить меня, графиня, отъ этого ужаснаго признанія, отъ этихъ убійственныхъ словъ.

графиня. Они были необходимы, чтобы вывести васъ изъ заблужденія!... Я должна сказать вамъ болѣе: на дняхъ мы должны были обручиться. Теперь эта свадьба невозможна! Мой отецъ слишкомъ дорожитъ своимъ стариннымъ графскимъ титуломъ, своею извѣстностью и богатствомъ, чтобы отдать руку мою человѣку, лишенному имени и наслѣдства, тому, который изъ богатаго, блистательнаго маркиза де Листрака, маіората знаменитаго дома, сдѣлается бѣднымъ неизвѣстнымъ кавалеромъ де-Листракъ. Но еслибы вы, не смотря на мое теперешнее признаніе, рѣшились, хотя чрезъ нѣсколько лѣтъ, просить руки моеи у моего отца; еслибы онъ самъ, забывъ ваше прошедшее, ваше прежнее занятіе и званіе, — согласился на этотъ бракъ, — и тогда я рѣшилась бы сопротивляться его волѣ и скорѣе рѣшилась бы навсегда отказаться отъ свѣта, чѣмъ взмѣнить слову, которое я дала однажды Адальберту де Листраку.

листракъ. Вы жестоки, графиня!... Вы напомнили мнѣ о моемъ званіи!... Вѣроятно оно заставляетъ васъ болѣе всего презирать меня!

графиня. Я не презираю васъ, Листракъ, а напротивъ, сожалею объ васъ!.. Въ теперешнемъ вашемъ званіи вы несчастіе, чѣмъ были прежде; тогда у васъ была по-крайней-мѣрѣ надежда, теперь одно маркизское званіе. Но еслибы вы знали меня, то повѣрили бы что для меня всѣ званія равны!

Еслибы я полюбила васъ, когда вы были актеромъ, я бы не могла принадлежать вамъ, но не вышла бы ни за какого маркиза. Я для того напомнила вамъ о прежнемъ вашемъ званіи, чтобы вы чаще вспомнили объ немъ: это придасть вамъ твердость переносить гордость вашихъ новыхъ собратьевъ, которые не вдругъ могутъ позабыть, что прежде, чѣмъ быть маркизомъ Листракомъ, вы были актеромъ Листракомъ!

листракъ. Вы правы, графиня!.. Не смотря на мое новое званіе, я все-таки буду не на своемъ мѣстѣ между этими вельможами, которые никогда не были актерами — на сценѣ. Судьба неожиданно и почти противъ моей воли послала мнѣ блестящую будущность, но я никакою цѣною не искуплю прошедшаго!..

маркизь. Вы можете искупить его, Листракъ, вашими добрыми и благородными поступками: это должно быть единственной цѣлью вашей будущей жизни. Повѣрьте, что уѣзжая отсюда я искренно жалѣю о васъ, вы несчастны: я въ свое добровольное изгнаніе уношу съ собою такую любовь, какая не часто встрѣчается въ этой жизни, у васъ остается только богатство, да знатность!.. Пусть они хоть немного утѣшатъ васъ въ потерѣ этого прекраснаго сердца, которое не могло отвѣчать взаимностью на вашу любовь!.. Прощайте, другъ мой! будьте счастливы — сколько можете!.. Прощайте, графиня и вѣрьте мнѣ, что я радъ даже отчасти случаю, лишившему меня всего: онъ помогъ мнѣ вполне узнать вашу ангельскую душу!.. Я не повторяю вамъ клятвы въ вѣчной любви, но когда мы свидимся тамъ, мы сочтемъ, кто больше пролилъ слезъ и провель тяжелыхъ, бессонныхъ, томительныхъ ночей!..

графиня. Прощайте, Адальбертъ! прощайте, мой добрый, благородный другъ!.. Вы видите, я почти спокойно переношу нашу разлуку!.. Я не плачу!.. слезы мои могли бы и васъ разстроить, а вамъ нужна твердость, вы теряете больше, чѣмъ я!..

маркизь. Графиня!.. позвольте мнѣ поцѣловать вашу руку: въ первый и послѣдній разъ. Умоляю васъ! это придасть мнѣ силы!

графиня (*протягивая ему руку, которую тотъ целуетъ съ жаромъ*) Вотъ она!.. Эти господа поймутъ, что въ

такую минуту я не могла отказать человѣку, котораго вѣроятно болѣе никогда не увижу.

МАРКИЗЪ. О!... это свыше силъ моихъ!... Прощайте, графиня! Прощайте! *(бросается въ дверь, Листракъ его оставиваетъ)*.

ЛИСТРАКЪ. Пойдите, маркизъ! вы давеча не дали мнѣ окончить: я говорилъ о томъ, что прежнее званіе мое поставить меня въ непріятное положеніе къ новымъ моимъ собратамъ; они не забудутъ никогда, что я былъ актеръ. Кромѣ того, я чувствую, что не имѣю никакого права разлучить тѣхъ, кого соединила сама судьба, сдѣлать несчастіе двухъ лицъ, не доставя себя этимъ ни пользы, ни счастья. Вы оба молоды, добры, благородны, вы болѣе меня достойны счастья. Всѣ мои права заключаются въ этой бумагѣ... *(вынимаетъ ее)* Будьте же счастливы *(разрываетъ ее. Къ нему съ обѣихъ сторонъ бросаются Гильоше и маркизъ)*.

ГИЛЬОШЕ. Боже мой, остановитесь!...

МАРКИЗЪ. Листракъ! что вы дѣлаете?...

ЛИСТРАКЪ. Я сдѣлалъ то, что требовалъ долгъ мой, что мнѣ подсказывало сердце!.. Вы не имѣете никакого права запретить мнѣ поступить, какъ я хочу?... Теперь вы опять маркизъ де Листракъ, а я бѣдный, странствующій актеръ Листракъ!

МАРКИЗЪ. Возможно ли? Такое пожертвованіе.

ЛИСТРАКЪ. Это не пожертвованіе, а голосъ разсудка и справедливости; я не былъ рожденъ, и не воспитанъ для того високаго званія, къ которому меня назначала судьба. Одно рожденіе не дѣлаетъ человѣка маркизомъ, онъ долженъ оправдать это званіе поступками всей своей жизни, а я прожилъ половину ея совсѣмъ иначе!...

ГИЛЬОШЕ. Да онъ просто сошелъ съ ума!

ЛИСТРАКЪ. Нѣтъ, я былъ сумасшедшій, когда слушалъ ваши хитрыя слова, покорялся вашимъ низкимъ внушеніямъ. Примѣръ этихъ людей, слова этого ангела открыли мнѣ глаза! Тяжесть спала съ моего сердца! Я уѣзжаю отсюда и постараюсь въ страннической жизни разлюбить ту, которую всегда буду уважать, какъ мать свою. Вы давеча предлагали вашу коляску

маркизу, — надѣюсь, что не откажете въ ней — мнѣ вмѣсто его!

гильоше. Сдѣлайте одолженіе, уѣжайте! съ этими людьми того и гляди самъ помѣшаешься!

графиня. Но вы позволите намъ по-крайней-мѣрѣ обезпечить вашу будущность?

листракъ. Графиня! актеру нужно немногое! До-сихъ-поръ я ни въ чемъ не нуждался и немогу ничего принять отъ васъ!... Если же я не въ силахъ буду добыть свой хлѣбъ, то тогда приду просить, чтобы вы дали мнѣ пріютъ, гдѣ бы я могъ спокойно умереть!..

маркизь. Добрый великодушный человѣкъ! мы никогда не забудемъ васъ.

графиня. Я вѣрю, вы еще будете счастливы!

листракъ. Да, какъ актеръ, но не какъ человѣкъ!... Прощайте же и вспоминайте изрѣдка о Листракѣ.... Право, мнѣ теперь даже смѣшно подумать, что я хотѣлъ быть маркизомъ, это было бы также странно, какъ еслибы Гильоше сдѣлался вдругъ — добрымъ человѣкомъ!... Вы видите... ко мнѣ возвратилась уже моя прежняя веселость.... а что у меня слезы на глазахъ — вы не смотрите на это!.. это отъ радости!... Еще разъ прощайте, добрые друзья и будьте счастливы! *(бросается къ двери. Маркизь и Графиня машутъ платками и кричатъ въ слѣдъ ему)*. Прощайте! Прощайте!

гильоше *(на авансценѣ, нюхая табакъ)*. Я всегда думалъ, что изъ актера никогда не выдетъ ничего путнаго!... Къ моимъ запискамъ я прибавлю еще очень любопытную главу, подъ названіемъ: Подвигъ величайшей глупости, которая у людей называется великодушіемъ, благородствомъ и самопожертвованіемъ!!

7981. 7031.

